

Теодор Шанин

**РЕВОЛЮЦИЯ
КАК МОМЕНТ
ИСТИНЫ**

1905-1907 1917-1922

БЕЛ
МЭБ

Teodor Shanin

**REVOLUTION
AS A MOMENT
OF TRUTH**

1905-1907

1917-1922

Теодор Шанин

**РЕВОЛЮЦИЯ
КАК МОМЕНТ
ИСТИНЫ**

1905-1907 гг. 1917-1922 гг.

**ВЕСЬ
МИР**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
1997

ББК 63.3(0)53; 63.3(0)61

Ш 22

Перевод с английского:

Е.М. Ковалев

Шанин Т.

Ш 22 Революция как момент истины. Россия 1905—1907 гг. → 1917—1922 гг.: Пер. с англ.— М.: «Весь Мир», 1997. — 560 с.

© Т Шанин, 1997

© Е.М. Ковалев, перевод 1997

© Оформление — издательство
«Весь Мир», 1997

ISBN 5-7777-0039-X

Русскому другу, который знает...

*Михаил Булгаков
Мастер и Маргарита. Стр. 135*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение: КОРНИ ИНОГО	9
В ТРЕТЬЕЙ РОССИИ: Предисловие к русскому изданию 1997 г.	16

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РЕВОЛЮЦИЯ

Глава первая. РЕВОЛЮЦИЯ ЗАКИПАЕТ

1. Революция "не... не..."	25
2. Революционная ситуация: массы как актеры драмы	34
3. Революционная ситуация: лидеры и "серые мужики-рабочие"	42
4. Силы порядка и сила гнева	64

Глава вторая. РЕВОЛЮЦИЯ СНИЗУ: ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ!

1. История революции: январь 1905 г. — апрель 1906 г.	74
2. История революции: апрель 1906 г. — конец 1907 г.	97
3. "Внутренние враги России": революция как композиция сил	109

Глава третья. РЕВОЛЮЦИЯ СНИЗУ: ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

1. Жакерия	140
2. Крестьянская власть	170
3. Крестьянская мечта	200

Глава четвертая. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1905—1907 гг.: КТО КОГО ВЕЛ!

1. Вопрос и контекст	227
2. Современники революции: правые и левые	230
3. Постреволюционеры: дрейф интерпретации в СССР	247
4. Крестьянские войны и "недуги человеческого разума"	266
<i>Приложение: Борьба крестьян и рабочих в 1905—1907 гг.: статистические модели . . . . .</i>	<i>280</i>

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОМЕНТ ИСТИНЫ

Глава пятая. УРОКИ ИСТОРИИ И СЛЕДУЮЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ОТЛИЧНИКИ И ТУГОДУМЫ

1. Моменты истины.	291
2. Коллективная память, ярость низов, историческое будущее	298
3. Отступление в прогресс: кадеты и меньшевики	328
4. Консервативные радикалы и радикальные консерваторы: эсеры и "Объединенное дворянство"	348

Глава шестая. УРОКИ ИСТОРИИ И СЛЕДУЮЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ГРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ

1. Столыпин и революция сверху	366
2. Троцкий и перманентная революция	389
3. Жордания и Национальный фронт.	403
4. Ленин: революции и постреволюционное государство.	429

ПОСТСКРИПТУМ: ВОПРОСЫ ВЫБОРА. 470

Примечания и ссылки	485
Именной указатель	540
Предметный указатель	547

СПИСОК ТАБЛИЦ, ГРАФИКОВ И КАРТ

ТАБЛИЦЫ

1.1. Государственные преступления: по роду занятий подсудимых	63
4.1. Сравнение Дубровским числа бастующих рабочих и случаев "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг. (по месяцам)	283
4.2. Сравнение числа бастующих рабочих и случаев "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг. (по сезонам)	284
4.3. Сравнение числа бастующих рабочих и случаев "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг. (сглаженные с помощью скользящей средней)	285
4.4. Число уездов, в которых происходили "аграрные беспорядки".	287
6.1. Исторический Ленин: периодизация.	432

ГРАФИКИ

4.1. Сравнение Дубровским числа бастующих рабочих и случаев "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг.	282
4.2. Сравнение числа бастующих рабочих и случаев "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг. (по сезонам)	284
4.3. Сравнение числа бастующих рабочих и случаев "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг. (сглаженные с помощью скользящих средних)	286
4.4. Главный ритм "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг.	288

КАРТЫ

1. Интенсивность забастовок и возникновение Советов в Европейской России, 1905 г.	122
2. Крестьянские выступления 1905—1907 гг.	150
3. Закавказье, 1917—1921 гг.	405

ВВЕДЕНИЕ: КОРНИ ИНОГО

"Хроники пишут те,
для кого важно настоящее"
Гете

Первая попытка России понять саму себя с точки зрения современной социальной теории приняла форму спора между славянофилами и западниками. Россия представлялась им или абсолютно уникальным явлением, или же отсталой частью Европы, находящейся ступенькой ниже других европейских стран на единой эволюционной лестнице. Россия не была ни тем, ни другим. Она не была совершенно уникальной, но она и не находилась на пороге превращения в другую Англию. Она не была "феодальной", но не была просто вследствие этого "капиталистической", так же, как не была и просто страной, находящейся на пути от одного к другому. На исходе XIX в. Россия стала первой страной, в которой материализовался социальный синдром того, что мы сегодня называем "развивающимся обществом" или "третьим миром". Россия соединяла характерную для этой категории обществ социальную структуру и международные условия с особенностями России, т.е. продолжительной имперской историей, сильным государственным аппаратом и высокообразованной интеллектуальной элитой, способной к генерации современных и оригинальных политических идей.

Фундаментальное различие между сущностью человеческого и природного миров заключается в том, что осознание, понимания и непонимания, вплетаются в эту сущность, структурируя деятельность людей. В последние десятилетия XIX в. альтернативы и стратегии российских самодержавных правителей и их чиновников

были сформулированы в лозунге "догнать Европу" (или же, в противном случае, говоря словами Витте, "превратиться во второй Китай"¹). Решительное вмешательство, предпринятое государством в германском духе, в соответствии со взглядами Фридриха Листа как теоретика-предтечи и Бисмарка, как символа успеха, породило к началу XX в. в России вовсе не вторую Германию, а разрушительный экономический и социальный кризис, военное поражение и, наконец, революцию 1905—1907 гг. Поэтому Россия того времени стала местом, где была впервые в полной мере поставлена под сомнение универсальность западноевропейского опыта для остального человечества. России суждено было выработать две основные программы радикальной трансформации того типа общества, которое сегодня мы называем "развивающимся". Эти диаметрально противоположные, однако теоретически взаимодополняющие стратегии получили там имена Столыпина и Ленина, но они были представлены целым спектром целей и взглядов, аналитических достижений и имен. Последующие три поколения мало что добавили в мировую копилку концептуальных альтернатив, созданных в то время.

Теоретическое осмысление не успевало за процессом выработки политических стратегий. Маркс однажды подметил историческую тенденцию разыгрывать свежую политическую драму в костюмах, которые новые поколения одалживали у своих предшественников². Французские революционеры 1791 г. видели себя трибунами древнеримской республики. Тот факт, что политические лидеры России последовательно приуменьшали новизну своего опыта и решений и пытались втиснуть факты и идеологию в западноевропейские костюмы, делает это замечание Маркса особенно поучительным. В то время как правительство избрало в качестве основного мерилa своей деятельности успехи германской империи, российские оппозиционеры связывали

свое настоящее и будущее с английским парламентаризмом или с французской революцией.

Революция 1905—1907 гг. стала для России моментом истины. Развиваясь в направлении, неожиданном и для ее сторонников, и для ее противников, эта революция драматически обнажила новые связи социальных характеристик и способствовала поиску неортодоксальных решений, как политических, так и теоретических. Новая Россия началась тогда, когда некоторые монархисты поняли что спасти их самодержавие может только революционное преобразование общества, и когда некоторые марксисты, под влиянием потерпевшей поражение революции, по-новому взглянули на Россию и на свой марксизм. И те и другие, быстро сменяя друг друга у власти, получали свой шанс воспользоваться ею для политической апробации их нового понимания. Те, кто отказывались учитывать эти уроки, очень быстро обнаружили себя выброшенными на "мусорную свалку истории", если воспользоваться жутким, но реалистичным выражением Троцкого для описания биографии и событий того времени. Динамика периода с 1907 по 1927 г., а особенно ее революционных лет 1917—1922 гг., определилась в решающей мере уроками истории 1905—1907 гг.

Признание особых реалий, проблем и теорий "развивающихся обществ", вышедшее на передний план в работах западных ученых, как и в действии политиков 1950—1970-х годов, позволяет поместить российский опыт в новый и более реалистичный сравнительный контекст. Это может углубить наше понимание России—СССР—России, а также пролить новый свет на концептуальную трансформацию — наиболее важный действенный результат революции 1905—1907 гг., если расшифровывать так ее ленинское определение как "генеральной репетиции", без которой "победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна"³. Это также позволяет использовать историю России и ее теорети-

ческое осмысление для более полного понимания "развивающихся обществ" современности. Аргументация в пользу этой возможности была представлена нами в двух отдельных книгах.

В первой из этих книг, вышедшей в 1985 г., "Россия как "развивающееся общество"⁴, рассматривалось русское общество на рубеже XIX—XX вв. Была сделана попытка распутать разнородные, но связанные между собой темы российской истории на ее пути к революционным часам пик 1905—1907 гг. и 1917—1922 гг. Марк Блок предостерег однажды, что "знание фрагментов, изученных по отдельности один за другим, никогда не приведет к познанию целого — оно даже не позволит познать самые эти фрагменты". Но, — продолжил он, — "работа по восстановлению целого может проводиться лишь после анализа. Точнее, она — продолжение анализа, его смысл и оправдание"⁵. В этой книге в качестве таких основополагающих "фрагментов" было рассмотрено российское государство, как основная структура власти; крестьянство, как образ жизни большинства россиян; капитализм, как самый динамичный элемент русской экономики; а также их взаимозависимость — фундаментальный "треугольник", определяющий сущность развития российского общества на переломе столетий. Именно в таком порядке следовали друг за другом первые главы тома. После этого книга перешла к рассмотрению особенностей крестьянской экономики, к общей картине России в обсуждаемый период как и к идейной сфере. Особенно ставился вопрос народников не как героических романтиков и бомбометателей, но как необыкновенно творческих и реалистических аналитиков того особого в характере России, что веком позже было названо Третьим Миром.

Предлагаемая здесь книга "Революция как момент истины"⁶ посвящена первой русской революции и ее влиянию на периоды 1907—1917 гг. как и 1917—1922 гг. Она начинается с описания того, как разворачивалась

революция 1905—1907 гг. В первом параграфе главы 1 этого тома рассматриваются характер и неожиданности революции 1905—1907 гг. как и значения этого события для России и для всего мира. Далее обсуждаются социальные силы, которые действовали в 1905—1907 гг. В главах 2 и 3 рассматриваются два основных направления революционной схватки: борьба за демократизацию, в ее понимании российскими либералами и социалистами, и борьба за землю и волю, как это понимали крестьяне Российской империи. В §3 главы 2, связывающих эти части, анализируются отдельные конфликты и зависимости, которые определили политическую сцену: мощь и слабость российского государства, межэтнические проблемы империи, различия между городскими классами и их противостояние, сельско-городской континуум. В главе 4 мы возвращаемся к интерпретации революции 1905—1907 гг., чтобы задать фундаментальный вопрос об отношениях между революционной борьбой в городе и в деревне, расширяя этим также картину альтернатив будущего России.

В части второй, в главах 5 и 6, развивается следующая тема особой важности для России, поставленная в главе 1. Это проблема уроков истории и политического опыта, а точнее, как опыт 1905—1907 гг. повлиял на познание целей и действия политического поколения, доминировавшего в период 1907—1927 гг. Много лет спустя и в другом мире. и в другой России Борис Пастернак напомнил об этом в поэме "1905":

Этот мрак под ружьем
Погружен в полусон
Забастовкой.
Эта ночь —
Наше детство
И молодость учителей.

В этом поэтическом описании, блестящем в своей собранности, не хватает, конечно, большинства русского

народа, не очень-то замечаемого из окон городских квартир — трех лет мужицкого бунта и борьбы за землю и "волю".

В постскриптуме книг рассматривается другой тип урока, а сам он носит более личностный характер. В нем говорится о социологически информированной истории и современной исторической социологии в их отношении к моему собственному пути в исследовании "корней иного" современной истории России.

Наконец, здесь место для историографической сноски, посвященной связи "самопонятных" дат и самопричиняемой слепоты историков. Понятие "революция 1905 г." — неправда, определяемая урбанистическими искривлениями видения, недостатками знания и идеологическими наклонностями или диктатом. Для русских крестьян, т.е. $\frac{4}{5}$ населения России, это была, конечно, революция 1905—1907 гг., что мы и покажем далее. В том же смысле понятие "период революции и гражданская война 1917—1920 гг." советских историков есть идеологизированная неправда, гипнотизм которой усиливался ее бесконечными тупыми повторениями. Этот революционный период продолжался не до 1920 г., а до 1922 г. включительно и прекратился только когда в мае этого года был окончательно отменен так называемый "военный коммунизм", а в декабре принят земельный кодекс, который дал крестьянам России почти все то, чего они жаждали и ранее, за что открыто боролись с 1902 г. Только тогда исчезли "кулацкие" бунты, "контрреволюционные" мятежи и "бандиты" советской пропаганды. Пришел конец революции.

* * *

Начало исследования, результаты которых вошли в две книги, относится к работе, опубликованной в 1972 г. под названием "Неудобный класс"⁷. Дальнейшие исследования, обсуждения и приобретенный опыт заставили меня отказаться от любезного предложения издателей этой работы согласиться с допечаткой, когда первый

тираж был распродан. К тому времени я пришел к убеждению, что хотя основные идеи этой книги выдержали испытание критикой, форма ее изложения имела два недостатка. Эта книга была сконцентрирована на изучении российского крестьянства и на аналитических проблемах его дифференциации. По прошествии времени и с накоплением исследовательского опыта стало очевидным, что необходимо расширить картину, т.е. теснее связать крестьянство с обществом в целом и соотнести вопрос социально-экономической дифференциации с другими фундаментальными размерностями анализа. Во-вторых, такой анализ следовало бы ближе увязать с исторической периодизацией. Следовательно, начальную версию "Неудобного класса" 1972 г., должна была заменить последовательность книг, посвященных основным периодам истории современной России. Кризису перелома веков XIX—XX вв. посвящены были книги "Россия как развивающаяся страна", как и "Революция как момент истины". Затем следуют периоды, представляющие два основных политических вывода из опыта 1905—1907 гг. Первый из них — это эпоха "стольпинских реформ" 1906—1911 гг. Вторым была революция 1917—1922 гг., и как ее центральная составляющей части — последний этап крестьянской войны 1902—1922 гг. Далее шел период нэповской России, когда страна стала более крестьянской, чем когда-либо раньше или когда-либо позже, период, который можно было бы раскрыть мне или кому-то другому в новом варианте "Неудобного класса". Но для этого понадобится дальнейшая работа по осмыслению как хода событий российской крестьянской войны 1902—1922 гг. так и характера, внутренних противоречий государства, созданного большевиками и их последователями из поколения войн 1914—1922 гг., как и противоречий послереволюционного режима.

В ТРЕТЬЕЙ РОССИИ: ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В течение дюжины лет, которые прошли со дня, когда в Англии эта книга была впервые сдана в печать, исчез СССР, а с ним и кажущийся фундаментальным раздел мира тех дней. После многовековой России самодержавия Романовых, сменившихся второй Россией диктатуры высшего эшелона коммунистической партии, началась третья Россия, характер которой еще определяется. Резкий поворот в сферах экономики, политики, социальных отношений и расширенный доступ к информации, но в особенности шоковая терапия неожиданностей для сферы понимания, породили новую волну интерпретаций и разночтений истории России. В современной научной и популярной литературе, издаваемой в России, этих интерпретаций и споров много больше, чем в те времена, когда недопустимое определялось и отсекалось аппаратом ЦК, но на удивление мало добавилось к списку нового по существу, особенно, если мы включим в список истории России также те работы западных коллег, которые раньше в СССР читались из-под полы.

Для того чтобы прояснить этот список интерпретации и определить наше место в нем, мы можем выделить четыре категории ученых, которые разнятся, часто сами того не осознавая, по общему взгляду на сущность истории как таковой. Важно выделить и осознать влияние этой разности подходов или, говоря фигурально, этих "идолов человеческого разума" в смысле данном этому понятию Фрэнсисом Бэконом, т.е. систематических склонностей, отторжений и ограничений в видении исторических "данных", как и их объяснении¹. Эти четыре категории определяются предпосылками, заложенными в анализ, а их

сущность можно выразить словами: прогресс, заговор, непознаваемость и обратная связь реалий и познания.

Разновидности теории прогресса закладывают всеобщее, обязательное — независимое от человеческого выбора и однолинейное развитие всех обществ вдоль магистральной линии, определяемой будь то экономическим ростом или же ростом рационализма и науки. Процесс развития является здесь также процессом сближения, упрощения и стандартизации характеристик разных культур, обществ и групп. Движение в будущее как таковое имеет бесспорно позитивную и оптимистическую оценку — вперед это "все выше и выше" во всех сферах жизни. В нашем случае, взгляд на СССР как на натуральный авангард и будущее всего человечества перекликается с современными понятиями "глобализма", в рамках которого современная Россия как и весь мир трансформируются с разной быстротой в универсальный Техас. Не случаен здесь быстрый переход многих русских обществоведов из ярких марксо-прогрессистов в не менее завязанных рыночно-прогрессистов сегодняшнего дня. Это не только оппортунизм, так как стержень мышления схож, как и схожа натуральная близость этой модели с интуитивными предпочтениями сильных мира, того или сего².

Логика заговора как объяснение истории была всегда особенно влиятельна в странах, в которых концентрация власти и скрытность политических процессов, царские дворы и фавориты, вожди и "соратники", делали такие интерпретации особенно правдоподобными. В советское время такие объяснения были широко распространены также и в СССР, хотя и отменялись официальными идеологиями "научной" историографии, исключая случайность. В истории третьей России — России наших дней — они часто выступают также как подтекст теории прогресса. В этой комбинации советский период был тупиковым результатом стечения случайных обстоятельств: будь то неудачная война, Распу-

тин, деньги немецкой разведки, масоно-еврее-иноземный комплот, приведшие к победе большевистского заговора, который теперь наконец-то выдохся, с возвращением России к натуральной, т.е. прогрессистской линии развития в совершенстве известное будущее.

Постмодернизм стал наиболее ярким современным выражением теории непознаваемости истории. Волны неожиданных событий, кризис самоуверенных прошлых предсказаний создал общий фон для эпистомологического пессимизма, который отрицает вообще какую-либо познавательную способность "крупных" интерпретаций. Их место должны занять частичные, более узкие и относительные объяснения, и демистификаций, результаты которых также остаются навсегда сомнительными. И даже эти частичные интерпретации имеют познавательную силу только *ex post factum* — результативный анализ будущего невозможен, а потому и не нужен.

Предлагаемый текст можно определить как принадлежащий к четвертой категории историографии России. Это "теории среднего уровня", которые не признают как все определяющих ни однолинейности теории прогресса, ни *short-termism* заговорщической историографии, ни абсолютной непознаваемости истории. Это не определение законов истории, а анализ заложенных в ней альтернатив. Это взгляд, который не принимает как данное марша человечества к единому стереотипу, осознавая возможность параллельных путей от многогранного прошлого к разному и многогранному будущему общества и людей. Это историческая социология, особенности и внимание которой сфокусированы на перекличке, противоречивости, взаимосвязи и взаимопереходе "объективного" и "субъективного", в их обратной связи и особо ее выражения как "уроков истории" в массовом как и элитном познании. В этом взгляде, конечно, заложены свои "идолы" которые нужно держать во внимании — в особенности, опасность потерять видение важности

"объективного" в его связи с "субъективным" и "интерсубъективным", опасность сползти на позиции, делающие познание единственным критерием причинности исторического процесса.

Наш скепсис в отношении к достаточности историографии, который исходит из теории прогресса — где все главное predetermined, заговора — где все случайно и субъективно, и фундаментальной непознаваемости истории исходит из соображений как эмпирического, так и теоретического толка. Всякий критик этих альтернатив должен, конечно, признать их частичный реализм, который объясняет их влияние и долговечность. Но они недостаточны особенно при рассмотрении важнейших этапов развития и связей общественных отношений и характеристик изучаемых обществ.

Особенно легко доказывается в светском разговоре или уличном споре абсолютная непознаваемость истории указав на длинный список ошибок предсказаний историков и политиков, то что Дойчер прекрасно назвал "ирониями истории". Но профессионалы могут ответить на утверждение, что анализ и "истории будущего" всегда кончались провалом, примерами обратного. Здесь достаточно взять как пример, в прямой связи с нашей темой, статью, написанную в 1881 г. Кибальчицем — крупнейшим аналитиком среди народовольцев, определившую совершенно точно характер и этапы развития российской революции XX в.³ Безошибочность этого предсказания не случайна при принятых им определении русского общества и системе анализа. Этот пример достаточен, чтобы подорвать основы постулата принципиальной непредсказуемости общественного развития, и такие примеры можно продолжить. Ошибки теории и ученых, не есть доказательство невозможности результативного анализа динамики общества.

Даже легче представить многочисленные данные, показывающие неадекватность самих по себе как линейной теории прогресса, так и описаний заговоров для адекватного понимания истории современной России.

В своем теоретическом выражении эти три обсуждаемые категории историографии России и их многие производные чаще всего страдают аналитически от двух общих характеристик. Первая — это тотальность предлагаемого метода интерпретации. Большинство из них несет реальные элементы истории, но отказывается признать и осознать частичность и неоднозначность этих картин как и "открытый" характер возможностей развития — то, что сходные векторы развития индустриального капитализма или урбанизации не предписывают тотальную направленность как и формы развития, то, что заговоры не достаточны сами по себе для выяснения глубоких исторических процессов, то, что и непонимание нельзя возводить в абсолют. Вторым и связанным теоретическим ограничением большинства интерпретаций этих категорий является их стратосферический уровень абстракции, разрыв между логикой теоретической выкладки и эмпирическим материалом. Эту опасность отметил и проанализировал два поколения назад крупный американский социолог Мертон, который и выделил тогда "теории среднего уровня" как самый продуктивный уровень анализа, точку пересечения теории и эмпирических обобщений⁴. Предпосылки нашей работы отдают предпочтение "теориям среднего уровня" с фокусом на точках пересечения "объективного", субъективного как и "интерсубъективного" и их обратной связи как и на вытекающее здесь признание богатства возможных путей развития и путей и уровней познания.

Русская революционная эпоха продолжалась с 1902 до 1922 г., к чему можно добавить связанные с ней периоды "революции сверху" с 1906 по 1911 г. и с 1929 по 1938 г. Наше объяснение этого периода, как и факта создания СССР как и его влияние на мировое сообщество, построено на заключении более ранней работы, что Россия начала XX в. представляла "развивающуюся" или "третьемирскую" страну — первую, которая всту-

пила на этот путь как и первую, которая осознала себя таковой на языках искривленных зеркал идеологии этого столетия⁵. Два пика революционной эпохи, т.е. 1905—1907 гг. и 1917—1920 гг. связаны между собой теснее, чем это принимается большинством историков. В центр интерпретации революции 1917 г. и гражданской войны 1918—1922 гг. надо включить динамику соотношений массового исторического опыта, как и идейных исканий политических элит под влиянием прикладных лекций истории России 1905—1907 гг. Эта интерпретация, связывающая историю и историческую социологию с социологией знания, определяет особую важность политических "поколений" как аналитических категорий в осознании революционного процесса. Отношение к революции 1905—1907 гг. как просто к неудавшейся версии 1917—1920 гг. не только глубоко ошибочно, но резко ограничивает возможность объяснения процесса создания как и характеристик второй России — Советской России. Поэтому метод анализа истории, где важнейшим элементом являются процессы развития коллективного познания и идолосоздания важен не только для главных тем нашей книги и истории СССР, но и для реалистического осознания и анализа современной "третьей" России. Понимание этой постсоветской России невозможно без того, что несут в нее стереотипы мышления ее населения, как и ее интеллектуальной элиты, а их можно понять только через советский и постсоветский опыт. Будущее России определяется и может быть понято только на базе прошлого, происходящего и их преломления в мышлении нашего поколения. Поэтому оно не является и не может быть просто экстраполяцией, но от этого не становится сугубо случайным и непознаваемым⁶. Вкладом в эту тему и является наша книга.

Английское издание этой книги было напечатано с посвящением "русскому другу, который знает (Булгаков, с. 135)". Это была сноска к той странице "Мастера и Маргариты", в которой Иешуа называет трусость одним из худших грехов, а его поправляет Пилат: "Нет,

это самый худший грех..." В те цензурные времена это был способ сказать главное, но и защитить друга от опасностей, связанных с личными связями с иностранцем. Мы удержали это посвящение как элемент истории и познания. Изменения, которые произошли с тех времен в России, как и то, что не изменилось в ней, можно лучше осознать, посмотрев заново на этот текст и вспомнив как его "биографию", так и неизменность дружбы с русским другом, "который знает".

РЕВОЛЮЦИЯ

Ученые, исследующие общество, часто упускают из виду важнейшую составляющую любой революционной схватки: пыл и гнев, которые движут революционерами и делают их теми, кто они есть. Академическая подготовка и буржуазные условности притупляют понимание этих явлений. Гнев и страсть невозможно "операционализировать" в факторах, таблицах и цифрах. Для тех, кто утончен до степени оторванности от многих реалий жизни, всепоглощающие эмоции кажутся вульгарными или неискренними. Но без учета этого "фактора" любое объяснение революции остается неадекватным. Вот почему чиновники, банкиры, генералы и ученые так часто не могут увидеть революционный подъем, даже когда они являются его прямыми свидетелями.

В самой сердцевине революции лежит эмоциональный взрыв морального негодования, отвращения и ярости такой мощи, когда невозможно продолжать молчать, какой бы ни была плата. Охваченные его жаром люди на время превосходят самих себя, разбивая оковы инстинкта самосохранения, обычаев, каждодневного удобства и заведенного порядка. И тогда, лишь меньшинство готово бросить всю свою жизнь на весы, но это меньшинство должно стать достаточно крупным для того, чтобы чаши весов пришли в движение.

РЕВОЛЮЦИЯ ЗАКИПАЕТ

Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу
так жить, не могу и не буду.

Лев Толстой

Мы поступим правильнее всего в отношении
русской революции [1905—1907 гг. — Т.Ш.]
и задач, которые она нам предъявляет,
если будем смотреть на нее **не** как на революцию
буржуазную в обычном смысле этого слова,
а также **не** как на социалистическую,
а как на совершенно своеобразный процесс...

Карл Каутский

1. РЕВОЛЮЦИЯ "НЕ... НЕ..."

Россия открыла новое столетие революцией 1905—1907 гг. Для остального мира новое столетие началось русской революцией. Для России поражение революции 1905—1907 гг. стало драматическим началом эпохи, в которой сама природа российского общества подверглась испытаниям и изменилась в степени, в какой она никогда прежде не изменялась. Главный итог этой трансформации для всего мира — образование СССР — был очевидным и грандиозным, но к этому следует добавить и нечто другое, не менее важное. События, происходившие в России, были частью волны радикализма, прокатившейся в те годы по всему миру: массовых забастовок, крестьянских бунтов, борьбы за всеобщее избирательное право, военных мятежей, государственных переворотов и т.д.¹ Взгляд из нашего времени позволяет говорить об особом характере этой картины и выявить, по существу, новый тип явлений. Для неколониальной периферии капитализма русская

революция 1905—1907 гг. была первой в серии революционных событий, которые подвергли суровому испытанию евроцентризм структур власти и моделей самопознания, сложившихся в XIX в. За революцией в России немедленно последовали революции в Турции (1908), Иране (1909), Мексике (1910) и Китае (1911). К ним следует добавить и другие мощные социальные противостояния, такие, как крестьянское восстание 1907 г. в Молдавии, "период волнений" в колониальной Индии 1905—1908 гг. и исламское движение в Индонезии в 1909 г.² В самой России революция возобновилась в 1917 г., а революции на периферии так и не прекращались в течении многих десятилетий. В некоторых случаях, хотя и не во всех, можно проследить прямое воздействие на них событий, произошедших в России³. Более важным было существенное сходство этих событий, коренившееся в социальных структурах того, что позднее стало известно под названием "развивающееся общество". Вот почему первое в мире "развивающееся общество" — Россия, — испытало первую в мире революцию нового типа — революцию, характерную для "развивающихся обществ"⁴.

В результате, обращаясь в прошлое, мы не должны удивляться тому, что революция 1905—1907 гг. стала поворотной точкой фундаментального переосмысления русского революционного контекста — временем создания новых взглядов и стратегий, которым суждено было повторяться в других странах и в других исторических эпохах. В России эти стратегии оказались решающими для поколения, жившего в революционную эпоху первой трети столетия. Политические теории, соотносящие революционные цели и средства с предполагаемой природой общества необычайно важны как для революционеров, так и для их наиболее проницательных врагов. Без некоторой — даже простейшей — мысленной картины окружающего мира и без представлений о лучшем будущем люди будут бунтовать, если их доведут до

крайности, но они никогда не совершат революции. Сознательность трансформации и трансформирующееся сознание, даже если оно "нереалистично", — вот необходимые составляющие того фундаментального изменения социальной структуры, которое по справедливости может быть названо революционным.

Особым и важнейшим для нас аспектом такого познания являются концептуальные модели современного и идеального общества, а также пути, ведущие от первого ко второму. По отношению к этому создаются политические интерпретации, делаются оценки и прогнозы. Такие модели по необходимости отражают социальные и политические реалии, в которые они встроены, но в то же время в немалой мере автономны по отношению к их характеру, динамике и влиянию⁵. Связь с прошлым опытом и процессами его интерпретации, с социальной и интеллектуальной историей определенного общества делает эту "автономию" ни причудливо-фантастической, ни чисто случайной. Эта интерпретация всегда сравнительна. Она "искажена" в том смысле, что отражает узкие "поля зрения" неспециалистов, так же, как и интеллектуалов, извлекающих только тот опыт, который они считают ценным. Появляющиеся в результате этого концепции и идеи, господствующие системы и языки мышления намного более ограничены и ограничивающи наши действия, чем мы обычно готовы это принять. Вот почему для истории социальный процесс политического познания в особенности его перестройку под воздействием исторического опыта является центральным.

В начале XX в. основной моделью революции для образованной России того времени была Весна Наций в Европе 1848—1849 гг. Напомним, что ее события выразились в международной волне городских демократических революций, вызывавших одна другую, направленных против королевской власти и подавленных в конечном счете с помощью консервативно настроенных жителей сельских районов или солдат крестьянского происхождения, чаще

всего либо иностранцев, либо принадлежавших к другим этносам. В Германии и Австрии ответный удар контрреволюции был более быстрым и наносился армиями под командованием дворян-офицеров, состоящими в основном из послушных крестьян, чаще всего родом из экономически отсталых окраин этих государств, населенных славянами. В Венгрию, которой не хватило этой составляющей контрреволюционного движения, такая армия была импортирована из России. В Италии и Румынии национально-освободительное движение в городах было подавлено иностранной армией, в то время как крестьянское большинство безучастно наблюдало за этим, предопределив тем самым поражение "национального" движения. Во Франции, как только революция 1848 г. восстановила всеобщее избирательное право, крестьяне немедленно использовали его, проголосовав против революционеров и утвердили в парламенте республики монархистское большинство. Контрреволюционность и консерватизм крестьян, как и жителей экономически отсталых этнических окраин без сомнения представлялись главной причиной подавления революций 1848—1849 гг. Такими же контрреволюционными казались противоречивые и консервативные тенденции буржуазии, которая провозглашала демократию, но в то же время боялась требований своих рабочих и городских "низов", что столь драматически проявилось в Париже в июне 1848 г. Как только монархия была там свергнута, а левые республиканцы и социалисты выдвинули требование социальной справедливости, парижский пролетариат был разгромлен и приведен к повиновению своими вчерашними буржуазными союзниками. Затем французские парламентарии стали быстро терять власть, уступая ее неотесанному генералу, а впоследствии — опереточному императору, совершившему, опять-таки, при поддержке крестьян, "бонапартистский" консервативный переворот в защиту мифа о революционном прошлом. Именно Германия. Австро-Венгрия и, в особенности,

Франция 1848 г. стали для России главной точкой отсчета и моделью будущего развития. Эволюция в основном рассматривалась как естественный закон человеческой истории. Россия отставала, как часто говорили тогда, на полстолетия — примерно то время, которое прошло между революционной волной 1848—1849 гг. и началом нового века.

На переломе столетий для российского политического мышления были существенны, хотя и в меньшей степени, еще три революционных события. Из французского наследия 1789—1793 гг. были заимствованы выражения "якобинец" и "термидор", а также мелодия "Марсельезы", которая легко слетала с языка тех, кто находился в политической оппозиции⁶. Но эти понятия по существу принадлежали другой, доиндустриальной эпохе. Для русских социалистов Парижская Коммуна 1871 г. была ближе по времени и имела большее значение. Тем не менее, понимание контрреволюционных тенденций буржуазии и усиления готовности рабочих к революционным действиям и самоорганизации было извлечено Марксом и другими еще из уроков "июньских дней" 1848 г. Наконец, революционные народнические организации 1870-х и 1880-х годов способствовали приобретению в России опыта, который в большей мере казался негативным. Попытка организовать крестьян не удалась. Террористические акты, кульминацией которых было убийство Александра II, не смогли ни вызвать революционную волну, ни заставить царизм отступить. На деле за ними последовала мощная волна так называемых контрреформ. Те, кто стал доминировать в российской оппозиции в конце 1880-х и 1890-х годов отвергали эти попытки как нецелесообразные, возможно даже наносящие больший вред самим противникам царизма. Даже ранние теоретики партии социалистов-революционеров (ПСР, чаще — партии эсеров), которые объявляли себя прямыми наследниками партии Народной Воли, в начале XX в. открыто сомневались относи-

тельно непосредственной пользы прошлого российского революционного опыта для будущей борьбы. Очевидно, что для большинства русских оппозиционеров конца XIX в. революционное народничество 1860—1880-х годов, как и Французская революция 1789 г., были явлениями, к которым следует относиться с глубоким уважением, но необходимо считать относящимися к безвозвратно ушедшему прошлому. Только российские полицейские и бюрократы были все еще склонны считать возрождение террористических акций в народо-вольческом духе главной опасностью, которой следует ожидать от революционеров⁷.

Базовая модель 1848 г. (с некоторыми поправками) сыграла основную роль в формировании стратегии и тех ожиданий, которые различные политические силы связывали с революцией 1905—1907 гг.⁸ Важнейшим для этого события и его последствий стал тот факт, что революция, произошедшая в действительности, не соответствовала этой модели и предположениям. И дело было не только в нескольких аномальных фактах, которые не соответствовали теории, что только и можно ожидать от крайне сложного революционного процесса. Была поставлена под сомнение самая суть самоочевидных предположений и представлений о революции, так же как и о российском обществе в целом. Революция доказала, что природа российского общества отличается от той, которую предполагали различные теоретики и партийные деятели. Сама революция оказалась революцией нового типа. По словам Карла Каутского — современника и по словам современников "римского папы марксизма" того времени: "Мы поступим правильное всего в отношении русской революции и задач, которые она нам предъявляет, если будем смотреть на нее не как на революцию буржуазную в обычном смысле этого слова, а также не как на социалистическую, а как на совершенно своеобразный процесс..."⁹ Вполне типично то, что даже это признание "нетипичности" было поме-

щено в историографическую схему XIX в. и выражалось на языке известных и ожидаемых ею моделей и этапов.

Важнейшим наследием революции 1905—1907 гг. стали уроки, которые извлекли из нее отдельные люди и поколения, фракции, партии, классы и этносы. Революционный контекст сделал эти уроки предельно напряженными, как если бы столетия опыта были спрессованы в несколько лет. Даже когда революция находилась еще в своей высшей точке, была предпринята спешная попытка учесть ее неожиданные проявления со стороны тех, для кого это понимание было важнейшей проблемой. Эти попытки продолжались и после революции. Все более очевидными становились различия в способности отдельных людей и групп учиться на политическом опыте. Впоследствии власть в России перешла в руки именно тех, кто извлек из революционного опыта наиболее радикальные выводы. В этом основополагающем смысле новая Россия /РСФСР/СССР началась с революции 1905—1907 гг., уроки которой предопределили историю страны в XX в.

Столыпинская реформа 1906—1911 гг., основной результат которой мы называли "второй поправкой" классической политэкономии (первой были работы Листа и их осуществление в России политикой Витте)¹⁰, основывалась на том опыте, который контрреволюционеры извлекли из революции. Реформа эта не была, конечно, блестящим изобретением одного ума: многие из ее компонентов предлагались или рассматривались ранее или в других странах. Но степень ее окончательной интегрированности в цельную конструкцию радикальной трансформации российского общества в интересах его властителей, драматичность ее призыва и жестокость борьбы вокруг нее были прямым результатом революционного опыта 1905—1907 гг. Главным для столыпинской реформы было новое понимание характера российских крестьянства и государства, связавшее разгром революции "снизу" с революцией "сверху".

которая призвана была последовать за первой и предотвратить ее повторение.

В качестве глубокой ревизии ортодоксального марксизма, корнящейся в революционном опыте 1905—1907 гг., на другом полюсе идеологической шкалы возник полнокровный и подлинный большевизм. Этот взгляд, конечно, не совпадает с тем, что говорил Ленин, поскольку он постоянно принижал степень новизны стоящих перед ним проблем и оригинальность предложенных им решений (что не удивительно для европейского социалистического движения, для которого само слово "ревизионизм" стало синонимом "оппортунизма"). Он также создал своеобразную историографию, в которой разногласия между русскими марксистами начинаются почти одновременно с их появлением на свет и заканчиваются дебатами между Лениным и Мартовым в 1903 г. Это означало, что большевизм должен был оставаться неизменным в своих существенных чертах с тех пор, как Ленин впервые появился на политической сцене (в 1890-х годах и на съезде РСДРП в 1903 г.). Но ленинские взгляды менялись, и особенно глубоко — в 1905—1913 гг. Ленин был прав в большей степени, чем он готов был признать в своих комментариях, сделанных гораздо позднее, то, что 1905 г. был "генеральной репетицией", без которой "победа Октябрьской революции 1917 г. была бы невозможна"¹¹. Это было больше, чем генеральная репетиция: это был "открытый университет" — открытый новому социальному и политическому контексту "развивающегося общества", что драматически проявилось в уроках революции, которые были поняты во всей их глубине относительно немногими. Ленин был одним из этих немногих. Коренной пересмотр революционных стратегий, касающихся крестьянства, национальной проблемы, буржуазных партий, войны, империализма и государственной власти, стиля руководства и революционного духа — все это прямо исходило из интерпретации опыта 1905—1907 гг. и воздвигало решающий барьер между теми.

кому суждено было стать большевиками в 1917 г. и остальными социалистическими группами. Не гений или заговор, а революция создала большевизм, даже если блестящие умы были причастны к этому и их значение нельзя недооценить.

Случилось так, что даже наиболее радикальный пересмотр моделей и взглядов того времени не смог полностью уловить в русском контексте все особенности проблемы "развивающихся обществ". Первопроходцам легче ошибиться, и вообще, создавать и утверждать новые аналитические представления — чрезвычайно трудная задача. Но и Столыпин, и Ленин, имея диаметрально противоположные цели, продвинулись дальше других в понимании "нового" и в его выражении в четких стратегиях политического действия. Вот почему, в то время как в современных "развивающихся обществах" интеллектуальная мода столь изменчива, идеи Столыпина и работы Ленина не перестают использоваться и остаются чрезвычайно влиятельными и интуитивно принимаются политическими лидерами этих стран как "имеющие большой смысл". При этом политические деятели не упоминают о том, что они апеллируют чаще всего к разным и противостоящим классам и фракциям, точно так же, как это было в России. Тем не менее, это разделение не следует переоценивать, поскольку правые в развивающихся обществах будут часто провозглашать или молчаливо признавать реализм и пользу многих ленинских идей, например, его способов оформления и выражения структуры и взаимозависимости государства и правящей партии (скажем, в контексте Мексики). То же самое остается верным для многих левых в отношении идей и показателей модернизации и образования капитала, предлагаемых современными последователями Столыпина.

Для того чтобы привести революционный опыт 1905—1907 гг. в соответствие с его концептуальным наследием, мы начнем с описания революционной ситуации в России

в первые годы XX в. Затем мы перейдем к истории революции, опишем и проанализируем ее основные тенденции, особенно роль в революции крестьянского большинства России. Далее мы вернемся к значению революции 1905—1907 гг. в России как к фундаментальному уроку прикладной политической социологии и к его влиянию на новую революцию в России 1917—1921 гг.

2. РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ: МАССЫ КАК АКТЕРЫ ДРАМЫ

Если события 1905—1907 гг. действительно были "генеральной репетицией" той революции, которая началась в 1917 г., то период 1900—1904 гг. можно назвать предрепетицией. Основные элементы и тенденции революционной ситуации становились различными все яснее. Существенные характеристики каждого из этих элементов можно было увидеть по отдельности и как бы в миниатюре. Взаимозависимость этих элементов и процессов — самое важное в их понимании, но их подъемы, спады и перерывы не обязательно совпадают по времени. Исход революции часто определяется этими совпадениями и несовпадениями.

Скажем сначала о том, как мы используем соответствующие понятия. Революция рассматривается как резкое изменение социальной структуры, включающей фундаментальные системы власти, отношения собственности и классовое деление, а также трансформацию государственного аппарата и смещение его руководителей. Что касается формы, то революция предполагает вмешательство народных масс, восстание "снизу", сопровождающееся открытой конфронтацией с государственными "силами порядка". Все это обязательно связано с глубокими изменениями в коллективном самосознании тех, кто вовлечен в революцию. Политически это включает ситуации и периоды того, что описывается как

"плюрализм суверенитетов" в противоположность принимаемой как должное монополии власти, выраженной в государстве. Для революций, которые потерпели поражение, непосредственные результаты отличаются от сказанного выше, но долгосрочная социальная трансформация, вызванная их поражением, часто очень существенна и должна рассматриваться в схожем аналитическом контексте. Термин "революция сверху" стал использоваться для того, чтобы обозначить резкое изменение социальной структуры, произошедшее без массового вмешательства "снизу" и его вступление в конфронтацию с государством, уничтожающего государственную машину и устраняющего ее лидеров; в самом деле — эти изменения вызываются и контролируются самими этими лидерами. Если рассматривать скорее политические действия, а не политические результаты, термин "революция" употребляется в этих случаях метафорически¹.

Революционная ситуация представляет собой комбинацию и взаимозависимость, во-первых, глубокого кризиса в функционировании общества, часто вызываемого войной или тяжелой экономической депрессией; во-вторых, процесса быстрой кристаллизации общественных классов и других конфликтующих групп; в-третьих, резкого роста организаций и идеологий, предлагающих новых лидеров и альтернативные точки зрения; в-четвертых, кризиса государственной элиты, доминирующего класса (или классов) и государственного аппарата; в-пятых, связанного с этим "морального кризиса", ставящего под сомнение социально приемлемые структуры власти, идеологическую гегемонию и здравый смысл предшествующих периодов; в-шестых, все это проявляется в пределах международного контекста, который способствует или, по крайней мере, не препятствует революции свершиться. Некоторые из этих основных характеристик могут проявиться более сильно, другие будут более подходящими для определенного типа общества, в то время

как третьи проявляются только при определенном стечении обстоятельств. Взгляд, который здесь обосновывается и защищается как наиболее содержательный, дающий возможность сравнения, — это взгляд на Россию того периода как на "развивающееся общество" — особая категория общества и особый тип социального развития².

Среди основных элементов революционной ситуации в России в конце XIX в. наиболее явными были экономический и социальный кризисы. Критическим аспектом этого был кризис сельского хозяйства — отрасли производства, обеспечивающей средствами существования большинство населения. Начиная с голода 1891 г. этот кризис все больше признавался как затяжной и глубокий недуг всей экономики Центральной России³. Быстрая индустриализация была "светлой надеждой" 1890-х годов, но, начиная с 1899 г., Россия испытала резкий спад промышленного производства, занятости и заработной платы, так же как и нехватку кредитов, связанную с кризисом в Западной Европе. После небольшого улучшения в 1903 г., которое длилось только один год, этот кризис продолжался до 1909 г. В 1905 и 1906 гг. положение деревенского большинства усугублялось неурожаем, которые вызвали голод во многих районах. По сравнению с 1901 г. заработная плата в аграрных районах резко упала.

Политическое оформление общественных классов и групп было другим важным аспектом развертывания сил перед революцией 1905—1907 гг. Определение общественных классов, данное Марксом: класс — группа, занимающая определенное экономическое положение и объединенная социальным конфликтом в системе производственных отношений, должно быть развито и расширено для того, чтобы стать более реалистичным по отношению к России. Чтобы этот способ политического анализа работал эффективно, во-первых, определение класса должно учитывать и те социальные группы

(например, студентов или солдат), чья природа и интересы были переходными, а также не только экономическими с точки зрения производственных отношений, но демонстрировали качества, подобные классовым, в революционной ситуации. Во-вторых, такое определение должно учесть этнические и региональные модификации классовых процессов, как и условия, при которых солидарность этнической группы может действовать как решающий мобилизующий фактор — этнос "сам для себя", в то время как классовые конфликты временно прекращаются или остаются в тени⁴. (Классовый конфликт и этническое противостояние могут также объединяться, что приводит к важным политическим последствиям.) Наконец, в качестве проблем социальной динамики должны рассматриваться не только возникновение и развитие класса, как политического фактора, но и его угасание или распад.

После относительного политического затишья конца 1880-х — 1890-х годов, в России поднялась новая волна открытой оппозиции. Она имела три пика противостояния между российским государством и тремя группами российского населения: студентами, крестьянами и рабочими. Эти основные социальные актеры назревающей революции врывались на политическую сцену, привлекали всеобщее внимание и затем отступали в тень, никогда не исчезая полностью до тех пор, пока не пришло время разыграть всю драму целиком.

В 1899 г. локальный академический конфликт в Петербургском университете, причиной которого была жестокость полиции, отчисления и ссылки студентов, перерос в общую забастовку солидарности 30 тыс. российских студентов университетов и других высших учебных заведений. После многих новых арестов и нескольких нерешительных попыток властей к примирению, в академическую сессию 1900—1901 гг. еще 183 студента Киевского университета были отчислены и "отданы в солдаты" для того, чтобы "преподать им урок".

Студенты ответили на это уличными демонстрациями в 28 городах России, к которым присоединялось все больше сочувствующих из других социальных слоев. Эти демонстрации были атакованы полицией и казаками. На заключительной стадии "аполитичные" студенческие фракции, ранее влиятельные, полностью сдали свои позиции, произошла политизация массы студентов и вся Россия заговорила про "студенческие беспорядки". Одним из требований студентов стало полное восстановление академических свобод и университетской автономии, действие которых было приостановлено в 1884 г. контрреформами Александра III⁵. В 1901 г. в самый разгар кампании протеста министр просвещения был застрелен бывшим студентом, дважды отчисленным за "политическую неблагонадежность". Волна "студенческих беспорядков" пошла на спад только в 1902 г.

В течение этого периода в полной мере проявилась ограниченность и, одновременно, сила студенческих политических акций. Циклы конфронтаций начинались с академическими семестрами и кончались во время каникул, так что каждое студенческое "поколение" получало свой собственный урок оппозиционности. Благоприятным для студенческого движения России был тот факт, что сама университетская структура обеспечивала постоянную возможность для легальных контактов между студентами. Требования легко формулировались в общеполитических терминах и находили отклик в самых широких слоях населения. Студенты быстро становились всеобщими любимцами или пугалами. В то время как интеллигенция осыпала их декларациями о своей поддержке, а к студенческим демонстрациям присоединялась интеллектуальная элита России и даже некоторые группы промышленных рабочих Санкт-Петербурга, правительство все чаще начинало определять врагов государства как "студентов, жидов и анархистов". В некоторых отдаленных деревнях слово "студент"

стало использоваться в качестве синонима политического активиста или революционера⁶.

В 1902 г. наступил черед крестьян. "Аграрные беспорядки" были отмечены в нескольких губерниях, особенно в Тамбовской и Саратовской, а также на Кавказе. Тем не менее, основное внимание было привлечено к смежным уездам Полтавской и Харьковской губерний, находящихся в пределах главной сельскохозяйственной зоны Украины. В течение трех недель в марте и апреле крестьяне этих районов нападали на помещичьи имения, подвергали их систематическим грабежам и поджогам⁷. "Беспорядки", распространявшиеся волнообразно, охватили в общей сложности 175 сельских обществ. Вопреки желанию властей найти каких-либо пришлых подстрекателей, чтобы обвинить их в развращении крестьянских душ, полицейские расследования не смогли обнаружить какого-либо участия не-крестьян, за исключением нескольких листовок, копии которых к тому времени можно было найти в большинстве деревень. Крестьянами руководили ими самими выбранные лидеры — в большинстве своем старосты обществ или местные грамотные крестьяне, среди которых особо выделялось несколько бывших солдат. В "беспорядках" участвовали все жители деревень, включая и самых богатых. Отряды крестьян, располагавшие несколькими сотнями телег, вступали в действие по сигналу, с эффектом снежного кома перенося восстание из одной деревни в другую. Государственная собственность, включая винные лавки, раньше чаще всего подвергавшиеся погромам, оставалась нетронутой. В самом деле, крестьяне часто повторяли, что их действия соответствовали царской воле или манифесту, который, по слухам, был провозглашен Великим Князем Михаилом, которому помогают студенты⁸.

Придя в себя от неожиданности, власти отреагировали массовыми действиями армии, включая стрельбу и

порку, с помощью которых им удалось постепенно подавить восстание. Губернатор Харьковской губернии, из которой один судья сообщал, что "избиения разрешены по отношению к кому угодно и любого рода, как вздумается наказующему", получил благодарность от правительства, так же, как и местный мясник, который, предвосхищая приемы черносотенцев в 1905 г., проявил инициативу в организации избиения "смутьянов"⁹. Губернатора Полтавы, который был менее энергичен и, как это было видно из рапортов, перепорол меньше крестьян, уволили со службы за некомпетентность. Личный визит В. Плеве — это была его первая акция после назначения министром внутренних дел — подчеркнул значение, которое корона придавала этому делу.

Благодаря вниманию, которое чиновничество уделило крестьянскому движению 1901 г., существует обширная документация, в которой изложены факты и пространно обсуждаются причины "беспорядков". В качестве их главной причины назывался земельный голод, который был особенно силен в этих губерниях. Экономические условия в то время постоянно ухудшались, население росло, одновременно росла стоимость аренды и цены на землю, в то время как заработная плата резко упала, а с ними и дополнительные доходы крестьян. Неурожай 1902 г. означал не только голод, но и падение поголовья скота, что уменьшало шансы на будущее восстановление хозяйств. Один крестьянский староста лучше всего подытожил причины восстания: "И думаю, что если бы нам лучше жилось, никакие книжки, что бы там в них ни написано, не имели никакого значения", — звучал его ответ на вопрос судьи о влиянии революционных листовок и пропаганды, — "страшны не книжки, а то, что есть нечего ни тебе, ни скоту. Земли нет и хлеба нет, сенокосов нет и выпаса для скота нет..."¹⁰ Это не удержало властей от ареста 837 крестьян, которые были приговорены к различным срокам тюремного заключе-

ния, с наложением коллективного штрафа в 800 тыс. руб., собранным с деревень для покрытия государственной помощи, которая выплачивалась тем землевладельцам, чьей собственности был нанесен ущерб.

Третьими по порядку на сцену вышли промышленные рабочие. С начала промышленного кризиса в 1899 г., в разных местах тут и там прошли забастовки протеста против падения заработной платы, роста безработицы и все большего давления со стороны работодателей. Среди рабочих активно действовали революционные кружки социалистической интеллигенции и некоторые группы самообразования. Группы наиболее политизированных рабочих не только присоединились к студенческим демонстрациям, но также организовали собственные — на 1 мая в 1901 и 1902 гг. Росло число требований сокращения рабочего дня и свободы организаций. В большинстве случаев забастовки и демонстрации рабочих не имели никаких существенных результатов. За ними последовали жесткие полицейские репрессии. Начиная с 1900 г. российская политическая полиция положила также на более творческие усилия, предпринятые полковником жандармерии Зубатовым, с целью ослабить влияние революционеров организацией профсоюзов рабочих-монархистов¹¹.

В ноябре 1902 г. забастовка в Ростове, на Юге России переросла в общегородскую, сопровождавшуюся массовыми митингами, в которых участвовали тысячи рабочих. Она была подавлена, но летом 1903 г. забастовочная волна вновь поднялась и прокатилась по городам южной России. В 1903 г. Фабричная инспекция сообщала, что число бастующих предприятий возросло более чем в 2 раза по сравнению с наблюдаемым когда-либо прежде¹². Забастовки начались в нефтедобывающем Баку и быстро распространились по всему городу с помощью массовых пикетов, которые останавливали работу одного предприятия за другим. В течение нескольких дней не работал транспорт, телеграф, электростанции и магазины, в то

время как день за днем продолжались массовые митинги бастующих. Были вызваны армейские части и забастовка окончилась, но это произошло не раньше, чем бастующие подожгли несколько нефтяных скважин, а большинство их требований были удовлетворены. Забастовки, массовые пикеты и митинги прошли в Одессе, Тифлисе, Батуми, Екатеринодаре, Николаеве и других городах. В Одессе именно рабочие — члены союза, созданного под наблюдением полиции сыграли основную роль в забастовках и демонстрациях.

Экономическая подоплека забастовочной волны 1903 г. во многом являлась очевидной. Казалось, что период экономической депрессии подходит к концу, и рабочие пытались возместить свои прошлые потери. На этот раз "экономические требования" забастовщиков повысить заработную плату были в основном удовлетворены, но растущее чувство классовой солидарности между рабочими различных предприятий и городов, массовые митинги и желание внимать политическим ораторам и провозглашаемым ими требованиям создали новую атмосферу на заводах и фабриках промышленного Юга России. Мощные забастовки солидарности, направленные против арестов и несправедливого отношения к рабочим, не сходили с первых полос газет. Как обычно, вслед за этим последовала волна репрессий. Удовлетворение части экономических требований и аресты рабочих лидеров вместе с новым промышленным спадом и войной с Японией, казалось, в конце концов сработают на пользу властям. В 1904 г. в России число забастовок находилось на самой нижней отметке за все десятилетие.

3. РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ: ЛИДЕРЫ И "СЕРЫЕ МУЖИКИ-РАБОЧИЕ"

Начиная с середины 1890-х годов российская полиция сообщала об усиливающихся признаках возрождения в России политических организаций¹. Сущность этого

процесса лежала в создании альтернативных политических центров оппозиции и систематического идеологического вызова царизму. Стратегия, общая для всех этих сил, признавала в качестве первоначальной цели создание общенациональных подпольных политических организаций, которые, как ожидалось, на некоторой более поздней стадии превратились бы в массовые движения. Следующим шагом должно было стать политическое преобразование России. Этапы этой стратегии предоставляют в наше распоряжение хорошую канву для рассмотрения исторических событий и периодов. После неоднократных попыток, продвижений и отступлений 1890-х годов, в России, в первое пятилетие XX в. были созданы стабильные общенациональные политические партии и организации. Этот процесс совпал с тремя описанными выше волнами стихийной массовой оппозиции 1899—1903 гг. Взаимные связи между стихийными и организованными политическими действиями усилились на следующей стадии, когда партийные организации России в 1905—1906 гг. резко увеличились и возглавили массовые движения. Их подъем был вскоре пресечен поражением революции 1905—1907 гг. Вслед за этим последовал период их резкого упадка, но политическая основа партийных организаций, созданных в 1905—1907 гг., уже не исчезала вплоть до 1920-х годов.

* * *

Понятие "партия" и относящиеся к нему политические представления из-за специфики российских условий могли бы ввести в заблуждение западных читателей. Основной группой, вовлеченной в первоначальное партийное строительство, была часть российской интеллигенции, которая действовала в крайне неблагоприятных условиях: во-первых, полицейских преследований; во-вторых, все еще живых воспоминаний 1880-х годов о гибели партии Народной Воли; в-третьих, концепту-

альной необходимости определить свою позицию с точки зрения непростых отношений с Западом. Необходимо особо указать на то, что любые попытки создания общенациональных организаций обычно пресекались властями, а их инициаторы наказывались. Даже съезды образованных по закону муниципальных органов нуждались в официальных разрешениях, в выдаче которых часто отказывалось. Сама концепция политической партии была уголовно наказуемой и вести партийную политическую деятельность можно было только подпольно. Мы обсуждали в другом месте общее воздействие прошлого опыта партийного строительства, принадлежавшего революционерам-народникам, особенно членам партии Народной Воли². Так же, как и в эру расцвета революционных движений XIX в., корни российской оппозиции и ее идеологическое самоопределение были во многом ответом Западу как экономической, политической и культурной метрополии и супермодели современного мира. Природа этого ответа была многообразной, и именно эти различия сформировали три основные течения российских политических организаций — марксистское, либеральное и народническое, которые называли себя соответственно социал-демократами, конституционалистами и социалистами-революционерами. Они делились далее по фундаментальным представлениям о стратегии, а также на этнической и региональной основе.

У этих различных и яростно конкурирующих между собой политических организаций российской оппозиции существовало несколько интересных сходных черт. Все они начинали как небольшие группы, встречавшиеся для обсуждения политических вопросов ("кружки"), которые набирали новых членов, выпускали рукописные материалы и стремились распространить свои идеи за пределы их непосредственного окружения. В качестве следующего шага те группы, которые успешно избежали прекращения своей деятельности из-за арестов и ссылок, искали контакта с группами единомышленни-

ков в надежде создать более широкие организации. Дальнейшие шаги неизбежно состояли из:

1. Создания газеты (по соображениям безопасности часто печатаемой за границей и тайно переправляемой в Россию). Эти издания действовали как главное средство объединения и идеологического руководства, очерчивая альтернативную картину российских условий и будущего в противовес точке зрения правительства и консервативному "здоровому смыслу";

2. Появления признанных лидеров, способное связать идеологические функции составления и издания текстов с организационной сетью и с иерархией подпольных групп;

3. Формальной интеграции местных групп (которые для революционеров также включали тех, кто находился в изгнании в Западной Европе) и созыва партийного съезда, на котором принималась программа, определялся статус организации и избирались ее исполнительные органы. Вслед за этим следовало установление иерархии руководства, укрепление дисциплины и требование идеологической консолидации.

При обсуждении политических организаций российской оппозиции мы должны помнить изначально относительную природу различий между ее направлениями. В конфронтации с царизмом объединяли усилия различные группы российской оппозиции. Люди разных взглядов часто присоединялись к похожим группам, таким, как "ортодоксальные" марксистские социал-демократы и "народнические" социалисты-революционеры, которые действовали совместно в Саратове; как революционные социал-демократы и "легальные" марксисты, вскоре присоединившиеся к либеральному движению и начавшие совместное издание журнала "Начало". В кружок "Беседа", объединявший активистов оппозиционных земств, входили славянофилы, западники радикального либерального направления, а также некоторые будущие лидеры российского правого крыла,

такие как граф В. Бобринский. В то же время, как только начинали выкристаллизовываться партийные организации, даже те, кто провозглашали сходство мировоззрений часто оказывались разделены также противоречащими друг другу стратегиями действий, которые перечеркивали доктринальные соображения. Вот основные различия, из-за которых происходило также разделение:

1. Поддержка массовой стихийности против веры в обязательность "прочной" партийной структуры и в "партийный аппарат", т.е. в эффективную бюрократическую организацию активистов;

2. Революционные перспективы развития против эволюционных в конфронтации с самодержавием (разделение между "легальной" и подпольной работой и между "пропагандой" и вооруженной борьбой);

3. Вопрос политической исключительности данной организации, т.е. допустимости альянсов и компромиссов, проявившийся, например, в дискуссии о том, как далеко могут заходить марксисты в союзе с буржуазными политическими движениями или могут ли они разрешать мелкобуржуазным крестьянам вступать в свои ряды, а также могут ли революционные народники использовать легальные организации для достижения своих целей и т.д.)

Выражаясь партийным языком, существовала и так называемая проблема "граней" внутри и вне партии. Отражая сильное влияние классового анализа на политическую мысль современной России, цели, стратегии и самоопределения часто использовали названия общественных классов или сил, представителями которых считали себя определенные политические движения. Это был пролетариат для социал-демократов, трудовой класс (состоящий в основном из рабочих и крестьян) для социалистов-революционеров и надклассовое объединение прогрессивных сил русской нации для либеральных конституционалистов.

В 1890-е годы, пытаясь создать политические партии, российские марксисты обладали некоторыми первоначальными преимуществами. В среде российской интеллигенции развивавшаяся капиталистическая индустриализация широко интерпретировалась как подтверждающая их ожидания. Разгром партии Народной Воли устранил могущественного соперника. Марксизм предложил доктрину, особый аналитический язык, заявку на "научность" и новую надежду на лучшее будущее. Он призывал к "реализму" (в противовес "народническим мечтам" 1870-х годов) и понимался в основном как принятие социального детерминизма, коренившегося в капиталистической индустриализации как необходимого и как позитивного для России, т.е. "прогрессивного". Не только сами социал-демократы, но также либералы и народники тех дней все чаще использовали аргументы и терминологию II Интернационала и его ведущей группы идеологов-марксистов. Кроме того, группа "Освобождение труда" в Женеве стала известна в России и за ее пределами, действуя как широко признанный лидер и эффективный издательский центр за пределами досягаемости русской полиции. Георгий Плеханов, член этой группы, выступил в качестве "представителя российских социал-демократов" на Конгрессе II Интернационала в 1889 г., и провозгласил, что "социализм в России победит только как революционное движение рабочих и ни в каком другом случае". Единственной "нефантастической" целью для социалистов была борьба за конституционное развитие и демократизацию, которая отражала современную добуржуазную стадию развития России. Множество местных групп в России, определявших себя как социал-демократы, использовали группу "Освобождение труда" как основной контактный центр, а ее публикации — как источник теоретического "вдохновения". Несколько наиболее читаемых ученых-обществоведов в России, которые отвергали революционную перспективу (и отвергаемые в свою очередь революци-

онерами как "легальные марксисты"), исповедовали эволюционистскую форму тех же теорий³. Они заполняли разрыв между социал-демократами и либералами, разделяя общее им "западничество".

В начале 1890-х годов деятельность всех социал-демократических кружков была по своей природе в основном теоретической и просветительской. В 1894 г. начались дебаты о тактике прямых политических действий. Была предпринята попытка усвоить опыт социал-демократов из Вильны (Вильнюса), описанный в напечатанной брошюре А.Кремера. Он призвал к объединению "пропаганды" общего марксистского взгляда на мир с "агитацией" за специфические экономические требования рабочих, имеющие целью развитие их классовой организации под руководством социал-демократов. Мартов привнес этот опыт в подпольный "Союз борьбы за освобождение рабочего класса" в Санкт-Петербурге, где оба — он и Ленин — начинали свою карьеру в общенациональном масштабе⁴. 1 марта 1898 г. собравшийся в Минске съезд марксистских групп объявил о создании Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (РСДРП). Дата съезда была выбрана таким образом, чтобы показать преемственность с Народной Волей и ее целями, но, говоря словами партийного манифеста, "...средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остается классовым движением организованных рабочих масс"⁵. На съезде был избран Центральный Комитет, а "Рабочая газета" (издаваемая подпольно в России) была объявлена официальным рупором партии.

В течении всего нескольких дней большинство делегатов этого съезда, новые руководящие работники и редакторы газеты были арестованы полицией. Попытка основать партию провалилась, и различные социал-демократические группы продолжали существовать отдельно друг от друга. В самой России они все больше делились на "экономистов" (поддерживающих стихий-

ное движение рабочих, которое, начиная с 1894 г., драматически проявилось в серии забастовок) и тех, кто следовал Каутскому, рассматривая социалистическое движение как необходимое объединение теоретически подготовленной интеллигенции и пролетарских масс⁶. "Экономисты" подверглись резкой критике со стороны как старшего поколения социал-демократов — группы "Освобождение труда", руководимой Плехановым и Аксельродом, так и "среднего поколения" вновь сосланных активистов, из которых наиболее известными были Ленин и Мартов. Анти-"экономисты" объединились в новой попытке создать партию. Этот процесс начался в 1900 г. с издания за границей газеты "Искра", призывающей к объединению на базе "ортодоксального марксизма". Было принято основное стратегическое допущение Плеханова о том, что в стране со слабой буржуазией, страшащейся собственного рабочего класса, пролетариат и его социал-демократическая партия должны по необходимости обеспечить также и приближающуюся революционную трансформацию страны в полнокровный капитализм. Сущность организационного кредо искровцев была сформулирована Лениным в его работе "Что делать?". В ней он атаковал "доиндустриальные" методы организации ("кустарничество") и рыхлые, аморфные кружки. Принадлежность его представлений о партийных кадрах к революционной народнической традиции была явной и подтверждалась самим названием книги, которое следовало известному роману Чернышевского. Ленин призывал к дисциплинированной организации идеологически подготовленных и всецело преданных профессиональных революционеров, которые должны были составить необходимое ядро марксистского движения рабочего класса. Стихийность была объявлена основной опасностью для организации⁷. Начался обратный отсчет времени по направлению к съезду партии, призванному довести все эти усовершенствования до полного завершения.

Перейдем теперь ко второй линии развития оппозиционного движения в России, — созданию политической организации конституционалистов. Оно началось в 1890-х годах, имея два независимых источника: реформаторов-дворян, являвшихся выборными земств, и представителей так называемых "либеральных профессий". Последние включали университетских профессоров, юристов, писателей и тех журналистов, которые печатались в российских "серьезных журналах", с жадностью читаемых "образованной публикой"⁸. Большинство из них объединяло западничество, вера в "прогресс", требование гражданских свобод и сильного парламента вместе с отказом от насилия. За границей они определяли себя как либералы и демократы. В России многие из них заявляли, что разница между ними и революционерами — лишь вопрос темперамента. Ряд земств, например, Тверское, возглавляли это движение, распространяя резолюции, в которых содержалось требование новой социальной политики вместе с некоторыми более широкими конституционными требованиями — от запрещения телесных наказаний до "совершенствования государственного устройства, начатого в 1861 году", т.е. дополнения выборных земств общенациональным парламентом. Когда надежды на новую государственную политику, связанные с восхождением на престол Николая II, были разбиты его речью 1895 г. осудившей реформы как "безумные мечтания", в 1896 г. состоялся съезд председателей 19 земств, которые решили собираться и впредь, чтобы обсуждать вопросы, представляющие для них общий интерес. Для выполнения этого решения был создан "постоянный комитет". Следующая попытка организовать такую встречу в 1897 г. была запрещена правительством, а "постоянный комитет" распался.

Конфронтация между властями и земствами нарастала, что заставило правительство попытаться ограничить законные права земств, и в особенности их "безответственное использование", т.е. любые действия

земств, направленные на решение проблем национального масштаба, что правительство считало своей прерогативой. Наиболее активные члены земств отреагировали на это новыми полуподпольными собраниями, самыми важными из которых стали встречи, организованные дискуссионной группой "Беседа"⁹. В то же время активисты земств и либеральные писатели и журналисты больших городов публиковали все большее число критических книг и очерков. Прозвучали требования Конституции, в залах судов все чаще высказывались взгляды либеральных юристов, а собрания профессиональных союзов заканчивались на все более критической ноте. Правительство отреагировало на это новыми мерами. В 1900 г. бюджеты земств были урезаны и деятельность наиболее престижной ассоциации российских ученых-обществоведов — Вольного Экономического Общества — была приостановлена.

В результате всего этого возникло растущее чувство необходимости в едином организационном центре конституционалистов. Попытки создать его привели к появлению в 1902 г. подпольной либеральной газеты, издаваемой за границей под названием "Освобождение" под редакцией крупнейшей в то время фигуры российского "легального" марксизма — Петра Струве.

В интеллектуальной атмосфере середины 1890-х годов нелегальные группы, которые объявили себя прямыми продолжателями революционного народничества — третьей основной линии российской оппозиции, — противостояли господствующему эволюционному марксизму, революционному марксизму, либеральному прогрессивизму и поддерживаемой российским правительством политике быстрого индустриального роста любой ценой. Они были часто противоречивы в своем отношении к наследству, на которое претендовали: новые условия и тесные отношения с марксизмом II Интернационала, к которому они принадлежали, оказали сильное воздействие на их наиболее влиятельных молодых

теоретиков — М.Гоца и В.Чернова. В то же время народники заявляли о своей особости, коренящейся и в традициях и в "кадровом составе" тех, кто поддерживал антигосударственную борьбу 1880-х годов и теперь основывал подпольные группы, влияние которых росло, особенно в некоторых губернских центрах России, например, в Саратове, Тамбове и Минске. С точки зрения идеологии, молодые народники тех дней часто определяли себя через отрицание, т.е. на основе "не... не...". как те, кто воспринимали социализм как противостоящий самодержавию, но отвергали конституционалистов (как "мягкотелых оппортунистов") и социал-демократов (за их догматизм). В результате состав этих групп оказался крайне пестрым и разнородным¹⁰.

Последующие попытки основать народническую партию начались с создания нескольких межгородских групп, каждая из которых определяла себя как "партия", делая ударение на разных аспектах наследия Народной Воли. Например. Рабочая Партия Освобождения России с центром в Минске, поддерживала террористическую акцию как способ "агитации действием": Партия социалистов-революционеров, со штаб-квартирой в Саратове, а позднее в Москве, подчеркивала важность работы среди городского рабочего класса, в то время как Тамбовская группа поддерживала преимущественно крестьянские организации. Следуя этому последнему эксперименту (им руководили сосланные в Тамбовскую губернию В.Чернов и С.Слетов), в 1900 г. за границей была создана "Аграрная Социалистическая Лига". Одной из задач, поставленных перед ней, было издание печатных материалов, составленных на языке, рассчитанном на крестьянскую аудиторию.

В 1902 г. началась новая для всей российской оппозиции стадия — создание эффективных всероссийских партийных организаций. Тогда же на заграничной встрече было принято решение создать объединенную партию революционных народников. Во встрече участ-

вовали наиболее влиятельные в будущем лидеры: Г.Гершуни, В.Чернов, братья М. и А.Гоцы и Е.Азеф (который впоследствии оказался агентом полиции). Они приняли имя одной из вошедших в состав партии организаций — Партии социалистов-революционеров (ПСР) — и превратили в свой партийный орган газету "Революционная Россия" (издание этой газеты, начатое подпольно в России в 1901 г. и прерванное полицейскими арестами, теперь было перенесено за границу)¹¹. Был создан и быстро признан местными российскими организациями Центральный Комитет ПСР, но разнородность движения сохранялась. Под сомнение ставилась и "сельская" направленность народничества 1870-х годов. Говоря словами важной статьи о "практической программе-минимум": именно "рабочий класс, в особенности в лице его передового слоя, сконцентрированного в крупных городах и промышленных центрах, составляет главную основу партии... Среди крестьянской массы указанная революционная работа партии ведется постольку, поскольку это возможно при наличных связях партии с деревней"¹². В то же время, в рамках стратегии ПСР Чернов продолжал развивать линию, ориентированную на крестьянство. Аграрная Социалистическая Лига продолжала некоторое время существовать автономно (в "политическом альянсе" с ПСР). Террористическое подразделение ПСР было создано, под руководством Гершуни, как самостоятельная Боевая Организация (БО). Она начала свою деятельность с покушения на Оболенского — харьковского губернатора, который отличился в подавлении крестьянских выступлений 1902 г. В 1903 г. ПСР приступила также к созданию партийного Союза учителей, нескольких крестьянских братств и отдельных рабочих, военных и студенческих организаций. Это расширило влияние партии социалистов-революционеров, но также усиливало и ее разнородность.

В 1903 г. в Бельгии собрался съезд российских социал-демократов¹³. Он существенно отличался от попытки

1898 г., но сохранил старое название партии (РСДРП) и единую нумерацию съездов (этот съезд, следовательно, был вторым). Съезд был гораздо шире по числу участников и оказался более представительным¹⁴. Считалось, что эффективная кампания сторонников "Искры" против "экономистов" должна была гарантировать идеологическую однородность партии.

Возможные разногласия среди социал-демократов были сужены также их более строгой поддержкой "ортодоксальному" марксизму II Интернационала, которую оказали их наиболее влиятельные лидеры. Для них марксизм представлялся точной наукой. Историография человеческой эволюции была важнейшей составной частью марксизма. Россия рассматривалась им в значительной степени как капиталистическая страна, находящаяся на пороге своей буржуазной революции, за которой, спустя продолжительное время, последует революция социалистическая. Научное знание этого процесса предстояло донести до пролетариата, деятельность которого должна была направляться профессиональными революционерами. Более того, в русском контексте "Партия пролетариата должна взять на себя выполнение и тех революционных задач, которые должна была выполнить, но не выполнила буржуазия"¹⁵.

Для многих революционеров все эти положения были особенно привлекательны, поскольку они предлагали напрямую связать социализм с законами индустриального прогресса и подчеркивали общеевропейские черты российской интеллигенции. Кроме того, социал-демократов сближала их крайняя нетерпимость. Никакая социальная или политическая сила не могла сравниться с наиболее прогрессивным классом и его единственной партией, которая постигла науку об обществе и знала точно какой должна быть эволюция человечества. В сравнении с ней царизм был отсталым, либералы — погрязшими в противоречиях, а ПСР — реакционной, склонной к фантазиям и даже объективно опасной

группой, поскольку за своим социалистическим фасадом она пропагандировала ненаучные взгляды. Согласно с этим, "Съезд считает их (эсеров) деятельность вредной не только для политического развития пролетариата, но и для общедемократической борьбы против абсолютизма... принципиальное отношение к которой (ПСР) со стороны социал-демократии не может быть иным, чем к либеральным представителям буржуазии вообще". Совместным организациям народников и марксистов, как, например, в Саратове, приказано было прекратить деятельность немедленно¹⁶.

Но строгое концептуальное предопределение РСДРП не помогло сохранить ее единства. Главный раскол произошел на II съезде, который, вновь провозглашая создание партии, в действительности образовал три группы социал-демократов и усилил сепаратизм четвертой. Съезд разделился на большинство, которое возглавлял Ленин ("большевики"), и меньшинство, руководимое Мартовым ("меньшевики"). Большевики выступали за более строгое определение членства в партии, совместимого лишь с беспрекословным повиновением ее руководству. Они рассматривали себя в качестве радикального крыла социал-демократов — якобинцев грядущего российского 1791 г.

Меньшевики придерживались противоположной точки зрения. Они не были готовы отдать незначительному большинству ни пальму первенства в истинном радикализме, ни контроль над РСДРП. Обе стороны искали доктринальные причины для разделения, но те, которые имелись, были слишком трудноуловимыми для того, чтобы сформировать на их основе последовательную теоретическую структуру¹⁷. Тем не менее, фракционное разделение было жестким и бескомпромиссным. В борьбе за контроль над партийными исполнительными органами, газетой "Искра" и местными комитетами возникли фактически две организации с разными лидерами, газетами и организационными структурами.

Кроме того, ряд активистов отказывались согласиться с этим расколом и продолжали попытки примирения, создав третье направление — "между", которое набирало силу по мере того, как усиливалась революционная активность, но никогда не сравнивалось с двумя основными фракциями по размеру и организованности.

Наконец, четвертое подразделение — особая еврейская социал-демократическая организация — Бунд — была готова присоединиться к РСДРП только при условии сохранения автономии и в качестве единственного представителя еврейского пролетариата. Такая позиция противоречила тенденции к гомогенности, существующей среди российских социал-демократов, и была отвергнута. В результате делегаты Бунда покинули съезд (этим обеспечив большинство ленинской группе). Другие социал-демократические региональные партии западных этнических окраин в Польше, Литве и Латвии даже не попытались присоединиться к "всероссийской" партийной организации.

Конституционалисты достигли партийной стадии после созыва правительством в 1902 г. "Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности", работа которой велась под председательством Витте. Представители земств были исключены из ее комитетов. Это дало им новый повод для обиды и новую причину для проведения собраний и создания политических организаций. В мае 1902 г. группа "Беседа" организовала съезд представителей 16 земств для обсуждения контрмер. Был вновь создан постоянный комитет съездов земских представителей, призванный организовывать дальнейшие встречи. На этот раз попытки правительства подавить эту инициативу провалились, и земские съезды стали регулярными. Некоторые радикальные представители городских муниципалитетов присоединились к этим встречам и поддержали их требования¹⁸. Они принимали все в большей степени "политические" резолюции, в которых содержалась критика правительств-

ва¹⁹. В 1903 г. было учреждено радикальное крыло этого направления — Организация Земских Конституционалистов, руководимая И.Петрункевичем и братьями Долгоруковыми. Под руководством председателя Московского земства Д.Шипова начала оформляться противоположная тенденция, которая выражала неодобрение "западническим" парламентским требованиям конституционалистов и отдавало предпочтение национальному совещательному представительному органу — Земскому Собору.

Журнал "Освобождение", издаваемый за границей, сыграл важную роль в выработке политической программы конституционалистов. Ее заявляла вводная редакционная статья первого номера. "Отличие нашего издания от всех других состоит в том, что мы хотели бы объединить все группы русского общества, которые не могут найти другого выражения для своей оппозиционности. Наша борьба — ни классовая, ни революционная. Мы хотели бы выражать неклассовое общественное мнение и основываем себя на этом"²⁰. "Освобождение" направляло свою критику против царизма, как и против русских социалистов из РСДРП и ПСР (чьи взгляды, конечно, были и классовыми, и революционными), но также против "сентиментальных и вредных славянофильских иллюзий", так как, "подобно использованию алфавита, печатного пресса и электричества", политические изменения, к которым они стремятся, не могут быть специфически национальными. Они являлись просто формой более высокой культуры²¹. В 1903 г. встреча, организованная в Швейцарии представителями земств, поддерживающими "Освобождение" и рядом городских интеллектуалов, объявила о создании Союза Освобождения, который должен был быть конституционалистским, более широким, чем партия, и следовать идеологическим направлениям, тщательно разработанным журналом. Подпольный съезд Союза Освобождения, собравшийся в 1904 г. в Санкт-Петербурге, избрал

исполнительный орган и решил начать свою деятельность с кампании банкетов в честь празднования реформ 1860-х годов, используя этот повод для того, чтобы призвать к их логическому завершению, т.е. к введению парламентского правления.

* * *

Предлагая вниманию читателя краткий путеводитель по российским политическим партиям в эпоху революции 1905—1907 гг., вероятно, лучше всего "поставить телегу перед лошадью" и перечислить их в том порядке, как они представляли бы перед сторонним наблюдателем в 1906 г.²² Партия Народной Свободы, которую обычно называли партией конституционных демократов (КД), а ее членов — кадетами, была создана в конце 1905 г. для участия в предстоящих выборах в I Думу. Инициаторами ее создания были большинство Союза Освобождения и Земских конституционалистов, а также некоторые независимые либералы, "легальные" марксисты и "легальные" народники; лидером партии был П.Милюков. Консервативное меньшинство земских собраний 1902—1905 гг., руководимое Шиповым, к тому времени объединилось с несколькими купеческими династиями Москвы, наиболее известным лидером которых был А.Гучков, для того, чтобы образовать Партию Октябристов. Между кадетами и октябристами возникло еще несколько либеральных партий, но они не сумели привлечь большого числа сторонников и их существование было непродолжительным. Попытки создать особую конституционную партию промышленников и торговцев потерпели неудачу.

В начале 1906 г. состоялся съезд партии социалистов-революционеров (ПСР), на котором была принята программа и формально избрано (а в действительности переизбрано) ее руководство. Этот шаг имел своим результатом как дальнейшую консолидацию, так и двойной раскол. Обширное "правое" крыло отказалось

принять революционные цели партии и отделилось, образовав реформистскую Народно-социалистическую партию. Небольшая "левая" фракция возражала против стратегии ПСР "шаг за шагом" и тактики избирательного террора, защищая идею немедленной социалистической революции, осуществляемой методом всеобщего террора, близкой к идеям М. Бакунина. Предложения этой фракции не были поддержаны съездом, и ее члены создали отдельную партию эсеров-максималистов.

С 1905 г., находясь под сильным давлением своих рядовых членов фракции РСДРП повели переговоры о новом объединении для борьбы с царизмом. Это привело к IV ("Объединительному") съезду партии, состоявшемуся в 1906 г. Вслед за ним в 1907 г. последовал V съезд. К этому времени основные социал-демократические организации западных окраин — польская, латвийская и еврейская (Бунд) — также присоединились к РСДРП. Тем не менее, внутри партии ее фракции сохранились практически в неприкосновенности.

К 1906 г. стали более заметными крайне правые политические организации, пытающиеся противостоять атакам слева, как силой, так и в избирательной борьбе. Их объединяло желание "сделать шаг назад" от конституционных и электоральных нововведений, провозглашенных октябрьским манифестом царя в 1905 г. Их наиболее эффективной организацией был Союз Русского Народа (часто называемый "Черной сотней"). Между Октябристами и крайне "правыми" начала формироваться рыхлая группа "националистов".

Это краткое описание относится к так называемым "всероссийским партийным организациям". Большинство членов этих организаций составляли этнически русские (меньшевистская фракция РСДРП была единственным исключением — большинство ее членов были не русскими, а грузинами, евреями и представителями других "меньшинств"). Специфически региональные или исключительно этнические политические партии

были образованы на западных и южных окраинах раньше, чем в самой России. Некоторые из них, особенно в польских, украинских, финских и армянских губерниях, были "чисто" националистическими, т.е. выдвигали только требования автономии или полной независимости. Социалисты так делились на тех, кто отвергал местный национализм, протестуя против любых требований независимости, и на тех, кто верил, что борьба за независимость или культурную автономию может и должна слиться с классовой борьбой.

Пример основных политических сил, действовавших в Польше, поможет пояснить эту дилемму и ее организационные выражения. Польские социал-демократы, возглавляемые Розой Люксембург и Тышко, возражали против любого отделения польских губерний от России (этот шаг рассматривался ими как экономически регрессивный, отдающий ксенофобией, и утопичный). Единственным способом улучшить положение польского пролетариата, была буржуазная, а вслед за ней и социалистическая революция, которая должна была трансформировать Российскую империю. Соперничающая с ними Партия Польских Социалистов (ППС) верила в необходимость борьбы за независимую Польшу (но колебалась между автономией и полной независимостью как целью). Эта борьба связывалась для нее с одновременной борьбой за социализм. Национальная Демократическая партия требовала национального единства всех поляков в их борьбе за автономию в рамках Российской империи — эта партия была крайне антисоциалистической и антисемитской. В Польских губерниях действовали также немногочисленные экстремистски настроенные ультранационалисты, которые мечтали о возвращении Польши XVII в. (с границами "от моря до моря", т.е. от Балтийского до Черного), и польские консерваторы (угодовцы), которые призывали к компромиссу с царизмом, признавая имперское "статус-кво".

Политические усилия российской оппозиционной интеллигенции увенчались значительным успехом: в процессе создания партии на заре революции 1905—1907 гг. появились несколько общероссийских и региональных организаций со все более последовательной идеологией, стратегией, стабильным составом и руководством. Эти политические организации различались по форме: социал-демократы делали упор на идеологическую и организационную однородность партии (внутрифракционной, после ее разделения); социалисты-революционеры были склонны действовать как коалиция идеологически единых, но частично автономных организаций; Союз Освобождения не заявлял даже об идеологическом единстве, выдвигая лишь общие требования конституционного правления и гражданских прав. Несмотря на множество болезней роста, создание альтернативных политических организаций в России шло очень быстро. Большое число активистов, обширные организационные сети, издательские возможности и "пропагандистская" литература, а также все более частые контакты вне круга политических активистов призваны были сыграть важную роль в надвигающихся событиях.

Социальные условия усиливали влияние российских оппозиционных партий. Стратегические предвидения, сформулированные уже Чернышевским и его последователями из Народной Воли, начали воплощаться в жизнь²³. В обществе, где большинство людей были бедны, ограничены и находились в состоянии политической спячки, политические сражения велись между небольшими элитарными группами, а окончательно решала вопрос о выживании Старого Порядка "спячка" народа-великана. Нарождающиеся политические партии едва лишь начали действовать, когда эти российские массы стали приходить в движение. Растущая конфронтация между "народом" и "государством" открывала перед российской оппозицией невиданные до тех пор перспективы и возможности.

Статистика "государственных преступлений" отражает изменения, которые произошли за период, предшествующий революции 1905—1907 гг.²⁴ Между 1884—1890 гг. и 1901—1903 г. годовые показатели, описывающие "неполитические преступления", росли очень медленно, но общее число совершивших "государственные преступления" возросло в 5 раз (и это число опять удвоилось в течение двух лет: с 1901 по 1903 г.). Кроме того, в то время как наблюдался рост числа преступлений среди всех социальных групп, доля тех, кто имел университетское образование, дворянское происхождение или принадлежал к "либеральным профессиям" сократилась наполовину или более, а на их место заступили обвиняемые, имеющие начальное образование или занятые в основном ручным трудом. В противоположность соотношению между городским и сельским населением страны (3:17), ²/₃ обвиненных в "государственных преступлениях" в 1901—1902 гг. были горожанами (эта цифра, однако, не совсем точна, так как российская судебная статистика обычно относила почти все сельские преступления к уголовным, а не к "политическим". Влияние революции на "инородцев" была особенно заметным, хотя ее и нельзя точно определить по имеющимся данным государственной статистики. (Об этнической принадлежности можно косвенно судить по вероисповеданию обвиняемых.) Самые крупные города страны были проранжированы государственной статистикой по интенсивности государственных преступлений, т.е. по среднегодовому числу участвовавших в них в расчете на 1 млн населения. Среди восьми городов-лидеров в шести из них "инородцы" составляли большинство населения. Цифры были таковы: Киев (Украина) 520 человек; Одесса (Украина) 384; Варшава (Польша) 153; Лодзь (Польша) 120; Рига (Латвия) 115; Харьков (Украина) 112; Санкт-Петербург (Россия) 97; Москва (Россия) 54 человека.

Среди "политических преступников" доля работников, занятых ручным трудом, изменилась особенно

сильно: к 1901—1903 гг. она составляла $\frac{3}{5}$ обвиненных, по сравнению с $\frac{1}{4}$ в 1884—1890 гг. Если рассматривать распределение обвиняемых по сословиям, то доля дворянства, священников и купцов упала с 49,1 до 16,4%, в то время как доля мещан возросла с 27,5 до 43,9%, а крестьян (часто в действительности городских жителей) — с 19,1 до 37%. Таблица 1.1 дает представление об этих данных с разбивкой по занятиям подсудимых.

Таблица 1.1

Государственные преступления: по роду занятий подсудимых

Род занятий подсудимых	1884—1890 гг.	1901—1903 гг.
Государственная и армейская служба	6,2	1,3
Свободные профессии	21,7	17,8
Студенты	25,4	9,6
Рабочие в отраслях промышленности, ремеслах и услугах ¹	17,2	50,3
Сельское хозяйство ²	7,4	9,0
Торговля	2,2	4,0
Другие или неизвестные	19,9	8,0

ИСТОЧНИК: *Тарновский Е.* Статистические сведения о лицах, обвиняемых в государственных преступлениях // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 4.

¹ В обоих периодах основную часть этой категории (в 1901—1903 гг. — около $\frac{1}{3}$) составляли ремесленники или работники небольших предприятий, а не рабочие больших заводов;

² Цифры занижены, так как большинство "сельских" политических преступлений определялись как уголовные, а не государственные.

"Что это все нынче политического мужика стали сюда возить? Раньше все господ возили, студентов там, барышень, а теперь вот наш брат, серый мужик — рабочий пошел"²⁵. Об этом вопросе старшего надзирателя московской таганской тюрьмы, заданном в конце XIX в., вспоминает М.Лядов, бывший заключенный, активист РСДРП, впоследствии ставший историком партии. Этот вопрос хорошо отразил изменяющуюся пропорцию между "политическими" господами и плебеями, фундаментальную близость крестьян и рабочих и узнавание в новых бунтовщиках тех, кто принадлежал к тому же

социальному слою, из которого вышел и сам надзиратель. Тюремщики часто бывают очень наблюдательными.

4. СИЛЫ ПОРЯДКА И СИЛА ГНЕВА

Вопреки романтическим сказаниям, революции невозможно понять, взглядываясь только в силы восставшей стороны. Власть имущие, их природа, динамика, сила, внутренние противоречия и пути их разрешения составляют важнейший элемент революционной ситуации. О растущем политическом напряжении в России знали не только тюремные надзиратели, но и высшие руководители российского государства. Их ответом была политика, соединяющая репрессии и умиротворение, — много репрессий и немного умиротворения. В 1901 г. вслед за ссылками студентов было выдано разрешение на проведение нескольких студенческих митингов в присутствии профессоров. В 1902 г. под председательством Витте было организовано "Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности" для обсуждения нового крестьянского законодательства. Царский указ, изданный после "аграрных беспорядков" 1902 г., отменил коллективную ответственность крестьян за уплату податей и недоимок. Одновременно власти пообещали большую веротерпимость. В 1903 г., в начале "горячего лета" забастовок была официально введена система рабочих старейшин, а также законодательно закрепились обязанности работодателей назначать пенсию тем, кто получил травму на производстве. В то же время возросло вмешательство полиции в дела университетов, в 15 наиболее "беспокойных" губерниях была создана сельская стража, а руководители и работники земств все чаще подвергались наказаниям и высылке; особым преследованиям подвергались активисты нелегальных партий и промышленные рабочие. На "вершине" государства это означало постоянное столкновение аргументов и интриг в коридорах министерских дворцов

и царского двора, ежедневные споры между сторонниками новых реформ и новых репрессий.

В книге "Россия как развивающееся общество" мы показали структуру российского государственного аппарата: круг ближайших помощников царя, иерархию чинов, государственное представительство в губерниях и уездах, а также связь с ним местных властей. На переломе столетий между Министерством финансов и Министерством внутренних дел развивался конфликт, отражающий столкновение между реформистскими и репрессивными тенденциями государственной бюрократии. Он перерос в 1902—1903 гг. в политическую дуэль между Витте и Плеве — главами этих двух министерств. В конечном счете возобладал дух репрессий и победителем из конфликта вышло скорее Министерство внутренних дел, а не те, кто призывал к большей гибкости. Но и в те периоды, когда сторонники умиротворения временно добивались влияния на царя, главные департаменты Министерства внутренних дел и, в особенности, политическая полиция и губернаторы продолжали действовать как государство в государстве, пресекая или умаляя инициативы либеральных министерств и "неудобные" законы.

Русские бюрократы в ту пору все глубже стали осознавать, что частные меры оказываются недостаточными, чтобы противостоять надвигающемуся кризису. Раздавались громкие требования чего-то более масштабного, в некотором роде *a deux ex machina*. Это нечто должно было быть эффективным и сработать быстро. Настала очередь Плеве — министра внутренних дел определять российскую политику и позаботиться о таком средстве. Им стал план "небольшой победоносной войны", призванной восстановить социальную сплоченность и общественный порядок¹. В качестве мальчика для битья была выбрана Япония.

Военная сила была решающим фактором для российского государства. Большая часть страны стала Россией

сравнительно недавно, и почти вся — в результате нескончаемой 400-летней войны на границах. Армия имела для царя особое значение, служила его защитой, была его любимицей и инструментом его легитимации. Она была также основным работодателем и синекурой для дворянства, крупнейшим экономическим "предприятием" и окончательным аргументом во внутривнутриполитической борьбе. Волны патриотической лихорадки, вызванные войной, действовали как основной механизм социальной консолидации общества вокруг монархистских и националистических символов. По тем же причинам проигрыш в войне неизменно отбрасывал российское самодержавие к точке, за которой начинались глубочайший кризис и реформы, или же — его распад. Неудивительно, что российская оппозиция создала самые упорные в Европе группы "пораженцев", т.е. социалистов, которые относились к военному поражению своей собственной страны как к самому лучшему, что может произойти для ее народа. Начиная с Крымской войны 1853—1856 гг., русская армия оказалась неспособной в одиночку сражаться с главными европейскими державами. Но колониальные войны против азиатских народов еще могли вестись успешно и обходились относительно дешево, что показал захват в XIX в. Кавказа, а также Самарканда (в 1868 г.), Хивы (в 1873 г.) Коканда (в 1876 г.), и т.д. Интервенция России в Китае в 1900 г. ввергла ее в непосредственный конфликт с Японией. Могущественное лобби, действовавшее в российском правительстве, как и в царской семье настаивало на агрессивной Восточной политике и новых захватах. Эти намерения получили широкую международную огласку: в 1900 г. японский парламент проголосовал за крупный военный бюджет, объявив его целью "спасение страны от превращения во вторую Хиву".

Война с Японией началась в январе 1904 г.² Для русских эта война стала неопытной и странной войной хвастовства, грубых ошибок и ошеломляющих бедствий.

В России, и повсюду в западном мире считалось, что поражение Японии — это только вопрос времени. Русская армия превосходила японскую по численности в 5 раз, а военно-морской бюджет России был в 4 раза больше японского. И в России и вне ее заключались пари и строились планы о дне захвата русскими Токио, что означало бы окончательное установление европейского господства над всей Азией. Стратегический план, разработанный русским главнокомандующим, заканчивался "захватом Токио и пленением Микадо". Казалось, что единственной проблемой была скорость, с которой русские подкрепления могли быть переброшены на Дальний Восток. И тем не менее, в течении всей войны русская армия не смогла выиграть ни одного сражения. Она была разбита, еще уступая в численности японской армии в начале войны, на берегах реки Ялу. Она потерпела поражение, будучи равной или даже превосходящей в силе, под Ляояном и Мукденом. Она даже умудрилась проиграть, атакуя незначительные японские силы в Матеу Линг. После каждого из сражений сообщалось о неэффективности командования, неподготовленности войск, негодной технике и безрассудной растрате личного мужества солдат. В декабре 1904 г. главный оплот России — Порт-Артур — капитулировал и весь гарнизон был взят в плен. Последним унижением в мае 1905 г. стало Цусимское морское сражение, в котором были потоплены или захвачены в плен 40 кораблей российского флота, в то время, как японская сторона не потеряла ни одного корабля. Уже к лету 1904 г. факт поражения стал очевиден и потряс российское государство до самого основания. Банкротство главного оправдания самодержавия — его военной мощи — создало глубокий кризис российской бюрократии и дворянства, находящихся на вершине социальной и политической иерархии Российской империи.

К тому времени Плеве уже был убит эсером. Его неожиданный преемник — Святополк-Мирский — либе-

рал в Министерстве внутренних дел, попытался проводить политику умиротворения и призвал к "периоду общественного доверия", открывая тем самым дверь петициям и дебатам. Патриотические адреса, принимавшиеся перед началом войны, в 1903 г., были сейчас совершенно забыты. Началась кампания банкетов, на которых прогрессивные землевладельцы, состоятельные горожане и представители либеральных профессий призывали к немедленным реформам. Обычно эти банкеты организовывались членами Союза Освобождения. 6—9 ноября 1904 г. полулегальный съезд представителей местных властей высказался за введение конституционного правления. Начинала распадаться другая важнейшая опора царизма — самоцензура, связанная с благоприличием и законопослушной природой средних классов, а также их лояльностью перед лицом "внешнего врага"³. Правительство и царский двор находились во власти слухов и пребывали в нерешительности. Сам царь колебался. В декабре 1904 г. был подготовлен проект манифеста, в котором содержалось обещание некоторого подобия общенациональных выборов, но в последний момент перед опубликованием этот важнейший пункт был вычеркнут. Смещения и назначения генералов и министров следовали одно за другим. В январе 1905 г. влияние Мирского пало и в свою очередь, он был заменен сторонником твердого курса.

К концу 1904 г. экономический, политический и военный кризисы российского общества, кристаллизация общественных классов, появление партийно-политических альтернатив, смятение, раскол и потеря хладнокровия правящей элитой — все это вместе взятое указывало на приближающуюся революцию. Но число рабочих забастовок и крестьянских "беспорядков" находилось на самом низком за последние несколько лет уровне — открытая конфронтация была ограничена преимущественно высшими эшелонами царской власти. Там серьезность положения становилась все очевиднее...

В начале декабря князь Константин, дядя царя, записал в своем дневнике: "У нас точно плотину прорвало: в какие-нибудь два—три месяца Россию охватила жажда преобразований; о них говорят громко.. Революция как бы громко стучится в дверь. О конституции говорят почти открыто. Стыдно и страшно"⁴.

В этот момент для государственного руководства настала пора во всей красе продемонстрировать еще раз свою вопиющую неспособность и тупую жестокость. Увольнение в Санкт-Петербурге нескольких членов организованного полицией профсоюза привело к призыву к забастовке, которая быстро переросла во всеобщую забастовку рабочих города. Ее лидер Гапон — священник и, по крайней мере первоначально, полицейский агент или марионетка в руках полиции, был захвачен эмоциональным подъемом сотен тысяч униженных и оскорбленных, чувством своего собственного всемогущества среди масс, ждущих его повелений. Он призвал к демонстрации, на которой рабочие Петербурга должны были обратиться к царю-батюшке с петицией, направленной против его плохих советников, и с просьбой об улучшении социальных и экономических условий жизни его народа. Стихийный взрыв рабочих требований, мечтаний и солидарности захватил также все революционные группы, которые вели работу среди рабочих и сейчас были полностью застигнуты врасплох этими событиями⁵. 9 января 150 тыс. рабочих с женами и детьми, неся царские портреты и иконы, направились к царскому дворцу для того, чтобы передать эту петицию царю. Их встретили оружейным огнем и кавалерийскими атаками, в результате которых к концу дня сотни человек были убиты или ранены⁶. Итак, две недели спустя после капитуляции главной твердыни России на Тихом Океане — Порт-Артура, трижды битая русская армия наконец выиграла битву, в собственной столице, подавив силой невооруженную демонстрацию промонархистски настроенных рабочих, шедших к царю, чтобы просить его милосердия.

Ученые, исследующие общество, часто упускают из виду важнейшую составляющую любой революционной схватки: пыл и гнев, которые движут революционерами и делают их теми, кто они есть. Академическая подготовка и буржуазные условности притупляют понимание этих явлений. Гнев и страсть невозможно "операционализировать" в факторах, таблицах и цифрах. Для тех, кто утончен до степени оторванности от многих реалий жизни, всепоглощающие эмоции кажутся вульгарными или неискренними. Но без учета этого "фактора" любое объяснение революции остается неадекватным. Вот почему чиновники, банкиры, генералы и ученые так часто не могут увидеть революционный подъем, даже когда они являются его прямыми свидетелями⁷.

В самой сердцевине революции лежит эмоциональный взрыв морального негодования, отвращения и ярости такой мощи, когда невозможно продолжать молчать, какой бы ни была плата. Охваченные его жаром люди на время превосходят самих себя, разбивая оковы инстинкта самосохранения, обычаев, каждодневного удобства и заведенного порядка. И тогда, лишь меньшинство готово бросить всю свою жизнь на весы, но это меньшинство должно стать достаточно крупным для того, чтобы чаши весов пришли в движение. Среди них различные социальные группы и отдельные люди будут реагировать по-разному, но, когда приходит решающий час, общность эмоций станет тем звеном, которое сомкнет линию революционного фронта. Это также неодолимо будет привлекать наиболее чувствительных и честных представителей господствующего класса, его молодежь, его интеллектуалов и его моралистов, заставляя их повернуть против собственной среды.

Вот почему нет ничего удивительного в том, что Лев Толстой, величайший русский писатель, дворянин, настроенный враждебно по отношению к революционерам, на последнем этапе подавления революции в конце

1907 г., высказал яснее всех то, что в те времена было в сердцах многих, и без чего история революции осталась бы необъясненной. Никто не сможет и не должен пытаться улучшить то, что он сказал:

"Не могу молчать... Сегодня в Херсоне на Стрельбицком поле казнены через повешение двенадцать крестьян за разбойное нападение на усадьбу землевладельца в Елизаветградском уезде.

Двенадцать человек из тех самых людей, трудами которых мы живем, тех самых, которых мы всеми силами развращали и развращаем, начиная от яда водки и до той ужасной лжи веры, в которую мы не верим, но которую стремимся всеми силами внушить им, — двенадцать таких людей задушены веревками теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают и которые развращали и развращают их. Двенадцать мужей, отцов, сыновей, тех людей, на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь, схватили, посадили в тюрьмы, заковали в ножные кандалы. Потом связали им за спиной руки, чтобы они не могли хвататься за веревку, на которой их будут вешать, и привели под виселицы. Несколько таких же крестьян, как и те, которых будут вешать, только вооруженные и одетые в хорошие сапоги и чистые мундиры, с ружьями в руках, сопровождают приговоренных...

Это ужасно, но ужаснее всего то, что делается это не по увлечению, чувству, заглушающему ум, как это делается в драке на войне, в грабеже даже, а, напротив, по требованию ума, расчета, заглушающего чувство. Этим-то особенно ужасны эти дела. Ужасны тем, что ничего так ярко, как все эти дела, совершаемые от судьи до палача, людьми, которые не хотят их делать, ничто так ярко и явно не показывает всю губительность деспотизма для душ человеческих, власти одних людей над другими...

И в то время как все это делается годами по всей России, главные виновники этих дел, те, по распоряжению которых это делается, те, кто мог бы остановить эти

дела, — главные виновники этих дел в полной уверенности того, что эти дела — дела полезные и даже необходимые, — или придумывают и говорят речи о том, как надо мешать финляндцам жить так, как хотят этого финляндцы, а непременно заставить их жить так, как хотят этого несколько человек русских, или издают приказы о том, как в "армейских гусарских полках общлага рукавов и воротники доломанов должны быть по цвету последних, а ментики, кому таковые присвоены, без выпушки вокруг рукавов над мехом..."

Ведь все, что делается теперь в России, делается во имя общего блага, во имя обеспечения и спокойствия жизни людей, живущих в России. Для меня, стало быть, и нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого — пользования той землей, на которой он родился; для меня эти полмиллиона оторванных от доброй жизни мужиков, одетых в мундиры и обучаемых убийству, для меня это лживое так называемое духовенство, на главной обязанности которого лежит извращение и скрывание истинного христианства. Для меня страдания матерей, жен, отцов изгнанных, запертых, повешенных. Для меня эти шпионы, подкупы, для меня эти убивающие городские, получающие награду за убийство. Для меня закапывание десятков, сотен расстреливаемых, для меня эта ужасная работа трудно добываемых, но уже не так гнушающихся этим делом людей-палачей. Для меня эти виселицы с висящими на них женщинами и детьми, мужиками; Для меня это страшное озлобление людей друг против друга...

Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду.

Затем я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России, и вне ее, чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами, чтобы или посадили меня в тюрьму, где бы я ясно сознавал, что не

для меня уже делаются все эти ужасы, или же, что было бы лучше всего (так хорошо, что я и не смею мечтать о таком счастье), надели на меня, так же как на тех двадцать или двенадцать крестьян, саван, колпак и так же столкнули со скамейки, чтобы я своей тяжестью затянул на своем старом горле намыленную петлю"⁸.

Многие тысячи жителей России чувствовали то же самое, хотя и не обладали силой слова Толстого и правом на аристократическую роскошь, которая усиливала его чувство стыда. К 1905 г. они познали ту же ярость негодования и чувство отвращения к властям, пересиливающие все. И они думали не о смерти, а о борьбе.

РЕВОЛЮЦИЯ СНИЗУ: ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ!

Счастлив тот народ,
который не забыл, как восставать.
Ричард Генри Тауни

1. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ: ЯНВАРЬ 1905 г. — АПРЕЛЬ 1906 г.

В большинстве повествований о революциях имеются точные даты их начала. Искушение привести такую дату связано со стремлением ученых к пространственно-временной определенности и исторической периодизации. Но это обычно скрывает неравномерность и неоднозначность революционного развития — две наиболее существенные характеристики любой революции. С учетом этого замечания, 9 января 1905 г. — подходящая дата для начала обзора революционного процесса 1905—1907 гг. в России.

В течение нескольких недель, которые последовали за Кровавым Воскресеньем 9 января, организации революционеров и конституционалистов напрягли свои силы и пропаганду до предела, призывая к массовому протесту. Отклик был впечатляющим. Он прозвучал, прежде всего, со стороны сотен тысяч рабочих империи, отреагировавших забастовками солидарности, направленными против бойни в Санкт-Петербурге. Но данные, показывающие этот небывало высокий пик забастовок, обычно не учитывают региональных различий¹. Реакция российских рабочих была географически очень неравномерной: относительно сдержанной в Центральной России, намного более значительной на окраинах. Забастовка в Москве прошла вяло и быстро иссякла. Из

всех русских губернских центров только непромышленный Саратов отреагировал общегородской забастовкой². В Санкт-Петербурге забастовка через несколько дней пошла на убыль и к 14 января практически прекратилась. В этот же день всеобщая забастовка вспыхнула в Варшаве. Она сопровождалась массовыми демонстрациями под красными флагами, баррикадами и столкновениями с армией и полицией, в ходе которых с обеих сторон было убито и ранено более 200 человек. Забастовки и столкновения перекинулись также на другие польские районы и особенно на промышленный Лодзь, где убитых, раненых и арестованных было еще больше. В течение этого периода в польских губерниях (в которых проживало менее $\frac{1}{10}$ населения империи), прошло столько же забастовок, сколько во всей остальной России³. В прибалтийских губерниях и в городах Северо-Запада, в значительной мере населенных евреями, отклик был также очень мощным. Политические забастовки, демонстрации, рукопашные бои, кавалерийские атаки и военные действия имели место в Риге, Митаве и Либаве. Одновременно общие забастовки прошли в Ревеле, Вильне, Белостоке и во множестве небольших городов-местечек. На Кавказе схожая картина забастовок, демонстраций, баррикад и военных столкновений наблюдалась в Тифлисе, откуда "беспорядки" перекинулись на всю Грузию. Сообщалось о массовых демонстрациях под красными флагами и вооруженных столкновениях с полицией в городах Финляндии.

Интеллигенция и средний класс России перешли к акциям протеста уже летом 1904 г. Члены Союза Освобождения проводили, начиная еще с 1904 г., серию банкетов для состоятельных, на которых формулировались и провозглашались конституционные требования. Кровавое Воскресенье 9 января и дальнейшие известия с фронта о поражениях подняли протесты на новую высоту. Революционеры из "образованных классов" были в этот момент на улицах, плечом к плечу с

рабочими демонстрантами. Каждая встреча членов профессиональных ассоциаций, таких, например, как Общества имени Пирогова, объединяющего врачей, или Общества агрономов и сельских статистиков, превращалась также в демонстрацию антиправительственных взглядов и эмоций⁴. На всех этих встречах провозглашали конституционные требования и осуждали правительство за репрессии. Члены Академии наук, писатели, юристы и др. подписывали письма протеста. В условиях, когда все университеты были закрыты властями "до особого распоряжения", студенчество бастовало, участвуя и организуя демонстрации по всей стране. На окраинах этнические "культурные союзы", выступавшие с инициативами, направленными против русификации, получили новую массовую поддержку. Даже группа крупнейших московских капиталистов, в прошлом — оплот традиционного верноподданничества, дала знать о своей оппозиционности, выразив публично протест против жестокости полиции. Она также потребовала разрешения легальных профсоюзов, свободных от полицейского вмешательства. Правление Союза Промышленников, выказывая демонстративное неповиновение властям, проголосовало даже за предоставление финансовой поддержки семьям жертв Кровавого Воскресенья. В феврале представители земств провели очередную полулегальную конференцию, выступившую за демократические выборы и аграрную реформу.

В феврале, когда волна забастовок в городах уже пошла на спад, из сельских районов стали сообщать о резком усилении "аграрных беспорядков", а в прибалтийских губерниях и Польше начались сельские забастовки. В том же месяце террористическая группа эсеров совершила удачное покушение на Великого Князя Сергея — губернатора Москвы, дядю царя, и одного из наиболее реакционных членов правящей элиты.

Первой реакцией царя на эти события стало назначение 11 января губернатором Санкт-Петербурга генера-

да Д.Трепова (прошло совсем немного времени и ему суждено было стать также заместителем министра внутренних дел и фактически диктатором России). Он получил короткий приказ восстановить порядок всеми необходимыми средствами. Царский двор пребывал в крайнем напряжении. Строгие меры безопасности и страх перед террористами сделали самого царя настоящим пленником в царскосельском дворце. Царские приближенные и советники резко разошлись во мнениях: умеренные ратовали за реформы и парламент, сторонники "жесткой линии" выступали за усиление репрессий. Некоторое время и сам Трепов колебался между обеими точками зрения⁵. Столичные предприниматели, под давлением властей, надеявшихся "выпустить пар", удовлетворили некоторые из экономических требований бастующих рабочих. К середине февраля поражение под Мукденом доказало невозможность победы в войне с Японией. 18 февраля царь издал указ о необходимости призвать "лучших людей России", представляющих ее население для консультаций по вопросам совершенствования законодательства. Министру внутренних дел — Булыгину — было приказано разработать меры по осуществлению нового мероприятия. Его призыв подавать петиции и предложения по этому вопросу открыл оппозиции новую возможность для выражения публичных протестов. Правительство приступило к спешному рассмотрению не только законодательных изменений, но и социально-экономических реформ. В марте министр сельского хозяйства Ермолов умолял царя предпринять немедленные действия, направленные на увеличение земельных наделов, находящихся в крестьянском пользовании, пока не стало слишком поздно⁶. В то же время по всей империи для подавления аграрных беспорядков и усиления городских гарнизонов отправлялись новые армейские подразделения; резко возросло число арестов оппозиционеров.

В течение следующего полугодия казалось, что вся Россия искрилась протестами, бунтами и мятежами.

которые все никак не перерастали в общий взрыв⁷. Захватывались помещичьи леса и пастбища, по всей стране распространялись аграрные забастовки. В некоторых районах Черноземья поместья были "разобраны" способами, напоминающими события в Полтаве в 1902 г. Ряд впечатляющих и упорных забастовок прошел в Иваново, Нижнем Новгороде, Екатеринославе, Одессе, Белостоке, Тифлисе, Ковно и т.д. Тем не менее, общенациональные показатели числа рабочих, участвовавших в забастовках, не достигли даже половины того, что было отмечено в январе 1905 г.; провалились также и попытки организовать первомайские демонстрации. В то же время рабочее движение значительно расширилось, вобрав в себя новые профессиональные группы, создававшие собственные организации и участвовавшие теперь в забастовках: официанты, приказчики и даже домашняя прислуга пытались организовывать собственные профсоюзы. В Лодзи (с 5 по 13 июня) еще раз прошла всеобщая забастовка рабочих, сопровождавшаяся баррикадами и уличными схватками. Она спровоцировала забастовки солидарности по всей Польше. В августе в Варшаве началась четвертая политическая забастовка с начала года.

Сила и радикализм организаций российских образованных средних классов и рабочих профсоюзов все нарастали. Российские профессиональные группы создавали новые ассоциации. В мае с целью объединения всех профессиональных организаций среднего и рабочего классов был учрежден Союз Союзов. Созданная конфедерация состояла вначале из 16 весьма разнородных организаций — союзов журналистов и инженеров, агрономов и юристов, железнодорожников и бухгалтеров, ассоциаций за равноправие евреев и за эмансипацию женщин, а также фракции земцев-конституционалистов. Политически ее члены и ведущие ораторы представляли различные взгляды — как либеральные, так и социалистические⁸. Все они требовали демократиза-

ции и конституции и заявляли о солидарности с любой антиправительственной борьбой. Все такие организации преследовались полицией и со временем становились все более воинственными. Новый съезд земств состоялся в мае и отправил к царю делегацию, которая должна была объяснить ему достоинства просвещенной монархии и парламентаризма. К следующему съезду в июле присоединились также председатели муниципалитетов основных городов и этот съезд призвал к конституции и демократическим свободам, принятие которых должно было уравнивать Россию с ее западными соседями. Даже священники требовали реформ, призывая к восстановлению выборного патриархата (вместо церковного синода, которым руководил государственный чиновник).

Какое-то время в конце мая и в июне казалось, что Россия находится у самого порога революции. Крестьянские беспорядки достигли высочайшего накала, вновь усилились рабочие забастовки (включая уличные бои в городах польских губерний). После сокрушительного поражения при Цусиме 14—15 мая значительная часть российского военно-морского флота оказалась на морском дне или в плену. Это потрясло даже наиболее преданных царских сторонников. Средние классы были в ярости, революционеры злорадствовали над этим новым доказательством некомпетентности властей. Союз Союзов призвал к демонстрациям протеста. Рабочие забастовки по своим целям и требованиям становились все более политическими. На крестьянском собрании, созванном предводителем дворянства Московской губернии для выражения патриотической поддержки правительству, представители сел использовали трибуну для провозглашения антиправительственной инициативы, призвав к организации Всероссийского Крестьянского Союза. Даже главная опора царской власти — армия — колебалась. Сообщалось о солдатских мятежах в Азиатской части России. Съезд казачьих офи-

церов, главной силы внутренних репрессий, просил царя даровать России конституцию⁹. В июне на Черном море восстали матросы броненосца "Потемкин" и, арестовав своих офицеров, привели корабль в Одессу, охваченную общегородской забастовкой. Другие корабли флота отказались выполнить приказ об обстреле и потоплении взбунтовавшегося корабля.

Тем не менее, революционерам не хватило единства, организации, оружия и опыта. Государственная машина удержала контроль еще раз. Бунты в армии и на флоте были подавлены, бунтовщики отданы под суд, некоторым из них удалось скрыться. Аресты и карательные экспедиции тяжело ударили по крестьянам, рабочим и радикальной интеллигенции. Погромы радикалов и евреев стали признаком мобилизации неофициального проправительственного террора. Нападения мусульман на армян в Закавказье, хотя и менее явно, сыграли ту же роль, ослабляя местное антиправительственное движение. В августе и сентябре крестьянские нападения, рабочие забастовки и политические демонстрации были на самой низкой отметке с начала 1905 г. Казалось, что правительство еще раз выдержало шторм. 6 августа министр внутренних дел издал указ о созыве Думы. Она должна была действовать только как совещательный орган, избираемый непрямым голосованием по избирательным куриям, представляющим различные социальные группы и группы собственников. Избирательное законодательство для новой Думы обеспечивало значительную долю мест в ней тем, кого должны были избирать российские крестьяне, считавшиеся монархически настроенными и консервативными. 23 августа был подписан мирный договор с Японией на условиях, довольно выгодных для России.

Российские революционные партии, очутились неожиданно посреди стремительно усилившегося массового противостояния, с горьким чувством слабости, организационной беспомощности и упущенных возмож-

ностей. Средства, которыми они вначале располагали: несколько тысяч активистов, несколько нелегальных издательств и типографий, редкая сеть кружков, имевших сочувствующих среди рабочих и крестьян и несколько небольших вооруженных отрядов, — выглядели жалко в сравнении с царской армией, бюрократией и полицией. Например, в начале 1905 г., по сравнительно оптимистическим оценкам, число рабочих, поддерживающих РСДРП (все фракции), в Санкт-Петербурге определялось как "около 700"¹⁰. Еще большее неравенство наблюдалось между числом организованных революционеров и миллионными низами, начавшими приходить в движение. Идеологические разногласия, расколы и эмигрантские распри серьезно ухудшали положение в революционном лагере. По словам социал-демократического историка "...партийная среда жила главным образом разногласиями... на этой почве тратилось много сил напрасно... ясно, почему в январские дни массами руководили не наши, а гапоновские организации"¹¹.

Все это делает энергию, с которой революционные группы вступили в действие, еще более впечатляющей. Презирая границы и расстояния, бывшие заключенные и эмигранты спешно возвращались на родину, чтобы присоединиться к борьбе. Вновь прибывшие немедленно вступали в действие. Бюджеты революционных организаций выросли вдесятеро, обеспечивая ресурсы для печатания материалов и закупки оружия¹². Россия была наводнена миллионами листовок, памфлетов и книг, призывающих к уничтожению самодержавия. Три основные общенациональные партийные организации революционных социалистов — меньшевики, большевики и эсеры — так же, как и десятки региональных и этнических организаций, быстро приобретали постоянную структуру, укрепляли внутреннюю дисциплину, вербовали новых членов, усовершенствовали свои программы и нарабатывали тактический опыт. По всей стране было организовано огромное количество новых

оппозиционных групп. Действовала террористическая организация социалистов-революционеров (БО ПСР), наносившая свои удары особенно по руководителям и вдохновителям карательных операций. Во многих местах создававшиеся общепартийные координационные комитеты стремились преодолеть расколы, мешавшие согласованным действиям.

Несмотря на это, организованные российские революционеры, по их собственному признанию, были очень далеки от того, чтобы проникнуть в "глубинные слои" народа. По приблизительным оценкам, к середине 1905 г. в стране насчитывалось 25 тыс. активных революционеров, приходившихся на население в 120 млн человек (исключая западные этнические окраины), или 0,4% от взрослого населения России. В год пика (1906 г.) число членов социалистических партий, поддерживающих революционную борьбу в России (исключая польские губернии), достигло примерно 190 тыс. человек: приблизительно по 44 тыс. социал-демократов — большевиков и меньшевиков, 36,5 тыс. членов еврейского Бунда и латвийских социал-демократов; 60 тыс. эсеров и примерно 6 тыс. в меньших по численности группах (эсеры — максималисты, анархисты и др.)¹³. Это означает немногим выше 0,3% или 1:315 взрослого населения. Число людей, получивших военную подготовку и выступавших на стороне революционеров, все еще измерялось сотнями или даже десятками. Все эти цифры были во много раз ниже в сельской местности.

Реальным этот вызов властям делало то, что и государственный аппарат и правящий класс были также каплей в море российского населения. К тому же власти были раздроблены, деморализованы и не уверены в лояльности армии. Армия в основном набиралась из крестьян, и это в то время, когда крестьянские бунты стремительно набирали силу. Шансы революции в 1905 г., особенно в областях с высокой концентрацией революционеров, в больших промышленных городах на

этнических окраинах и в радикализируемых сельских регионах России и Украины не выглядели безнадежными.

Следующая революционная волна стала подниматься в сентябре 1905 г. На этот раз вызов был брошен самой способности царизма управлять Россией. Массовый протест начался с протеста оппозиции самой идее "консультативной" Думы. Указ, опубликованный в августе, создал мишень для гневных нападок всей оппозиции и сплотил ее в единый фронт. Социалисты различных направлений, большинство либералов, националисты окраин, внепартийные активисты, — все требовали настоящего парламента. 27 августа, почти случайно, правительство восстановило университетскую автономию, отмененную еще в 1890-х годах, и дало разрешение на возобновление занятий в университетах. В сентябре студенты решили прекратить забастовку, но, вместо того, чтобы вернуться к учебе, передали университетские помещения в пользование оппозиции. В каждом университетском городе и, особенно, в Санкт-Петербурге и Москве, университеты превратились в "острова" свободы слова, места постоянных массовых встреч тысяч партийных активистов, непартийных рабочих и представителей "образованных классов", стоявших плечом к плечу, споривших, обменивавшихся литературой и создававших политические организации. Полиция наблюдала за ними в растерянности, старая профессура пожимала плечами, но чувствовала, что нужно относиться к этому терпимо, с точки зрения ее собственного требования свободы слова и явного отсутствия других мест для реализации этого принципа. К концу месяца небольшие подпольные группы и кружки "профессиональных" революционеров стали массовыми, быстро растущими организациями. Одна за другой возникали новые оппозиционные газеты. Ежедневно явочным порядком образовывались новые ассоциации и союзы. Быстро расширялись и становились все более

воинственными рабочие профсоюзы. В этом же месяце, готовясь к наступлению того, что казалось сейчас окончательным сражением, все революционные партии всеерьез занялись формированием тайных организаций своих сторонников в армии. Наиболее важным стал беспартийный Союз офицеров, находившийся под сильным влиянием эсеров¹⁴.

В начале октября непроверенный (и ложный) слух об аресте профсоюзных делегатов побудил вновь созданный Всероссийский железнодорожный союз (располагавшийся в Москве и находившийся под влиянием эсеров) призвать к политической забастовке¹⁵. Это привело к остановке всех поездов за исключением лишь нескольких, которые доставляли профсоюзных делегатов на региональные конференции для обсуждения требований железнодорожных рабочих. Союз Союзов спешно организовал поддержку Всероссийскому железнодорожному союзу — своему самому крупному члену-учредителю. Забастовки солидарности быстро распространились на другие отрасли промышленности, сферу услуг и свободные профессии. К 17 октября развернулась общенациональная забастовка. В нее было вовлечено большинство российских промышленных рабочих (около 1,5 млн), служащих (около 200 тыс.), а также большинство тех, кто принадлежал к лицам свободных профессий¹⁶.

Не только само число участников — а оно было огромным — потрясло Россию. Для России, как, в целом, и для всего мира, это была первая поистине общенациональная забастовка, в которой значительное большинство промышленных рабочих, наемных работников и интеллигенции многоэтнической империи выступили в поддержку общих политических требований. На этот раз в забастовку оказались вовлечены как центр, так и окраины страны. Даже отдаленные провинциальные поселения, российские "медвежьи берлоги" были впервые втянуты в активную политическую жизнь.

В качестве основного выражения самоорганизации забастовщиков в столице был образован Совет Рабочих Депутатов¹⁷. Впервые он собрался 13 октября в здании Санкт-Петербургского университета, став первым парламентом рабочего класса в городе. 562 его делегата представляли 147 городских заводов и примерно 50 мастерских. Исполнительный комитет Совета быстро превратился в альтернативную власть в городе, к которой рабочие, политические активисты и органы оппозиции все больше обращались за руководством и вдохновением. Образ Совета захватил воображение всей страны. Союз Союзов был отодвинут в тень, хотя и продолжал действовать энергично, привлекая поддержку радикальной интеллигенции. Советы создались также в других городах: Москве, Ростове, Одессе, Иваново-Вознесенске и др. (см. карту 1 на с. 122). Деятели нелегальных партий все чаще выступали и открыто направляли массовые демонстрации, к тому времени проходившие повсюду. Поступали новости о резком увеличении числа крестьянских волнений на Юге России. Начали выходить из-под контроля окраины империи.

Среди помещиков и администрации все громче раздавались сетования на неспособность армейских и полицейских подразделений поддержать "закон и порядок". Вся колоссальная машина самодержавия застыла от внезапного прекращения работы ее коммуникационной и транспортной сети. Чиновники остались без приказов, губернаторам и полицейским было не ясно, что делать дальше, перевозки армейских подразделений оказались невозможными, даже ежедневные процедуры царского правления посредством министерских аудиенций и подписания указов были расстроены. Привычный порядок распался на глазах. Россия становилась неуправляемой. На самой "верхушке" нарастала паника.

14 октября Трепов издал приказ по армии "патронов не жалеть" для "подавления бунта", но царские совет-

ники снова разделились во мнении относительно того, что именно следует предпринять. Витте, в своем докладе царю, резюмировал ситуацию как прямой выбор между военной диктатурой и конституционными реформами. Через несколько дней Великий князь Николай Николаевич — дядя царя, командир гвардейских полков и основной кандидат на роль военного диктатора — слезно умолял царя принять предложения о мирных уступках. 17 октября был опубликован официальный текст царского манифеста, извещавшего о том, что России даруется свобода слова, собраний и организаций. Дума же повышается в статусе, превращаясь из консультативного в законодательный орган. В опубликованном в то же время меморандуме, Витте определил цель реформы как создание "правового строя" (понятие противоположно самодержавию, т.е. правлению в соответствии с непосредственной и неограниченной волей царя)¹⁸. Была объявлена амнистия для многих политзаключенных, а также восстановлена демократическая конституция Финляндии, действие которой было прекращено в 1899 г. Был создан кабинет министров (вместо прежнего порядка, по которому каждый министр утверждался лично царем и был ответственен только перед ним). 21 октября Трепов ушел в отставку. Сергей Витте стал первым в истории страны премьер-министром, отвечающим за осуществление реформы, а П.Дурново занял пост министра внутренних дел, возглавив тем самым репрессивный аппарат страны.

Удивление было всеобщим, поскольку изменения были неожиданными или, по крайней мере, не ожидалось так скоро. Организации, которые выступали против консультативной Думы, высказались поначалу и против ее новой улучшенной версии. Революционные партии, Санкт-Петербургский Совет, Союз Союзов и др. продолжали выступать за Учредительное Собрание, депутаты которого избирались бы по принципу "один человек — один голос". Здесь наметился рубеж между

теми, кто верил в то, что реформе 17 октября нужно дать шанс и теми, кто ставил своей целью разрушение самодержавия и создание республики или, по крайней мере, обеспечение эффективного контроля электората над исполнительной властью: встал вопрос о власти и о доверии царскому обещанию конституционных реформ. Радикалы оппозиции безуспешно пытались продолжить всеобщую забастовку. Большинство забастовщиков отпраздновали политическую победу и вернулись к работе. Между тем, свобода высказываний и собраний быстро распространялась, минуя формальные процедуры. Гражданские свободы утверждались "явочным порядком" в организациях, газетах и на митингах. Кажется, российская политическая жизнь действительно переменялась за одну ночь. В коллективной памяти российской интеллектуальной оппозиции это время "расцвета ста цветов" было названо позже "днями свободы".

Праздничное настроение исчезло в несколько дней вместе с быстрым распространением волн насилия¹⁹. С окончанием всеобщей забастовки армия и полиция двинулась "восстанавливать порядок", особенно вдоль железнодорожных линий, на нерусских окраинах и в сельских местностях России. В то же время лоялисты провинции и столичных предместий, тысячи мелких собственников и торговцев, мелких чиновников и разорившихся дворян, полицейских низшего ранга, пивных патриотов, как и некоторых крестьян с яростью и тревогой отреагировали на позор массовых беспорядков, красных флагов и всего того, что выглядело как примирение государства с бунтовщиками. Это были в большей степени горожане, которые не относились ни к привилегированным сословиям дворянства, ни к богатым купцам — "белым сотням" средневековой России. Эта социальная смесь получила прозвище "черных сотен". Их злоба против всего социально нового и чуждого им часто направлялась полицией и местными властями. По всей России прокатились массовые погромы, в ходе которых

тысячи радикалов, интеллектуалов, активистов земств, рабочих и студентов-социалистов, а особенно "чужаков", в первую очередь евреев, подверглись нападениям со стороны вооруженных толп, несущих портреты царя и иконы. Было создано несколько массовых общенациональных организаций этих сил, среди которых к 1906 г. наиболее заметным стал Союз Русского Народа. Его руководители без промедления получили аудиенцию у царя, тепло принимались многими официальными лицами и стали получать финансовую поддержку из секретных фондов Министерства внутренних дел²⁰.

В то же время, со стороны "левых" быстро создавались, расширялись и готовились в городах и в некоторых сельских районах вооруженные подразделения — дружины, выступавшие как средство самозащиты от погромов и как вооруженная сила, готовая к борьбе за республику. 26 октября восстали моряки Кронштадта, и в течение следующих нескольких месяцев ряд армейских и военно-морских подразделений пытались бунтовать или отказывались выполнять полицейские обязанности. Эти военные мятежи оказались в целом стихийными и кратковременными. Попытки революционных партий руководить ими потерпели неудачу²¹.

В то время, как во многих городах России шла схватка за государственную власть, крестьянский бунт охватил уже больше половины европейской территории России. Колебания и обеспокоенность властей были особенно сильными, когда дело касалось российских крестьян. В Октябрьском манифесте ничего не говорилось о земельной реформе, но 3 ноября вдогонку ему появился новый царский манифест, отменивший остатки выкупных платежей 1861 г. и расширивший деятельность Крестьянского Банка с целью облегчения покупки земли крестьянами. Репрессивные меры ударили по жителям села особенно сильно, но, в то же время, два наиболее влиятельных руководителя сил подавления среди других приближенных царских советников — Трепов и Дубасов — провоз-

гласили необходимость немедленной аграрной реформы (и даже собственную готовность расстаться с некоторыми из своих земельных владений, чтобы сохранить остальные).

Многое из того, что происходило в России, повторилось "с удвоенной силой" на ее западной и южной окраинах. Мы обсудим сельскую борьбу в следующей, третьей главе. В те дни польские, латвийские, эстонские, грузинские, армянские и еврейские горожане значительно превзошли русских горожан по интенсивности политической конфронтации с правительственными силами. В конце 1905 г. на некоторое время целые регионы прибалтийских губерний и Грузии оказались под контролем революционеров. Ответ армии в нерусских районах был также намного более жестким. Военное положение было впервые введено в польских губерниях и только позднее распространилось на большинство остальных губерний империи. Особой жестокостью отличились карательные экспедиции в Латвии.

Несмотря на мятежи в некоторых армейских частях и непопулярность "внутренней войны" среди значительной части солдат, в большинстве российских армейских формирований и особенно в кавалерийских частях удалось удержать дисциплину. Это оказалось достаточным для расширения действенных репрессивных мер и определило их результаты. В условиях военного положения только что дарованные конституционные права оставались почти без внимания. Карательные экспедиции армейских частей прокатились по всей империи, сопровождаясь многочисленными казнями по подозрению, часто без суда и следствия. Каратели обстреливали из пушек и сжигали восставшие деревни, арестовывали и казнили бастующих железнодорожников, пороли целые общины, а потом накладывали на них штрафы. Полиция сосредоточилась на слежке и арестах партийных активистов и лидеров революционного движения, рабочих и интеллигентов, выявленных к этому времени

самим фактом свободы слова и собраний. Тысячи из них были преданы суду, в то время как в период с октября по декабрь около 45 тыс. было отправлено в ссылку в административном порядке. Вместе с казням восставших без суда и карательными экспедициями, широкое распространение получили официальные казни, все чаще применяемые судами в качестве наказания за "государственные преступления"²². Обнинский — главный либеральный хроникер той поры — позже назвал эти месяцы временем "свободы и виселиц".

Все происходившее было открытым сражением за то, кто и как будет управлять Россией. Встал вопрос не об интерпретации царских манифестов, государственных указов и партийных программ, а о самом существовании самодержавия. Наиболее эффективным оружием тех, кто противостоял ему было объединение массовой политической оппозиции среди населения империи и особенно из ее плебейских классов с наиболее ясно выражающей свои взгляды группой населения — радикальной интеллигенцией. Сильные организации, вновь созданные или расширившиеся до неузнаваемости и высокоэффективные, создали новую политическую расстановку сил. Многовековой царизм лицом к лицу столкнулся с альтернативой или альтернативами, которые черпали силу в поддержке населения, преимущественно стихийной самодисциплине оппозиции и массовой готовности к жертвам. Рабочие советы и союзы, ассоциации интеллигенции, Союз Союзов, Всероссийский Крестьянский Союз, этнические организации, газеты, издательства и нелегальные политические партии образовали структуру лагеря, противостоящего самодержавию. Основной тактикой радикальной оппозиции в 1905 г. был захват власти "явочным порядком". Перед лицом отступающего правительства эта тактика проверяла, определяла заново и расширяла границы гражданских свобод. В конце 1905 г. промышленные рабочие были наиболее сильной частью оппозиции, по крайней

мере в крупных городах Центральной России. Политическая забастовка была их мощнейшим оружием в борьбе с правительством (см. карту 1 на с. 122).

Против этого нового мира политической оппозиции стоял Старый Порядок. Для большинства населения к октябрю 1905 г. он потерял основные признаки легитимной власти: общую веру в неизбежность того, что уже существует, притягательность национализма, страх униформы в той же мере, в какой и ужас от того, к чему может привести "анархия", инерцию "приличного поведения" и даже мистика царственности. Но государственная машина для принуждения сохранялась во многом нетронутой. "Великий страх" перед революцией заставлял кое-кого из сановников искать компромисса, но в то же время он создавал на стороне самодержавия (точнее, в ее политически крайне "правом" крыле) лагерь лоялистов из тех, кто обычно политикой не интересовался.

* * *

Витте начал свой срок в качестве первого конституционного премьер-министра с попытки взять ситуацию под контроль посредством ловкого политического жонглирования. Он пробовал расширить политическую базу правительства, искусным маневрированием добиться преимущества над экстремистами-оппозиционерами, усилить власть правительства, а также попытался ублажить царя, держа его в то же время в страхе для того, чтобы он оставил своему премьер-министру достаточно реальной власти. Одновременно с этим контрнаступление армии и полиции должны были положить конец беспорядкам — рабочим политическим забастовкам, крестьянским бунтам, нарушениям дисциплины в некоторых армейских частях, которые бросили вызов государственной бюрократии, а также пресечь или ограничить деятельность многочисленных оппозиционных организаций. В течение нескольких дней стало ясно, что усилия Витте терпят поражение — силы, освобожден-

ные революцией, невозможно было усмирить изощренной интригой. Он пытался достичь компромисса с либералами в процессе создания их наиболее сильной партии — Партии конституционных демократов (которая позднее стала называться Партией Народной Свободы). Ценой, которую Витте установил за дележ власти, при котором некоторые из членов этой партии вошли бы в его кабинет, был конец их альянса с радикалами — "отсечение либералами революционного хвоста" — как он это называл. Конституционные демократы не захотели, да, возможно, и не могли принять это предложение: радикализация образованных средних классов и борьба в российских городах и деревнях была слишком сильной, чтобы они могли позволить себе такой компромисс. Обращение Витте к рабочим с призывом умерить их агрессивность, озаглавленное "Братцы рабочие", вызвало только насмешливый ответ Санкт-Петербургского Совета, информирующий страну о том, что рабочие города не считают себя родственниками министра. Первый царский министр вызывал глубокое недоверие как левых, так и правых.

Этот политический провал сделал репрессии единственным средством государственной стратегии в период до выборов и начала работы первого для страны парламента. В своих мемуарах более позднего времени Витте возложил ответственность за репрессии 1905 г. на Дурново — министра внутренних дел — и царя, выбравших такую политику. Однако факты показывают, что Витте был глубоко причастен к планированию репрессий, к организации карательных экспедиций и к систематическим законодательным акциям, ограничивающим многие свободы, дарованные Октябрьским манифестом 1905 г.²³ Революционная ситуация и игнорирование конституционными демократами его обращений сузили для него пространство маневра, но не изменили его целей. А они состояли в сохранении сущности самодержавия усилиями государственной исполнительной власти, которой он сам бы и руководил.

Вместе с тем разнородность оппозиции к тому времени усилилась и проявилась в растущих межпартийных дебатах. Социал-демократы, эсеры, кадеты и многие националистические движения на нерусской "периферии" относились к всеобщей забастовке и к Октябрьскому манифесту только как к прелюдии "настоящей" свободы, которую все еще нужно было вырвать у правительства. Что следовало делать дальше было менее понятно. Социал-демократы и социалисты-революционеры видели будущее в революции, ведущей к созданию республики и к всеобщим социальным реформам. Либералы все больше делились на тех, кто хотел видеть Октябрьский манифест и Думу работающими, и тех, кто требовал социальных реформ и нового парламента, избранного на основе принципа "один человек — один голос". Даже для них революционные формы борьбы были приемлемы в октябре 1905 г. в основном как средство склонить правительство на сторону реформ. Национальные движения окраин разделились, на основе принятой ими тактики, на учившихся у российских социалистов или у российских либералов (всегда при этом имея в виду также и свои особые цели — а именно, автономию или независимость тех регионов, которые они представляли).

К началу 1906 г., когда соотношение сил обернулось не в пользу революционеров, конституционные демократы и близкие к ним партии на окраинах все больше стремились отделить себя от революционных "левых"²⁴. Их позиция шаг за шагом смещалась к абсолютному принятию только "законных действий" и, к 1907 г., к лозунгу "защиты Думы любой ценой".

В ноябре 1905 г. результаты конфронтации по всей России все еще не были ясны. По более поздним оценкам, в ноябре 1905 г. царское правительство было максимально ослаблено, а влияние социалистов — огромно. Политические забастовки следовали одна за другой, достигнув в декабре 1905 г. наивысших месячных пока-

зателей в России. Прозвучал призыв к отказу от уплаты налогов, а также — со стороны коалиции оппозиционеров, руководимой Санкт-Петербургским Советом, — к неповиновению армии в ответ на правительственные репрессивные действия. Крестьяне жгли усадьбы; большинство населения Латвии и Грузии отказывалось подчиняться законным властям, о том же самом заявляли многие рабочие русских и польских губерний. Сибирь была в огне, мятежные солдаты и восставшие рабочие блокировали на некоторое время работу Транссибирской железнодорожной магистрали и захватили Иркутск. Гарнизон Читы, включая высших офицеров и командующего-генерала, призвал к реформам и выступил против "политического использования армии" правительством. В ноябре военные моряки подняли восстание в Севастополе. Ими руководил лейтенант Шмидт, которому предстояло вскоре попасть в мученики революции. Правительственные военные действия теперь часто встречали сопротивление, полицейских и солдат убивали или разоружали. Тем не менее, все эти действия не сумели остановить правительственного наступления. Владельцы промышленных предприятий были также все более готовы к схватке с собственными рабочими. Они отклонили их требование 8-часового рабочего дня, а забастовка в Санкт-Петербурге, выдвинувшая это требование, была сломлена массовыми увольнениями.

В конце ноября и начале декабря члены Петербургского Совета и Главного Комитета Крестьянского Союза были арестованы, и влияние этих двух основных "альтернативных правительств", состоящих из представителей, избранных низшими классами, стало ослабевать. Было быстро организовано новое подпольное руководство, но обе организации были в конце концов разгромлены²⁵. Их сторонники, находившиеся под нажимом тяжелых репрессий, смогли ответить только угрюмым молчанием.

В декабре и январе гражданская война еще продолжала бушевать, но правительственные силы явно одерживали верх. Монархистская пресса назвала этот период "возрождением власти". 7 декабря прозвучал призыв к еще одной общей политической забастовке. Она провалилась в Санкт-Петербурге, ослабленная арестами, но была поддержана в Москве. 9 декабря московская забастовка вылилась в конфронтацию с армией и полицией, что привело к вооруженному восстанию боевых дружин социал-демократов и социалистов-революционеров, на стороне которых выступила часть горожан, особенно рабочих²⁶. Мужество дружинников, в основном рабочих, которые вместе со студентами и "профессиональными революционерами" сражались за каждый дом, не смогло перевесить их небольшой численности, недостаток военной подготовки и нехватку оружия. Революционеры были втянуты в войну, к которой они явно были плохо подготовлены²⁷. Попытки нейтрализовать армейские силы политическими призывами провалились — ни один из солдат из состава армейских частей, брошенных на подавление Московского восстания не дезертировал и не отказался выполнять приказы. Восстание продолжалось до 20 декабря и было подавлено с использованием гвардейских полков и артиллерии. Ряд меньших по масштабу восстаний в других городах России был ответом на московское сражение, но все они были разгромлены. 22 декабря самораспустились дружины в Ростове, последнем городе России, где рабочие районы непосредственно контролировались революционерами. В течение января 1906 г. правительственные силы докладывали о подавлении восстаний в прибалтийских губерниях и на Кавказе, а также о быстром ослаблении крестьянских волнений в Центральной России. Точно также к январю 1906 г. карательные экспедиции наконец сломили сопротивление железнодорожных рабочих и солдат вдоль российских железнодорожных линий и в городах Сибири и Дальнего Востока — в первую очередь, в Чите и Владивостоке.

Борьба еще не закончилась и ни правительство, ни революционеры не думали, что она подошла к концу. Конфронтация вступила в новую стадию и приняла новые формы, сохраняя в то же время преемственность с борьбой 1905 г. В середине января 1906 г. Витте доложил царю о том, что, в то время, как восстания в городах окончательно подавлены, летом нужно ожидать новой волны крестьянских волнений²⁸. Правительство использовало передышку для реорганизации и улучшения состояния армии, полиции и администрации. Некомпетентные или неблагонадежные офицеры увольнялись, колеблющиеся армейские части распускались, радикальные газеты и издательства закрывались, редакторы арестовывались и штрафовались, многие союзы и организации оппозиции были разогнаны. Прошли массовые увольнения "неблагонадежных" рабочих на многих предприятиях, а также радикально настроенных местных служащих: инженеров, врачей, агрономов, юристов. Такие увольнения часто сопровождались административными приказами о высылке. В то же время была достигнута договоренность о предоставлении России значительного международного займа для стабилизации государственного бюджета, сильно распатанного войной и революцией.

Правительство, посредством дальнейших законодательных мер и на основе новых ограничительных разъяснений к уже принятым законам, проделало значительную работу по ограничению октябрьских реформ. Центром этих усилий были "тайные заседания" высших сановников, проходивших в Зимнем дворце под председательством царя, целью которых была выработка нового законодательства, позже декретированного правительством или объявленного царскими указами²⁹. Одно из таких заседаний, прошедшее 15 декабря 1905 г., предопределило характер избирательного закона. В стране должны были состояться многоступенчатые выборы, в ходе которых каждая курия (т.е. разряд изби-

рателей, объединенных формой собственности или принадлежностью к определенному сословию) должна была избирать своих собственных представителей, общее собрание которых по каждой губернии избирало бы затем депутатов в Думу. Способ, которым формировались курии, обеспечивал большее представительство "классу собственников". Женщины были лишены права голоса, а к участию в выборах допускались лишь лица, достигшие возраста 25 лет. В феврале 1906 г. был утвержден новый Государственный Совет, который должен был частично назначаться царем и быть равным Думе по своей законодательной силе. Каждый закон должен был согласовываться обеими палатами и утверждаться царем. В апреле 1906 г. был официально обнародован новый Основной закон — некая разновидность конституции. Он исключал из сферы власти Думы многие важнейшие политические вопросы (особенно, контроль над армией и иностранными делами). Он также подтвердил царскую власть (снова названную "самодержавной"), ее исключительное право на амнистию и факт ответственности правительства только перед царем. Раздел 87 Основного закона определил, что между думскими сессиями правительство может осуществлять законодательную власть посредством указов, подлежащих утверждению на следующих заседаниях Думы и Государственного Совета. Через несколько дней Дума собралась на свое первое заседание.

2. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ: АПРЕЛЬ 1906 г. — КОНЕЦ 1907 г.

Собравшаяся Дума была встречена новым составом правительства. Консолидация консервативных сил продолжалась. Уже в январе 1906 г. собрание провинциальных предводителей дворянства призвало правительство тверже стоять за неприкосновенность прав собственности на землю. В мае был создан Совет Объединенного

Дворянства — настоящий "профсоюз" помещиков и мощное консервативное лобби. Губернаторы подавали все более жесткие предложения. "Правое крыло" перешло в наступление, требуя назначения министров, менее настроенных на компромисс. С их подачи реформистски настроенный главноуправляющий землеустройством и земледелием Кутлер, который выступал за передачу некоторых помещичьих земель крестьянам, был смещен. Давление нарастало, и, за несколько дней до первого заседания Думы, Витте подал в отставку, которая была принята царем (но не раньше, чем он успешно завершил переговоры с французскими банками о предоставлении крупного займа). Витте не простили участия в написании Октябрьского манифеста, который к этому времени начал казаться царю и его сторонникам бесполезным и опасным уклоном "влево". Ему не простили также и того, что казалось попыткой добиться независимой политической базы для себя самого ловким перераспределением власти между царем и Думой. Новое правительство возглавил Горемыкин, в то время как Столыпин, молодой саратовский губернатор, стал министром внутренних дел и шефом полиции. Саратовская губерния явилась мощным центром аграрных волнений 1905 г., подавленных особенно энергично.

Выборы в I Думу бойкотировались большинством радикальных организаций. (В ответ на это 8 марта 1906 г. правительство даже издало указ, угрожающий тюремным заключением за "провоцирование неголосования".) Только кадеты решились участвовать в выборах. Из-за правительственных репрессий либеральный "Вестник Европы" так сравнил выборы в России с победой Наполеона III на выборах 1852 г. — "В истории западноевропейских конституционных государств мы знаем только один эпизод, напоминающий, отчасти, то что происходит теперь перед нашими глазами: это плебисцит, непосредственно последовавший во Франции за государственным переворотом 2 декабря 1851 г...

Парижские бульвары были обгажены кровью безоружной толпы, тюрьмы переполнены ни в чем неповинными гражданами, провинции наводнены чрезвычайными судами..."¹

Казалось, что военное, политическое и законодательное наступление властей и их сторонников должно было привести к созданию послушной Думы. Ее права были урезаны, а многоступенчатые выборы открыты для бюрократического вмешательства. Бойкотирование выборов провалилось. Голосование было массовым и в деревне, и в городах. Даже в наиболее радикально настроенной рабочей курии большинство избирателей приняло участие в выборах. В некоторых важных центрах политического вооруженного противостояния, таких как Санкт-Петербург или Рига, большинство рабочих отказались голосовать, но и в Москве проголосовали 77% работников промышленных предприятий. В результате бойкота лишь несколько членов социалистических партий вошли в состав Думы. Правительство и его сторонники чувствовали себя еще более успокоенными тем, что более 1/2 депутатов Думы представляли крестьянство, которое "можно рассматривать как ценный балласт, придающий устойчивость кораблю". А.Бобринский, один из наиболее реакционных российских сановников, также заявлял, что в грядущей Думе "об устойчивую стену консервативных крестьян разобьются все волны красноречия передовых элементов"².

Но к удивлению правительства как и оппозиции выборы создали Думу с явно антирежимной платформой и радикально настроенными депутатами. Крайне правые не получили ни одного места. Кадеты, которые требовали ответственного перед Думой правительства, получили более 1/3 мест. Этот успех далеко превосходил их самые оптимистичные ожидания и был усилен тем фактом, что их союзники на окраинах также получили много мест в Думе. Блок, руководимый кадетами, сформировал явное большинство Думы. Ввиду бойкота соци-

алистов, кадеты рассматривали себя единственными представителями как "левого крыла" так и "центра" в Думе. Но они были неожиданно и быстро потеснены "слева". Большинство "беспартийных" крестьянских депутатов образовали фракцию Трудовиков, которая заняла более "левую" политическую позицию, чем кадеты.

На первом заседании Думы министры были встречены шквалом обвинений. Дума потребовала немедленного прекращения репрессий, амнистии политических заключенных и земельной реформы. Она также потребовала введения конституции западноевропейского типа. Правительство столкнулось с новой разновидностью политической борьбы³. Положение делало еще более серьезным волна "аграрных беспорядков", которая, как и ожидалось, снова достигла пика летом 1906 г. Поднялась также новая волна "беспорядков" в Польше. В российских городах начали нарастать забастовки промышленных рабочих (но в 1906 г. они достигли, по оценкам, только $\frac{2}{5}$ от уровня 1905 г.)⁴. Появились сообщения о новых "волнениях" в некоторых военных частях.

В начале 1906 г. руководство революционных партий открыто строило планы и готовило собственные организации к новой волне революционной борьбы. В январе собрался I съезд ПСР. Местные активисты различных социал-демократических фракций объединялись снизу⁵. IV съезд РСДРП собрался в апреле 1906 г. и объявил о воссоединении партии. Раздавались даже голоса, требующие создания объединенной Всероссийской Социалистической партии, сплывающей как сторонников РСДРП так и ПСР для решающего сражения⁶. В том же месяце для обсуждения парламентского вызова правительству собрался съезд конституционных демократов.

К тому времени насчитывалось 190 тыс. членов партий революционных социалистов, не считая польских губерний. Их польские эквиваленты — СДПР, Бунд и

ППС — насчитывали не менее 80 тыс. человек. В дополнение к этому существовали, кроме того, примерно 100 тыс. радикальных либералов из партии конституционных демократов и, по крайней мере, 50 тыс. в либеральной и националистической оппозиции на этнической периферии. Начиная с первых дней 1905 г. членство во все еще нелегальных (а, значит, официально не существующих) оппозиционных партиях России, возросло примерно до 400 тыс. человек⁷. Основные партии достигли своего пика с точки зрения членства, организации и издательской деятельности в конце 1906 — начале 1907 гг. Политическое наступление российской оппозиции продолжалось.

Центром противостояний в I Думе стал "аграрный вопрос", т.е. требование крестьянами земли, а также попытка либералов и "левых" установить парламентский контроль над правительством. Дебатировались три основных проекта земельной реформы: "Проект сорока двух", предложенный кадетами; "Проект ста четырех", подготовленный "трудовиками" и "Проект тридцати трех", представленный отдельно наиболее радикальными из "трудовиков"⁸. Кадеты заявили, что государство обязано провести уравнительное распределение государственных земель, и обязательную, но частичную экспроприацию частной земли с полной выплатой государством компенсации прежним владельцам. Трудовая фракция потребовала передачи и уравнительного распределения всей частной земли за вычетом трудовых норм (т.е. за исключением тех земель, которые могли бы обрабатываться трудом семьи их владельца), в то время как вопрос компенсации за изымаемые земли был оставлен открытым. "Проект тридцати трех" был близок к точке зрения ПСР. Он принимал позицию "Проекта ста четырех", но также требовал немедленной отмены частной собственности на землю и ее "социализации". Другие обсуждаемые проблемы включали репрессии в Латвии, всеобщую амнистию, голод в некоторых губер-

ниях, и — что было наиболее важным — ответственность министров перед Думой.

Британское парламентское представление о правительстве и оппозиции, разглядывающих друг друга в тени доброжелательного парика спикера, сильно отличается от того, чем была российская Дума в 1906 г. В ней не было правительственной партии. Правительство, командуемое армией и администрацией, и ответственное только перед царем, стояло против парламента, находившегося в полной оппозиции. В этом смысле ясно, почему во вступительной речи, произнесенной в соответствии с 300-летними государственными традициями правления Романовых, премьер-министр Горемыкин непререкаемо и тупо выразил правительственный отказ внять каким-либо требованиям Думы. Он пообещал продолжать исполнять волю монарха и только ее одну. Требование полной политической амнистии было отвергнуто. "Неудовольствие" Думы по поводу политических репрессий было отвергнуто. Требования земельной реформы были отвергнуты. Горемыкин и министр сельского хозяйства подтвердили "неприкосновенность права частной собственности на землю", исключив любые идеи о перераспределении земли государством. Единственным путем улучшения российского сельского хозяйства и благосостояния крестьянства должно было стать увеличение продуктивности земли. Заседания Думы превратились в бесконечные конфронтации между депутатами и министрами, к которым можно добавить растущее противостояние фракций. Действительной законодательной деятельности не было, да ее и нельзя было ожидать в таких условиях. Вне Думы репрессии и аресты не ослабевали. 8 июля, по совету Горемыкина, Дума была распущена. Были объявлены новые выборы. Царь назначил новое правительство во главе со Столыпиным в качестве премьер-министра.

Казалось, что каждый на мгновение задержал дыхание, наблюдая за реакцией страны на разгон ее первого

парламента. Армейские и полицейские части находились в полной боевой готовности. Большинство членов Думы направились в Выборг (в Финляндии), где местное самоуправление защищало их от немедленного ареста. Там они издали манифест, призывающий к всеобщему бойкоту правительства, отказу от уплаты налогов и сопротивлению призыву в армию. Несколько военноморских и армейских частей восстали в Кронштадте, Свеборге и Ревеле, на этот раз под более непосредственным влиянием революционных партийных комитетов. Прошло несколько политических забастовок, но общий политический отклик в городах был слабым. Крестьянские волнения достигли нового пика летом 1906 г., и центр прямой конфронтации с "силами порядка" явно переместился в сельскую местность. (Их связь с роспуском Думы — предмет дискуссий, мы вернемся к этому в следующих главах.) Царь и новое правительство, оправившись после потрясений, продолжали использовать репрессивное законодательство, аресты, увольнения и казни. Их действия были нацелены к этому времени на искоренение остатков революционеров и ограничение всякой оппозиции в следующей Думе. Ряд депутатов I Думы были заключены в тюрьму, другие уволены, двое убиты террористами "черной сотни", а один сельский священник-депутат после подписания им "Проекта ста четырех" о перераспределении земли был заключен в монастырь за "непослушание"⁹.

Новый премьер-министр сохранил контроль над Министерством внутренних дел, объединяя в одних руках координацию действий правительства, руководство репрессиями и организацию выборов в следующую Думу. Репрессивные меры, опробованные во время карательных экспедиций на окраинах, все больше употреблялись и в самой России. Столыпин и его министерство уделяли особое внимание прессе. Пока I Дума заседала, 92 газеты были закрыты, а 141 редактор и журналист были арестованы или сосланы. Эти закры-

тия и аресты продолжались. В это же время из специальных фондов Министерства внутренних дел финансировалось растущее число "правых" газет. Для выражения правительственной точки зрения был основан правительственный официоз¹⁰. Вместе с роспуском Думы репрессии усилились. В июле многие вновь созданные профессиональные союзы были подвергнуты обыску или запрещены, а их активисты арестованы. В условиях безработицы, выросшей до 300 тыс. человек и наступательной позиции правительства, многие работодатели почувствовали себя в достаточной безопасности, чтобы начать составлять "черные списки" профсоюзных активистов, которые не могли рассчитывать на получение работы. В августе 1906 г. были декретированы процедуры нового военно-полевого суда (на основе 87 раздела Основного закона). Профессиональным адвокатам не разрешалось присутствовать на его заседаниях, решения суда должны были приниматься в течение 48 часов и за закрытыми дверями. Судьями были назначены офицеры. Примерно 1100 дел было заслушано прежде, чем суд был распущен II Думой, 950 дел закончились смертным приговором и более 85 — ссылкой и каторжными работами в Сибири¹¹. К концу года Столыпина в антимонархистских кругах все больше стали называть "вешателем", а виселицы — "столыпинскими галстуками".

По другую сторону быстро росло число террористических акций. На насилие отвечали насилием, хотя революционеры были слабейшей стороной, они все еще были способны добиваться многих своих целей: генерал Мин, командующий правительственными силами при подавлении Московского восстания, был убит, также как и генерал Алиханов, который "умиротворял" Гурию, и адмирал Чухнин, который "учил дисциплине" Черноморский флот. Адмирал Дубасов — "умиротворитель" Черниговских деревень и губернатор Москвы был ранен, как и генерал Ренненкампф, который "очищал"

Сибирь. Полковник Жданов, изнасиловавший женщину-террористку, по делу которой он вел следствие, был убит вместе со своим помощником Абрамовым, и т.д. Дом Столыпина в Петербурге был взорван эсерами-максималистами (которые вышли из ПСР по причине ее "излишней мягкости"). Один из детей Столыпина был искалечен, в то время как сам министр не пострадал. В течение 1906—1907 гг. число убитых солдат, полицейских и официальных лиц постоянно возрастало¹².

Террористические акции были только одним выражением радикализации внутри лагеря революционеров. Они реагировали на растущие репрессии "сил порядка" и отступление либералов, присоединяясь к более агрессивным организациям в их собственном лагере. Как показала М.Перрье, в течение 1906—1907 гг. меньшевики потеряли часть своих членов, перешедших к большевикам, а вся РСДРП теряла своих активистов, переходящих в ПСР. В то же время некоторые активные члены ПСР уходили из нее и присоединялись в основном к анархистам и "диким" подпольным боевым группам¹³. Большинство членов террористических отрядов составляли теперь молодые заводские рабочие или ремесленники, а интеллигенция со значительным отставанием была на втором месте¹⁴. В конце 1906 г. во время выборов во II Думу по рабочей курии на некоторых крупнейших заводах Санкт-Петербурга социалы-революционеры потеснили социал-демократов. На V съезде РСДРП в 1907 г. меньшевики потеряли свое большинство. Интересно, что в Грузии, где меньшевики возглавляли успешное вооруженное антиправительственное движение, наблюдалась обратная перегруппировка¹⁵.

В Столыпине царь нашел не только эффективного руководителя репрессий, но также человека с политическими амбициями и собственной широкой стратегией. В течение 180 дней периода между двумя Думами правительство не только продолжало репрессии, но

также расширяло свою законодательную базу посредством издания новых указов, пытаясь "оставить без ветра" паруса возможной будущей оппозиции в Думе, особенно когда дело касалось крестьян. Государственные земли и частные царские "удельные" земли были переданы Крестьянскому банку для продажи их крестьянам. Гражданские права крестьян были законодательно уравнены с правами других сословий. Сердцевинной того, что стало известно под названием Столыпинской аграрной реформы был указ от 9 ноября. Он облегчал приватизацию крестьянских общинных земель и создание крестьянских хуторов. Новые фермерские хозяйства должны были выступить основными единицами сельскохозяйственного прогресса, а также консервативным "щитом" монархии против революционности бедноты в пределах сельских общин. Это важнейшее устремление было хорошо выражено Столыпиным в его более позднем заявлении: "...необходимо, когда мы пишем закон для всей страны, иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых", а столыпинской стратегической целью утверждалось "создание для нашего крестьянства нового социально-экономического порядка"¹⁶. Мы вернемся к этому вопросу в главе 6.

Пока реформистские указы приводились в действие, губернаторы получили распоряжение проявить гораздо большую активность в выдвижении надежных, т.е. прогосударственно настроенных депутатов в следующую Думу. Церковный Синод указал священникам, особенно сельским, на необходимость более активного противодействия радикальной и либеральной пропаганде. Столыпин также предпринял попытку ввести в правительство некоторых "правых" либералов, но потерпел неудачу.

Результатом волны репрессий стало дальнейшее ослабление открытых политических действий со стороны "левых" партий. Одновременно партия Октябристов, принадлежавшая правому крылу либералов и руково-

димая в то время А.Гучковым, заняла политическую позицию, близкую к столыпинской, включая поддержку карательных экспедиций и военно-полевых судов. (Первый лидер партии — Д.Шипов, председатель Московского земства, в знак протеста против этого решения вышел из ее состава.) Но усилия Столыпина по созданию мощной проправительственной коалиции провалились. Большинство избирателей к этому времени заставили замолчать, но их стремление противостоять правительству оставалось твердым, несмотря на репрессии, монархистскую пропаганду, политические манипуляции и реформы. Выборщики по рабочей курии, оказались все до одного "левыми". Конституционные демократы получили большинство мест среди городских выборщиков и от них недалеко отстали социалисты. Резко выросло число крестьянских голосов, поданных за беспартийных крестьянских радикалов трудовой фракции, ими было также избрано значительное число делегатов, заявивших о себе как о социалистах¹⁷.

Февраль 1907 г. обнаружил нечто странное: заседание наиболее революционной Думы России в стране, контролируемой крайне реакционными силами, с царским правительством, обладавшим самодержавной властью и уверенным в своей силе, но бессильной в парламенте. Правда, в эту Думу вошло теперь несколько преданных монархистов и консерваторов, организованных и более активных. Партия Октябристов имела 8% мест (44 депутата), более "правый" Союз Русского Народа и несколько промежуточных групп получили около 2% мест (10 депутатов). Революционные социалисты — социал-демократы и социалисты-революционеры (их бойкот выборов к этому времени был отменен) поделили между собой 20% депутатских мест. Около 20% занимала крестьянская фракция трудовиков, 19% — либералы из конституционных демократов и 18% — меньшие оппозиционные группы (в большинстве поддерживающие конституционных демократов); оппозиция была снова в

явном большинстве по сравнению со сторонниками правительства¹⁸. В качестве реакции на эту последнюю на десятилетие демократическую проверку настроения страны последовало требование монархистской прессы распустить Думу и внести изменения в избирательную систему. В Думе небольшое число крайне "правых" депутатов навязывали шумные дебаты, часто делая их неразрешимыми. Столыпин выступил с несколькими яркими речами, враждебно встреченными парламентским большинством. Неизбежное произошло даже скорее, чем в случае I Думы. После нескольких стычек и большой дозы примечательной риторики, 3 июня 1907 г. II Дума была распущена.

Снова, в соответствии со все более знакомым сценарием, последовали репрессии и некоторые радикальные депутаты были заключены в тюрьму; но в этот раз, вместе с роспуском II Думы, был односторонне объявлен новый избирательный закон — совершен государственный переворот — в прямом противоречии с Основным законом страны¹⁹. По новому избирательному закону 51% мест в Думе отводился представителям дворян-землевладельцев, в то время как "нерусские" окраины потеряли основную часть своего представительства²⁰. Последняя основная база легальной оппозиции была сокращена в размерах и приведена в соответствие с действительным соотношением сил, которое определилось в стране.

Относительная величина §1 и §2 главы 2 дает косвенное доказательство уклона во взглядах историков России. За 1905-м годом, который был больше, чем жизнь, полным невероятных событий, следуют затяжные 1906 и 1907 гг.²¹ Многие книги называют все это просто "революцией 1905 года". Так чаще всего представляются события, рассматриваемые *ex post factum* (по свершении факта) глазами горожан из правительственного или либерального лагеря. Это представление игнорирует жизнь революционных партий и их неизменную веру в то, что в 1906 г. революция все еще находилась на

восходящей траектории. Оно не учитывает важность позиции самих либералов в 1906 г., в соответствии с которой образование либерального правительства все еще вскоре ожидалось. Наиболее важно то, что картина резко меняется, если взглянуть на нее через призму опыта сельских районов, где проживали 85% населения страны. Этому будет посвящена глава 3.

Так или иначе, вторая половина 1907 г. ознаменовала явное окончание революционного периода. Несколько военно-морских и армейских частей бунтовали в 1907 г., новые крестьянские села присоединились к борьбе, но все эти выступления были быстро подавлены. Продолжались забастовки — число политических забастовок в 1907 г. превысило показатели 1906 г. Были и другие признаки возрождения боевого духа рабочих. Тем не менее, несмотря на усилия революционных организаций продолжать борьбу, революция к этому времени уже заканчивалась. Террористические нападения продолжались и летом 1907 г. началась последняя волна массовых политических забастовок и аграрных "беспорядков". К концу года новая "очищенная", консервативная и послушная III Дума собралась для выражения приветствий и поддержки правительству. В эти же дни те лидеры социал-демократов и социалистов-революционеров, которые оставались в живых и на свободе, надолго покинули Россию. С рассеянными, убитыми, арестованными или скрывшимися революционерами и их сторонниками и последними выстрелами революционеров-террористов, с угрюмым молчанием сел и рабочих кварталов и переполненными тюрьмами, правительство оставило поле битвы за собой.

3. "ВНУТРЕННИЕ ВРАГИ РОССИИ": РЕВОЛЮЦИЯ КАК КОМПОЗИЦИЯ СИЛ

В дни революции Николай Сухотин — консерватор, генерал-губернатор Степной области, экс-профессор

Военной академии и будущий член Государственного Совета предложил свой анализ внутренних врагов и друзей России¹. Это были его собственные взгляды, но он, без сомнения, выразил чувства многих среди русского монархического истеблишмента тех дней. Используя цифры переписи 1897 г., он, прежде всего, разделил 125-миллионное население империи на 76 млн "русских" (включив в их число украинцев и белорусов), которых он считал лояльными, и на 49 млн прочих, отличающихся от "русских" по религиозному и этническому признакам, таких как поляков, евреев, армян, мусульман и др., которые все вместе рассматривались им как враги России. Такая же пропорция (3:2) была взята для территориального деления между *sensus strictu* (настоящей) Россией и враждебными территориями, т.е. этнически нерусскими окраинами и несколькими "сомнительными" губерниями в самой России. Далее, число внутренних врагов России, с точки зрения их сословной принадлежности, было оценено в 700 тыс. дворян (преимущественно нерусских), 7 млн польских крестьян, 8 млн кавказских крестьян, 24 млн крестьян в других областях России, 8 млн мещан и 12 млн "прочих" — всего 60 млн против 65 млн верноподданных русских, среди которых насчитывалось 1,75 млн дворян, 56 млн крестьян, 4 млн мещан и 3 млн прочих. Наконец, Сухотин считал, что из 10 млн грамотных подданных империи 6 млн были "против России", а 4 млн — "за нее". 115 тыс. студентов старших курсов университетов были поделены в пропорции 2:1 между теми, кто был "против" и теми, кто был "за" (пропорция менялась на 1:4,5, если в расчет принимались выпускники военных училищ).

В январе 1917 г., в преддверии следующего революционного раунда, Ленин прочитал лекцию о революции 1905—1907 гг. В центре внимания лежал его собственный анализ сил, которые противостояли друг другу в

ходе этой революции. По одну сторону находился царь, который "...является главой господствующего класса, именно класса крупных землевладельцев, которые уже тысячью нитей связаны с крупной буржуазией и готовы защищать всеми средствами свою монополию... Сотни революционных социал-демократов "внезапно" выросли в тысячи, тысячи стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев... Пролетарская борьба вызвала большое брожение, частью и революционное движение, в глубинах пятидесяти-стамиллионной крестьянской массы, крестьянское движение нашло отзвук в армии и повело к солдатским восстаниям... таким образом, дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа... Среди угнетенных народов России вспыхнуло освободительное национальное движение. В России $\frac{3}{5}$ населения подвергается национальному угнетению... их насильственно русифицируют... Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы была пролетарской... пролетариат был руководящей силой... специфическое пролетарское средство борьбы, именно стачки, представляло главное средство раскачивания масс..."²

Такие типы анализа открыты для критики, особенно если они используют количественные оценки. Все же, по крайней мере по трем причинам, их значение несомненно. Во-первых, невозможно понять революцию без рассмотрения баланса сил внутри нее, абстрагируясь от отдельных личностей и сосредотачиваясь на групповых конфликтах. Во-вторых, характер единиц анализа, принимаемый при таком подходе, безусловно отразится на выводах. И, наконец, нельзя понять революцию без знания того, что ее участники думают о действующих силах, тем более, что такие наблюдения часто бывают самооправдывающимися предска-

заниями. Революция — это (кроме всего прочего) и вопрос познания.

Важны, следовательно, как сходства, так и различия между взглядами Ленина и Сухотина. Для обоих революция представляется сплавом различных противостояний — в действительности, несколькими революциями, слитыми в одну. Эти сражения не были равны по значимости, но определялись тем, где был в глазах каждого из авторов решающий участок битвы. Для Сухотина это была борьба российского самодержавия против революционеров, для Ленина — борьба российского пролетариата против его классовых врагов. Сухотин и Ленин видели одинаково некоторые основные силы, которые выстроились в боевой порядок в годы революционной ситуации: правительство, поддержанное армейскими офицерами и русским дворянством против антиправительственно настроенных горожан и жителей этнических окраин. Тем не менее, определяя многих крестьян как "антирусски настроенных", Сухотин подчеркивал большое значение ядра консервативных крестьян, обеспечивающих, по его мнению, основную базу российской монархии. Он также выделял "образованных" в качестве основной революционной группы и вообще не рассматривал промышленных рабочих и железнодорожников (которые, нужно помнить, принадлежали больше к "крестьянскому сословию" и в меньшей степени к "мещанам"). Вместе с тем Ленин, писавший десятилетием позже, ничего не сказал про интеллигенцию и рассматривал рабочих, особенно высокооплачиваемых и квалифицированных металлургов, как ударный отряд революционных сил. Он предполагал двойной социальный механизм революции: революционеры, вовлекающие в нее промышленный пролетариат, и пролетарии, вовлекающие крестьян и этнические окраины. В своей лекции Ленин также не упомянул внутреннее деление в социальных классах, включая крестьянство. Значительное внимание было уделено им.

солдатам и унтер-офицерам и их обособлению от офицерского корпуса. В течение всего нескольких недель после выступления Ленина началась революция и гражданская война 1917—1921 гг., которым суждено было обеспечить новую проверку этим взглядам и показать, насколько верными были многие из сделанных заключений.

Центральным моментом для каждой революции является широта ее охвата и участия в ней, множественность ее уровней и динамика конфронтации, сложные и противоречивые отношения между и внутри основных действующих сил. Глубина социального раскола между городской и сельской Россией объясняет причину того, почему именно здесь лежит глубочайшее своеобразие и некоторые самые важные связи внутри русской революции. Мы следуем этому пониманию в структуре книги. Прежде, чем мы перейдем к крестьянству и его борьбе, должны быть выделены три других компонента революции 1905—1907 гг.: царское государство, геоэтническая периферия и городское восстание. В дополнение к этому следует сказать несколько слов, касающихся помещиков, крестьянства и сельско-городского континуума.

Таким образом, далее следует анализ социального конфликта, но не классовый анализ в его ограниченном смысле, поскольку в определении политического контекста и политических действий играли важную автономную роль и другие уровни и типы группировок и социальных конфликтов. Более того, социальные классы несли противоречия внутри себя, иногда безотносительно к классовым интересам в их строгом смысле, интересам, которые часто оказывались решающими для исторического процесса и которые, поэтому, необходимо выявить. Наконец, композиционный характер революционной ситуации объясняет важность комбинированных определений, например, латвийский крестьянин был одновременно латышом и крестьянином, когда

сталкивался с русским царизмом, то же самое верно, скажем, по отношению к грузинскому дворянству, горожанам или пролетариату.

* * *

Политическая слабость царизма проявилась в тот момент, когда война, а затем революция сорвали с него пугающую маску. Эта слабость была следствием как противоречивой природы общественных сил, на которые полагалось самодержавие, так и кризиса верховной власти, проявлявшегося в смятении царя, его непосредственного окружения и чиновников, находящихся на вершине административной и военной пирамиды.

Дворянство было основной официально признаваемой социальной базой, "первым сословием империи", основным владельцем частных земель, рангов, титулов и привилегий³. Но многие российские дворяне не были русскими и участвовали в затяжной конфронтации с царизмом за национальные и корпоративные права, как, например, с дворянством польских и прибалтийских губерний. Даже внутри этнически русского дворянства единство было явно утеряно. Надежный консервативный монархизм поддерживался, в основном, дворянством средней руки на южных и западных окраинах. Значительное число местных предводителей дворянства, зачастую блестяще образованных земских руководителей, владельцев больших поместий и обладателей самых высоких титулов, таких, как князя Долгорукие, возглавляли конституционное движение. Остальное дворянство, часто обладавшее небольшими участками земли или вовсе их не имевшее, отождествляло себя с государственной администрацией в большей степени, чем с землевладельцами, и все чаще отпускало едкие замечания об алчности собратьев по сословию, которые больше всего боялись крестьянских требований земли. Когда началось крестьянское восстание, даже самые консервативные дворяне и землевладельцы Юга России

продемонстрировали явную беспомощность. В то время, как немецкие бароны в прибалтийских губерниях часто вооружали своих слуг, создавали немецкие отряды самозащиты и встречали классовых врагов с оружием в руках, русские дворяне в большинстве своем выпрашивали армейский эскорт и бежали в город⁴.

По другую сторону социального спектра стояли преданные правительству черносотенцы⁵. Их крикливый монархизм, хулиганские выходки, криминальные связи, явное соучастие в организации погромов и в убийстве некоторых оппозиционных членов парламента делали их эффективным орудием городского террора, способным несколько ограничить революционную пропаганду среди крестьянства, рабочих и армейских нижних чинов. Но это были сторонники, которых нелегко пригласить в дворянскую приемную; они были союзниками, которых некоторые российские министры глубоко стыдились. Многие из черносотенцев были известны как мелкие преступники или местные пьяницы, получавшие плату за каждую "операцию" непосредственно связанную с полицейскими агентами. В 1905 г., будучи премьер-министром, Витте называл их просто "мерзавцами", и они платили ему шквалом инсинуаций, а после его отставки заложили бомбу в его особняк. Но не следует переоценивать их отдаленность от "истеблишмента". И царь, и Великие князья объявили о своем покровительстве Союзу Русского Народа. Мы располагаем также прямыми свидетельствами симпатии собственной дочери Столыпина к "этим смелым мужчинам", которые использовали камни и оружие для разгона социалистических демонстраций в Саратове. Но по самой природе своего социального комплектования, эта группа была крайне изменчивой, часто неконтролируемой и теряла побудительные мотивы к действию при ослаблении революционного кризиса. К тому же черносотенцы увеличивали раздробленность монархистского лагеря. Отсутствие эффективной политической партии

царских сторонников оказалось постоянной слабостью режима⁶. Несколько ярых монархистски настроенных проповедников и журналистов и некоторые массовые издательства в какой-то мере восполняли эту слабость, но только до определенного предела⁷.

Члены государственного аппарата, особенно в армии и полиции, но также чиновники и священники были третьей составляющей социальной базы царизма⁸. В целом, они были преданны правительству, за исключением немногих, высказывающих радикальные симпатии. Более реакционные, чем само правительство, некоторые полицейские руководители, губернаторы и армейские офицеры строили даже планы действий по спасению царя даже вопреки его собственной воле и для защиты самодержавия от любых экспериментов с парламентаризмом, свободой слова и т.п.⁹ С этими настроениями правительство, тем не менее, справилось легко.

Вооруженные силы сыграли решающую роль в условиях революции. В 1874 г. была введена всеобщая воинская обязанность и вся организация русской армии была приближена к немецкому и французскому образцам. В социальном контексте России отсутствие единства было органично присуще самой структуре вооруженных сил и было обусловлено тем фактом, что войска состояли в основном из крестьян-солдат и унтер-офицеров, а кадровыми офицерами почти всегда были дворяне по происхождению. Ленинская лекция, отрывки из которой были приведены выше, верно подчеркивала, что в данном случае революционные действия включали выступления солдат, а не только офицерского корпуса, как в XIX в. Это было верно также и для российского флота, который превратился в важный центр политического радикализма. Характер мятежей 1905—1907 гг. доказал, в какой степени отношения моряков и солдат, с одной стороны, и офицеров — с другой, стали эпицентром социального напряжения и противостояния. В то же время даже монархистское единство офицерского кор-

пуса стало неустойчивым. В 1905 г. появился республиканский Союз офицеров; офицеры армии и флота осуждались военными судами и казнились за поддержку революционных действий (например, после восстания моряков в Севастополе). Произошли также массовые увольнения в запас "неблагонадежных" офицеров. Привилегированные гвардейские полки и казачьи части тщательно удерживались в стороне от полевой армии как последний оплот династии и бастион абсолютной преданности. И все же, в 1906 г. даже некоторые гвардейские и казачьи подразделения взбунтовались¹⁰.

В то же время, если бы потребовалось составить политический баланс соотношения сил в армии, он противоречил бы надеждам революционеров и показывал бы беспочвенность правительственного страха. Одетые в униформу нижние чины российской армии действовали не сообразно со своим классовым происхождением, но в соответствии с приказами. Жесткая дисциплина, внутренний шпионаж и строгие наказания мятежников не были единственной причиной этому. Армейская структура и иерархия доказали свою эффективность, а ненависть, выраженная солдатами по отношению к бунтовщикам, которые часто делали то же, что семьи этих же солдат в своих селах, дала революционерам новый повод задуматься. Решающим для результатов революции оказалось то, что в большинстве армейских и морских подразделений дисциплину удержать удалось. В основе правительственного наступления в конце 1905—1906 гг. лежало заключение Витте и царского двора о том, что на армию все же можно опереться. "Включенное наблюдение" Троцкого о том, что основная революционная борьба была направлена не против армии, но на получение ее поддержки, и что революционная атака в конце концов разбилась о штыки солдат-крестьян, было очень важным для понимания того, что произошло¹¹. Уроки множества восстаний солдат и моряков и способность армейской центральной

организации подавить их никогда не были полностью забыты на российской политической сцене.

Наконец, с точки зрения поиска потенциальных сторонников, режим все больше нуждался в иностранных союзниках и экономических партнерах, но не мог вполне на них положиться. Военное поражение, которое Россия потерпела от "желтой расы", считавшейся обреченной на колонизацию, и "беспорядки" внутри страны заставили иностранных союзников засомневаться в финансировании столь "нездорового" партнера. Официальная Англия была откровенно рада тому, что азиатская политика России потерпела неудачу. Вильгельм II слал одобрения и советы, но этим и ограничивался. Французские банкиры — основные иностранные кредиторы России — медлили с ответом на российскую просьбу о займе. Он был предоставлен только в 1906 г., когда внутренняя война в городах уже подходила к концу.

Неопределенность и неустойчивость режима были результатом узости и противоречивости его социально-политической базы, но также и следствием его внутренних ограничений. Несмотря на опасность, даже в узком кругу наиболее приближенном к царю, интриги следовали одна за другой, в то время как царская семья бесконечно ссорилась из-за собственности и привилегий¹². Способных и широко думающих администраторов почти не было. Большинство правительственных прогнозов оказались драматически неверными. Размышление о причинах, из-за которых армии терпели поражения, крестьяне бунтовали, рабочие становились революционерами, а интеллектуалы оказывались враждебно настроенными по отношению к правительству — означало признание вещей, неприемлемых для царя и его ближайшего окружения. Свою роль в этом смысле сыграла личность самого царя. Особое значение имела его нерешительность, его нелояльность по отношению к собственным помощникам, его характеристика мелкого помещика, а не правителя великой державы. Когда

Троцкий подвел этому итог, бросив мимоходом: "Испугались, дураки!", а Витте в своих более поздних мемуарах согласился с этим¹³, они оба были правы лишь в определенной мере. "Верхушка" была напугана — да! Она была во многом глупа — да! Но ее страх не был глупым: несмотря на громаду царизма, сама его природа сделала вызов нескольких тысяч революционеров достаточно реальным, чтобы потрясти в основах весь самодержавный режим. Все могло решиться в одно мгновение.

Этим объясняется то, почему интуитивной реакцией режима было применение репрессий в большей мере, чем маневрирование, а также проявление при этом особой жестокости. Свидетели репрессий в российских городах и селах часто приводили для сравнения образ вторжения орды из неистовствующего монгольского нашествия. Дело обстояло еще хуже на нерусских окраинах. До сих пор нас шокируют вызывающие ужас отчеты о карательных экспедициях: названия железнодорожных станций, весь персонал которых был повешен без суда; кавказские деревни, в которых для того, чтобы "сломать неповиновение", все женщины от малолетних до 70-летних, включая монахинь, были изнасилованы казаками под наблюдением офицеров; сожженные русские деревни; тысячи и тысячи перепоротых крестьян или тех, чьи ноги были отморожены после многочасового стояния на коленях в снегу для того, чтобы "получили свой урок"; обычные "законные" казни; казни после военного суда; незаконные казни, число и фамилии жертв которых никто и не записывал ("безфамильный" — было написано на многих могилах)¹⁴. Казни и заседания военных трибуналов продолжались и после поражения революции¹⁵. Самоубийственный террор революционеров в 1906—1907 гг., обращенный против руководителей "умиротворения", все чаще становился единственным ответным ударом, который они могли нанести. Этого было недостаточно для того, чтобы повлиять на

результаты борьбы. Но для тех, кто участвовал в революции, было достаточно причин, чтобы идти до конца.

Царские архивы, в которых сохранились официальные отчеты о репрессиях тех дней, дают возможность понять, какими соображениями руководствовался правительственный лагерь. В них можно найти важное дополнение к тому, что говорил Лев Толстой в уже процитированном отрывке "Не могу молчать". В режиме с высокой степенью централизации роль человека, находящегося на его вершине, была очень важна. На полях отчетов 1905—1907 гг. есть пометки синим карандашом, сделанные собственной рукой царя¹⁶. Он отверг жалобу шефа полиции на "чрезмерные" и вопиюще противозаконные действия карательной экспедиции коротким замечанием, "если бы достаточно наших офицеров вели себя так же, мы бы не имели революции". Он написал "славный малый" на другой жалобе офицера полиции о том, что в нарушение правил некий капитан Рихтер для "оживления" процедуры добавил повешение к расстрелу без суда для тех, кого он арестовал в прибалтийских губерниях. Прочитав отчет о том, что один генерал не стал обстреливать из артиллерии город Туккум в Латвии, потому что тот капитулировал, потому что отцы города упрашивали его не стрелять по гражданскому населению и потому что его отряду не хватило снарядов, он отреагировал словами: "Что за дурацкая причина, он должен был разрушить город". Что все это означало в смысле личного влияния на подчиненных — становится ясным из циркуляра премьер-министра Столыпина в 1906 г., напоминающего офицерам и чиновникам, что "единственный и верный путь к отличию и поддержанию порядка, столь необходимого в настоящее тревожное время" есть "законное, но жесткое, решительное и смелое исполнение своих обязанностей"¹⁷. Это было еще более верно, когда дело касалось нижних чинов. Солдат-денщик был произведен в капралы за убийство на месте "поляка" за "выражение неуважения Его Император-

скому Величеству"¹⁸. Более поздний комментарий, выражающий убеждение тех дней: "Чем больше будет у вас убитых, тем больше — у вас заслуг перед начальством" — очень точно отражает настроение и важную причинную взаимосвязь того времени¹⁹.

* * *

Различия в интенсивности революционных действий между Центральной Россией и ее окраинами были хорошо известны, и в них мало кто сомневался. Сухотин просто вписал все эти районы в список "врагов России". Мартов говорил о "разных ритмах" и более высоком уровне массовой поддержки революционеров на периферии²⁰. Ленин заявил, что "латышский" уровень интенсивности забастовок, проявившись он в главных областях России мог бы одолеть царизм²¹. В большинстве этих регионов конфронтация с "силами порядка" началась раньше, была более агрессивной, более массовой и более мощной по числу вовлеченных в нее социальных групп. Кроме того, роль, которую здесь играли революционные организации, была гораздо более значительной. Здесь было сравнительно немного вовлеченных случайно и гораздо выше степень прямого влияния партийных комитетов. Замечание Ключевского о том, что в России "центр лежит на ее окраинах", хорошо иллюстрируется картой 1 на с. 122.

Одна из основных причин исключительно высокого революционного потенциала окраин достаточно очевидна. Большинство населения этих мест этнически отличалось от русских, а российское государство, особенно после польского восстания 1830 г., стало проводить все более угнетающую политику русификации. На всей территории империи в системе образования и процедурах делопроизводства предписывалось использовать исключительно русский язык. Были законодательно закреплены ограничения, направленные на представителей отдельных этнических "меньшинств" (которые

Карта 1. Интенсивность забастовок и возникновение Советов в Европейской России, 1905 г.

обычно составляли большинство в пределах определенных российских территорий, как, например, поляки или армяне). Для занятия основных административных постов на окраины были отправлены этнически русские чиновники. Для управления этими землями обычно назначались или сами себя выдвигали особого типа люди — националисты и ксенофобы, российские аналоги полковника Блимпа, чье основное право на пост состояло в "русскости" и тупой преданности. По горькой сатире Салтыкова-Щедрина русские называли их "ташкентцами". Тот факт, что большинство населения западных и южных периферий превосходило этнически русских по уровню грамотности и по степени экономического развития, усиливало чувство взаимной обиды и враждебности. Окраины были испытательным полигоном для репрессивных технологий, имевших дополнительный привкус жестокости, в большинстве случаев применяемых, когда дело касалось "инородцев". Даже знаменитая фраза Трепова — "патронов не жалеть" (в его приказе от 12 октября 1905 г.) — была заимствована из приказа русского наместника в Польше, датированного XIX в.²²

Было бы слишком легко заключить, что политическая воинственность окраин была лишь естественным ответом на дополнительное угнетение. Особая сила рабочих и крестьянских революционных настроений была бы по этой мысли простым дополнением к классовому и националистическому пылу. Но это справедливо лишь отчасти, потому что отношение между угнетением и сопротивлением никогда не было простым и однозначным. Разнородность российских периферий дает возможность для сравнения, которое способствует прояснению этих моментов. В мусульманских районах Поволжья и Азиатской России в 1905—1907 гг. было в основном спокойнее, чем в самой России, несмотря на то, что национальное угнетение там было явным и значительным. В исследовании Панкратовой нерусская Россия того времени удачно разделена на а) области оккупации,

т.е. те, в которых государства, подобные России, существовали прежде, чем в них вступили российские армии; б) эквиваленты колониальной империи. присоединенные в результате массовой колонизации, например, Сибирь; в) области колониального управления многочисленным нерусским населением, в которых до этого современных национальных государств не существовало, например, Средняя Азия²³. В то время, как в колониальной России кочевники-казахи, буряты, якуты и др. провозглашали некоторые требования культурной автономии и возвращения общинных земель (области б и в у Панкратовой), основную революционную роль в азиатских регионах играли, что может показаться неожиданным, русские поселенцы. Особенно сильно в революцию были вовлечены железнодорожные рабочие и местная интеллигенция, как это было, например, в Ташкенте. В 1905 г. их выступления часто затмевали даже мятежи солдат пораженной армии, которые на короткое время захватили сибирские города Иркутск, Читу, а также Владивосток. Тем не менее, основные революционные центры находились скорее в "оккупированной", чем в "колониальной" России. Но и там картина была сложной, не допускающей универсальных объяснений.

В прибалтийских губерниях социал-демократы были лидирующей организацией оппозиции. Они также стали ведущей силой в защите национальных прав латышей и эстонцев перед лицом российского государства и обладавших местными привилегиями немецких баронов и бюргеров²⁴. Усилия по русификации, предпринятые чиновниками в XIX в. для урезания древних привилегий местных немецких земельных собственников, помогли консолидировать этническое единство латышей и эстонцев. Классово-национальную и антигерманскую в той же мере, как и антигосударственную борьбу, особенно в промышленном и портовом городе Риге возглавляли сильные рабочие союзы и социал-демократичес-

кие комитеты. Мощные политические забастовки следовали одна за другой. Национальные съезды учителей, местных художников и др. требовали культурной автономии, значительно расширяя антисамодержавный "народный фронт". Селяне Латвии, крестьяне и работающие по найму, также объединялись в борьба за свои интересы. Во многих сельских областях на время была установлена альтернативная власть революционных комитетов, а царские губернаторы и немецкое дворянство забаррикадировались в городах и поместьях.

На Кавказе грузинские социал-демократы продемонстрировали и различия, и важное сходство со своими латвийскими товарищами²⁵. Пролетариата там было очень мало, но социал-демократические кружки возникали и стали влиятельными на самой ранней стадии революции. Кроме того, Грузия была первым регионом России, в которой социал-демократы, не очень желая этого, оказались во главе национального массового движения, в котором главная роль принадлежала крестьянам, но в котором участвовали также дворяне, купцы и ремесленники. Мы вернемся к этому позднее. Влияние социал-демократов на другие этнические группы Кавказа было ограничено в основном промышленным Баку. Сильное и воинственное националистическое движение стало доминировать в Армении. Ряд вооруженных организаций разных этнических групп, проповедующих ислам (определяемые в официальных источниках как "татары") усложняли политический спектр.

Конфронтация между армянскими и исламскими националистами показала, до какой степени "национальная проблема" может влиять, в период революционного кризиса, на обе участвовавшие стороны. Антиармянские погромы отражали особую связь между исламским национализмом и крайней ксенофобией российской администрации, направленной против армян и их влиятельной монофизитской церкви. Эту ненависть поддерживало армянское националистическое движение, возглав-

ляемое партией дашнаков. Другим примером этого стала Польша²⁶. Крупная социалистическая партия возникла здесь уже в 1893 г., и в течение короткого времени она разделилась на более националистическую ППС, которая требовала независимости, и СДКПЛ, которая считала, что требование независимости Польши противоречит истинно пролетарским, а значит, прогрессивным интересам. Влиятельная националистическая подоплека выражалась с особенной ясностью в упрямом требовании повсеместного использования польского языка, которое объединяло большинство поляков против властей, но в то же время, в определенной мере, была направлена против их еврейских, белорусских и литовских соседей. В 1904 г. и ППС и СДКПЛ заняли пораженческую позицию и благодаря этому сумели быстро расширить свое влияние. В начале борьбы 1905 г. в демонстрациях и забастовках СДКПЛ и ППС действовали вместе и на время были явно поддержаны большинством поляков, но к концу года между ними наметились сильные разногласия, отразившиеся также в расколе внутри ППС. СДКПЛ и ППС (левые) были атакованы партией Национальной демократии, правым крылом ППС и католическими активистами, которые обвиняли их в расколе национального единства ради борьбы за чуждые революционные идеи. Бескомпромиссный отказ СДКПЛ принять политические цели, отличающиеся от чисто пролетарских, сыграл на руку их местным врагам. Со временем, когда победа царских властей стала очевидна, СДКПЛ и ее сторонники потеряли почву под ногами, уступив национал-демократам. Массовые увольнения конца 1905 г. свели на нет достижения предыдущих забастовок — они были поддержаны новыми рабочими профсоюзами и бандами "крутых парней", созданными националистами. На выборах во II Думу национал-демократы выиграли и с этого времени полностью доминировали в польском коло, т.е. во фракции депутатов Думы, избранных от польских губерний.

В русском революционном движении евреи играли выдающуюся роль. Они в основном проживали (и были обязаны жить там по закону) на юге и западе Европейской России. Их угнетение, как официальное, так и неофициальное, было особенно жестоким. Среди них было сравнительно немного промышленных рабочих и фермеров, но зато множество ремесленников и работающих по найму на небольших предприятиях, в большинстве своем поддерживающих Бунд, еврейскую социал-демократическую партию, официальным языком которой был идиш. В соответствии с ее отчетом II съезду Всероссийской РСДРП в 1903 г., в ряды Бунда входили не менее 30 тыс. организованных рабочих²⁷. Еврейская интеллигенция и средние классы были радикализованы ярким антисемитизмом и официальных лиц, и населения. Их радикализм выражался в широкой поддержке нееврейских социал-демократов, социалистов-революционеров и конституционных демократов, а также особых еврейских организаций как Бунд, сионисты (левых и правых) и либеральная "Лига за освобождение евреев России". Большие непромышленные губернии Северо-Запада и торговые города, такие, как Одесса, были часто более революционными из-за высокой доли еврейского населения. Вместе с тем важную роль в ослаблении социалистических движений в России и Польше играл антисемитизм, мобилирующий верноподданнические чувства и ксенофобию.

Мы могли бы и дальше развивать описание этнических конфликтов, взяв в качестве следующего примера важный конфликт вокруг признания самого существования украинцев и их языка. (Для русских националистов они были просто малороссами. До 1905 г. украинский язык был исключен из официального употребления и системы просвещения как вульгарная версия русского языка, которую лучше забыть.) Но представленная выше модель взаимозависимости между социальными и этническими конфликтами определена с достаточной

ясностью. Нужно, во-первых, принять сам факт гетерогенности и согласиться с неприемлемостью простой шкалы типа "более или менее", в рамках которой это явление может быть упорядочено. Большинство нерусских областей боролись с царизмом с особым упорством, но делали это по ряду причин. Классовый конфликт играл основную роль в активности рабочих в Риге, Варшаве или Лодзи, но требование национальной эмансипации было там столь же важно, объединяя в той же мере, в какой и разделяя. Связь между крестьянской поддержкой и националистическими требованиями, предложенная некоторыми русскими марксистами в их попытке заявить о пролетарском иммунитете по отношению к таким "архаизмам", осталась в целом недоказанной. В то же время, те революционеры-социалисты окраин, которые во имя прогресса или из-за прагматических соображений сопротивлялись требованию независимости (например, социал-демократы Грузии, Латвии и СДКПЛ в Польше) получили поддержку далеко за пределами организованного рабочего класса. В Грузии они были поддержаны в основном крестьянами. На всех окраинах именно интеллигенция была особенно активной в разнообразных культурных и лингвистических ассоциациях, организованных по этническому принципу.

Успех небольших по численности революционных сил был возможен только в том случае, когда он получал массовую поддержку "улицы", т.е. людей, хотя и не вовлеченных в борьбу непосредственно, но поддерживавших ее тыл ресурсами, проявлением симпатии, нейтрализацией некоторых правительственных сил и т.п. Именно здесь националистические чувства играли особенно важную роль. Представление Мао о том, что сила революционеров зависит от их способности "плавать как рыба в море" широкой народной поддержки очень к месту в данном случае. Выступление "всей нации", действующей как единое целое при столкновении с

российским царизмом, было особенно важно для революционеров. Растущая озабоченность царского правительства всем этим привела в течение 1905 г. к нескольким компромиссам, направленным на уменьшение этно-революционного напряжения: была возвращена автономия финнам и полякам, а украинцам было разрешено использовать собственный язык и т.д. Частичная, переходная и оппортунистическая природа этих отступлений от русификации тем не менее, была слишком явной и очевидной, чтобы усмирить антигосударственный национализм периферии.

* * *

Марксистский классовый анализ более применим к ситуации, которая сложилась в городах России. Рабочие доказали свой радикализм и активность. Большинство тех, кто участвовал в забастовках, идя на демонстрации и выступая с оружием в руках в 1905 г. против самодержавия, и те, кто расплачивался за это, были промышленными и железнодорожными рабочими. Заводские рабочие, которые были теснее связаны с городской средой, лучше профессионально подготовленные и оплачиваемые (например, металлурги и печатники) бастовали чаще, выказывая большую политическую осведомленность, и в массе своей поддерживали социал-демократические партии. (Рекорд интенсивности забастовок, поставленный низкооплачиваемыми текстильщиками в 1894—1895 гг., перешел к элитарным рабочим-металлистам, лидировавшим в революционном 1905 г.²⁸) Ранее неизвестное явление политических забастовок символизировало новые времена. Эти забастовки выдвигали требования, простиравшиеся далеко за пределы простого требования повысить заработную плату. К этому типу относилось около $1/2$ забастовок 1905—1907 гг. Членство в профессиональных союзах быстро возросло до 150 тыс. человек²⁹. Читательская аудитория "Русской газеты", ежедневно выпускаемой Санкт-Пе-

тербургским Советом, к декабрю 1905 г. достигла 500 тыс. человек. Процесс образования Советов был в значительной степени стихийным — с помощью представителей заводов, фабрик и железных дорог цепь пролетарских классовых парламентов превратилась в главное революционное командование. Фактор самоисполнимых пророчеств действовал и здесь — предсказания о пролетарском революционном духе заставили социал-демократов и социалистов-революционеров сконцентрировать пропагандистские усилия на городском рабочем классе. И в целом, основная политическая модель и прогноз, сработав в России, влились в марксистский анализ мира³⁰.

Либеральные партии и организации как это и было предсказано марксистами, проявили нерешительность, хотя они могли бы, очевидно, получить самую прямую выгоду от парламентской демократии. Подход конституционных демократов к политической борьбе и, особенно, к вооруженной схватке напоминал худшую из карикатур, нарисованных на них социалистов, — они были готовы поздравить тех, кто начал вооруженную борьбу (на I съезде кадетов в октябре 1905 г.) и быстро начали их осуждать, когда эта борьба потерпела поражение (на II конференции кадетов в феврале 1906 г.). Большинство лидеров ставили перед собой цель заключить компромисс с царем и его правительством. Тем не менее, простое пересказывание первоначальных взглядов Плеханова о бессилии российской буржуазии и необходимости в силу этого "пролетарской гегемонии" в России, как считали и советские историки, — ошибочно, если просто оставить его в таком виде. Формула "больше промышленности—больше пролетариата—больше революции", уравнивающая воинственность с "прогрессом", широко использовалась лидерами РСДРП с момента ее основания. Пример Грузии 1905—1907 гг. прямо опровергает эту формулу. Этот явно сельский регион, почти не имевший промышленности, лидировал

по всем революционным показателям. В более общем смысле, простая экстраполяция таких ожиданий сделала бы в 1905 г. американский Питтсбург и английский Шеффилд намного более революционными, чем Санкт-Петербург, хотя ясно, что это не так. Пол Суизи предложил нечто более близкое к действительности. Он предположил, что пролетарский революционный потенциал описывает историческую дугу — он низок на начальной ремесленно-мануфактурной стадии, достигает пика на начальной стадии индустриализации и падает в течение следующего периода по причинам, которые он тщательно проанализировал в своей работе³¹. Этот анализ может придать социологический контекст важной метафоре XIX в., принятой и разрекламированной Каутским, о том, что центр пролетарской социалистической борьбы "движется на восток": из Англии во Францию, в Германию, а затем в Россию³². Революционный дух русских рабочих был не просто вопросом их положения в политической экономике, но также отражением относительного исторического контекста и, нужно добавить, региональных, этнических и глобальных условий.

Во-вторых, "история двух городов": буржуазно-либерального и пролетарски-революционного скрывает тот факт, что простое разделение на рабочих и капиталистов (объединенных общим докапиталистическим врагом, но сталкивающимися друг с другом в конфликте, определенном эксплуататорской политической экономией) нельзя принять. Возможное дополнение к этой картине упадочной и, следовательно, по своему существу реакционной мелкой буржуазии также не в состоянии удовлетворительно объяснить политическую ситуацию в российских городах в 1905—1907 гг. Некоторые российские капиталисты требовали демократизации, но привязанность других к царскому режиму и его системе привилегий вела их к поддержке самодержавия любой ценой. Многочисленные попытки того времени

основать политические партии частных собственников провалились³³. Более важным было то, что "ортодоксальный" марксистский классовый анализ оппозиции "растворял" интеллигенцию в общем "котле" буржуазии или мелкой буржуазии. В условиях, когда капиталисты не боролись как группа за политическую власть, интеллигенцию стали считать суррогатом буржуазии. Эти процедуры постоянно запутывали причины политических действий. Революция не была устроена одними лишь студентами или интеллектуалами, они также не составляли большинства на линии огня в 1905—1907 гг., но их место в лагере революции, а позже в тюрьмах, было значительным, важным и не случайным.

Выделить интеллигенцию — само по себе еще не достаточно. Здесь, как и для большинства других группировок, структура их различий была политически важна в той же степени, как и структура их сходства. Хороший путь выяснить это — ближе взглянуть на короткую историю Союза Союзов. Инициатива его создания исходила от Союза "Освобождение", который уже в ноябре 1904 г. призвал к созданию союзов либеральных профессий и рабочих профсоюзов, чтобы в дальнейшем объединить всех вместе и каждого в отдельности в их свержсоюз³⁴. Та организация, которая в действительности появилась в мае 1905 г., была даже более разнородна, чем предполагалось: помимо союзов либеральных профессий, дипломированных инженеров, юристов, писателей и актеров в него вошли профессиональные союзы железнодорожных рабочих, почтальонов и т.п., союзы "белых воротничков", состоящих из фармацевтов, учителей, библиотекарей, и более широкие либеральные организации, например, феминистские, или даже национальная ассоциация башкир. Некоторое время в ней участвовали также земские конституционалисты, а позже — представители Крестьянского Союза. Общим девизом было требование демократии и соглашения, по которому ни одна политическая

партия не могла быть принята в организацию, но в то время в нее могли вступить отдельные члены любой партии, протестовавшей против самодержавия.

Как уже было сказано, основному течению организаций промышленных рабочих в больших городах в конце 1905 г. суждено было найти свое наиболее яркое выражение в Советах. Но Союз Союзов, объединивший в основном активистов из "среднего класса" (т.е. служащих и представителей свободных профессий), проявил себя как одна из наиболее радикальных организаций того периода. Опровергая ожидания, коренившиеся в классовом анализе и либералов и социалистов, эта организация отказалась стать просто "фасадом" для либерального движения. Когда этот вопрос встал на III съезде Союза Союзов (июль 1905 г.), его руководство проголосовало против своего собственного председателя — П.Милюкова — и его политических сторонников. Милюков в своих воспоминаниях, написанных в эмиграции, сравнивал положение либералов в Союзе Союзов с курицей, высидевшей утят. "Я не предвидел, — жаловался он, — что очень скоро мне самому придется отойти от Союза Союзов, когда он послушно пойдет за ленинской линией"³⁵. Постоянно радикальная позиция Союза Союзов, например, его бойкот выборов в Думу (вместе с революционерами-социалистами и в противоречии с конституционными демократами) и его энергичная поддержка политических забастовок не может быть объяснена просто классовым происхождением его членов. Нельзя определить его позицию и тем фактом, что достаточно большое число изначальных сторонников конституционных демократов, разочарованных их "правым" уклоном, перешли к поддержке Союза Союзов (и наоборот).

Для того чтобы увидеть корни радикализма Союза Союзов, следует определить специфический социальный контекст интеллигенции в рамках "развивающегося общества", противоречивость ее отношений с Западом

и со своим собственным народом, ее политизацию и социально определенную "тяжесть стыда", которая, как однажды сказал Маркс, — является революционным сантиментом³⁶. Образ двух городов в одном, революционного и реформистского, стоящих лицом к лицу в эпоху конфронтации с царизмом применим с оговорками, и большинство рабочих и некоторые капиталисты сыграли важную роль в левом и правом крыле революционного движения, но именно межклассовая природа революционной волны сделала ее в октябре 1905 г. непреодолимо мощной. Это не могло произойти без массового участия непролетарских социальных слоев (и несоциалистического общественного мнения, не-капиталистов, которые также не были и пролетариями).

Мартов сказал, цитируя "Торгово-промышленную газету", что в декабре 1905 г. революция "была подавлена не пулеметами, а расчленением освободительного движения, которое было произведено манифестом 17 октября"³⁷. Отказ кадетов поддержать "нелегальную" борьбу после октября 1905 г. и их неприятие революционных требований и пролетарской воинственности явно повлияли на результат. Существовало также классовое противостояние между рабочими и их работодателями. Владельцы промышленных предприятий, даже те, которые были готовы поддержать некоторые реформы, сомкнули свои ряды против требования 8-часового рабочего дня и, к середине 1906 г., выступили против повышения заработной платы, встретив забастовки увольнениями. Тем не менее еще раз стоит подчеркнуть, что членами и лидерами партии конституционных демократов были не владельцы заводов, и даже их представление в качестве таковых не помогло бы в объяснении перехода конституционных демократов от их радикальной позиции у нас "нет врагов слева" — в октябре 1905 г. к их лозунгу 1907 г. "спасти Думу любой ценой". Это также не может объяснить, почему отступление конституционных демократов сопровождалось радика-

лизацией Союза Союзов на позднем этапе при сохранении прежней социальной базы. Чтобы понять это, нужно взглянуть на социальные корни, а также интеллектуальную историю российского либерализма и радикализма, одинаково удаленных от действительного капитализма и его динамики в России.

Что касается пролетарской самоорганизации, создание Советов поначалу воспринималось с подозрительностью или враждой многими социал-демократами, особенно большевиками³⁸. Казалось, что Советы бросали вызов исключительному праву их партии на руководство пролетарским движением и имели привкус той стихийности, против которой так резко выступала в свое время группа "Искры". Позднее Совет был представлен советскими историками как естественная организация рабочего класса (даже с претензиями на то, что его создание было инициировано большевиками). Классово-парламентский характер Санкт-Петербургского Совета был в действительности поддержан стихийной волей рабочих. Тем не менее, современники подтверждали, что Совет действовал не только как рабочее представительство, но также, в значительной степени, как координационный комитет разных социалистических направлений. В самом деле, в тех областях, в которых не существовали множественность и относительный баланс партий, наиболее сильная партия или "федеральный" комитет социалистических партий просто брали дело в свои руки, не беспокоясь о возможности обеспечить "беспартийные рабочие массы" специфическими средствами самовыражения, как это было, например, в Риге. В России пролетарская "демократия снизу" развивалась только в специфическом многопартийном политическом контексте, в то время как вне его она имела тенденцию скатываться к замене пролетариата лидирующей социалистической партией и самой партии партийными комитетами.

Вместе с развитием революции политическое разделение внутри российских городов быстро менялось. Со-

циальные группы и индивидуумы учились в ходе этого процесса и реагировали на него. С конца 1905 г. началась политическая поляризация. Описанная выше мобилизация монархистского экстремизма, лобби земельных собственников и повернувших "вправо" либералов сопровождалась в 1906 г. движением "влево" тех, кто поддерживал социалистов, что выразилось в Союзе Союзов, в Советах и в растущем предпочтении рабочими и партийными активистами тех лидеров и движений, которые занимали более агрессивную, бескомпромиссную позицию и звали к вооруженной борьбе.

* * *

"Разный ритм" революционной борьбы может быть также продемонстрирован при сравнении ее, отдельно, в городах и сельской местности России. Мы обсудим особенности крестьянского движения в следующей главе. Нужно с самого начала подчеркнуть меру взаимозависимости между основными социальными классами сельской местности России и городским сообществом. Вершина национальной пирамиды благосостояния и силы находилась в столицах империи, средняя часть — в прочих городах, а основание — в селе. Социально-географическая мобильность помещиков и крестьян-рабочих обеспечивала здесь прямые контакты и "обмен персоналом". Следует сказать несколько слов и о политическом значении этого вопроса.

Русское среднее дворянство и помещики были плохо подготовлены к кризису, связанному с отменой крепостного права в 1861 г. и к последовавшей после этого долгой депрессии сельскохозяйственных цен³⁹. Многие вообще бросили заниматься сельским хозяйством на своей земле. Другие, наоборот, переехали из столиц в губернии, чтобы самим руководить сельскохозяйственными работами, и таких случаев стало больше с начала подъема на международном зерновом рынке в 1896 г. Эти помещики даже начали говорить о себе как о

"трудовом дворянстве". Они в это время жили чаще всего в провинциальном городе, влияя на местную администрацию и частично принимая участие в ее работе. (Сыновья крупных землевладельцев часто попадали подобным образом к царскому двору и в гвардейские полки.) Именно образованная элита провинциальных помещиков обеспечивала до 1905 г. важную базу общенациональной либеральной оппозиции, воплощенную в земствах, в попытках развивать прогрессивное сельское хозяйство в рамках работ, проводимых Вольным Экономическим Обществом и в расширяющихся устных требованиях конституции и социальных реформ. В течение 1906 г. либеральное влияние в среде помещиков драматически упало. В январе конференция предводителей губернского дворянства призвала к объединению против внутренних врагов России и к бескомпромиссной защите права помещичьей собственности на землю. В апреле собрание представителей дворянства, созванное либералом князем П.Трубецким, проголосовало за смещение его с поста председателя собрания, выбрав взамен реакционера графа В.Бобринского. Там же был создан Совет объединенного дворянства, призванный играть роль главной консервативной силы в России. Либеральные дворяне смещались со своих постов в земствах, проигрывали выборы в Думу по курии земельных собственников, подвергались общественному ostrакизму и даже исключались из некоторых региональных ассоциаций дворянства⁴⁰. Казалось, что политика дворянства описала полный круг. В действительности, столкнулись разные тенденции в дворянстве и теперь их противостояние стало явным.

Основным источником богатства, дохода и силы для провинциального среднего дворянства была земельная собственность. В начале столетия основная часть российских поместий находилась в состоянии упадка, теряя землю через долги и продажи. $\frac{1}{5}$ российского дворянства, согласно расчетам князя Трубецкого, были

неспособны содержать свои семьи только на доходы от земли. Эти помещики угрюмо отвергали политику "выжимания ресурсов из сельского хозяйства" с выгодой для индустриализации, проводимую Витте и бесконечно выпрашивали крупницы государственных подачек, синекуры и привилегий. Именно их отказ заниматься общественными делами привел в свое время к доминированию во многих земствах либералов. Теперь, в течение одного года это "молчаливое большинство" помещиков поглотило лагерь дворянского либерализма и просвещения. В течение 1905—1906 гг. это большинство, вместе с небольшим числом других аграрных производителей, заразилось великим страхом крестьянского восстания, что привело их к самопреобразованию в своеобразный "класс для себя". К 1906 г. и далее этот класс продемонстрировал значительную влиятельность, реакционную по своей природе. Дворяне были теперь объединены лозунгами, провозглашающими "неотчуждаемую природу частной собственности на землю", а также враждебной реакцией на любые крестьянские требования. Они отражали особенную неспособность среднего русского дворянства войти в ряды тех, кто выигрывал от капитализма и преодолеть свою традиционную зависимость от государства⁴¹. Витте и Кутлер (реформистски настроенный министр сельского хозяйства в его кабинете) были их излюбленными пугалами, вместе с иностранным капиталом, интеллигенцией, либералами и евреями. Даже правительство Столыпина постоянно критиковалось со стороны реакционного дворянства, для которого "аграрная проблема" была не более, чем "выдумкой революционеров и мечтателей из бюрократов, которые не знали ничего о реальной жизни в деревне"⁴². С их точки зрения, нужно было просто восстановить порядок и вернуться к формам власти, как ее понимали с древних времен.

Составляющей городской революции 1905—1907 гг. являлась сельская классовая конфронтация из-за

земли. Это было так не только для помещиков. С одной стороны стояли российские дворяне-землевладельцы из сел и городов России, связанные с чиновниками высших рангов и царским двором. С другой стороны стояли крестьяне, представленные в городах миллионами крестьян-рабочих, державших свою землю и семьи в деревнях. Борьба в городах глубоко влияла на деревню, но в той же мере многое произошедшее в течение 1905 г. в развитии взглядов и политики российского городского дворянства, так же, как и взглядов многих рабочих, имело очевидные сельские корни. Они отражали, по обе стороны городских баррикад царскую власть и массовую атаку крестьянства на земли и сельские привилегии дворянства, — жакерию, попытки создания альтернативной власти и мощную политическую мечту, которые в конечном счете уничтожили русское дворянство и то государство, к которому оно относилось как к своей эксклюзивной собственности.

РЕВОЛЮЦИЯ СНИЗУ: ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

Страшны не книжки,
а то, что есть нечего ни тебе, ни скотине.
*(Из ответа крестьянского старосты судьям
на вопрос о влиянии революционной пропаганды
на "аграрные беспорядки" 1902 г. в Полтаве.)*

Хуже нищеты, горче голода
угнетает народ полнейшее бесправие...
*(Из постановления схода села Шняк,
Казанской губернии, 1907 г.)*

1. ЖАКЕРИЯ

В соответствии с определением, которое дает Оксфордский словарь, "Жакерия — **это** восстание вилланов, крестьян северной Франции, и, с тех пор, — крестьянское восстание вообще". Несколько юмористически для тех, кто смотрит на **это** по свершению факта, в своем издании 1901 г., Оксфордский словарь, главное, для любого британца, хранилище стандартного знания и здравого смысла дает такой пример употребления термина: "В России... деревни, раскиданные здесь и там посреди великой степи, не имели материальных условий даже для успешной жакерии". Encyclopaedia Britannica (Британская энциклопедия) объяснила происхождение первой жакерии "нуждой, испытываемой крестьянами в Столетней войне и ненавистью к дворянству, которое их угнетало". Крестьяне, — говорится далее, — "разрушили множество замков... предали всю сельскую местность огню и мечу, совершая самые ужасные зверства". Этому был положен конец, когда "армия

Карла Злого... сокрушила повстанцев... и дворянство, затем, прибегло к самым жестоким репрессиям"¹. Обратим внимание на наречие "затем" и на прозвище, данное современниками предводителю дворянских войск.

Историки, изучающие те дни, опираются, в основном, на свидетельства хроник. За хрониками стоят их авторы и читатели, монахи и дворяне, те, кто писал и для кого писали, владельцы земель, власти и знаний, оставившие нам письменное слово. Именно они произвели слово "жакерия" от Jacques Bonhomme — "Жака-Простака" во французском языке того времени. В XIII в. они создали также *Declinatio Rustico*, объяснившего нам, что означает слово "крестьянин" — его шестью склонениями были: "негодяй, грубиян, вор, дьявол, разбойник и грабитель", а во множественном числе — "негодяи, попрошайки, лжецы, жулики, дряни и безбожники"².

Образ жакерии, оставленный нам в наследство и который мы привыкли считать самим собой разумеющимся — это бунт, жестокий внезапный взрыв, когда сельские изгои впадают в неистовство, ведомые нищетой и ненавистью, чтобы быть "затем" потопленными в крови и усмиреными злыми "силами порядка". Стадии столкновения крестьянского восстания с "непоколебимо сильными режимами", были хорошо описаны автором, обсуждавшим "аграрные беспорядки" 1902 г. на Юге России: "...рождаются как бы из ничего, внезапно превращаются в грозную опасность и гаснут, не оставляя никакого следа"³. Список крестьянских бунтов и восстаний, известных в мировой истории — длинен. Точно также, как в случае жакерии XIV в., историки будут вечно спорить о мотивах таких бунтов, но скорее всего согласятся с тем, что восстания были неожиданными, стихийными, жестокими и непродолжительными, и что крестьяне, вовлеченные в восстания, перед их началом были более, чем обычно, угнетены и голодны. Те, кто симпатизирует угнетаемым, возможно скажут также, что наружу вырывалась жестокость тех, кого довели до

озверения, адресуя обвинение рабовладельцам, а не оставшим рабам. Но и они чувствуют себя неуютно перед образом ярости, вышедшей из-под контроля черни и бунта, не приведшего ни к каким немедленным улучшениям и который не оставил после себя ничего, кроме руин и виселиц, мародерства солдат и ссор историков.

Менее очевидно долгосрочное влияние таких уроков истории, преподанных и правящим и управляемым. Часто страх победителей перед теми, кто был побежден, многие годы господствовал в политике государства. Долгосрочные результаты сокрушительного поражения для тех, кто его пережил, могут оказаться лучше, чем жизнь согнувшихся без борьбы.

Русскими эквивалентами понятия "жакерия" были "бунт", "вольница" и "пугачевщина". На протяжении всей истории крепостничества крестьяне противостояли своим господам и эксплуататорам всеми мыслимыми средствами в непрекращающейся борьбе за лишний мешок зерна, за лишний час отдыха, за лишнюю толику самоуважения. Обычно они встречали "непоколебимо сильный режим" набором хитрых выдумок: сокрытием, воровством, побегам и мошенничеством, так же, как и неискренним подобострастием в духе бравого солдата Швейка. Их повседневная жизнь и положение в течение долгих периодов относительной стабильности могли быть часто выражены поговоркой пуэрториканских крестьян "Obezdo pero no cumplo" — "Я слушаюсь, но не подчиняюсь". Временами они тайно убивали дворян и чиновников или пускали им "красного петуха", прибегая к средствам, вполне достаточным для того, чтобы помещик подумал дважды, прежде чем переступить некую невидимую черту приемлемой для крестьян степени притеснения, унижения и жестокого обращения¹. Иногда, особенно когда эта черта грубо попиралась и все общество сотрясилось от голода, войны или эпидемии, система социального контроля над крестьянами, основанная на страхе и манипуляциях внезапно рассы-

палась и обычно скрытый гнев вспыхивал бунтом — открытой демонстрацией массового неповиновения, анархией насилий, разрушений и убийств с неизменно следовавшим за ними суровым усмирением и символической демонстрацией раскаяния. Комментарий Пешехонова, приведенный выше, дает хорошее представление об этой последовательности. История крестьянства за пределами России показывает, в какой степени она была частью крестьянской жизни вообще и той общественной системы, с помощью которой крестьяне были помещены на ее самое дно.

Там, где власть царя и дворянства была слаба, развивалась вольница — следствие как растущей твердости самодержавия, так и его несовершенства. Казаки прежнего времени — вооруженные поселенцы, обосновавшиеся на южной границе и вдоль речных путей, идущих на Восток — были ее наиболее ярким, но не единственным выражением⁵. Крепостное право вынуждало смелейших спасаться бегством в поисках свободы туда, где мощь государства не могла их достигнуть: в дикое пограничье, в чужие земли, в бесконечные леса с их старообрядческими скитами. Оно заставляло их вступать в разбойничьи шайки или присоединяться к другим изгоям. Само существование таких сообществ было постоянным сопротивлением части крестьян, направленным против существующей власти. Рост и модернизация царизма означали постоянный процесс проникновения, захвата, разрушения и присоединения этих островков социальной независимости.

Русские крестьянские войны XVII и XVIII вв. являлись сплавом множества крестьянских бунтов и вольницы. И тех и других возглавляли казаки, которые приносили в конфликт свое военное умение и опыт. Восстание, которое в 1773—1775 гг. возглавлял Емельян Пугачев, было крупнейшим по размаху и запомнилось лучше других⁶. Идеологически оно опиралось на требования самозванца (Пугачев принял имя убитого царя

Петра III), объявившего главными целями восстания возвращение свобод, украденных дворянами, получение земли для всех и превращение всего российского крестьянства в казачество. Восставших поддержали религиозные сектанты-старообрядцы, которые во имя "доброго старого времени" и "истинно-христианской веры" стояли в оппозиции к церковным реформам и церковной иерархии. В высшей точке восстания к нему присоединились крепостные рабочие уральских заводов, башкирские кочевники и чувашские крестьяне, чьи земли захватывались государством и российским дворянством. На своем пути Пугачев приказывал казнить помещиков, чиновников и офицеров. В соответствии с обычной последовательностью событий и этот бунт был в конце концов потоплен в крови войсками Екатерины II, а вожди восстания и многие из их соратников погибли мученической смертью. Но это восстание никогда не было полностью забыто теми, кто находился у власти. Слово "пугачевщина" переходило у них из поколения в поколение как понятие, обозначающее крестьянскую войну, жестокость низов и государственную измену.

Казалось, что в России война под предводительством Пугачева была и вершиной и концом всех крестьянских войн. К концу царствования Екатерины II крестьянство было полностью закрепощено, в то время как государственная машина (особенно это касалось местных властей и дворянских организаций) была капитально отремонтирована и усовершенствована. Урок был также извлечен и в отношении казаков. Их автономия была уничтожена, их организации были взяты под строгий военный контроль и они включены в государственную машину посредством целой системы привилегий. Им было отведено особое место военной касты царских любимцев и опоры трона. В течение следующих 125 лет крестьянские бунты продолжали повторяться, изредка достигая крещендо в 1859—1864 гг., и вновь в 1874 и 1884 гг.⁷ Но эти "аграрные беспорядки" не охватывали

теперь больших территорий и не могли оказать серьезного сопротивления регулярным войскам или полиции, когда те появлялись со своим обычным набором мер: казнями, порками и ссылками в Сибирь. Что касается помещиков, то для них, с усилением мощи государства и с нейтрализацией и превращением в полицейский резерв основной части тактически мобильной и вооруженной казачьей вольницы, российская жакерия стала слабым воспоминанием о пережитых ужасах. Среди самого крестьянства память о русской жакерии сохранилась только в народных легендах⁸. Анархисты и народники 1860—1870-х годов пытались напомнить о ней, но их усилия оказались тщетными. Число местных "аграрных беспорядков" после 1884 г. резко сократилось. Даже во время ужасного голода 1891 г. крестьяне продолжали "страдать молча". Радикальная интеллигенция все чаще обращалась к другим потенциальным союзникам и другим задачам. Казалось, крестьянское восстание принадлежит прошлому России.

Оглядываясь в прошлое, мы видим сейчас: то, что произошло в России в 1905—1907 гг., ознаменовало начало новой мировой волны крестьянских войн, специфика которых определяется социальным и историческим положением тех стран, в которых они вспыхнули, на периферии глобального капиталистического прогресса. Эрик Вулф проанализировал общие характеристики этой волны, прокатившейся по России в 1905—1907 гг., Мексике в 1910—1925 гг., снова по России в 1917—1920 гг., по Китаю, Алжиру и Вьетнаму — и предположил, что ее социальные корни лежат в экономическом, демографическом и нормативном кризисе капиталистического проникновения в крестьянские общества и раскрестьянивания⁹. Он также показал, как в политическом контексте XX в. крестьянские восстания получили второе дыхание и могли изменять историю, даже если им никогда и не удалось создать государства крестьянской утопии. Но все это еще должно было наступить. Когда

в 1902 г. флегматичное спокойствие харьковских и полтавских сел было нарушено более серьезным, чем местным крестьянским выступлением, вспыхнувшим, к тому же, без помощи какой-либо внешней силы, которая приложила к нему руку, этот сюрприз заставил и государственных сановников и революционеров-радикалов кинуться "к чертежным доскам", чтобы заново осмыслить революционный потенциал крестьянства. Они еще не были готовы сделать свои выводы, когда в 1905 г. первое в XX в. крестьянское восстание стало реальностью.

* * *

Свидетельства, относящиеся к крестьянской революции 1905—1907 гг., обильны, хотя и не равнозначны. Существует несколько основных категорий источников. Во-первых, это результаты массовых опросов, проведенных Вольным Экономическим Обществом, проанализированные в 1912 г. Прокоповичем в его непревзойденной до сих пор работе¹⁰. Во-вторых, сохранились рапорты в полицейских архивах, изучение которых было начато в 1920-х годах Дубровским¹¹. В-третьих, есть сообщения прессы, крестьянские петиции и указы — письменные инструкции крестьянских сходов своим выборным представителям, которые были собраны и проанализированы в ряде публикаций¹². В отдельную важную категорию следует выделить протоколы съездов Всероссийского Крестьянского Союза¹³. Дополнительные сведения можно найти в разрозненных источниках: в мемуарах, судебных протоколах, донесениях губернаторов в Санкт-Петербург, докладах на партийных съездах или комитетах и так далее. Каждый из этих первоисточников содержит свои собственные "подводные камни", что делает необходимым их взаимодополняющее использование. Продолжают проводиться повторные анализы и пересчет информации, относящейся к этим событиям¹⁴. Новые свидетельства можно

найти в многотомных документальных сборниках, составленных советскими историками.

Для того чтобы рассказать о последовательности событий российской крестьянской борьбы 1905—1907 гг. будет лучше всего, во-первых, ответить на вопросы "Что?", "Когда?", "Где?", "Кто?" и "Почему?". Начиная с первых трех из них, отметим, что называемые так правительством "аграрные беспорядки" включали в себя широкий круг специфически крестьянских акций открытого неповиновения, борьбы и бунта. Возникла новая терминология, предназначенная для квалификации крестьянской преступности, в судебных протоколах и текстах законов. Это были посягательства на частные и государственные леса в целях заготовки древесины (порубки) и недозволенный выпас на пастбищных землях (потравы). Обе эти формы борьбы, несомненно, существовали столько же, сколько и сама собственность на землю, но их вызывающий, массовый и часто демонстративный характер был чем-то невиданным прежде, и они справедливо трактовались властями как бунт. Крайними по степени насилия формами борьбы были массовые грабежи магазинов, складов и поместий (разборка), уничтожение имений (разгром), поджоги и убийства помещиков, их охраны и приказчиков. Затем шел незаконный захват и обработка земли, не принадлежащей крестьянам (запашка), сельские забастовки (также незаконные или рассматриваемые в качестве таковых), коллективные требования снизить арендную плату, а также бойкот, приостанавливавший все отношения с помещьем и, особенно, предложение рабочей силы. Наконец, среди форм борьбы был и прямой вызов государству в виде отзыва верных правительству старост, коллективного отказа от выплаты налогов, создания альтернативных местных властей и вооруженного сопротивления силам армии и полиции.

В крестьянской борьбе можно усмотреть три плоскости. Их выяснение дает нам возможность упорядочить и

понять различные ответвления крестьянских действий, несомненно взаимозависимых, но все же различающихся между собой. Это региональное деление, сезонность и общий контур крестьянской борьбы в ее историческом развитии. Если начать с регионов, то карта "аграрных беспорядков" XIX в. примерно соответствует карте крестьянской борьбы 1905—1907 гг., что говорит об общих структурных причинах крестьянского радикализма в этих районах. Губернии, наиболее склонные к бунту, протянулись вдоль так называемого "Черноземного пояса" Украины и России, а именно, от Черниговской губернии на западе через Орел, Курск, Воронеж и Тамбов к Саратову и далее к Самаре, Уфе и Казани. От Полтавы, Харькова, Екатеринослава, Херсона и Тавриды на юге эта территория простиралась до Пензы, Тулы и Рязани на севере, частично выходя за пределы Центрально-Черноземной зоны с лучшей землей, но также и более плотным сельским населением. В ряде губерний, расположенных вдоль ее географической оси, крестьянская борьба 1905—1907 гг. была особенно ожесточенной, включая массовые и спонтанные разгромы поместий. Но одним насилием сельские революционные выступления не исчерпывались. К югу и юго-западу от оси Чернигов—Саратов крестьянских забастовок становится больше, в то время как случаев разгрома помещичьих усадеб становится меньше или они вовсе сходят на нет. Здесь было также больше случаев посягательства на пастбищные земли и конфронтаций из-за аренды. На Севере и Северо-Западе России "аграрных беспорядков" почти не было, но сообщалось о частых порубках. По всей стране быстро распространялись крестьянские политические организации, одинаково сильные как в Саратовской губернии, с ее горящими имениями, так и в Вятской губернии, где поместий не было. На этнической периферии лидером по числу политических бойкотов была Грузия. Латвия выделялась забастовками сельских батраков, здесь проходили бойкоты, образывы-

вались альтернативные органы власти, но случались также и разгромы поместий. Много сельских забастовок наблюдалось в польских губерниях, но крестьянская активность была там меньшей по масштабам (для того, чтобы получить представление о географии крестьянских выступлений, см. карту 2).

Сезонный ритм "беспорядков" воспроизвел черты бунтов XIX в. Крестьянское неповиновение и борьба повторяли ритм сельскохозяйственного года, достигая пика летом и почти исчезая зимой (см. таблицы и рисунки в приложении к четвертой главе). Для периода 1905—1907 гг. исключением из этого правила были только октябрь и декабрь 1905 г., причины чего мы обсудим ниже. Что же касается общего хода событий, то следует особенно отметить изменения в способах крестьянской борьбы. Разрушение поместий достигло пика в 1905 г. и затем уменьшилось, в то время как 1906 г. показал наивысший размах забастовочного движения. Общее число случаев "аграрных беспорядков" в 1907 г. резко сократилось, что сделало рост числа поджогов еще более заметным. Кроме того, множество событий не обязательно выражало национальное или региональное единство. Каждая крестьянская община вела свои собственные бои, и даже когда события шли по нарастающей, крестьянские выступления в лучшем случае охватывали только территорию отдельных волостей. Только дважды: осенью 1905 г. и летом 1906 г. массовые локальные и региональные выступления слились воедино, запуская "цепную реакцию", если использовать образ из другого мира и другой эпохи.

Для того чтобы приступить к вопросу "Кто?", его нужно, во-первых, подразделить на вопросы "Кем?" и "Против кого?" Было лишь несколько случаев, в описании которых сообщалось, что богатые крестьяне не участвовали в жакерии, еще меньше было эпизодов, когда богатые крестьяне даже объединялись, чтобы противостоять ей¹⁵. Чаше именно богатые крестьяне

- Всероссийский Крестьянский Союз (ВКС)
- Важнейшие центры крестьянских политических действий ВКС и других организаций
- Области разрушения поместий

Карта 2. Крестьянские выступления в 1905—1907 гг.

сами руководили крестьянскими выступлениями, да и получали от этого наибольшую выгоду, например, многолошадные хозяйства могли эффективнее участвовать в захвате лесов, имений и пастбищ. Из всех отчетов следовало, что батраки и беднейшие крестьяне не играли выдающейся и даже заметной роли в этих конфронтациях. Батраки были активны только в прибалтийских губерниях и Польше, но даже здесь они действовали только в больших поместьях. Батраки, нанимавшиеся в небольшие крестьянские хозяйства Латвии, оставались пассивными¹⁶. Именно крестьяне-середняки, имевшие небольшие хозяйства, работавшие на своих собственных землях, но обладавшие различным количеством земли, инвентаря и возможностями получения побочного дохода, — именно они составляли маршевую армию жакерии. Они также выдвинули из своих рядов большую часть вожаков восстаний, из тех, которые испытывали обычно более сильное, чем обычно, влияние большого мира за пределами деревенских границ — проходя службу в армии, работая в городе, попадая за границу или просто обучаясь грамоте, которая давала им возможность справиться с чтением газет.

Позднее, во времена, породившие предположение, что забастовка, по определению, есть исключительно пролетарское явление, другими словами, является синонимом борьбы тех, кто живет исключительно, или в значительной мере, на заработную плату, были предприняты попытки выделить специфический "пролетарский" тип сельской борьбы. Но в действительности, подавляющее большинство сельских забастовок в России 1905—1907 гг. были забастовками крестьянских хозяйств, частично или сезонно занятых в соседних поместьях. Ими в основном руководили общинные сходы, которые принимали решение начать забастовку, формулировали ее цели, наблюдали за ее ходом и укомплектовывали ее пикеты. Общим было и требование уволить рабочих со стороны ("пришлых"), т.е. обеспе-

чить монополию местных крестьян на наемный труд в "своих", т.е. расположенных рядом поместьях. Связь и взаимозаменяемость требований более высокой заработной платы и более низкой ренты, которую легко проследить во многих этих забастовках, делало их крестьянскую природу и цели особенно ясными.

Вопрос: "Против кого?" был исследован Дубровским и его последователями с особым вниманием и изучался ими также с помощью количественных методов. В этом вопросе удалось прийти ко всеобщему согласию: жакерия в пределах Европейской России в решающей степени была направлена против помещиков и их владений. За ними следовала армия, полиция и государственные чиновники, особенно в тех случаях, когда они устремлялись на защиту имений. Богатые землевладельцы-крестьяне, в том числе и те из них, кто использовал наемный труд, редко подвергались нападению. Цифры за 1905—1907 гг., приведенные Дубровским, показывают, что 75,4% соответствующих случаев были направлены против помещиков, 14,5% — против армии или полиции и 1,4% — против богатых крестьян, 8,7% приходилось на всех остальных, в том числе на духовенство¹⁷. Доля крестьянских "антикулаческих" нападений в течение 1905—1907 гг. фактически сократилась. Этническая периферия отличалась от Великороссии высокой степенью вызова, который был брошен российскому государству и его символам. Например, в Грузии, Латвии и Польше (но не в России) наблюдался систематический разгром канцелярий представителей власти в сельской местности¹⁸.

Наконец, вопрос "Почему?" может быть рассмотрен должным образом только после анализа дополнительной информации о крестьянской войне и крестьянской политике. Некоторые вводные замечания помогут, тем не менее, сфокусировать внимание на этом вопросе. В основе взрыва лежал, без сомнения, постоянный и усиливающийся кризис крестьянской экономики, описан-

ный мною в главах III и IV в книге «Россия как "развивающееся общество"». Его главным компонентом был порочный круг: быстро уменьшающиеся душевые земельные наделы, недостаточные доходы как и инвестиции, давление долгов и налогов, взлет арендных платежей и нехватка альтернативных или дополнительных источников занятости и доходов. Все это вело к обнищанию крестьянства. В 1905 г. вновь наблюдался неурожай в 25 губерниях Европейской России, в пределах района, примерно соответствующего тому, который был охвачен восстанием. Любое падение урожая заставляло многочисленные домашние хозяйства, общины и целые уезды переступать тонкую грань, отделявшую обычную бедность от нищеты, голода и такого падежа скота, который они уже не могли восполнить. Еще более усугубляло положение то, что на более, чем половине территорий голод 1905 г. снова повторился в 1906 г.¹⁹ Рапорт полковника жандармского управления Витебской губернии, датируемый мартом 1905 г. был бы справедлив и для описания положения во многих других районах европейской России. В нем говорилось: "Хлеб не только съеден, какой был, но и предназначенный к посеву, так что у большинства крестьян ничего нет, и собственно нужно считать, что в настоящее время среди крестьян голод... По донесению помощника, он видел тот хлеб, который едят крестьяне теперь, и высказывает свое удивление, что его можно есть, это — во-первых, а во-вторых, что те, которые его едят, еще живы... Такое положение и отсутствие заработков может привести еще к худшим последствиям, а потому необходима безотлагательная и немедленная помощь... Никакие репрессии, если не будет хлеба, не помогут..."²⁰ Но мы должны помнить, что голод 1891 г. не привел сам по себе к крестьянскому восстанию, а только вызвал апатию и отчаяние. Голод не переходит прямо в революцию.

Несмотря на мнение немногих проницательных жандармов, для царских чиновников, дворян и всех, посвя-

ценных в эти вопросы, любимым объяснением крестьянского бунта стало соблазнение или подстрекательство врагами государства, не принадлежащими к дворянскому сословию: анархистами, студентами, евреями и им подобным, возможно, подкупленным японцами. Проправительственная пресса повторяла это утверждение до бесконечности. Высокая степень правдоподобия таких объяснений для правящего класса объяснялась тем, что они не ставили под сомнение (несмотря на "прискорбные события"), фундаментальные черты в их понимании русского крестьянского характера: доброту, консерватизм и боязнь перемен, и этим освобождали дворянство и бюрократов от любых обвинений, на которые им пришлось бы отвечать. Более того, предубежденность в этом вопросе революционеров была очень похожа на позицию "истеблишмента", поскольку они были чрезвычайно склонны переоценивать свое собственное влияние. Конечно, те, кто составлял так называемый "третий элемент" — сельская интеллигенция, работающая в земствах, особенно учителя, агрономы, врачи и статистики — десятилетиями пытались "пробудить крестьянское сознание", т.е. просветить крестьян как и радикализовать их. В некоторых районах чувствовалось также влияние лиц, высланных из столиц по распоряжению полиции. Тем не менее, полицейский розыск виновных и послереволюционная охота на революционеров из некрестьянских сословий, действовавших в деревне, которые якобы возглавляли крестьянский бунт в Центральной России, дали примечательно скудные результаты. Из протоколов допросов следовало, что крестьянское движение 1905—1907 гг. (как и 1902 г.) было в Европейской России спонтанным и руководимым самими же крестьянами делом. Только на периферии ситуация была иной. Мы перейдем к вопросу "Кто кем руководил?" в крестьянском восстании 1905—1907 гг. и к соответствующим свидетельствам после того, как будет более подробно рассмотрен вопрос о

крестьянской борьбе и выдвигаемых крестьянами требований.

К 1905 г. грубый, тщательный и постоянный надзор государственной машины за российским селом ослаб. Контроль над деревней при помощи политических манипуляций никогда не был сильной стороной российского чиновничества. Земский начальник и полицейский офицер просто предписывали крестьянам, что делать и назначали наказание, когда приказы и их результаты расходились. Военные поражения, слухи о повсеместных "беспорядках" и надвигающиеся изменения пошатнули доверие к чиновникам и поколебали привычку крестьян к повиновению. Солдаты по-прежнему стреляли в бунтовщиков, казаки секли их, а полиция арестовывала. Элементы стабильности и порядка продолжали сохраняться, но для чего и как долго могла сохраниться эта стабильность? Как только царская воля перестала восприниматься как сила природы, а неприкосновенность царизма уже не казалась безоговорочной истиной, социальный мир сельской России начал рушиться. Все казалось сейчас возможным. Некоторые из прежних крепостных, которые были 20-летними парнями в 1861 г., были все еще живы и им было сейчас только по 64 года. В их памяти сохранились непосредственные воспоминания о тех днях, когда царь даровал крестьянам немного земли и немного свободы, хотя и недостаточно того и другого. "Второе освобождение", провозглашенное царским "золотым манифестом", которое передало бы крестьянам оставшуюся часть дворянской земли, казалось теперь вполне правдоподобным. Все выше становилась вероятность того, что крестьяне возьмут дело в собственные руки. Именно к этому они и приступили.

* * *

Если рассказывать историю русской жакерии 1905—1907 гг. по порядку, то она началась в феврале 1905 г. в

Дмитриевском уезде Курской губернии, расположенном в центре Европейской России²¹. 14 февраля было совершено нападение на одно из имений, и в течении нескольких дней были "разобраны" 16 других усадеб на территории более 100 квадратных верст. Описания тех событий очень похожи одно на другое. Массы крестьян с сотнями запряженных телег собирались по сигналу зажженного костра или по церковному набату. Затем они двигались к складам имений, сбивали замки и уносили зерно и сено. Землевладельцев не трогали. Иногда крестьяне даже предупреждали их о точной дате, когда они собирались "разобрать" поместье. Только в нескольких случаях имел место поджог и одному-единственному человеку — местному полицейскому были, как сообщают, нанесены телесные повреждения, когда он собирался произвести арест. Унесенное зерно часто делилось между крестьянскими хозяйствами в соответствии с числом едоков в семьях и по заранее составленному списку. В одной из участвующих в "разборке" деревень местному слепому нищему была предоставлена телега и лошадь для вывоза его доли "разобранного" зерна. Все отчеты подчеркивали чувство правоты, с которым обычно действовали крестьяне, что выразилось также в строгом соблюдении установленных ими же самими правил, например, они не брали вещей, которые считали личной собственностью. К апрелю "разборки" по очень похожей схеме распространились на соседние уезды Орловской и Черниговской губерний, и еще о нескольких случаях сообщили из других мест. Оказалось достаточным одному экземпляру газеты, в которой описывались "аграрные беспорядки" в Курске, попасть в Бирючевский уезд Воронежской губернии, расположенный от него на расстоянии в 300 верст, чтобы местные крестьяне сделали то же самое²². Несколько сельских заводов, производящих водку и сахар, также были "разобраны" и затем сожжены. Владельцы не оказывали никакого сопротивления, и те из них, которые проживали в деревне, спешно уехали в города.

Другие формы крестьянского бунта распространились к тому времени на большей части территории. Массовые "порубки" начались уже в конце 1904 г., и к апрелю 1905 г. были зарегистрированы не менее, чем в 29 уездах по всей России. Так же как и "разборки", "порубки" обычно происходили в виде коллективных акций с использованием телег. В ходе "порубок" крестьяне стремились обходиться без насилия. Тем не менее, когда в одном случае, крестьянин был схвачен на полицией на месте преступления и избит, его соседи в ответ полностью разрушили пять соседних поместий, ломая мебель, поджигая здания и забивая скот. В других случаях были отравлены принадлежащие помещикам пастбища. Сельские забастовки распространились в Юго-Западных и Прибалтийских губерниях. В течение первых месяцев 1905 г. крестьянские действия в значительной степени были прямым и стихийным ответом на нужду и отчаянный недостаток продовольствия, корма и леса во многих крестьянских общинах. Все эти действия были хорошо организованы на местах и обходились без кровопролития.

Правительство реагировало обычными усмирительными мерами: кнутом и пряником. Карательные экспедиции, отправленные в "бунтующие" села, проводили аресты, устраивали порки и накладывали коллективные штрафы. Испробовали также и пряник. Были частично отменены крестьянские недоимки (5 апреля), а направленный губернаторам циркуляр Министерства внутренних дел предписывал "пропагандировать порядок в деревнях" (15 апреля). Было образовано новое министерство (Государственное управление земледелия и землеустройства — ГУЗЗ) и для того, чтобы разобраться в аграрных вопросах, был учрежден специальный комитет. Но все это не положило конец беспорядкам. Их интенсивность возрастала, достигнув пика в июне. Захваты лесов, столкновений из-за размера арендной платы и случаев поджогов увеличилось, и распростра-

нились на новые области среднего Поволжья, Украины и Белоруссии. Захваты пастбищ стали массовыми. Опрос Вольного Экономического Общества свидетельствовал об исключительной солидарности и организованности, проявленной также в ходе этих сельских забастовок. Общины сообща договаривались о единых требованиях и только после этого крестьяне, работающие в окрестных имениях, начинали забастовку. Слуги, конюхи и садовники обычно продолжали свою работу в имении (почти всегда с разрешения общины). Зажиточные крестьяне часто поддерживали своих беднейших соседей, раздавая продовольствие во время забастовки, что увеличивало их шансы на успех. Некоторые крестьяне начали поговаривать о забастовке, как о способе совсем очистить местность от помещиков, обосновывая это тем, что, как только заработная плата станет достаточно высокой, собственники вынуждены будут уйти, продав землю своим соседям-крестьянам.

За пределами Великороссии, в Латвии, первые забастовки батраков, в большинстве своем безземельных, начались в феврале. Всеобщая сельская забастовка началась в июле и продолжалась две недели. Мобильные пикеты приостановили работу в большинстве поместий. Украинские (Спилка) и грузинские социал-демократы были также активны в сельских районах Украины и Грузии. Действовавшие здесь революционные политические партии были более эффективны в селах. В десяти польских привисленских губерниях борьба в сельских районах за землю и повышение заработной платы была не так ярко выражена, но она была обычно связана с национальными требованиями, особенно с требованием придать польскому языку статус официального. Кроме духовенства и некоторых "правых" деятелей, в сельской местности Польши действовала ППС (польская социалистическая партия). Она руководила сельскими забастовками (более левая СДКПЛ концентрировала свои силы исключительно в городах). По всей

империи увеличилось число сельских конфронтаций, забастовок и бойкотов, проводимых одновременно с демонстрациями, во время которых социалисты из РСДРП, ПСР, ППС, Бунда несли красные флаги и провозглашали политические требования²³.

В Великороссии вызревало новое явление, особенно, когда дело касалось особых, чисто крестьянских организаций. В мае 1905 г. крестьянское собрание, созванное московским предводителем Дворянства для поддержки военных усилий против Японии, вышло из-под контроля организаторов и его участники решили вместо этого осудить должностных лиц, которые, "начиная от местного полицейского до самих министров... ведут российское государство по неправильному пути и растрачивают деньги, собранные с бедных"²⁴. Они призвали к созданию Всероссийского Крестьянского Союза, первый (и нелегальный) съезд представителей которого собрался в последний день июля 1905 г. с участием делегатов от 25 губерний. Мы обсудим его в §2 данной главы.

В августе 1905 г. накал крестьянского восстания ослаб и к сентябрю достиг минимальной отметки, начиная с февраля 1905 г. — даты его начала. Но все резко изменилось в октябре с началом стачки железнодорожников и последовавшей за ней общенациональной забастовки. В течение четверти века железная дорога и железнодорожная станция все больше становились для деревни основной связью с "большим миром" за ее пределами, а также с русским государством. Она символизировала и то и другое: полностью механизированная, обладавшая машиноподобной точностью, единая и унифицированная, она делала города и столицы доступными для отходников и крестьянских просителей. Внезапная остановка этого механизма по собственной воле занятых на ней рабочих была для крестьян чем-то потрясающим и невероятным. Толпы крестьян собирались на станциях, пристально вглядываясь и комментируя происходящее, подхватывая новости, подбирая листовки и газеты.

слушая железнодорожных рабочих, их профсоюзных делегатов и местную радикальную интеллигенцию²⁵. 17 октября был опубликован царский манифест, в котором много говорилось о свободе и ничего — о земле, играющей основную роль в жизни крестьян. Газеты, листовки, письма солдат и рассказы проезжающих были полны новостей и шокирующих идей. Крестьяне повторяли их, пересказывали, ломали над ними голову, приукрашивали и превращали в мифы в каждой деревне, на каждой крестьянской сходке. Местные чиновники выглядели растерянными. Погромы, направленные против евреев и интеллигенции и та роль, которую играла в них полиция, ослабляли влияние чиновничества как символа порядка и поднимали новую волну слухов, например о том, что "будет разрешено" грабить евреев и помещиков в течение трех, но только трех дней.

К октябрю 1905 г. нападения на поместья достигли невиданного масштаба и быстро превратились в их массовые разгромы по всей Черноземной полосе. Это началось в Саратовской, и, несколько позднее, в Черниговской губерниях. Из этих двух эпицентров они распространились подобно лесному пожару несколькими волнами, которые в конце концов встретились, охватив не менее половины европейской части России. Образ лесного пожара хорошо подходит для описаний, приходивших из Саратова, в которых говорилось о красном ночном небе, освещенном пламенем горящих поместий и все новыми огненными точками на горизонте, появляющимися одна за другой. Наблюдатели, находившиеся в городе, определяли каждую по названию поместий, принадлежащих местным дворянам. Эти описания говорили также о вереницах конных повозок, движущихся вдоль багрово-красной линии горизонта: "крестьянская армия возвращается со своих войн"²⁶. Как только в небе появлялось свечение, поднималась одна деревня за другой, крестьяне собирались в колонны и двигались из имения в имение. В течение дня дороги заполнялись

экипажами дворян, увозящих их владельцев в города, и кавалерийскими отрядами карателей. Ночь принадлежала крестьянам.

Массовые разрушения поместий не были к тому времени ни "бездумным бунтом", ни актом вандализма. По всей территории, охваченной жакерией, крестьяне заявляли, что их цель — навсегда "выкурить" помещиков и сделать так, чтобы дворянские земли были оставлены крестьянам для владения и обработки. Помещики и их слуги по-прежнему редко подвергались нападениям, но поместья систематически предавались огню. Взгляд из окон губернаторского дворца может как дополнить картину, так и поведать нам кое-что о чувствах, испытываемых местными сановниками и дворянами, которые столкнулись лицом к лицу с крестьянским восстанием. Дочь саратовского губернатора, которому было предназначено судьбой вскоре подняться на самый верх служебной лестницы, М.Бок, урожденная Столыпина, вспоминала об этом так: "Народные бунты в деревнях усиливаются, крестьяне жгут имения помещиков, уничтожают все, что попадает им под руку: библиотеки, картины, фарфор, старинную мебель, и даже скот и урожай. Почти никогда крестьяне ничего не крадут, но ярким пламенем горят помещичьи дома, скотные дворы, сараи, амбары. Рубят в щепки, топчут ногами, ломают и рвут все, что владельцы, в надежде спасти хоть крохи своего имущества, выносят из горящих домов. Проезжая по железной дороге через Саратовскую губернию, можно было видеть из окон вагона ровную степь, освещенную, как горящими факелами, подожженными усадьбами"²⁷.

К середине ноября 1905 г. волна разрушения имений утихла, отчасти, из-за жестких мер, примененных армией. К концу месяца эта волна поднялась снова и распространилась на новые районы. Захват земли и лесов, забастовки и споры из-за аренды сделались массовыми. Цифры, приведенные Прокоповичем, пока-

зывают, что осенью 1905 г. около $1/2$ уездов Европейской России были охвачены "беспорядками", в то время как примерно в $1/4$ из них были зафиксированы разгромы имений. Правительство докладывало о 2 тыс. разрушенных имениях, оценивая убытки владельцев в 29 млн руб. По подсчетам советских историков, было разрушено около 3 тыс. поместий — 15% общего числа — и оценка окончательных потерь возросла до более, чем 40 млн руб.²⁸ В отдельных районах, которые были центрами аграрных беспорядков, к концу 1905 г. едва ли можно было найти имение, оставленное нетронутым.

Правительство, тонкая прослойка крестьянских активистов и радикальная сельская интеллигенция столкнулись с массовой и стихийной крестьянской войной, направленной против помещиков. Левым нужно было сделать политический выбор, особенно после того, как некоторые сообщения о крестьянских бунтах ясно показали, что крестьянские нападения на поместья к тому времени были смешаны с обычными нападениями на винные лавки, простыми грабежами и антиеврейскими погромами. Появились анекдоты, например, о толпе крестьян, старающихся разделить поровну — клавиша за клавишей — пианино помещика.

Революционное меньшинство делало сейчас все, на что оно было способно, чтобы перевести российскую жакерию в полномасштабную революцию. В конце октября организаторы ПСР в Саратовской губернии, в которой эсеровская организация "Крестьянское братство" была особенно сильной, возглавили восстание в Петровском уезде²⁹. На некоторое время район был захвачен, полиция разоружена и возникли новые революционные власти. Этот акт не смог вызвать всеобщей крестьянской войны, на которую надеялись эсеровские активисты. Доклады участников показывали противоречивость, неопределенность планов и недостаток военного опыта и вооружения. Это означало, что после прибытия регулярных воинских частей вооруженные

крестьянские дружины не имели реального шанса на успех, да в действительности и не выказывали особого желания сражаться. Попытка распространить восстание на другие губернии потерпела неудачу. В разных местах было предпринято несколько еще меньших по значению попыток в этом же направлении (одна из них — местными социал-демократами), но и из этого ничего не получилось³⁰.

Точка зрения большинства крестьянских активистов была лучше всего выражена на съезде Всероссийского Крестьянского Союза, который собрался в последние дни ноября 1905 г. Съезд осудил правительственные репрессии, потребовал демократических свобод и амнистии, но сосредоточил основное внимание на немедленной передаче всей земли в руки крестьян, с упоминанием общенациональной крестьянской забастовки и сельского бойкота как крайних орудий в борьбе за эти цели. Подавляющее большинство участников съезда отказалось поддержать призыв к вооруженному восстанию.

Реакция правительства на крестьянское восстание конца 1905 г. продолжала следовать политике кнута и пряника. С одной стороны, правительственный манифест от 3 ноября окончательно отменил все еще действующие выкупные платежи 1861 г. и пообещал активизировать деятельность Крестьянского банка по расширению земельных наделов бедных крестьян. С другой стороны, репрессии, проведенные одновременно с этими мерами были жесточайшими — настоящая оргия зверств, число жертв которой было необычайно большим, особенно в сравнении со сдержанностью крестьян, которой они явно придерживались при столкновении лицом к лицу с помещиками, чиновниками и солдатами. Приказ Дурново, министра внутренних дел, был "не держать заключенных", а казнить восставших на месте и сжигать их деревни дотла. К этим приказам сверху добавились пытки, грабежи и насилие со стороны сил

порядка, особенно казачьих подразделений, которые они предпринимали по собственной инициативе. Жителей целых деревень часами держали стоя на коленях на снегу и на протяжении многих часов секли без разбора для того, чтобы "преподать им урок". Обычной практикой стала немедленная высылка зачинщиков беспорядков. В этих случаях общинный сход окружался кавалерией, и власти принуждали его угрозами или массовыми порками выносить резолюции о высылке их вожжаков. Затем, на глазах у родственников и всей общины, их окружали армейским конвоем, гнали как скот прочь из деревни на ближайшую железнодорожную станцию и увозили на вечную ссылку в Сибирь³¹. За ними оставались растерянные и обезглавленные крестьянские общины, мгновенно ставшие послушными, чья ненависть была теперь глубоко спрятана за показным раболепием. Когда дело касалось "аграрников" — тех, кто был арестован в связи с аграрными беспорядками, казнили без проволочек³². Власти делали все, что могли, чтобы вогнать в крестьян "страх перед Богом и царем", и в самом деле у тех было достаточно причин для страха. То, что было страшно в самой России, было еще хуже в прибалтийских губерниях. По всей стране репрессии по отношению к крестьянам шли также рука об руку с арестами и заключением в тюрьму сельской интеллигенции. К концу января 1906 г. бунт и любое неповиновение на селе, казалось, были подавлены.

Но теперь революционеры и правительство имели слишком большой опыт, чтобы поверить в то, что крестьянская борьба подошла к концу. Для российских революционеров она все больше становилась последней надеждой. Их силы, действовавшие в городах, были деморализованы после горького поражения зимой 1905—1906 гг. Царская армия оставалась надежной в подавлении бунтов и мятежей. Свои надежды революционеры сейчас все больше и больше связывали с жакерией лета 1906 г., которая могла бы поднять боевой

дух в городах и повлечь на солдат, призванных в армию из крестьян. Ожидалось, что следующая стадия революции примет "крестьянскую окраску", говоря словами марксистского писателя того периода³³. Находясь по другую сторону баррикад, Витте в донесении царю от 10 января 1906 г. констатировал: "Мне кажется, что проявления революции в городах и в других местах, за исключением сельского движения, к настоящему времени успешно подавлены, и не смогут повториться в той или иной степени... Тем не менее, аграрным беспорядкам не только не положен конец, но они только вступили в первую стадию. Следует ожидать весной их повторения с большей силой, если не будут предприняты достаточные меры"³⁴. После отставки Витте вновь избранный министр внутренних дел Столыпин придерживался того же мнения при определении программы подавления революционной деятельности на 1906 г.³⁵ Оба они оказались правы.

В течение зимы 1905—1906 г. единственными действиями крестьян, о которых сообщала печать, были лесные порубки, но весной 1906 г. вновь началось масштабное крестьянское наступление. К лету по уровню интенсивности оно сравнивалось с показателями осени 1905 г. Половина уездов Европейской России снова была в огне. Меньшая активность крестьянских бунтов была в тех районах, где ранее проходили восстания, но в других, например, на Западной Украине, только сейчас началось серьезное наступление крестьян. В условиях упадка городских забастовок и борьбы на этнических перифериях к концу 1905 г. и, в то время, как российский средний класс оказывался все более враждебно настроенным по отношению к революционерам, российское крестьянство практически в одиночку продолжало противостоять значительно усилившимся "силам порядка". Даже по словам С.Шестакова — социал-демократического "эксперта" тех дней по крестьянству, который был склонен сильно недооценивать его мощь —

к 1906 г. "...рабочие массы города не смогли оказать должного сопротивления усиливавшейся реакции. Лишь одно крестьянство продолжало свою войну за "землю и волю", как умело, как могло"³⁶.

Многие описания новой волны разрушений поместий летом 1906 г. во многом напоминали те, которые были в ноябре 1905 г.: "Громили и жгли ужасно, "до корешка", — как говорят крестьяне. "Паника сделалась всеобщей, защиты никакой, и весь Бобровский уезд жил в такой обстановке в течение двух недель... Картина действительно ужасная: по селам гудит набат, кругом выются и заволакивают небо густые столбы дыма; ночью всюду на горизонте зарево"³⁷. Масштаб разрушений был сейчас более скромным (вдвое меньший, чем в 1905 г.) и они были сконцентрированы дальше к югу, особенно много случаев было в Воронежской губернии. Во многих районах основной формой выступления стали сельские забастовки, число которых утроилось по сравнению с осенью 1905 г. Забастовки также распространились на районы, в которых разрушения поместий в 1905 г. были особенно частыми, например, на центральный сельскохозяйственный район. Новая крестьянская тактика была распознана правительством, и оно спешно распространило указ о введении более жестоких наказаний по отношению к организаторам сельских забастовок (15 апреля 1906 г.)³⁸. В то же время наблюдалось значительное число отказов платить арендную плату, а число захватов пастбищной земли достигло уровня осени 1905 г. Число случаев, когда захватывалась и использовалась крестьянами пахотная земля поместий, было невелико, но возрастало.

Созыв I Думы в апреле 1906 г., правительственный отказ рассматривать в ней крестьянские требования земли и последовавший роспуск Думы совпали с растущей интенсивностью крестьянских выступлений. Они достигли пика в июле. К этому времени карательные армейские экспедиции все больше встречали физичес-

кое сопротивление крестьян. В различных местах, обычно в ответ на арест или жестокое обращение с соседом, крестьяне собирались по церковному набату, вступая в прямые схватки с "силами порядка". Иногда им даже удавалось одержать верх над небольшими отрядами конной полиции. Отдельные полицейские и солдаты попадали в засады. Было много попыток силой освободить заключенных. Из некоторых районов сообщалось о небольших партизанских отрядах (например, в Вятской губернии), а в Пермской губернии крестьяне оказывали поддержку местным робин-гудам³⁹. В качестве новой меры демонстративного сопротивления, все больше общины принимало резолюции, запрещающие их членам служить в полиции или сдавать дома в аренду полицейским и их семьям. Записи и отчеты все чаще свидетельствуют об озлобленности крестьян. За лето 1906 г. Веселовский зарегистрировал около 120 случаев столкновений между крестьянами и силами порядка, сопровождавшихся применением насилия, в результате которых около 200 крестьян были убиты и многие сотни ранены⁴⁰. Зафиксированные им потери полиции и армии включали 33 убитых и 42 тяжелораненых — число не очень большое по сегодняшним меркам, но в 2 раза превышающее число потерь, которые понесли правительственные войска при подавлении Московского восстания в декабре 1905 г.

Это растущее сопротивление силой, которое крестьяне оказывали, в основном, в порядке самозащиты, не смогло, конечно, повлиять на результаты. Имея в своем активе выигранные сражения в городах, подписанный мир с Японией и возвратившуюся с востока армию, быстро подавив или демобилизовав бунтовавшие армейские подразделения и усилив французским займом государственные финансы, власти оказались явными победителями в битве. Требования Союза Объединенного Дворянства — свежее образованного профсоюза помещиков — "восстановить порядок на селе" и "проявить

бескомпромиссность" в вопросе о земле, все лучше воспринималось властями. Жестокое усмирение деревни продолжалось, и было все меньше попыток успокоить крестьян при помощи "пряника". К концу лета крестьянская борьба опять пошла на убыль. Но и это не было еще концом жакерии. В течение зимы 1906—1907 гг. показатели захвата лесов и сельских забастовок в различных частях России оказались в действительности выше, чем когда-либо прежде для этого времени года. Весной 1907 г. третий год подряд в массовом порядке стали захватываться пастбища. В 1907 г. сообщалось о нескольких случаях разгрома имений на юге. Число поджогов неизвестными лицами, этого основного оружия мести крестьянских общин⁴¹ значительно выросло, достигнув пика в 1907 г. К этому времени они были нацелены не только на помещиков, но также и на соседей-крестьян, которые подозревались в содействии полиции. (Были также сожжены дома нескольких кулаков, как и известных радикалов.) Поджоги часто следовали теперь особому сценарию. Решение о них принималось на общинном сходе и затем, при помощи жребия, выбирались исполнители из числа участников схода, в то время, как остальные присутствующие давали клятву не выдавать поджигателей⁴². Летом 1907 г. крестьянская борьба достигла следующего пика, хотя и меньшего, чем в 1906 г. Затем она ослабла и наконец исчезла, или, вернее, вернулась к своему дореволюционному уровню.

Подводя итоги, можно сказать, что в 1905 г. крестьяне России восстали. Их восстание принимало различные формы и продолжалось до 1907 г. Оно явилось важнейшим испытанием для правительства, сильно ослабленного в 1904—1905 гг. внешними и внутренними врагами и имеющего дело со страной, в которой большинство населения составляли крестьяне. Восстание было в конце концов подавлено жестокими карательными методами, применяемыми армией, преимущественно

крестьянской по своему социальному происхождению. Все это выглядело так, как если бы вернулись старые времена пугачевщины. Но это не были те старые времена и даже "то же самое" не могло быть тем же самым в новом социальном контексте, с новыми силами на политической сцене. К этому надо добавить еще и другое. Есть нечто глубоко ошибочное в попытке приспособить рассказ о сельской России 1905—1907 гг. к классическому образу жакерии. Крестьяне восстали, и короли наказывали их за неповиновение — до сих пор рассказ как будто бы верен. То же самое можно сказать и о крестьянских колоннах, движущихся по Волжской степи в зареве горящих помещичьих имений. Однако крестьянская атака была исключительно бескровной, и это, учитывая историю других эпох, не может быть объяснено простым добросердечием российских крестьян. Кроме того, крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто перевозил крестьянскую жакерию. Восставшие также продемонстрировали удивительное единство целей и средств, если принимать во внимание отсутствие общепризнанных лидеров или идеологов, мощной, существующей долгое время организации, единой общепринятой теории переустройства общества и общенациональной системы связи. Крестьянские выступления России оказались непохожими на образ европейской жакерии, оставленный нам ее палачами и хроникерами⁴³. Мы знаем слишком мало о тех ранних временах. Что мы знаем из достаточных свидетельств, так это то, что крестьянское восстание в России в 1905—1907 гг. не было той жакерией, как ее определяют энциклопедии, так и не было "беспощадным" бунтом в описании российских историков. Для ответа на вопросы: "В чем это так?" и "Почему это так?" нужно взглянуть ближе на крестьянскую власть и крестьянскую мечту.

2. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВЛАСТЬ

При более внимательном рассмотрении крестьянское восстание 1905—1907 гг. вскрывает разнообразие целей и различия в тактике, которую предпочитали разные крестьянские группы. Наиболее очевидными аспектами этих различий были региональное и этническое деление, общий уровень благосостояния и социально-экономическая дифференциация. Существовало и другое важное деление. С одной стороны часть крестьян действовала в основном в ответ на самые неотложные физические потребности: голод, умирающий скот, пробирающий до костей холод в неотопливаемых лачугах — или лишь немногим менее срочные дела, например, невозможность определить сына на самостоятельное житье без нового дома, на постройку которого требовался лес из помещичьих владений. С другой стороны, были крестьяне, которые осознавали также долгосрочные и обширные требования, казавшиеся иногда неопределенными, но очень часто становившиеся вполне ясными в ходе бесконечных деревенских споров. Всероссийский Крестьянский Союз и Трудовая фракция Думы выразили эти взгляды в национальном масштабе, и мы вскоре обратимся к этим организациям. Первоначальные требования заключались, прежде всего, в передаче всей земли крестьянам. Они были особенно сильными в тех районах, где земли не хватало и возможности для получения дополнительных доходов оставались ограниченными. Застарелое недовольство разделом собственности на землю и правами ее использования соединялось здесь с новыми потребностями растущего населения. Но было также стремление к политической власти и гражданским правам, даже если для крестьян это означало нечто совершенно иное, чем для горожан, и только немногие из них сумели бы выразить это словами.

Земля, как и власть, была свободой от голода и опасностей, но также и поводом для уважения в деревне.

Она означала также защиту от всеобъемлющего опекунства и притеснений со стороны мелкого чиновничества и его местных подопечных, союзников и хозяев: кулаков, священников, помещиков и губернских сановников. В России эта ситуация породила длинный список слов для обозначения официальных или официально поддерживаемых систем деспотического насилия над населением, пренебрежения его моральными нормами, его беспомощности: произвол, несправедливость, беззаконие. В то время прекращение произвола было важнейшим элементом крестьянских политических требований. Они редко выражались в желании управлять российским государством по-крестьянски или в виде ясного всеобъемлющего идеала национальной политической стратегии вне и сверх основных требований земельной реформы, "милосердного правительства", некоторых основных свобод и права "быть выслушанным", когда удовлетворение наиболее фундаментальных потребностей оказывалось под угрозой. Власть чаще всего означала местную власть, управление деревней или уездом крестьянами и для крестьян. Речь шла, в основном, о том типе власти, который нужен для борьбы против непреодолимого бессилия в повседневной жизни. Это был небольшой шаг с точки зрения внешнего наблюдателя, но он стал бы громадным сдвигом для сельской России.

Крестьяне, вовлеченные в события 1905—1907 гг. разделялись по важности ставившихся перед ними целей: немедленных или долгосрочных. Для них самих это разделение было очевидным. И крестьяне, и сельская интеллигенция часто отзывались о многих из крестьянской массы как о "темных людях" — безграмотных и пьяных, беспомощных и жестоких, консервативно настроенных, даже когда они участвовали в восстании, восприимчивых к призывам черносотенцев, полным ксенофобии. По другую сторону стояли "сознательные" крестьяне, иначе говоря грамотные, способные наладить свое хозяйство, политически проникательные и радикальные в своих

требованиях — крестьянский политический "класс для себя", находящийся в процессе формирования. В 1905 г. именно их влияние в деревне быстро возросло. Там цитирует описание сознательных крестьян, которое он услышал в одном из сел. Разницу между "сознательными крестьянами", которые вступили в Крестьянский Союз, и "хулиганами", проводящими свою жизнь в беспробудном пьянстве, ему объяснили как отличие крестьян в заплятанной от крестьян в дырявой одежде¹.

Отношение к государственной монополии на спиртное и к винным лавкам может проиллюстрировать это центральное различие между крестьянами. Во время Полтавского бунта 1902 г. восставшие крестьяне тщательно обходили винные лавки — это была "царская собственность" и ее нельзя было трогать. Во время погромов и актов разрушения в октябре 1905 г. винные лавки часто взламывались, после чего начинались пьяные оргии, длившиеся день за днем. С другой стороны, в соответствии с рапортами и докладами с мест, в районах, находившихся под влиянием Всероссийского Крестьянского Союза, коллективные действия обычно начинались с того, что крестьянские пикеты опечатывали винные лавки или даже совсем их сжигали. Этим они хотели обезопасить односельчан от пьяных беспорядков и полицейских провокаций. Эти действия были также объявлением войны против "государственной монополии" на водку. Наконец, в конце 1905 г., когда лидеры Крестьянского Союза были арестованы, сход деревни Криворожье постановил: "В эти горестные дни заключения в тюрьму братьев Мазуренко не разрешаем пить водку вообще и не разрешаем ее продавать". Сразу вслед за этим замечательным примером прикладной политической этики в том же приговоре следовало решение, которое показывало, как далеко крестьяне продвинулись в деле своего политического образования: "...сделать постановление о немедленном освобождении из тюрьмы наших уполномоченных. Землевладельцев.

подписавшихся под этим заявлением, мы объявим под бойкотом, приговорами постановим навсегда порвать с ними всякие сношения. С 1 января с.г. до принятия дворянами и землевладельцами требуемого нами постановления отбираем от них всех наших рабочих и всю домашнюю прислугу"². Как уверенно в себе и повелительно это "мы отбираем"!

Само существование в сельской России 1905—1907 гг. общекрестьянских политических целей многими ставилось под сомнение. Говорили, во-первых, что борьба велась за землю и только за землю. Во-вторых, борьбу крестьян отождествляли со стихийностью и насилием. Наконец, доказывали, что крестьяне в своих политических заявлениях были всего лишь орудием в руках сельской интеллигенции, которая их направляла³. Мы рассмотрим здесь первые две проблемы и обратимся к третьей в гл. 4.

Пример Вятской губернии может пояснить и документально показать важность для российского крестьянства не только одной земельной проблемы. Эта северная губерния, бывшая колония Великого Новгорода, потеряла свою автономию только в XV в. Здесь никогда не существовало "частного", т.е. помещичьего крепостничества и дворян было совсем мало. Население губернии было в высокой степени однородным — 97% составляли сословные крестьяне, для 89% основным занятием было сельское хозяйство и ⁹/₁₀ были этнически русскими. Обширные земли губернии были малоплодородными, поэтому местные крестьяне активно занимались ремеслами и торговлей. Они также были известны как относительно грамотные и независимые. На состоявшемся в ноябре 1905 г. съезде Всероссийского Крестьянского Союза делегаты Вятской губернии ясно изложили свою позицию: "У нас земельный вопрос не имеет остроты, но и у нас живет все-таки страшно тяжело"⁴. Рост Всероссийского Крестьянского Союза в губернии был впечатляющим и сопровождался массовыми собрания-

ми во многих деревнях. В ноябре 1905 г. состоялось губернское совещание Союза, в работе которого приняли участие 200 делегатов. Когда в декабре 1905 г. следующее совещание было запрещено властями, сотни крестьян "разобрали" склады охотничьего снаряжения и направились в Вятку, чтобы защищать свой съезд с оружием в руках. В последовавшем уличном столкновении между армейским гарнизоном и крестьянами, которых поддерживали местные революционеры, 7 человек были убиты и 24 ранены с обеих сторон, прежде чем армия одержала победу. Командовавший гарнизоном полковник, проявивший особую жестокость при выполнении своих обязанностей, был впоследствии застрелен одним из его солдат, крестьянином по происхождению⁵. В течение 1906 г. Крестьянский Союз, несмотря на репрессии и аресты, продолжал действовать в губернии очень активно, началась даже партизанская война. Не зная крепостничества, не имея земли, за которую нужно сражаться, и поместий, которые можно было сжечь, и оставаясь, следовательно, на низком уровне по всем показателям жакерии, вятские крестьяне не сомневались в том, что борьба была необходимой и знали точно на чьей они стороне. Потому что "...у нас живется все-таки страшно тяжело".

Основное внимание правительства, прессы того времени и историков было, по понятным причинам, приковано к пылающим поместьям, захватам земли и вооруженной борьбе — жакерии в обычном смысле этого слова. У советских ученых этот взгляд был связан с интерпретацией ленинского комментария 1917 г. о том, что единственной бедой крестьянского восстания 1905—1907 гг. была его незавершенность, поскольку сожжена была только часть российских поместий⁶. Поджог поместий был превращен в главный показатель крестьянского революционного духа и действия. Но те, кто проводил эти исследования, отмечали, часто с удивлением, что высокий уровень крестьянской организации и

радикализма скорее снижал, чем увеличивал степень насилия в районе. В самом деле, в 1906 г. сожжение поместий в новых районах скорее следовало за арестами крестьянских агитаторов и вожаков, чем предшествовало им. Другой комментарий Ленина, сделанный раньше и в самый разгар событий 1906 г., о том, что разрушение поместий было признаком крестьянской слабости и неуверенности части крестьян в том, что они смогут удержать захваченное, — кажется гораздо более близким к истине⁷.

Те крестьяне, которые сумели понять важность перемен во властных отношениях, знали также и о превосходящей силе государства и армии, которые противостояли им, разрозненным и в основном небооруженным. От местных помещиков они сумели бы избавиться при помощи силы, но государство было совсем другим делом. Среди возможных вариантов развития событий, которые обсуждали крестьяне, полное исчезновение царизма не предусматривалось. Кроме того, потерпев поражение, крестьяне, принимавшие участие в восстании, не могли уйти в бега или скрыться за границу — они не были готовы так легко оставить землю и свои семьи. Поэтому альтернативой бунту должно было стать уменьшение насилия и укрепление политической организованности — сельский эквивалент городской тактики социал-демократов и эсеров, которая в действительности использовалась как главное оружие политической мобилизации, лишь время от времени подкрепляемое ограниченным насилием⁸. Эти стратегии, конечно, отличались друг от друга: городские революционеры ставили своей целью поднять в конце концов общенациональное восстание, результатом которого стала бы победа республики, крестьянские активисты того времени обычно не имели это в виду.

Несомненно, часть сознательных крестьян не особенно возражали против насилия как такового, скажем, по соображениям морали. Использование поджогов или

вооруженных захватов было часто вполне приемлемым до тех пор, пока сохранялась уверенность в том, что они сработают, другими словами, могут привести к переделу земельной собственности или политической власти в районе. Сознательные крестьяне не покидали строй, когда их односельчане выбирали насилие. Они не были и против борьбы с оружием в руках, особенно в случае самообороны, когда надо было "дать отпор", или когда подъем революционной волны в районе или ослабление армейских тисков увеличивали шансы на победу. Более или менее осознанно, более или менее стихийно, большинство сознательных крестьян пытались выработать эффективную тактику борьбы за землю и за власть на местах. Эта "политическая линия" или, более точно, крестьянская политическая интуиция основывалась на коллективном опыте и достигла своей кульминации в создании альтернативных крестьянских правительств в некоторых сельских районах и в образовании общенациональных организаций российского крестьянства — Всероссийского Крестьянского Союза и Трудовой фракции в Государственной Думе первого и второго созывов.

Альтернативные крестьянские правительства — "крестьянские республики" — быстро распространились к концу 1905 г. и были разгромлены победившей контрреволюцией. Прежде чем возвратиться к национальной арене, мы коротко рассмотрим в связи с этим ситуацию в Грузии, Латвии и Центральной России.

* * *

Впервые крестьянское альтернативное самоуправление революционного типа возникло в 1903 г. в Гурии, на грузинской окраине российского государства. Эта история оказала значительное влияние на современников и ее стоит здесь рассказать. Название Гурия произошло от княжества, которое было уничтожено в ходе российского завоевания 1810 г. и переименовано в Узургетский уезд Кутаисской губернии. Территория уезда объеди-

няла несколько горных долин в юго-западной части русского Закавказья (см. карту 2 на с. 150), которые пересекались участком железной дороги Кутаис—Батуми, ведущей далее в Турцию. На территории Гурии, площадью около 100 кв. км, находилось два небольших городка и 79 деревень. За немногими исключениями большинство ее населения, насчитывавшего примерно 100 тыс. человек, составляли грузины. Обедневшие дворяне там мало чем отличались от крестьян. В уезде насчитывалось также несколько богатых дворян-землевладельцев и государственных чиновников. Местные крестьяне оказались в особенно трудном положении после освобождения от крепостничества. (В Грузии это освобождение превратило большинство крестьян в арендаторов.) Сельское население Гурии было образованнее, чем в среднем по региону, и имело репутацию независимого в мыслях и делах.

В 1902 г. Георгий Уратадзе — местный житель, бывший студент, отчисленный "по причинам неблагонадежности", и убежденный социал-демократ, стал инициатором крестьянских действий против местных помещиков в деревне Нигоити, расположенной поблизости от местной школы, в которой он учительствовал⁹. Требования крестьян включали в себя: сокращение доли урожая, которую они должны были отдавать собственникам земли, свободный доступ к пастбищам и участие дворянства в финансировании расходов местного бюджета, которые до сих пор оплачивали только одни крестьяне. То, что последовало за этим, приобрело поначалу черты трагикомедии. Крестьяне отказались выступить без принятия коллективной клятвы на верность борьбе и друг другу. Смущенного молодого рационалиста заставили играть роль священника, принимающего клятву в ходе торжественной религиозной церемонии. Вслед за этим Уратадзе спешно отправился в ближайший социал-демократический комитет, находящийся в городе Батуми, чтобы получить инструкции и

передать руководство крестьянами. По принципиальным соображениям комитет недоверчиво отнесся к проведению политической акции в такой мелкобуржуазной среде. (Во всей Гурии не было ни одного промышленного предприятия.) Чхеидзе — будущий председатель фракции РСДРП в Думе, огласил решение комитета: "Мы — марксисты. Марксизм — это философия пролетариата. Крестьянин, как мелкий собственник, не способен воспринять идеологию марксизма. Он, как мелкий буржуа, ближе к буржуазии, нежели к пролетариату. Поэтому мы не можем крестьянское движение поставить под нашим знаменем". Комитет был особенно расстроен слухами о том, что крестьяне приняли клятву — ни один марксист не мог бы закрыть глаза на такую метафизику. Молодому человеку категорически отказали в поддержке социал-демократов и подвергли разносу за "авантюризм"¹⁰.

Но трагикомедия быстро превратилась в высокую драму. Слухи о действиях крестьян и клятве верности в Нигоити быстро разнеслись по горным долинам и послужили основой живой легенды. Отклик был громадным и в одинаковой степени потряс и правительство, и революционеров. По всей Гурии в одной деревне за другой и в более отдаленных областях крестьяне объединялись, вырабатывали требования, избирали лидеров и давали взаимную клятву верности. Столкнувшись с этой волной, большинство местных землевладельцев быстро и смиренно уступили всем требованиям. Розыск зачинщиков только активизировал крестьянские политические действия. Принесшие клятву селяне отказывались выдать "подстрекателей", и последовавшие вслед за этим репрессии превратили крестьянскую борьбу в широкую конфронтацию с российскими властями. Крестьяне Гурии и некоторых других районов вышли из нее более сплоченными, чем когда-либо прежде. Грузинская интеллигенция, горожане и некоторые дворяне встали на сторону "своих" крестьян как пол

социалистическими, так и под националистическими лозунгами. Социал-демократические организации были вынуждены в конце концов принять руководство над крепнущим крестьянским движением. Для того, чтобы сохранить лицо, они создали в Батуме "Комитет сельскохозяйственных рабочих", который должен был возглавить гурийских бунтовщиков. (В Гурии, разумеется, практически не было "рабочих" в строгом классовом смысле, хотя, как обычно среди крестьянского населения, особенно там, где остро ощущается недостаток земли, многие крестьяне занимались дополнительной работой по найму.) В Гурии жили также бывшие рабочие, ранее занятые в Батуме и высланные в свои деревни после забастовки 1902 г. Они были носителями политического опыта, важного для событий последующих лет, но не формировали ни "пролетарского слоя", ни руководящей группы в районе. Когда в 1903 г. независимый социал-демократический комитет Гурии, состоявший из крестьян и местных учителей, объявил о своем возникновении, РСДРП безоговорочно приняла его в свои ряды.

К концу 1903 г. систематический бойкот всего населения погрузили официальные власти Гурии в пустоту¹¹. Социал-демократический комитет сельских представителей и "пропагандистов" стал на несколько лет единственной властью, которую признавало население. На всей территории уезда были de facto введены свобода слова, еженедельные политические массовые митинги, новые контролируемые комитетом арендные платежи, публичные суды и местная милиция. "Официальные" власти в своем большинстве уступили запугиванию, на них не обращали внимание, в то время как немногие, пытавшиеся исполнять свои обязанности, гибли или были силой изгнаны из уезда. (За ними охотились даже после их смерти, как это было с князем Накидзе, убитым в январе 1905 г. Из-за бойкота, объявленного могильщиками, его пришлось хоронить за пределами уезда.)

Государственное вмешательство при помощи силы долгое время сдерживалось политической ситуацией на Кавказе и всеобщей симпатией к Гурии. Самые богатые землевладельцы из дворян обращались с петициями против вмешательства армии. В 1905 г. симпатизирующий Гурии губернатор Кутаиса занял позицию невмешательства по отношению к крестьянскому самоуправлению и даже посетил Гурию в сопровождении эскорта местной "красной милиции". Известия об этом исключительном, неожиданном и оскорбительном для властей социалистическом правлении грузинских крестьян вызвали удивление и новые размышления не только на Кавказе. С 1903 г. пространные сообщения об этом, опубликованные в Искре и других нелегальных газетах, циркулировали по всему революционному российскому сообществу.

С началом революционных событий 1905 г. по всей России, нарастала боевитость и в Гурии. Местные дружины ("Красные сотни") были расширены и приступили к военной подготовке, готовясь к вооруженной борьбе против царского режима. Полицейские участки в районе больше не игнорировали. Они подверглись нападениям и были сожжены. Полицейских, солдат и охранников разоружили. Отряд казаков и полиции, рискнувший войти в район, попал в засаду и был разбит в бою под Насакераи¹². Уездный городок Узургет был захвачен вооруженными крестьянами и на массовом митинге, состоявшемся в ноябре 1905 г., была провозглашена новая власть. Уезд стал повсеместно известен под названием "Гурийская республика". По словам сторонника правительства, "Гурийский комитет фактически правил всей Гурией; без его согласия никто не смел сделать даже лишнего шагу по улице"¹³. В 1905 г. создание альтернативных властей тем же порядком произошло в ряде других районов сельской Грузии, например, в Сенакском уезде ("Сенакская республика"), в Рачинском уезде, в селе Орбели и т.д.

В начале 1906 г. контрнаступление реакции достигло Гурии. Либеральный губернатор Кутаиси был арестован, и вся Западная Грузия была жестоко усмирена военными силами под командованием генерала Алиханова и полковников Крылова и Толмачева. С Гурией наступающая армия обращалась с особой жестокостью. "Республика" исчезла, ее лидеры были арестованы или бежали, а вооруженные отряды рассеяны после решения не оказывать открытого вооруженного сопротивления регулярной армии. Тем не менее, репрессии, аресты и высылка 300 человек в Сибирь не изменили политической позиции крестьян района, как не смогли 20 дней порок заставить крестьян села Лончати назвать имена "зачинщиков". В 1906 г. все еще шла подготовка к вооруженному восстанию, которое должно было начаться одновременно с возобновлением революции в Центральной России. Еще более важно, что в то время как жители района формально заявляли о повиновении, их подавляющее большинство снова и снова голосовало за меньшевиков, которые руководили Гурийской республикой. Эта крестьянская поддержка оставалась неизменной вплоть до 1920-х годов¹⁴.

Формально по всей империи было достигнуто единство партии меньшевиков, но различиям между его грузинским и негрузинским контингентом суждено было сыграть постоянную и возрастающую роль в будущем. Лидер грузинских меньшевиков и уроженец Гурии — Н.Жордания — руководил фракцией социал-демократов в I Думе. В Грузии меньшевики выиграли выборы во все Думы. На выборах же 1917 г. во Всероссийское Учредительное Собрание Грузия, с ее на ⁹/₁₀ крестьянским населением, доказала, что она является единственной этнической окраиной в России, в которой меньшевики (т.е. члены партии, получившей только 2% голосов по всей России) набрали абсолютное большинство. Но все это еще только должно было произойти. Пока же "Гурийская республика" стала первым в истории крес-

тьянским правлением, опиравшимся на волю абсолютного большинства, руководимым марксистами и противостоящим государству в лице русских чиновников и солдат.

* * *

Сельская революция в прибалтийских губерниях (особенно в Латвии), по крайней мере для местных социал-демократов, не была столь же неожиданной и странной как в Гурии. Здесь существовал большой класс сельскохозяйственных рабочих-батраков. Значительная их часть работала в поместьях немецкого земельного дворянства, которому принадлежала половина всей земли. В 1880-х годах здесь начался сильный классово-этнический конфликт, которому отчасти способствовала государственная политика русификации, поддерживавшая в то время оппозицию латышских селян власти немецких помещиков. К концу XIX в. городские организации латышских социал-демократов стали расширять свое влияние в деревне. Эта партия была близкой к большевикам по своим симпатиям, но имела собственную автономную организацию. У нее не было особой аграрной программы, несмотря на то, что она пользовалась явной и все возрастающей поддержкой на селе как со стороны рабочих, так и со стороны мелких земельных собственников. К 1904 г. политизация латышской деревни и влияние на нее социал-демократов сильно возросли.

Революция 1905 г. проявилась в Латвии в виде волны сельских демонстраций и конфронтаций, которые достигли пика в ходе всеобщей июльской забастовки сельскохозяйственных рабочих¹⁵. Большинство забастовщиков были батраками, но они действовали во многом скорее как крестьяне. Их главным требованием было не увеличение зарплаты, а продажа им или предоставление в аренду участков помещичьей земли. Батраки, работающие по найму у местных крестьян, не присоединились к общей забастовке, которая развивалась как

антипомещичье и антинемецкое выступление. Сельские латышские общины обычно здесь действовали сообща, мелкие собственники были заодно с наемными работниками. Местная церковь стала главным центром революционных митингов и латышских демонстраций, которые проводились в этом районе (одним из требований было смещение немецких священников, назначенных местными баронами). Власти понимали серьезность положения и попеременно называли эти выступления то "крестьянским бунтом", а то "восстанием латышей". Чрезвычайное положение, объявленное в августе 1905 г., укрепило оппозицию и сделало ее действительно общенациональной. К октябрю 1905 г. Латвия в целом вступила в бой с царизмом, городские рабочие и интеллигенция — с немецким патрициатом, а сельская Латвия — с немецким юнкерством, которых защищала русская кавалерия, немецкие вооруженные дружинники и нанятые охранники. К социал-демократии латыши относились как к руководящей силе революционного движения в целом. Подобные черты, хотя и в меньшей степени, имели и события в Эстонии¹⁶.

17 ноября в Риге собрался съезд латышских крестьян. Присутствовавшие на съезде делегаты, представлявшие жителей 600 деревень призвали к созданию альтернативных местных властей на селе, после чего быстро приступили к делу. В течение всего нескольких дней были созданы около 100 самоуправляемых округов. Во всех этих округах старые власти были смещены или подверглись тотальному бойкоту, в то время как сельские сходы для управления районом создавали свои собственные организации. Появились новые суды и вооруженная милиция, винные лавки и корчмы были закрыты. Новая система правления была высоко эффективной и базировалась на тесном сотрудничестве всего этнически латвийского сельского населения.

В течение 1905 г. продолжалась и организация вооруженных отрядов революционных партий. Большую их

часть составляли селяне. В течение лета произошло множество нападений на полицейских и на их осведомителей. К осени приступили к систематическим нападениям на поместья, которые часто обороняли немецкие дворяне, их дружинники и охранники. Эта минигражданская война стала важной частью процесса создания местного альтернативного правления. В течение нескольких недель было разрушено 459 поместий в Латвии и 114 в Эстонии. При этом местное дворянство понесло в 1905 г. финансовые потери в размере, достигшем $1/4$ нанесенного ущерба во всей России¹⁷. Быстро росла численность революционных дружин. К концу ноября 1905 г. около 2 тыс. вооруженных человек в основном селян, штурмовали и захватили город Туккум, в то время как другие повстанцы заняли города Газенап и Виндаву. Из Руена поступали сообщения о конфронтации между армией и частично вооруженными крестьянами общей численностью до 10 тыс. человек. На некоторое время большая часть сельских районов в прибалтийских губерниях оказалась под контролем революционеров, а правительственные армейские отряды были блокированы в главных городах. Для того чтобы к концу февраля 1906 г. вновь установить контроль над сельской местностью Эстонии и Латвии, потребовалось проведение крупномасштабных военных операций. Остатки вооруженных революционеров, "лесные братья", продолжали вести партизанскую борьбу еще в течение двух лет.

Сравнение сельских восстаний в Грузии и Латвии оставляет простор для противоречивых интерпретаций. Оба произошли на этнических окраинах России — но были ли их причиной просто этнические особенности или этнические конфликты? Обоими руководили социал-демократами — но было ли крестьянское альтернативное правление связано с марксистскими воззрениями его лидеров? Рассказ о событиях в Центральной и Южной России поможет нам прояснить ответы на эти

вопросы¹⁸. Здесь альтернативное крестьянское правление было создано в ряде уездов с этнически русским или украинским населением и произошло это без влияния социал-демократической или какой-либо другой политической партии.

* * *

В течение 1905—1906 гг. в различных частях Европейской России образовался ряд "крестьянских республик". Их никогда систематически не изучали и не сравнивали друг с другом. Сохранившиеся свидетельства редки и отрывочны, но имеют чрезвычайно большое значение. Они показывают, что Гурия была ярким выражением более общего типа крестьянских организаций и крестьянской борьбы. "Крестьянская республика" России, о которой сохранилось больше документов и которая продержалась дольше других, — "Марковская республика" Волоколамского уезда Московской губернии¹⁹.

Марковская волость была довольно типичной для Центрального Нечерноземья. Она состояла из шести деревень, в которых насчитывалось около 1000 крестьянских дворов. Почвы были бедными и отчасти заболоченными. Волость находилась на расстоянии всего 150 км от Москвы, но дорог, ведущих к ней, было мало. После отмены крепостного права в 1861 г. на каждую "душу" (другими словами, на каждого взрослого мужчину, учтенного в ходе последней, X ревизии) пришлось около двух десятин земли, что было явно недостаточно при господствующей системе земледелия. Крестьяне пополняли свой доход с помощью ремесел и торговли. Каждая деревня специализировалась на каком-либо одном промысле. (В одной из деревень основным источником дополнительного дохода было плотничество, в другой — обувное дело и т.д.). Кроме того, некоторое количество обрабатываемой земли арендовалось у местных помещиков. В действительности, в течение 1890-х

годов в счет того, что Чайнов назвал самоэксплуатацией, обедневшие крестьяне давали более высокую арендную плату и цену за землю, чем некрестьянские производители. К началу века только пять помещиков во всем Волоколамском уезде продолжали заниматься напрямую сельским хозяйством. Все остальные либо уже продали, либо сдали в аренду крестьянам всю свою землю.

Несмотря на малообещающие условия, район был известен как "развитый", что особенно относилось к использованию новых методов ведения сельского хозяйства. Уровень грамотности здесь был выше среднего по России. Небольшая группа местных радикалов, не принадлежавших к какой-либо партии, особенно учителя и агрономы, изо всех сил стремилась насадить грамотность и политическое свободомыслие. Марковская волость была известна в их кругах как "сознательная" — интересующаяся новостями из большого мира и непокорная властям.

К лету 1905 г. крестьяне волости с растущим волнением следили за разворачивающейся революцией. Грамотные крестьяне и местная интеллигенция читали и обсуждали на недозволенных собраниях листовки и газеты. После того, как был опубликован Манифест от 17 октября, крестьяне попросили местного агронома Зубрилина, известного и уважаемого за успешное введение в районе многопольного севооборота и полевого кормопроизводства, выступить на сходе Марковской сельской общины. Предметом его выступления должны были стать только что дарованные свободы и возможное место крестьянства в политических событиях. 31 октября 1905 г. на сход собралось значительное число крестьян, представлявших также и другие деревни и волости (многие из них проделали длинный путь, чтобы услышать "про то, что происходит"). Сход превратился в массовый митинг. После споров состоялось голосование за резолюцию, написанную Зубрилиным по просьбе

крестьян. В ней содержались требования демократических свобод, дополнительной земли для бедных крестьян, всеобщего образования и амнистии политическим заключенным. За подобные резолюции голосовали в те дни по всей России, но сход в Марково пошел дальше, приняв немедленно вступившее в силу решение о неподчинении властям, неуплате налогов и отказе от поставки в армию рекрутов до тех пор, пока все эти требования не будут удовлетворены. Затем резолюция была подписана главами всех крестьянских хозяйств и скреплена печатью старостой общины Буршиным, который был тут же избран президентом "Марковской республики". В ноябре волостной сход принял подобную резолюцию для всей волости, дополнив ее призывом за Учредительное Собрание и требованием "положить конец самодержавию". Вся волость объявила о коллективном вступлении во Всероссийский Крестьянский Союз.

За этим последовал период особого крестьянского самоуправления на основе согласованного принятия решений по всем вопросам. Отчетливая антиправительственная природа этого самоуправления была хорошо определена историком того времени как "своеобразная форма всеобщей забастовки"²⁰. К 1906 г. представители местной радикальной интеллигенции (включая Зубрилина) оказались в бегах или были арестованы. Происходило то, что было прямым выражением политической интуиции и предпочтений самих крестьян. Они управляли своей волостью через избранных руководителей, демонстрируя открытое неповиновение государственным властям, приказы которых попросту игнорировались. В состав местного комитета Крестьянского Союза были избраны пять человек — секрет, тщательно скрываемый от властей. Именно они принимали все важнейшие решения. Арендные платежи были снижены и оказались под контролем, работа школ и местных властей была перестроена. Преданные царскому режиму

старосты и местные полицейские были уволены, подвергнуты бойкоту, их игнорировали или высылали из района. Крестьяне не были вооружены, и местный губернатор уклонялся от обращения к армии. Попытка восстановить контроль при помощи уговоров провалилась. Смещение властями революционного старосты волости крестьяне встретили уловкой в духе бравого солдата Швейка — отказались выбирать нового старосту, а старый объявил, что, к глубокому сожалению, не может сложить свои полномочия, поскольку ему некому передать власть. В центре Московской губернии в России 1906 г., в условиях наступающей реакции и жестоких репрессий, крестьянская "свободная территория" просуществовала год. Ее конец наступил только в середине июля 1906 г., через семь месяцев после поражения Московского восстания. Волостной староста был арестован, полиция вошла на территорию Марковской республики и ее альтернативные власти самораспустились. Бойкотирование назначенных государством чиновников продолжалось еще долгое время.

Для того чтобы показать, как общность условий порождало схожие действия крестьян по всей Российской империи, можно сослаться на другие случаи. Например, особенно влиятельное отделение Крестьянского Союза возникло в 1905 г. в Сумском уезде Харьковской губернии²¹. Население уезда составляло около 250 тыс. человек, из которых почти 90% были крестьянами — православными украинцами. Союзом руководил А.Щербак — зажиточный крестьянин, возвратившийся в свою деревню со сбережениями, которые он накопил, занимаясь в течение 20 лет фермерством в Калифорнии. Не послушавшись его совета, крестьяне уезда решили начать с петиции царю, жалуюсь на бедность и неуважительное обращение с крестьянами. Они просили царя освободить их от "...стражников, урядников и земских начальников. Стоят они дорого, а порядка они нам не дают никакого, а только мешают жить и работать и чинят нам только обиду. Да и от больших начальников мы не видим

пользы. Больно нам видеть этих начальников, ничего не понимающих в крестьянской тяготе, но мы терпим... Мы виним во всем начальство и просим тебя, государь, дозволить нам выбрать своих начальников: у нас есть люди умные, с понятием, которые знают нашу крестьянскую нужду, они не будут стоять много денег, а польза от них будет большая".

Щербак незамедлительно направил эту петицию на имя Витте. В ответ он был арестован, но после освобождения из-под ареста продолжил руководить организацией Крестьянского Союза в Сумах. Позже ему было суждено получить общенациональную известность из-за обращения к Санкт-Петербургскому Совету с призывом к объединению рабочих и крестьян против самодержавия. Он стал также одним из главных ораторов на Всероссийском съезде Крестьянского Союза²².

В октябре 1905 г. сумские крестьяне постановили запретить всю торговлю землей и вместе с соседними крестьянскими общинами взять в коллективную собственность местный сахарный завод. (Сумы находятся в районе, где выращивают сахарную свеклу.) Они также потребовали созыва Учредительного Собрания и выбрали Л.Толстого и М.Горького, почетными членами своей организации. В местном центре — городе Сумах (с населением 26 тыс. человек) прошла демонстрация 40 тыс. крестьян под красными флагами. Отчеты того времени сходятся на том, что "в ноябре и первой половине декабря 1905 г. вся власть в уезде, в том числе и в г. Сумах, фактически находилась в руках комитетов Крестьянского союза"²³. Чиновники были смещены в ходе перевыборов, заводы бастовали, уездные власти и местная полиция из-за бойкота оказались не в состоянии выполнять свои обязанности. Уездный комитет Всероссийского Крестьянского Союза приказал ввести в город крестьянскую дружину, которая взяла на себя полицейские функции. Крестьянский Союз создал также свои собственные суды, начал издавать газету.

узаконил новое административное устройство и т.д. Несмотря на нарастание репрессий, 18 декабря 1905 г. состоялась третья уездная конференция Крестьянского Союза, на которой присутствовали 350 делегатов. Она по-прежнему представляла единственную реальную власть на местах. Для того чтобы положить всему этому конец потребовались новые многочисленные аресты, высылка лидеров и массовые репрессии. В 1905—1906 гг. о похожих событиях сообщалось из разных мест по всей России, особенно часто из других важнейших центров влияния Крестьянского Союза — Саратовской губернии и Области войска Донского²⁴.

Эти события не были делом только Всероссийского Крестьянского Союза. Например, в Васильковском уезде Киевской губернии крестьянский сход Ракитинской волости без всякой связи с какой-либо общенациональной организацией избрал для управления этой территорией комитет из "двенадцати крестьян и двух евреев" в качестве единственной власти, приемлемой для ее населения. Местный корреспондент Вольного Экономического Общества сообщал, что комитет удерживал контроль над волостью в течение нескольких месяцев²⁵. Принятые здесь меры были схожи с теми, которые принимались везде, где крестьяне брали власть. В докладе указывалось также, что "...влияние комитета было огромным. Например, по его требованию пьянство и воровство прекратилось". "Законные" власти совершенно стусшевались. Местное лесничество передавало лес тем, кто в нем нуждался, в соответствии с письменными распоряжениями комитета. В конце концов в волость прибыл полицейский офицер с кавалерийским эскортом из 120 человек. Некоторые местные активисты были арестованы, а другие бежали, что фактически означало конец альтернативной власти. Сообщения о таких властях, учреждаемых крестьянами других национальностей, поступали из нескольких районов, например, из марийских и чувашских деревень Помяловской волости на Волге²⁶.

В Центральной России революционные партии были инициаторами некоторых случаев крестьянского самоуправления. В их создании приняли участие местные партийные активисты ПСР и РСДРП (часто в тесной коалиции друг с другом — против чего обычно возражали центральные партийные власти)²⁷. В Поволжье, а также в Тамбовской и Черниговской губерниях были особенно сильны и активны крестьянские братства социалистов-революционеров. На Западной Украине среди крестьян успешно действовала Спилка — группа меньшевиков, использовавшая в своей пропаганде украинский язык. Она положила начало захватам власти, которые достигли пика в 1906 г.²⁸ Большинство этих выступлений были кратковременными и охватывали сравнительно небольшие территории.

Итак, по всей России создались острова мятежного управления на основе всеобщего согласия населения, сопровождавшиеся беспомощностью или отстранением с помощью бойкота "законных" властей, а также альтернативным местным руководством, черпающим свою силу в крестьянской поддержке. Требования, методы управления и тактика неподчинения были примерно одинаковыми. Их целью был контроль за землями, не принадлежавшими крестьянам и крестьянское управление в сельской местности. В действиях разных крестьянских обществ была продемонстрирована высокая степень единства. В целом ядро таких форм организаций в России и на Украине составляли общинные и волостные сходы. (Перевыборы их должностных лиц "без разрешения сверху" составляли часть борьбы за перемены.) В Латвии эту роль играли лютеранские приходы, в Грузии — деревенские собрания и комитеты социал-демократических партий.

Проживавшие в районе посторонние, как и не занимавшиеся сельским хозяйством и не владевшие землей, обычно оставались в стороне от борьбы, но волостной писарь, который посмел по своей собственной инициа-

тиве послать верноподданическую телеграмму со словами "земельные наделы в районе достаточны", был немедленно уволен и выслан за пределы района крестьянскими властями. Такая же участь ожидала некоторых сельских стражников и полицейских. Общинные и волостные власти употребляли теперь законные полномочия в качестве акта неповиновения "вышестоящим" властям губернии и государства²⁹.

На этнических окраинах случаи крестьянского мятежного самоуправления были более многочисленными и охватывали большие территории. Его участники были лучше вооружены, в большей степени готовы использовать свое оружие и их действия обычно направлялись революционной партией. Особые этнические условия придавали этим конфронтациям форму национальной освободительной борьбы, которой часто — хотя и не всегда — руководили различные ветви социал-демократии. В большинстве мест, где крестьяне России, Украины и Белоруссии пытались организовать, они предпочитали присоединиться к беспартийной организации — Всероссийскому Крестьянскому Союзу.

* * *

В 1905 г. возникла первая в истории России национальная крестьянская организация. Природа Всероссийского Крестьянского Союза и его история объясняют неполноту сохранившихся о нем сведений. Большая часть его акций никогда не была зафиксирована на бумаге. Его деятельность, особенно на местах, часто велась без какой бы то ни было документации как по причине секретности, так и из-за неграмотности многих его сторонников. Союз был уничтожен, не оставив преемника, который мог бы претендовать на наследство и, следовательно, сохранить память о нем. Не совсем ясно даже точное число съездов Всероссийского Крестьянского Союза. Полностью сохранились документы только двух из них — состоявшихся в июле—августе и ноябре

1905 г. Сообщалось что еще два или три состоялись в 1906 и 1907 гг.³⁰

Е.Кирюхина, единственный советский исследователь Всероссийского Крестьянского Союза, высказала несколько предположений о тех размерах, которых достиг Союз менее, чем за год своей деятельности. На конец 1905 г. (т.е. через шесть месяцев после съезда, на котором Союз был образован) ей удалось установить существование не менее, чем 12 губернских, 4 межобластных и многочисленных уездных комитетов и 470 местных отделений, в которых насчитывалось 200 тыс. членов³¹. Но с ее точки зрения, из-за недостатка данных эти цифры сильно занижены. В 1906 г. Союз объявил о примерно миллионе членов³². К сентябрю 1905 г. отчеты о деятельности Крестьянского Союза были получены по крайней мере из 42 губерний. Участники съезда, состоявшегося в ноябре 1905 г., представляли 75 уездов из 27 губерний, но ряд делегатов были арестованы в пути и не смогли принять участия в его работе. Некоторые районы, в которых Союз был особенно активен, вообще не были представлены на этом съезде. Например, три из пяти губерний, направивших делегатов на региональную конференцию северных организаций Крестьянского Союза в декабре 1905 г. (Санкт-Петербургская, Псковская и Новгородская), не имели представителей на ноябрьском Всероссийском съезде³³. В ноябре 1905 г. делегаты ряда волостей Сибири встретились и решили вступить в Крестьянский Союз, но, опять-таки, не смогли обеспечить своего представительства на втором съезде. Более того, фактическое влияние Союза далеко не ограничивалось кругом его членов и отделений.

Самым известным проявлением деятельности Всероссийского Крестьянского Союза стали его съезды в июле—августе и ноябре 1905 г., широко освещенные прессой. Официальные протоколы съездов были опубликованы и их обращения распространились по всей России³⁴. В ноябре 1905 г. на крупнейшем из этих съездов (и единствен-

ном, прошедшем легально) присутствовали 187 делегатов, $\frac{2}{3}$ из которых были избраны общинными или волостными сходами³⁵. Правительство обрушилось на Союз всего лишь через несколько дней. Национальное руководство ("главный комитет") было арестовано. Последовали массовые репрессии, но все же на следующий подпольный съезд, состоявшийся в марте 1906 г., прибыли делегаты новых губерний, и их доклады показывают, что численность организаций Союза все еще продолжала возрастать³⁶. Союз достиг своего наибольшего влияния между серединой 1905 г. и серединой 1906 г. Его спад был столь же драматичным, как и его подъем. К концу 1907 г. Союз прекратил свое существование.

Протоколы и отчеты со съездов Всероссийского Крестьянского Союза 1905 г. оставляют впечатление эпической драмы, — выступления звучали временами как крестьянские легенды, жития святых и речи на сельском сходе, слитые воедино. Большинство ораторов были крестьянами, их представления и аргументы исходили как из опыта крестьянской жизни, так и из Библии. В выступлениях тесно переплетались политические, экономические и этические соображения. Некоторые выражали свои мысли неуклюже, другие были прирожденными ораторами. Внимательная и очень активная аудитория слушала всех с чрезвычайной серьезностью, постоянно комментируя и дополняя их выступлениями из зала. И только когда получали слово и приводили длинные аргументы некоторые представители интеллигенции, эта аудитория реагировала криками "достаточно", "говори дело!" и часто грубо их останавливала. На ноябрьском съезде выступил также единственный помещик среди делегатов, который объяснил, почему именно его выбрали и послали на съезд соседские крестьяне: он призывал к захвату крестьянами всех земель, недоверию намерениям правительства и к отправке вооруженного эскорта с крестьянскими депутатами в Думу, чтобы защитить их силой, если в этом

возникнет необходимость. Мы располагаем также несколькими поразительными описаниями этого съезда: стена крестьянских поддевок и бород; две женщины в платках (представляющие сход крестьянок из деревни неподалеку от Воронежа), делегат без ноги, который прошел весь путь на костылях, несколько интеллигентов в костюмах (в основном сельские учителя), священник в черной рясе (сразу после съезда лишенный духовного сана и сосланный в монастырь "за непослушание") и единственный в парадной форме армейский офицер в отставке крестьянского происхождения — делегат, который вызвал панику, явившись по такому случаю в мундире, которым он гордился³⁷.

Хотя истинный размах влияния Всероссийского Крестьянского Союза и его деятельность оценить трудно, в природе этой организации сомнений меньше. Мы обсудим полный перечень ее требований в следующем разделе, но "земля и воля" резюмирует их вполне адекватно. Географически этот призыв распространился в основном на те территории, которые царское правительство называло Россией, т.е. на Великороссию, Украину и Белоруссию. (Этнически "иными" в Союзе были в основном латыши, мордва и эстонцы.) На съездах присутствовали лишь относительно немногочисленные представители западных губерний. Это также означало, что организация имела влияние в основном в районах, где преобладала передельная община.

В социальном отношении явное большинство делегатов, избранных на все съезды Союза и подавляющая часть его местных руководителей были крестьянами — "средняками", т.е. владельцами небольших семейных хозяйств³⁸. Споры о членстве в Союзе, в основном касающиеся вопроса о том, следует ли разрешать некрестьянам вступать в его ряды, закончились вничью. (На июльско—августовском съезде большинство предпочло принимать в ряды Союза только "настоящих" крестьян.) Изучение социального состава делегатов

обоих съездов 1905 г. показывает, что около 25% их общего числа были не крестьянами, в основном представителями "сельской интеллигенции" — в большинстве своем местными учителями, избранными на крестьянских волостных или общинных сходах для того, чтобы представлять их интересы³⁹. Кирюхина изучила также состав 30 местных комитетов. Результаты ее исследования дают общее представление о местных активистах Союза. 18 комитетов состояли только из крестьян. Крестьяне образовывали явное большинство и в остальных 12 комитетах, но в их состав также входили учителя (в шести случаях), врачи (в трех), чиновники (в четырех) и священники (в двух). В 3 из 30 комитетах состояли также "кулаки" (точно не определенные автором, но отличающиеся ею от крестьянского большинства). Из 317 местных организаций Всероссийского Крестьянского Союза, о которых сохранились сведения, 224 (70%) были образованы решениями местных общинных сходов⁴⁰.

С точки зрения партийной принадлежности участников, подавляющее большинство членов Союза — и делегатов, и руководителей, были беспартийными, несмотря на то, что из нескольких мест поступали сообщения об активном участии эсеров. Из 187 делегатов ноябрьского съезда 1905 г. 11 характеризовали себя как члены или сторонники ПСР, 5 — как социал-демократы и еще 2 принадлежали к Спилке, в то время как кадетов вообще среди них не нашлось. В целом только 9% делегатов считали себя членами или сторонниками каких-либо партий.

В течение 1905 г. в нескольких местах по инициативе Союза Союзов (к которому присоединился Крестьянский Союз) были созданы комитеты поддержки, состоявшие из городской интеллигенции, провозгласившие своей целью помощь Крестьянскому Союзу в налаживании связей и публикации материалов. Арест всероссийского руководства Крестьянского Союза на короткое

время повысил важность этих комитетов, но полиция быстро расправилась и с ними. Большинство их членов были арестованы в начале 1906 г. и работа прекратилась⁴¹.

Разгром Всероссийского Крестьянского Союза — интересный урок в области политической социологии крестьянства. Несмотря на массовую поддержку, Всероссийский Крестьянский Союз исчез менее, чем через два года после пика его деятельности, и все попытки возродить его провалились. Одной из важных причин упадка этой организации, конечно, стали суровые репрессии, начавшиеся после ноября 1905 г. Полиция получила специальные приказы относительно подавления Союза и ареста всех его активистов. В одном только Сумском уезде, где влияние Союза было особенно сильным, 1100 его активистов были арестованы или отправлены в ссылку. Несмотря на это, в 1906 г. из многих районов продолжали поступать сообщения о все еще интенсивной деятельности Союза. Хотя Всероссийский Крестьянский Союз и был ослаблен (как и все антиправительственные силы к тому времени), он продолжал существовать и действовал не менее успешно, чем другие выжившие организации. В чем же заключалась разница — почему Крестьянский союз исчез, когда другие организации оппозиции удержались, хотя и с трудом, в урезанном виде?

Крестьяне сталкивались с большими трудностями в создании своих организаций по ряду социально-политических причин, которые достаточно хорошо известны: их рассредоточенность, "вертикальное разделение" на домохозяйства, фракции и деревни, их относительно низкий уровень политических "умений" и т.д.⁴² Условия нелегальности в России ставили любую организацию, не имевшую профессиональных кадров, в невыгодное положение. Но все же опыт других восточноевропейских стран (особенно партий так называемого "Зеленого Интернационала" 1920-х годов) не разрешает простого

объяснения типа "крестьян нельзя организовать политически". Главная причина быстрого исчезновения Крестьянского Союза была скорее политической, чем просто вопросом репрессий или организационных проблем. Вот почему исчезли также и местные комитеты Крестьянского Союза, а активность крестьян, которые пережили наступление контрреволюции, вернулась в рамки общин и волостей.

Политическая причина падения и исчезновения Всероссийского крестьянского союза, скорее всего, лежит во взаимозависимости между руководителями Всероссийского Крестьянского Союза и их революционными союзниками, и с другой стороны, в характере поддержки, которую им оказали крестьяне. В противоположность тому, что говорилось о них тогда и позднее, лидеры Крестьянского Союза были слишком авангардны и слишком близки некрестьянским революционерам, чтобы остаться вожаками крестьян в период наступления реакции. Революционная интеллигенция России почти до последнего человека была против "избирательного фарса" I Думы и проповедовала бойкот выборов. Крестьянские массы внутренним чутьем были за участие в них. Их вера в то, что всеобщий сход Россиян должен привести к очевидному заключению о земле и свободе для большинства населения была несокрушимой. Таким же было их понимание важности того факта, которое они ухватили лучше, чем образованная элита, что в России впервые состоятся национальные выборы и в них будут участвовать крестьяне. Они также гораздо реалистичнее оценивали силы правительства и относительную прочность армии. И все же в поддержке избирательного бойкота лидеры Крестьянского Союза решили встать плечом к плечу с союзниками из рабочих Советов, Союза Союзов и революционных партий, а также с сельской интеллигенцией. Арест Главного Комитета Крестьянского Союза сделал эту позицию еще более жесткой, поскольку ее некому было пересмотреть.

Когда начались выборы, в них приняло участие подавляющее большинство крестьян. Они выбрали в основном "беспартийных" крестьянских делегатов, которые принесли в Думу то послание, которое отказался принести в нее Всероссийский Крестьянский Союз. К тому времени, когда революционные партии признали, что бойкот выборов был "тактической ошибкой" (соглашаясь в этом с превосходством крестьянской повседневной мудрости над их собственными теоретическими конструкциями), у Всероссийского Крестьянского Союза не осталось ни одного признанного лидера, который выразил бы этот разворот на 180 градусов. Идеологический эквивалент Союза — Трудовая фракция, созданная беспартийными крестьянскими депутатами, повторила основные требования Крестьянского Союза. А российские крестьяне демонстрировали свое безразличие к политическим ярлыкам до тех пор, пока кто-нибудь не высказывал то, что они хотели услышать, о земле и воле, и говорил языком крестьянского единства в противостоянии государству и помещикам. Немногие активисты Крестьянского Союза, отказавшиеся следовать политике бойкота и избранные в Думу, например, С.Аникин из Саратова, просто присоединились к Трудовой Фракции, как это сделали и немногочисленные противники бойкота из эсеров и социал-демократов, избранные депутатами (последние в конце концов организовали собственную фракцию).

Самым важным здесь является тот факт, что под руководством Крестьянского Союза или местных лидеров, не присоединившихся ни к одной партии, или же являющихся членами совершенно разных политических партий (РСДРП, ПСР, сельских альянсов этих двух партий⁴³, ППС, даже Бунда), крестьяне различных районов боролись за одни и те же требования и использовали очень похожие стратегии. Под сбивающим с толку давлением воззваний, объяснений и приказов государства и его врагов, часто вводимые в заблуждение и

всегда подозреваемые, сталкиваясь лицом к лицу со сложнейшими ситуациями, большинство российских крестьян сохраняли необыкновенную политическую ясность выбора. Их отношение к целям и организациям было прагматичным, основанным на опыте и политически мудрым. Они были также примечательно последовательны в своих целях. Тот факт, что все это не поняли столь многие российские чиновники и интеллектуалы, должен рассматриваться как проблема самих чиновников и интеллектуалов, а не крестьянского мышления. Столетием ранее блестящий аналитик и человек, вдохновлявший русских революционеров, так описал появление крестьян на современной ему политической сцене: "неуклюже-лукавый, плутовато-наивный, несуразно-возвышенный, расчетливо-суеверный... непонятный иероглиф для цивилизованного ума..."⁴⁴ Именно так это выглядело, когда рассматривалось в свете чьих-либо других требований, взглядов и предрассудков. Чтобы понять крестьян в их собственных рамках и развитии, нужно взглянуть на крестьянские нужды и на то, как их воспринимали крестьяне, т.е. углубиться в рассмотрение крестьянского мышления и крестьянской мечты.

3. КРЕСТЬЯНСКАЯ МЕЧТА

Мечты имеют вес. Коллективные мечты имеют политический вес. Вот почему нет прямой или простой зависимости между политической экономией и политическим действием. Между ними стоят значения, понятия и мечты, обладающие внутренней последовательностью и собственной динамикой. Конечно, их структура несет на себе отпечаток властных и производственных отношений, в которые они вписаны сейчас или были вписаны ранее и под влиянием которых они формируются. Но такие зависимости никогда не бывают односторонними. Шаблоны мышления, однажды утвердившись, играют свою собственную роль и часто становятся

решающей причиной в формировании экономики и политики. Главным здесь является политическое влияние идеологии и ее ядра — представления об идеальном обществе, по отношению к которому ставятся цели и оценивается существующая действительность.

Часто высказывались сомнения относительно самой возможности изучения крестьянской идеологии и шаблонов мышления. Крестьяне разных регионов и разных деревень отличаются друг от друга так же, как и крестьяне каждой деревни: бедные и богатые, фермеры и полуремесленники, женщины и мужчины, старики и молодежь — что общего можно сказать о "крестьянском мышлении"? Ухудшает положение то, что большинство выражений крестьянских мыслей — только устные, в то время, как многие из тех, кто пишет о крестьянах, являются для них чужаками. Можно ли верить их свидетельствам? В любом случае известно, как трудно выразить и определить коллективное мышление. Особенно трудно выразить его количественно — основной порок в глазах тех, для кого статистика является синонимом истинной науки.

Но, с другой стороны, благоразумный отказ от обобщения крестьянского мышления означал бы также отступление от серьезного анализа крестьянских политических действий, так как он невозможен без рассмотрения их целей. Проблема не может быть решена и просто ограничением анализа до какой-либо прослойки крестьянства или до отдельной деревни. Те же аргументы можно привести по отношению к все новым делениям до тех пор, пока не останется множество отдельных, различающихся и не связанных друг с другом личностей — карикатура на социальную действительность, если вообще что-то от нее остается. Вот почему альтернатива, часто применяемая аналитиками, состоит просто в логическом и дедуктивном выводе самосознания из классовых, групповых и общественных структур, моделей или интересов. А такая подмена действительного самосознания его предполагаемыми причинами —

просто тавтология, которая сама по себе мало что объясняет. Причины и логику самосознания необходимо исследовать, а не принимать без доказательств.

Спор по поводу эпистемологических ограничений познания можно продолжить до бесконечности, давая пиццу изощренным аналитикам, при этом маршируя на месте. Чтобы продвинуться вперед, следует снизить уровень абстракции. Вводные вопросы, переформулированные таким образом в прямом отношении к нашей проблеме, таковы: возможно ли реалистичное обобщение коллективного мышления российского крестьянства того периода, который мы обсуждаем? Если это так, достаточно ли у нас фактов для изучения крестьянской политической идеологии, которой мы интересуемся? Только если ответы на оба вопроса положительны, можно приступить к делу.

Упоминание одного важного исторического свидетельства может помочь нам ответить на первый из этих вопросов. Правила наследования российского крестьянства в 1861—1911 гг. никогда не были оформлены в виде закона, но были намеренно отданы, после освобождения крестьян от крепостного права на откуп "местному обычаю", как его понимали старейшины каждой волости. Наше знание о позициях, процедурах, которые определялись в результате этого шага, достаточно надежно. Российский кассационный суд предпринял несколько крупных исследований тех решений, которые выносились крестьянскими судами большого числа деревень, различающихся по своей истории, климату, богатству и типу сельского хозяйства так же, как и по их взаимоотношениям с дворянством, городскими сообществами и "большой" экономикой¹. Несмотря на все эти различия, исследования обнаружили повторение основных принципов наследования как и отношений собственности у всего российского крестьянства. Данный факт особенно впечатляет, поскольку эти принципы существенно отличались от законов наследования, действующих для других обществ-

венных классов России, так же, как и в "государственном", т.е. применяемого вне крестьянской среды законодательстве. Мы говорим здесь о семейной собственности (в противоположность частной или коллективной), непризнании права на завещание, равном разделении земли между сыновьями и зятьями в хозяйстве, специфической частной "женской собственности" и т.д. Разумеется, эти общие характеристики норм и процедур российского крестьянства, регулирующие отношения собственности, были связаны со структурой крестьянских домохозяйств и деревень. Тем не менее это была взаимозависимость, а не просто отражение одного в другом (какое бы ни было "одно" и какое бы ни было "другое"). В этом смысле российское крестьянское "обычное право" имело важнейшее значение для крестьянской экономики и ее динамики. Если завершать эту тему, то этого важнейшего примера должно быть достаточно, чтобы показать, что некая общность образов мышления российского крестьянства существовала и что ее реалистическое обобщение как таковое возможно и подтверждаются наблюдениями.

Перейдем теперь к проблеме данных. Несмотря на тот факт, что большинство российских крестьян были безграмотны, имеются обширные свидетельства, относящиеся к изучению коллективного мышления российского крестьянства и особенно его политических взглядов в течение 1905—1907 гг. Сохранились тысячи петиций, приговоров и наказов сельских сходов. Они были адресованы царю, правительству (особенно после указа 17 февраля 1905 г., который призвал направлять их властям), к депутатам Думы и к Всероссийскому Крестьянскому Союзу. На съездах Крестьянского Союза обсуждался и был принят ряд важных резолюций. Позднее крестьянские депутаты обращались к Думе, излагая точку зрения своих избирателей. Доступен также ряд относящихся к делу наблюдений очевидцев и докладов высших полицейских и армейских чинов и государственных администраторов о крестьянских взглядах и

настроениях². Сохранились и некоторые воспоминания чиновников, дворян и интеллигенции. Свидетельств здесь множество, хотя они и неравнозначны.

Можно начать обзор крестьянских пожеланий с того типа общества, какой они хотели бы выразить в дебатах и решениях двух съездов Всероссийского Крестьянского Союза в 1905 г.³ На обоих съездах удалось добиться в этом общего согласия. Отдавая себе отчет в ограниченности своих способностей навязать свою волю самодержавному государству, крестьянские делегаты продемонстрировали также высокую степень ясности своих целей. Идеальная Россия их выбора была страной, в которой вся земля принадлежала крестьянам, была разделена между ними и обрабатывалась членами их семьей без использования наемной рабочей силы. Все земли России, пригодные для сельскохозяйственного использования, должны были быть переданы крестьянским общинам, которые установили бы уравнительное землепользование в соответствии с размером семьи или "трудовой нормой", т.е. числом работников в каждой семье. Продажу земли следовало запретить, а частную собственность на землю — отменить. Местные власти, выбираемые для представления всего населения, в равной мере, должны были наделяться обширными полномочиями для контроля над разделом земли и исполнением общественных обязанностей, среди которых особо подчеркивалось бесплатное образование. На государственном уровне крестьянам виделась парламентская монархия, а не республика, с равенством всех перед законом, свободой слова и собраний, с "состраданием", как главным принципом, которым руководствуется государственная политика — примитивная, но мощная формулировка идеи, близкой к "государству всеобщего благосостояния" западного мира. Все чиновники должны были избираться. Женщинам должно быть даровано равное право голоса ("которое может помочь бороться с пьянством"). Выражалась также солидарность по отно-

шению "ко всем нашим братьям", вовлеченным в борьбу с правительством: рабочим, солдатам, интеллигенции и этническим меньшинствам.

На съездах Всероссийского Крестьянского Союза наблюдалось также широкое согласие в определении враждебных сил, препятствующих осуществлению крестьянской мечты. На первом месте здесь находились чиновники, охарактеризованные в первоначальном манифесте Крестьянского Союза как "народу вредные". В числе врагов были также названы помещики, кулаки и местные черносотенцы (именно в таком порядке), но они явно стояли на втором месте после "государственного аппарата". В ходе реформ, которых хотели крестьяне, помещики должны были потерять свою землю, кулаки-мироеды — разрушительную способность эксплуатировать соседей, а черносотенцы и местная полиция лишались возможности продолжать террор. Некоторые решения продемонстрировали морально-политическое согласие, соответствующее крестьянскому идеалу общества: отмена смертной казни, требование всеобщей политической амнистии, обличение пьянства и признание антиеврейских погромов "постыдными и грешными". Большая часть споров излагалась с помощью моральных, часто библейских определений правды и неправды, как столь же очевидных для всех добропорядочных людей как разница между днем и ночью. Бесконечно повторяемое утверждение "Земля — божья" — пример миропонимания, морального суждения, политической позиции, стратегического требования — все в одной фразе.

Разногласия на съездах Всероссийского Крестьянского Союза касались в основном путей реализации этих целей, а не их сущности. Доводы в основном относились к проблеме передела земли и форме, которую должна принимать борьба за нее, т.е. в какой степени для этого допустимо применение революционного насилия. В отношении первой проблемы все соглашались, что госу-

дарственные, удельные и церковные земли должна быть включены в общий передельный фонд без выкупа. Большинство делегатов августовского съезда предпочитали "крестьянизацию" российской земли, включая возможность ее частичного выкупа у частных собственников за счет государственных средств. Значительное по размерам меньшинство отрицало любые платежи (так как земля "создана духом святым, а не человеком", и к ней нельзя прикрепить ценник)⁴. В тех случаях, когда речь шла о выкупе земли, в основе тактических предпочтений большинства делегатов явно лежало представление об упорядоченном перераспределении земли и власти и о всеобщем согласии, гарантирующем стабильность этих изменений. Таким же было желание держать государство на расстоянии вытянутой руки в вопросах будущего управления местными делами и землепользованием.

Крестьянские делегаты были явно озабочены конфронтацией с объединенными силами государственной машины и земельного дворянства. В спорах среди членов Крестьянского Союза важным был вопрос о политической тактике. Методы борьбы, в отношении которых удалось прийти к согласию были и легальными, и нелегальными. Они включали бойкот чиновников и назначенных ими лиц, смещение преданных режиму старост посредством перевыборов, создание комитетов Крестьянского Союза, которые должны были взять в свои руки местное управление и вынесение приговоров общинными и волостными сходами. Само распространение отделений, местных организаций и собраний Крестьянского Союза было прямым вызовом властям. Ноябрьский съезд также запретил продажу и аренду земли и объявил, что преследование активистов Союза приведет к отказу от уплаты налогов и поставки рекрутов. В соответствии с позицией, занятой всеми революционными партиями, Союзом Союзов и Санкт-Петербургским Советом рабочих депутатов, ноябрьский съезд

решил бойкотировать выборы в Думу впредь до введения в действие демократичного избирательного закона. В то же время Крестьянский Союз выступил против "разборки" поместий, которая была объявлена неэффективной, хотя имеющей объяснение в силе крестьянских обид, горечи и дезорганизованности: "Когда мы были сильны, мы добивались своей цели мирным путем; когда же мы не могли сговориться, тогда прибегали к поджогу и тому подобным средствам. Пока мы не соорганизуемся, до тех пор будут поджоги и кровавые средства"⁵. Раздел земли, дальнейшее совершенствование крестьянской организации и амнистия всем политическим заключенным должны были решить эту проблему.

Следующим шагом, запланированным в случае возможного обострения борьбы, если правительство решит упорствовать, была общая крестьянская забастовка (решение, несомненно, принятое под свежими впечатлениями от октябрьской забастовки 1905 г.). Общая сельская забастовка означала бы лишение поместий крестьянской рабочей силы и отказ платить арендную плату и налоги. Многие ораторы призывали также организовать отпор силой карательным экспедициям. Всерьез обсуждалась возможность весенних массовых захватов и фактического присвоения всех поместных и государственных земель весной. Рассматривался, но был отвергнут, призыв к вооруженному восстанию.

Отношение к царю было одним из тех вопросов, в которых нашла выражение особая смесь крестьянского радикализма и консерватизма (или осторожности). Крестьяне постоянно упрекали государство и чиновников, но царь обычно оставался "вне этого". Некоторые делегаты, несомненно представлявшие значительную часть крестьянства, все еще верили, что царя должно быть обманывают безнравственные министры, если он не понимает того, что для них было столь очевидным. Хотя растущее число крестьянских активистов явно

разбирались в положение вещей лучше, и они предлагали (особенно на ноябрьском съезде) "не трогать его", так как их односельчане могли быть не готовы к такому испытанию, и раскол внутри крестьянства по вопросу преданности монарху мог иметь катастрофические последствия. В то время, когда почти для всех делегатов самым важным делом была борьба за окрестьянивание всех земель и изменение власти на местах, отношение к государству, большим городам и национальным символам было более отстраненным. Один крестьянский делегат выразил это в полушутливом, полусерьезном докладе на ноябрьском съезде. Он с гордостью поведал об ответе волостного схода чиновнику, который, послушав крестьянские споры о будущем, потребовал ответа на вопрос: "Куда вы девали Царя?" Крестьяне ответили: "А мы об нем и не балакали"⁶. Остроумие в духе бравого солдата Швейка и тактика, позволяющая избежать конфронтации, оставались старым и испытанным крестьянским оружием, прекрасным способом ответить надутому чужаку, вызвав одобрительную ухмылку соседей.

Интеллектуалы, наблюдавшие за крестьянскими съездами, часто выражали удивление или приходили в уныние от несоответствия мощной риторики и умеренности принятых в действительности решений⁷. Члены революционных партий страстно жаждали действия. Из всех районов России поступали сообщения о случаях крестьянской борьбы. На своих съездах 1905 г. крестьянские делегаты резко говорили о жалобах и требованиях, но не одобрили вооруженных действий (хотя большинство никогда и не отрицало их). Но это были противоречия только с точки зрения интеллектуалов. Каждый крестьянин на сходе знал разницу между настоящим желанием (тщательно скрываемом от посторонних) и реалиями, с которыми нужно жить. Каждый крестьянин знал также простую тактику любого крестьянского рынка и схода: шуми и дави, затем попробуй

уладить дело при помощи компромисса "по-честному", который сохранит уступку противоположной стороны. В этом не было ни сдачи позиций, ни отчаяния. Делегаты преимущественно невооруженных и привязанных к земле деревень принимали решение о политическом наступлении, но не были готовы (пока?) принять тактику вооруженной борьбы.

Крестьяне также понимали ограничения собственной политической организации. Для эффективного объединения крестьянской силы в национальном масштабе необходима была либо внешняя база, например, революционная армия, готовая выступить против врагов крестьянства, либо некоторая мера легальности, которая обеспечила бы связи, единство и руководство. Не рассчитывая на выполнение первого условия, крестьянские активисты России пытались использовать и расширить второе, создавая одновременно общесельское единство и власть. Они отбросили в сторону советы, которые им давали революционные партии: как предложение социал-демократов о республике, так и призыв эсеров к вооруженному восстанию. Большинство крестьян, в чьих глазах власть (и особенно местная власть) была самым важным, явно старались свести насилие до минимума, т.е. использовать его ограниченно, выборочно, и в целом, для самообороны⁸. Тем не менее их выбор не был следствием манипуляции каких-то находящихся далеко от села лидеров, играющих в уважаемые парламентарные игры. Сообщения с мест показывали постоянное недовольство разборками помещий, которое выражали "сознательные" крестьяне. Причиной этого было не отсутствие мужества, поскольку многие крестьянские активисты демонстрировали перед лицом карательных отрядов, тюрем, казней и судов хладнокровие и смелость⁹, и кроме того, это были те самые деревни, из которых вышла русская пехота первой мировой и гражданской войны. Опыт 1905—1907 гг. служит хорошим доказательством трезвого крестьянского

реализма, проявленного в понимании превосходства регулярной армии в любом открытом с ней столкновении.

Выступления всех делегатов и активистов Всероссийского Крестьянского Союза дают хорошее представление о том, как понимало свои собственные интересы "сознательное" крестьянство. Характерно, что политический реалист Ленин признал тогда, что: "Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, но, безусловно, "почвенная", реальная организация масс, безусловно, революционная в своей основе... расширявшая размах политического творчества крестьянства"¹⁰.

Та степень, в которой взгляды членов Союза были характерны для всего российского крестьянства в целом, была немедленно поставлена под сомнение его тогдашними критиками. Массовая печать, поддерживающая правительство и финансируемая из его "секретных фондов" ("верноподданническая" по выражению правительства, "рептильная" для его врагов), немедленно объявила Всероссийский Крестьянский Союз организацией поджигателей, а его съезды — конклавом интеллигенции, переодетой крестьянами. На другом конце политического спектра делегат от эсеров (Студенцов) заявил, что на ноябрьском съезде доминировал президиум, который представляет интересы интеллигенции и делегатов от богатых крестьян. Он объяснял "умеренность" съезда именно этой причиной¹¹. Шестаков, представлявший большевиков, позже объяснил подобным же образом отказ июльско—августовского съезда объявить о поддержке требования республики и его решение о выплате частичной компенсации земельным собственникам¹². Он также упрекнул ноябрьский съезд по поводу его отказа предоставить делегации рабочих — членов РСДРП особую привилегию выступить на равных с избранными делегатами (поскольку, как заявили социал-демократы, крестьяне должны учиться передовому революционному опыту рабочих). Маслов, в то

время главный теоретик партии меньшевиков по крестьянскому вопросу, в конце концов, вместе с Лениным, согласился с тем, что съезды 1905 г. правильно отражали крестьянские политические взгляды, но заявил, что они представляют особую позицию крестьянских передельных общин, а значит, ограничены территорией, на которых эти общины существовали¹³.

Случилось так, что эти сомнения и комментарии современников были незамедлительно подвергнуты серьезному и эффектному испытанию. Как уже упоминалось, массовые аресты и решение Всероссийского Крестьянского Союза бойкотировать выборы означали настоящую "чистку" его активистов. Избранные крестьянские депутаты в своем большинстве не были членами какой-либо организации или политической партии. В ходе избирательной кампании аресты и высылки местной интеллигенции вместе с бойкотом выборов создали стерильно чистые, насколько это возможно, условия для крестьянского выбора, оградив его от вмешательства "политиков". Как было сказано в отчете 1906 г. об атмосфере перед выборами, "результаты выборов были тем более неожиданны, что всякая политическая жизнь в деревне, как казалось, замерла"¹⁴. Конституционные демократы, члены единственной партии, проводившей общенациональную кампанию, получили поддержку менее, чем $\frac{1}{6}$ депутатов, избранных по крестьянской курии¹⁵. Влияние властей чувствовалось больше в давлении, направленном против кандидатов, считавшихся ненадежными, чем в организации собственной проправительственной фракции.

Избранная в результате I Дума с массовым "беспартийным" крестьянским представительством вызвала у властей вздох облегчения: казалось, что консерватизм Думы гарантирован¹⁶. Левые партии, как и либералы, полностью согласились с этим прогнозом. То, что последовало в действительности, вызвало на российской политической сцене шок. На какое-то время он даже

отвлек внимание от торжества реакции, последовавшей за подавлением революционного подъема конца 1905 г. Самая большая группа "беспартийных" крестьянских депутатов немедленно объединилась в Трудовую фракцию, вобравшую в себя представителей всей России (включая ряд делегатов западных губерний, где передельных общин не было вообще). В течение месяца трудовики выдвинули как аграрные ("Проект 104"), так и более общие требования, касающиеся политической амнистии, демократизации и т.д., совершенно неотличимые от требований, выдвигавшихся Всероссийским Крестьянским Союзом¹⁷.

Любое подозрение, что некие секретные агенты левых (или агенты Крестьянского Союза) "похитили" крестьянские голоса, были рассеяны политической позицией тех крестьянских депутатов, которые не принадлежали к фракции трудовиков. К полному удивлению властей, конституционно-демократической фракции Думы и ее радикальных критиков из бойкотирующего лагеря, крестьянские депутаты вдруг заговорили, как отмечал крупный советский историк — знаток того периода, "...языком народников-интеллигентов, обнаружили приверженность к идее национализации, выбросили своим знаменем уравнительность и трудовое начало" — факт, который "встряхнул до основания социально-демократические доктрины"¹⁸. Даже те из крестьянских депутатов, которые провозгласили себя консерваторами и монархистами поддержали аграрную программу, поставленную фракцией трудовиков на голосование. Некоторые крестьянские депутаты из этнически нерусских районов присоединились к фракциям национальных меньшинств (автономистам), которые подчеркивали требование самоуправления на этнической основе. Впоследствии они протестовали против всероссийского земельного передельного фонда, образования которого требовала фракция трудовиков, но снова вполне согласились с остальной частью их программы. Крестьянские

депутаты, примкнувшие к фракции конституционных демократов, в отличие от трудовиков, поддержали выкупные платежи за все частные земли, подлежащие изъятию, но в то же время настаивали на реквизиции земли и ее распределении в пользу безземельных и малоземельных крестьян. Сметая партийные, этнические и региональные границы, крестьянские требования земли особенно отчетливо вновь прозвучали во время II Думы (1906—1907 г.), когда крестьяне узнали больше об этом новом учреждении. По словам наказа, который прихожане консервативного и националистически настроенного Красничинского православного прихода Люблинской губернии передали своему депутату во II Думе: "Во всех вопросах можно сделать уступку... в вопросе же земли и леса, нужно примкнуть к крайним воззрениям, т.е. непременно добиваться наделения землей и лесом"¹⁹. Большинство крестьян также согласились бы с написанным в то же время приговором схода деревни Шняк Казанской губернии: "Горче нищеты, горче голода угнетает народ полнейшее бесправие... Без разрешения ступить нельзя, слова не вымолвить, не то штраф, кутузка или тюрьма, а то и ссылка в Сибирь; суда нет: вместо суда действует полицейский жандарм"²⁰.

Единство позиций, выработанных крестьянскими общинами и крестьянскими депутатами, окрепло после правительственной декларации о намерениях, провозглашенной на открытии I Думы, в котором любое перераспределение частной земли было категорически отвергнуто. По мере того, как работа Думы 1906 г. продолжалась, оппозиция крестьянских депутатов правительству усиливалась. Это не заставило их встать в единые ряды оппозиции или просто согласиться с руководством со стороны существующих политических партий. "Левое крыло" трудовиков придвинулось ближе к ПСР, сплотившись вокруг "Проекта 33", который призывал провести отмену собственности на землю в России и

"социализацию" всей земли в России. Это было дополнение к более мягкому "Проекту 104"²¹. Вместе с тем осознание своего особого интереса как и "психологической изоляции" крестьянских депутатов — смесь недоверия к чужим и плебейской гордости — было хорошо выражено в письме депутата-трудовика в свою деревню в Полтавской губернии. В нем говорилось: "...А наша Трудовая крестьянская группа выработала проект на счет земли очень хороший... но это только проект, а как он кончится в Думе неизвестно, потому что нас, крестьян, 141 человек, а то разный сброд"²².

Следующая стадия и еще одно испытание постоянства, выдвигаемых требований крестьянства, наступила после правительственного запрета на переизбрание большинства депутатов I Думы. Во II Думе, собравшиеся в 1907 г., заседали новые депутаты. Несмотря на сильное давление на избирателей со стороны губернаторов и т.д., эта Дума оказалась даже более радикальной по своему составу, чем ее предшественница. Крестьяне еще в большей степени голосовали там против правительства. Из 53 депутатов, избранных непосредственно крестьянскими представителями, т.е. не на губернских съездах выборщиков, 47 поддерживали оппозицию и только 3 назвали себя верноподданными. Состав фракции трудовиков обновился почти полностью. Несмотря на отсутствие эффективной внепарламентской организации для сохранения преемственности и работы с избирателями, численность этой фракции почти удвоилась и ее представители немедленно повторили все первоначальные требования трудовиков (особенно их аграрные проекты). Собравшись непосредственно после введения в действие указа о так называемой столыпинской аграрной реформе, поощрявшей приватизацию общинной земли, фракция трудовиков продемонстрировала по отношению к ней полную враждебность. Такая же враждебность была выражена во многих наказах думским депутатам, которые принимали крестьяне по всей России²³.

И во II Думе другие крестьянские фракции, такие как казачья, снова полностью поддержали требование земли, выдвинутое трудовиками. Примечательно, что даже депутаты Волыни — единственного места, где черносотенцы получили большинство голосов крестьянских избирателей, выдвинули аграрные требования, схожие с теми, которые провозглашались повсюду другими радикально настроенными крестьянами. (В условиях Волыни эти требования были направлены против польских дворян и еврейских купцов. Это обеспечило поддержку полным ксенофобии призывам Союза Русского Народа.) Даже в том подавленном настроении, которое возобладало к концу 1907 г., выборы в III Думу опять показали, что оппозицию поддержало большинство крестьян²⁴. Новые законы о выборах предотвратили ее серьезное влияние в Думе. Небольшая группа все же избранных в Думу трудовиков вновь подтвердила в этом заповеднике консервативных помещиков свою приверженность основным крестьянским требованиям — земельному переделу, выборности всех государственных чиновников и отмену столыпинской аграрной реформы. И вновь в своем требовании перераспределения земли они были поддержаны также крестьянскими депутатами, консервативно настроенными по всем другим вопросам.

Ответом на эти крестьянские требования и доказательством удивления и ярости, которую они вызвали, послужил ряд ядовитых нападок на фракцию трудовиков со стороны "правых" партий. Для примера, одна из подобных публикаций описывала типичного трудовика как "...полуинтеллигентного разночинца, преимущественно недоучки, который слагается из следующих составных частей: 1) природных способностей, развитие которых, за бедностью или вследствие отсутствия выдержки, даваемой систематическим воспитанием, остановилось на полдороге; 2) необыкновенного самомнения, явившегося результатом господства в пределах своего

муравейника, уже совершенно не культурного; 3) необузданного дерзания, как законного дитяти от сочетания полуобразования с самомнением; 4) ненависти ко всему, что почище, побелее, потоньше, той ненависти, без которой обыкновенное самомнение и необузданное дерзание сразу бы потеряли всякий смысл и всякое оправдание"²⁵. Автор явно знал все, что можно знать о классовой ненависти и глубине важнейшего классового раскола в стране. Его ярость не случайно концентрировалась на плебейской элите, представляющей основное течение крестьянского движения России, которое поддерживали также многие рабочие и "национальные меньшинства".

* * *

В то время, когда депутаты и делегаты крестьянских съездов и Дум спорили о требованиях и мечтах всего российского крестьянства, каждая деревня в течение 1905—1907 гг. шла через свои собственные, никогда не прекращающиеся дебаты. Отрывки новостей бесконечно пересказывались, обсуждались и приукрашивались, газеты и листовки читались и перечитывались, жажда знаний казалась безграничной. Слух о том, что должен состояться митинг или что в село приехал "знающий человек", разносился повсюду и люди приходили пешком, приезжали на телегах, верхом за много верст. Деревни также отправляли своих ходоков, чтобы "разузнать про дела" и целые депутации, чтобы пригласить "оратора" из местных городов или соседних селений. Одно село на Юге наказывало своим посланцам "прислать студентов и в форме, штатским доверия меньше", а в другом потребовали привести им студента или еврея, чтобы те рассказали последние новости. Еще одна деревня голосовала за то, чтобы заплатить приезжему "оратору" из общинного фонда²⁶. В центре этого необъятного процесса общения была не внешняя пропаганда, а скорее грандиозное и стихийное усилие политического

самопознания и самообразования миллионов неграмотных и полуграмотных селян. В бесконечных, медленных, часто неуклюжих и плохо информированных, но всегда жарких дебатах массы крестьян начинали смотреть на свою жизнь и окружение по-новому и критически. Они говорили и создавали то, о чем прежде не задумывались: образ нового мира, мечты о справедливости, требования земли и воли. И вновь, поднимался не один только вопрос о земле.

Там, где имеют дело с крестьянскими движениями, обычно трудно добыть свидетельства местных процессов. Но в России 1905—1907 г. многие крестьянские мысли были выражены публично, их формулировали и записывали. Англо-саксонский парламент, в котором его члены, однажды избранные, вольны действовать, как они считают нужным, поразил бы российских крестьян как явно несуразный. Опыт общинного самоуправления учил их иному. Депутату ясно говорилось, что именно он должен передать на словах — следовательно, "наказ" как документ напоминал *Sahiers de doleances* Французских Генеральных Штатов 1789 г. и содержал непосредственные требования в отношении законодательства. Власти и особенно Дума должны были быть поставлены в известность о крестьянских трудностях и нуждах — отсюда приговоры и петиции. Основные потоки этих документов направлялись в ответ на обращение правительства посылать законодательные предложения в начале 1905 г., единственному легальному съезду Всероссийского Крестьянского Союза, состоявшемуся в ноябре 1905 г., I и II Думе летом 1906 г. и весной 1907 г. соответственно. Общинные и волостные сходы обеспечивали готовый механизм для таких действий и в то время эти документы широко публиковались в газетах. Революционные партии, особенно социал-демократы, возражали против петиций правительству и Думе как утопических и реформистских, но ничего не смогли поделать²⁷.

Прямая и представительная природа крестьянских петиций и наказов была очевидной. Документы часто провозглашали это ("сами сочинили"), об этом свидетельствовал и их язык. Об этом же говорили подписи, первой из которых обычно стояла подпись деревенского старосты (заверенная его печатью), за ней — подписи всех грамотных жителей села. Далее следовал длинный ряд крестиков, поставленных неграмотными, подтверждающий не только поддержку взглядов, сформулированных кем-то, но и прямое участие в выработке решений. Тонкость некоторых из них, особенно идущих из регионов, из которых были к тому времени высланы все активные интеллигенты, показывает, до какой степени понимание политики не является привилегией книжников или университетов.

Опубликованное в то время собрание документов, адресованных I Думе из деревень Самарской губернии, содержит множество хороших примеров этого жанра источников²⁸. Из 78 документов 38 были адресованы отдельным депутатам. 31 — Думе в целом и 9 — фракции трудовиков. В них содержались прошения о земле, о снижении ренты, о сельскохозяйственных кредитах и прогрессивном налогообложении доходов. В них также содержались требования всеобщей "свободы", амнистии политическим заключенным, выборности всех чиновников, свободного образования для всех, государственного жалования священникам (что освободило бы крестьянство от необходимости оплачивать их содержание), а также судов, чьи процедуры были бы "равными, безотлагательными, справедливыми и милостивыми". Наиболее частой жалобой, следующей после сетований на недостаток земли, была жалоба, касающаяся произвола, т.е. официального беззакония и незаконной природы управления местными властями — основной крестьянский антоним свободе, самоуправлению и хорошему порядку. Жители одной из деревень также сообщили депутатам, что они не захватывали земли местных

поместий силой "которую можно было легко применить", потому что "нужен закон". Другие призывали депутатов держаться крепко и не отступать от основных требований. Селяне явно оценивали более реалистично, чем российские либералы, что может произойти с крестьянскими депутатами, которые будут так поступать: в одном послании им было сказано "нести их крест, так как они — последняя надежда" и что "с ними Бог и народ". Наконец, один из деревенских сходов объявил Думе свое решение закрыть местную церковь, так как "если бы был Бог, то он не допустил бы таких страданий, таких несправедливостей"²⁹.

Одно из писем в Думу может представить здесь особый интерес, поскольку отражает активность наиболее пренебрегаемой половины крестьянского населения. Оно пришло от крестьянок трех деревень Тверской губернии, которые собрались для его написания на тайную встречу. И вновь, сельская интеллигенция не принимала в нем участия — текст был записан подростком, ученицей местной начальной школы. В письме, адресованном членам Думы, говорилось: "Мужья наши и парни гулять с нами рады, а что касается разговоров, какие ведутся теперь про землю и про новые законы, то говорить о дельном с нами не хотят. Допрежь всего так было, что хотя и побьют иной раз, но о делах наших вместе решали. Теперь же они нам говорят: вы нам не товарищи. Мы пойдем в Государственную Думу и будем государством управлять, или хотя не сами, а будем членов выбирать. Нам надо промеж себя сговориться. Кабы закон нас с вами равнял, тогда мы бы вас спрашивали и выходит теперь, что бабы и девки, как обойденные, стоят в сторонке и в жизни своей ничего решать не смеют... Господа члены Государственной Думы явите божескую милость: обсудите наше положение...Заявите в Думе, что надо все дела решать по Божески и всех равно допускать в Государственную Думу, и богатых, и бедных, и женщин, и мужчин, а то не будет правды на земле, а в семье не будет ладу"³⁰.

Русские историки пытались количественно проанализировать большое число крестьянских петиций и наказов, сохранившихся в архивах. Такому контент-анализу подверглись упомянутые выше документы из Самарской губернии, 146 наказов из отделений Крестьянского Союза, 458 наказов и около 600 деревенских петиций, направленных во II Думу и т.д.³¹ И вновь фундаментальная однородность результатов, касающихся документов, которые были составлены различными крестьянскими общинами и группами по всей огромной стране, представляется поразительной. Примером могут служить указы местных отделений Всероссийского Крестьянского Союза, подытоженные Дубровским³². Требования передачи всей земли крестьянам и отмены частной собственности на землю были всеобщими (содержались в 100% рассмотренных документов) и подавляющее большинство хотело, чтобы эта передача была осуществлена Думой (78%). Требование закона, запрещающего использование наемного труда в сельском хозяйстве, также выдвигалось явным большинством (59%). Взгляды относительно возможной компенсации за землю частным собственникам разделились, почти так же, как на съездах Крестьянского Союза). Было выражено общее неприятие косвенному налогообложению, и требование прогрессивного и прямого подоходного налога (84%). В политических вопросах большинство документов требовали свободных и равных выборов (84%) и отчетности и выборности всех должностных лиц (73%). Амнистия политических заключенных упоминалась в 87% случаев, в то время как всеобщее бесплатное образование стояло как всегда на первом месте в списке крестьянских "неэкономических" требований (100%).

В другом исследовании был предпринят похожий контент-анализ уже упомянутых 78 петиций, направленных во II Думу из Самарской губернии. Результаты были близки к тем, которые получил Дубровский. Кроме того, было рассмотрено отношение крестьян к государ-

ственной политике вообще и особенно, к столыпинским реформам как к новой важной проблеме 1907 г. Цифры показали, что эти реформы не нашли поддержки ни в одном из документов. Была также предпринята попытка выявить устойчивые различия между петициями деревень более бедной (северной) части Самарской губернии и ее более богатых районов³³. Она показала более активное участие относительно богатых районов в "петиционной кампании". Кроме того, крестьяне этих районов делали больший упор на политических требованиях. С точки зрения социально-экономических показателей, указывалось, что участники петиционного движения были, в основном, "середняками", не безземельной голытьбой, но и не самыми богатыми среди селян. Было показано, что жители больших сел были более активны по сравнению с теми, которые жили в меньших по размерам деревнях. Сравнение результатов этих документальных исследований оставляет в главном впечатление фундаментального сходства — единой идеологии и мечты, удивительной в своем постоянстве, не зависящей от местных различий.

Представляет интерес сама по себе терминология крестьянского политического мышления. Кое-что мы уже упоминали. Слова для выражения нового опыта и требований были найдены в традиции или в легенде, так же как и в языке, на котором писались газетные статьи и разговаривали в городах. Некоторые из этих слов были придуманы интеллигенцией, другие термины пришли из крестьянства и вошли в язык образованных классов. Выражения "золотой манифест" и "вторая свобода" выражали надежду на решение царя о разделе остатка дворянской земли между крестьянами. Концепция "уравнительности" и "трудового начала", т.е. регулирование земельного кодекса в соответствии с трудовыми ресурсами каждой семьи, одинаково использовалась как крестьянством, так и интеллигенцией. Термины "Черный передел" и "Вселенский мир" олицетворяли

наиболее радикальные изменения — мир крестьянской справедливости, всеобщего и равного перераспределения всей земли и России как общины общин с очень небольшим социальным пространством, оставленным для некрестьян. Некоторые слова стали употребляться реже, что также свидетельствовало о наступлении новых времен. Слово "смирение", так часто употреблявшееся для описания и самоопределения российских крестьян в прошлом, поблекло. Термин "забастовка" стал символизировать классовое наступление и вызов — "Мы забастовали луга" — говорили крестьяне Юга России о захвате пастбищ и сенокосов. Слово "студент" стало синонимом слова "революционер". Правительственная пресса относилась ко всему этому как к зараженности крестьянского сознания сельской интеллигенцией или как к доказательству неграмотности или неосознанности крестьянских масс. Но это были слова, в которых находили выражение новые идеи. Такие слова нельзя создать искусственно, так же, как никто не смог бы создать политическую мечту, которая в те дни двигала массами российского крестьянства³⁴.

Природа крестьянской мечты о справедливом обществе, проявившаяся в 1905—1907 гг., была связана и создана образом жизни, который мы называем крестьянским: особой экономикой, структурами власти и общинной жизни, также, как и связанными с ними представлениями. Это была самая суть, скрывавшаяся за упрямым постоянством и общностью крестьянских мечтаний. Это делалось ясным и в ходе сравнения с другими крестьянскими обществами тех дней, и при рассмотрении прошлого России. Лозунг "Земля и воля" выражал эти мечты особенно полно, в той степени, в которой лозунги вообще на это способны, т.е. передавал главное без выхолащивания его содержания. Ведение хозяйства на земле, обычно используемой в трехпольной системе, с семейной рабочей силой как основным фактором производства прямо соответствовало требо-

ванию: всю землю тем, кто ее обрабатывает, и никому более. Упор на потребительские нужды был чертой и необходимостью образа жизни, в котором выживание было целью в течение тысячелетий. Это означало также глубокое недоверие ко всем другим держателям земли в этом районе. Заметные трения в каждой общине шли рука об руку с единством при столкновении с чужаками. Свобода понималась в основном как свобода от внешних ограничений. В значительной степени она совпадала с представлением о самоуправлении, хорошо знакомом крестьянским общинам, только более ясно выраженном, улучшенном и приближенном к идеалу. Образование открывало доступ к грамоте и к должности деревенского писаря или учителя, было своеобразным знаком равенства с некрестьянством в той же мере, в какой и путь к новой работе, не связанной с сельским хозяйством, для "лишних" сына или дочери, которых после получения ими образования можно было оторвать от крестьянской жизни. Это был, следовательно, определенно хороший путь, который должен был быть открыт всей крестьянской молодежи. Требования милостивого правления, "справедливых и милосердных судов", выборов чиновников и народного контроля пришли как из крестьянских легенд и жития святых, но, в основном, из негативного сельского опыта. Традиции прошлого смешались с новыми характеристиками крестьянства, находящегося на переломе, которые относят сегодня к кризису многих так называемых "развивающихся обществ". Это ясно показали формы, в которых он выразился: терминологии консерватизма, традиционности, патриархальности, религиозности, ограниченности интересов, полужыческих верований, дополненные новым радикальным опытом, словами и взглядами, которые использовались для того, чтобы ухватить и сформировать понимание быстро трансформирующегося общества и революции, в которую были вовлечены массы крестьянства³⁵.

Крестьянское восстание в России несло в себе многие черты, общие для крестьянства XX в., вышедшего на "тропу войны"³⁶: 1) "кризис власти", связанный с экологическим и демографическим кризисом, с влиянием рынков и "монетаризации", ассоциирующихся с социально-экономической поляризацией и пауперизацией; 2) внешние условия, когда борьба в городах ослабляет, разъединяет и сковывает стоящих у власти, влияя на их способность подчинять себе крестьянство; 3) типичные характеристики социально-политической силы и слабости крестьянского населения — его размер, распространение и монополия на производство продовольствия против сегментации, ограниченного образования и низкой "классовости".

Для понимания характеристик крестьянской борьбы нужно рассмотреть также ее внеэкономические цели и аспекты. Борьба российских крестьян в 1905—1907 гг. ясно показала то, что было названо в другое время и в другом месте крестьянской "моральной экономикой" — крестьянской идеологией справедливости как ядра их борьбы³⁷. Именно в этом представлении и мечты непосредственно соединялись с крестьянскими политическими конфронтациями и войнами. Это также причина того, почему идеи, слова и символы российского крестьянства революционной эпохи понимались бы гораздо лучше крестьянами других стран, чем большинством образованных русских, принадлежавших к тому же поколению. Фундаментальная разобщенность между "образованными" и их собственными крестьянами, т.е. крестьянами, имеющими то же этническое происхождение, часто скрывала от российского чиновничества и интеллигенции постоянство и рациональность крестьянских требований и мечтаний. Показная любовь к крестьянскому платью или стихам — от частушек до поэм Клюева или Есенина, была частью этого фундаментального непонимания. И в этом крестьянство России не было исключением.

Наконец, вопросы сознательности и политической борьбы не могут быть оторваны от истории. Крестьянские требования часто оправдывались ссылкой на добрые старые времена, истинные и мифические, на старинные несправедливо отнятые права (*das alte Recht*), за которые сражались крестьяне в Германии XVI в., а также до и после них. В России старшее поколение еще помнило отмену крепостного права в 1861 г., которое принесло и драматические изменения и много разочарования. Тем не менее, можно и нужно идти дальше в прошлое. Существует достаточно фактов, чтобы показать: хорошо спрятанная от "официальной России" память о великих крестьянских восстаниях XVII и XVIII вв. никогда не была вполне искоренена в некоторых областях, особенно на Среднем Поволжье, где крестьянские восстания 1905—1907 гг. были особенно мощными, как, например, в Саратовской губернии³⁸. Веками государство наказывало за одно лишь упоминание Разина и Пугачева, церковь предавала их анафеме, но о них продолжали рассказывать легенды, петь баллады и создавать сказания — хорошо названные современным писателем настоящим "самиздатом неграмотных"³⁹. Эти песни и легенды несли в себе рассказ о крестьянском неповиновении, но также те идеи, вокруг которых могла сформироваться новая идеология. Воспоминания об идее обращения всех крестьян России в казаков — независимые, свободные и самоуправляемые крестьянские сообщества, которые представляли Разин и Пугачев — были еще живы. Жива была и идея земли для всех. Эти образы пронесли через века и секты староверов, которые добавили к ним особый привкус ксенофобии — для них царь Петр был не только началом и символом всякого угнетения, но также и дьявольщины — антихристом, изобретенным немцами.

Крестьяне вышли из революции 1905—1907 гг. в лучшем состоянии, чем некоторые другие социальные группы. Но большинство российских крестьян не "смягчи-

лись" и не готовы были уступить то, что в их понимании принадлежало им по праву. Не были они также готовы принять столыпинские реформы взамен того, за что они воевали. Они признали реальность силы государства, но и только. В течение десятилетия это крестьянское сознание и самосознание, глубоко укорененное в крестьянских обычаях и условиях жизни, отграниченное опытом 1905—1907 гг., должно было сыграть решающую роль в новой революционной войне, которая закончилась по-другому и сделала Россию на некоторое время более крестьянской, чем когда-либо раньше или когда-либо позднее.

Два основных вопроса, касающихся революции 1905—1907 гг. остались пока без ответа. Они отражают два альтернативных смысла, в которых могут быть сделаны заключения. Первый из этих вопросов это: "Кто кого вел" в революции 1905—1907 гг.? Он представляет в основном проблемы аналитиков новых поколений, пытающихся понять смысл крестьянской борьбы 1905—1907 гг. и лучше вписать ее в более широкую историографию России. Второй и более общий вопрос это: "Кто чему научился?" из уроков революции. Он касается мышления современников революции, его постоянства и изменений в нем как и того, что все это значило для будущего России. Мы займемся перечисленными вопросами именно в этом порядке.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1905—1907 ГГ.: КТО КОГО ВЕЛ?

...Тем, что свершается, и тех, что остается несвершенным
ведомые ведут ведущих.

Бертольд Брехт

Отношения, завязывающиеся между
людьми, взаимовлияния как и путаница, возникающая
в их сознании, — они-то и составляют
для истории подлинную действительность.

Марк Блок

1. ВОПРОС И КОНТЕКСТ

С того момента, когда борьба российских крестьян в начале двадцатого столетия подорвала веру в их флегматичный консерватизм и неспособность к революционному действию, разгорелись споры о том, кто руководил ими или вовлек их в восстание. Сам факт этих споров свидетельствует об удивлении современников, которые столкнулись с политическим поведением крестьян, не поддававшимся никаким предсказаниям. Прошедшее с тех пор время не ослабило эту дискуссию и не уменьшило ее значение. Причины этого кроются и в характере анализа и в связанных с ним проблемах идеологии. Принятый способ интерпретации образует необходимую основу любого историографического или структурного анализа революций 1905—1907 гг. и 1917—1922 гг. и, следовательно, истории современной России. Его значение для понимания крестьянской экономики и политического действия в других странах также было очень важным, поскольку Россия часто использовалась, особенно социалистами, как модель и

как ключевое доказательство при решении своих проблем. Эти вопросы играли также стратегическую роль в воспроизводстве и конструировании идеологических образов России, закладывая в историю вопроса оправдание и понимание истеблищмента и оппозиции, в каждом новом поколении. Отзвук этих страстных споров о прошлом простирается вплоть до недавних сельскохозяйственных проблем в Польше и Китае, до критики последнего пятилетнего плана Индии, до форм деколлективизации советского сельского хозяйства, и чуть ли не до последнего неурожая в ближайшем селе.

Вот почему кипы новых свидетельств, собранных и опубликованных в Советском Союзе с конца 1950-х годов, не обязательно проясняют эти вопросы¹. В самом деле, поднятые проблемы становятся, возможно, менее понятными, теряясь в лавине новых документов и цифр, которые произвольно использовались или отбрасывались историками². Чтобы придать этому смысл, нужно вернуться к истокам споров и, проверяя факты и относя их к восприятию разных поколений, перейти затем к тому, чтобы задать вопросы о самих вопросах. Без такого исследования важнейшие аспекты сельской революции 1905—1907 гг. останутся неясными.

Из пестрого списка тех, кто якобы втянул крестьян в революцию, — анархистов и эсеров-максималистов, студентов и уголовников, евреев, польских дворян и японцев — только немногие заслуживают серьезного отношения. С точки зрения социального слоя это была сельская интеллигенция (в основном земский "третий элемент") и городские рабочие. Среди политических партий на эту честь претендовали в основном эсеры и социал-демократы, а, после образования СССР — наследники большевистской ветви социал-демократии. Еще одной альтернативой может стать предположение о том, что крестьянская борьба была в значительной степени самоорганизованной и никакие внешние силы

не играли в ней решающей роли. В более глубоких исследованиях обычно поднимается вопрос об иерархии причин, т.е. об их относительной важности и взаимозависимости, а не о монокаузальном объяснении. Но и в этом случае важнейший вопрос "Кто кого вел?" всплывает снова и в самой сердцевине историографии России и русской революции.

В период 1905—1907 гг. связь между всеобъемлющими теориями об обществе или стратегиями его трансформации и ответами на этот вопрос: "Кто кого вел?" была уже очевидной для политических лидеров. Эта связь носила двухсторонний характер. Общая социальная теория подразумевала вероятность появления некоторых фактов или их интерпретаций и более целеустремленный отбор информации, подходившей для обоснования чьей-то любимой теории. Были также случаи открытой фальсификации фактов с целью доказать то или иное положение. Но даже и эту информацию можно использовать в анализе, следуя памятного правила Марка Блока: "Ложь как таковая — тоже своего рода свидетельство"³. Вместе с тем важные и неожиданные явления крестьянской борьбы, заставляли вносить изменения в саму структуру социальных теорий и политических стратегий тех дней, даже если обычно их влияние было менее явным и более медленным по сравнению с воздействием заданных теоретических предположений. Кроме того, не существует простого способа вывести эмпирические предсказания из той или иной теории. Поэтому даже среди ортодоксов, принадлежащих к одной и той же научной школе, дебаты никогда не прекращались, хотя большинство сторонников этого направления считали некоторые основные предпосылки сами собой разумеющимися. Цитируем еще раз Блока, именно это имевшего в виду, когда он сказал: "Отношения, завязывающиеся между людьми, взаимовлияния и даже путаница, возникающая в их сознании, — они-то и составляют для истории подлинную действительность"⁴.

2. СОВРЕМЕННОКИ РЕВОЛЮЦИИ: ПРАВЫЕ И ЛЕВЫЕ

Основное представление о прямых причинах и о "командной цепи" в революции 1905—1907 гг. в России, которое принималось монархистским истеблишментом и прессой, состояло в том, что преимущественно нерусская интеллигенция, возможно, состоявшая на содержании иностранных держав, спровоцировала на бунт "неустойчивые" элементы, в первую очередь рабочих. В тех российских деревнях, где во всей очевидности не находили никаких "студентов, евреев и анархистов", возможно, действовали пришлые агитаторы или политические преступники, сосланные в провинцию под надзор полиции. Они вызывали волнения, втягивая в них "неустойчивых" в самой деревне, т.е. крестьян-маргиналов, безземельных батраков и местную молодежь, которая еще не умела отличать добро от зла.

Те высокопоставленные бюрократы, которые видели себя государственными мужами, реалистично и взвешенно оценивавшими политические и социальные вопросы (что выгодно отличало бы их поведение от паранойи монархистской прессы и паники провинциальных помещиков), были также уверены, что обвинять нужно интеллигенцию, как таковую, и, особенно, "третий элемент". И для них неустойчивые группы в деревнях были связующим звеном между радикальной сельской интеллигенцией и теми крестьянами, которых вовлекли в восстание обманом. Но руководителей бюрократической системы отличало более глубокое понимание всероссийского политического кризиса, а также логики поведения вождей "антигосударственных элементов", с которыми их сближал общий культурный багаж. В 1904 г. Петр Столыпин, саратовский губернатор делающий тогда быструю карьеру, хорошо выразил этот взгляд в докладе царю об опасности радикализма в среде "наиболее влиятельного элемента Саратовской губернии, называемого "третьим" и состоявшего из земских

работников, учителей, медицинского персонала и в настоящее время даже из некоторых судей". Он продолжал: "На почве наших военных неудач и всевозможных разоблачений правительственных язв и якобы правительственной слабости, "третий элемент" быстро поднял голову и смело предъявил притязание на руководящее положение... Нельзя отказать им в смелости, трудоспособности, энергии и знаниях, но, с другой стороны, бросается в глаза их предвзятость, врожденная антипатия и недоверие к сложившимся историческим путям и формам, их презрение и полнейшее незнание людей других классов и воззрений и часто прямолинейное игнорирование жизненных интересов страны... Единственный тормоз на пути "третьего элемента" это [государственная. — Т.Ш.] администрация"¹.

Впервые в истории России представители интеллигенции жили постоянно, легально и в большом числе в сельской местности и в небольших губернских городах. Они попадали сюда теперь не по царскому указу о высылке за преступления (действительные или мнимые) и не из-за желания удалиться от света. Примерно 70 тыс. из них работали там учителями, агрономами, медиками, статистиками и т.д., общаясь ежедневно с крестьянским населением². Именно о них министр внутренних дел Дурново сказал в 1905 г.: "Россия может обойтись без интеллигенции". Массовые аресты и высылки 1905 г. ясно показали, что он имел в виду. Не только политическая позиция, но и постоянное желание учиться у жизни в качестве "исследователей социальной действительности" и сравнительно высокая квалификация, обычная для этих людей, несли в себе опасность. В своем докладе 1906 г. Витте назвал само занятие сельской статистикой угрожающим и потребовал его немедленно ограничить.

В соответствии с этим взглядом, сельских интеллигентов принимали за истинных руководителей и активистов Всероссийского Крестьянского Союза. Для монархической прессы те были просто интеллигенты.

переодетые в крестьян. Высшие царские чиновники знали и понимали, что крестьяне активно и в большом числе участвовали в революции. Но даже самые блестящие умы в этом лагере, комментируя в своих книгах уже свершившиеся события, что делало их задачу более легкой, считали, что "ведущая роль в этом Союзе явно принадлежала интеллигентам, близким к революционерам-социалистам"³.

Из этого следовал вопрос: «Почему и как "третьему элементу" удалось развратить крестьянство радикализмом?» Для многих представителей реакционного монархического крыла именно Витте был тем человеком, на которого следовало возложить вину как за его стратегию развитию промышленности за счет сельского хозяйства, принятую в 1890-х годах, так и за его политику уступок мятежникам в 1905 г. Тем не менее, все больше помещиков и бюрократов считали, что именно отсталость структуры крестьянского общества и экономики давала радикалам из сельской интеллигенции возможность вызывать беспорядки. В то время, как пылало все больше помещичьих усадеб, а депутаты I и II Думы множили брань и требования к правительству, в качестве причины сельского восстания все чаще стали называть российскую крестьянскую общину. В статьях и выступлениях монархистов крестьянская община быстро трансформировалась из оплота стабильности и предпочитаемого инструмента социального контроля в главное пугало — причины экономической стагнации, социальной отсталости, политического коллективизма и радикализма, — которое должно быть уничтожено любой ценой.

Большинство российских оппозиционных либералов приняли суть официального взгляда на руководителей и подстрекателей крестьянского выступления. Их позиция отличалась только тем, что они подчеркивали также обоснованность многих крестьянских жалоб, особенно по поводу недостатка земли, и соглашались с необходимос-

тью предложить какое-то немедленное решение, которое привело бы к успокоению, а не к репрессиям, направленным против крестьян и "третьего элемента". Они считали, что из-за непроходимой глупости и некомпетентности царской администрации и ограниченности и эгоизма большинства помещиков, это могло сделать только просвещенное правительство, ответственное перед Думой. Вместе с тем либералы соглашались, что разложение крестьянской общины было естественным и необходимым элементом российского "прогресса". С точки зрения большинства конституционных демократов, увеличение крестьянских земельных наделов (с полной компенсацией, выплачиваемой их собственникам) и одновременное разрушение сельских общин было необходимо для создания социальной базы политического консенсуса в британском стиле — их публично провозглашаемого идеала и модели для подражания⁴.

Что касается революционных партий, то предположение о стихийности крестьянской борьбы больше всего было бы к лицу народникам и бакунинцам старой закалки, но новая политическая карта России выглядела теперь иначе. В соответствии со всеми подсчетами и оценками того времени, наибольшее влияние в сельской местности Великороссии имели официальные наследники революционного народничества XIX в. — эсеры⁵. Они раньше других стали вербовать себе сторонников из крестьян и создавать особые крестьянские организации в некоторых губерниях. К 1905 г. эсеры разработали теорию, касающуюся крестьянского участия в социальных революциях, а также крестьянских политических целей. Эта теория включала в качестве цели "социализацию земли", т.е. конфискацию всех частных земель без выкупа, ее уравнительное перераспределение через крестьянские общины, запрет на продажу земли и наем рабочей силы⁶. Все это еще не превращало ПСР в крестьянскую партию. Некоторые крестьяне присоединились к эсеровским Крестьянским Братствам, но наи-

большее влияние на селе эта партия оказала на сельскую интеллигенцию, особенно на учителей, земских статистиков, врачей и даже некоторых священников⁷.

Российские крайне "правые", тяготели к объяснениям в духе "плаща и кинжала", часто подменяли крестьянский бунт злодеяниями террористов — врагов правительства. Для них вовлеченные в восстание крестьяне оставались лишь марионетками сельской интеллигенции, которой, в свою очередь, манипулировали эсеры, а аграрные волнения 1905—1907 гг. были всего лишь талантливо составленным эсеровским заговором. Социал-демократическое крыло революционеров никогда не уставало объяснять полную политическую несостоятельность ПСР: эсеры не могли возглавить крестьянскую революцию, даже если в их сельских связях невозможно было сомневаться. Эта позиция, риторически расцвеченная в речи Троцкого на съезде РСДРП в 1903 г., посвященной пропаганде среди крестьянства, выглядела так: "Но тот мыльный пузырь, который из учтивости называется партией социалистов-революционеров, слишком несерьезный конкурент... Это отсутствие серьезных соперников облегчает нашу задачу"⁸. На одном дыхании эсеры обвинялись в излишнем радикализме (например, за призыв к вооруженной сельской борьбе) и за отсутствие такового (например, за их готовность к блоку с другими оппозиционными партиями в противоположность позиции всей РСДРП, настаивающей на собственной исключительности).

Что бы не говорили противники этой партии, ПСР оказалась в двусмысленности собственной позиции⁹. Сельская интеллигенция была часто проэсеровски настроенной, но из этого неприлично было бы сделать вывод, что ей удавалось "толкать" крестьян, или хуже того — водить крестьянские массы за нос. Для эсеров главной революционной силой в России был "трудящийся класс", состоявший из крестьян, рабочих и интеллигенции. В противовес народникам 1870-х годов, которые

были склонны относиться к рабочим как к крестьянам, временно переехавшим в города, ПСР все чаще рассматривала обедневших крестьян как рабочих села. Крестьянский революционный дух и поиск социализма были для нее естественными и гармонировали с истинным интересом "трудящегося класса" в целом, которым руководили революционные партии, боровшиеся за свержение царизма и за справедливость. Лучшим выразителем и руководителем этого усилия была сама ПСР. Но все же, находясь на "тропе войны", сжигая поместья, образуя альтернативные власти, участвуя в демонстрациях под красными флагами и т.п., большинство крестьян продолжали отрицать республиканизм и вооруженное восстание, обнаруживая даже противоречивое отношение к захвату всех частных земель без выкупа. Этим крестьяне не формулировали свои цели и средства в духе ПСР, т.е., казалось, не исходили из своих истинных интересов, но в то же время действовали революционно и энергично.

ПСР не претендовала поэтому на решающую роль в крестьянских действиях. В противоположность более поздним взглядам, многие социалисты-революционеры в своем начальном анализе происходящих событий, стремлениях или надеждах вовсе не были "прокрестьянски" настроены (следуя более народовольческой традиции, чем ранним взглядам "Земли и Воли"). В 1905—1907 гг. их политические усилия и действительное влияние связывалось как с интеллигенцией, так и с городскими рабочими и армией¹⁰. Что касается крестьянской борьбы, она рассматривалась, в главном, как отстающая от эсеровского авангарда на пути к народной социалистической революции. Чернов описывал революцию как народно-трудовую, т.е. как промежуточную стадию, предшествующую социалистической революции. Что касается различий в позициях между революционной сельской интеллигенцией и крестьянством, только время, с его точки зрения, могло изменить это

переходное состояние дел. Другие руководители ПСР были даже более настойчивы. Ряд делегатов на съезде 1906 г. сомневался, продолжать ли свое членство во Всероссийском Крестьянском Союзе, считая Союз реформистской организацией, конкурирующей с их собственными революционными усилиями¹¹. Их доводы напоминали более ранние нападки социал-демократической "Искры" на "экономистов" с их надеждами на народную стихийность.

Если перейти от образов и представлений к фактам, то распространяя социалистические взгляды, критикуя, информируя селян о том, что происходит в других местах или просто обучая грамоте или читая вслух листовки и новости неграмотным, сельские интеллигенты, без сомнения, играли важную роль в радикализации русского крестьянства. Их симпатии явно были на стороне врагов правительства, чаще всего — эсеров, но также и на стороне некоторых более мягких вариантов народничества, социал-демократов и кадетов. Наиболее идейные из этих интеллигентов организовали крестьянские группы на местах, помогали создавать отделения Всероссийского Крестьянского Союза и учреждали эсеровские крестьянские братства и партийные ячейки ПСР и РСДРП. Некоторые видные деятели русской интеллигенции, получившие общенациональную известность, такие, как бывший народоволец Тан (Богораз)¹² или Пешехонов, ведущий земский статистик, сыграли важную роль в общероссийских попытках крестьянства создать собственные организации с "комитетами поддержки" Всероссийского Крестьянского Союза. Эсеры Чернов и Вихляев приглашались в качестве советников на совещания Трудовой фракции в дни работы Думы. Братья Мазуренко, учителя, оба известные прежде только на Дону, на съезде Всероссийского Крестьянского Союза в 1905 г. стали знаменитостями и были избраны в состав его Главного Комитета. Для "сознательных крестьян", тех, "в заплатанной одежде",

сельская интеллигенция, с ее сильными радикальными настроениями, выступала как естественный союзник и руководитель.

Тем не менее, никто пока не смог доказать, что сельская интеллигенция или ее популярные лидеры в действительности возглавляли крестьянскую революцию 1905—1907 гг. Единственный способ, которым можно проверить это предположение, заключается в том, чтобы соотнести политические цели с политическими действиями. И тогда образ крестьянской революции, возглавляемой интеллигенцией быстро рухнет. Когда на карту ставилось действительное политическое влияние "третьего элемента", совершенно очевидно, что ему не удавалось "возглавить" или раскачать крестьянские массы. Большая часть сельской интеллигенции на Юге изо всех сил пытались предотвратить "эксцессы", вроде поджогов усадеб, как противоречащие истинным крестьянским, социалистическим и, шире, антимоноархическим интересам. Несмотря на это, крестьяне "разобрали" и сожгли тысячи имений. В 1905—1906 гг. большинство сельской интеллигенции и особенно революционеры горячо поддержали бойкот I Думы, но крестьяне почти поголовно приняли участие в голосовании. Интеллигенция в целом была настроена прореспубликански. Большинство крестьян сохранили смутные монархистские симпатии (широко известный антиинтеллигентский погром, учиненный в 1905 г. в Камышине, неподалеку от Саратова, был направлен против "врагов царя"). Если говорить об эсерах, то нетрудно убедиться в огромной дистанции между их верой в террористические и вооруженные акции и теми позициями, которые на самом деле занимало подавляющее большинство крестьян.

Во время революционного подъема 1905—1907 гг. крестьяне относились с уважением и умели пустить в действие грамотность "третьего элемента", его знания и способности анализировать события. В те дни они жадно

внимали новым образам, идеям и словам. Но если эти образы и слова вступали в противоречие с устоявшимися предпочтениями крестьян, их осознанным выбором или предрассудками, на советы интеллигенции не обращали внимания. Когда в 1905 г. начались массовые полицейские чистки "третьего элемента", они не повлекли за собой упадка сельской борьбы — крестьяне продолжали сражаться. Вопреки обвинениям правительства и тому своему образу, которым многие сельские интеллигенты так дорожили, интеллигенция села не руководила крестьянством и не определяла его решения по политически решающим вопросам. То же самое можно сказать и относительно другой интерпретации, сторонники которой делали упор на эсеровской манипуляции крестьянами, осуществляемой посредством сельской интеллигенции.

* * *

В оценке крестьянской революции "ортодоксальным марксистам" РСДРП, взгляды которых исторически оказались столь важными, суждено было пройти гораздо более длинный путь как в концептуальном, так и в тактическом отношении по сравнению с монархистами или эсерами. В 1896 г. влиятельнейшая партийная группа II Интернационала — немецкие социал-демократы — отвергла саму идею марксистской аграрной программы. Для российской РСДРП именно Каутский, поддержанный Энгельсом, стал высшим авторитетом в области теории, защищавшим и разъяснявшим эту позицию¹³. Предполагалось, что прогресс человечества демонстрирует ряд абсолютных законоподобных тенденций: крупные производственные единицы — эффективнее мелких; крестьянствование равносильно нищете и застою; промышленный капитализм представляет собой шаг вперед (связанный, однако, с эксплуатацией). Сельское хозяйство было неспособно прогрессировать и трансформироваться с той же скоростью, что и все общество.

но промышленность брала сельское хозяйство "на буксир". Производительные силы в нем должны возрасти, пролетариат неизбежно будет расти количественно и набирать силу, а крестьянство в конце концов исчезнет. Подъем капитализма и рост знаний отразится на растущем политическом влиянии рабочего класса и его партии, и в конце концов приведет к социализму. На пути к этому партия наиболее передового класса, обладающая единственно научной теорией общества, партия будущего, не должна вступать в компромиссы с другими социальными и политическими силами. И это особенно справедливо в отношении крестьян, которые представляют прошлое в настоящем и, одновременно, владеют собственностью и уже вследствие одного этого не могут быть сторонниками социализма. Со стратегической точки зрения единственно возможным отношением к крестьянским требованиям был нейтралитет — партия социалистического прогресса ничего больше не могла предложить крестьянам кроме реализма в принятии фактов жизни, т.е. неизбежности их гибели при капитализме и надежду добиться лучшего будущего под руководством пролетариата. В то же самое время, с точки зрения тактики, крестьяне и особенно крестьянские парни в военной форме должны были быть ограждены от антисоциалистических влияний. Двойственная ипостась бедного крестьянства, т.е. его работа по найму и одновременно владение землей, должна была облегчить ведение направленной на него социалистической пропаганды.

В российских условиях какое-то время казалось, что эта стратегия имела определенный смысл. Период формирования российского марксистского движения — с середины 1880-х годов и 1902 г. был самой нижней точкой крестьянской борьбы. По словам марксистского аналитика, "мужик страдал молча... и мы не должны удивляться тому, что марксисты к середине 90-х годов окончательно махнули рукой на крестьянство"¹⁴. Жес-

токий голод 1891 г. только усилил крестьянскую апатию. Не только надежды народников 1870-х годов на крестьянскую революцию, в борьбе с которыми Плеханов стал марксистом, но даже его собственные заявления, сделанные в 1880-е годы о том, что русские марксисты "не собираются жертвовать деревней", сейчас выглядели романтическими и наивными — уступкой более ранним народническим предрассудкам. В 1890-х годах пессимизм относительно крестьянского революционного потенциала шел рука об руку с фактами действительно идущей капиталистической трансформации России и веры (разделяемой российскими либералами) в ее освободительный потенциал, направленный против реакционной смирительной рубашки феодальных пережитков, одним из которых была крестьянская община. Основная позиция Плеханова, принятая всеми российскими марксистами ("ортодоксами", "ревизионистами" и "легалами"), предполагала, что капиталистическая экономика в России уже создана и вступила в противоречие с надстройкой — самодержавным государством, так же как и с отсталостью крестьянских общин. Демократическая революция должна была привести их в соответствие. В условиях этой конфронтации слабость и противоречивость российской буржуазии делала "гегемонию пролетариата" необходимой для того, чтобы борьба стала более эффективной, но ее результатом должно было стать буржуазное государство. Крестьянскую войну не ждали и не желали — она отражала бы импульсы отсталости мелкой буржуазии, напуганной неизбежностью прогресса. С точки зрения Плеханова марксистский подход к аграрной программе должен был вытекать из "взгляда на социализм как на следствие развития производительных сил в капиталистическом обществе"¹⁵.

Несмотря на первоначальную готовность Ленина в большей степени прислушиваться к требованиям крестьян, чем его партнеры по "Искре", первая аграрная

программа, составленная им и принятая на съезде РСДРП 1903 г., была тактическим выражением именно взгляда социал-демократов, распространенного в 1890-х годах. Крестьянам мало что предлагали и от них ожидали, что они будут играть ограниченную роль в грядущей борьбе. Главной пружиной революционного действия в деревне должен был стать сельский пролетариат. Этот взгляд хорошо определил Громан, сказавший, что II съезд РСДРП выработал "знаменитую отрезочную программу" (в значительной степени ограниченную возвращением земельных "отрезков", отнятых в 1861 г.) "не веря в близкую и серьезную крестьянскую борьбу"¹⁶. В 1906 г. на IV съезде РСДРП Луначарский отозвался об этом примерно так же, когда говорил о "старой бледной аграрной программе" и обвинял Плеханова в том, что она была принята социал-демократией "из страха перед крестьянской революцией, из боязни, чтобы ее торжество не повлекло за собой и торжество народников над марксистами"¹⁷.

Период 1905—1907 гг. был временем важнейших и драматических противостояний и изменения взглядов на крестьянство в лагере социал-демократов. Эти конфликты выразились в споре, возникшем под прямым воздействием сельского взрыва 1905—1907 гг. и иностранных известий из Гурии, которые, начиная с 1903 г., широко публиковались в "Искре". На передний план вышли усиливающиеся требования новой стратегии по отношению к селу. Сдвиг перспективы был неровным. Социал-демократические лидеры были в очень разной степени склонны поддержать пересмотр первоначальной аграрной программы 1903 г., которая их объединяла вплоть до 1906 г. Лишь немногие из них предполагали новый теоретический подход. Для остальных вопрос был в основном тактическим: компромиссом между желанием получить поддержку крестьянства в борьбе против царизма и страхом, что победа крестьян и уравнилельное распределение земли замедлят капитализм и задер-

жат пролетаризацию, т.е. затормозят развитие послереволюционной России¹⁸. Наконец, были и те, кто не видел никакой причины вообще что-либо менять — попытки добиваться расположения крестьянских мелких собственников противоречили истинным интересам пролетариата. И все соглашались с безотлагательностью создания автономных организаций и с лидирующей ролью сельского пролетариата — деревенского эквивалента единственно последовательного революционного класса российской буржуазной революции и того семени, из которого произрастет будущая аграрная социалистическая революция. Спор в целом отражал старые подозрения по поводу революционного потенциала крестьян. Это звучало слишком по-народнически для партийных ветеранов, которые в 1890-е годы спорили друг с другом до хрипоты, чтобы покончить с "романтическим утопизмом" тех, кто сомневался — была ли Россия капиталистической или ее все еще ожидало крестьянское восстание.

В основе проблемы лежит фундаментальное противоречие между теоретической позицией РСДРП в 1903 г. относительно развития капитализма в российском аграрном секторе и политическими событиями или тактическими потребностями 1905—1907 гг. Если Россия и ее сельское хозяйство были в основном капиталистическими, как предположил Плеханов с конца 1880-х годов, сельский классовый раскол на буржуазию и пролетариат села должен был предотвратить специфически крестьянскую революцию. Если это была крестьянская революция, то это означало, что капитализм не смог преобладать в российской деревне. По словам Ленина, который был автором аграрной программы РСДРП 1903 г. и сейчас призывал к ее пересмотру, новая стратегия должна исходить из предположения, что "...современное помещичье хозяйство в России больше держится крепостнически-кабальной, чем капиталистической системой хозяйства. Кто отрицает это, тот не сможет

объяснить теперешнего широкого и глубокого революционного крестьянского движения в России"¹⁹.

Новый спор по аграрному вопросу углубил раскол между уже сложившимися социал-демократическими фракциями. Мнения менялись очень быстро, как это можно было ясно видеть на примере делегатов съездов партии, в течении нескольких дней переходивших от одной аграрной стратегии к другой. Третий съезд большевиков (апрель 1905 г.) оставил вопрос о возможном изменении аграрной программы 1903 г. открытым²⁰, как это сделали и меньшевики на своей параллельной конференции в Женеве. Пока же только меньшинство в каждой из фракций РСДРП придерживалось политической программы, ставившей своей целью использование крестьянского революционного потенциала, посредством включения в нее требования всеобщей отмены частного землевладения и уравнительного перераспределения всех земель между мелкими собственниками. Меньшевики, такие, как В.Громан и, следовавший своей собственной линии Н.Жордания были ближе к взглядам Ленина по этому вопросу, чем большинство большевистских лидеров²¹.

На IV съезде, состоявшемся в 1906 г. предложение Ленина и П.Румянцева о "национализации всей земли" (которое было настолько близко к позиции Всероссийского Крестьянского Союза и идее "социализации" партии социалистов-революционеров, насколько можно было рискнуть в социал-демократии тех дней) было не только отвергнуто большинством делегатов-меньшевиков, но также отклонено почти всеми большевиками. Большинство делегатов-большевиков (включая Рожкова, Сталина и Борисова) возражали против меньшевистской аграрной программы муниципализации земли, но проголосовали за программу, обращающую все земли в частную крестьянскую собственность (с целью облегчить развитие капитализма). Ленинские взгляды по этому вопросу были в то время подвергнуты сомнениям

и в "Пролетарии" — газете его собственной фракции. Местные активисты также были расколоты. Большевистская организация Саратова, находившаяся в эпицентре крестьянской жакерии охарактеризовала даже полушаг, сделанный III съездом к пересмотру аграрной программы, как неприемлемый отход от марксистских позиций²². А.Шестаков, отвечающий за действия большевиков в сельской местности Московской губернии и представлявший партию на I съезде Всероссийского Крестьянского Союза, пошел дальше, ставя под сомнение предложения Ленина и характеризуя их в открытом письме "как шаг назад в смысле капиталистического развития"²³. В ноябре 1905 г. конференция северных комитетов РСДРП решила "ни при каких обстоятельствах не включать в партийную программу" крестьянские требования конфискации и перераспределения всей земли. Подобные взгляды большевиков выражались и в других социал-демократических изданиях²⁴. На IV съезде Плеханов изложил эту позицию еще более остро: "Ленин смотрит на национализацию [земли. — Т.Ш.] глазами социалиста-революционера. Он начинает даже усваивать их терминологию — так, например, он распространяется о пресловутом народном творчестве [политических форм. — Т.Ш.]. Приятно встретить старых знакомых, но неприятно видеть, что социал-демократы становятся на народническую точку зрения"²⁵. Многие эсеры охотно согласились бы с этой оценкой²⁶.

Несмотря на эти различия и изменения в позициях. место, отведенное рабочему классу в историографии, обеспечило меру идейного единства российской социал-демократии. Для всех социал-демократов единственным действительно революционным классом был промышленный пролетариат. РСДРП обошлась без сомнений ПСР и уверенности монархистов относительно роли "сельской интеллигенции". Интеллигенция не была для нее ни особой социальной группой, ни аналитической единицей, а только частью мелкой буржуазии (когда она

бросала вызов социал-демократам) или частью пролетарского авангарда (в противном случае). Буржуазно-демократическая природа революции позволила ей легко апеллировать к различным социальным классам и группам, включая крестьянство. Тот факт, что аграрная программа партии была сверхпессимистичной при рассмотрении революционного потенциала крестьянства, к этому времени был принят большинством социал-демократов и объяснялся большей, чем ожидалось, распространенностью "феодалных пережитков". Меньшевики и большевики схватились друг с другом по вопросу о революционном потенциале буржуазии и возможных классовых союзах, которые выгодны пролетариату. Представление о "командной цепи" в сельской борьбе было менее спорным. Для всех социал-демократов именно промышленные рабочие крупных предприятий, особенно высококвалифицированные металлурги, печатники и др. крупнейших городов возглавляли лагерь рабочих, включая сельский пролетариат. И пролетарская борьба, особенно забастовки, вызвали "аграрные волнения", в которых участвовали бедняки, середняки, и, возможно, даже некоторые богатые крестьяне.

Следуя этим доводам, крестьяне-рабочие и сельский пролетариат были "передаточным механизмом" между селом и главной ареной, т.е. политической борьбой в городах. Крестьяне в основном боролись со своими собственными классовыми врагами — помещиками, и могли, следовательно, поддерживать революцию только на ее досоциалистической стадии. Но, тем не менее, это и была та стадия, на которой находилась Россия. Большевики в целом были более оптимистичны, чем меньшевики, относительно шансов на победу революции вообще и использования революционного потенциала крестьянства в частности. В этом своем убеждении Ленин недолго оставался в меньшинстве. Его переработанная аграрная программа стала существенной частью большевистской политической платформы и термино-

логии. Эта новая стратегия почти безусловной поддержки крестьянских требований была концептуализирована как продвижение к капитализму по "американскому пути" в условиях победившего революционного режима — демократической диктатуры рабочих и крестьян. С этой точки зрения, уравнительное перераспределение земли, за которое боролись российские крестьяне, должно было рассматриваться не только как политически рекомендуемое для того, чтобы бросить вызов царизму, но также как экономически прогрессивное, т.е. открывающее путь наиболее полному процветанию сельского капитализма. Она также явно поддерживала взгляды Всероссийского Крестьянского Союза и Трудовой фракции Думы как действительное выражение воли крестьян²⁷.

Новая позиция Ленина означала, что объединение пролетарской и крестьянской революций было главным условием будущей революционной победы и краеугольным камнем оптимального послереволюционного режима. Предполагалось, что пролетариат обладает более высокими революционными качествами, и его лидирующая роль объявлялась существенной для успеха революции, но крестьянство рассматривалось теперь как социальный класс наравне с рабочими, а не как устаревшее понятие, которое настоящие марксисты заключали в кавычки²⁸. Его революционная борьба была признана "прогрессивной", союза с ним добивались и политические организации, которые выражали его интересы и рассматривались теперь как естественные партнеры. Еще более драматично было то, что Ленин теперь признавал ПСР в качестве возможного компаньона в разворачивающейся революционной борьбе²⁹. Какая огромная разница по сравнению со II съездом РСДРП!

Ленин теперь защищал союз с крестьянами и теми, кто, с его точки зрения, их представлял, в качестве альтернативы "блоку" РСДРП с "западниками" из буржуазных партий, особенно кадетами. Эта стратегия

"левого блока" стала теперь главной разделительной линией между большевистским и меньшевистским течениями³⁰.

3. ПОСТРЕВОЛЮЦИОНЕРЫ: ДРЕЙФ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СССР

Октябрьская революция 1917 г. поставила государственно-обязательный знак качества на социал-демократическую версию событий 1905—1907 гг. в ее ленинской интерпретации. С тех пор она официально определяла работу историков советского села и других обществоведов. Для новых поколений это означало большой штат исследователей, работающих над этой темой, и привилегированный доступ к материалам и публикациям. За пределами СССР к событиям, казавшимся только прелюдией к тому что произошло "на самом деле" в 1917 г., был проявлен сравнительно небольшой интерес. Все это делает советскую литературу и советские версии событий особенно важными для любого обзора данной проблемы.

Главной чертой этих работ была канонизация Ленина, признание его взглядов в качестве "решающего" аргумента в любом споре. Допускалось обсуждение лишь различных интерпретаций его сакральных текстов (некоторые льстецы даже заговорили о ленинологии). В нашем случае существовали два разных подхода, которые акцентировали внимание на двух периодах Ленинской политической биографии и на двух подборках его текстов. Первый подход берет в качестве основы ленинские работы 1890-х годов, в которых выражены плехановская линия "уже капитализм" и беспощадная война против народнической слепоты. Второй подход в большей степени связан с написанными в разгар событий работами 1905—1907 гг., в которых политическая стратегия была подвергнута пересмотру и трансформации, но в теоретическом плане мало изменилось. В целом, по

соображениям партийной политики, Ленин сделал сравнительно немного для разрешения итоговых аналитических противоречий, и, в частности, несмотря на решение отбросить первую аграрную программу социал-демократов, не сделал ничего, чтобы переработать свою книгу "Развитие капитализма в России", на которой эта аграрная программа базировалась. На это указывает и классический анекдот революционного поколения, как Ю.Стеклов (в споре 1903 г. об отрезках), так и его товарищ по ленинской партии Скворцов-Степанов (в 1909 г.) использовали в своих дебатах против Ленина работу Ильина, опубликованную им же в 1899 г. под этим псевдонимом¹.

Начиная с середины 1920-х годов, в "ортодоксальных" (и все больше упрощенческих) исторических исследованиях в СССР та новая стратегия Ленина, которая была выработана в 1905—1907 гг., как правило, не рассматривалась. Конечно, Ленина цитировали постоянно, но это был в основном "молодой" Ленин. В основе интерпретаций тех советских историков первого после революционного поколения, которые отождествляли себя с правящей партией, лежала в большей степени направленная на самооправдание книга Шестакова, изданная в 1926 г., а не ленинская "демократическая диктатура рабочих и крестьян" 1905—1907 гг. или его политическая стратегия 1919—1923 гг.² Покровский, взгляды которого определяли тогда, каким должен быть ортодоксальный подход для марксистской русской истории, упростил это еще больше, объявив царизм (начиная со времен Московского княжества) порождением торгового капитализма³. Дубровский, к чьим работам 1950-х годов мы вскоре обратимся, начал свою научную карьеру, энергично подгоняя сельскую борьбу в России 1905—1907 гг. под ранние работы Ленина⁴. Кроме того, в 1920-х годах и позднее были предприняты специальные усилия для того, чтобы собрать хотя бы крупицу свидетельств о деятельности социал-демократов в селе в 1905—1907 гг.⁵ Советские историки все настойчивее

отвергали революционное влияние на крестьян любого движения, кроме большевистского. Некоторые из них уже в 1920-х годах попытались отрицать даже влияние меньшевиков в Гурии — взгляд, который энергично защищал тот же Шестаков. Всероссийский Крестьянский Союз все больше стали рассматривать как поддельную крестьянскую организацию, которой манипулировали кулаки и буржуазные оппортунисты — своеобразное повторение официального взгляда монархистов в 1905—1907 гг. К 1930-м годам, когда сталинская коллективизация была в полном разгаре, любая крестьянская организация без колебаний объявлялась реакционной или подвергающейся злонамеренным манипуляциям. В ходе взаимных братоубийственных обвинений и чисток периода, который начался в 1929 г., первое послереволюционное поколение советских сельских историков погибло или было принуждено к молчанию. Те цитаты из Ленина, которые не подходили к антикрестьянской тенденции, были просто забыты или затерялись. Приведем пример: "С классовой точки зрения I московский съезд Всероссийского крестьянского союза был кулацким. Интересы крестьянской бедноты и середняков были ему совершенно чужды. Вообще голос июльско-августовского съезда ВКС не был голосом основной массы крестьянства (бедноты и середняков). Это был голос имущей верхушки деревни — крепнувшей тогда буржуазии, которой уже стало тесно жить при полукрепостнических порядках"⁶. Этим злым силам противостояли революционеры деревни, возглавляемые их старшим братом пролетариатом, которым, в свою очередь, руководили большевики. Революционная Гурия управлялась с помощью еще более длинной "командной цепочки": грузинские крестьяне возглавлялись местным пролетариатом, который возглавлял российский пролетариат, возглавляемый, в свою очередь большевиками, возглавляемыми Лениным согласно советам своего ближайшего соратника Сталина⁷.

В послесталинскую эпоху наблюдалось возрождение интереса как действительного, так и формального к оригинальным работам Ленина. Некоторые исследователи просто укрепляли, расширяли и отлаживали догматическое цитатничество прошлого. Но отчасти "возвращения" к Ленину в конце 1950-х — начале 1970-х годов использовались в качестве средства для более реалистичной оценки проблем русской революции. Особенно много интересного можно было извлечь из ленинских высказываний в 1905—1907 гг. и той смелости, с которой он отстаивал новую неортодоксальную тактику в спорах со своими товарищами. Новый взгляд на его работы помог восстановить некоторую меру реализма в отношении дискуссии о крестьянской борьбе 1905—1907 гг. Если вернуться к примеру, использованному ранее, Всероссийский Крестьянский Союз был реабилитирован и его вновь стали считать подлинным политическим выражением воли российского крестьянства и революционного и демократического духа крестьянского бунта 1905—1907 гг. Некоторые из работ советских историков этой эпохи — советских "шестидесятников" — были превосходны по содержанию и глубине. Мне не хотелось бы смущать их авторов персональными похвалами. И все же в пределах десятилетия или около этого начали вырисовываться контуры новой парадигмы в определении того, что обязательно или предпочтительно в этой области. Эта парадигма была связана с наследством Плеханова и работами очень раннего Ленина, выражая взгляды Шестакова, которые Дубровский в 1920-х годах рассматривал как "правильные". Здесь возникают три вопроса. Каковы факты, приводимые в его пользу? Что лежало в основе "дрейфа" интерпретации в течение этих 60 лет? Каковы выводы, касающиеся предмета нашего исследования?

В наиболее современной форме сущность "ортодоксальных" взглядов советских историков и свидетельств, приводимых в их поддержку выражены двумя взаимо-

связанными притязаниями, касающимися гегемонии рабочего класса в крестьянской революции 1905—1907 гг., и прямого руководства крестьянских восстаний со стороны большевиков. Существует и третье притязание, подчеркиваемое в значительно меньшей степени, которое касается влияния классового деления на внутридеревенские отношения. Работы Дубровского (1956) и Тропина (1970) представляют более общие суммировки этих взглядов и являлись в конечном счете учебным пособием для аспирантов, генеральной линией для дальнейших исследований, диссертаций и популярных публикаций⁸. Множественность региональных исследований, результаты которых публиковались в 1960—1980-е годы, в значительной степени было результатом этого стандартного подхода к структуре анализа и заключениям. Каждый раз в них только подставлялись местные цифры и имена⁹.

Первое из главных утверждений этой парадигмы эмпирически выражалось притязанием на то, что "сельские беспорядки" прямо и с необходимостью следовали превратностям борьбы рабочих. Точка зрения о том, что пик аграрных беспорядков пришелся на ноябрь 1905 г. (после всеобщей забастовки), а не на июнь 1906 г., прямо выражала этот взгляд. Особый упрек был сделан относительно идеи о том, что, в то время как крестьянская борьба в самом деле находилась под влиянием внесельской политической конфронтации, на нее влияло не то, что считалось решающим, а именно забастовки (сторонники этой идеи считали, что волну крестьянских восстаний вызвали споры по аграрному вопросу в I Думе в 1906 г., бойкотируемой большевиками и ПСР). Второе утверждение выражалось в претензии на то, что большевики и только большевики, руководимые Лениным, разаработали перед революцией единственно реалистичный ("научный") анализ, в котором предвидели крестьянское восстание. Следовательно, их партия сыграла решающую роль в крестьянской борьбе, организовав и

направляя ее. Следуя этим аргументам, многие неудачи в крестьянской борьбе и ее окончательное поражение произошли не благодаря силе царизма, а вследствие противоречивости классовой природы крестьянства и изменнических интриг эсеров, меньшевиков, и кадетов, которые уводили крестьянство от революционной борьбы. Наконец, третья претензия, связанная с классовым анализом самого крестьянства, состояла в том, что вся мера революционной борьбы прямо зависит от наличия и инициативы сельского пролетариата или, по крайней мере, его полупролетарских заместителей. Было принято, тем не менее, что (по Ленинской терминологии) в то время как "первая гражданская война" крестьян против помещиков была самой важной, "вторая гражданская война" сельского пролетариата против крестьянского капитализма оставалась "все еще" на очень низкой ступени.

Эта интерпретация событий 1905—1907 гг. не дает представления даже о взглядах самих большевиков, которые были их участниками и очевидцами. Ленин ожидал, что пик крестьянского восстания будет достигнут летом 1906 г. и советовал отложить до этого времени всеобщее вооруженное восстание в городах. Когда он писал об этом в 1917 г., то предполагал, что пик крестьянской борьбы действительно приходился на 1906 г. — взгляд, принимаемый также в официальной истории партии большевиков, которая была опубликована в 1935 г. Исторические работы, опубликованные в 1925 г., в период, связанный с празднованием 20-й годовщины первой русской революции, когда большинство ее главных участников еще были живы, документально подтвердили слабость большевистской сельской политики в 1905 г. и незначительность ее воздействия. Лишь немногие претендовали на то, что именно большевики, а не эсеры и меньшевики были особенно активны на селе. Природа сдвига от этих позиций к взглядам, которые преобладают в советской истории, — это сам

по себе вопрос, который следует вкратце обсудить. Для того чтобы получить представление об этих взглядах, мы используем книгу Тропина, — последний из советских общих "направляющих" текстов, включающий также главные выводы Дубровского (сделанные им в 1920-х годах и подтвержденные в 1950-х годах). Этот взгляд на сельскую политическую борьбу связан идеологически с подходом "капитализм уже наступил", который пытаются применять к экономической истории сельской России в начале века. В целом этот подход обсуждается в четвертой главе книги "Россия как развивающееся общество"¹⁰.

Претензии на непосредственное и решающее влияние партии большевиков на крестьянство в 1905—1907 гг. — относительно недавние и в меньшей степени подкреплены доказательствами. Большинство из них основаны на произвольном подборе свидетельств, включении или исключении фактов. Поясним это на примере. Главную часть доказательства Тропина составляют его выводы, направленные против альтернативы большевикам: большевистская политика появилась как антитеза тем способам, которыми эсеры и меньшевики саботировали революцию. В соответствии с этим Тропин обвинил эсеров как в антиреволюционной политике протеста против применения силы, которую они проводили на съезде Всероссийского Крестьянского Союза (с. 131), так и в провоцировании силовых решений "аграрным террором" (с. 55)¹¹.

Конечно, эти обвинения противоречат друг другу. Еще важнее то, что они противоречат прямым свидетельствам о ноябрьском съезде ВКС, на котором призыв к вооруженному восстанию (отвергнутый большинством) прозвучал только со стороны делегатов из Саратова. Они принимали участие в работе съезда под псевдонимами (Саратовский 1-й, Саратовский 2-й и т.д.). Тем не менее, достаточно легко установить, что за этими псевдонимами скрывались Н.Ракитников, И.Ракитникова и

А.Студенцов. Все они были членами партии эсеров и фактически были разъездными агитаторами партии, иначе говоря, профессиональными революционерами. Первый из них состоял также членом центрального комитета партии¹². Никто из членов РСДРП, участвующих в работе съезда (т.е. по меньшей мере два избранных делегата плюс украинская Спилка плюс официальные представители партии), не предложил ничего более радикального. Вместе с тем эсеры последовательно отвергли "аграрный террор" и даже исключили из ПСР его сторонников, членов партии эсеров-максималистов. (Эта небольшая группа, почти полностью разгромленная полицией, действовала позже, в 1917 г. в качестве союзников большевиков против эсеров.)

С меньшевиками обошлись еще более бесцеремонно. Следуя масштабному переписыванию заново истории Кавказа, предпринятому в 1930-е годы под руководством Л.Берия, тогдашнего шефа грузинской политической полиции и позднее партийный руководитель республики, Гурия была превращена в успешную историю деятельности грузинских большевиков¹³. Документы были подвергнуты цензуре, а воспоминания участников событий — переписаны заново. Все это послужило также основой сказки о революционной юности босса Берии и к 1938 г. помогло заслужить самому Берии билет в Москву, чтобы занять там пост шефа сталинской политической полиции. Когда вор, Берия, был расстрелян, награбленное им так и не вернули хозяевам — Тропин просто повторил бериевскую сказку, не называя своего источника. А ведь еще в 1926 г. официальный большевистский историк, изучавший работу своей партии среди крестьянства, свидетельствовал: "В деревенских организациях Грузии, по мере расширения влияния социал-демократии в массах, по мере роста числа членов партии [в 1905—1907 гг. — Т.Ш.], растет удельный вес меньшевиков, и, наконец, все руководство движением переходит в их руки"¹⁴. Итоги выборов в

Думу и на партийные съезды социал-демократов полностью это подтверждают. Другая хитрость — влияние меньшевиков где-либо в российской деревне (например, "Спилки" на Западной Украине) было сведено к общей фразе о "руководстве РСДРП", в то время как деятельность самих большевиков была тщательным образом выделена.

Ленин и его важный вклад в споры 1905—1907 гг. не избежал такой косметической правки. В частности, много усилий было приложено для того, чтобы документально доказать: идея "союза рабочих и крестьян" как "основном средстве для свержения царизма" у Ленина уже в той или иной степени присутствовала всегда¹⁵. Конечно, об этом не было и речи на II Съезде РСДРП всего за 18 месяцев до взрыва 1905 г. (и уже после восстания крестьян в Полтаве и основания крестьянами и учителями Гурии своей революционной организации)¹⁶.

В целом, Ленина постоянно превозносили за его принципиальность и твердую приверженность собственным взглядам. Однако особенность его силы, выделяющая его среди российских социал-демократов, заключалась в прямо противоположном, а именно, в способности учиться, подвергать сомнению "священных коров" своих ближайших сподвижников, также как и свои собственные ранние убеждения. Он обычно отказывался признавать свою собственную теоретическую оригинальность, но это уже другой вопрос. Изменение в его отношении к революционному потенциалу крестьянства вследствие приобретенного опыта в ходе событий 1905—1907 гг. было настолько серьезным поворотом во взглядах, что его можно сопоставить по значимости и радикальности вызова по отношению к взглядам большинства его сторонников только с введением нэпа в 1921 г. Оба этих невероятных поворота были восприняты некоторыми из его ближайших сторонников с ошеломлением и несогласием¹⁷. IV съезд (на котором программа Ленина потер-

пела поражение не только благодаря меньшевистскому большинству, но также внутри большевистского меньшинства) отметил низшую точку способности Ленина влиять на тех, кто шел за ним. На самом деле многим можно восхищаться в проявлении лидерских качеств Ленина, бросающего вызов предрассудкам товарищей и собственной непогрешимости. Стыдливость, которую испытывают сегодняшние коммунисты из-за непоследовательности Ленина, оставляет в стороне его наиболее ценное качество как лидера — талант думать по-новому, мужество менять и способность убеждать или подталкивать сторонников всеми доступными способами.

Что касается сути этого спора, то решающий критерий в определении влияния большевиков на российское крестьянство состоит, однако, не в том, что произошло между или внутри российских революционных партий. Его также нельзя определить просто в согласии с ленинскими высказываниями. Суть лежит в непосредственном доказательстве той степени, в которой партийные организации действительно руководили крестьянством с точки зрения действия и формулирования своих требований. В этом смысле правилен общий вывод о том, что ни одна партия не имела достаточно ресурсов, чтобы влиять на крестьянство в целом. Находящиеся под контролем эсеров крестьянские братства, в рядах которых насчитывалось 18 тыс. крестьян (по их собственной оценке), действовали к тому времени в ряде губерний Европейской России: Тамбовской, Саратовской, Самарской, Черниговской. Влияние социал-демократов в сельской местности некоторых национальных окраин было также очевидным, но и здесь не было партийных организаций РСДРП, состоящих в основном из крестьян. Социал-демократические крестьянские организации, упомянутые косвенно и без достаточных доказательств Дубровским в 1956 г. в той степени, в которой они вообще существовали, не были крестьянскими с точки зрения их состава¹⁸. На это существовали политические,

организационные и идеологические причины. Большинство социал-демократов были против наплыва мелкой буржуазии в "партию пролетариата". Последующие 70-летние исследования не обнаружили даже ни одного крестьянского вожака в событиях 1905—1907 гг., которого можно было бы считать большевиком. Социал-демократическая "работа в деревне" сводилась в основном к распространению листовок и посылке в села небольшого числа агитаторов (это было по-разному на национальных окраинах, особенно в Латвии, Грузии и в меньшей степени в тех районах Украины, где была активной "Спилка"). Подсчеты числа этих листовок, часто предпринимавшиеся позднее, использовались для того, чтобы доказать насколько важным было руководство социал-демократов в селе. В действительности, их число чаще было доказательством совершенно обратного, а именно, неспособности социал-демократов дойти до крестьянина каким-либо другим путем. Листовки и речи воспринимались в деревнях с любопытством или безразличием, симпатией или враждебностью, но итог был очень похож на русскую сказку, описывающую беседу между старцем и Богом: старец обращался к иконе, а она молчала¹⁹.

Чтобы оценить это влияние мы должны обратиться еще раз к анализу, который уже проводили в отношении сельской интеллигенции. Большевики вместе с другими революционными партиями, защищали республику, бойкот I Думы и внеправовое перераспределение всех помещичьих земель. Российские крестьяне говорили и делали все наоборот²⁰. До 1906 г. РСДРП, включая большевистскую фракцию, предлагала в аграрной программе только возвращение "отрезков" 1861 г. и настаивала на необходимости строительства в сельской местности независимой и параллельной организации сельского пролетариата (препятствуя пролетариату становиться на сторону "среднего" или богатого крестьянства). Российские мужики не имели к этому никакого отношения. Во время пика самого мощного за столетия крестьян-

ского восстания, количество крестьян среди большевиков было практически нулевым, как и число большевиков, выбранных во II Думу от крестьянской курии. То же самое справедливо и в отношении отдельных организаций "сельского пролетариата". История о большевиках, руководящих российским крестьянством в период восстания 1905—1907 гг., рассыпается, если принимать во внимание относящиеся к делу свидетельства.

Второй элемент обсуждаемой точки зрения — претензия на политическое влияние городских рабочих на российских крестьян появился еще раньше; он лучше обоснован и без сомнения корректен в рамках определенных ограничений. Большинство российских рабочих по сословию, происхождению и родственным узам были крестьянами. Новости от городских родственников были, несомненно, более правдоподобными, чем речь партийного пропагандиста или увещевания полицейского офицера. Документы показывают, что крестьяне-рабочие (как и уволенные в запас солдаты, странствующие ремесленники, местные грамотные и другие сельские жители, которые были особенно подвержены внешним воздействиям) часто приносили информацию о революционных событиях или руководили крестьянскими общинами в борьбе 1905—1907 гг. Всероссийская забастовка в октябре 1905 г. оказала мощное воздействие на сельскую Россию.

Проблема, однако, состоит не в этом. Для начала отметим, что вопрос "Кто кем руководил?" не совсем соответствует вопросу "Кто у кого учился?"²¹ Более того, процесс обучения не был односторонним. В то время как крестьянство несомненно училось опыту борьбы у городского пролетариата, было справедливо и обратное. Например, приводилось много аргументов о том, что своим происхождением Советы обязаны РСДРП: по Мартову они появились после призыва меньшевиков к политическому самоуправлению рабо-

чих, тогда когда Ленин говорил об их возникновении как о стихийном политическом творчестве рабочих и позднее отнес их первоначальную модель к эпохе Парижской коммуны²². Не многие рабочие знали об организационных дебатах среди социал-демократов и лишь единицы слышали о том, что произошло в Париже в 1871 г. Но каждый российский рабочий знал, что есть волостной сход — собрание деревенских представителей исключительно одного класса (государственные чиновники и другие "чужаки" обычно там не присутствовали), где выборные представители сел обсуждали вопросы, представляющие общий интерес. Причина того, почему общегородская организация представителей, избранных рабочими основных предприятий, была учреждена так легко и как бы сама собой, была напрямую связана с формами, уже известными и общепринятыми. Это также сильно напоминает опыт деятельности Всероссийского Крестьянского Союза в 1905—1906 гг. и Советов рабочих и солдатских депутатов 1917 г.

Более доказуемое и ясно выраженное желание российских крестьян идти своим собственным путем, а не под руководством "пролетарского авангарда" драматически обнажилось на ноябрьском съезде Всероссийского Крестьянского Союза. Московская делегация рабочих—социал-демократов потребовала прав участия в дебатах равных тем, которыми обладали избранные делегаты, поскольку "вы можете научиться многому из опыта борьбы рабочих". (Они также "отвергли как оскорбительный" статус наблюдателя, который получили на съезде невыборные представители всех радикальных партий и групп). Съезд заставил их замолчать и проголосовал против, потому что "мы должны избавиться от самозванных учителей и надзирателей". В результате, официальная делегация социал-демократов в полном составе покинула съезд, который перешел к обсуждению своих резолюций, включая и резолюцию о полной солидарности с

"нашими братьями рабочими" (также как с солдатами и студентами) в их борьбе²³.

Основой для доказательства того, что крестьянское движение следовало за борьбой рабочих послужило статистическое сравнение динамики рабочих забастовок с хронологией крестьянских волнений. В приложении к гл. 4 содержится соответствующая аналитическая модель и цифры. Если суммировать коротко, Дубровский основывал в 1950-х годах свое доказательство на ежемесячных докладах об "аграрных беспорядках" за 1905—1907 гг., сохранившиеся в полицейских архивах. Он утверждал, что вопреки предположениям современников (включая Ленина), пик аграрных беспорядков пришелся на ноябрь 1905 г., сразу же после всеобщей забастовки, а не на июнь 1906 г., когда интенсивность политической борьбы рабочих находилась на гораздо более низком уровне. Поколение спустя после победы революции в Китае, двумя поколениями после Сапаты в Мексике и Гурийской республики 1903—1906 гг. в самой Российской империи, и когда разгоралась война во Вьетнаме, Дубровский вывел общую социальную закономерность, согласно которой крестьяне, в их революционной борьбе, обязательно следуют за рабочими!

Тропин использовал другой набор данных, чтобы подвести фундамент под очень похожие теоретические предположения. Он начал с работы С.Прокоповича 1912 г., который измерял интенсивность крестьянского наступления 1905—1907 гг. с помощью процента уездов, из которых сообщалось об аграрных беспорядках (Дубровский насмеялся над этими данными в связи с их ограниченностью, что в свое время признавал и сам автор, и особенно над тем фактом, что они не позволили измерить интенсивность волнений в каждом данном уезде). Тропин добавил цифры Е.Мороховца по прибалтийским губерниям к своим собственным подсчетам по Кавказу для того, чтобы триумфально заключить: пик крестьянской борьбы был достигнут в 1905 г. (беспоряд-

ками были охвачены 53,3 % уездов), а не в 1906 г. (только 47,6%)²⁴. Волнения следовали, как это и должно было быть, за кульминацией борьбы рабочих в городах.

Приложение к гл. 4 покажет, что из самих данных Дубровского и Тропина должны быть сделаны противоположные выводы. В приложении также показано почему данным Дубровского нельзя доверять полностью. Тем не менее, сам вопрос о том, когда крестьянская борьба достигла своего пика, говорит о непонимании сути дела. Сама степень усилий, предпринимаемых с целью доказать, что показатели 1905 г. выше, чем в 1906 г. должна пробуждать подозрения. Классы в революции — это не лошади на скачках, где лошадь, пришедшая первой, получает кубок или выигрывает пари для своих хозяев и тех, кто на нее поставил. Сам по себе месяц, сезон или год крестьянских волнений, даже если они и коррелируют с забастовками рабочих или следуют за ними, не доказывает ничего. И в самом деле, в соответствии с этой логикой забастовочную борьбу рабочих на Юге России, которая началась в 1903 г., "возглавляли" бы крестьяне Полтавы, Гурии или Саратова, которые, как мы знаем, поднялись в 1902 г.

В соответствии с фактами, которыми мы располагаем, большинство политически активных рабочих в России боролись в 1905—1907 гг. не только за средства к существованию, но и за политическое поражение царизма и следовали в своей борьбе на национальной арене за революционными и социалистическими партиями. В соответствии с фактами, которыми мы располагаем, российское крестьянство в течение примерно того же периода, боролось за землю, а его требования власти носили в основном локальный характер. Прямое участие крестьян в жизни политических партий того времени было примечательно в первую очередь своим отсутствием. В конечном счете именно цели, т.е. политическое содержание, определяют характер революционной

борьбы, а не общие корреляции между рабочими забастовками и аграрными беспорядками.

Наконец, последним и наименее подчеркиваемым компонентом рассматриваемой сверхмодели является вид классового анализа, соотносящий боевитость и наличие пролетариата (и капитализма) в национальном или региональном масштабе, т.е. чем больше второго (и третьего), тем больше первого. В годы революции этим ожиданиям уделялось очень много внимания — дань марксистскому научному анализу общества, как он тогда понимался. Мартов именно таким образом объяснял революционный подъем в сельской Латвии.

Маслов провел полный анализ событий 1907 г. по регионам — подход, который Першин пытался развивать позднее в рамках советской исторической науки²⁵. Материалы по Гурии доказывали, как уже было сказано, нечто прямо противоположное формуле: пролетариат—революционному действию. То же самое доказывало и наиболее эффектное событие в период восстания 1905 г. на Юге России. Российских военных моряков чаще набирали из горожан. На Черноморском флоте команда только одного корабля состояла в основном из призывников-крестьян и то, что произошло как раз на этом корабле, броненосце "Потемкин", сделало его символом революционной славы. То же самое относится и к сравнению между относительно ограниченной борьбой в селах более пролетаризированного и промышленного Севера и мятежами в Черноземной, т.е. более сельской полосе. Собственные подсчеты Дубровского показывали действительный спад "второй классовой войны" в период 1905—1907 гг. (несмотря на тот факт, что в его исследовании все сельские забастовки были объединены в одну категорию, "пролетарской борьбы", что, конечно же, неверно). Никакой действительной активности со стороны "авангарда", т.е. сельского пролетариата — главной надежды русских марксистов и центрального пункта их тактических планов, в Великороссии 1905—

1907 г. замечено не было. Наоборот, постоянно поступали сообщения о том, что батраки были наименее активны. В большинстве нападений на "кулаков" или в других эпизодах внутрикрестьянской классовой войны участвовал не сельский пролетариат, а владельцы крестьянских хозяйств²⁶. И вожаки, и рядовые участники "аграрных волнений", и те, кто создавал крестьянские организации были в основном крестьянами и в большинстве своем — середняками. Даже с Северо-Западной окраины с ее особыми условиями сообщалось о случаях, которые были противоположны уравнению "пролетариат—революции" (и марксизму?), например, об особой поддержке социал-демократов со стороны наиболее богатых (и наиболее грамотных) слоев крестьянства в Литве. Из "наиболее капиталистической" Южно-Восточной части Европейской России никаких сообщений о специфически антикапиталистической (или "антикулацкой") борьбе не поступало.

Как результат, работы большинства советских историков периода 1905—1907 гг. были полны двусмысленностей и противоречий. Пролетарский революционный потенциал российской деревни был принят без доказательств, а все другие взгляды порицались как неприемлемые. Факты, не укладывающиеся в эту схему, подменялись риторической фразой, например, о том, что "сельские нищие" становятся "застрельщиками революции"²⁷. В другом месте, сельские стачки продолжали рассматриваться как случаи "специфически пролетарской борьбы", которая на следующей странице описывалась как акция, организованная местными крестьянскими общинами и ставящая перед собой специфические крестьянские цели (право пользоваться лугами, брать землю в аренду и требовать более высокую заработную плату вместе с исключительным использованием общинников в качестве рабочей силы на местных поместьях)²⁸.

Еще два важных замечания, чтобы закончить обсуждение позднесоветской интерпретации крестьянской

борьбы 1905—1907 гг., одно — семантическое и второе — связанное с содержательной стороной дела. В том случае, если факты не подтверждали принятую ранее модель, а также для того, чтобы показать различия между "хорошим" и "плохим" во фракционных схватках, исследователи часто прибегали к искажению смысла понятий. Слова-указатели, которые можно использовать в качестве конкретных индикаторов таких действий были: "крестьянские комитеты", "национализация земли" и "по существу". Два первых заимствованы из ленинских программных предложений, высказанных на съездах РСДРП (соответственно II, III и IV). Первый термин подходил из-за своей неопределенности. Любую внеобщинную группу крестьянских активистов (а таких было много) можно рассматривать как "комитет", и соответственно, как отклик крестьян на ленинское руководство²⁹. Второе понятие наиболее близкое к тому, что требовало большинство крестьян, содержалось в решениях Всероссийского Крестьянского Союза и Трудовой фракции Думы и было сформулировано эсерами как "социализация всей земли". Об утопизме эсеров и наивной вере крестьян до этого говорилось так часто, что IV съезда РСДРП осознал свою неспособность принять это требование. Способ сохранить претензию на непогрешимость заключался в заявлениях, что явно несостоятельная "аграрная программа" II съезда, двусмысленность III, расколы на IV и то, что требовали крестьяне на самом деле — все это логически вытекает из единственно верной науки об обществе, которой взгляды эсеров во всем противоречили. Именно для этого использовалось противопоставление понятия "национализации" вместе с уравнительным перераспределением земель под контролем крестьянских представителей (хорошего), и "социализации", которая обозначала примерно то же самое (но было плохим, поскольку этот термин ввели эсеры). А когда затруднения с доказательствами оказались уж очень серьезными, то вместо того.

чтобы сказать "с моей точки зрения" (или — "это послужит на благо моей любимой теории") щедро использовалось вводное слово "по существу". Его применяли не для обозначения сути рассматриваемой позиции, а для того, чтобы лучше приспособить к своим предположениям. Например, крестьянские требования передачи земли общинам были по существу ленинской программой национализации, которая была тем, о чем уже задумывались ортодоксальные марксисты; бедные крестьяне были по существу пролетариатом, когда они действовали для нашего блага и кулаками, когда играли на пользу другой стороны и так далее. Если не на самом деле, то по крайней мере "по существу", взгляды всех, кроме Ленина и тех, кто следовал за ним на каждом этапе были правильными, даже когда Ленин признавал в них свои собственные ошибки. По существу большевики вели крестьянство в 1905—1907 гг. (а до смерти Сталина Крестьянский Союз был кулацкой организацией).

Наконец, другой аспект этого спора был выражен в предположении о наиболее важных ячейках крестьянского политического действия. Документы свидетельствовали (и представители разных точек зрения среди советских историков обычно соглашались), что такими единицами были крестьянские общины³⁰. Главным дополнительным делением было классовое различие, восходящее к капитализму. (Дубровский выразил это предположение словами Ленина о том, что "первая классовая война" против помещиков предшествовала "второй классовой войне" против сельской буржуазии³¹.) Модель классовой поляризации скрывала другие сельские конфликты. В то время как конфликт крестьянской общины (и ее "средняцкого" большинства) с помещиками и местными государственными властями был в самом деле наиболее важным аспектом конфронтаций 1905—1907 гг., одновременно разворачивались, по крайней мере, еще не менее пяти типов противостояний: по полу, возрасту, этнической принадлежности, родствен-

ным связям и идеологии. В рапортах 1905—1907 гг. о "стариках" и женщинах часто докладывали как о консервативно настроенных и редко принимавших участие в борьбе, в то время как молодые мужчины были названы в числе наиболее активных³². (Эта закономерность не была универсальной — сообщалось о случаях чисто женских выступлений, о которых мы уже упоминали в гл. 3.) Разная этническая принадлежность часто разделяла соседние деревни и реке — жителей одного и того же села. Местные "вертикальные" сегменты или фракции, образованные на основе взаимной поддержки родственников, соседей или друзей, на самом деле существовали и конфликтовали во многих местах, но их важность в жизни русской деревни была, в целом, гораздо меньше, чем в случае арабской хамулы, китайского клана или латино-американских компадрадзе. Наконец, в некоторых русских крестьянских общинах были известны фракции, различающиеся по своей идеологии, часто межпоколенческой, эквивалент деления семей на "черных" и "красных", которое сохранялось в сельской местности Франции и Испании в XIX и XX вв.³³ В районах сельской России тех дней бывало, что одна сторона определяла себя как черносотенцы-лоялисты, монархисты, настроенные против интеллигенции и евреев. Другую сторону составляли те, кого называли "сознательными". Если самыми важными следует считать аналитические категории, которые предлагают противостояние общинного крестьянства и некрестьянских сословий и властей, то и другие размерности конфликта должны быть рассмотрены опираясь на факты и переход от обобщения к детальному изучению отдельных местностей и регионов.

4. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ И "НЕДУГИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА"

Было бы неверно просто отбросить десятилетия непрерывных усилий, которые предпринимали "офици-

альные" историки СССР, чтобы обосновать взгляды, противоречащие фактам. Вопрос "Почему?", когда его задают относительно "недугов" человеческого разума, особенно важен и реален для историка. Схемы искажений помогают нам более реалистично использовать собранные факты и уже выполненную аналитическую работу. Для этого сдвиги в объяснении и его подспудные причины следует соотнести с общими характеристиками общества и с моделями мышления его историков. Давайте посмотрим под этим углом зрения на общую позицию, которая превалировала у советских историков.

Задачи защиты и придания легитимности Советскому Союзу и его руководству были формально приняты как обязательные всеми советскими учеными в рамках "принципа партийности"¹. В соответствии с этим принципом некоторые позиции получали всеобщее признание и подлежали защите. Вместе с тем определенные факты, а также некоторые исследователи и их взгляды просто отвергались с порога как враждебные или клеветнические. Тем не менее, нас особенно интересует здесь не наступившее впоследствии замалчивание и не самодовольная или заказная ложь. Такая предвзятость существует повсюду в мире и встречается в исследованиях. Но даже под мощным давлением, конформизм ученых редко опускается до откровенной лжи. Большинство ученых вводят в оборот, хотя и выборочно, проверенные факты и связывают их логическим аргументом. Грубая ложь препятствует осуществлению долговременных целей и тех, кто пытается пользоваться ею. Она менее убедительна для людей, натренированных в умении мыслить аналитически. Что еще хуже, сплетения лжи не дают информацию, в которой политические лидеры и администраторы нуждаются, чтобы делать свое дело. К тому же, часть из тех, кто выбрал науку в качестве своей профессии далеки от цинизма, а другие, их часть еще меньше, готовы даже платить

дорогую цену за бескомпромиссное стремление к правде, такой, какой они ее видят.

Чтобы понять логику "ложного сознания" и направление аналитического "дрейфа" в нашем случае, мы должны поставить вопрос, почему одни взгляды и факты более приемлемы, чем другие и рассмотреть это по отношению к контексту и содержанию предлагаемого анализа. В более общем виде контекст этой дискуссии у поколения, которое было свидетелем быстрого превращения СССР в сверхдержаву, вовлеченную в глобальную конфронтацию, отличается от условий, в которой работали и спорили ученые — современники революции. Новое поколение столкнулось с поляризованным "капиталистическим миром", с центрами силы и богатства в лице старых индустриальных цивилизаций, так и с их политически "мягким подбрюшьем" — "развивающимися странами", обычно с большой долей крестьянского населения. Это поколение столкнулось также с идеологическим вызовом Китая и Югославии, т.е. стран со значительным крестьянским населением и массовыми крестьянскими движениями, которые сами себя определяли как социалистические, возглавляемые коммунистами. Во-вторых, существовал внутрисоциальный и остро ощущаемый сельскохозяйственный кризис — важное препятствие экономическому развитию СССР. Что касается содержания российской истории как дисциплины, изучаемой советскими социальными науками, она была создана как прикладной марксизм, разработанный Лениным. При Сталине она включила мощный подтекст русского национализма. Все это соединялось в усиливающемся упоре на превосходство и глобальное первенство советского народа, Советского Союза как общества и государства, КПСС и марксизма-ленинизма в интерпретации его лидеров. На вершине этой системы легитимации находился Ленин — создатель советского народа, общества, государства и партии, как это официально понималось, главный истолкователь социаль-

ной реальности и также, сам по себе, главная причина того, почему наиболее преданные его делу последователи могли и должны были вести все человечество к эре всеобщего процветания — коммунизму.

Теоретические системы, наиболее эффективные для революционного действия, обычно отличаются от тех, которые наиболее пригодны для придания легитимности послереволюционному государству. Политические и концептуальные элементы, перечисленные выше, гораздо лучше соответствуют марксистской интерпретации II Интернационала до 1914 г., чем иконоборческим отклонениям от них в ленинских стратегических поворотах, которые следовали опыту революций 1905—1907 и 1917—1922 гг. Прогресс, понятый как однолинейный и необходимый переход от одного способа производства к другому — предвидение Каутского и Плеханова, означал, что СССР необыкновенным образом находится на переднем крае мировой истории (в формулировке Брежнева — на "стадии развитого социализма"). Это также означает, что когда настоящие социалисты захватили политическую власть и ввели государственную собственность на основные средства производства, простое увеличение производительных сил, т.е. дальнейшая индустриализация сама по себе создает коммунизм. Злополучный лозунг Ленина, уравнивший социализм с "советской властью плюс электрофикацией всей страны" должен был означать то же самое. Эрудиция Каутского и жестокость Сталина получили в этом смысле примечательно схожий оттенок².

Более того, марксизм, понятый как наука, ведет к надежде на возможность вывести социальные процессы из заданных предположений. Следовательно, аксиоматический авторитет из которого исходят, приобретает чрезвычайно важный статус. Более того, это означает, что правильная теория подтверждается политической победой и наоборот. Те, кого победили, по определению, ошибались аналитически или же пострадали от изме-

ны. Концепция науки (понимаемой в этом позитивистском смысле) также подразумевает ее исключительную надежность, в то время как любой другой взгляд трансформируется, по определению, в предрассудок, утопию, злую волю или саботаж. Это "объективно верно" даже тогда, когда те, кто отрицал или сомневался в мудрости высшего марксистского авторитета, т.е. в соответствующем партийном руководстве, являлись субъективно (т.е. на самом деле) верными социалистами или лучшими из ученых. Точно также этика определяется как служба науке, т.е. прогрессу и поэтому организациям, которые представляют его и наоборот, организации, которые представляют этот прогресс, этически непогрешимы и должны определять что есть правильно и что ошибочно для специалиста в любой области³.

Факт некапиталистического российского крестьянства, участвовавшего автономно в революции 1905—1907 гг., опрокидывал описанную выше эволюционистскую схему. Если принимать во внимание историографические часы, то Россия должна была быть, таким образом, очень "отсталой" (или "азиатской", или той и другой) и ее прыжок на вершину международного сообщества объяснить было не просто. То же самое применимо к роли Ленина как автора теории, пригодной для всего мира, особенно для его более индустриализированных частей. Объяснение всего этого случайностью или волей выбора кажется ненаучным. Аналитические инструменты, разработанные левыми для анализа этих материй, например, концепции "неравномерного развития", "перманентной революции" и т.д., происходили в своем большинстве из неприемлемых источников (народники, Парвус, Троцкий и т.д.). В любом случае, если последовательно принимать логику эволюционизма, они предлагают скорее метафоры, а не ответы на вопросы. К тому же, образы их собственной отсталости по сравнению с Европой, были глубоко оскорбительными для русского национализма. До тех пор пока сохраняется

предположение, что то, что произошло, должно было произойти (представляя собой неотъемлемый закон эволюции, вместе с историей СССР, прокладывающей путь для всего человечества в целом), существует еще одна проблема легитимации. В политических терминах революционные характеристики крестьянского класса, выраженные в его способности к автономному действию, должны были быть выражены двухпартийной системой рабочих и крестьян, по меньшей мере, для 1920-х годов (на самом деле, на время, предусмотренное Лениным в 1917 г.). Образ социалистической революции, которая лишает прямого представительства плебейское большинство населения — это не образ, который легко пропагандировать (особенно в современных "развивающихся обществах", образующих главное идеологическое поле битвы между сверхдержавами, на котором потенциальные союзники СССР призывают к поддержке социальных низов). Было бы гораздо лучше признать Россию 1890—1917 гг. высокоразвитой, с капиталистическим сельским хозяйством и исчезающим крестьянством, объясняя этим социалистический потенциал, наиболее передовую теорию, "пролетарскую диктатуру" и ведущее место России в Европе. Период нэпа тогда проще оправдать как очень короткий переходный период, несмотря на противоречащие этому утверждения Ленина⁴. То же самое относится к характеру коллективизации 1929—1938 гг. в СССР. К коллективизированному советскому сельскому хозяйству и формам, которые оно приняло, можно, следовательно, относиться как к технологической необходимости, наравне с индустриализацией и со всеми вытекающими проблемами, которые, таким образом, поддаются определению и разрешению техническими средствами.

Курс на такую сверхмодель российской сельской истории всегда присутствовал в тех группах российской интеллигенции, которые унаследовали свои взгляды и интеллектуальную четкость от Плеханова. Данный курс

усилился в СССР в посленэповскую эру. И вывернутый наизнанку, соответствовал взглядам историков российской эмиграции на то, что реформы Столыпина должны были удалаться, следуя естественному, т.е. общеевропейскому продвижению к раскрестьяниванию (и потерпели неудачу только из-за его случайной гибели или войны, или злополучной большевистской революции). Пока имя Каутского в СССР было запрещено, а к Плеханову относились с подозрением, теоретическая конструкция, ими разработанная в 1890-х годах (и которую разделяли в то время очень молодые Роза Люксембург, Мартов и Ленин), не могла быть улучшена, а логика последовательного эволюционизма принималась как марксистская ортодоксия. II съезд РСДРП воспроизвел эти взгляды. Когда пришло время Ленина, чтобы бросить им вызов, он заявил, что Россия не была еще капиталистической, как этого ожидали, т.е. он остался в рамках более ранней теоретической структуры, но "передвинул стрелки часов назад". Плеханов все же назвал эти взгляды народничеством — и не без оснований. Но в данном политическом и интеллектуальном контексте СССР, любой доминирующий взгляд обозначается как ленинизм и как истина в последней инстанции, недвусмысленная и окончательная. Плодотворная противоречивость творческого ума Ленина попросту отрицается.

Противоречия между доминирующими взглядами и доступными фактами имеют свои собственные законы динамики. Когда сталинские методы решения таких противоречий с помощью физического уничтожения любой оппозиции были отодвинуты в сторону, внутренняя логика этих вопросов сделала главный поток исследований в СССР более похожим на западные, чем обе стороны были готовы допустить. Самоувековечивание доминирующего взгляда, особенно когда, кажется, что он служит государственным интересам и их идеологическим потребностям, в краткосрочном плане не очень проблематичны в практике ученых. Модели отбора и

самоотбора кадров минимизируют "беспорядок", а интеллектуальные бунтовщики теряют доступ к рангам, бюджетам, печатным станкам и аспирантам. Ученые, исследующие общество, обычно меньше защищены "естественным образом" в сравнении с тем, кто работает в области наук о природе, поскольку отсутствуют главные коррективы нереалистичных взглядов: лабораторная проверка и технологическое применение. Но гуманитарные науки имеют своеобразную способность подрывать структуры социального контроля, что хорошо выражено в сказке Андерсена про новое платье короля. Король и королевские писцы обычно голые. Чем больше размеры их королевства, тем меньше на них одежды. В каждом поколении вновь и вновь появляется смысленый ребенок, которому судьбой предназначено крикнуть, невзирая на последствия: "А король-то голый!". Сообразительные взрослые обычно тоже это знают, но ожидают подходящего момента или переговариваются шепотом. Затем, внезапно "расцветают сто цветов" и на время общество оказывается лицом к лицу со своими собственными особенностями, проблемами и сомнениями. А когда такие "цветы" впоследствии губят "заморозки" или их "срезают", общественная жизнь редко возвращается в ту же точку, где все это начиналось. Шаг, пусть и маленький, был сделан. Для того что произошло, упорная длительная работа тех, кто собирает факты "как они есть на самом деле" и аналитиков, которые упорствуют в своих неортодоксальных взглядах, образуют необходимую составную часть переходных периодов.

Рассматривать мышление ученых — занятие всегда умозрительно нескончаемое по своему характеру. Сказка Андерсена о голом короле — хорошее место, чтобы остановиться и подвести итоги.

* * *

В 1905—1907 гг. российские крестьяне в основном следовали своим собственным склонностям, а не убеж-

дениям радикальной интеллигенции или пролетариата. Они поднялись против помещиков и полицейских, но боролись также и против царского правительства и его солдат. В основной массе сел Центральной России не было никакого социалистического руководства, но имело место массовое революционное движение за социальную справедливость. Фундаментальное доказательство обширной самопроизвольности и независимости крестьянской борьбы 1905—1907 гг. лежит именно в специфичности ее целей, выраженных в конфронтации с помещиками и российским государством, но также и в очевидных противоречиях их поступков и взглядов всем политическим партиям того времени. Действительный социальный состав крестьянского движения подтверждает эту точку зрения. Ее подтверждали также ритмы и формы крестьянской борьбы. Отношение между жакерией, крестьянской борьбой за политическую власть и крестьянскими мечтами о лучшем обществе иллюстрируют спонтанность и автономию крестьян в 1905—1907 гг. Русская революция 1905—1907 гг. была верно признана современниками как несколько сражений, наложившихся друг на друга: в городах, в деревне, на "этнических окраинах" и возможно еще одно — в армии и военно-морском флоте. Факт существования общего врага — российского государства того времени — не должен затемнять отличительную и особую динамику этих составных частей. В частности, претензия, связанная с тем, что русскими крестьянами "руководили со стороны" не выдерживает серьезной эмпирической проверки. Российская крестьянская война 1905—1907 гг. была в основном крестьянской, в ней участвовали крестьяне, ею руководили в основном, крестьяне и цели ее были, соответственно, крестьянскими.

Это не означает необходимость замены одного "социального закона", по которому крестьянство, противостоящее развивающемуся капитализму, обязательно реакционно, т.е. является отсталым и "руководимым извне", прямо противоположным утверждением, снова

возведенным в ранг абсолютного закона. Революционные тенденции и возможности социальных классов не абсолютны и всегда подвержены воздействию исторических и социальных условий. Эти тенденции и возможности росли и ослабевали не прямолинейно. Крестьянский выбор или тяготение к радикальным или социалистическим целям, также как и их способность действовать агрессивно, автономно, эффективно и как единое целое — есть предмет внутренних и внешних стимулов и противоречий, который нельзя постулировать, но который должен быть изучен в каждом конкретном случае. Сравнительный анализ помогает определить это точнее⁵. Сравнительная перспектива может также помочь точнее определить особые характеристики борьбы Российского крестьянства.

Как было часто и в других местах — активность российских крестьян, их способность к автономному политическому действию и степень, в которой крестьяне объединились в 1905—1907 гг. против врагов и доброжелателей, имели свои корни в семейном сельском хозяйстве и в общинной структуре, в которой крестьяне жили. С этим были связаны как модели самоидентификации, так и идеологии, образующие единое с социальной системой. Острый кризис этой системы был особенно важным для крестьянской истории. Интересы богатых и бедных в каждой из деревень значительно отличались, но общность судьбы или конфликта, при столкновении лицом к лицу с силами природы, государством, помещиками и даже рынком (сельскохозяйственной и несельскохозяйственной продукции, также как и наемного сезонного труда) обеспечивали затем сильные, и в целом все пересиливающие причины для кооперации и взаимной поддержки. Опыт веков научил селян тому, что такое единство необходимо для выживания большинства из них. И сплоченность общин, и понимание крестьянами своих интересов поддерживались и усиливались глубочайшим расколом и эксплуатацией внутри

самого российского общества, его крестьянских поселений, стоящих лицом к лицу с тесно связанными друг с другом силами "верхушки": ее государства и чиновничества, ее помещиков и дворян, ее богатых горожан и ее многочисленных инструментов социального и политического контроля.

Основные черты конфликта и неповиновения, если сравнивать их с другими крестьянскими обществами или другими временами, можно изложить еще более определенно. Это была, по большей части, война против местных помещиков и представителей государства, выливающаяся в конфронтацию со всем государством. Враждебность по отношению к городским состоятельным классам была ограничена, отношение к интеллигенции было противоречивым, но скорее позитивным, а особая общность судьбы чувствовалась с другими плебейскими группами, подавляемыми властями. Что касается организации, земельный передел в крестьянских общинах привлекал особое внимание его аналитиков, что объясняет почему Маслов, Громан и многие другие настаивали на том, что крестьянское политическое действие и Всероссийский Крестьянский Союз были порождением специфических регионов, где были активны переделные общины. Этот взгляд явно недооценил в какой степени сельская общность была ни чем-то особым для России, ни только инструментом земельного передела. Со сложностями крестьянской деревенской жизни, ее социальными, политическими, культурными потребностями и сельским хозяйством того времени было наиболее эффективно справляться коллективно и локально. Неформальные общинные иерархии, единство и организация были важнейшим путем в обеспечении коллективного действия. Российская община давала гибкую и уже готовую сеть организаций для решения широкомасштабных местных задач, функционируя помимо этого в качестве основной ячейки самоидентификации. Происходили существенные конфликты в общи-

нах, и многие их члены справедливо жаловались на их ограничительные тенденции и неуклюжие действия. Тем не менее, большинство российских крестьян знали, что без общины их дела пошли бы еще хуже. Если рассматривать спектр крестьянских обществ, протянувшийся от тех стран, где общинная сплоченность сильна к тем, где она едва ли существует (и заменяется атомизацией или внутриклассовой конфронтацией), российские общины были ближе к полюсу сплоченности. То, что Ле Рой Ладюри сказал об общине как об основном элементе "кровавого достоинства мужицких войн" было правдой также и для России 1905—1907 гг.⁶

Специфические аспекты крестьянского сознания — его консерватизм и изначальное подозрение к чужакам, его принятие коллективной воли как истины были эффективны в контексте деревенской жизни. Новые идеи и потребности в основном интегрировались в существующие формы мышления и делали их еще более сильными. Общенациональное сходство реакции на аграрный кризис и способность создавать специфические крестьянские организации и защищать свое политическое представительство не были в тех условиях удивительными. Ни крестьяне, ни интеллигенция того времени не знали этого, но это было частью и предвестником новой волны поднимающегося самосознания крестьян и крестьянской политической борьбы XX в. в Европе и повсюду в мире⁷.

"Середняцкая", т.е. полностью крестьянская природа ядра крестьянского руководства и российской крестьянской маршевой армии в 1905—1907 гг. не были случайностью. Она отражала природу большинства современных российских крестьянских общин. Середняки, в соответствии с точным определением этого слова, были решающей силой в российском селе и большинства в его общинах. Безземельные и "бобыли" не имели достаточного веса в деревнях, и не могли оказать в одиночку длительного сопротивления в сельской борьбе. Восстание совершалось не маргиналами, а теми, кто отказывался превра-

щаться в таковых. Сила общинного схода была такой, что наиболее богатые обычно не могли удержать контроль над этими общинами. Что касается кулаков в сельской местности России, по крайней мере в крестьянском значении этого термина, они были не обязательно самыми богатыми хозяевами или работодателями, но "не совсем крестьянами", стоящими в стороне от общин или против них⁸. Наиболее близким крестьянским синонимом термину "кулак" был в действительности "мирод" — "тот, кто пожирает общину", который определял не только то, что рассматривалось селянами как зло, но также и то, что должно быть защищено и то, что должно быть использовано в самозащите. В то время как российская интеллигенция продолжала бесконечную перебранку о природе российской крестьянской общины, российские крестьяне "голосовали ногами" каждый раз, когда были необходимы коллективные действия. Это произошло в 1905—1907 гг. и повторилось в 1917—1920 гг. По всей вероятности, это также происходило и раньше, хотя никто не удосужился документировать это. Времена крестьянских бунтов (и в более общем выражении "времена смуты") были также временами особого процветания крестьянской общины. Упадок одного способствовал ослаблению другого⁹.

Еще один способ проверить социальную структуру крестьянской политики и войн — это посмотреть на историческую связь периодов крестьянского политического действия. Много говорилось о глубине сельской социальной трансформации под воздействием государственного вмешательства в 1906—1914 гг. — так называемой столыпинской реформы. Но когда настал 1917 г., крестьянские требования и действия были примечательно похожими на те, которые наблюдались в 1905—1907 гг. На местах они возглавлялись крестьянскими общинами, которые всплыли на поверхность по всей России. Главная внутрикрестьянская борьба, о которой сообщали в 1917 г., была выражением не конфронтации бедных с богатыми, а массовой атакой на "раскольников", т.е. на тех

хозяев, которые бросили свои деревни, чтобы уйти на хутора в годы столыпинской реформы.

Какими бы ни были ранние взгляды Ленина и более поздние комментарии и конструкции, он был одним из тех немногих в лагере русских марксистов, кто сделал радикальные и беспощадные политические выводы из борьбы русских крестьян в 1905—1907 гг. и из того, в чем она не соответствовала предсказаниям и стратегиям прошлого. Вот почему, к концу 1905 г., Россия для него уже не была в основном капиталистической, как написано в его книге 1899 г. Он выразил эту трансформацию не переписыванием своих ранних теоретических текстов, а в стратегическом принятии крестьянского революционного порыва в его партийных программах и тактических решениях. Новый подход был выражен в его заявлениях, определяющих Всероссийский Крестьянский Союз ни более, ни менее как "эмбрион крестьянской партии", представляющей социальный класс политических союзников¹¹. И это утверждалось автором тех глав "Развития капитализма в России", в которых отрицалась сама возможность подобного развития ситуации.

Несмотря на многие опровержения, картина русского крестьянства в 1905—1907 гг. как "класса самого по себе", способного и действительно склонного к политическому действию, была принята как факт всеми признанными политическими лидерами России. Столыпинские реформы стали признанием этого от имени царских властей и попыткой избавиться от этой политической опасности. Ленинские революционные программы были признанием этого со стороны большевиков. Идеологические нужды последующих поколений, которые поставили все это под сомнение, есть тоже часть истории России. Но это относится уже к другим временам, наступившим значительно позже революции 1905—1907 гг., которую мы здесь обсуждаем.

Приложение:

БОРЬБА КРЕСТЬЯН И РАБОЧИХ В 1905—1907 гг.:

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

В 1920-х годах и снова в 1960-х и 1970-х годах многие советские историки предприняли целенаправленные усилия для того, чтобы доказать статистически тесную и специфическую взаимозависимость между борьбой городского пролетариата и крестьянства в революции 1905—1907 гг. Гипотетическая модель, представленная в целом как абсолютная социальная закономерность, брала свое начало в марксистских интерпретациях II Интернационала в 1890-х годах, особенно Каутского, Плеханова и Энгельса. В основе их взглядов лежала дедуктивная и высокообобщенная политическая социология, которая рассматривала пролетариат, т.е. наемную рабочую силу, особенно в промышленных отраслях, как единственный последовательно прогрессивный и революционный класс современного мира. Более того, пролетариат был, по определению, революционным независимо от условий, поэтому ему было предназначено самой судьбой руководить всеми другими угнетенными группами в политической борьбе за социализм. В качестве составной части этой аналитической схемы предполагалось, что подъем капитализма и одновременный упадок докапиталистических классов, особенно крестьянства, является необходимой стадией человеческой эволюции. Поскольку это было так, крестьяне России, где капитализм быстро развивался, считались реакционными или политически двойственными в их желании разделить между собой землю помещиков и в их неспособности принять необходимость капитализма, который отчетливо провозглашал их социальную гибель как класса. Эти противоречия вместе с принимаемой далеко зашедшей социально-экономической дифференциацией крестьянства на капиталистов и сельский пролетариат, означали, что никакой самостоятельной крестьянско-классовой борьбы марксистские теоретики 1890-х годов не ожидали. Их партия-прародительница в более продвинувшейся "вперед" Германии, на которую Россия, по-видимому, становилась все более похожей, отказалась даже от того, чтобы изложить особую "аграрную программу", предназначенную для крестьянского населения. Как выразил эту позицию Энгельс: "...одним словом, наш мелкий крестьянин, как и всякий пережиток отжившего способа производства, неудержимо идет к гибели... при тех предрассудках, которые вытекают из всего экономического положения мелкого крестьянина, из его воспитания и изолированного образа жизни... мы можем привлечь на свою сторону массу мелких крестьян, только давая им такие обещания, которые мы заведомо сдержать не сможем"¹. Первая аграрная

программа русских марксистов 1903 г. была в соответствии с этим направлена скорее на то, чтобы нейтрализовать крестьян, чем на то, чтобы попытаться решить невыполнимую задачу — вовлечь их в грядущую революцию. Особое внимание было уделено этому аргументу в ходе конфронтации социал-демократов с русскими народниками (которые видели крестьян по-другому) по поводу того, кто представляет социализм в России.

Теоретики 1890-х годов никак не ожидали массовых крестьянских волнений в 1902 г. и 1905—1907 гг. или крестьянского политического наступления на помещиков и правительство. Это все же еще могло уместиться в аналитическую схему, составленную исходя из предположения, что Россия не была еще капиталистической (или что политическая "инерция", отражающая крестьянское предкапиталистическое прошлое, усиливается докапиталистическим государством, вынуждает их действовать как класс, которым они больше не были). Более простое объяснение крестьянского восстания заключалось бы в том, что и его вел революционный пролетариат. Без признаков сельского пролетариата, играющего ведущую роль на селе, это могло лишь означать, что крестьяне следовали за городскими пролетариями. Это и является предметом статистического упражнения, к которому мы переходим.

В определении и идеологизации этой общей теоретико-статистической модели наиболее важны были книги Дубровского и Тропина, изданные в 1956 г. и 1970 г. Огромное число региональных исследований, диссертаций и книг о революции 1905—1907 гг. в советской литературе обычно следовало супермоделям, разработанным этими авторами, просто подставляя в них все новые цифры и имена. Одновременно к заключениям Дубровского и Тропина относились как к фактам или даже как к естественному выражению социальной неизбежности.

Рис. 4.1. и табл. 4.1 представляют суть спора. В 1920-х годах Дубровский подсчитал, основываясь на архивах царской полиции число "аграрных беспорядков" за все революционные месяцы². Он пришел к заключению, что пик "аграрных беспорядков" пришелся на ноябрь 1905 г., когда докладывалось о 796 случаях, а не на июнь 1906 г., как первоначально предполагалось (только 736 случаев). Кривая крестьянских выступлений повторяла этим кривую динамики рабочих забастовок, число которых достигло пика за все годы революции в октябре 1905 г. и было гораздо ниже в 1906 г.³ Другой метод для количественного выражения крестьянской борьбы (подсчет процента уездов, из которых сообщалось об аграрных волнениях) был использован для той же цели Тропиным (табл. 4.4). Он признал некоторые региональные несоответствия, например, что крестьянская борьба достигла своего пика на Западной Украине только в 1906 г. Он все же полностью согласился с теми выводами.

которые Дубровский сделал из своего статистического исследования о существовании "социального закона", по которому современные крестьяне должны следовать за рабочими в любой революционной борьбе.

В ряде случаев цифры Дубровского не соответствовали стандартам представления данных, которым обычно придается такое важное значение. В частности, как уже отмечали советские исследователи — специалисты в этой области, его источники недоступны более для обследования⁴. Более важно то, что анализ цифр, предложенный Дубровским, имеет статистические дефекты, которые на самом деле опровергает те выводы, которые он из них сделал. Деление статистических рядов на месяцы (или на кварталы, начиная с января) вводит в заблуждение. Анализ динамики в данном случае не может быть основан на календарных единицах. Или реалии крестьянской жизни должны быть учтены посредством сезонного деления, которое имеет сельскохозяйственный смысл, или следует быть статистически последовательным и в ходе анализа этих трендов "сгладить" кривую одним из принятых методов. Если использовать более реалистичное сезонное деление (рис. 4.2 и табл. 4.2)⁵, то цифры самого Дубровского показывают, что месячные средние числа "аграрных волнений" должны были составлять 548 случаев летом 1906 г. против 362 осенью 1905 г. (Даже если мы возьмем месяцы восстания одного только 1905 г. — с октября по

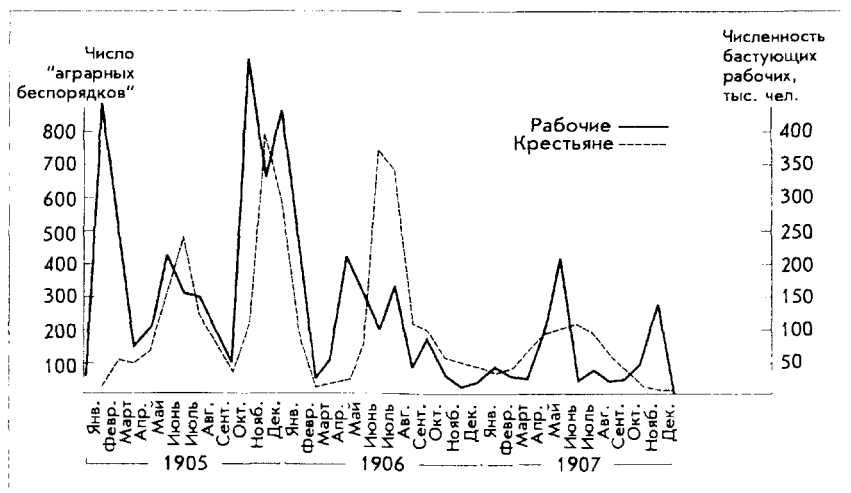

Рис. 4.1. Сравнение Дубровским числа бастующих рабочих и случаев "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг.

Источник: Дубровский С. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956. С. 42—43.

Сравнение Дубровским числа бастующих рабочих и случаев "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг. (по месяцам)

Месяц	1905 г.		1906 г.		1907 г.	
	Крестьянские выступления*	Бастующие рабочие (тыс.)**	Крестьянские выступления*	Бастующие рабочие (тыс.)**	Крестьянские выступления*	Бастующие рабочие (тыс.)**
Январь	17	444	179	190	72	65
Февраль	109	293	27	27	79	56
Март	103	73	33	52	131	25
Апрель	144	105	47	221	193	90
Май	299	221	160	151	211	212
Июнь	492	156	739	101	216	21
Июль	248	152	682	169	195	36
Август	155	104	224	40	118	19
Сентябрь	71	38	198	88	69	23
Октябрь	219	519	117	32	27	43
Ноябрь	796	326	106	13	14	142
Декабрь	575	433	88	18	12	9

* Число аграрных беспорядков, зарегистрированных полицией, по оценке С.Дубровского, приведенной в кн: *Дубровский С. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956. С. 42—43.*

** Число бастующих рабочих взято из донесений фабричных инспекторов. См.: *Варзар В. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах. СПб., 1910. С. 15—19.*

декабрь, месячное среднее — 530 случаев крестьянской борьбы, окажется по-прежнему ниже, чем среднее для лета 1906 г.). Следовательно, в более реалистичном сезонном разрезе, цифры на самом деле скажут нам, что пик крестьянской борьбы 1906 г. совпадает с относительно низким уровнем политических акций рабочих, ослабленных в 1906 г. репрессиями и поражением 1905 г. Вместе с тем, если статистические соображения должны получить приоритет для выделения тренда, то необходимо использовать "скользящие средние", избавляясь тем самым от условного помесячного деления, тогда отношение "рабочие — вели, крестьяне — следовали" становится гораздо слабее, чем корреляция с сезоннос-

Сравнение числа бастующих рабочих и случаев "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг.* (по сезонам)

Время года	1905 г.		1906 г.		1907 г.	
	Крестьянские выступления	Бастующие рабочие (тыс.)	Крестьянские выступления	Бастующие рабочие (тыс.)	Крестьянские выступления	Бастующие рабочие (тыс.)
Зима**	63	369	260	217	80	46
Весна	182	133	80	143	178	104
Лето	298	137	548	103	176	25
Осень***	362(530)	294	104	44	37**	69**

* Разбивка по сезонам заимствована из кн.: *Лещенко М. Селянский Рух на правобережной Украине в первой революции 1905—1907 гг.* Киев, 1955 г. и соответствуют сельскохозяйственному циклу. Зима — с декабря по февраль. Весна — с марта по май. Лето — с июня по август. Осень — с сентября по ноябрь.

** Средние для зимы 1905—1906 гг. и осени 1907 г. из-за недостатка данных основаны только на цифрах января и февраля 1905 г. и декабря 1907 г.

*** Исключительное воздействие Всероссийской октябрьской забастовки, последовавшей за периодом спада в сентябре делает сезонные средние для осени 1905 г. менее значимыми. Цифры в скобках показывают средние за октябрь, ноябрь, и декабрь 1905 г., т.е. за те месяцы, когда революция 1905 г. находилась на подъеме.

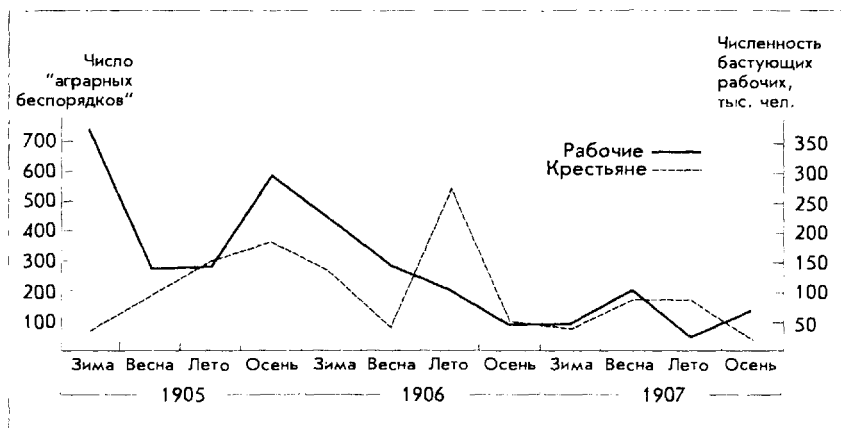

Рис. 4.2 Сравнение числа бастующих рабочих и случаев "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг. (по сезонам).

Источник: см. источник к табл. 4.2

тью для обоих трендов, с единственным исключением в октябре 1905 г. (см. табл. 4.3 и рис. 4.3).

Как указывалось выше, довод о превосходстве пика крестьянской борьбы 1905 г. над подъемом 1906 г. подкреплялся с помощью другого способа количественного анализа — путем подсчета числа уездов, вовлеченных в аграрные волнения. В основополагающем исследовании Прокоповича, опубликованном в 1912 г. (см. табл. 4.4), было показано наличие двух пиков крестьянской борьбы с 48% и 52% от общего числа уездов Европейской России, охваченных

Таблица 4.3

Сравнение числа бастующих рабочих и случаев "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг. (сглаженные с помощью скользящей средней)*

Месяц	1905 г.		1906 г.		1907 г.	
	Крестьянские выступления	Бастующие рабочие (тыс.)	Крестьянские выступления	Бастующие рабочие (тыс.)	Крестьянские выступления	Бастующие рабочие (тыс.)
Январь	17**	444**	179	190	72	65
Февраль	76	270	80	90	94	49
Март	119	157	36	100	134	57
Апрель	182	132	80	143	178	109
Май	309	160	315	160	206	108
Июнь	346	176	527	142	207	90
Июль	298	137	548	103	176	25
Август	158	99	358	70	126	26
Сентябрь	148	220	180	53	71	28
Октябрь	362	294	140	44	37	69
Ноябрь	530	426	104	21	18	64
Декабрь	513	316	80	32	13***	75***

* Цифры за каждый месяц рассчитаны как среднее арифметическое числа выступлений за предыдущий, данный и последующий месяц.

** Цифра за январь 1905 г. получена без учета сведений за декабрь 1904 г.

*** Цифра за декабрь 1907 г. получена без учета данных за январь 1908 г. в связи с отсутствием данных.

беспорядками соответственно в сентябре—декабре 1905 г. в мае—августе 1906 г.⁶ В 1926 г. Мороховец попытался сопоставить цифры, полученные по методу Прокоповича, с выводами Дубровского. Он добавил к исходным цифрам Прокоповича данные для прибалтийских губерний и получил цифру 52% для периода сентябрь—декабрь 1905 г. против 50% для мая—августа 1906 г.⁷ В 1970 г. Тропин добавил цифры, которые давали представление о размахе сельской борьбы на Кавказе. После того, как это было сделано, пик крестьянской борьбы летом 1906 г. (47,6%) оказался еще ниже, немногим ниже, чем подъем осенью 1905 г. (53,3%)⁸.

Главная слабость процедуры, использованной Мороховцом и Тропиным для того, чтобы обосновать заданную точку зрения, заключается в отношении между количественной и качественной сторонами такого анализа⁹. Со статистической точки зрения, смешивать разнородное население — значит получить искаженные результаты или сделать их бессмысленными. Соединение окраин с их фундаментальными различиями в социальной структуре, этнических условиях и политическом руководстве с губерниями Европейской России было бы сомнительным в любом случае. Искажение становится решающим, как только в расчет берутся различия в

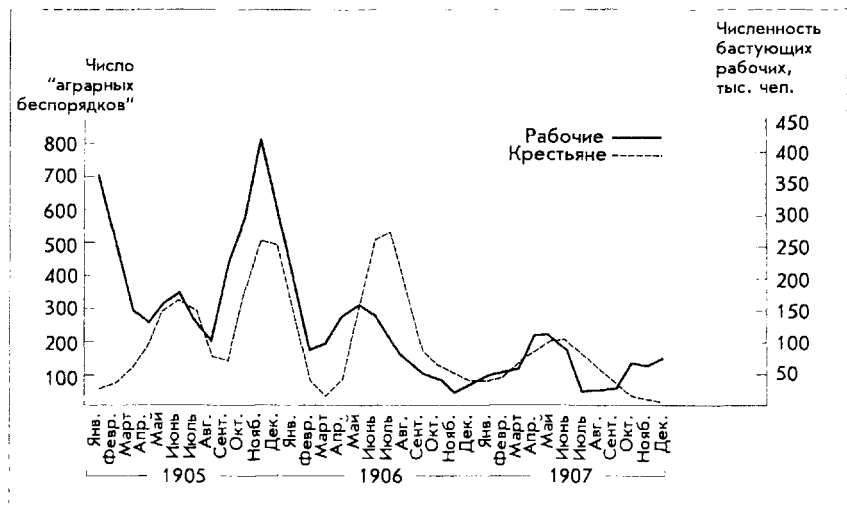

Рис. 4.3. Сравнение числа бастующих рабочих и случаев "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг. (сглаженные с помощью скользящих средних*).

* Цифры за каждый месяц рассчитаны как среднее арифметическое числа выступлений за предыдущий, данный и последующий месяцы. Цифры за январь—февраль 1905 г. и ноябрь—декабрь 1907 г. рассчитаны как средние только за эти два месяца.

Источник: см. источник к табл. 4.1

Число уездов, в которых происходили "аграрные беспорядки" (в % к общему числу уездов)

По данным	1905 г.			1906 г.			1907 г.		
	Январь— апрель	Май— август	Сентябрь— декабрь	Январь— апрель	Май— август	Сентябрь— декабрь	Январь— апрель	Май— август	Сентябрь— декабрь
Прокоповича	14,8	18,2	47,9	25,1	52,1	15,1	9,0	6,0	1,0
Мороховца	17,0	21,0	52,0	24,0	50,0	14,0	8,8	5,6	0,6
Тропина	188,0	20,7	53,3	23,8	47,6	13,4	8,2	15,0	0,7

ИСТОЧНИКИ: Прокопович С. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912; Мороховец Е. Крестьянское движение и социал-демократия в первой русской революции. М., 1926. С. 10; Тропин В. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970. С. 155.

региональной истории. К концу 1905 г. необычайно крупномасштабное и жестокое вмешательство армии положило конец открытым массовым акциям сельского населения прибалтийских и закавказских губерний. Тот факт, что выступления этих окраин были подавлены до лета 1906 г. скорее усиливает, чем заставляет сомневаться в силе и относительной автономности крестьянской революции в России и на Украине летом 1906 г. Оно опять-таки даст свидетельства, противоположные точке зрения, которую отстаивал Тропин.

На самом деле ритм крестьянской борьбы, отраженный в сезонных цифрах и Дубровского, и Прокоповича, и Тропина, предлагает другое понимание, если изучать этот вопрос более внимательно. Если вычесть мощное (и без сомнения, существенное) воздействие Всероссийской октябрьской забастовки 1905 г. и принять в расчет влияние репрессий, проводившихся с ноября 1905 по январь 1906 г., мы получим ясно выраженную аграрную сезонность крестьянской революции, тренд который часто повторялся и в других местах: на Великих китайских равнинах, холмах Курдистана, в Мексике, Индии и так далее. Лето — время восстания, осень и зима — отступления (см. рис. 4.4). Этот ритм российской крестьянской борьбы наблюдался в течении трех лет. Он достиг своего наиболее полного выражения в середине 1906 г. Многолетняя картина показывает постепенное нарастание боевого духа крестьянства, несмотр-

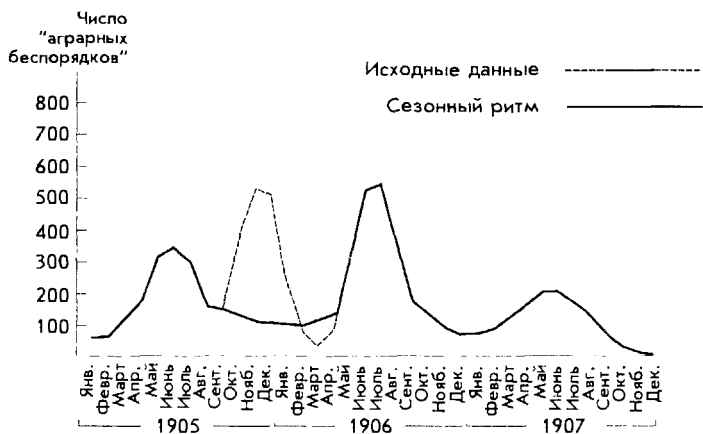

Рис. 4.4 Главный ритм "аграрных беспорядков" 1905—1907 гг.*

* Интенсивность крестьянских выступлений была сглажена с помощью метода "скользящей средней". Исключено воздействие всеобщей забастовки, выхода манифеста, в котором содержалось обещание созвать Думу с законодательными правами и событий, последовавших за этим, а именно — городскими восстаниями с октября 1905 по январь 1906 г. (исходные данные обозначены пунктирной линией).

Источник: см. табл. 4.1 и 4.3

ря на суровость репрессий 1905 г. В то время как деформация статистической кривой с октября 1905 по январь 1906 г. явно отражает воздействие на крестьян борьбы в городах, многолетний тренд с его пиком в 1906 г. показывает силу причинно-следственной зависимости, порожденной самим крестьянством. Жалобы многих советских историков (и их объяснение того, почему революционеры потерпели поражение) на то, что крестьянская борьба "запоздала", выражает именно это¹⁰.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Революция есть момент истины. Это так для тех, кто в ней участвует и для общества в целом. В этом не просто метафорическое описание ожесточенного противостояния политических противников, но и в буквальном смысле слова, постижение заново собственных исходных позиций, представлений и идей сквозь безжалостную линзу опыта. Ставки высоки, уроки жестоки и нет времени на неспешные размышления о своеобразии личности твоего шахматного противника и возможных вариантах ходов. Переиграть партию невозможно. Результат окончателен.

В ходе революции представления и действительность сталкиваются и формируют друг друга в фундаментальном процессе познания. Коренной разрыв преемственности времен срывает маски с того, что считается само собой разумеющимся, со здравого смысла и партийной риторики, преподнося жесткий и объективный политический урок, наиболее драматический из всех таких уроков. В какой степени уроки 1905–1907 гг. были восприняты и усвоены населением Российской империи, ее политическими деятелями, администраторами и лидерами? Учит ли история?

УРОКИ ИСТОРИИ И СЛЕДУЮЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ОТЛИЧНИКИ И ТУГОДУМЫ

Я синим пламенем пройду в душе народа.
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я: "Свобода!"
Но разный смысл для каждого придам.
Максимилиан Волошин (1905 г.)

1. МОМЕНТЫ ИСТИНЫ

Революция есть момент истины. Это так для тех, кто в ней участвует и для общества в целом. В этом не просто метафорическое описание ожесточенного противостояния политических противников, но и в буквальном смысле слова, постижение заново собственных исходных позиций, представлений и идей сквозь безжалостную линзу опыта. Ставки высоки, уроки жестоки и нет времени на неспешные размышления о своеобразии личности твоего шахматного противника и возможных вариантах ходов. Переиграть партию невозможно. Результат окончателен.

В ходе революции представления и действительность сталкиваются и формируют друг друга в фундаментальном процессе познания. Коренной разрыв преемственности времен срывает маски с того, что считается само собой разумеющимся, со здравого смысла и партийной риторики, преподнося жесткий и объективный политический урок, наиболее драматический из всех таких уроков. В какой степени уроки 1905—1907 гг. были восприняты и усвоены населением Российской империи, ее политическими деятелями, администраторами и лидерами? Учит ли история?

В самом общем смысле многочисленные афоризмы на тему "уроков истории" нельзя считать ни истинными,

ни ложными. Истина состоит в том, что некоторым людям и группам людей удается "извлечь уроки из истории", а некоторым нет. После поражения первой русской революции XX в. политически самым важным стал вопрос о том, насколько способны или не способны были разные стороны, участвовавшие в конфликте, отрешиться от старых представлений и пересмотреть свои позиции, т.е. кто какие уроки извлек, а кто нет, и почему.

Подводя общие итоги, следует сказать, что проверка в 1905—1907 гг. теорий и моделей революции, заимствованных у Европы XIX в. (которые в основном строились на опыте революции 1848 г. и на экстраполяции экономических процессов, проявившихся позднее в Западной и Центральной Европе), обнаружила многие факты, которые не вписывались в структуры познания и самосознания, укоренившиеся в России в 1890-х годах, особенно в среде социалистической и либеральной политической оппозиции. Давайте перечислим наиболее важные из этих фактов. Крестьянство выступило в качестве основной революционной силы и продемонстрировало значительное единство политических целей, хотя очевидно, как трудно это было, учитывая огромные пространства страны и репрессивный режим. Не оправдались ожидания социал-демократов относительно радикализма или особых социалистических наклонностей у батраков (за исключением, быть может, Латвии). На национальных окраинах, включая районы, которые никак нельзя назвать "развитыми" с точки зрения индустриализации, урбанизации или пролетаризации. Например, в Грузии накал революционной борьбы оказался выше, чем в центре. К тому же политическую оппозицию в "докапиталистических" регионах обычно возглавляли и направляли местные марксисты. Самый яркий пример здесь Гурия. В этой горной пограничной области, населенной крестьянами, социал-демократические "ортодоксальные" марксисты дольше всего удерж-

живали контроль над территорией, опираясь на массовую поддержку и согласование крестьянских интересов (подобная ситуация потом почти в точности повторилась в китайской провинции Шэньси в 1930-х годах, вьетнамской Вьет Бак в 1940-х годах и в индийском Наксалбари в 1960-х годах). Противоречия внутри властной элиты и государственного аппарата России трудно было объяснить просто различиям в классовых интересах и тем не менее они явились одним из основных факторов, определявших ход революции. Способность вооруженных граждан противостоять войскам в ходе уличных боев и на баррикадах играла весьма незначительную роль, особенно если дисциплина правительственных войск оставалась непоколебимой. Но массированное политическое давление было очень эффективным, особенно когда власти не могли или колебались применить военную силу в полном объеме, в то время как революционный лагерь выступал единым фронтом. Новый характер и невиданный ранее масштаб политической мобилизации продемонстрировали важность неожиданного "взрыва легальности" — ослабления беспредела власти, разрешения массам населения, которое до этого было лишено возможности высказываться, открыто выражать свои взгляды. Также стала очевидной исключительная важность альтернативных центров авторитетной власти и организаций, образованных *de facto*. Это был главный результат всеобщей стачки и деятельности ее комитетов, политических партий, профсоюзов, Советов рабочих депутатов и "Союза Союзов", Всероссийского Крестьянского Союза и крестьянских "республик".

Обратимся теперь к анализу действовавших тогда социальных сил, если мы их определяем в принятых самими участниками классовых категориях. К 1906 г. помещичий класс превратился в мощную консервативную силу. Промышленные и транспортные рабочие также подтвердили ожидания марксистов и наиболее проницательных жандармов в том, что касается их

революционного потенциала. Но буржуазия, в классическом смысле — владельцы капиталистических предприятий, в очень малой степени заявила претензии на власть, а напротив, "профессиональный" слой эти претензии очень ясно продемонстрировал, выражая свои конституционные и либеральные требования (большинство теоретиков социалистического крыла стали считать его после этого суррогатом буржуазии). Идеологическая конфронтация между революционной и реформистской тенденциями внутри интеллигенции стала на время определяющим аспектом революционной борьбы, формирующим политические движения и их различия. Студенты сыграли исключительно важную роль и их боевой дух часто объединял рабочих с "образованными классами" в едином политическом действии. Однако основную массу тех, кто сражался на улицах городов и потом заплатил за это тюрьмой и каторгой составляли молодые рабочие тяжелой промышленности и транспорта, а также — особенно на Западе и Юге страны — работников небольших мастерских и торговых предприятий (включая многих приказчиков).

Что касается монархических сил, защитная реакция правого популизма из верноподданного лагеря, выразившаяся в погромах и оформленная в "Союзе русского народа", оказалась, по крайней мере, для левого крыла и либералов неожиданно сильной. Также неожиданно сильным оказался контроль самодержавия над армией, несмотря на значительное число локальных военных мятежей. Одеты в солдатскую форму крестьянские рекруты вели себя совсем иначе, чем их собратья в деревне. В некоторых полках солдаты, моряки и унтер-офицеры впервые поднялись против офицерства как "класс против класса", однако очень быстро, в считанные часы, от силы дни, они были приведены к повиновению. Более понятными были верноподданнические настроения большинства государственных чиновников и офицерства. Также не может вызывать особого удив-

ления тот факт, что и здесь не обошлось без перебежчиков на сторону оппозиции. Что касается международной реакции, то никто из союзников российского самодержавия не считал бы возможным послать войска, чтобы помочь Романовым. Но именно финансовый капитал республиканской Франции в 1906 г. помог восстановить российское государство и его машину подавления, предоставив крупный заем. Общественное мнение во Франции поддерживало российских конституционалистов и революционеров, однако обращение российских либералов к либералам Франции с просьбой не допустить финансовой поддержки царского режима, было оставлено без внимания.

Реакции на этот впечатляющий список "неожиданностей" были различными. Это мог быть отказ принимать очевидные факты, либо ссылки на их преходящий, случайный или внесоциальный характер (например, голод, административные ошибки, революционную пропаганду из-за границы или пагубное влияние всех инородцев, которые воспользовались поражением в войне, чтобы воздействовать на структуру подлинно русского, монархического общества). Вместе с тем новизна и противоречивый характер реальных фактов могли побуждать к частичному пересмотру и исправлению тех элементов анализа, которым противоречили некоторые особенно вопиющие факты, не ставя, однако, под сомнение фундаментальные теоретические объяснения прошлого. Именно этот подход отражен в нарисованной Каутским картине внутренне противоречивой революции, "которая по своей природе должна и может быть только буржуазной, однако происходит в период, когда в остальной Европе возможна только социалистическая революция"¹. Эта линия анализа получила дальнейшее развитие у советского историка данного периода Панкратовой. Она определила революцию 1905—1907 гг. как ожидаемую буржуазную революцию с добавлением своеобразия, связанного с конкретной эпохой, т.е. с

"поправкой", которую Панкратова выразила как специфику точки отсчета на временной шкале, а именно, что это была первая революция подобного рода в эпоху империализма и поэтому она была "массово-демократической" по форме². Однако и эта исследовательница последовательно сохранила первоначальную концепцию, сложившуюся еще до революции 1905 г. Так, предложенное ею линейное уравнение приравнивает состояние, достигнутое Россией в 1904 г., к состоянию Германии середины XIX в. (имеется в виду, конечно же, 1848 г.). Крайней формой таких попыток сохранить ортодоксальность и преемственность теории, признавая в то же время неожиданные факты, можно считать извилистую и невольню смешную форму анализа превращений социал-демократических аграрных программ 1903—1917 гг., предпринятого Дубровским: "Поскольку крестьянское революционное движение в 1905 г. вполне подтвердило... [взгляды и политику партии большевиков. — Т.Ш.] ...конференция, состоявшаяся в декабре 1905 г., приняла решение о желательности изменить аграрную программу..."³

Третий возможный вариант состоял в том, чтобы считать отклонения от ожидаемого не исключениями и поправками, а признаком того, что социальная реальность последовательно и систематически отличалась от используемых концептуальных моделей. В нашем случае это означало признание особой природы того, что впоследствии получило название "развивающихся обществ" как типа структуры общества и того факта, что Россия явилась носителем его основных черт, которые впервые проявились в полном масштабе во время революции 1905—1907 гг. Крестьянский радикализм, радикальный и "социальный" национализм, сила и независимость государственного аппарата, значительность государственной экономики, важность альтернативных источников власти и общественной мобилизации широчайших масштабов, политическая слабость буржуазии.

особо важная роль интеллигенции, армии и революционных движений, специфическое международное положение страны, ее так называемое "отставание" — все это можно более реалистично рассмотреть и исследовать заново, если исходить из новых теоретических посылок. Этот подход позволяет также поместить несомненный революционный потенциал и тенденции, продемонстрированные российским промышленным рабочим классом начала XX в., в определенный исторический контекст, создаваемый данным этапом развития и данными социальными условиями, а не рассматривать их как абсолюты, — одна из серьезнейших тактических ошибок III Интернационала и СССР в 1920—1930 гг., приведших к ужасным результатам во многих странах, в первую очередь, в Германии. Этот подход позволяет подчеркнуть особую важность в аналитическом плане мировой системы, структурного неравенства и неравномерного развития в ее рамках для определения природы и способов разрешения революционных ситуаций. Следует думать, что это также наиболее эффективный способ постичь реалии первой русской революции. Чтобы понять Россию на рубеже веков, лучше всего рассматривать ее не как исключение и не как очередной случай общей схемы развития по типу западноевропейского, т.е. как отставший вагон, катящийся по наезженной колее. Россия сразу же становится в гораздо меньшей степени исключением, если сравнивать ее не только с Западной Европой, но и с Азией. Однако ленинское любимое ругательство "азиатчина" в отношении России является, опять же, только частью истины и слишком "узко". В конце XIX в. Российская империя обладала чертами особого, названного так позднее, "развивающегося общества", не признавая себя таковым.

Такой радикальный пересмотр концепции не воспринимается легко и сегодня. Это происходит во многом, без сомнения, из-за власти "теории модернизации" на Западе и сочетания ее с российским эволюционизмом и

национализмом, хотя все большее число интерпретаций в последнее время двигаются в направлении этого взгляда или начинают принимать его, часто скрываясь за иными терминами. Естественно, что все это было еще более неясно современникам революции. В лучшем случае даже самый радикальный аналитик шел на отрицание самонадеянного консерватизма идей и решений, порожденных опытом и теориями XIX в., и признавал особый характер процесса, однако не уточняя, что же это за особый характер и какова его структурная причинность. Это одинаково касалось и "правого", и "левого" крыла. Последнее замечание не означает неуважения к тому поколению мыслителей. Невероятно трудно осуществлять радикальный пересмотр теоретических моделей и концепций наперекор господствующей научной традиции и сложившимся стереотипам. Даже частично новый анализ, сокращавший разрыв между неожиданностями действительности и ее теоретическим обоснованием, давал огромное политическое преимущество тем, кто был способен его понять, особенно к тому времени, когда разразился новый политический кризис. В стране слепых одноглазый становится королем.

2. КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ, ЯРОСТЬ НИЗОВ, ИСТОРИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ

Извлечение политических уроков истории не есть просто логическая абстракция или установление научно объективированной, окончательной и абсолютной истины. Оно всегда пристрастно и состоит из провозглашаемых выводов и молчаливых постижений, из неслучайных интуиций и эмоционально окрашенного выбора. Структурно обусловленное непонимание — "идолы человеческого мышления" Фрэнсиса Бэкона или "фетишизмы" Карла Маркса — также из этого ряда. Характер "извлечения уроков" зависит от уровня близости к центрам политической власти, действия, информации и

мышления. В частности, вряд ли можно говорить об извлечении уроков широкими социальными слоями или группами, т.е. поколениями, полами, этническими единствами и общественными классами — кроме как в обобщающих терминах, которые в немалой степени спекулятивны и условны. Вместе с тем нет сомнений, что драма первой русской революции оказала мощное воздействие на коллективное сознание российского общества и на каждую из его основных составных частей, а не только на главных политических актеров. Это особенно важно, потому что, когда в 1917 г. — всего лишь десятилетие спустя — началась следующая революция, воспоминания о первой революции все еще были свежи в памяти большинства взрослого населения России и непосредственным образом повлияли на их поведение.

Очевидно, что бурные эпохи оставляют в памяти людей более яркий и глубокий след, чем мирные и спокойные времена. По словам Марка Блока "мирная преемственность социального существования менее благоприятна для передачи памяти". Он также сказал в отношении историков, что "хороший катаклизм служит лучше нашему делу"¹. Драматический исторический опыт прочно откладывается в памяти, порождает модели и представления, особые когнитивные связи, некий *Zietgeist* ("дух времени"), непосредственно объединяющий всех его участников в политическое поколение. Ядро такого политического поколения, как правило, складывается из той возрастной группы людей, которые в момент, когда политическая буря обрушилась на страну, были еще достаточно молодыми, но зрелыми, либо, что еще важнее, сформировались в своих политических представлениях в ходе революционного периода. Подобный возрастной контингент часто представляет только половинный или еще более короткий срок "среднего поколения", скажем, одно десятилетие. Именно это явление отражено в русском названии "шестидесятники" — люди 60-х годов XIX в., т.е. те, которые пришли

к политической зрелости и активности (часто через университет или литературу) в период 1860—1869 гг. Также было названо "хрущевское" поколение России — "шестидесятники" XX в. В особенно бурное, насыщенное политическими событиями время, эти возрастные ступеньки сокращаются до нескольких лет. Так, "восьмидесятниками" называли в России тех, кто определились во время деятельности "Народной воли", особенно в период пика ее борьбы с самодержавием в 1879—1883 гг.² Подобным образом в США и в Великобритании используется термин "sixty-eighters" по отношению к тем, кто был студентом или близким к ним во время событий 1968—1969 гг. В этом смысле для поколения "1905—1907-сятников" опыт революции 1905—1907 гг. нашел свое особое выражение в социальных образах России, в видении ее альтернативных будущих и потенциальных революций или умиротворений. Конечно, эти представления были как положительными, так и отрицательными, потому что, как было замечено, "в ходе революции разбивается столько же надежд, сколько их осуществляется"³. Здесь следует добавить, что это касается и победивших и неудавшихся революций.

Политическая мысль в России последовательно использовала категории этнических групп и социальных классов (или сословий) в качестве базовых единиц социальной классификации, самосознания и анализа. Эти характеристики фигурировали и в законодательстве, и в паспортах, и в правительственных проектах, и в требованиях оппозиции. Прежде чем заняться оценкой важности этих категорий для нашей темы, попробуем рассмотреть некоторые альтернативные принципы разграничения.

Выше уже упоминался возрастной признак. Крупное исследование "крестьянских волнений" 1905—1907 гг. выявило ряд случаев, когда в деревнях старики и женщины вместе выступали против, а временами и предотвращали погромы помещичьих усадеб⁴. Одновре-

менно отмечалась особая воинственность молодых мужчин в деревнях. В книге «Россия как "развивающееся общество"» мы рассмотрели, как различия в сознании и поведении возрастных групп определялись социальными характеристиками семейного хозяйства и деревенской жизни⁵. "Старики", которые часто были способны определять коллективные действия села, были, без сомнения, не "пожилыми" деревенскими бедняками или бобылями, но главами дворов (большаками), а "молодежь" в основном была холостой и находилась в зависимости у глав домохозяйств, к которым принадлежала. Однако эти различия в поведении и реакциях не полностью определяются принадлежностью к той или иной социально-экономической категории или степенью обладания реальной властью, потому что зависимость политического сознания от факта принадлежности к возрастному слою имела также свою собственную логику⁶. Те, кому было шестьдесят, когда началась первая русская революция, выросли при крепостном праве и были свидетелями долгого и неколебимого правления Николая I, освободительной реформы Александра II и контрреформ Александра III⁷. Для этого поколения воля царя была непререкаемой, от нее зависела и преемственность, и любые коренные изменения. Молодое поколение знало обо всем этом только понаслышке. У них на глазах совершались все многочисленные социальные перемены 1890-х годов, они были более грамотными, были больше связаны с городами и более подвержены влиянию политических диспутов и пропаганды, особенно той, которую вели сельские учителя и земские деятели. Тем, кому в 1905 г. было от 15 до 25 лет, в 1918 г. исполнилось, соответственно, от 28 до 38 лет. К этому времени многие уже успели отслужить в армии, стали главами дворов, т.е. вошли в ядро общинного схода. Основными уроками, которые они вынесли из опыта революции 1905—1907 гг., была враждебность царизма к их основным требованиям, жестокость армии и "влас-

тей", а также их собственная отчужденность от "своих" помещиков и городских "средних классов".

Мы сравнительно мало знаем о "поколении" рабочих 1905—1907 гг., но здесь важно отметить, что когда поднялась следующая волна политической борьбы в 1912—1914 гг., обозначился раскол между старыми профсоюзными активистами, поддерживавшими в главном меньшевиков, и молодыми людьми, которые во время первой революции были детьми и подростками (причем это часто были сельские мигранты, только что приехавшие из деревни). Молодые мужчины в большинстве своем поддерживали большевиков и эсеров⁸. Именно благодаря их поддержке большевики сумели упрочить свое влияние на петербургских заводах и фабриках в 1912—1917 гг., что стало решающим фактором в событиях рокового 1917 г. Можно по разному гадать о причинах этого влияния, однако важно отметить, что опыт поражения и разочарований 1905 г., массовая безработица 1906—1910 гг. и зрелище неудачных попыток социалистов удержать свое организационное влияние в период "спада" мало значили для этой группы. Они жаждали бросить открытый вызов политике "малых дел" и связанным с ней настроениям, которые революционеры обзывали "ликвидаторством". Их увлекали мечты о революции и не тяготили раздумья и опыт, связанные с ее поражениями в 1905—1907 гг.

Для характеристики интеллигенции и особенно немногочисленной политической элиты партийного руководства определенные воздействия революции 1905—1907 гг. на возрастные группы могут быть более четкими и индивидуализированными. Как показывают сравнительные исследования, возраст и идейные позиции находились здесь в связи друг с другом⁹. Лидеры кадетов в период 1905—1907 гг. в основном были несоциалистическими и неревOLUTIONными "восьмидесятниками", которые, находясь в оппозиции к политическому режиму, отмежевывались также и от "Народной воли". Они

сформировались в период контрреформ Александра III и под воздействием борьбы за сохранение автономии общественных институтов (земств, университетов, профессиональных союзов, судов присяжных и т.д.) от государства. Кроме небольшой группы бывших членов "Освобождения труда", лидеры социал-демократов в основном вышли из поколения 1890-х годов — это было время промышленного бума, который последовал за голодом 1891 г. Небольшая выборка среди руководства партии эсеров, приведенная Эммонсом в его исследовании, показывает наличие двух поколений: уцелевшие "семидесятники", которые "ходили в народ" (и вернулись из ссылок), и гораздо более молодые силы, которые влились в движение уже в начале XX в. Что касается интеллигенции, особенно тех, кому не было еще 20 лет в 1905 г. и, соответственно, 20—30 с небольшим в 1917 г., влияние политических идей и лидеров на них также часто коренилось в коллективных воспоминаниях о первой революции, реальных или мифологизированных. Говоря словами Пастернака (который родился в 1890 г. и был, соответственно, примерно на 20 лет моложе Гершуни, Струве, Ленина, Мартова и Жордани):

Этот мрак под ружьем
Погружен
В полусон
Забастовкой.
Эта ночь —
Наше детство
И молодость учителей¹⁰.

В иерархическом и репрессивном российском обществе женщины находились на самых нижних ступеньках каждой из общественных категоризаций. В первой российской книге о правилах хорошего тона — "Домострое", появившейся в XIV в., битие жены провозглашалось необходимым и добродетельным. К концу XIX в. женщины-дворянки должны были проявлять дворянское достоинство. Купеческие жены должны были быть

хозяйственными и услужливыми, не имея дворянских прав, не имея законного доступа к купеческим капиталам и собственности, а крестьянки должны были трудиться не покладая рук, не имея права голоса на общинном сходе. Неформальные взаимоотношения несколько выравняли это положение, однако фактическое неравенство русских женщин было глубоким. Революция 1905—1907 гг. обострила и проявила эти проблемы. Среди образованных российских женщин возникло движение аналогичное движению "суфражисток" на Западе, и их организация вошла в "Союз Союзов", но просуществовала недолго. Крестьянские женщины в некоторых деревнях также пытались объединяться, однако это были отдельные случаи и организации эти быстро распадались. В целом социальные механизмы дискриминации по полу остались нетронутыми, и сугубо женские выступления были редки. Большинство женщин, участвовавших в политической борьбе, шли за своими мужьями и подчинялись их вожакам. Мы уже упоминали многочисленные свидетельства об особом нежелании части крестьянских женщин идти против властей — это был консерватизм угнетенных, коренящийся в реалистическом пессимизме относительно результатов антиправительственных выступлений, в ограниченности политического и интеллектуального кругозора и в элементарной неграмотности. Что касается категории городских наемных рабочих, женщины в основном работали как прислуги, вне профессиональных союзов, в то время как среди работников металлургии и на железных дорогах, которые тогда играли центральную роль в политической борьбе, женщин совсем не было.

Реформы 1905 г. практически ничего не дали российским женщинам; они не получили избирательного права, не были изменены дискриминационные законы наследования и развода. В российских политических партиях, начиная с 1870 гг., был ряд женщин, как

рядовых членов, так и руководителей. Однако в период 1905—1907 гг. не сложилось никаких долговременных организаций или моделей борьбы за особые феминистские цели, что, соответственно, оказало значительные воздействия на цели, природу и социальный состав политических организаций и в 1917—1921 гг. Принадлежность к социальным низам не обязательно вызывает социальный протест и даже не обязательно порождает мечты о социальной справедливости. И вовсе не обязательно она означает умение извлекать политические уроки из революционной ситуации. Из революции 1905—1907 гг. не было извлечено никакого особого "женского урока", по крайней мере явно¹¹.

* * *

Революция 1905—1907 гг. усилила политические выражения этнических различий внутри Российской империи. Старое недовольство и новые обиды разгорались по мере того, как угасали надежды на мирные договоренности или компромиссные решения. Это обострение отношений выразилось, во-первых, в отношениях между русскими и нерусским большинством населения империи. На западной и южной "окраинах" воспоминания о национальных восстаниях и об их кровавых подавлениях российской армией и государством усиливали стремление к автономии или независимости. Похоже те, кто утверждал невозможность выхода из Российской империи путем открытой борьбы против нее, оказались правы, однако они идеологически и нравственно попали в положение людей, призывающих к "сохранению иностранного ига", которое еще раз продемонстрировало свою жестокость. Репрессии, достаточно резкие по отношению к русским "бунтовщикам" в 1905—1907 гг., были еще жестче по отношению к нерусским подданным. Испуганное мятежами правительство пошло кое-где на попятную. Однако, восстановив свои позиции, оно бесцеремонно аннулировало многие уравнительные реформы или даже более ужесточило свою

политику, направленную против нерусского населения¹². Стремительно, одно за другим, последовали резкое сокращение представительства "окраин" в Думе, новые шаги, отменяющие автономию Финляндии как и официальная русификация Холмского уезда (который ранее был частью "десяти польских губерний"). Все национальные меньшинства жили в постоянном страхе произвольного ущемления их прав. Достижение национальной независимости все более казалось единственным способом защититься от "громилы", отгородившись от него государственной границей. Для тех "меньшинств", которые казались слишком малочисленны, как латыши, или были слишком разбросаны по всей стране, как евреи, или же слишком опасались иных соседей, как грузины, чтобы в то время добиваться независимости, основным требованием стала автономия и равенство перед законом. Эти требования сочетались с особой взаимной симпатией или терпимостью националистов окраин и самых радикальных политических организаций России из-за сближавшей их непримиримой анти-самодержавности, антишовинизма и "пораженческой" позиции в войнах.

Что касается общественного мнения российских верноподданных монархистов, широкое участие нерусских в революции усилило их ксенофобию и убеждение относительно нелояльности национальных меньшинств. Приведенный выше анализ Сухотина являлся хорошим примером подобных взглядов¹³. Народные же их выражения были куда более грубыми и резкими. Единую и неделимую Россию надо было удерживать силой, борясь с природной склонностью к предательству у евреев, поляков, армян, финнов, сартов (коренное население Средней Азии) и т.д. Даже старые славянофильские мечты XIX в. о славянском союзе против всего остального мира были теперь отброшены горластым шовинистическим лагерем в России, чьи связи с правительством и с царским двором никто не скрывал. Для всех них.

чтобы обеспечить будущее государства, Россию необходимо было русифицировать. Единственными вопросами были вопросы времени и способов искоренения всех "чуждых" культур.

Еще одним уроком революции стала конфронтация между различными националистическими движениями нерусских народностей, а также между националистами и социалистами "национальных окраин". В дни революции различия в целях и взглядах из предмета дискуссий превратились в насущную политическую проблему, на повестку дня встал вопрос действительного контроля над территориями, ресурсами и людьми. Соответственно возрос и накал борьбы. Это стало особенно заметно на примере десяти польских губерний. Пока конфликт еще не достиг максимального напряжения, различные антицаристские силы сотрудничали или, по крайней мере, игнорировали друг друга. Но ситуация изменилась, когда началась революция 1905—1907 гг. Национальные демократы в тесном союзе с католической церковью и некоторыми промышленниками повели беспощадную борьбу, выражавшуюся в политической конфронтации и физическом насилии против чужаков (особенно против еврейского Бунда), как и против непатриотичных и безбожных польских социалистов из СДПК и ППС-левицы. Польские националистические движения и расколы, возникшие в этих битвах, сыграли важную роль в следующих десятилетиях и особенно в Первой мировой войне и возникшей после нее Польской республике. То же самое касается прибалтийских губерний, Кавказа, Украины, поволжских губерний, и т.д.

Два других "национальных" урока, вызванных событиями первой русской революции, менее очевидны, однако, в конечном счете, столь же важны. В общественном сознании России отпечатались определенные взаимозависимости этнической принадлежности и классовой принадлежности, а также отношения к революции или, по крайней мере, их основные стереотипы:

евреи—интеллигенция—социалисты, поляки—мелкое дворянство—националисты, латыши—батраки—социал-демократы и т.д. Конечно, было достаточно исключений из этих национально-классовых моделей поведения. Так, еврейские ремесленники принимали столь же активное участие в революции, как и еврейские студенты; среди поляков было много промышленных рабочих с сильными марксистскими убеждениями и т.д. Укоренившаяся убежденность в существовании определенных взаимозависимостей должна была оказать в будущем влияние как на поведение и взгляды "меньшинств", так и на верноподданных чиновников и офицеров.

Наконец, вожди и участники "всероссийских" революционных движений самой России также извлекли определенные политические уроки из тактического опыта борьбы. Большинство ортодоксальных марксистов и радикальных народников в РСДРП и партии эсеров не сомневались, что у пролетариев различной этнической принадлежности в России есть общие интересы. Поэтому казалось естественным создавать всероссийские партии, включающие всех собратьев по интересам и по идее в России. Однако, несмотря на серьезные усилия и длительные переговоры во время революции 1905—1907 гг., этого произошло лишь частично.

Формально латышские и польские социал-демократы, а также еврейский Бунд вошли в РСДРП, однако фактически все они сохранили свои собственные организации. Грузинские социал-демократы, в основном меньшевики, сохранили свое идейное своеобразие, так и не приняв полностью взгляды руководства всероссийской организации, даже во фракции меньшевиков. Украинские эсеры действовали независимо от партии социалистов-революционеров и т.д. Кроме того, все фракции имели сильную региональную и этническую окраску. Например, в рабочей среде большевики пользовались особым влиянием у русских на Урале и в Санкт-Петербурге, меньшевики — у грузин, евреев и

украинцев на Юге. В партии социалистов-революционеров состояли в основном русские, особенным влиянием она пользовалась в Поволжье, однако она также имела сильный еврейский компонент, особенно в Западных губерниях и в своей "Боевой организации", осуществлявшей теракты. Дальновидные лидеры, конечно же, учитывали такие политические факты жизни в своих расчетах. Это в свою очередь усиливало дальше существующую этническую окраску организационных форм, самоотбора и взаимоотношений кадров политических активистов.

* * *

Если говорить о главных общественных классах, для российских промышленных рабочих, железнодорожников и ремесленников годы после революции стали временем депрессии и кризиса. К 1906 г. безработица достигла отметки в 300 тыс. человек (более 10%), оставалась высокой и далее. Массовые аресты шли рука об руку с локаутами, организуемыми союзами промышленников в крупных городах. Требования рабочих систематически отвергались и они вынуждены были отступить со многих завоеванных ими в 1905 г. позиций. Тюрмы, ссылки и "черные списки" обезглавили рабочих, удалив наиболее политически активных ее членов. Многие по старинке стремились скрыться от безработицы и преследований в родной деревне или уходили в другие города, стараясь пересидеть плохие времена.

Однако, когда революционная волна спала, стало ясно, что некоторые из ее завоеваний остались. Октябрьский манифест 1905 г. узаконил профсоюзы, и целый их ряд был создан и продолжал работу, несмотря на постоянное вмешательство и травлю со стороны полиции. В Думе оказалось небольшое парламентское представительство депутатов от "рабочей курии". Выходило несколько рабочих газет. Правительство наконец приняло закон о страховании и пенсиях для промышленных рабочих и предоставило самим рабочим возможность выбирать

своих представителей в руководство страховых касс, что походило теперь более на политику Бисмарка, чем на стратегию Зубатова начала столетия¹⁴.

Самым непосредственным уроком, извлеченным рабочими из революционной борьбы, было более ясное осознание ими своей силы, своих возможностей и своих слабых мест. Они смогли остановить жизнь страны, но ничего не могли поделать против армии или долго удерживать свое преимущество в борьбе с полицией и своими хозяевами. Государство было их противником — обещания полного гражданского равенства оказались притворством. Городские "средние классы", особенно "образованные" либералы из оппозиции, умели красиво говорить, однако в ходе настоящей схватки, начиная с ноября 1905 и по январь 1906 г., а также и позднее, начали с враждебностью относиться к требованиям и активности рабочих. Только активисты социалистических партий и радикальная интеллигенция в "Союзе союзов" остались непоколебимыми и разделили вместе с рабочими горечь поражения.

К 1912 г., когда после жестокой реакции начался новый рост рабочего стачечного движения, он был связан с экономическим подъемом 1910—1914 гг., в результате которого число городских рабочих быстро увеличилось на $\frac{1}{3}$, сократилась безработица и усилился отток из деревни в город¹⁶. И снова политическим выступлениям рабочих предшествовали студенческие демонстрации и голод на селе. Эти выступления были спровоцированы очередным проявлением жестокости правительства — Ленским расстрелом забастовщиков в 1912 г. В ответ по всей стране прокатилась волна забастовок солидарности. Также множились "экономические" забастовки с требованиями повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, и т.д. Под влиянием полицейских репрессий многие забастовки превращались в политические. В 1913 г. число забастовок удержалось на высокой отметке, а в первой половине 1914 г.

приблизилось к уровню 1905—1907 гг.¹⁷ Однако на этот раз рабочее движение не объединилось с другими городскими движениями и было встречено "либеральным общественным мнением" скорее настороженно, чем с восторгом и энтузиазмом начала революции 1905—1907 гг. Кроме того, на этот раз рабочее движение имело явную антиправительственную направленность. Помимо забастовочной волны его основным выражением был переход легальных рабочих организаций, т.е. профсоюзов и рабочих касс, из рук сторонников компромисса в руки более воинственных и агрессивных руководителей. Отмечался резкий поворот рабочих от меньшевиков к большевикам и эсерам и даже к еще более "левым" группам. Так во время забастовки 1914 г. большевистский комитет Санкт-Петербурга оказался "правее" более радикальных "диких" активистов, которые отвергли призыв комитета к прекращению забастовки. В недавно вышедшей работе Хаимсона, — хорошо документированном исследовании социального состава рабочего движения, сделан вывод, что этот политический сдвиг обозначал победу молодых рабочих и недавних выходцев из деревень (в противоположность стандартной трактовке в советских учебниках, в соответствии с которой эти изменения свидетельствовали о радикализации "потомственных" городских рабочих).

Социально связанные с рабочими, но ведущие иную борьбу, российские крестьяне получили от революции 1905—1907 гг. более ощутимые результаты, чем все остальные социальные слои и группы, принимавшие в ней участие. По городским рабочим ударила безработица. Те, кто боролся за республику потерпели полное поражение, либеральная мечта о парламенте осуществилась в карикатурной и бессильной III Думе. Российские крестьяне не получили всей земли, за которую боролись, ни всех требуемых ими свобод, однако арендная плата была снижена и заработки сельскохозяйственных рабочих, большинства крестьян, возросли²⁰.

Кроме того, государство аннулировало "недоимки". Тот факт, что помещики, напуганные революцией, стали срочно распродавать свои земли (за пару лет они распродали около $\frac{1}{3}$ своих владений в семи самых мятежных губерниях)²¹, позволил значительному числу крестьянских дворов и общин обзавестись новыми угодьями. Эти значительные продажи не привели к падению цен на землю в основном из-за широкомасштабных покупок государственного Крестьянского банка, однако продажа банком земли крестьянам резко возросла, начиная с 1906 г., конечно, прежде всего, к выгоде наиболее богатых крестьян, но не только их одних²². Наблюдался рост сельскохозяйственного производства, а также цен на сельскохозяйственную продукцию. Государство финансировало расширение сельскохозяйственного производства, колонизацию новых земель и т.д. Что самое важное, власти извлекли политический урок из крестьянских бунтов во время революции и имели теперь представление об их гневе, их потенциальных сильных сторонах и о пределе их терпения, урок, который прочно врезался им в память. Несмотря на то, что великие надежды революционных дней не оправдались, произошел также важный скачок в крестьянской самооценке, который сыграл свою роль в дальнейших событиях²³.

Основным практическим выводом оставался тот факт, что несмотря на мечты двух и более поколений, царь не собирался даровать новые земли в ходе "второго освобождения". Стало ясно также, что он не спаситель и не защитник крестьян от чиновников и помещиков; крестьяне не забыли карательные экспедиции, порки и ссылки 1906—1907 гг. Что касается земли, ее можно было либо взять, либо купить. Оказалось, что ее нельзя взять — мощь государства была непреодолима. Самые активные пытались теперь наскрести средства на покупку земли или получить ее после переселения. Другие же начали продавать свою землю, когда становилось ясно, что ее недостаточно и никак нельзя увеличить, все

это конечно, в той степени, в которой они могли найти другие источники дохода.

В то же время столыпинская реформа — главный ответ правительства на революцию — встретила упорное сопротивление во многих крестьянских общинах. В большинстве общин были некоторые крестьяне, которые могли бы получить выгоду от реформы и пытались использовать ее. Однако лишь в редких случаях община разрешала выход из нее или сход выносил решение о приватизации всей земли. Причем как правило эти решения были приняты под прямым нажимом властей²⁴. Желание местного чиновничества выслужиться перед начальством, продемонстрировав быстрое выполнение его воли, было теперь основной движущей силой реформы, а сопротивление крестьянских общин — основным тормозом. Большинство крестьянских дворов отказывались верить, что "выдел" без расширения земельного надела и без значительных вложений мог бы улучшить их положение и они были правы. В то же время разрушение общины лишило бы их даже той защиты и поддержки, которую она давала. Как говорили сами крестьяне: "Если нарушить общину, нам и милостыню не у кого попросить будет"²⁵. К реформам они часто относились "как к чуме"²⁶.

* * *

Выражение "народ" часто употребляли в России как синоним крестьянства. Оно почти совпадало с историческим российским правовым понятием "тягловых классов" (в отличие от "служилых")²⁷, либо просто имелись в виду те, кто постоянно занимался физическим трудом. И в том, и в другом случае крестьяне составляли подавляющее большинство этой категории. Те, кто пользовался этим термином, обычно подразумевали коренное различие между привилегированными обитателями России и ее плебейскими массами — человеческой массой производителей, солдат, слуг и т.д. Иностранцы, особенно неславяне, просто исключались из такой категоризации.

Мы уже говорили о различиях между российскими рабочими и крестьянами в их целях, политических позициях, вождях и союзниках в 1905—1907 гг. Эти различия были значительными, однако из-за них основополагающие связи между рабочими и крестьянами и их сходство не исчезали. Большинство российских рабочих были крестьянами по происхождению и по сословию. Огромная часть их была рабочими в первом поколении. В 1905 г. не менее половины наемных рабочих-мужчин имели землю и часто возвращались в деревню, чтобы помогать убирать урожай или просто навестить семьи, которые продолжали жить в деревне²⁸. Большая часть вела холостяцкую жизнь в бараках в городе, либо имели жен и детей в деревне, либо, женившись, собирались вернуться в деревню и снова обосноваться там, т.е. "окрестьяниться". Вместе с тем шел постоянный поток молодых крестьян в город, особенно во время экономических подъемов. По своему языку, образу жизни и внешности промышленный рабочий отличался больше от других городских групп, чем от своих деревенских родственников. Именно это делало плебейские низы социальной реальностью в России: не столько сходство между рабочими и крестьянами, как глубина общего отличия от среднего и высшего классов, как бы они ни определялись.

Опыт революции 1905—1907 гг. еще четче обозначил эти сходства и различия. Отношение рабочих к городским средним классам стало более враждебным, вера крестьян в царское правительство была подорвана. Прячась в свои "раковины" под натиском наступающей реакции, крестьяне и рабочие встречали там друг друга. "Психологическая дистанция", которая разделяла рабочих Петербурга от образованного привилегированного общества²⁹, была справедлива также и для крестьян. Вместе с тем вековое крестьянское недоверие ко всем чужакам вполне разделялось рабочими и в 1906—1907 гг., и позднее. В 1914 г., прямо перед войной, круп-

ная столичная газета Петербурга писала о том, что армейские и полицейские отряды с примкнутыми штыками патрулировали пустынные городские улицы с покосившимися фонарями, вырванными телеграфными столбами, бастующими фабриками промышленного Петербурга, где кипел "страшный гнев", и в то же время в центре города продолжалось "обычное движение, обычная жизнь и извозчики как всегда"³⁰. Рабочие также знали об этом. Очевидно, что в российских деревнях и городах не только земля, зарплата и нищета были насущными вопросами, но было и резкое деление общества на "мы" и "они". "Они" — это были государство и дворянство, помещицы усадьбы и богатые кварталы городов, мундиры, шубы, очки в золотой оправе и даже правильная литературная речь.

Много споров велось по поводу того, почему же "белое дело" потерпело поражение от красных, у которых, по крайней мере в самом начале, не было ни опыта управления, ни регулярной армии, ни иностранной поддержки, ни нужного вооружения, ни международного признания. Вожди старой России, социалистические конкуренты большевиков, а также иностранные специалисты были уверены, что красные не продержатся дольше нескольких недель. Их победу объясняют самыми разными причинами, начиная от глупости их врагов и поразительной организованности ленинской партии до географии (центральное положение Москвы и размеры страны) и ошибочной военной тактики белых генералов. Все эти, пусть правильные соображения, не учитывают того факта, что гражданская война в решающие периоды велась не между членами партии большевиков и офицерами-монархистами, а между армиями, в которых обе эти группы составляли меньшинство. В условиях гражданской войны лояльность этих армий не могла приниматься как само собой разумеющееся и поэтому именно она становилась одним из решающих фактором, определяющих исход борьбы. Также важна

была способность мобилизовывать ресурсы, необходимые для военных действий: еду и фураж, лошадей и рабочие команды, боеприпасы, обмундирование и даже лапти, которые еще приходилось носить тогда русской пехоте. В основном мобилизация людских и материальных ресурсов проводилась насильно, однако вопрос всегда состоял в том, сколько может быть получено без прямого насилия, как много усилий потребует затратить, чтобы получить остальное, и сколько в результате окажется в распоряжении командования армией.

Несмотря на жесткие методы и суровые наказания "белые" не сумели мобилизовать достаточное количество солдат. Несмотря на частые мятежи и массовое дезертирство, красным все же удавалось набирать достаточное количество рекрутов, чтобы обеспечить победу³¹. В решающие дни это соотношение оказалось 1:5, т.е. один "белый" солдат против пяти "красных". По многочисленным свидетельствам, белогвардейские полки действовали в основном как завоеватели, а по мере их продвижения по Украине, Югу России и Сибири, у них в тылу вспыхивали и разрастались восстания. Военный историк белой армии назвал их "волной восставших низов"³². Анархисты, многие сторонники эсеров, "зеленые" банды взбунтовавшихся крестьян и т.д. в решающий период 1918—1919 гг. воевали в основном с белыми, а не с красными. Причину этого назвал так в своих мемуарах генерал А.Деникин: "...ненависть, накопленная в течении столетий, горечь трехлетней войны и истерия, порожденная революционными лидерами". Он также описал свои собственные наблюдения, которые сделал, проезжая инкогнито по революционной России: "Теперь я был просто "буржуй", которого толкали и ругали — иногда злобно, иногда так — походя, но на которого по счастью не обращали никакого внимания. Теперь я увидел яснее подлинную жизнь и ужаснулся. Прежде всего — разлитая повсюду безбрежная ненависть — и к людям и к идеям. Ко всему.

что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже неодушевленными предметам — признакам некоторой культуры, чужой или недоступной толпе"³³.

Он упустил, что в гражданской войне эта ненависть и чувство отчуждения были взаимными. Пленники исторической логики этой войны, Деникин и его коллеги, не смогли, несмотря на все, изменить социальную стратегию своей армии и это определило исход их борьбы. Почти так же неспособны были они вычленить важное звено исторической причинности, которое было менее общим, чем "вековая ненависть", но и менее конкретным, чем "горечь войны", т.е. уроки классовой борьбы, данные революцией 1905—1907 гг. и следовавшие за ней политические перегруппировки. Кроме того, в свете гражданской войны ответ на вопрос о реальном существовании этого межклассового единства "низов" представляется ясным. Именно недоверие и ненависть большинства низов к буржуям и эполетам заставила их в 1918—1919 гг. принять советский режим, хотя и без энтузиазма. В конечном счете именно это определило исход гражданской войны.

Можно документально подтвердить эту сторону российской политической истории, просто перечислив самые стойкие части красных. Решительные, беззаветно преданные и безжалостные отряды, даже когда они малочисленны, играют решающую роль в дни революции. Их список в России 1917 г. как бы воскрешает список групп, социальных и этнических, которые особенно пострадали от карательных экспедиций, ссылок и казней в ходе революции 1905—1907 гг. Кронштадтские моряки и рабочие Невской Заставы сыграли решающую роль в битвах в Санкт-Петербурге (и в 1917 г., и в 1919 г.). Прославилась суровая верность латышских стрелков, которые охраняли Совнарком в Москве в 1918 г. и подавили там левозсеровский мятеж³⁴. Их полковой командир Вацетис, сын латышского крестья-

нина, благодаря силе воли и природным способностям, принятый в царскую Академию генерального штаба, стал первым Верховным главнокомандующим Красной Армии. Много поляков, евреев, латышей состояло в ЧК — достаточно посмотреть на фамилии ее наиболее известных руководителей — Держинский, Менжинский, Урицкий, Уншлихт, Петерс и Лацис. В самые решающие моменты гражданской войны на стороне Красной Армии воевали с особым пылом русские железнодорожники Иркутска и Ташкента, евреи из Минска и Одессы, финны из Выборга, промышленные рабочие Ростова, Харькова, Луганска и Иваново-Вознесенска. Единственной значительной поправкой к перечню 1905—1907 гг. были только что созданные национальные государства: в Польше, Грузии и части Украины национальные самосознания часто оказывались сильнее воспоминаний о революционном прошлом 1905—1907 гг.

Что касается крестьянского большинства населения России и ее плебейских "масс", то в революционные ряды они вступали в основном через службу в Красной Армии. Весь процесс мобилизации был окрашен постоянными шатаниями и изменениями предпочтений и настроений в деревнях. Когда в 1918—1919 гг. крестьяне Юга и Центра России, которых "усмиряли" в 1905—1907 гг., должны были выбрать, на чью сторону им встать, они обычно предпочитали местные отряды "зеленых", которые формировались из их собственной среды. Когда нельзя было уйти туда, или когда страх перед будущим заставляли заново оценивать государственную власть и организацию, они скорее склонялись на сторону красных, чем белых офицеров или казаков. То же самое касается особо важных крестьянских формирований "третьего пути", типа войск Махно. В 1918 и 1919 гг. и для красных, и для белых, самым важным было осуществить мобилизацию, сократить дезертирство и заставить новобранцев воевать, а не разбегаться в ходе первого же боя. К 1920 г. социально-военная карта

гражданской войны изменилась. Красная Армия к этому времени стала массовой и профессиональной. В ней сформировалась прослойка новых, преданных Советской власти командиров и комиссаров в основном из крестьян и некоторых других слоев, угнетенных во времена царизма, для которых новый режим открывал головокружительные возможности подъема на самый верх. Эти новые офицерские кадры — командиры и курсанты Гражданской войны, стали заменять старых революционеров, так же как и кадровых офицеров царской армии, перешедших на сторону советской власти³⁵. Символично, что теперь не "железные латышские стрелки" охраняли Кремль, а курсанты (так же, как символично и то, что именно они подавляли и антоновский мятеж в Тамбове и восстание кронштадтских моряков, которых Троцкий в свое время назвал "гордостью и славой революции", и которые восстали, требуя "свободных, независимых, внепартийных советов рабочих и крестьян, без ЧК и комиссаров"). Однако к тому времени борьба белых и красных в основном закончилась и проявились контуры новой России, которым суждено будет определять ее развитие в течение ближайшего десятилетия.

* * *

Что касается привилегированной России — антонима народных низов и людей, занятых физическим трудом, — опыт 1905—1907 гг. ярко выявил интересы, специфические для каждой из ее групп. Эти интересы часто озвучивались политическими лидерами, официальными лицами, писателями и партиями, к которым мы скоро обратимся. Однако революция затронула также и тех, кто до этого времени не интересовался политикой. Коренными вопросами для помещиков были земля и порядок, для чиновников — порядок, хорошее управление и карьера, для богатых — богатство и доходы, для интеллигенции — правовое государство, общественное представительство и социальная справедливость. При-

чем было само собой разумеющимся, особенно когда дело касалось людей менее искушенных в тонкостях политических программ и идеологий, что при всем желании улучшить жизнь всех социальных групп и категорий, привилегии именно их группы должны были остаться неприкосновенными.

Говоря о привилегированных слоях населения России, революция тяжелее всего ударила по семьям и домоладцам 30—40 тыс. помещиков³⁶. Ухудшение их экономического положения в пореформенный период и как результат — волна "возвращения в провинцию" конца XIX в., антиаграрная политика Витте, постоянные стычки земств с правительством и поражение в войне с Японией, обусловили рост их политических симпатий к конституционализму³⁷. Некомпетентность чиновничества предполагалось преодолеть с помощью участия лучших семей России в политическом процессе. Простой народ (т.е. в основном "их" крестьян) надлежало вести в направлении политической европеизации или же к возрождению их славянских добродетелей, противостоял тем, кто действовал вопреки настоящим интересам России и подрывал авторитет самодержавия. Бюрократическая травля и ссылки их реформистски настроенных лидеров были встречены фрондой российского провинциального дворянства.

Следующий этап русской истории оказался гораздо более тяжелым и тревожным: улицы городов заполнили демонстранты с красными флагами, взбунтовавшиеся крестьяне жгли усадьбы, солдаты отказывались подчиняться своим офицерам. Когда начались выборы в Думу, крестьяне не были готовы идти в своем большинстве за своими помещиками, даже самыми либеральными из них. В то же время, активные земские деятели самого благородного происхождения, которые вошли в партию кадетов, выступив за отчуждение государством в пользу крестьян, хотя и с вознаграждением владельцев части земель в частном владении и, вступив в союз

с опасными бунтовщиками, оказались предателями интересов помещичьего дворянства и царя. Взрыв возмущения, потрясший помещичье "молчаливое большинство", навсегда смел кадетов с ключевых позиций в земствах, таким образом преобразовав и урбанизовав лицо российского конституционализма. В то же самое время правительственный переворот предоставил российским помещикам огромные парламентские полномочия — в III Думе было в два раза больше депутатов от 30 тыс. помещиков, чем от 20 млн крестьянских дворов. III и IV Думы, где преобладали депутаты от помещиков, были такими же консервативными, националистическими, монархистскими и апатичными, как и тот класс, который их избрал. Когда в деревне восстановился мир, готовность помещиков вступать в союз с "Черными сотнями" или безоговорочно поддерживать государственных сановников резко упала, но вместе с тем они не вернулись и к своим фрондистским настроениям 1903—1904 гг. Национальные вожди помещиков теперь стали партикуляристами и консерваторами. Политическая воля помещичьего дворянства в основном ограничивалась заботами о собственном благополучии и процветании.

Для сановников и среднего звена чиновников и офицеров, первым побуждением после бунта было восстановление "порядка", т.е. послушание царским властям. Один за другим подавлялись очаги сопротивления. Сила была выбрана основным методом. Реформы рассматривались в главном лишь как средство умиротворения и когда это было удобно, о них часто забывали³⁸. Правительственный переворот 3 июня 1907 г., направленный против собственных законов и вопреки твердым обещаниям царя, продемонстрировал эти черты государственной политики, но также и дилеммы, которые в связи с этим возникли. Одни неотложные проблемы можно было решить с помощью силы, однако другие — причем более существенные — в результате оставались неразрешен-

ными. Задачей бюрократии являлось управление, и вопрос заключался в том, как продолжать управлять государственным аппаратом, который только что продемонстрировал такую вопиющую неспособность справиться с возложенными на него задачами. Самые способные государственные лидеры России осознали, что решение вопроса и путь к достижению устойчивой и долговременной стабильности государства заключается в капитальном ремонте всего государства и общества — в "революции сверху". Таким же последовательным и так же эмоционально обусловленным опытом революции 1905—1907 гг. было бюрократическое и консервативное стремление большинства государственных чиновников ничего не менять, а просто убрать с глаз долой или сместить с должности тех, кто говорит о проблемах и призывает к переменам, как и радикальных социалистов, так и радикальных монархистов, конституционалистов и слишком умствующих государственных чиновников. Сила консервативного направления была обусловлена не только всей структурой и системой подготовки государственного аппарата, но также его связями с помещичьим дворянством и растущим недовольством царского окружения парламентскими экспериментами. В результате победу одержали консерваторы. Поэтому для государственного аппарата большая часть послереволюционного десятилетия прошла под знаком "свертывания" реформ³⁹. Это означало поражение радикального импульса в среде части высшего чиновничества и растущее смятение тех, кто возлагал на него надежды.

Что касается рядовых чиновников и кадровых военных, то революция выявила их лояльность, солидарность и сформировала, как и у помещиков, их более четкие представления о врагах. Их внутреннее недоверие и глубокая антипатия к евреям-инородцам, армянам-смутьянам, студентам-бунтовщикам, мятежникам-рабочим, крестьянам-варварам и нерусским националистам углубились, а также зародилась новая нена-

висть к политикам, журналистам и ученым. Слово "политик" стало новым ругательством для государственных чиновников и офицеров, включая тех майоров и капитанов, которые, став генералами и адмиралами, возглавят белое движение в 1918—1920 гг. Перечень тех, против кого были направлены репрессии со стороны белой армии, во многом обусловившие поражение белого дела, столь же показателен, как и состав Красной Армии — двух лагерей классовой ненависти, и так же явно вытекает из опыта революции 1905—1907 гг. Пу-галами, жертвами и — часто по необходимости — врагами белого дела были не только большевики, но и все социалисты, многие конституционалисты, все евреи, поляки, армяне и грузины, украинцы, боровшиеся за независимость, "иногородние" Дона, рабочие Ростова, Харькова, Одессы и Иркутска, "зеленые" крестьянские отряды по всей России. То же самое касалось почти всех "политиков". В дни мартовского наступления на Москву в 1919 г., в Екатеринодаре — временной столице деникинской армии — "на дверь" было указано как крайне правому Гурко, так и бывшему эсеру, врагу большевиков Савинкову. Попытки расширить политическую базу белого дела стали предприниматься только тогда, когда уже было поздно, когда поражение было окончательным и очевидным для всех — в последние дни Колчака и накануне поражения Врангеля⁴⁰.

Третью имущую группу в России, помимо помещиков и государственных служащих, составляли московские купеческие династии типа Морозовых, крупные спекулянты, российские воротилы, такие как Путилов⁴¹. Производства, помимо принадлежащих государству и иностранному капиталу, были в основном собственностью купеческих семей, а большинство российских мелких предприятий и кустарных промыслов часто контролировались менее крупными купцами. Плутводство купцов, как основной метод их торговой деятельности, патриархальный домогостроевский уклад их повседневной жизни,

знаменитые купеческие оргии и приступы религиозного неистовства — все это запечатлено в многочисленных байках, анекдотах и повестях. Немногочисленные образованные представители купечества, вроде Рябушинского, Коновалова или Третьякова основывали клубы, выпускали газеты, покровительствовали искусствам и в начале XX в. попытались вывести своих собратьев по классу на политическую арену (что для русских всегда означало ту или иную степень оппозиции правительству). Их попытка была не особенно успешной. К концу 1905 г. даже те российские капиталисты, которые проявляли некоторый интерес к политике, в большинстве отошли от этой эксцентричности и возложили все свои надежды на могущество царя и бюрократический порядок. Их организации в Москве и Санкт-Петербурге сосредоточили свои усилия на борьбе со стачечным движением и защите своих прибылей. Более поздние попытки со стороны некоторых политически настроенных представителей российского капитализма преодолеть политическое безразличие своего класса и защитить некоторое подобие конституционализма также окончились неудачей. Обескураженные этими отказами со стороны буржуазии действовать как класс, активное меньшинство российских капиталистов к 1912 г. сильно полевело, вступая в оппозиционные группировки, "блоки" и масонские ложи. Для массы российских предпринимателей уроки 1905—1907 гг. свелись к тому, что партийная политика не для них, что радикалы опасны, на рабочих нельзя положиться, и что необходимо держаться за свое место в жизни и сосредоточиваться на манипулировании силами порядка — другими словами, чиновничества — к своей выгоде.

Все те, кто так или иначе возвышался над плебейскими массами — землевладением, чином или капиталом, начиная с царских придворных и российских миллионеров, и кончая патриотически настроенными мелкими чиновниками и мелкими торговцами, не забыли кошмар

революции 1905—1907 гг. и свой великий страх перед разорвавшим свои цепи и вырвавшимся на свободу зверем, — лавиной красных флагов, демонстрациями, всеобщими забастовками и горящими усадьбами, крушением респектабельности и уверенности — когда сам мир, их мир, казался на грани крушения. Великий страх перемешивался с ненавистью и с твердым решением больше никогда этого не допустить. Однако был один привилегированный слой в России, который не вполне разделял эти эмоции и ощущения.

Выше уже рассматривались природа, черты и идеологические тенденции российской интеллигенции⁴². Необходимо иметь в виду неоднозначность этой категории, ибо многих российских дворян, чиновников и купцов можно было бы отнести к интеллигенции по их интеллектуальному багажу. Однако основная масса российской интеллигенции обладала своими собственными своеобразными чертами. Прежде всего, их взгляды и настроения были более сложными и неоднозначными. Они также были глубоко моралистичны. Выражая это в идеологических терминах, введенных в обиход самым влиятельным представителем и рупором российской интеллигенции конца XIX в., Михайловским, проблема "правды как истины" была неразрывно связана с проблемой "правды как справедливости". В течение почти целого столетия лучшие представители интеллигенции считали своим долгом способствовать просвещению и эмансипации простого народа. Государственная машина и самодержавное правление вкупе с невежеством, нищетой и бесправным положением народа воспринимались как препятствие "прогрессу" и как зло. Революция 1905—1907 гг. потрясла и удивила интеллигенцию, однако ее большинство не могло, как другие привилегированные слои, однозначно откеститься от революции. Революционную борьбу вела сама интеллигенция, хотя многие ее представители и считали ее утопической или безответственной. Репрессии, казни и реакционная

волна, последовавшая за революцией, были особенно ненавистны интеллигенции и затронули слишком многих друзей и родственников даже тех, кто вообще не интересовался политикой или колебался в своих политических симпатиях. В дни, последовавшие за поражением революции, русская интеллигенция была охвачена настроениями отчаяния — трагические мотивы, декадентская литература, обращение к религии и "поиски новых богов" — многообразные реакции на кровавый конец "дней свободы" и великих ожиданий. Политически активные представители интеллигенции, "сохранившие веру", в основном оказались в тюрьмах, в сибирской ссылке или в эмиграции. (Тем не менее, важно отметить, что начало отступления реакции и оживления политической борьбы в конце 1910 и 1911 гг. было ознаменовано демонстрациями студентов — традиционной ударной силой интеллигенции)⁴³. На другом полюсе находились те представители интеллигенции, которые в результате революции перешли на позиции консерватизма, религии или национализма, окрашенные едкой враждебностью по отношению к революционной мечте русской интеллигенции⁴⁴. Этот взгляд яснее всего выразила книга "Вехи". Один из лидеров конституционализма начала "банкетной кампании" 1904—1905 гг., представитель древнего рода и университетский профессор права Трубецкой, передал суть этого горького чувства возмущения, назвав свойственные русской интеллигенции восхищение простым народом и стремление служить ему "зверопоклонством".

Между теми, кто остался революционером и теми, кто с яростью обратился против них, находилось большинство русской интеллигенции, и на поражение революции они отреагировали, в основном, карьеризмом, субъективизмом, и легализмом. Первые поменяли служение общественному благу на заботу о собственном благосостоянии. Они остепенелись, раздобрели, стали политически покорными и чувствовали теперь вину за сумасшедшие дни своей революционной молодости 1905 г.

Вторые создавали произведения искусства, часто блестящие, и полный экзотики мир богемы. Среди тех, кто не захотел расставаться с надеждами, однако отвергал теперь революционную борьбу, большая группа сосредоточилась на легальности в двух различных смыслах слова. Они пытались использовать законодательную и общественную деятельность для развития социальной помощи, защиты прав личности и общественных организаций. Кроме того, они неустанно разрабатывали и пытались совершенствовать правовой порядок, процесс, который они все больше воспринимали как единственную для России возможность следовать европейскому пути к достижению всеобщего блага. Эти разработки и любовь к юридическим спорам и конституционным дебатам особенно проявлялись в кругу либеральных профессий. Это все чаще противопоставляло их тем, кто в России представлял реальную политическую власть, основной массе населения и сторонникам революционной борьбы. Легализм западного либерального толка, т.е. идея верховенства закона и правового государства противоречила вере российских монархистов, что сила государства заключается именно в том, что царь стоит над законом. Что касается российских народных масс, правовые споры оставляли их равнодушными, если только не вызывали открытого подозрения к сложным фразам и тем, кто их так искусно сплетал. Русские революционеры относились к этой позиции как к дезертирству — многословному пути сдать на милость репрессивному режиму и сотрудничать с ним.

В послереволюционные дни — в предзакатные дни царской России — революционеры в основном занимались перебранками в эмиграции, русская художественная интеллигенция ушла в символизм и в опозитизированный секс, а молодые карьеристы хватали что могли. "Легалисты" не смогли добиться ничего, но загипнотизированные Западной Европой, они так и не смогли этого понять.

3. ОТСТУПЛЕНИЕ В ПРОГРЕСС: КАДЕТЫ И МЕНЬШЕВИКИ

Выводы об уроках, вынесенных из революции лидерами основных политических партий и государственными властями могут быть определены более четко, чем те, которые приняли социальные классы, этнические группы или возрастные когорты России. Взгляды политических элит о революции 1905—1907 гг. в изобилии содержатся в речах, декларациях, книгах и протоколах, относящихся к послереволюционному периоду. В России эти споры никогда не утихали, по крайней мере до тех пор, пока вместе с новой революцией 1917—1921 гг. не пришли новые условия и новые испытания. Для тех, кто выжил и был затем внезапно отброшен в забвение поражением и последовавшей за ним "второй эмиграцией" 1920-х годов, эти споры длились дольше. Выводы, извлеченные из опыта 1905—1907 гг., крайне отличались, конечно, друг от друга. Эти различия относились как к теоретическим позициям соответствующих движений, так и к индивидуальным способностям и складу ума их лидеров. Некоторые заключения были очевидно лживыми и имели своей целью скрыть или поверхностно объяснить непонятные факты. Но помимо целесообразной лжи и полуправд пропаганды, появлялись новые глубокие убеждения и достигалось аналитическое понимание, на основе которого вырабатывались будущие политические решения.

Чтобы получить представление о роли лидеров и их идей, нужно признать не только их значение в политической жизни общества, но также и то, что их влияние не может быть понято само по себе. Политические лидеры играют важную социальную роль в качестве проводников массовых идеологий, но их влияние — это предмет более широкого социального контекста и динамики их политических организаций. Именно этот социальный и политический контекст имел в виду Брехт.

когда сказал, что по большому счету "ведомые ведут ведущих"¹.

Что касается политических организаций, то в России наиболее ярко выраженным водоразделом были различия между государственным аппаратом и всеми политическими партиями, которые ему противостояли. Мощь и бюрократическая природа российского государства определили кажущуюся неограниченной способность выполнять все желания своего повелителя и оставаться непоколебимым перед лицом любой внутренней оппозиции, но по уже обсужденным выше причинам, государство было гораздо менее эффективным, когда дело касалось реформ.

По сравнению с вековой стабильностью и обширными ресурсами государства, партийные организации постреволюционного периода выглядели особенно слабыми и чахлыми. Деятельность большинства из них, даже кадетов, никогда не была полностью разрешена царским правительством. Это означало, что они должны были действовать с молчаливого согласия полиции или же тайно. В подпольные сети революционеров глубоко внедрялись к этому времени полицейские провокаторы, так многие подпольные организации полностью уничтожались в ходе арестов и ссылок активистов. Число членов всех русских политических партий с середины 1907 г. стало резко сокращаться. Качество центрального руководства имело сейчас первостепенное значение для выживания этих партий и их способности возрождаться и снова вступать в политическую битву, когда послереволюционная волна реакции пошла на спад. Политические партии России существенно различались между собой по степени, в которой сохранялись их местные организации. В течении пятилетия 1907—1912 гг. способность к выживанию конституционалистских и социалистических партий, активных в 1905 г., была непосредственно связана с возможностями этих партий действовать легально. Несмотря на быстрый упадок, кадеты

поэтому лучше всего удерживали своих членов, партия эсеров почти вымерла, фракции РСДРП занимали промежуточное положение. Что касается способности к возрождению, то когда в 1912—1914 гг. поднялась новая оппозиционная волна, наиболее эффективными, с точки зрения способности вербовать новых сторонников, оказались большевики.

Обратное влияние "ведомых" на способность лидеров руководить было в период реакции ограниченным, но затем стало быстро расти. Мы уже упоминали политическое влияние радикализации рабочих, особенно в Санкт-Петербурге, в 1912—1914 гг., а также глубоких антипатий "низов" в годы гражданской войны². Исаак Дейчер хорошо назвал последовавшее за ней "реваншем... прошлого над настоящим... восстановлением национальной традиции в революционном обществе"³. Мы можем назвать это также реваншем, в условиях после-революционного общества, последователей над лидерами и их теоретическими конструкциями.

Когда руководители российских политических партий вступило в следующий революционный период 1917—1921 гг., на их точку зрения сильно повлиял опыт и столыпинских попыток "революций сверху" (1906—1911 гг.) и Первой мировой войны, но первоначальным толчком, который сформировал их идеи и определил характер их влияния была революция 1905—1907 гг. В самом общем виде для большинства это означало, как хорошо выразил это вождь меньшевиков в эмиграции Ф.Дан, "регресс... политической мысли"⁴. Но были и те, кто двигался в противоположном направлении, к новому видению, пренебрегая своими теоретическими истоками, и кому суждено было определить правительственные стратегии решающих для России десяти лет, прошедших между 1906—1911 гг. и 1917—1921 гг.

* * *

Быстрее всего "регрессировало" руководство Партии Народной Свободы — кадетов. Исторически кадеты

были представителями хорошо разработанного в полной мере эволюционистского взгляда российских западников XIX в. Им была также присуща ярко выраженная легалистская точка зрения. В условиях России начала XX в. они отказывались называть себя "либералами", и использовали вместо этого термин "конституционалисты", подчеркивая таким образом свое стремление не только к гражданским свободам, определенными всеобщим законодательством, но и к мере социальной справедливости, расширению благосостояния и ограниченным аграрным реформам. На их первом съезде, состоявшемся в середине революционного октября 1905 г., когда все внезапно стало казаться возможным, кадеты приняли решения, которые прозвучали по-республикански и по-революционному. Их тактика была определена броской фразой "никаких врагов слева". Крестьянское восстание, рабочие волнения, антиконституционалистский поворот большинства российского дворянства и сила правительственных репрессий сильно поколебали их уверенность в себе и, начиная со своего второго съезда, состоявшегося в начале 1906 г., кадеты объявили себя сторонниками конституционной монархии и отмежевались от революционных действий. Теперь они стремились стать политической партией в европейском смысле этого слова⁵. Но в их глазах революция, которую они уравнивали с политической эмансипацией и социальной трансформацией, но не с революционным насилием, все еще принадлежала им как природным лидерам "Освободительного Движения". Опыт Западной Европы, на который они так часто ссылались, казалось, доказывал это.

В результате кадеты предпринимали постоянные политические усилия, предлагая свое руководство русскому народу, особенно крестьянам, составлявшим $\frac{4}{5}$ населения. В этом смысле их поражение в I и II Думах привело к следующей стадии отступления от первоначальных позиций. Они все более подчеркивали необходимость по-

степенной эволюции, образования, европейского вида демократизации, правительственных реформ и хотя бы некоторого взаимопонимания между оппозицией и правительством. Их благоговение перед законом было направлено сейчас не только против произвола правительства, но также и против революционных тенденций горожан и аграрного радикализма. Они не отступили от своих программ общественного благосостояния, но перестали доверять простонародью и тому, что всеобщее изобретательное право могло принести в Россию до того, как ее народ станет цивилизованным и образованным⁶. Все это проявлялось с еще большей силой, когда речь шла о деревне. Как сказал об этом позже А.Наумов, один из выдающихся местных активистов, "между партийным руководством и селом лежала пропасть"⁷. У кадетов усиливались "государственнические" тенденции, что означало возвращение к предположениям ранних российских либералов 1860-х годов, таких как Б.Чичерин или К.Кавелин, о нужде иметь сильное государство для любой попытки трансформировать Россию (разумеется, в соответствии со взглядами либералов). Эти надежды, относящиеся к утверждению централизма как "сильной руки либерального правительства", противоречили тому образу, который обычно ассоциировался с либералами Западной Европы. Кадеты все чаще порицали анархистские тенденции народников и социалистический максимализм, как причины печального конца тех ожиданий, которые связывались с 1905 г.

Фракционные деления внутри кадетской партии, как и взгляды партии на соседей "справа", делали более очевидными идеологические дилеммы, с которыми они столкнулись. С самого момента образования партии в ней существовала сильная правая фракция. Ее члены нападали на связи кадетов с социалистами, демонстрировали резкую враждебность по отношению к трудовикам в Думе, осудили Выборгское воззвание, постоянно выступали за союз с правыми либералами и за новые

попытки наладить взаимодействие с правительством⁸. Их дальнейший сдвиг "вправо" выразился во все более частом подчеркивании позитивного значения русского государства, т.е. в позиции, определенной ранее Струве как "истинный национализм"⁹. Для Струве опасность народной революции состояла в том, что она может разрушить достижения российской вестернизации (т.е. ее европеизации), обращая вспять тот прогресс, который был достигнут в основном с помощью мощного вмешательства русского государства, следуя образцам, установленным еще Петром I. Политические инстинкты и реакции большинства были опасными, потому что русский народ все еще оставался варварским. В том же духе граф Гейден, вступивший в Союз 17 октября несколько позднее, назвал "аграрное движение" "пагубным из за его реакционной природы... и кроме того, без какой-либо тени законности"¹⁰. Социалисты и развиваемое ими народное движение были поэтому передовым отрядом варварства, ведущего к разрушению России, как и той самой социальной среды, из которой вышло большинство революционеров.

В жесточайшей идейной атаке на российскую интеллигенцию, предпринятой Струве и несколькими крупнейшими теоретиками этого направления — правыми кадетами и другими интеллектуалами, не принадлежавшими к кадетской партии, после 1907 г., в сборнике статей "Вехи" Гершензон выразил свое мнение относительно того, что только царское государство защищало русскую интеллигенцию от разрушительной ярости толпы¹¹. Другие авторы сборника говорили о необходимости покаяния, морального и религиозного. Последовавший вслед за этим скандал окончательно подорвал репутацию Струве как левоцентристского либерала и его притязания на руководство кадетской партией. Этот скандал показал также как глубоко стали трещины в "Освободительном Движении" 1903—1905 гг. после революции. Когда в 1912 г. начался новый политический кризис, неудача в достижении какого-либо политичес-

кого согласия с правительством или в организации жизнеспособной оппозиции в Думе вынудила руководство главного течения кадетов сдвинуться "влево". Кадетское правое крыло все чаще к этому времени выступало против своей собственной партии¹².

Кадеты сыграли главную роль в Прогрессивном Блоке в дни Первой мировой войны и стали старшим партнером в первом Временном Правительстве 1917 г. — его правым крылом. Они сделали единственную серьезную заявку от правоцентристов на выборах 1917 г. в Учредительное собрание, набрав только 4% от общего числа голосов. Их сильное влияние чувствовалось тогда только в некоторых больших городах. Они сомкнули ряды в годы революции и гражданской войны с ноября 1917 по ноябрь 1920 г. (которые были для них конфронтацией "государственного принципа" с анархией и с сепаратизмом варваров, которых использовали немецкие агенты — большевики). Но их конечные выводы вновь различались. Маклаков, Тыркова, Струве и другие лидеры правого крыла кадетов за то, что произошло возложили вину непосредственно на руководителей главного течения их собственной партии, особенно на Милюкова, обвинив их также в нежелании сотрудничать с наиболее непредубежденными сановниками царского правительства в 1906—1907 гг. В последние дни существования кадетской партии выводы, сделанные из опыта 1905—1907 гг., были переформулированы с учетом горького опыта гражданской войны — необходим был новый царь Петр для того, чтобы принести в Россию насильственное просвещение еще до того, как ее народам мог быть вверен либерализм. Струве, как самый яркий из правого крыла кадетов и в большей степени готовый к экспериментам со своими идеями, сделал новый концептуальный шаг в своем анализе гражданской войны в России. По его мнению, война не имела ничего общего с крестьянами, которые, как и всегда, оставались равнодушными, эгоцентричными и инертными. В целом, единст-

венным выражением их активности были банды "зеленых", одинаково враждебные, по мнению Струве, как к белым, так и к красным. Результаты гражданской войны определялись им только военными причинами: количественное превосходство красной кавалерии над белой служило для него теперь единственным объяснением того, почему большевики удержались у власти в России даже после поражения их германских кукольников¹³. К тому времени Милюков пришел к противоположному выводу: революция была именно тем, чего хотели массы русского населения; политическая партия, присягнувшая демократии, обязана была следовать народной воле. Лидер кадетов оставил этим свое место в центре и разделил позицию, которую занимало ранее кадетское левое крыло, выступив в поддержку фундаментальных социальных реформ, крестьянского передела всех земель и, в конце концов, повторил лозунг красного Кронштадта 1921 г. "За Советы без большевиков". В 1921 г., в результате этого шага, партия кадетов в изгнании окончательно раскололась. К тому времени это не имело прямого политического значения, но хорошо определило *ex post facto* политический курс кадетов и его противоречия.

В руководстве кадетской партии всегда существовало также левое крыло, некоторые сторонники которого даже считали себя марксистами. Их вывод из событий 1905—1907 гг. в целом соответствовал тому, о чем позднее говорил и писал Милюков. Это был призыв постараться построить заново Союз Освобождения, т.е. вернуться к братству левоцентристской интеллигенции 1902—1904 гг. В межреволюционный период этот взгляд поддерживали некоторые из влиятельных провинциальных активистов, но его успешно блокировали или оттесняли в сторону партийные вожди.

Главной политической организацией правее кадетов была октябристская ветвь либерализма. Ее название говорило о том, что члены этой партии приняли царский

манифест октября 1905 г. в качестве новой основы российской политической структуры. На самом деле, октябристы продвинулись еще дальше по пути к верно-подданическому монархизму. Они первыми продемонстрировали свое особое положение и лояльный национализм, нападая на программу кадетской партии, в которой содержалось требование предоставить автономии польским губерниям. Затем они поддержали правительство в 1906—1907 гг. по вопросам "законности и порядка", включая организацию военно-полевых судов. Позже октябристы, возглавляемые Гучковым, открыто заняли место "правительственной партии" в III Думе. В конце концов они не смогли ни наладить сотрудничество с правительством, которое не желало какого-либо настоящего партнерства, ни сохранить хорошие отношения с царским окружением, для которого сама идея созыва Думы была ошибочной и вредной. Последующая попытка Гучкова вернуться в оппозицию стоила ему поддержки большинства активных октябристов-депутатов Думы. Его фракция раскололась на тех, кто хотел остаться верным правительству, что бы не случилось, и тех, кто выбрал тактику мягкого неповиновения (и смыкался с кадетами). На протяжении всего своего существования октябристы мало что смогли добавить в идейном плане. Мысли октябристов намного лучше были изложены кадетами Струве или Маклаковым, или же Столыпиным. То же самое было справедливым и для большинства фракций, постоянно колеблющихся между двумя основными отрядами российского либерализма. Наиболее энергичными из них были прогрессисты, руководимые Коноваловым, которые представляли еще одну попытку образованного меньшинства капиталистов заставить прислушаться к себе¹⁵. Прогрессисты появились незадолго до выборов 1912 г. в IV Думу, периода начала политических забастовок и усиливающихся атак крайне правых на премьер-министра Коковцева, как слишком услужливого к "общественному мнению". Главные усилия прогрессистов

были направлены на организацию объединенного либерального фронта конституционалистской оппозиции, который и был наконец создан, но только в 1915 г. Октябристы и все мелкие либеральные "умеренные" группы практически исчезли в 1917 г., примкнув к кадетам, и позднее, в годы гражданской войны, к белому делу.

Революция 1905—1907 гг. сформировала российское либеральное движение, но также вскрыла и его фундаментальные противоречия. Урок, полученный либералами, касался их самих: они не были революционерами. Некоторые из них знали это с самого начала. Большинство других перестало "маршировать", по словам молодого и радикального Струве, "рядом и не против социал-демократов", перейдя к абсолютному осуждению использования силы в революции и к лозунгу защиты Думы любой ценой. Но затем стали проявляться противоречия этой позиции. При давлении на правительство, которое было крайне авторитарно и крепко держало бразды правления, постепенный подход не давал результатов. Законодательная деятельность нуждалась в эффективном парламенте, но самодержавие резко ограничило полномочия Думы. Демократизация развязывала народные силы, для которых уважение к закону и индивидуальные свободы мало что значили. Социальные реформы, которые были бы упорядочены и нацелены на то, чтобы никому не повредить, столкнулись со всеобщим неприятием. Для правых взгляды кадетов оставались опасно радикальными, для левых они означали капитуляцию перед царизмом. А по словам одного из главных теоретиков либералов "...самодержавие приведет к революции. Чтобы удержать династию и монархию они должны быть ограничены"¹⁶. Оставалась одна надежда — довериться истории, интерпретируемой в духе эволюционизма, т.е. предположить, что время и образование в конце концов сделают Россию частью Западной Европы. Но Россия все никак не превращалась в Западную Европу. Взгляды и слова западноевропей-

ских либералов приобретали иное значение в других социальных и исторических условиях.

Перед лицом сокрушительного поражения и реальности, которая не вписывалась в рамки их понимания, российские либералы регрессировали в двух противоположных направлениях: по направлению к "государственному" западничеству с сильным "антинародным" акцентом и к надеждам на внеклассовое радикальное единство людей доброй воли, на новый Союз освобождения (но способный привлечь в свои ряды и крестьян). Оба подхода уводили тех, кто их придерживался, от классических догматов европейского либерализма. В конечном счете не сработал ни тот, ни другой.

* * *

В период, который последовал за революцией 1905—1907 гг., вера и надежда в прогресс, определяемый законами эволюции принимались не только главным течением русских либералов, но также и ортодоксальными марксистами, особенно меньшевиками. Их "ортодоксальность" была по своему существу эволюционистской и западнической, поскольку следовала взглядам и предписаниям большинства западных социал-демократов. В 1905—1906 гг. многим из их "священных коров" был брошен вызов и среди них возникли некоторые новые идеи, но после революции 1905 г. происходило то, что Ф.Дан позже назвал "регрессом меньшевистской политической мысли под влиянием спада революции"¹⁷.

Идеологической отправной точкой РСДРП в момент ее создания в 1903 г. был набор взглядов, согласованных в доминирующей в ней фракции "Искры". Вкратце это означало "ортодоксальную", т.е. каутскиантскую интерпретацию марксизма и конкретной историографии прошлого, настоящего и будущего. Для настоящего это предполагало необходимое и быстрое продвижение всей Европы по направлению к социалистическому обществу, определяемому подъемом производительных сил, выраженно-

му в пролетарской классовой борьбе и освященному марксистской наукой об обществе — все это увязывалось с неизбежным ритмом "прогресса". Этот эволюционистский взгляд включал необходимые стадии исторического развития: феодализм—капитализм—социализм. Кроме того, Каутский первым реформировал взгляд Маркса на фундаментальную стихийность пролетарского движения к власти в условиях капитализма¹⁸. Ленин развил это положение дальше. По их обоюдному мнению, чтобы продвинуться без промедления или даже продвигаться вообще, рабочий класс должен быть оснащен наукой. Отсюда вытекало огромное значение марксистских интеллектуалов и социал-демократических партий для руководства рабочим классом¹⁹.

"Отец русского марксизма" Плеханов определил Россию как общество, отстающее от Европы, в котором рост капитализма был противоречивым и сдерживался докапиталистическими социальными структурами. Таковыми структурами были, в основном, царское государство (определенное им позднее как частично разложившаяся форма восточного деспотизма) и русское крестьянство. Буржуазная революция была неизбежной, но русские капиталисты оказались бы слишком слабыми, чтобы возглавить и защитить ее. Единственный путь вперед заключался в том, что после 1900 г. русские марксисты стали называть "пролетарской гегемонией", т.е. в использовании мощи пролетариата, его организаций и его союзников, чтобы создать полностью оперившееся буржуазное общество и характерную для него политическую демократию. Этот новый социальный контекст позволил бы российскому рабочему классу стать, как в Германии, силой, в которой массовое членство, сочетавшееся с великолепной организацией и научным подходом, позволило бы перейти к следующей стадии — установлению социалистического способа производства. Считалось поэтому обязательным, что для этого необходимы две стадии и две революции, которые разделя-

ются довольно продолжительным периодом социальной трансформации и экономического роста. Как сказала в революционные дни 1905 г. Роза Люксембург это означало, что: "Русская революция, говоря формально, принесет в Россию то, что Февральская и Мартовская революции [1848 г.— Т.Ш.] принесли на Запад и в Центральную Европу полвека назад. В то же самое время... так как она запоздала и является фрагментом борьбы Европейской революции... она будет иметь более явный пролетарский классовый характер, чем какая-либо другая предыдущая революция"²⁰.

Взгляд Каутского на научный подход превращался в России в язвительный язык крайнего высокомерия, на котором Плеханов обращался к любым социалистам, думавшим не как он, т.е. "не научно", и поэтому являвшимися также реакционными, как и практикующего колдуна, с претензиями на научность. Молодые союзники Плеханова в России, особенно их наиболее драматическая любовно-ненавистная пара "ортодоксальных" марксистских руководителей — Ленин и Мартов, приняли этот подход, добавив к нему глубокую веру обоих в мощную партийную организацию и политическую волю. Их практическая программа была в свою очередь принята Плехановым и Аксельродом в Женевской эмиграции и в конце концов социал-демократическим движением²¹.

Раскол на съезде РСДРП 1903 г., скорее относился к партийной организации, тактике и стилю, чем к теоретическим вопросам. Ленин и Мартов разошлись во мнениях в отношении степени партийной централизации, к которой они стремились. Для Ленина крайняя централизация была абсолютом, включая права центрального руководства распускать, реорганизовывать и назначать любой местный комитет. Для Мартова партийная централизация была почти столь же важна, но он был обеспокоен последствиями сверхцентрализации для политической мобилизации активистов из рабочего

класса. В тактическом плане Ленин и его сторонники были также настроены более непримиримо по отношению к классовым врагам, Мартов разрешал меньшевикам занимать официальные посты в существующих легальных организациях, чтобы использовать их в интересах партии. Когда Ленин назвал себя якобинцем, связанным с рабочим классом, он оказался вдвойне проницательным²². Его фракция со своей дисциплинированностью и иерархией руководства привлекала социал-демократов "упрямого" и жесткого нрава, которые были готовы и повиноваться, и командовать "своим" классом, как и кем бы то ни было еще. Называя себя якобинцем, Ленин также намекал на "жирондистскую" направленность меньшевиков Мартова — "честных педантов", склонных скорее к формальным диспутам, чем к безжалостному курсу на захват власти (и, как и жирондисты, проигравшего политическую дуэль с "твердокаменным" противником)²³.

Лидеры большевиков и меньшевиков в равной степени делали все, что могли, чтобы представить разногласия 1903 г., как ставшие очевидными еще десятилетием раньше. Было слишком просто (и идеологически выгодно) смотреть на вещи в этом свете после того, как раскол стал окончательным. Но правда заключалась в том, что в то время, как в 1903 г. обе стороны искали доктринальные причины для оправдания раскола, их теоретические различия были "все еще настолько неуловимы"²⁴, что их нельзя было четко определить. В результате, в то время как лидеры фракций бесконечно ссорились, их рядовые члены осенью 1905 г. начали стихийно воссоздавать единство РСДРП "снизу" и к 1906 г. вынудили лидеров воссоединиться — для большинства российских социал-демократов не было никакого идеологического оправдания разделению существованию²⁵. Главной идеологической причиной раскола партии в 1903 г., провозглашенной в конце концов обеими фракциями, была жесткая ленинская формулировка 1-й статьи партийного устава, но

на следующем съезде объединенной РСДРП в 1906 г. меньшевики, которые полностью на нем доминировали, спокойно и безболезненно проголосовали за включение этой же самой формулы в партийный устав²⁶. Раскол на большевиков и меньшевиков произошел не в 1895 г., как считал меньшевистский историк или заявлял Ленин, и ни в 1903 г., когда фракции перехватывали друг у друга комитеты и правления, ни во фракционной борьбе 1904—1905 гг. Это случилось, когда они формально были объединены в одну партию в 1906—1912 гг., т.е. когда различные выводы из событий 1905—1907 гг. приняли окончательную форму.

Первый фундаментальный раскол между фракциями РСДРП произошел в ходе споров о тактике, которые велись на съездах и конференциях 1906 г. и 1907 г. Для большинства меньшевиков буржуазная революция означала естественный союз с теми, кого они считали партией буржуазии, т.е. кадетами. Для Ленина необходимость сохранить гегемонию пролетариата в буржуазной революции в стране, в которой буржуазия была слабой и пугливой, означала, что нужно было помешать кадетам занять влиятельные политические позиции и что единственным союзником могли быть только крестьяне и их представители, или, с точки зрения партийно-политической терминологии, фракция Трудовиков Думы, как и партия эсеров. Для большевиков меньшевистский взгляд был оппортунистической капитуляцией перед буржуазией, для меньшевиков большевистская точка зрения была утопической капитуляцией перед народниками. Различия в отношении к крестьянству были связаны с различными перспективами политического действия, особенно с тактикой вооруженного восстания как цели (большевики придерживались этого намного дольше, чем меньшевики), с выборами, с предпочтительными коалициями в Думе и т.п.

К 1908 г. после поражения и массовых арестов раскололась не только РСДРП, но и обе ее фракции. Мень-

шевики разделились на ликвидаторов, троцкистов, партийных лоялистов и др.; большевики — на отзовистов, ультимистов и другие группы. Большинство членов большевистских центральных комитетов в 1903—1907 гг. уже не были заодно с Лениным. Многие социал-демократы совсем отошли от борьбы, оставшиеся выделили из избытка фракций два направления, которым было суждено в конце концов определить пути возрождения большевиков и меньшевиков как партий с разными и особыми идеологиями и организациями. Эти события, как и главные концептуальные изменения и политические реконструкции, сопровождались массовым обменом сторонниками между первоначальными фракциями РСДРП. Символично, что в 1917 г. в Петрограде Алексинский, в прошлом — один из членов большевистского Центрального Комитета, затем — представитель фракции правого крыла меньшевиков, боролся с Троцким, когда-то ведущим радикально настроенным меньшевиком, а после революции ставшим членом большевистского Политбюро, занимавшим в нем второе место после Ленина. Можно привести список менее видных социал-демократов, с которыми произошли подобные метаморфозы.

Мы еще вернемся к большевикам и к Ленину. Что касается меньшевистского главного течения, аналитический отклик на 1905—1907 гг., которому суждено было определить его роль в последующие годы, был разработан Аксельродом и Мартовым и поддержан рядом менее видных лидеров, в то время как Плеханов ушел в угрюмую изоляцию, призывая "чуму на оба дома". Переосмыслению положил начало Аксельрод, призвавший в 1906 г. на съезде рабочих развивать легальную и массовую партию в соответствии с европейскими образцами. Меньшевики проявляли все большую осторожность по отношению к подпольным организациям, которые сильно страдали от арестов и провокаторов; они все более двигались от таких организаций к более жизнеспособным профсоюзам, кооперати-

вам и т.п. После поражения 1905 г. они поставили своей целью создание и просвещение элиты рабочих лидеров, организацию пролетариата для специфических и ограниченных задач и перестройку разгромленной РСДРП снизу доверху на этой новой базе. Они стремились также к новым "амфибийным" (способным действовать одновременно и легально, и подпольно) кадрам партийных активистов — своего рода "третьему элементу", но служащему в основном рабочему классу и в большинстве своем набранному из его рядов²⁷. Их враги по партии немедленно назвали это "ликвидаторством" подпольной революционной партии и обвинили тех, кто поддерживал это в переходе с революционного пути на путь реформизма. Мартов яростно отрицал такое обвинение в отступничестве от социалистической революции. В действительности, скорее было верным противоположное, так как происходившее было движением его фракции к позициям группы Освобождения труда в 1890 г., с которых началась "ортодоксальная" "Искра". Меншевики также собирались вернуться к тактическим находкам Кремера, выраженных в его призыве 1896 г. переходить "от пропаганды к агитации"²⁸. Чтобы понять взгляды Мартова и Аксельрода, следует видеть их безупречную логику, поскольку этих людей нельзя обвинять ни в несовместимости их взглядов с "ортодоксальным" марксизмом, ни в недостатке мужества, ни в капитуляции перед классовым врагом, а скорее в настойчивости и упорстве, в следовании одной и той же линии, несмотря на разные условия и новый политический опыт. Что касается их логики, то, по словам их историка, они видели "перспективы ближайшего будущего... предопределенного буржуазной революцией"²⁹. Или, как выразился ведущий меньшевистский теоретик сельского хозяйства И. Чернышев, «в революции 1848 г. ...каждая страна получила конституцию, которую она "заслужила" своим экономическим успехом»³⁰. Россия не достигла еще достаточно высокой стадии развития, но время должно было разрешить эту проблему.

В свете этого причина революционного поражения казалась большинству меньшевиков ясной, по крайней мере, после того, как вызванная им идейная лихорадка была уже позади. Революция началась слишком рано, страна была все еще слишком отсталой, докапиталистической, с низкой культурой и имела слишком слабый пролетариат, чтобы надеяться на победу над реакционными элементами. Само существование большевистского и эсеровского "экстремизмов" Л.Мартов объяснил отсталостью России, в которой из-за этого не перевелись утописты. (Этот аргумент, разумеется, следовал атаке Плеханова на партию Народной воли в 1880-е годы.) В том же духе П.Маслов охарактеризовал идею Ленина о диктатуре "рабочих и крестьян", как противоречащую процессу экономического развития. В РСДРП необходимо было сейчас бороться с чрезмерными утопическими требованиями, бланкизмом и преждевременными действиями, также как и с призывами облегчить экономическое положение реакционно настроенных крестьян, так как этот эсеровский субъективизм явно заразил и социал-демократов. Специфичность России определялась исключительно ее отсталостью. Все политические действия должны были определяться фундаментальной целью — европеизацией России и ее рабочего движения. Что касается тактики, рядовые социал-демократы должны быть пролетаризированы в смысле уделения большего внимания повседневным нуждам рабочих в рамках новой "политики малых дел". Рабочий класс естественно поддержит эти усилия строить свои организации шаг за шагом и защищать свои непосредственные интересы. Важнее всего было помнить, что цель научно-социалистического движения — это всеобщий прогресс плюс автономия пролетарских партий в его рамках. Все тактические шаги, коалиции и противники должны быть определены в соответствии с этим взглядом.

Меньшевики продолжали действовать, руководствуясь этой четкой логикой. Времена были жестокими, преследо-

вания — свирепыми, кадры — слабыми и упавшими духом, но медленно и упорно меньшевики строили легальные профсоюзы, укрепляли свое влияние в только что созданных страховых кассах, в культурных клубах и других организациях рабочего класса³¹. Затем настало время проверки избранной стратегии — новая радикальная волна открытого протеста рабочих и забастовок, поднявшаяся в 1912—1914 гг. К потрясению меньшевиков их рабочие лидеры начали быстро терять контроль над профсоюзами и организациями, созданными с таким трудом, в пользу местных большевиков, эсеров и даже беспартийных "диких", часто только что приехавших из деревень³². Меньшевики много работали над тем, чтобы поднять рабочий класс до уровня лучших немецких стандартов. Но этот рабочий класс оказался непригодным для целей, которые меньшевики пытались достигнуть. Они верили в то, что научно определили историю будущего России — для них она было похожа на историю Европы. Если "вердикт истории" можно вообще оценить количественно, то оценка этому была получена на выборах в Учредительное собрание России в 1917 г., в котором за меньшевиков было подано всего лишь 2,3% от общего числа голосов (6% в городах), и даже еще меньше, если исключить из рассмотрения политический оплот меньшевиков в Грузии.

Существует еще один способ аналитической проверки, который можно использовать, чтобы проследить логику меньшевистского анализа. Он заключается в том, чтобы соотнести экстраполяцию, проведенную их ведущими теоретиками в "новом изгнании", с тем, что произошло на самом деле. В 1940-х годах Ф.Дан, лидер меньшевиков и наследник Мартова, рассмотрел историю большевиков и своей собственной партии в книге, цитаты из которой мы уже приводили³³. Оглядываясь назад, он согласился с тем, что меньшевики допустили много ошибок, в частности, отказались бороться за политическую власть на "буржуазной стадии" революции, неверно относились к кадетам и т.п. Он также

отметил неудачи политических предсказаний, сделанных в то же время большевиками, в частности тот факт, что в России не возникло ни одной крестьянской революционной партии и следовательно, с его точки зрения, никакая рабоче-крестьянская революционная демократия никогда не смогла бы стать базой послереволюционного режима. Дан также справедливо указывал, что СССР был построен кадрами всей РСДРП, как большевиками, так и меньшевиками, а многие лояльные меньшевики при новом режиме стали "специалистами" в Госплане, ВСНХ и других ведущих экономических институтах и без их помощи новое правительство столкнулось бы с огромными трудностями³⁴. Затем он интерпретировал с этой точки зрения Россию 1930-х годов. Единственной причиной своеобразия России с его точки зрения была ее "запоздалость". Теперь сталинская коллективизация вывела страну на правильный путь. "Как известно, советской власти удалось разрешить поставленную ею перед собою задачу: морально-политически изолировать "кулачество" и вовлечь "средняцкую" массу в колхозную систему, закрепляя ее связь с этой системой теми выгодами, которые дает крупному коллективизированному хозяйству возможность пользования самыми совершенными с.х. машинами и применения самых совершенных методов с.х. культуры и животноводства"³⁵. Как все просто! Что касается будущего, страна так быстро прогрессировала экономически и социально в результате коллективизации, что сейчас, несомненно, уже достигла новой стадии развития. Причина "диктаторской метаморфозы" большевиков после октября 1917 г. — невозможность крестьянской демократии в России и отсталость ее крестьянства перестала быть главной движущей силой. Сталинская конституция, принятая в 1936 г. (т.е. за один год до ежовщины) была, по словам Дана, последовательным и необходимым "основным шагом... по пути демократизации". По законам марксистской социальной науки Россия двигалась теперь быстро к демократическому обществу³⁶. Фун-

даментальная логика оставалась той же, как и в 1890-х годах, воссозданная после событий 1905—1907 гг. Она была все так же безупречна в своей последовательности. И в той же степени она оставалась вне связи с объектом, к которому ее пытались применить.

4. КОНСЕРВАТИВНЫЕ РАДИКАЛЫ И РАДИКАЛЬНЫЕ КОНСЕРВАТОРЫ: ЭСЕРЫ И "ОБЪЕДИНЕННОЕ ДВОРЯНСТВО"

В списке российских политических партий партия социалистов-революционеров занимала особое место, как из-за ее молниеносного взлета и столь же быстрого падения, так и благодаря связанными с ними характеристиками ее руководства, партийной организации и политического положения. Крутой исторической траектории партии эсеров суждено было достигнуть своей высшей точки в ужасном для нее 1917 г., когда в марте ее члены пережили примечательно бескровную революцию, затем создание республики, возникновение правительства, руководимого ими, получение абсолютного большинства голосов на первых демократических выборах в Учредительное собрание, а в ноябре — окончательное поражение и быстрый уход в небытие. Эта исключительно драматическая неудача нашла выражение не только в конечном результате. Партии не везло в течении всего десятилетия, предшествующего 1917 г.

Для ученых, изучающих общество, нелегко принять неудачливость в качестве объяснения. Это идет вразрез с их фундаментальной научной подготовкой, знаниями и предубеждениями, которые заставляют искать причинность в сознательно разработанных программах или в социальных силах, которые лежат вне царства случайностей. Но неудачливость может сыграть свою роль и отвергать ее с порога — означает отбросить, быть может, главное. История руководства ПСР — это как раз такой случай.

Сравнение с РСДРП поможет это прояснить. Политическое руководство социал-демократами в 1905—1920 гг. находилось постоянно в руках "среднего поколения", тех, кому в 1905 г. было около 35 лет. Наиболее видными из них были В.Ленин (родился в 1870 г.) и Ю.Мартов (родился в 1873 г.). Они занялись политикой в конце 1890-х годов и социал-демократы России в 1899—1903 гг. часто называли их (вместе с Потресовым, родившимся в 1869 г.) "стариками". С помощью уважаемых всеми "олдерменов" партии — Плеханова, Аксельрода и Засулич, обосновавшихся в 50-летнем возрасте за границей, они для начала вступили в бой и нанесли поражение "молодому поколению" социал-демократов — "экономистам", которые были менее "ортодоксальными" в теории, менее радикальными в своих целях, менее верующими в святость партийной дисциплины и менее враждебны идее блока с другими организациями оппозиции. Так же начинал и верхний эшелон ПСР. "Среднее поколение" лидеров, которые создали объединенную партию эсеров, включало С.Гершуни (родившегося в 1869 г.), М.Гоца (1866 г.), В.Чернова (1873 г.) и Е.Азефа (1869 г.). Следующее "поколение" эсеров (что в те драматические дни означало разницу в возрасте от 5 до 10 лет) состояло из С.Слетова, А.Гоца, В.Зензинова, Н.Авксентьева и Б.Савинкова, все они в конце концов присоединились к правому крылу партии эсеров. ПСР была не столь склонна к идеологическому единообразию, нежели РСДРП, что вело к меньшей способности сохранить межпоколенную преемственность, но важно и то, что в этом "удача" от них отвернулась. М.Гоц, жесткий политик, обладавший большими стратегическими, тактическими и организационными способностями, который сурово вколачивал в своих товарищей по партии важность вопроса власти и призывал к прямому курсу на социалистическую революцию (он был также первым, кто назвал такую политическую перспективу "перманентной революцией") серьезно заболел в 1903 г. и

скончался в 1906 г. Гершуни, харизматический лидер партии, способный сохранять ее единство силой огромной воли и личной притягательности, был заключен в крепость в решающие дни 1905 г. Он оказался на свободе в 1906 г., но умер в марте 1908 г. В декабре того же года Е.Азеф был разоблачен как провокатор полиции¹. Все это сделало Виктора Чернова единственным оставшимся в живых лидером, способным говорить в ПСР от имени поколения Ленина-Мартова. Что еще хуже, выдающиеся лидеры и умы народничества поколения Плеханова и Аксельрода — народовольцы А.Михайлов, Н.Кибальчич или А.Желябов, которым было бы около пятидесяти в 1905 г., погибли молодыми. Другие были сломлены тюрьмой и кое-кто стал равнодушным или даже враждебно настроенным по отношению к делу своей юности². Тех, кто пережил долгое тюремное заключение, вернулся и вступил в ПСР, представляли Е.Брешковская и М.Натансон — люди выдающейся смелости, всегда активные, любимцы эсеровского актива, но посредственные теоретики и неумелые тактики.

Почти все первоначальное ядро руководителей ПСР ушло из жизни, а остальные испытывали глубокий стыд за то, как развивалось дело Азефа (руководители партии сначала отказались допустить даже возможность его вины и позволили ему ускользнуть). К концу 1908 г. ЦК партии обладал невысоким авторитетом. ПСР распалась на ряд враждующих фракций. Когда ее вновь воссоздали в 1917 г., она была уже в основном в руках "молодых людей" поколения 1905 г., т.е. людей различных оттенков "умеренного" прагматизма, таких как А.Гоц и Н.Авксентьев, к которым сейчас добавился Керенский — еще одна неудача в дни революционных изменений, когда так высоко ценится радикализм мышления, действия и воображения лидеров³.

Разумеется, имела значение не только удача, но и состав, стратегия и теория партии. В 1905—1907 гг. кадры ПСР очень походили на кадры большевиков:

большинство составляли активные и молодые рабочие и интеллигенция, а наиболее сильные позиции партия занимала в крупных городах, где преобладали русские. (Эсеры были более влиятельны в сельских губерниях — Саратовской и Тамбовской, в то время как большевики были сильнее на Урале, а наибольшее число сторонников обе партии имели в городах Центральной и Западной России и в Санкт-Петербурге.) Но характеристики партийной структуры ПСР были причиной ее особой уязвимости. Многоклассовость в самоопределении вела к более обширной диверсификации усилий, которые распыляли партийные кадры тонким слоем по всем "фронтам" ее деятельности, усиливая различия в тактике и фракционность. Попытки проникновения в крестьянство и в армию были особенно дорогостоящими с точки зрения "человеческих затрат". Сильные корни в сельской интеллигенции одновременно означали нехватку "кадров" в других местах. Плата за избранную террористическую тактику была высокой, многие лучшие активисты партии гибли и для будущего их нехватка была особенно болезненной. Другие виды их деятельности также страдали от этого, в частности, на время рабочие профсоюзы получили низкий приоритет, а многие рабочие — сторонники ПСР — покинули фабрики, чтобы вступить в террористические группы Боевой организации (БО) ПСР. Значительное влияние партии в промышленном Санкт-Петербурге в 1906 г. было, в основном, растрчено. (Попытка восстановления в столице подпольной рабочей организации ПСР — Рабочего союза, предпринятая в 1909 г., была пресечена обширными полицейскими арестами в 1910 г.) ПСР отказалась использовать для легальных выступлений думскую трибуну, бойкотируя выборы в III и IV Думы (что делало их схожими с левыми большевиками, возглавляемыми Богдановым), а это еще больше ослабило ПСР. В то время, когда все подпольные революционные движения находились в упадке или просто распадались под уда-

рами полиции, партия эсеров приходила в упадок быстрее всех.

К 1909 г. измена Азефа стала ударом, от которого партия уже не смогла оправиться⁴. В 1916 г. А.Спиридович, жандармский генерал, ставший историком революционного движения, не преувеличивал, подводя итоги этого краха: "К началу 1914 г. в России не существовало никакой партийной организации [ПСР. — Т.Ш.] в строгом значении этого слова. Были социалисты-революционеры, разбросанные по разным городам страны и мечтавшие о такой организации и о партийной работе. Были также эмигранты за границей, расколотые на фракции, и был Центральный комитет и его издания". Предвосхищая будущее он добавил: "Таким образом, есть партийные кадры, способные начать революционные действия, когда их призовут к этому, следуя определенной программе"⁵. Мемуары эсеровских руководителей вполне вписывались в такое "подведения итогов" 1909—1916 гг. Кроме того, во второй раз за четверть века (впервые это произошло в 1887—1900 гг.) поражение революционного крыла партии привело к тому, что народническое наследие попало в руки политически более "мягких" его сторонников, особенно работников земств, юристов и публицистов, занимавшихся нуждами крестьян. Их влиянию суждено было сыграть важную роль в реакции этого политического лагеря на Первую мировую войну и определить особенности возрождения ПСР в 1917 г.

Наконец, чтобы получить верную картину, следует взглянуть на концептуальные и идеологические характеристики партии, которые в главном и отличали их от других политических течений в России. Обстоятельства сделали Виктора Чернова главным идеологом партии. Смерть Гершуни также помогла ему стать самым известным лидером партии за исключением Брешковской. ПСР не признавала абсолютные авторитеты вне их партии, каким, например, для социал-демократов "искровцев" был до 1914 г. Каутский. Это еще более выде-

дило Чернова как теоретика. Он был способным писателем и полемистом, проявлявшим склонность к синтезу различных точек зрения ("эклектиком" для тех, кто не любил его работ). В качестве лидера он был скорее предрасположен к тому, чтобы успокаивать людей, а не жестко решать политические проблемы. Из разных традиций революционеров-народников 1880-х годов Чернов с помощью П.Вихляева и Н.Ракитникова, развивал дальше подход, ориентированный на крестьян. Он относил этот анализ к "ревизионистскому" крылу II Интернационала, хотя его собственная позиция и позиция официального руководства его партии в 1905—1917 гг. была прямо противоположна позиции немецких "ревизионистов" в их поддержке эволюционных решений⁶.

Главная концепция, которую развил Чернов для того, чтобы сформулировать основы аграрной программы ПСР, была концепцией "социализации" земли, которая должна была связать революционные цели и крестьянские желания и обеспечила позже поддержку эсеровской партии со стороны крестьян, что со всей силой и проявилось на выборах 1917 г.⁷ Социализация подразумевала тотальное изъятие и равное распределение всех российских земель, проводимое крестьянскими общинами, а также всеобщий запрет на земельный рынок и на использование наемного труда в сельском хозяйстве. Если рассматривать эту тенденцию *ex post facto*, она оказалась реалистичной, насколько это было вообще возможно в предсказании действительного развития дел в России в 1918—1928 гг. Продвинув таким образом эсеровскую аналитическую мысль и стратегические планы, Чернов и его помощники сделали очень мало в отношении других аспектов революционного народнического кредо 1850—1880-х годов, особенно по вопросам власти, государства и политического контроля, борьбы против государственного капитализма или проблеме революционной диктатуры⁸. Они обошли главную проблему, отмеченную еще Ткачевым, и находившуюся в

центре внимания исполнительного комитета Народной Воли и позднее обсуждавшуюся М.Гоцем в самой ПСР — идею ускорения шагов истории и движения к социализму при помощи революционного вмешательства с использованием государства (в противоположность тому, на чем настаивали тогда социал-демократы, т.е. поэтапной трансформации России через неизбежную "буржуазную стадию"). Чернов, в конце концов, привил "теорию стадий" к своей историографии будущего. Самодержавие должно было пасть в результате "социальной" революции, которая будет глубже, чем революция буржуазная, но менее глубока, чем социалистическая. Социализация всех земель крестьянами на этой стадии должна была ограничить капиталистическую систему, но не избавиться от нее. Социалистическая, т.е. некапиталистическая, но крестьянская стадия, должна была прийти позже. Из этой историографии и стратегической картины следовали две вещи. В грядущую эпоху рабочему классу не обещали почти никаких осязаемых изменений, особенно когда речь шла о прямом контроле над производством. Ничего не было сказано о проблеме взаимоотношений ПСР с послереволюционным государством. А описание революционного класса России как "рабочих, крестьян и интеллигенции", т.е. всех "людей доброй воли", выступающих против самодержавия, не могло эффективно мобилизовать ненависть низов к имущим — политический инструмент большевиков, который они с таким успехом применяли в своей политике "класс против класса" в годы гражданской войны.

Что касается теоретических уроков, которые ПСР извлекла из революции 1905—1907 гг., то их можно объяснить отчасти тем, что я назову "принципом абака". Если использовать здесь идею Дж.Нидхема. Он назвал изобретение абака (китайскими счетами — "суаньпаня") главной причиной того, почему математики императорского Китая не продвинулись вперед в той же степени.

как европейские во времена Галилео Галилея. По Нидхему это произошло из-за раннего теоретического открытия в этой области (прорыва, равносильного изобретению Лейбницем математического анализа, но совершенного значительно раньше). Параллельное изобретение китайцами абака эффективно решало все практические проблемы расчетов и учета. Что привело к стагнации, в то время, как отсталость Европы, вместе с давлением практических потребностей, таких как мореплавание, привела к взрыву "нового" — математики и науки в целом в эпоху Галилео Галилея⁹. Ранние прорывы и эффективные решения, которые "работают", могут стать причинами последующей инертности созидательного мышления.

Опыт 1905—1907 гг. лучше соответствовал аналитическим наработкам Народной Воли, чьи позиции во многом переняла ПСР, чем ожиданиям и наработкам других партий: крестьянские восстания, солдатские мятежи, постоянное столкновение "низов" с "обществом", т.е. образованными средними классами, которые нашли выражение в 1906—1907 гг., резко отличали русскую революцию от европейских моделей 1848 г.¹⁰ К 1906 г. марксисты Ленина и конституционалисты Милюкова пересматривали свои программы и часто немало заимствовали у народников (Ленин брал их у революционного крыла народников, а кадеты переняли их у народников-реформистов). Этим партиям пришлось заимствовать еще больше этих программных элементов в 1917 г.¹¹ В то время как политические конкуренты приспособлялись и изменяли свои стратегии в свете опыта 1905—1907 гг., ПСР сделала очень мало на этот счет с момента создания концепции "социализации земли". Их II съезд в 1907 г. просто вновь подтвердил идейные решения первого. Партийная конференция в 1908 г. снова повторила их так же, как и конференция 1913 г. — каждая из них вновь излагала то, что уже было сказано, с постоянством, похожим на самогипноз. Один

из современных историков эсеровской партии Хильдермайер язвительно, но справедливо назвал это "смесью самодовольства и оторванности от жизни"¹². Единственным теоретическим достижением основного течения ПСР в 1907—1917 гг. было развертывание Черновым новой интерпретации, по которой даже если столыпинские реформы и преуспеют в разрушении общины, аграрная программа ПСР, т.е. социализация земли, все еще остается эффективной и не требующей каких-либо изменений. Слабости позиций ПСР, касающиеся власти, рабочего класса и т.д. были оставлены партийным руководством почти без внимания. Отказ учиться был главной характеристикой того, как эта партия усваивала свои уроки. Его главной модификацией было дальнейшее отступление к наивным представлениям "Земли и воли" 1870-х годов о государстве и политической власти.

Наряду с официальным руководством ПСР, жестко придерживающимся своих первоначальных взглядов, политические и идеологические вопросы, ожидающие своего решения, поднимались оппозиционными ему фракциями народничества. Журнал и группа "Революционная мысль" обеспечивали связь между эсерами-максималистами, которые вышли из партии в 1906 г. и были быстро разгромлены полицией, и левыми эсерами, которые в конце 1917 г. стали союзниками большевиков. Они призывали к непосредственной борьбе за социализм, объединяя обе "стадии", т.е. "перманентной революции" М.Гоца и, впоследствии, к немедленной "социализации" фабрик, т.е. к контролю над промышленностью со стороны рабочих. К 1909 г. некоторые из них также вышли из состава ПСР. Более сильным по своему воздействию было наступление правой фракции партии, которое началось с издания "Почина" в 1911 г.¹³ Правые эсеры предполагали, что столыпинская реформа может привести к успеху и призывали партию приспособиться к этому, но именно тип этого предлагаемого приспособ-

ления сделал правых эсеров отдельной фракцией. Рэдки назвал их "уставшими революционерами" или радикалами, которые "постарели духом". Решение, которое они предлагали, заключалось в том, чтобы трансформировать ПСР в сугубо крестьянскую партию, т.е. обратить ее в классовое представительство одних только мелких семейных дворов русского села, отвергая идею революционного многоклассового движения, как и явное предпочтение ПСР общинного землеустройства и производства.

В 1914 г. правое крыло ПСР и немало других ее членов встало на позицию "оборончества". Чернов, отказавшись склониться перед волной национализма, присоединился к антивоенной конференции социалистов в Циммервальде. К 1917 г. многие из его товарищей по партии, пораженные националистическим вирусом, мрачно говорили о его измене.

Здесь необходимо сделать краткое отступление и рассмотреть влияние национализма, порожденного войной. Любая попытка обнаружить причинную связь между уроками 1905—1907 гг. и их результатами в 1917—1920 гг. должна также включать рассмотрение в качестве причины воздействия межреволюционного периода и особенно Первой мировой войны — ее оптимистического начала, ее трагического хода и ее последствий. Большинство российских социалистов были плохо подготовлены к волне национализма, которая захлестнула Россию в 1914 г. Война 1904—1905 гг. с Японией породила мало патриотического угара. Казалось, что так будет и в 1914 г., а вера в способность II Интернационала объединить социалистические партии Европы и сохранить мир была сильна во всех его русских секциях. Война и крах II Интернационала привели Россию к резкому расколу между "интернационалистами", которые по-прежнему отказывались поддержать "свое" правительство и "оборонцами", такими как Плеханов, Потресов или Слетов, которые быстро превратились в

левое крыло обширного патриотического лагеря, преданного теперь идее победы над германским врагом. Позднее, в 1917 г., эта группа увеличилась за счет ряда сторонников Циммервальда, таких как И.Церетели и А.Гоц, которые противостояли войне, но с 1917 г. стали рассматривать союз новой российской республики с западноевропейскими державами как единый фронт великих демократий мира, нуждающийся поэтому в поддержке всех социалистов и демократов. Кадеты и большевики не испытывали особых идеологических проблем в отношении патриотических заявлений 1914 г. или 1917 г. Первые немедленно вступили в национальный лагерь, сосредоточив свою критику самодержавия на неэффективности способов ведения им войны, последние упрямо держались своей "пораженческой" позиции. (В своей цвейцарской эмиграции Ленин сделал следующий шаг, призвав к глобальному превращению империалистической войны в социалистическую — к непосредственному переводу мировой войны в мировую революцию.) Что касается меньшевиков, группа активистов этой партии, находящихся в России, присоединилась к военным усилиям и казалось, испытывала заметное удовольствие от того факта, что их большевистским конкурентам теперь сильно мешали националистические настроения многих рабочих. Другие меньшевики отказались оказывать войне какую бы то ни было поддержку. Многие из сторонников ПСР среди российской интеллигенции, а особенно менее радикальные народнические группы, также громко заявляли о своем патриотизме. Остальные эсеры и особенно большинство петроградских рабочих — активистов партии, и некоторые интеллектуалы, резко выступали против войны, закладывая основу для будущего раскола и создания в 1917 г. партии левых эсеров. Находящиеся в эмиграции самые яркие теоретики расколовшихся партий и их живые символы Мартов и Чернов присоединились к интернационалистским антивоенным усилиям

европейских социалистов. Политический эффект этого был несущественным, но в 1917 г. воздействие их позиции оказалось необыкновенно важным. Раскол обеих партий на "оборонческое" большинство (к которому в 1917 г. присоединились некоторые бывшие "интернационалисты") и упрямое "интернационалистское" меньшинство сыграл свою роль. Достаточно было Ленину вернуться в Россию и огласить свои Апрельские тезисы, в которых он призвал к немедленной борьбе за мир и власть, и чье содержание никто из русских партийцев не смог предугадать, как в течении всего нескольких дней он установил полный контроль над своей партией и ее Центральным Комитетом. Милюков руководил (или, по крайней мере, манипулировал) кадетами почти таким же образом. У Мартова и Чернова не оказалось решающего внутривнутрипартийного влияния и их партии оставались расколотыми в тот момент, когда теоретическое переоснащение, радикальная тактика и творческое воображение руководства были особенно необходимы для того, чтобы они могли стать действенной силой.

* * *

Четвертым из политических лагерей, о котором на поминках по революции 1905—1907 гг. можно было сказать, что он испытывал "регресс в мышлении", или, по меньшей мере, отличался его безжизненной неподвижностью, было ядро российских помещиков. В идеологическом, политическом или социальном смысле в этот лагерь входили многие российские высшие чиновники, депутаты правого крыла Думы, экстремистски настроенные и "твердокаменные" правые, так же, как и большая часть так называемой камарильи — непосредственное окружение царя — родственники, друзья и прихлебатели. Взгляды других подгрупп российского легитимизма были менее постоянными в вопросах долговременной политики, касающейся будущего России. Когда революция 1905—1907 гг. оказалась уже позади.

государственный аппарат вообще не желал никаких выражений политической жизни, даже монархизма, кроме изъявления покорности "вышестоящим". Черносотенцы начали терять связи, влияние и членов, в то время как правительственные субсидии использовались теперь в основном для того, чтобы приручить их к дисциплине¹⁴. А у камарильи не оказалось позитивных идей за исключением плана разгона Думы.

Что касается помещиков, то революция и особенно "аграрные волнения" подтолкнули их создать политическую организацию — Совет Объединенного Дворянства¹⁵. В своих взглядах Объединенное Дворянство действовало как ярко выраженная классовая организация. Для них в России не существовало "аграрной проблемы" или нехватки земли, а стоял только вопрос о крестьянской отсталости и, соответственно, о необходимости увеличить продуктивность сельского хозяйства, так же, как и усилить крестьянскую склонность к частной собственности, улучшая таким образом то бедственное положение крестьян, в котором они, якобы, сами и были виноваты. В России не было революционной ситуации, а только пагубная агитация шайки революционеров, которая выступает под именем "интеллигенции" и которая с "помощью подстрекателей и лгунов-журналистов совершает убийства и грабежи"¹⁶. Главная проблема лежала в нелояльности к империи всех "иностранцев" и в тех методах, с помощью которых они воспользовались наивностью русских людей для своих темных замыслов. В немалой мере этому способствовали амбициозные и нелояльные интриганы в рядах самого русского дворянства и их наиболее яркие представители — кадеты из дворян. Необходимо было восстановить порядок, наказать преступников, отсечь не заслуживающих доверия, твердой рукой сплотить лояльные силы, восстановить естественное и патриотическое руководство дворян над русскими крестьянами, одновременно уничтожая общину — сепаратистскую организацию русских крестьян.

которая сейчас доказала свой опасный потенциал. Помещичье землевладение объявлялось "неотчуждаемым" не потому, что это лучше всего устраивало землевладельцев — дворян, но также и потому, что оно было естественно и действовало в лучших интересах России.

Для начала потерпела поражение претензия Объединенного Дворянства на парламентарное влияние. Лидеры российских помещиков предполагали вместе с правительством существование природного консерватизма крестьянского ядра, состоящего из истинно русских людей. Этот взгляд отводил дворянству очевидное место как лидера этого лояльно настроенного крестьянства в деревне и в Думе. Эти силы должны были выступить против неустойчивых элементов и одержать над ними политическую победу. В соответствии с этим Объединенное дворянство предприняло шаги, чтобы создать Союз землевладельцев, который должен был стать альянсом помещиков и крестьян. (Германия часто упоминалась как пример, объясняющий сколь естественным может стать такой союз¹⁷). Неудача этих попыток летом 1905 г. и результаты выборов в I и II Думу привели к "осознанию того факта, что крестьяне не хотят, чтобы их представляло дворянство"¹⁸. Крестьяне отнеслись к местным помещикам как к классовым врагам. Помещичьим вождям с горечью пришлось понять, что в российской деревне им приходится полагаться только на самих себя. Это также означало, что в данном контексте всеобщее избирательное право и демократическое правление обрекали помещиков на социальную гибель. В соответствии с этим они и разрабатывали свои новые планы. Эти планы совпадали с идеями правительственного переворота 1907 г., который породил новый и искаженный избирательный закон и III Думу. Ее большинство стало копией Объединенного Дворянства, насколько оно только могло надеяться. Благодаря царским назначениям, быстро рос удельный вес этой же самой фракции и в Государственном совете.

Несмотря на очевидную реакционную природу настроений и замыслов Объединенного Дворянства, к их стратегии нельзя просто применить определение "маршировка назад". Правда, в их рядах часто раздавались требования завершить военную победу над "внутренними врагами", возвращением к до-думской или даже до-виттевской России и повторить контрреформы Александра III. Но реакционные взгляды основной массы российских помещиков и их союзников были сейчас модифицированы новой интерпретацией целей и особой тактикой, которые отражали новые времена. Что касается целей, то в XIX в. идеологические представители российских правых были враждебны всем "западным" идеям, как таковым, связывая либерализм с парламентаризмом, принцип *laissez-faire* с засильем неприятных им торговцев, всеобщее избирательное право с анархией и властью черни. Для них Россия была уникальной и превосходящей другие страны своей истинной религией, соборностью и самодержавием. В частности, именно неограниченная природа русского самодержавия спасала страну от ужасов демагогии и всеобщей бюрократии, так же, как и от нестабильности, коренившейся в натуральном людском зле и "фанатизме логики", связанной с моральным нигилизмом¹⁹. Дворяне часто использовали славянофильскую терминологию, но без ее радикальных положений, т.е. без веры в необходимость реформ, которая в прошлом вдохновляла славянофильское видение уникальной судьбы России. Новой во взглядах и предположениях консервативных кругов XX в. была определенная примесь западничества. Она выражалась в растущей поддержке экономики либерального типа и в желании разработать законы о собственности по типу западноевропейских (в то же самое время, полностью отвергая их связь с парламентской демократией, которая принималась современной европейской социальной теорией, и либеральной, и марксистской). Самые яркие из российских консервато-

ров сейчас хотели разложить связку западноевропейских характеристик, выбрав из нее только несколько элементов, таких как приватизация крестьянской земли и роспуск крестьянской общины. Их страстное стремление к непарламентской политике и к "сильной руке" добрых старых времен часто усиливалось "хорошим образованием", которое неизбежно означало получение знаний от Запада и о Западе. Это обстоятельство нашло отражение в анекдотичном ответе, данном репортеру "Дейли Телеграф" на вопрос о том, почему царь назначил великого князя Владимира ответственным за наведение порядка в Санкт-Петербурге в день Кровавого воскресенья, 9 января 1905 г. Полученное объяснение было: "Великий князь очень хорошо знает историю французской революции 1789 г." и "поэтому не допустит никакого глупого снисхождения"²⁰. Не все российские консерваторы были полностью невосприимчивы к урокам истории, но они были избирательны, часто превращая усвоение этих уроков в их карикатуру. Они хотели заставить уроки истории служить им для поддержания статус-кво вопреки меняющемуся миру, который, как казалось консерваторам, рассыпался в прах. В этом и был яркий пример "тугодомия".

Новой тактикой, которая все в большей степени проникала в политику российских правых, было их отношение к правительству. Убежденные монархисты, крайне враждебно настроенные ко всем "врагам трона", российские правые атаковали с примечательным постоянством царских министров и премьер-министров того времени. Первой мишенью для этих атак стал Витте, который был обвинен помещиками в антиаграрной политике²¹. В 1905 г. его обвинили в измене и снисхождении к мятежникам. Позже его проклинали за октябрьский манифест 1905 г., за революцию и даже за результаты выборов в I Думу. Смещение Кутлера с поста министра сельского хозяйства и Витте с поста премьер-министра, вместе с необходимостью сомкнуть ряды перед

лицом продолжающегося революционного наступления, казалось, должны были объединить русских монархистов в их поддержке правительству. Но не прошло и года после назначения Столыпина премьер-министром, как и он все чаще начал сталкиваться наравне с сопротивлением социалистов и конституционалистов с консервативной оппозицией. Это продолжалось до самой смерти Столыпина в 1911 г. Его преемник Коковцев, человек меньших амбиций и реформаторского рвения, быстро попал все под ту же атаку и был смещен в 1914 г. под открытое ликование правых. Созданные к этому времени законодательные процедуры предоставили консервативным помещикам настоящее право вето²².

В результате парламент собирался, дебаты продолжались, но важные законодательные акты практически не появлялись. По мере того, как шли годы, парламентская жизнь России все в большей степени воспринималась как бессмысленная, бесцельная и скучная даже теми, кто принимал в ней самое активное участие. Точно такой же была жизнь царских министров, находящихся под полным контролем "престола". Власть в значительной степени переходила в руки узкого круга придворных, царицы и царских родственников, Распутина и камарильи. Для них именно Думу нужно было винить во всех болезнях российского государства. Принимая позу человека, которому его бюрократы навредили в 1905 г., встречающим сопротивление только "образованной России", но остававшегося горячо любимым "своим народом", царь возглавил это отступление от законов и процедур, принятых в 1905—1907 гг. Ранние воспоминания Витте о царском дворе проникнуты горечью сановника в отставке, который все же не потерял своей проницательности. Он говорил о презрении царя к своему правительству и о высокомерной безграмотности его близкого окружения, в то время как высокопоставленные бюрократы систематически пренебрегали законами и "уделяли две трети своего времени интриге"²³. К 1915 г.

многие из руководителей Объединенного Дворянства и другие правые оказались также в открытой оппозиции царскому раболопному правительству, которое и стало таким во многом благодаря их постоянной "охоте на премьер-министров". Перед лицом некомпетентности, которую продемонстрировала государственная администрация в ходе войны, оппозиция думских депутатов правительству снова стала почти всеобщей. А это был монархический парламент, выбранный в соответствии с избирательными законами, которые обеспечивали подавляющее преимущество консервативным помещикам.

Несмотря на глубокие различия между политическими элитами России после революции 1905—1907 гг., большинство из них вернулось к исходным посылкам XIX в. в понимании того, что произошло, и соответственно, при выработке планов на будущее. Кадеты сместились к тому типу "западничества", который представляли собой российские либералы — "государственники" 1860-х годов, в то время, как меньшевики приблизились к взглядам группы Освобождения труда 1880-х и 1890-х годов. Эсеры застыли на месте или адаптировали политику Земли и Воли 1870-х годов, а Объединенное дворянство оглядывалось на добрые старые времена Александра III (добавив лишь новый, полный враждебности подход к крестьянской общине). Меньшая часть российских лидеров, выбравших альтернативный путь, была также глубоко разделена в целях и идеологических предпосылках, но демонстрируя в те дни сходство в другом: их выводы были по существу оригинальными и радикальными, сфокусированными на воспринятых им заново особенностях российских условий. Поэтому они, пускаясь в плавание по неизведанным водам, попытались разработать новые политические стратегии, учитывающие особенности и природу российского социального кризиса. В следующей главе мы рассмотрим более подробно эти взгляды, а также, как они определили политическую, интеллектуальную историю России и мира в целом.

УРОКИ ИСТОРИИ И СЛЕДУЮЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ГРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Без "генеральной репетиции" в 1905 года победа Октябрьской Революции в 1917 году была бы невозможной.

Владимир Ленин

История имеет дело с существами, которые по природе своей способны преследовать осознанные цели.

Марк Блок

1. СТОЛЫПИН И РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ

Очевидно, что оригинальность, приписываемая нами стратегиям тех политических лидеров России, о которых пойдет речь в данной главе, не характеризовалась некой абстрактной "новизной", последовательной и законченной. В этих стратегиях уже высказывавшиеся и заимствованные идеи и совершенно новые взгляды переплетались с прагматическими схемами и тактическими компромиссами. Результатом очень часто было нечто противоречивое и постоянно меняющееся. Но всех этих людей объединил, позволил им выделиться и обеспечил политическое влияние их аналитический талант, т.е. способность отбросить господствующие представления прошлого и пуститься в плавание по неизведанным водам, пытаясь отреагировать на ту неожиданную Россию, которая вдруг открылась в годы революции. На личностном уровне этот дар основывался на способности быть достаточно безжалостным по отношению к собственным социальным или интеллектуальным корням, дистанцироваться от них и "мыслить континентами", т.е. суметь отказаться от интеллектуального ремесленниче-

ства мелкой руки ради крупных проектов социальных преобразований. Результат зависел прежде всего от общего социального контекста, но также и от способности лидеров выбирать правильную политическую тактику, а особенно от их умения создавать коалиции с союзниками и вести их через жестокие политические столкновения, которые неизбежно возникали, когда бросался вызов "священным коровам" и их верным пастухам.

Начиная с 1906 г., в правительственном лагере такой фигурой был Петр Столыпин. Много было сказано его бывшими помощниками, врагами и биографами о том, что его программы были заимствованы у других людей или из тех многочисленных проектов, которые покрывались пылью в архивах российского министерства внутренних дел¹. Во многом это действительно так. Столыпин не был изобретателем ключевых элементов тех реформ, которые связаны с его именем. Но он связал эти элементы воедино и обосновал их опытом революции, подкрепил их авторитетом человека, который в своем качестве рыцаря контрреволюции на какое-то время стал любимцем правителей России и поставил им на службу всю совокупность административных ресурсов, находившихся в его распоряжении как премьер-министра и министра внутренних дел. Это была сильная личность, которая наслаждалась своей центральной ролью в разворачивавшейся драме. Энергичный, молодой (в свои 43 года Столыпин стал самым молодым министром России), работоспособный, честолюбивый и гордый, красноречивейший защитник монархии в парламенте, — он не мог не остаться в памяти и друзей и врагов как "последний великий защитник самодержавия"².

Столыпинский генеральный план по переводу Российской империи в новую эру (и уготованная им для себя роль "второго Бисмарка", выражаясь языком того времени) был в основных его звеньях загублен российским

консервативным лобби. Из всего наследия и оставшихся обломков лишь один закон был принят и введен в действие — закон о землевладении и землеустройстве. Эти законодательные акты и получили у новых поколений название "стольпинской реформы". Фактически, как подчеркивал крупный советский историк, знаток того времени, речь шла о "пакете реформ", стройно увязанных внутренней логикой в новый политический курс³. Этот пакет реформ содержал видение новой России — "великой России", противопоставленной Столыпиным в его знаменитой речи "великим потрясениям", которые проповедовали радикалы и революционеры⁴. Главными элементами этих реформ были преобразования в российской деревне — речь идет о 80% населения страны, но также планы перестройки и совершенствования государственной машины. Одновременно предполагалось сделать более мирной внешнюю политику России, шире вовлекать в национальные, политические и экономические процессы те этнорелигиозные меньшинства России, которые могли способствовать оживлению коммерческой деятельности (существовавшей в России, как и во многих "развивающихся обществах" наших дней⁵), усовершенствовать систему образования и создать всеобщую систему социального обеспечения для городских наемных рабочих. Когда система управления будет усовершенствована и сельское общество преобразовано (и таким образом будет выбита почва из-под ног эсеров, чье воздействие на общинное крестьянство Столыпин считал главной непосредственной угрозой самодержавию⁶). Россия должна была начать движение к тому, что впоследствии будет названо постоянным (self-sustaining) ростом благосостояния, производительности и культуры, а, следовательно, и политической мощи. Предполагалось, что тогда, как и раньше, общественная самодеятельность должна будет сочетаться с энергичным правительственным вмешательством. На выполнение этой программы был отведен

короткий и четко определенный период времени — "двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего", после чего, обещал Столыпин, "Вы не узнаете нынешней России!"⁷ Столыпин впервые обнародовал эти планы в своей речи на открытии II Думы в 1907 г. Самые неотложные меры должны были включать не только подавление революционного движения, но и разрушение общинного землевладения, а также административные реформы, которые охватили бы (помимо аппарата министерства внутренних дел) выборные местные власти, суды и полицию. За этими мерами должны были последовать реформы в армии и на флоте, уравнивание в правах старообрядцев и расширение прав евреев, расширение железнодорожной сети, создание системы социального страхования и пенсионного обеспечения, постепенное введение обязательного образования, принятие законов о новых гражданских правах и реформа налогообложения⁸. Наиболее очевидным был негибкий монархизм Столыпина и его страсть к "закону и порядку". ("Не запугаете", — резко бросил он в ответ на яростные нападки оппозиционных депутатов в Думе, которые последовали за его обещанием "восстановить порядок и спокойствие" всеми мерами правительства "стойкого и чисто русского")⁹. Он продемонстрировал серьезность этих намерений и созданием военно-полевых судов, и растущим применением смертной казни, и разгоном II Думы в ходе совершенного правительством государственного переворота, состоявшего в изменении избирательного закона. Однако этот контрреволюционер в полном смысле этого слова с самого начала понимал, что "реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствие, а не причину... там, где правительство побеждало революцию [в Пруссии и в Австрии. — Т.Ш.], оно успевало не исключительно физической

силою, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ"¹⁰.

В 1906 г., в период между роспуском I Думы и созывом II Думы, столыпинское правительство декретировало основные элементы своей аграрной реформы. Избранная им тактика должна была однозначно продемонстрировать, что инициатива исходит от правительства, а не от парламентариев, благонадежность которых к тому времени была поставлена под сомнение. В соответствии с 87-й статьей нового "основного закона", эти указы имели силу до тех пор пока по этим законодательным актам не проголосует Дума и Государственный совет, а также они не будут одобрены или отвергнуты царем. В одной из своих последних речей Столыпин с горечью охарактеризовал возникающий в результате этого порочный круг: "Всеми известен, всеми памятен установившийся наш законодательный обряд: внесение законопроектов в Государственную Думу, признание их здесь обыкновенно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Гос. Совет. В Гос. Совете признание уже правительственных законопроектов слишком радикальными, отклонение их и провал закона... А в конце концов, в результате, царство так называемой вермишели (на парламентском жаргоне это означало умножение малосущественных законов. — Т.Ш.), застой во всех принципиальных реформах"¹¹. Но все это было еще в будущем. Большая часть столыпинских указов 1906 г. довольно безболезненно воплотилась в аграрный закон 1910 г. К тому времени он уже фактически выполнялся более трех лет. Серия "аграрных" указов началась законодательными актами от 12 и 27 августа 1906 г. о передаче Крестьянскому банку казенных и удельных земель с целью последующей их продажи крестьянам по цене на 20% ниже рыночной. В октябре было отменено положение, согласно которому крестьяне обязаны были испрашивать согласия общины на внутрисемейный передел земли и на получение

паспорта для выезда из деревни. Также было отменено право земских земельных начальников по собственному усмотрению арестовывать и штрафовать крестьян. 9 ноября вышел самый важный указ в этом пакете, утверждавший права глав каждого крестьянского двора приватизировать общинные земли, находящиеся в их пользовании¹². Одновременно утверждалось право требовать объединения разрозненных полосок земли в единой меже (или получать денежную компенсацию от общины за те полоски, которые нельзя было объединить). Позднее было принято решение, что согласия $\frac{2}{3}$ или позднее, $\frac{1}{2}$ крестьянских дворов было достаточно для отмены передельной общины и перехода всех общинных земель в частную собственность их держателей. Указом от 15 ноября разрешалось закладывать общинные земли, что открыло новую сферу деятельности для Крестьянского банка, чьи фонды были значительно увеличены, а также повышало размер кредитов, доступных более состоятельным крестьянам. Завершить эти реформы должен был ряд дополнительных шагов. Так, был введен в действие законопроект, согласно которому семейная собственность на землю заменялась индивидуальной частной собственностью¹³. Была создана административная система, направленная на совершенствование общинных и межобщинных переделов земли, землеустройства и особенно на создание хуторов. Такие хозяйства, расположенные на одном большом наделе в стороне от деревни, были официально провозглашены оптимальной формой мелкособственнического сельского хозяйства¹⁴. Эти хозяйства пользовались льготами на земельных торгах, проводимых государственным Крестьянским банком, при предоставлении государственных кредитов и приватизации общинной земли. В азиатской России и на Кавказе крестьянам Центральной России были предложены для колонизации государственные земли. Эта колонизация частично финансировалась правительством. Позднее, в 1910 г., в

процессе преобразования указа от 9 ноября 1906 г. в закон, Государственный совет "ужесточил" его, добавив положение, по которому все общинные земли, которые с 1861 г. не подвергались полным земельным переделам, объявлялись приватизированными, а владеющие ими общины — несуществующими. Сравнительно гладкий переход столыпинских аграрных указов в законы объяснялся тем фактом, что на этот раз большинство российского чиновничества, помещиков, тех, кто входил в ближайшее окружение царя (т.е. тех, кого русская образованная публика называла камарильей), а также российские монархисты-реформаторы и консерваторы оказались единодушны¹⁵. Даже главная конституционалистская оппозиция в Думе, кадеты, возражали в основном против способа, которым осуществлялись реформы — навязывания их крестьянам, а не против самого принципа — приватизации земли, создания хуторов и переселенческой колонизации Сибири.

Вторым столпом начального этапа грандиозного проекта Столыпина должна была стать административная реформа. Частично она явно увязывалась с проводимой приватизацией крестьянских земель и с публично провозглашенным желанием включить российское крестьянство в российское общество в целом. Для этого необходимо было все крестьянские сословные учреждения, такие, как крестьянская "волость" и волостной суд, заменить общинами, т.е. внесословными органами управления¹⁶. Тем не менее, цели административной реформы были гораздо шире, чем просто подстраивание под новую систему землевладения. Ей придавалось значение "не просто практической, но политической реформы"¹⁷. Она должна была стать основным этапом на долгом пути изменений в природе и организационной структуре самодержавия.

Проект административной реформы предполагал децентрализацию, а для каждой губернии учреждение губернского управления и расширение полномочий гу-

бернатора. В том же духе предполагалось поднять уровень старших губернских чиновников, улучшить их подготовку и увеличить жалованье. В каждой волости и в наиболее крупных поселениях предполагалось учредить муниципальные власти, которые должны были избираться не только крестьянами. На уездном уровне планировались также значительные изменения, направленные на соединение губернского и волостного уровня управления. Каждый уезд должен был получить назначенного губернатором главу администрации взамен существующей системы, по которой местный предводитель дворянства считался "первым лицом" в расплывчатом уездном руководстве. Земствам должны были быть предоставлены также более широкие права. Рассматривались и еще более радикальные перемены, однако они были отложены, учитывая враждебное отношение царя к децентрализации (в особенности к идее разделения России на девять крупных регионов, наделенных значительной автономией по типу американских "штатов" или германских "земель")¹⁸.

Дальнейшие шаги должны были дополнить эти реформы. Планировалось создать новое низшее звено выборных мировых судей. Предполагалось перетрясти и реформировать полицию, повысить ее статус и поднять жалованье полицейским, укрепить взаимодействие между полицейскими начальниками и более искушенной жандармерией. Намечалось создать выборные земские власти в тех губерниях, где их еще не было. Это было особенно важно для решения щекотливого вопроса о западных губерниях, в которых, в соответствии с действовавшими тогда правилами, контроль над земствами неизбежно перешел бы в руки польских дворян, владевших большей частью земли. Чтобы противостоять этому, Столыпин выступал за создание в западных губерниях "национальных" куриий и за дальнейшее расширение избирательных прав, что должно было усилить представительство украинского и белорусского крес-

тьянства. В то же время при расширении полномочий выборных городских властей в западных губерниях, ограничение избирательных прав многочисленного еврейского населения, проживавшего исключительно в городах и местечках должно было одновременно повысить статус поляков-горожан.

Одновременно столыпинское правительство внесло в Думу и другие законодательные проекты. Так, предполагалось отменить правовую ущемленность старообрядцев, а также снять некоторые ограничения, касающиеся евреев. Руководство православной церковью должно было быть усовершенствовано. Также рассматривались некоторые меры по социальному обеспечению, которые впоследствии должны были получить статус законов: контролируемая государством страховая медицина, пенсии для рабочих, а также положение о всеобщем начальном образовании.

Поворотными пунктами столыпинской эры стали его поражения в борьбе за законодательство, касающееся реформ системы управления и прав "меньшинств". Оба эти поражения были нанесены правительству правой оппозицией, которая отнеслась к реформе местных органов управления с открытой враждебностью. В начале 1907 г. делегаты III съезда Объединенного дворянства и многие члены Государственного совета объявили о своей оппозиционности к этим проектам и представили последовательную аргументацию против них. Бывший министр Стишинский, ведущая фигура в обеих организациях, заявил, что подобные изменения будут способствовать переходу местного управления в руки "людей хищническо-промышленного типа", которые вступят в союз с "третьим элементом" из интеллигенции, что в глазах консервативного дворянства представляло собой коалицию всех сил зла¹⁹. В правых кругах петербургского светского общества также нарастало явное недовольство столыпинским правительством, проявлявшееся в заявлениях типа "нельзя ожидать ничего хорошего

от Столыпина и необходимо новое правительство под руководством П.Дурново"²⁰. К 1908 г. на правом политическом фланге окончательно оформилась коалиция ненавистников Столыпина. В нее входили влиятельные группировки внутри Государственного совета и Объединенного дворянства, высшие иерархи православной церкви, многие высокопоставленные чиновники, которые ощущали себя не у дел в свете новых политических экспериментов, а также большая часть "камарильи" в союзе с крайне правыми политиками Думы и некоторыми близкими к ним журналистами. В полной мере была использована двусмысленность положения премьер-министра, который должен был действовать, как "слуга царю", чиновник и парламентский политик одновременно. Избранная тактика нападок на Столыпина была направлена на то, чтобы лишить Столыпина царской поддержки с помощью обвинения в том, что премьер-министр будто бы вступил в союз с консервативной Думой против враждебной ей оппозиции сверхконсервативных и истинно верноподданных реакционеров — другими словами, противопоставил себя монарху. В то же время предпринимались шаги для того, чтобы разрушить негласный союз Столыпина с октябристским большинством в III Думе с тем, чтобы сделать его правительство беспомощным во всех звеньях политической жизни официальной России. Прерогативы короны были избраны основным фокусом антистольпинской кампании²¹. Эта кампания оказалась успешной по всем ее пунктам.

Несмотря на шум и всю ярость своих усилий, Столыпин постепенно терял почву под ногами и отступал под нажимом правого крыла. Его авторитет и положение зависели от царя, который, уже после гибели Столыпина, в беседе с Коковцовым о функциях премьер-министра в России, так помянул покойного премьера: "Не следуйте примеру Петра Аркадьевича, который как-то старался все меня заслонять"²². Царь слишком охотно

верил нашептываниям, что Столыпин не предпринимал необходимых шагов для защиты прерогатив короны; он снова и снова критиковал Столыпина и отвергал некоторые законы, принятые правительством, давая таким образом понять, кто здесь настоящий хозяин.

Столыпин защищался и словесными аргументами, и административными методами, и с помощью прессы (особенно правительственной газеты "Россия", специально созданной им для этих целей). В то же время правое лобби усиливало широкую антистольпинскую кампанию. В марте 1908 г. столыпинский проект административных реформ (который уже на начальной стадии серьезно урезали его собственные коллеги в правительстве, а затем в комитетах) был публично объявлен на IV съезде Объединенного дворянства не только "нецелесообразным", но и "вредным". Иерархи православной церкви резко осудили политику терпимости по отношению к старообрядцам. Князь В.Мещерский, журналист, пользовавшийся особым доверием царя, выступил в своей газете против реформы местных судов. Ни один из этих законопроектов так и не стал в конце концов законом — одни были отклонены Думой, другие — Государственным советом. Законопроект о частичном снятии ограничений с торговых прав евреев сумел пройти через обе палаты, однако царь просто отказался его подписывать. Тем временем предпринимались попытки избавиться от самого Столыпина. Ему удалось удержаться, но о цене этого так с печалью сказал один из его ближайших помощников: "К концу дня он растворялся в компромиссах"²³.

Переломный момент наступил в 1909 г., когда Столыпин подал прошение об отставке после того, как его обвинили в отсутствии должного рвения в защите царской власти. Царь не принял отставки, однако слабое место Столыпина было обнаружено. Тот отреагировал попыткой умиротворения своих критиков справа и царский двор, перенеся акцент своих заявлений и новых

законодательных предположений на русификацию "окраин", пытаясь разыграть националистическую карту²⁴. Автономия Финляндии была сильно урезана. Район Хельма был отделен от польских губерний в ответ на требования местного православного духовенства, зараженного ксенофобией. Предпринимались шаги, чтобы ужесточить выполнение положений, ограничивающих проживание евреев за чертой оседлости, т.е. вне районов, которыми было законодательно ограничено их проживание. Тактическое соглашение между Столыпиным, большинством в Думе, Государственным советом и царем было восстановлено очень быстро, если судить по скорости, с которой законопроект по Финляндии превращался в закон. Тем не менее, Столыпин так и не обрел вновь доверия правых кругов, и прохождение других его законопроектов не облегчилось. Травля Столыпина, опиравшаяся на растущую поддержку со стороны родственников царя, его друзей и сановников из ближайшего царского окружения продолжалась, в то время как многие депутаты Думы, которые относились к нему с уважением, находили все более сложным поддерживать премьер-министра в его "поправении".

Врагам Столыпина в конце концов удалось нанести ему жестокий удар в марте 1911 г. по вопросу законодательства о создании земств в западных губерниях России. Казалось, с этим проектом не будет особых затруднений и, действительно, он был принят Думой и послан в Государственный совет, который, казалось, тоже был готов его принять. Но тут-то Столыпина и поджидала ловушка, устроенная коалицией под руководством П.Дурново и Д.Трепова. Основной их аргумент состоял в следующем: национальные курии будут способствовать разъединению страны, а кроме того, подобное расширение избирательных прав слишком демократично. Законопроект был отклонен, продемонстрировав всем и каждому слабость премьер-министра.

Столыпин был в ярости. Он потребовал от царя, чтобы тот распустил на три дня Думу и Государственный Совет и провел отвергнутый законопроект по 87-й статье. Он также потребовал наказания тех, кто подставил ему подножку, грозя подать в отставку. На какое-то время его воля победила — царь подписал указ и попросил Дурново и Трепова покинуть Санкт-Петербург. Но затем разразилась гроза. Царь впал в гнев из-за того, что на него оказали давление. Антистольпинское правое крыло негодовало из-за того, как обошлись с его вождями и строило планы мести. Сторонники Столыпина в Думе возмущались наоборот столь вопиющим антиконституционным использованием юридической уловки²⁵. Враги Столыпина явно подступали вплотную для того, чтобы нанести последний удар. К середине 1911 г. он был политическим мертвецом и сам сознавал это. Его устранение с политической арены стало лишь вопросом времени и даже способ осуществления был уже, по-видимому, выбран царским окружением — решено было сделать Столыпина наместником Кавказа, что удалило бы его от Санкт-Петербурга и реальной политики. Осуществлению этого плана помешала его смерть.

По поводу последних месяцев жизни Столыпина существуют два спорных свидетельства. В 1953 г. А.Зенковский (близкий сотрудник Столыпина в период его премьерства) сообщил дочери Столыпина, которая проживала в США, что он обнаружил записи, продиктованные ему премьер-министром в мае 1911 г., которые касались долгосрочного проекта дальнейших политических преобразований в России. Это был, по-видимому, черновик меморандума царю, который, возможно, должен был стать "последним выстрелом" перед смещением. Семья Столыпина подтвердила подлинность этих заметок²⁶. Некоторые историки отнеслись к ним скептически, но не было представлено

никаких доказательств того, что этот текст был фальсифицирован²⁷.

В основной части меморандума Столыпин развивал идеи, которые он пытался осуществлять на протяжении пяти лет своего премьерства и текст свидетельствует о том, что его отступление в 1909—1911 гг. произошло вопреки его намерениям. Вот основные пункты его предложений: 1) увеличить более чем в три раза государственный бюджет [с 3 до 10 млрд руб. в год. — Т.Ш.] и использовать это увеличение государственной экономической мощи для крупномасштабных структурных инвестиций, совершенствование административного аппарата и на социальные нужды; 2) децентрализовать управление путем значительного расширения полномочий земств и предоставить полное правовое равенство нерусским группам населения империи; 3) расширить полномочия премьер-министра, установив, чтобы все министры докладывали царю только с ведома премьер-министра и назначались на свои должности только с его согласия.

Столыпин был убит в сентябре 1911 г. двойным агентом Д.Багровым, человеком, который был одновременно сотрудником охраны и членом анархистского движения²⁸. Его выстрел и удивительная некомпетентность чинов охраны дали основание многим (включая семью Столыпина) считать, что его смерть последовала в результате заговора офицеров полиции. Особенно часто обвинялся в заговоре П.Курлов, товарищ министра внутренних дел, шеф жандармерии. Курлов был назначен против воли Столыпина по приказу царя и знал о намерении Столыпина уволить его за некомпетентность. Было известно также, что шеф жандармов действовал за спиной своего министра и против него²⁹. Сенаторы, которые осуществляли предварительное расследование смерти Столыпина, решили отдать под суд Курлова и еще трех полицейских офицеров за преступную халатность, однако все обвиняемые получили прощение царя

еще до полного начала расследования. Тех, кто впоследствии пытался распутать это дело, можно разделить на две группы: тех, кто считал это полицейской провокацией и на тех, кто верил в то, что Багров был действительно одиночкой. Желая искупить вину перед своими товарищами-анархистами, которых он предал, по этой версии Багров убил Столыпина по своей собственной инициативе, оставив охранку "с носом". Недавний обзор документальных свидетельств, выполненный А.Авре-хом, привел к выводу, что заговор полицейских чинов действительно имел место и что Багров, стреляя в Столыпина, являлся лишь орудием этого заговора³⁰. Но дело это остается открытым.

* * *

Пять лет политической драмы, связанной с именем Столыпина, интерпретировались по-разному. Его образ в работах зарубежных историков менялся от патриотически настроенного защитника новой демократии, основанной на мелкособственническом крестьянском хозяйстве, до ранней версии фашиста-ксенофоба на службе русского царя, истинного сына русского реакционного дворянства. Советские историки неизбежно начинали разговор об этом человеке и о его времени, заклеив его, с легкой руки Ленина, "бонапартистом"³¹, однако смысл, который вкладывался в это слово, не оставался неизменным. Наиболее существенные разногласия того периода отразились в споре между В.Дякиным и А.Ав-рехом. Дякин считал, что Столыпин представлял монархический реформизм, отражавший "относительную автономию" государственного аппарата и его специфические цели и считавший себя последним арбитром, решавшим в чем именно состоят интересы России. Столыпинский реформизм в рамках этого подхода противостоял таким образом не только левой оппозиции, но и монархическому реакционному блоку интересов и тенденций, коренившихся в официальных и неформальных

политических институтах России³². Эта точка зрения оспаривалась Аврехом, для которого Столыпин представлял те же реакционные силы, что и Объединенное дворянство, силы, которые брали свое начало в общих классовых интересах помещичества. Правая атака на Столыпина с его точки зрения представляется не более чем незначительной сварой и, говоря словами Авреха, "десятой степени важности", трещиной между наиболее и наименее косными представителями одного и того же лагеря³³. Сам Столыпин по его мнению был вполне посредственным и случайным человеком, оказавшимся каким-то образом у власти (в отличие от действительно выдающегося Витте). Его поражение не имело большого значения и вызвало лишь едва заметную рябь на поверхности океана российской истории.

Резкость риторики Авреха была из ряда вон выходящей. Он обвинил своего противника в том, что тот повторил "взгляды октябристов", "проигнорировав официальную позицию советской историографии"³⁴ — очень серьезное обвинение, если вспомнить его политическое значение. Возможно, это отражало какие-то побочные соображения, весьма отдаленные от обсуждаемого вопроса и от столыпинских времен. Основным доказательством отсутствия существенных различий между Столыпиным и членами Объединенного дворянства, которое приводит Аврех, являются более поздние утверждения последних, будто бы именно они диктовали Столыпину его политику аграрных реформ. Подобные самооценки или пропагандистские выпады сами по себе мало что значат. Ожесточенность антиправительственных нападок, предпринимавшихся российскими реакционерами, и контрмеры Столыпина (так же как и его попытки достичь компромисса, которого они избегали) по всей видимости не были просто ссорой партнеров при дележе добычи. Явные цели Столыпина и реакционеров существенно и последовательно отличались друг от друга³⁵. Вот почему между ними и шла острейшая борьба.

Если брать во внимание самооценку современников, следует начинать с самого Столыпина и с его ближайших помощников. К 1909 г., проводя политику, явившуюся ответом на опыт революции 1905—1907 гг. и направленную на то, чтобы избежать ее повторения, ни у кого из них не было ни малейшего сомнения в том, кто из "истеблишмента" пытался уничтожить Столыпина и почему³⁶. Они также не сомневались, что Столыпина атаковали справа те, кто "ничему не научился и ничего не забыл". Российская правящая элита также знала, что борьба между Столыпиным и его оппонентами справа была борьбой не на жизнь, а на смерть, и что от ее исхода зависела в немалой мере судьба России. Это действительно так, если только не считать, что российское дворянство и российский царь занимались классовым самоубийством, предопределенным неумолимыми "законами истории".

В другом томе я уже высказывал свое общее представление об этом вопросе³⁷. В мире, где Франко управлял Испанией на протяжении жизни целого поколения и умер в собственной постели в президентском дворце, и где Хомейни, возглавив персидский Джихад, смог изменить ход истории Ирана, было бы неразумно ставить реальную историю в зависимость от эволюционных Законов Прогресса. Конечно, общая историография нужна и поучительна, однако конкретные результаты политических битв, "пути" и "повороты" различных обществ вывести из нее невозможно. Кроме того, рассматривая модели социальных изменений, можно увидеть помимо общих и уникальных, также несколько типичных путей из докапиталистических укладов. Один из этих путей, который сегодня мы обычно называем путем "развивающихся обществ" (что само по себе, возможно, является чрезмерной генерализацией и нуждается в категориях) был характерен для России на рубеже веков. В 1904—1906 гг. Столыпин столкнулся с Россией, которая была разительно не похожа на образ.

сложившийся у его поколения, и у него хватило мужества посмотреть правде в глаза. Поэтому он начал борьбу за послереволюционную Россию, которая существенно отличалась бы от той России, в которой он вырос и за которую все еще держался и класс, к которому он принадлежал, и сам царь. В чем же значение выбранного им пути? Кроме того, с тех пор реформы, похожие на столыпинские, снова и снова предпринимаются то в одной, то в другой стране мира³⁸. Почему? И наконец, Столыпин потерпел поражение не от законов истории, а от конкретных политических сил. Но что это были за силы?

Прагматический склад ума Столыпина и его ближайших помощников означал, что теоретическое и концептуальное содержание того, что они пытались сделать, никогда не было выражено ими в виде связной теории. Им недоставало Адама Смита или Фридриха Листа, которые выработали бы основополагающие принципы, на базе которых те или иные правительства и правители могли бы строить свои экономические стратегии. Лучшие теоретические умы России были заняты другими проблемами. Тем не менее, несмотря на свою сугубо практическую направленность, политике Столыпина и его команде суждено было войти в историю теоретической мысли как России, так и других стран (где она стала известна благодаря работам таких исследователей как А.Гершенкрона из Гарварда или относившегося к ней критически П.Бэрана из Стэнфорда, рассматривавших ее как ядро "теории развития", споров по проблемам "модернизации" и "зависимости", определявших экономические стратегии во всем мире в 1950—1970-е годы). Судя по этой проверке, а также и по результатам, к которым привела его борьба за структурное преобразование общества, Столыпин можно назвать революционером мысли и действия, хотя скорее всего такое определение его самого бы удивило. Кроме того, возможность успеха его реформ нельзя исключать по чисто теоретическим соображениям.

Стратегия Столыпина принимала во внимание не только историю Европы и желание "догнать Европу", но также и некоторые основные элементы российского своеобразия. Классическая политическая экономия Адама Смита и Рикардо отразила и исследовала первую капиталистическую волну в Европе. Фридриху Листу принадлежит "первая поправка" к этой теории, которая стала выражением политики "второй волны" индустриализации в Германии и Японии. То же самое остается справедливым и для правительственной политики России, проводимой Витте. Суть этого подхода заключалась в политике государственного вмешательства через "протекционизм", т.е. частичный контроль и стимуляцию рынков, инвестиций, кредитов и прибылей в целях обеспечения роста "молодых отраслей промышленности", прежде чем данная страна начнет пожинать плоды мировой рыночной экономики. Уроки 1899—1907 гг. — экономический кризис, военное поражение и революции, научили немногих наиболее талантливых российских сановников (включая Витте, который, тем не менее, не получил возможности применить свое новое понимание на практике³⁹) следующему: для того, чтобы страна достигла вожделенного экономического роста и прогресса, необходимо ввести вторую поправку к классической экономической науке. В соответствии с этой точкой зрения только тогда могли начать действовать экономические стратегии "первой поправки", как они заработали в Германии. Это должно было подвести страну к такому этапу, когда можно было бы использовать предписания и цели классической политической экономии, а Россия стала бы равноправным партнером на мировом капиталистическом рынке. Вторая поправка к классической школе политической экономии отражала новое понимание того, что радикальное социальное преобразование сельского общества и государственного аппарата — революция сверху — должны происходить до или, по крайней мере, одновременно с проведением протек-

ционистской политики индустриализации. Пусть эти процессы на самотек "рынка" (даже при условии существования протекционистских барьеров) значило создать "узкое место" и вызвать кризис, останавливая экономическое развитие страны. Столыпинский "пакет реформ" и дальнейшие шаги, которые из него вытекали, были нацелены на осуществление "второй поправки", хотя они никогда и не выражались в подобных терминах. Эта программа по преодолению российского кризиса остается логичной и в условиях многих современных "развивающихся обществ". Вот почему такие программы до сих пор привлекают к себе внимание экономистов и политиков. Однако логика сама по себе не гарантирует достижения политических результатов. В период 1906—1911 гг. вопрос заключался в том, способен ли Столыпин осуществить свою стратегию — обезвредить своих врагов и мобилизовать социальные силы, способные воплотить его идеи в жизнь?

Против Столыпина—"вещателя" выступали все силы, которые сражались с самодержавием в 1905—1907 гг. Для радикалов он олицетворял репрессивную природу царизма. Для "инородцев" он символизировал позже также и русский национализм. Кроме того, против его революционных планов широких реформ ополчились реакционеры и консерваторы из чиновничьей и помещичьей среды, позиции которых укрепились в результате поражения революции, а также благодаря личным пристрастиям самодержавного правителя страны, который дулся в Зимнем Дворце. Даже вышедшие из общин крестьяне не оказывали политической поддержку прогрессу по-столыпински, а уж сопротивление со стороны крестьянских общин было временами отчаянным и часто весьма эффективным⁴⁰. Аграрный компонент реформ вызвал волну приватизации и колонизации земель, однако к 1911 г. оба этих процесса начали затухать. А любимое детище правительственной реформы — хутора — заняли не более $\frac{1}{10}$ площади "новых" частных земель. С точки

зрения партийной политики столыпинская администрация состояла в негласном союзе с октябристами. Когда к 1909 г. Столыпин был вынужден повернуть вправо, его главной опорой в Думе оказались только так называемые националисты — весьма аморфная парламентская фракция, не имевшая практически никакой организационной сети на местах. Это означало отход от партии, которая считалась слабой по своему политическому и интеллектуальному потенциалу в сторону группировки, не обладавшей никакими ресурсами вообще.

Столыпинская программа была "революцией сверху", которую не поддерживал ни один крупный общественный класс, ни одна партия или общественная организация. Поэтому кажется невероятным, как мог Столыпин, располагая столь ничтожной поддержкой, замахиваться на столь коренные социальные преобразования. Он опирался лишь на горстку людей, которые решили осуществлять эти преобразования на практике⁴². Они были готовы принять этот вызов вследствие своего высокого положения в исключительно могущественной бюрократии, а также высокомерия российских сановников, которые считали себя полномочными представителями 400-летней истории непрерывно растущей России и самодержавной монархии. Как и некоторые представители российской либеральной интеллигенции XIX в. они верили в то, что основным достоинством царской власти была ее способность игнорировать социальные обстоятельства и любые "партикулярные" представления, стоять над законом и влиять на ход истории, подчиняя обстоятельства своей воле и насаждая то, что "нужно для блага России". Тем не менее, для того, чтобы осуществить те социальные преобразования, которые они замыслили, им нужны были "кадры" — эффективный "генштаб" специалистов с теоретическим воображением и достаточно большая армия исполнителей, обладающих не обычной чиновничьей аккуратностью, но рвением и энтузиазмом. Надо отметить, что персонал, зани-

мавшийся осуществлением аграрной реформы и впрямь несколько изменился к лучшему: на место ограниченных и патриархальных земских начальников пришли более компетентные, прогрессивные и профессиональные чиновники нового министерства сельского хозяйства (ГУЗЗа)⁴³. Однако это усилие было ограничено лишь сферой сельского хозяйства, в ГУЗЗе работало не так уж много людей, и к тому же их преданность премьеру зачастую вызывала сомнения. Чтобы успешно использовать мощь государства в целях преобразования России вопреки яростному сопротивлению могущественной оппозиции, Столыпину нужно было не только царское благоволение, законодательная поддержка и экономические ресурсы, но что-то вроде опричников царя Ивана Грозного, интеллигентов из "Земли и воли", которые "пошли в народ", или же крестьянских сыновей — комсомольцев и чекистов, руками которых осуществлялся сталинский курс 1929—1937 гг. Ни ядро российских политических активистов, ни консервативное дворянство, ни те крестьяне, которые могли бы выиграть от этих реформ, — ни одна из этих групп не оказала Столыпину такой поддержки. Что касается самого Столыпина, то он, по-видимому, даже не понимал, что для совершения революции необходима когорта революционеров.

Последующий период показал, насколько не случайной была неудача Столыпина использовать силу государства в деле преобразования России. При следующем за Столыпином главе правительства, Коковцове, маховик, запущенный столыпинскими инициативами, еще некоторое время крутился и был наконец введен в действие закон о страховании рабочих. Нового премьер-министра довольно дружелюбно приветствовала правая пресса, однако спустя очень короткое время на него начались такие же реакционные нападки, как и на Столыпина. Люди и идеи, олицетворяющие пусть даже частично "революцию сверху" отвергались безоговорочно. Консервативные монархисты, которые определяли

политику, хотели теперь ни много ни мало, как возвращения к порядкам, существовавшим до 1905 г., когда министры действовали как личные исполнители царской воли, и парламентских институтов, которые обладали бы лишь сугубо совещательными полномочиями. Факт назначения министра внутренних дел против воли Коковцова (в 1912 г.) и отставка в конце концов самого Коковцова (в 1914 г.) означали, что первая из этих целей была достигнута и полномочия премьер-министра урезаны. В 1914 г., когда началась Первая мировая война, активно обсуждался новый правительственный переворот, направленный на дальнейшее ограничение функций Думы. За оставшиеся до краха империи годы не появилось ни одного другого предложения по существенному изменению российского законодательства, которое исходило бы от правящих кругов.

Опыт Первой мировой войны выявил истинную сущность царского правительства — некомпетентного и коррумпированного, в той же мере, как реакционного и лакейского. К 1915 г. консервативная IV Дума выступала таким же единым фронтом против политики правительства, как и революционная II Дума в 1907 г. То же самое касается подпольной оппозиции. В правительстве не было ни одного деятеля, который мог бы встать вровень со Столыпиным как полицейский, администратор и как "революционер сверху". Война проигрывалась, командование армии и государственный аппарат были деморализованы. За стенами дворцов и барских особняков, канцелярий и командных пунктов нарастало негодование низов, уныние "образованной публики" и беспокойство чиновничества и офицерства. Когда в 1917 г. грянула следующая революция, она не стала кровавой битвой врагов, сцепившихся в смертельной схватке. Монархия просто развалилась как картонный домик от малейшего толчка. Не оказалось ни одной социальной силы, которая попыталась бы ее защитить.

2. ТРОЦКИЙ И ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Если рассматривать марксистов ленинской интерпретации — в другом мире и почти столетием позже, кажется, что именно они составили единственную альтернативу как монархистам-реакционерам, так и монархистам-радикалам. Существующая литература и предубеждения тех, кто "читает историю назад", т.е. смотрит на нее только по результатам, укрепляют этот взгляд. На самом деле картина была гораздо более сложной и по-разному виделась своим современникам.

Для многих — сильный парламент, руководимый кадетами — наиболее квалифицированными ораторами, юристами, учеными и писателями России, должен был обязательно стать естественным преемником самодержавия по мере того, как Россия продолжала модернизироваться и превращалась во все более цивилизованную страну.

Для Столыпина наиболее опасный вызов царизму исходил, как уже отмечалось выше, со стороны эсеров и их способности политически повести за собой крестьян-общинников. В реальной политической жизни решающего 1917 г. именно поддержка со стороны крестьян позволила ПСР получить абсолютное большинство в Учредительном собрании 1917 г., избранном по принципу "один человек — один голос". Но к 1918 г. государственная власть оказалась в руках большевиков.

Люди, которые встали во главе послереволюционной России, были ее так называемыми "ортодоксальными" марксистами, но назвать их так недостаточно, чтобы охарактеризовать победителей в революции и гражданской войне 1917—1922 гг. Ведь из числа тех ортодоксальных марксистов, которые в 1901—1903 гг. определяли себя как "сторонники Искры", многих не оказалось в числе победителей. Фракционный раскол РСДРП в 1903 г. также сам по себе не может многого объяснить.

Те, кто стал править Россией, называли себя большевиками, но среди руководителей и рядовых членов партии было много тех, кто в 1903 г. принадлежал к меньшевикам, да и их политическая "линия" очень сильно отличалась от той, которая была принята "большинством" на II съезде РСДРП¹. В то же время, среди меньшевиков эпохи 1917—1922 гг., которые встали в оппозицию к новому режиму (в то же время отказываясь воевать с ним с оружием в руках), оказалось много видных большевиков прошлого. Грузией же в эти годы руководили местные социал-демократы, называвшие себя меньшевиками, политика которых все больше и больше отличалась от позиции, занятой их российскими тезками².

Другой, более плодотворный, на наш взгляд, способ рассмотреть "ортодоксальных" марксистов 1903—1917 гг. заключается в том, чтобы выделить тех, чья политическая стратегия победила в 1917—1919 гг., т.е. тех, кому удалось взять государственную власть, использовать ее и, по крайней мере на время, ее удержать. Такая группировка лидеров тесно коррелирует с сущностью политических уроков, извлеченных из революции 1905—1907 гг. теми "ортодоксальными" марксистами, которые оказались способными на глубокую идейную ересь. Существовали три таких группы, берущие свое начало от трех различных фракций РСДРП 1903—1917 гг.: межфракционная группа, которая стремилась к воссоединению партии ("примиренцы"), меньшевики и большевики. Эти группы можно обозначить именами Троцкого, Жордания и Ленина.

Марксистская волна 1890-х годов отражала идейный поворот в среде российской радикальной оппозиции³. Она берет свое начало из настоятельных попыток Плеханова и его союзников провести четкую разграничительную линию между ними и народниками, и, в частности революционно-народнической традицией, к которой они относились как к утопической и детской

предыстории российского революционного движения, достигшего сейчас совершеннолетия. Наиболее важные элементы новой марксистской историографии, легшие в основу политической стратегии и тактики всех русских ортодоксальных социал-демократов, были следующими:

1. Принятие прогресса, понятого как неизбежный рост рыночных отношений, увеличение механизации и размеров капиталистических предприятий, прокладывающих необходимую дорогу к буржуазной демократизации и, в конце концов, к грядущему социализму (противопоставленное морализирующей народнической критике капиталистического развития).

2. Научная необходимость допустить двухэтапное развитие России, в котором буржуазная революция и последующий расцвет капитализма в рамках парламентарского режима должен заложить вначале необходимые основы для социалистического массового движения и социалистической революции (в противоположность обычной вере народников в возможность "перепрыгнуть стадию развития" и напрямую строить социалистическую Россию).

3. Классовый анализ, который выделяет промышленный пролетариат, как единственно последовательный революционный класс нашего времени, т.е. как единственную силу, которая без колебаний поддерживает конечную социалистическую трансформацию, приравненную к пролетарскому правлению на второй стадии будущей истории России (в противоположность предположению революционных народников о том, что в государстве, в котором крепнет капитализм, крестьяне и интеллигенция могут быть такими же революционерами, как и промышленные рабочие, и всех их нужно рассматривать как различные подразделения одного и того же класса трудящихся, которые стремятся к социализму).

4. Строгий запрет на террористические акты. (В 1880-е годы группа Освобождение труда, возглавляемая Пле-

хановым, все еще принимала террор в качестве возможного орудия, но позднее ортодоксальные марксисты стали относиться к нему как крайнему выражению народнического утопизма, отвлекающего партию от необходимой повседневной агитационной работы в среде рабочего класса.) Альтернативной целью считалась работа по созданию массовой пролетарской партии, моделью для которой служили немецкие социал-демократы.

5. Особое ударение на отделение организаций рабочего класса и социал-демократического руководства от любых "буржуазных или мелкобуржуазных" организаций. (В том же духе марксистские партии по всей Европе до 1917 г. отказывались входить в состав буржуазных правительств.)

Эти черты, отличающие политически организованный марксизм в российском контексте как от их социалистических собратий эсеров, так и позже от социал-демократов — членов II Социалистического Интернационала, были особенно важны для понимания того, как РСДРП отреагировала на опыт революции 1905—1907 гг. С первых дней стало очевидно, что по сравнению с другими партиями Интернационала РСДРП была более твердой в своей ортодоксальности, более воинственной и более ожесточенной во фракционных противостояниях и других, в которых уже Плеханов принимал активное участие⁴. Кроме того, наиболее видные россияне в рядах Германской социал-демократической партии и светила II Интернационала Роза Люксембург и Парвус возглавили нападки на любую политическую стратегию, которая ограничивалась лишь успехом в парламенте. В свете этого Карл Каутский даже выразил надежду, что революционный порыв и идейное пуританство российских марксистов омолодит в целом европейскую социалистическую демократию. Жертвенные политические акции, ожесточенный вызов и глубоко этические порывы, противопоставленные суровым репрессиям, определили высокие революционные качества

РСДРП. Другим аспектом, отличающим ее от остальных партий были идеологические корни XIX в., из которых вырос русский марксизм. В России именно революционный опыт народовольцев, который оспаривали ортодоксальные марксисты, глубоко повлиял на их собственные позиции⁵. На "окраинах" империи такие корни можно было обнаружить в традициях борьбы за независимость и национально-классовых противостояниях.

* * *

Главной позицией, которая ассоциировалась с вкладом Троцкого в неортодоксальный марксизм, был сделанный в 1906 г. вывод о "перманентной революции". Он брал свое начало в аналитических работах Парвуса (и, если допустить возможность плагиата, в статьях эсера М.Гоца)⁶. Парвус вырос в Одессе и был ярким журналистом-полемистом. Как и многие из его поколения, он получил первоначальное идеологическое образование из русской народнической литературы, а позднее стал марксистом. Он уехал за границу и его вторым домом стала германская социал-демократическая партия⁷. Парвус воспринял воззрения Розы Люксембург и некоторых немецких социал-демократов на капитализм и социализм, как на интернациональные и "глобальные" явления и подчеркнул, к вящему удивлению его более ограниченных, коллег важность изменений в международном балансе силы между Европой и новыми "возвышающимися" странами, которыми, с его точки зрения, станут Россия и США. И вновь, неожиданно для других, он часто говорил о конкретных проблемах колониализма и подчеркивал вероятность того, что война (а не только экономический кризис) может привести к социалистической революции. С его точки зрения, национальные государства отживали последние дни и наступало время международной взаимозависимости и глобальной экономики. К русской революции нужно было относиться как к одному из таких общеевропейских процессов.

В немецкой социал-демократической партии, которая "усыновила" Парвуса, он привлек к себе внимание ожесточенными атаками на "ревизионистов", особенно на Фольмара и Бернштейна (следуя в этом линии Плеханова, Парвус удивил своих немецких товарищей призывами исключить Е.Бернштейна из партии). Его предложения в области тактики были нацелены на радикализацию партийной работы. Он, в частности, призывал к использованию рабочих забастовок в качестве инструмента политического наступления. Для немецких социал-демократов Парвус часто был главным толкователем процессов, происходящих в Российской империи⁸.

Основные особенности России, по мнению Парвуса, определялись ее многоуровневой отсталостью. Российское городское общество было особенно недоразвитым, даже по сравнению с обществом в целом. В этих городах, "похожих на китайские", не было массы ремесленников и мелких капиталистов, которые формировали ту классовую базу, из которой черпали свою силу радикальная буржуазная борьба и режимы Западной Европы. Это обстоятельство, наряду с особой ролью иностранного капитала в России, сделали ее собственных капиталистов исключительно слабыми. Российское крестьянство (и сельские ремесленники, входившие в него) имело огромную численность, но было слишком разобщенным и консервативным для того, чтобы стать политической силой. Пролетариат оставался поэтому единственной революционной силой в России, что было справедливо не только для социалистической стадии ее будущей истории, но также и для предстоящей в скором времени стадии буржуазной трансформации. Парвус соглашался с позицией, занятой "искровцами" в 1900 г., но подвел под нее более основательную социологическую базу. Он был также готов извлечь из нее более радикальные выводы.

Постоянно проживая в Германии, Парвус к началу столетия быстро укрепил свои связи с русскими револю-

ционерсами. Он писал для их изданий и всячески им помогал (восемь номеров "Искры" были отпечатаны в подпольной типографии, специально организованной для этой цели на личной квартире Парвуса в Мюнхене). В 1904 г. он познакомился с Троцким и они вступили в интенсивную дискуссию, продолжавшуюся несколько месяцев. Парвус, *enfant terrible* (ужасное дитя) немецкой социал-демократической партии, которому было тогда 37 лет, и Троцкий, восходящая звезда РСДРП, находившийся в конфликте и с большевистской, и с меньшевистской фракциями, которому исполнилось тогда 23 года, стали близкими друзьями⁹. По мере того, как шло время, различия между ними становились все больше — выдающиеся способности Троцкого как политического лидера, его высокомерная харизма и жестко сфокусированная энергия противостояли эгоцентричности Парвуса, его неспособности эффективно руководить повседневными политическими действиями и переменчивости его настроений и целей. Но какое-то время они взаимодополняли друг друга. После "Кровавого воскресенья" — 9 января 1905 г. они снова ненадолго встретились и после того, как Троцкий незамедлительно уехал в Россию, Парвус приступил к изданию ранней брошюры Троцкого, в которой развивалась идея массовых наступательных забастовок как пути, ведущего к революции. Парвус добавил к ней пространное введение, обосновывая от своего имени и от имени Троцкого свою модель "отсталости" России и, в качестве вывода, свою точку зрения на то, что из-за слабости российской буржуазии именно пролетариат должен напрямую взять власть посредством образования революционного рабочего правительства, в котором преобладали бы социал-демократы — шокирующий новый взгляд, который прямо противоречил фундаментальной двухстадийной историографии русского ортодоксального марксизма¹⁰.

В конце октября Парвус также уехал в Россию, чтобы присоединиться к Троцкому, который к тому времени

стал вице-председателем и душой Санкт-Петербургского Совета Рабочих Депутатов. После ареста всех членов Совета Троцкий произвел огромное впечатление своей блистательной речью на суде. Затем ему удалось бежать из тюремного заключения и, пребывая за границей, стать вновь в центр российской революционной политики.

Парвус, сменив Троцкого, возглавил "второй Совет" — подпольный, который должен был заступить на место разгромленного. Члены этого Совета были вскоре схвачены полицией. Парвус также был арестован, смог бежать, покинул Россию и навсегда забросил прикладную политику. Сотрудничество Троцкого и Парвуса тоже подошло к концу. Парвус вновь "всплыл" в годы Первой мировой войны как миллионер, сделавший состояние на войне и как агент Германского имперского правительства, позднее ставший советником министров социал-демократов, вошедших в состав республиканского правительства Германии в 1918 г. Он все еще продолжал считать себя марксистом, но был единственным человеком в Европе, который в это верил¹¹.

Позднее, когда имя Парвуса стало ругательством в социалистической движении (даже его упоминание в социалистической литературе считалось неприличным), некоторые историки стали верить или претендовать на то, что содержание троцкизма в 1905—1917 гг. было на самом деле полностью определено Парвусом. Это не соответствует действительности, поскольку Троцкий, восприняв многое из аналитических положений Парвуса, дополнил их важными выводами, к которым он пришел самостоятельно. Начиная с того места, где мысль Парвуса остановилась, он продвинулся дальше в деле создания альтернативной стратегии, которой суждено было занять важное место в российском запаснике марксистской идеологической неортодоксии. Сущность этой стратегии стала важной частью политического плана, принятого большевиками в апреле 1917 г.

Троцкий был согласен с Парвусом в том, что "важнейшей отличительной особенностью исторического развития России была ее ограниченность"¹². Они были также едины в том, что Россия испытывала недостаток в радикально настроенных капиталистах из-за недоразвитости ее городского общества. Оба не выделяли особо сельскую проблематику — то, что Троцкий называл "крестьянским узлом отсталости"¹³. Что касается политической тактики, оба встали в 1905—1907 гг. на сторону большевиков в отрицании любых союзов с кадетами (которые из-за слабости русской буржуазии стали в этом видении ее идеологической заменой, но без соответствующего экономического контроля над "реальными вещами"). Только наступление пролетариата могло заставить царизм уступить и только революционное правительство рабочего класса, руководимое социал-демократами, могло возглавить послереволюционную Россию. Определяя сущность российской отсталости, Троцкий особенно подчеркивал важность в таких условиях государственной власти¹⁴.

В то время, как воображение Парвуса остановилось на создании рабочего революционного правительства, которое должно было завершить создание наиболее демократической версии капитализма, Троцкий сделал решающий шаг вперед предположив, что такая пролетарская власть неизбежно усиливаясь, переступит пределы буржуазной демократии и нанесет удар также и по капиталистической собственности. Это имело решающее значение для будущей политической стратегии, поскольку подразумевало "диктатуру пролетариата", установленную меньшинством и быстрый марш прямо к социализму, а также то, что двухстадийная модель в России не материализуется. Это также означало, что власть рабочих неизбежно заставит капиталистов всего мира сплотиться против нее и попытаться задушить ее "извне" (как во Франции в 1789—1793 гг.). Поэтому для русской революции единственным способом добиться

успеха было бы пересечение государственных границ и превращение ее в общеевропейскую революцию. Однажды приведенная в движение, русская революция, таким образом, рассматривалась как нечто беспримерно углубляющееся в своем политическом радикализме и все более расширяющееся географически до тех пор пока мир в целом не будет вовлечен в революцию, которая становится, таким образом, "перманентной". Полностью отдавая себе отчет в том, насколько его взгляды не соответствовали господствующему эволюционизму II Интернационала, Троцкий предпринял лобовую атаку на "глупую ошибочность... исторических аналогий, которыми живет либерализм", т.е. на использование примеров 1789—1793 гг. и 1848 г. вместо прямого "социального анализа" действительности (в первую очередь, проявлений особой роли пролетариата в 1905 г. в сравнении с ранними европейскими революциями)¹⁵. Он очень хорошо понимал, что критикует этим не только либералов.

Главной причиной того, почему это удивительное заключение не было немедленно отвергнуто социал-демократами как антимарксистский рецидив народничества или как утопический мистицизм, был отчетливый "западнический" упор Троцкого на пролетариат и на экономический прогресс как руководящий принцип, определяющий политическую стратегию. Он даже делал резкие выпады против ленинского тезиса о "демократической диктатуре рабочих и крестьян". С точки зрения Троцкого, крестьяне ни при каких обстоятельствах не могли играть независимую политическую роль или сформировать собственную партию, что делало идею Ленина нереалистичной. Единственным жизнеспособным политическим режимом революции могла быть диктатура рабочих, опирающаяся на крестьянское большинство населения, его добрую волю или индифферентность, но ни в коем случае не воспринимавшая крестьян как партнеров по государственной власти. Тот

факт, что переход к социализму был для Троцкого непосредственной целью, делал все это более насущным. В виду того, что происходило у Троцкого на глазах, его близорукость по отношению к крестьянам была весьма примечательной. Для него революция 1905—1907 г. потерпела поражение не вследствие мощи государственной машины и слабости или ошибок революционеров, а просто из-за "тугодумности" солдат, набранных из крестьян¹⁶. По его мнению, крестьяне сами по себе не оказали почти никакого влияния на политические события 1905 г., правда, они стали более активны в 1906 г., но их роль оставалась незначительной — надежды на крестьянское восстание в 1906 г. попросту доказали нереалистичность отношения Ленина к крестьянству. Эсеровская идея "социализации" всей земли противоречила истинному желанию крестьян удержать свою собственность, что делало притязания эсеров на влияние в деревне несостоятельными. Трудовая фракция Думы была для Троцкого всего лишь еще одним доказательством фундаментального общественного закона, в соответствии с которым город руководит селом — трудовики просто шли за кадетами и после того, как разочаровались в них, последовали за социал-демократами¹⁷. (Троцкий просто не стал принимать во внимание массовое голосование за ПСР в 1906 г. по рабочей курии Санкт-Петербурга, т.е. его "вотчины" с точки зрения политической деятельности 1905 г.)¹⁸.

После 1907 г., в период политического упадка российского революционного движения, Троцкий почувствовал себя "аутсайдером" среди своих товарищей по партии. Он продолжал призывать к единству РСДРП, в то время как в действительности пропасть между ее фракциями становилась все шире. Его считали меньшевиком, но он был в состоянии войны со всеми меньшевистскими лидерами. В своем недоверии к кадетам он превзошел даже большевиков. В то же самое время его резкое и грубое антинародничество и "антикрестьянство" ставили

его в один ряд с наиболее консервативными меньшевиками, которые твердили о том же, начиная еще с 1890-х годов. К его идее пролетарской диктатуры, ставящей своей целью немедленное построение социализма сразу же после крушения самодержавия, относились как к чудачеству. Даже партия эсеров к тому времени отошла от такого взгляда под воздействием ее "марксизации" и ее собственной "теории двух стадий", разработанной В.Черновым.

Но именно концепция "перманентной революции", как справедливо определил Дейчер в заключении к своей блестящей книге, была тем, что Троцкому, "до конца своих дней — вождю революции, создателю и командующему ее армией, основателю нового Интернационала, как и затем ссыльному, на которого была объявлена охота", суждено было ее "защищать и развивать" после того, как он "изложил это в двух словах в 1906 году"¹⁹. Что касается РСДРП, то идеи Троцкого были слишком драматичны, но и в конце концов, слишком релевантны, чтобы просто отбросить их в сторону. То же самое справедливо и для опыта Санкт-Петербургского Совета — органа прямого пролетарского правления, о котором русские социалисты узнали в основном из работ самого Троцкого и изданий, которые он редактировал.

К 1914 г. Троцкий стал выходить из изоляции. Медленно росла небольшая, но яркая группа активистов и писателей РСДРП, которые не были согласны ни с большевиками, ни с меньшевиками. Противостояние по вопросу отношения к войне еще больше сплотило их. Ряд членов этой группы объединился вокруг антивоенной газеты "Наше слово", выходившей в Париже. Это были бывшие большевики Луначарский и Мануильский и бывшие меньшевики — Троцкий, Антонов-Овсеенко, Чичерин и Коллонтай²⁰. Всем им суждено было сыграть решающую роль в Октябрьской революции и при постреволюционном большевистском режиме. В 1917 г. эта группа сблизилась с межрайонцами, которые не счита-

ли себя ни большевиками, ни меньшевиками и приняли Троцкого как своего лидера, после того, как он вернулся из ссылки²¹. Эти группы объединились и в июле 1917 г. присоединились к партии большевиков, а их лидеры вошли в ее Центральный комитет.

В ноябре 1917 г. именно Троцкий от имени большевиков, председательствовал в Петроградском Совете, в то время как Антонов-Овсеенко был секретарем Военной Комиссии Совета и руководителем восстания, которое привело большевиков к власти. (Двое из трех непосредственных руководителей восстания были бывшими меньшевиками.) В течении 1917 г. массовых митингов, в ходе которых власть большевиков обрела свою форму, Луначарский и Троцкий были главными ораторами партии, наравне с Лениным²². Непосредственный политический план, которому они следовали — "Апрельские тезисы" — был набросан Лениным на клочке бумаги в поезде, в котором он возвращался в Россию. Ленин прочитал их на заседании немедленно после своего прибытия, вызвав удивление и протест большинства его сторонников в Петрограде. Но всего за несколько дней он добился поддержки своего плана, к которому мы еще вернемся. Пока же уместно отметить, что решающим изменением в стратегии был призыв Ленина к "немедленному переходу ко второй стадии революции, которая должна передать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства" и идея использовать для этой цели Советы как новые общенациональные и местные органы власти²³. В новом политическом мире 1917 г. с его невероятными изменениями и возможностями, которые опережали планы, стратегии и воображение, принципиальный вывод Троцкого из событий 1905—1907 гг. о возможности "громдного скачка" в трансформации России, возглавляемого социалистами и нацеленного на социализм, стал сейчас стратегией этой главной революционной партии страны. Спустя короткое время ей предстояло стать правящей. "Связка" Ленин—Троц-

кий, сосредоточившая в своих руках полноту высшего командования в годы гражданской войны, была не только союзом харизматического лидера партии большевиков, ее выдающегося стратега с блистательным комиссаром его армий и великим оратором — "Дантоном революции". Она воплощала также более глубокую логику синтеза идеологических течений РСДРП, которые сейчас объединились в поиске дороги к революции и пониманию ее движущих сил.

Насколько сильным было политическое воздействие интеллектуально-идеологической истории вождей революции по сравнению с силой обстоятельств? Используют ли политики уже созданные аналитические инструменты и выводы или же они разрабатывают их каждый раз заново? И то, и другое — правда (а на то, как они видят "обстоятельства" всегда влияют существующие концепции и степень их осознаваемого правдоподобия, определяемого прошлым). Тезис Троцкого о "перманентной революции" был обнародован на V съезде РСДРП в 1907 г. и в его работах. Хотя открыто его приняли не многие, он должен был глубоко запасть в умы марксистских критиков Троцкого. Тот путь, который воплотил элементы данного тезиса в жизнь в 1917 г., когда политическая реальность начала опережать воображение, хорошо соответствует такой точке зрения.

Огромный шаг вперед Троцкого в его концепции революционной государственной власти и политической трансформации сосуществовал с явной ортодоксией, т.е. консерватизмом, касающимся других элементов его варианта марксизма. Интеллектуальный прорыв Троцкого оказался односторонним. Троцкий никогда не переставал повторять, что к России полностью применимы все универсальные общественные законы и что любая претензия на исключительность страны была ложной. (К его высказываниям вполне подходит замечание Шекспира о "леди", которая "протестует слишком жаростно".) Он был убежден в том, что Россия не

сможет трансформировать себя без технологической и идеологической помощи со стороны подлинно цивилизованных стран. Это было ясно. Кроме того, Троцкий демонстрировал поверхностное, индифферентное или враждебное отношение к ряду важнейших элементов анализа политики России, таким как этническая или крестьянская проблемы. К этим вопросам он относился с презрением или отделялся фразами, которые черпал из марксистской риторики XIX в. Его представление о революционном лагере было простым: это пролетариат, которым руководит небольшая когорта революционеров, а все остальные — это враги и их приспешники, или те, кто пока еще им послушен²⁴. С этим упрощением было также связано его отставание по времени в понимании внутренней динамики партийной организации — что и стало его главной слабостью в 1903—1917 гг. и причиной его политической гибели в 1923—1927 гг.

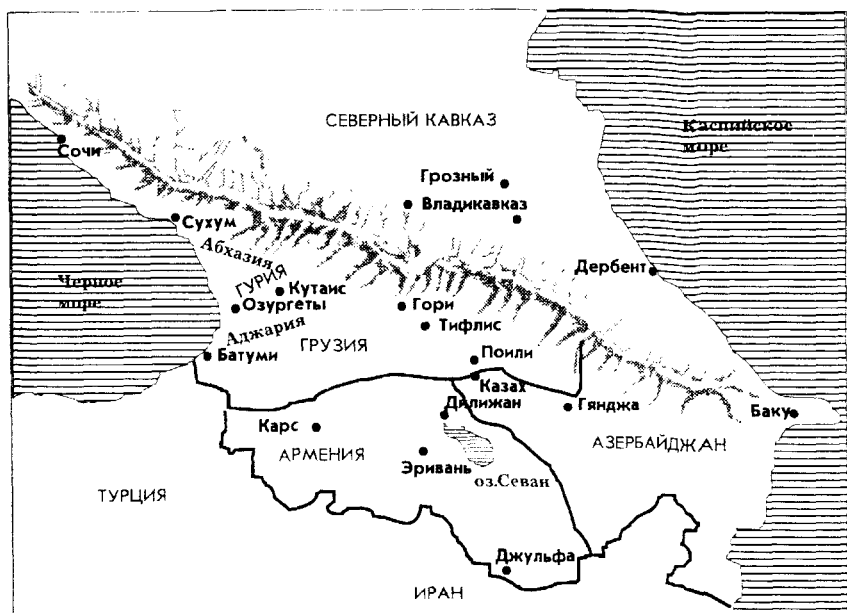
3. ЖОРДАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ

В большинстве своих персональных и идеологических черт Ной Жордания был полной противоположностью Льву Троцкому. Как и Троцкий, Жордания был "ортодоксальным" марксистом, поддерживавшим меньшевиков на съезде 1903 г., но почти всегда не ладившим с их всероссийским руководством. Но Жордания на протяжении всей своей жизни неизменно считал себя меньшевиком — и непременно грузинским меньшевиком, а его явная неортодоксальность и проблески тактического гения относились в основном к тому, что Троцкий склонен был вообще сбрасывать со счетов, т.е. то, что в марксистских кружках называли национальным вопросом, проблемой партийного строительства и проблемой "классовых союзов" с непролетариями. Что касается крестьянского вопроса и Троцкий, и Жордания соглашались с универсальной теорией, но их стратегия и практика оказались глубоко разными.

Жордания начал свое политическое образование с чтения Герцена, провел большую часть своей жизни в Западной Европе и Польше, в Санкт-Петербурге руководил социал-демократической фракцией I Думы, был членом ЦК РСДРП. Но чувствовал он себя как дома только в Грузии и едва ли был известен за ее пределами. В Грузии он руководил организацией социал-демократической партии, которая на протяжении жизни целого поколения доминировала на грузинской политической сцене. В качестве партийного лидера Жордания демонстрировал харизматическую способность убеждать своих сторонников снова и снова менять идеологически расписанную "политическую линию", сохраняя в то же время целостность своей организации. Что касается его неортодоксальностей, то они никогда не были столь же цветистыми и громогласными, как у Троцкого, и не имели такого же теоретического и глобального охвата. В итоге в вопросах теории Жордания был скорее консерватором, чем бунтовщиком (и поэтому, может быть, следовало поместить этот рассказ о нем в пятую, а не в шестую главу этой книги). Не производя большого впечатления на всероссийских съездах РСДРП, Жордания, тем не менее, был наиболее действенным политиком Грузии. Каутский был вынужден отметить в самой высокой похвале, которую он мог высказать, что "Жордания для Грузии сделал даже больше, чем Плеханов для России, потому что он оставался в этой стране, а не работал за границей и соединял таланты практического бойца с деятельностью мыслителя и публициста"¹.

Здесь нужно больше сказать о Грузии, как бы скрытой за Большим Кавказским хребтом и от своих санкт-петербургских "всероссийских" вождей, и от европейского общественного мнения. История Грузии берет свое начало с античной Греции и Рима, на Западе — от Колхиды аргонавтов, а на Востоке — от Иберии, упомянутой в истории Рима, принадлежащей перу Страбона, и римских пограничных гарнизонов. Христианство

пришло туда в IV в. н.э. и приняло форму его "восточного", т.е. "православного" крыла. Грузинское княжество достигло своего политического и культурного расцвета в XI и XII вв. Разрушенная монголами, Грузия попала позднее под власть Турции и Ирана. Ее вновь и вновь опустошали вражеские армии, банды разбойников и работорговцев. В конце концов, в XVIII в., пытаясь защитить страну от вымогательств и налетов (важной целью которых был захват детей для торговли рабами в мусульманских странах), грузинский царь просил помощи у своих русских единоверцев. При Екатерине II Грузия стала российским протекторатом, а позднее в 1801 г., открыто нарушив взятые Россией обязательства, Павел I приказал ее аннексировать. Вместе с соседними территориями Закавказья, Грузия стала Кавказским наместничеством Российской империи, находящимся под управлением царского представителя, резиденция которого находилась в Тифлисе (см. карту 3).

Карта 3. Закавказье, 1917—1921 гг.

В начале века грузины населяли, в основном, довольно компактную территорию на русско-турецкой границе, где кроме них жили армяне, азербайджанцы, осетины, абхазцы и многочисленные горские народы. Перепись 1897 г. учла более 1 млн грузинов², ⁹/₁₀ из которых проживали в деревнях, в большинстве своем являясь крестьянами-издольщиками. 6% грузин — очень высокая доля — принадлежали к дворянскому сословию, но земельные владения большинства грузинских дворян были настолько малы, что многие из нас должны были сами обрабатывать свою землю, или искать место на государственной службе, в армии, или же становиться лицами свободных профессий. В городах существовал небольшой и быстро растущий рабочий класс, но грузинских капиталистов было очень мало — богатые купцы Тифлиса были в основном армянами и все значительные предприятия находились либо в их собственности, либо принадлежали государству или зарубежным предпринимателям. Уровень грамотности и образования Грузии, который был одним из самых высоких в империи, был связан с процветающей литературой и деятельностью выдающейся интеллигенции, часто дворянского происхождения. Грузинская интеллигенция образовала относительно большую группу в городах и действовала как хранительница этнической идентичности и единства, которые ощущалась очень сильно, несмотря на обособленность некоторых горных и долинных районов. В глазах многих ее уроженцев Грузия была древним островом высокой культуры в океане славян, горцев и варваров-турок.

Политическая жизнь Российского Закавказья была активной, несмотря на жесткие полицейские ограничения. В начале 1890-х годов по всему региону действовали кружки социал-демократической партии, грузинских и армянских националистов. В 1898 г. Жордания стал главным редактором влиятельного журнала "Квали" и вместе со своими друзьями превратил его в

легальное марксистское издание. Растущая сеть подпольных кружков и комитетов социал-демократической партии, в работе которых принимало участие много рабочих, возникла во многом благодаря усилиям редакторов "Квали" по организации марксистского образования. Их активность вызвала обеспокоенность властей и в 1901—1902 гг. начались массовые аресты. Как часто случалось в те дни, совместное тюремное заключение дало возможность социал-демократам различных районов Грузии встретиться и помогло им организовать общее руководство. В 1902 г. был учрежден также Закавказский объединенный социал-демократический комитет³. На II съезде РСДРП в 1903 г. присутствовало четыре представителя от Закавказья, трое из которых прибыли из Грузии⁴. С тех пор, грузинам суждено было играть важную роль в РСДРП, но их лидеры резко разделились на тех, кто как Церетели, Чхеидзе, Сталин и Орджоникидзе сосредоточились на делах и порядках Российской Социал-Демократической Партии, и тех, кто сделал упор на работе в Грузии, подобно Жордании, Джибладзе, Рамашвили и Махарадзе. Так как влияние большевиков на обе эти группы было слабым и уменьшалось далее (что заставляло некоторых из них уезжать в другие места, например, в Баку), РСДРП Грузии все в большей степени попадала под влияние меньшевиков. Все делегаты Грузии на "объединительном" съезде РСДРП в 1906 г. были меньшевиками. Но грузинские меньшевики значительно отличались от своих российских единомышленников и союзников.

В 1903—1907 гг., по мере того как грузинская социал-демократическая партия стала частью всероссийской, особенности ее грузинского контингента становились все в большей степени очевидными. Они были связаны с местными политическими условиями и выражались, как в особом отношении к крестьянам, городской буржуазии и "национальному вопросу", так и в особой тактике, в которой сочеталось создание широких коа-

лиций, обширное "использование легальности" при бескомпромиссной боевитости и дисциплине.

В главе 3 описывался способ, посредством которого грузинские крестьяне навязали себя грузинским социал-демократам. В 1906 г. насчитывалось 5 тыс. платящих взносы членов РСДРП в одной сугубо аграрной Гурии — по числу членов ее можно было сопоставить только с двумя крупными фабричными городами — Иваново-Вознесенском и Одессой, вместе взятыми. Сила крестьян, приверженных "ортодоксальному" марксизму, вызывала удивление, грубо нарушала теорию, но была основой мощи партии Грузинских социал-демократов⁵. Роль грузинского крестьянства нельзя было объяснить историографически, используя "русские рецепты", т.е. просто объявляя ее типичной для антифеодального этапа борьбы. Наиболее воинственно настроенные марксисты — социал-демократы из крестьян, как в Гурии, были как раз уроженцами областей с наиболее развитой экономикой, самым высоким уровнем грамотности и незначительными "пережитками феодализма". Несмотря на внутреннюю социально-экономическую дифференциацию, крестьяне различных частей Грузии действовали в унисон, под лозунгом борьбы за социализм в марксистской интерпретации. Грузинские меньшевики стали первой в мире марксистской массовой партией за пределами Европы, большинство членов которой составляли рабочие и крестьяне. Членами партии была также радикальная часть интеллигенции (что было обычным для всей империи). Но социальная поддержка этой партии распространялась дальше, и вновь в неожиданном для ее вождей направлении. Мелкие торговцы Тифлиса и Батуми действовали в 1905—1907 гг. по призывам РСДРП, как серьезная и дисциплинированная сила. Их финансовая поддержка, и даже более того, торговые стачки (закрытие всех магазинов), играли важную роль в конфронтации с русскими властями⁶. Даже еще более удаленные в со-

циальном смысле группы, такие как грузинское духовенство, государственные чиновники, буржуа и некоторые помещики оказывали помощь РСДРП, к которой они относились как к главному освободительному движению грузинского народа. Именно этот широкий национальный фронт обеспечил революционную ударную силу партии в 1905—1906 гг. и ее успехи на выборах во все четыре дореволюционные Думы. Он также способствовал сохранению ее как подпольных, так и легальных организаций в годы реакции.

Все это подводит нас к еще одной идейной особенности грузинских социал-демократов — к значению, которое они придавали национальному вопросу. Съезд РСДРП 1903 г. уделил этой проблеме не слишком много внимания, ограничившись декларацией очень общего и неконкретного "права наций на самоопределение"⁷, и отверг какие-либо партийные организации, образованные на этнической, а не на территориальной основе⁸. Для грузинских социал-демократов национальная проблема имела три основных аспекта. Во-первых, грузинами управляли русская администрация, которая была склонна к русификаторству. Местные чиновники и полицейские подчинялись русскому наместнику, местным духовенством управлял русский епископ, язык преподавания и официального бизнеса был русским, неизвестным или едва знакомым большинству населения. Во-вторых, большинство грузин верили, что суверенитет России над их страной был меньшим из двух зол, если сравнивать его с ущербом, нанесенным турецкими и персидскими нападениями, о которых все еще слишком хорошо помнили. Воспоминания Жордании содержат комментарии крестьянина из Гурии, который резко выступил против независимости: "Мы не хотим возвращаться к тому времени, когда наших детей продавали в рабство [туркам. — Т.Ш.]"⁹. Эти страхи усиливали известия о том, как в Турции обращались с армянами. В-третьих, существовала проблема этнически негру-

зинского населения, проживающего на территории Грузии и проблема субэтнических различий между грузинами, поскольку население каждой горной долины отличалось своими специфическими особенностями.

Неудивительно, что первая часть теоретической работы Жордания была посвящена "национальной проблеме"¹⁰. (То же самое можно сказать и о другом грузинском социал-демократе, как и Жордания, исключенном из духовной семинарии, — Иосифе Джугашвили—Сталине¹¹.) В своей статье Жордания соглашался с Каутским, что именно капиталистическое развитие должно объединить грузин в нацию, в то же самое время разделяя их по классовой принадлежности. Идеологическое противостояние, которое инициировало самоопределение грузинских социал-демократов как партии (параллельно с противостоянием ортодоксальных марксистов и народников в России), проявилось в споре социал-демократов с грузинскими федералистами. Федералисты призывали к объединению всех грузин в борьбе за грузинскую национальную автономию (связанную с Россией федеративным соглашением). Грузинские меньшевики противодействовали как независимости, так и федеративной автономии и вообще любым лозунгам объединения по этническому принципу. Жордания объяснял эту позицию крестьянам, сторонникам партии, тем, что призыв к национальному единству между издольщиками и землевладельцами приведет к утрате крестьянской поддержки его партии и этим деморализует также и рабочих — членов партии. Что касается свободы Грузии, то она наступит как часть русской революции. В новой демократической России грузинские меньшевики хотели создать Закавказский парламент, возможно основанный на выборах по куриям, представляющим различные этнические группы. Этот учет этнических различий, но и активное отрицание независимости, вместе с ортодоксальным марксистским объяснением этой позиции были связаны в борьбе

1905—1907 гг. с крайне необычной тактикой объединенного фронта, который включал в свой состав большинство грузинского населения, включая представителей всех ее основных социальных классов, и которым руководили социал-демократы. Их грузинский, но одновременно отвергающий независимость, патриотизм хорошо воспринимался многими: он был враждебен самодержавию, но не России, принимая во внимание местные антитурецкие настроения, обеспечивал интересы большинства, и укреплял единство *de facto*, поскольку был принят на вооружение самой крупной политической организацией Грузии.

Странности грузинских товарищей не способствовали пониманию их среди российских меньшевистских лидеров. Разумеется, те были рады иметь дисциплинированных сторонников, готовых бороться с царизмом и поддерживать на всероссийских съездах меньшевистскую фракцию РСДРП, но их меньшевизм находился под подозрением. Жордания и его друзья отрицали ленинские требования крайней дисциплины и централизации, как наносившие ущерб инициативе рабочего класса. Но они отвергали их и потому, что более децентрализованная партийная структура лучше бы подходила автономным региональным организациям. В противоположность большевикам они настойчиво защищали участие во всех легальных начинаниях, организациях или выборах как облегчающее их дело (включая выборы в так называемую "Булыгинскую Думу"). Но в то же самое время, вместе с большевиками они выступали против любого альянса с кадетами и использовали крайние методы борьбы с государственными властями. Их вооруженные Красные Сотни были многочисленны и готовы к борьбе. Партия не исключала даже "террористических" акций, и в 1905 и 1906 гг. несколько старших российских должностных лиц, таких как генерал Грязнов, были убиты вооруженными группами социал-демократов. Необычная для меньшевиков воинственность, проявленная гру-

зинами, была надлежащим образом воспринята Лениным, который на V Съезде РСДРП в 1907 г., по-видимому, предложил Жордании практический "союз воинствующих", направленный против Мартова и его друзей¹².

Грузинские меньшевики успешно выдержали "период реакции". Несмотря на жестокость, с которой власти действовали в Грузии, ни их подпольные, ни их легальные организации не погибли. Им помогла выстоять продолжающаяся массовая поддержка их сторонников. С тактической точки зрения, Жордания первым поддержал призыв Аксельрода к созыву Съезда рабочих (немедленно отвергнутому Лениным как "ликвидаторскому"). Но в 1909 г. он резко выступил против того, что назвал "бесхребетностью" русских меньшевиков, выраженной в их "политике малых дел", союзами с либералами и в пессимизме по отношению к их общей стратегии. В годы, предшествующие Первой мировой войне, Ленин, Плеханов и Жордания на время заключили союз, атакуя "ликвидаторов" РСДРП с радикальных позиций.

Что касается аналитического переосмысления уроков революции 1905—1907 гг., в Грузии оно было особенно не ровным. Можно попытаться измерить меньшевистское "нежелание учиться", которое члены этой партии демонстрировали в те дни. Предложенный выше "принцип абака" имел здесь особое значение. Успехи практической политики грузинских меньшевиков мешали критической самооценке и продвижению вперед в теоретической области. Эта было также связано с личным стилем руководства Жордания, который был прагматическим и отвергающим (или неспособным принять) инновации в "ортодоксальном" теоретическом языке анализа. В течении всего десятилетия с 1907 по 1917 гг. русские лидеры социал-демократической партии бомбардировали друг друга теоретическими книжками, в которых пытались лучше понять русскую историю, но

лидер грузинских меньшевиков не написал ни одной такой работы. Вместо этого он делал ссылки на Маркса и Каутского, которые должны были объяснить все, что нуждалось в объяснении в социальном анализе Грузии. Опыт французской революции 1789 и 1848 гг. использовался Жорданием для того, чтобы разобраться в проблемах и возможностях той стадии развития, на которой для него оказались Россия и Грузия (различаясь только природой "национальной проблемы"). Теория "двух стадий" царствовала безраздельно: путь неразвитого общества, каким была Грузия, проходил через буржуазную политическую революцию, быстрый экономический подъем и социалистическую трансформацию, следующие друг за другом именно в такой последовательности.

Крестьяне были здесь причиной самого большого несоответствия между теорией и практикой. Удивление, вызванное массовой крестьянской борьбой и подъемом в 1903—1905 гг. миновало. Теперь это объясняли фразой о "буржуазной стадии" или просто считали само собой разумеющимся, как и неотъемлемое право марксистов руководить "менее прогрессивными" социальными слоями. На съезде 1906 г. Жордания назвал крестьян частью буржуазии. Такими они и остались на языке политической теории, какой бы ни была их поддержка РСДРП.

Несмотря на эти "шоры" и ортодоксию, грузинские меньшевики и их лидер приняли одно важное и новое обстоятельство, прямо относившееся к их политическому опыту 1903—1907 гг. В отличие от русских меньшевиков, которые искали буржуазного руководства для буржуазной исторической стадии (а "пролетариат" должен был при этом ждать до "следующей стадии"), грузинская социал-демократия была готова принять власть над своей страной. Это обстоятельство было связано со спорами по национальному вопросу, межклассовой тактикой и накопленным опытом грузинских социал-демократов¹³.

В Закавказье Февральская революция послужила толчком для возникновения политических партий и организаций, схожих с партиями и организациями Центральной России¹⁴. В регионе было создано представительство Временного Правительства — ОЗАКОМ, но реальная политическая власть и полномочия оказались в руках Советских организаций. Сеть рабочих Советов была организована в первую очередь, создав объединенный исполнительный орган — Центр Рабочих Советов в Закавказье. В этом Центре, образованном в Тифлисе, доминировали грузинские меньшевики под председательством Жордании. Параллельная организация солдат, в большинстве своем русских, которой руководили эсеры, образовали свой собственный Центр. Некоторые крестьянские Советы и их Центр также были, в конце концов, организованы, но играли только вспомогательную роль по отношению к Советам рабочих, которыми руководили меньшевики. Объединенный комитет трех Центров — Краевой Центр, стал на какое-то время главной властью в Закавказье. Лучше других организованные грузинские меньшевики играли решающую роль в этом Центре, в то время как Жордания разработал большую часть его программы. Первой новой вооруженной силой в их распоряжении, заменившей царскую полицию в Тифлисе, были дружины, вызванные из крестьянской Гурии местными лидерами меньшевиков¹⁵. За короткое время была образована Красная гвардия, опирающаяся на тифлисских рабочих.

Октябрьская Революция в Петрограде положила начало следующей стадии в политической трансформации этого региона. В течении 1917 г. Жордания все яростнее атаковал политику меньшевиков в Петрограде. К сентябрю 1917 г. он потребовал положить конец правительственной коалиции с кадетами, высказался в пользу "активной борьбы" за мир и "углубление Революции", как единственной возможности ответить на большевистский вызов¹⁶. Когда пришли известия еще об одной

революции, власти Закавказья отказались признать новый большевистский режим и создали свое собственное правительство — Закавказский Комиссариат и Парламент, с целью удерживать контроль "до тех пор, пока Конституционное Собрание не получит полную власть над всей Россией". Комиссариат и Советский Региональный Центр столкнулись с серией расколов и множеством конфликтующих меж собой сил. В ходе новых выборов в Советы солдатских депутатов большевики и левые эсеры получили незначительное большинство. Вслед за этим солдатские Советы (в которых русские составляли большинство), объявили свою поддержку правительству Ленина. Красная Гвардия Тифлиса, т.е. меньшевистская рабочая милиция, захватила тогда городской арсенал у солдат, которые его охраняли, и использовала оружие, чтобы установить контроль рабочих Советов и их ведущей партии над Грузией. В Баку в это время конфликт перерос в жестокие уличные бои, в ходе которых коалиция большевиков, эсеров, и армянских националистов, принадлежащих дашнакской партии нанесла поражение мусульманской милиции, образовав новый орган власти — Совет, в котором с февраля 1917 г. председательствовал Шаумян — большевик, которого Ленин назначил Чрезвычайным Комиссаром Закавказья. В различных районах Грузии почти ежедневно возникали местные правительства. Находившаяся на турецком фронте армия возвращалась домой, и поезда, набитые солдатами, продвигались через Закавказье по направлению к России, сталкиваясь по пути с местными властями и вооруженными отрядами. Большевики попытались использовать некоторые из этих частей, чтобы установить контроль над Грузией, но этого не получилось, в первую очередь, из-за решительных действий Тифлисского Совета и его красногвардейцев. В инциденте, который вошел в историю, вооруженные красногвардейцы были использованы в феврале 1918 г. для подавления большевистской демонстрации в Алек-

сандровском парке в Тифлисе — перевернутый вариант событий, происходивших в те же дни в Петрограде.

На фоне этой борьбы за власть, расколов и раздоров, один из кошмаров грузин и армян Закавказья постепенно становился реальностью. Турецкая армия перешла в наступление, преодолевая незначительное сопротивление, которое она встречала на своем пути. По условиям Брест-Литовского мира, заключенного между правительствами России, Украины и Германии (Закавказье не было там представлено), города Карс и Батуми передавались Турции. Переговоры продолжались, но турецкая армия продвигалась все дальше. Слабые отряды грузинских добровольцев, которые собрались для защиты Батума, были легко разбиты турецкими войсками. Азейдбаржанские панисламистские лидеры призывали все Закавказье полностью покориться Турции. Паника и уныние усиливались в немусульманской части Закавказья. В ситуации, когда "каждый за себя", грузинские лидеры действовали стремительней, выбирая нестандартные решения. Они призвали к немецкому посредничеству в их конфликте с Турцией. (Германия оставалась, разумеется, союзником Турции, но обе державы преследовали разные интересы). 26 мая 1918 г. была провозглашена независимость Грузии и вновь образованное грузинское правительство призвало германскую армию (которая находилась тогда на Украине) защитить страну от дальнейшего наступления турок. В следующие несколько месяцев новое правительство Грузинской республики, возглавляемое Жорданием, действовало на территории страны в присутствии немецкой армии, которая, правда, не вмешивалась в ее внутренние дела (что сильно отличалось от того, как немцы вели себя на Украине). Турецкое наступление было окончательно остановлено.

После окончания Первой мировой войны немцев сменили британские военные подразделения. Начался новый вооруженный конфликт, на этот раз между Гру-

зинской республикой и ее британскими союзниками, с одной стороны, и русской белой армией, находящейся в Сочи, для которой независимость Грузии была скандальной изменой — с другой. Этот конфликт не был продолжительным. В 1919 г. Британия покинула Закавказье, а белые отошли от границ Грузии, но международные отношения продолжали играть необычайно важную роль в ее существовании. Страна находилась в центре конфликтов и споров с Турцией, независимой Арменией, Азербайджаном, русской белой армией, находившейся теперь в Крыму, русской Красной Армией и множеством мелких групп. К тому же, территории, которые Грузия тогда контролировала, населяли многочисленные "меньшинства", этнические и религиозные — осетины, аджарцы, абхазцы, армяне, азербайджанцы и русские¹⁷.

Внутри страны в 1918—1921 гг. происходящие изменения в политической и экономической структуре Грузии давали возможность определить кредо ее доминирующей политической партии. Жордания провозгласил аграрную реформу. Она прошла незамедлительно и сопровождалась очень слабым сопротивлением со стороны крупных землевладельцев. В результате стремительной аграрной реформы более 1 млн акров пахотной земли и 8 млн акров леса и пастбищ были национализированы. Находившиеся на этих землях 4 тыс. частных поместий были экспроприированы без компенсации. Было определено максимальное количество земли, которое может иметь одно крестьянское хозяйство — 15 десятин земли под зерновые или 7,5 — под остальные культуры¹⁸. Некоторые из этих земель стали собственностью государства или региональных властей, но большая часть пашни была тут же продана в кредит безземельным или малоземельным издольщикам. Ничего не было предпринято для того, чтобы поддержать коллективные экономические элементы аграрных общин. Правительство национализировало также рудники (кото-

рые обеспечивали основной экспорт страны), гидроэлектростанции, источники минеральной воды, порты и железные дороги. К 1920 г. 52% всех занятых работали на государство, 28% трудились в муниципальных или кооперативных предприятиях или организациях, и только 19% были наняты частными собственниками¹⁹. Была объявлена государственная монополия на международную торговлю, направленная в частности на то, чтобы контролировать спекулятивные доходы армянских купцов. И в этом, так же как и во многих других вопросах тех дней, националистические и социалистические цели и риторика соединялись и перемешивались.

Что касается вновь образованных властей, после Февральской революции по всей Грузии появились демократические избранные земства. Контролю русского епископа над грузинской церковью был положен конец. Для того, чтобы образовать формальное представительство этнических меньшинств и удовлетворить их культурные и образовательные нужды проводились эксперименты по созданию Национального Совета, что было близко к концепции экстратерриториальной "культурной автономии" О.Бойера в Австрии. Возникали многочисленные профсоюзы и культурные ассоциации.

Политическое влияние меньшевиков удерживалось в течение всего периода независимости Грузии, как и поддержка Национального Фронта со стороны рабочих и крестьян, составлявших ядро широкого многоклассового союза "В защиту Родины", под руководством ортодоксально марксистской партии. Впоследствии даже наиболее лояльные большевики признавали факт твердой поддержки, которую оказывали грузинские рабочие меньшевикам²⁰. Интересный штрих, судя по итогам выборов, меньшевики были сильнее в сельской местности. На выборах 1919 г. (которые были также фактическим плебисцитом по поводу объявленных реформ) грузинские меньшевики получили 72% голосов в городах и 82% в деревне, завоевав 109 из 130 мест в парламенте

страны. (32 депутата, отнесенные к рабочим, все без исключения называли себя меньшевикам.) Мощь партии Жордания на самом деле была еще большей, чем об этом можно было судить по итогам выборов. Она полностью доминировала в профсоюзах, в значительной мере — в национальной экономике и в большинстве культурных и общественных организаций страны. Помимо только что созданной грузинской армии, продолжала существовать Красная Гвардия, которую позднее переименовали в Национальную. Она в большинстве своем состояла из рабочих-меньшевиков, продолжавших работать на предприятиях, и использовалась в качестве главной вооруженной силы внутреннего контроля. Когда оппозиция — большевики и правые, жаловались на "меньшевицкую диктатуру"²¹, они имели для этого основания, несмотря на тот факт, что правящая партия несомненно пользовалась явной поддержкой большинства населения. Ее лидеры все больше проникались ощущением собственной правоты и высокомерием. Они подавляли, часто беспощадно, оппозицию этнических и политических диссидентов. К негрузинам относились с особым подозрением. Большевикам не разрешали действовать легально на протяжении почти всего периода независимости. Все это совмещалось с парламентскими тонкостями и с некоторыми истинно демократическими процедурами.

На самом деле существовали определенно слабые места и в том процессе, который грузинские меньшевики считали революционной трансформацией их общества, проводившейся по их планам и согласно рецептам их учителей в области теории²². Здесь, конечно, необходимо помнить о трудных обстоятельствах — экономическом кризисе, сопутствующем войне и потере традиционных рынков и поставщиков, давлении на границах и расстроенных финансах. Но, по крайней мере, три аспекта отражали особую политическую "линию", стратегию, принятую правящей партией: отношение к крестьянам, "национальному вопросу" и государству.

Крестьяне составляли большинство электората грузинских меньшевиков и обеспечивали стабильность их правления, но в 1918—1921 гг. в парламенте или в партийных органах едва ли можно было найти хотя бы одного социал-демократа из крестьян. Почти ничего не было сделано для того, чтобы мобилизовать крестьянство в политическом или в военном отношении. Наоборот, приватизация земли, построенная на полном индивидуализме и определенная "сверху" без принятия и рассмотрения каких-либо коллективных и общественных проектов, вела к политической демобилизации крестьянства, как социальной силы. В 1918—1921 гг. в Грузинской республике не возникло ничего подобного Красной Гурии 1905—1907 гг. и это имело важные последствия для дальнейшей судьбы Грузии. Крестьянскому большинству, которое сохраняло верность революционным лидерам в 1903—1907 гг., было сказано оставаться дома, возделывать свою землю, время от времени ходить на выборы, а политику оставить классам-гегемонам "буржуазной исторической стадии". Антиправительственные выступления жителей некоторых долин (например, в окрестностях Гори), связанные как с этническими конфликтами, так и с тем, как решались социальные, политические и экономические вопросы, были подавлены при помощи силы²³.

Что касается "национальной проблемы" как внутри-, так и межгосударственной, Жордания первоначально назвал отделение от России "главным бедствием, которое постигло нас" и позднее пытался предотвратить распад Закавказской Федерации. Тем не менее, мобилизация против внешних опасностей все в большей степени отражалась в политике ксенофобии по отношению к соседям Грузии и местным "меньшинствам". Набирал силу грузинский национализм, украшенный ортодоксальными марксистскими терминами "прогресса", "классового интереса", "необходимой стадии". Грузия все больше считала себя оборонительным валом

Европы против азиатских России и Турции²⁴. Внутри страны для этнического "умиротворения" горцев Осетии, землевладельцев Аджарии, азербайджанских горжан и т.п. широко использовалась сила. Продолжались этнические минivoйны против Армении и русской Белой армии за территории. Район Боршало, где грузины составляли явное меньшинство по отношению к армянам и азербайджанцам, был просто оккупирован грузинской армией.

Наконец, имело место "огосударствление" революционных властей, в результате которого власть переходила от Советов к правительственным учреждениям. Существенно возросла роль профессиональных офицеров, служащих и дипломатов, в большинстве своем обученных царской бюрократией и индифферентных или даже враждебных к планам нового режима. Политическая маргинализация крестьянского большинства, национализм и "огосударствление" политической структуры Грузии все в большей степени сливались воедино и отрывали меньшевистское руководство от народной поддержки, революционного прошлого и способности урегулировать даже серьезный кризис, призвав на помощь массовые действия своих сторонников.

А такой кризис наступил. К 1920 г. большая часть Закавказья вошла в состав Советской России. В мае 1920 г. грузинские большевики подняли восстание и несколько соединений Красной Армии перешли границу, явно намереваясь установить в Грузии большевистское правление. Правительственные силы смогли отбить это наступление. Между двумя соседними государствами — одним огромным и другим небольшим, — претендующими на одно и то же марксистское наследство и представляющими его единственные выражения на территории бывшей Российской империи, был заключен мирный договор и установлены дипломатические отношения²⁵. Но период мирного сосуществования длился недолго.

В феврале 1921 г. в районе Боршалло вспыхнуло новое восстание. Повстанцы организовали Революционный комитет, который призвал на помощь Красную Армию. Под командованием Жлобы, одного из наиболее известных кавалерийских командиров в годы гражданской войны, Красная Армия пересекла границу значительными силами и начала быстро продвигаться к Тифлису. Грузинская регулярная армия оказалась небоеспособной, а ее командиры — лишенными боевого духа. С их стороны не было попыток вооружить гражданских лиц, развязать упорное сопротивление на улицах главных городов, начать партизанскую войну или даже приступить к систематическому бойкоту захватчиков — словом, использовать революционный опыт и политическую лояльность населения. После двух недель, 25 мая, Тифлис был взят, и вскоре после этого был подписан документ о грузинской капитуляции²⁶.

Это не положило конец своеобразиям грузинского марксизма. Окончание периода независимости привело к конфронтации в руководстве большевистской партии и стало важной частью последней политической битвы Ленина в 1923—1924 гг.²⁷ Отношение Ленина к этой войне, первой в своем роде между "ортодоксальными" марксистскими правительствами, привело к разногласию с ближайшими сторонниками, среди которых были и Троцкий, и Сталин²⁸. 29 мая 1921 г. Ленин приказал Орджоникидзе (который был послан из Москвы курировать Красную Армию и политическую жизнь Грузии) "искать приемлемого компромисса для блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, кои еще до восстания не были абсолютно враждебны к мысли о советском строе в Грузии на известных условиях". Далее Ленин продолжал: "Прошу помнить, что и внутренние, и международные условия Грузии требуют от русских коммунистов не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики"²⁹. Орджоникидзе не послушался. Возможность ком-

промисса была отклонена и грузинскими большевикам, и меньшевистским правительством, которое предпочло уход в эмиграцию. Но борьба на вершине большевистской партии продолжалась. Систематическая нехватка информации, касающаяся Грузии, и пренебрежение ленинскими инструкциями сыграли решающую роль в последней воле Ленина освободить Сталина от должности секретаря партии и положить конец тому, что он считал кликой, демонстрирующей "русские националистические настроения, типичные для русифицированных инородцев", в которую он включил Сталина. Орджоникидзе и Дзержинского³⁰. Ленин в то время был уже слишком болен и слишком изолирован, чтобы добиться выполнения своих требований.

Что касается Грузии, то первые годы большевистского правления были отмечены открытой враждебностью между правительством меньшинства, поддерживаемым извне и большинством населения. Грузинские большевики пытались найти работоспособный компромисс, учитывая некоторые пожелания населения. Отчет, который лидер грузинских большевиков П.Махарадзе (вернувшийся из ссылки, чтобы возглавить Революционный комитет — Ревком Грузии) послал Центральному Комитету партии в Москве в декабре 1921 г., представляет эту ситуацию особенно драматической:

"Прибытие Красной Армии и образование Советской власти в Грузии означало открытую иностранную оккупацию, потому что в стране самой по себе не было никого, кто был готов принимать участие в восстании или революции. Во время провозглашения советского режима во всей Грузии не было ни одного члена партии, способного к организации действий или обеспечению их руководства. и эта задача выполнялась в основном сомнительными или иногда даже криминальными элементами.. Мы должны понимать, что грузинские массы свыклись с идеей независимой Грузии.. невозможно

обманывать массы в таком политическом вопросе, и особенно грузинский народ, который прошел через испытание огнем и водой в последние годы"³¹.

Махарадзе был немедленно обвинен Сталиным в "социал-национализме" и его предложения были отклонены. Стали также возникать серьезные трения между "местными" лидерами грузинских большевиков и Орджоникидзе как "человеком из Москвы"³². Местные лидеры, руководимые Мдивани, обратились к Ленину с жалобой на него и напряжение достигло предела.

Ленин стал абсолютно недееспособным в середине 1923 г. и умер в начале 1924 г., оставив эту проблему своим преемникам. В тот же самый год в Грузии вспыхнуло вооруженное восстание, направляемое меньшевистским правительством в эмиграции. Как и в 1905 г. большинство из тех, кто в нем участвовал, были рабочими и крестьянами, в то время как значительная часть грузинской интеллигенции и других социальных слоев поддержали это выступление — национальный фронт все еще держался и обычный для грузинских меньшевиков боевой дух проявился в те дни еще раз. Восстание потерпело поражение и начались кровавые репрессии. С помощью арестов и казней влияние грузинских меньшевиков было, в конце концов, подорвано. К тому времени и местных большевиков все чаще стали обвинять в контрреволюционном национализме — преследования распространились и на них. В конце концов, эти обвинения в измене уничтожили и ту небольшую группу, которая представляла местный большевизм в Грузии 1921 г. Пощадили одного только Махарадзе для ритуального отречения от своих прежних взглядов. Человеком, несущим ответственность за эту лавину арестов и казней, только начинавшим тогда свою политическую карьеру, был Лаврентий Берия, начальник грузинских спецслужб, которому суждено было вскоре стать первым секретарем Грузинской коммунистической партии и продолжить свой политический путь выше и выше.

Для Жордани и его друзей революционный опыт событий 1903—1907 гг. выразился в некоторых уроках, важных для борьбы за власть, так же как и в некоторых провалах понимания, которые внесли ощутимый вклад в их конечное поражение. Один урок, которому научила их история, состоял в усвоении возможной необходимости и политического потенциала многоклассового национального фронта, руководимого марксистской партией и действующего в качестве основной революционной силы в Грузии. Надклассовая враждебность по отношению к российскому государству обеспечивала широкую поддержку этой стратегии, рабочие Тифлиса были ее основной ударной силой, в то время как крестьянское большинство грузинского населения обеспечивало этой политической силе численное и парламентское превосходство. Социалистическое правительство на "буржуазной стадии", получавшее постоянную поддержку также в среде обеспеченных классов было тогда драматической инновацией. Озабоченность грузинских меньшевиков "национальной проблемой" облегчала создание межклассовой коалиции, которой они руководили. Но аналитические недостатки и неясности в этом вопросе нашли выражение в период независимости Грузии. Международный контекст в 1917—1921 гг. и реалии власти усиливали упор на национальное кредо. Это вело к развитию шовинизма, с которым меньшевики Грузии не могли справиться, а в действительности даже отказывались его признавать.

Соображение, которое надежно опиралось на опыт, относилось к рабочему классу. Фундаментальная теория грузинских меньшевиков означала ожидание классового сознания, боевого духа, дисциплины и постоянной поддержки социал-демократии со стороны рабочих. Так было в течении первых двух десятилетий века. Эта твердая поддержка сделала грузинских меньшевиков во многом более близкими к русским большевикам тех

дней, чем к меньшевикам в России. Но в Грузии было намного меньше, чем в России, нужды в "битве за душу" рабочего класса. Рабочие Грузии с самого начала в массе своей принадлежали меньшевикам.

"Белые пятна" грузинского меньшевистского мышления были связаны с "теорией стадий", "прогрессом" и с крестьянством. Главный урок, который должен был быть извлечен из революции 1848 г., обсуждался Жорданием как имеющий прямое отношение к контексту революции, в которой он жил, заключался в том, что нетерпеливые и преждевременные попытки парижских рабочих ввести социализм в июне 1848 г., неизбежно вызвали реакционный рецидив³³. Ранее в 1917 г. он говорил о своих разногласиях с большевиками только как о "тактических", для него большевики все еще были просто "твердым" крылом РСДРП, к которому он ощущал определенную симпатию в противоположность некоторым "бесхребетным" товарищам. Когда же большевики пришли к власти, отвергая парламентскую демократию, его враждебность к ним стала абсолютной. Большевики знали, что "политика июня 1848 года" должна привести к победе реакционеров, но тем не менее безответственно и ненаучно выбрали именно этот путь! Жордания осудил их как авантюристов и бланкистов нецивилизованной страны, объясняя этот утопический рецидив отсталостью России³⁴. Его стратегия основывалась на уверенности, что большевистское руководство должно рухнуть и привести к откату социализма как в России, так и во всем мире. Авторитетами, на которые он особо ссылался, вырабатывая свой научный подход, были Маркс и Каутский. Именно книга Каутского о Грузии обеспечивала его всем, в чем он нуждался для обоснования историографии прошлого, настоящего и будущего. "В какой степени социализм может быть введен, зависит от уровня зрелости, которого достигла страна... Правительство Грузии выбрало метод самоограничения... отсталая страна никогда не

может стать пионером в развитии социалистических форм"³⁵. В странах к востоку от Эльбы было, конечно, мало зрелости с точки зрения Каутского.

Прямо связанной с вопросами "прогресса" и "стадии" в марксистском анализе незрелых стран была проблема крестьянства, к которому принадлежали ⁹/₁₀ грузин. В свете этого, опыт сельской борьбы под социалистическими знаменами в 1903—1906 гг. должен был бы привести к изменению ранних теоретических конструкций местных марксистов, но концепции прошлого оказались сильнее революционно выработанного опыта. Жордания определял новый режим как строй, установленный рабочими, солдатами и прогрессивной буржуазией, и который должен быть направляем пролетариатом и буржуазией³⁶. В небрежно брошенной им фразе, "тринадцать основными классами современного общества" являлись для него дворянство, буржуазия и пролетариат³⁷. Приспосабливая историю к потребностям тех дней, он описал в дни Грузинской республики участников борьбы 1905 г. как "пеструю массу, руководимую пролетариатом"³⁸. В этом он рассуждал точно также, как и Чхеидзе, имевший дело с "проблемой Гурии" в 1903 г. Все это, очевидно, не согласовывалось со взглядами некоторых из его партийных активистов, так как Жордания пришлось атаковать тенденцию "слишком много говорить о крестьянах", как противоречащую Марксу. Он также напоминал своим соратникам, что основные внутренние опасности Грузии — это крестьяне, и что крестьяне "дважды хоронили Французскую республику"³⁹. Русская крестьянская община была для Жордания символом и причиной отсталости страны. Он цитировал сравнение Маркса крестьян с картофелем в качестве объяснения того, почему крестьяне не способны к демократическому самоуправлению⁴⁰. Наконец, антиправительственные сельские повстанцы некоторых районов были просто названы контрреволюционными

вандейцами Грузии (крестьянское большинство было прогрессивным, что доказывалось повиновением их меньшевистскому правительству). Таким образом, было определено место, отведенное крестьянам в политическом строе республики, способ проведения аграрной реформы и путь, который республика выбирала для самозащиты. Грузинские крестьяне продолжали доверять своим социал-демократам, и грузинские социал-демократы честно отдали им землю, но отказались обращаться с крестьянами, как со своими товарищами, социалистами борцами за социальную справедливость.

Хорошее сравнение, которое так и напрашивается, относит грузинский политический опыт не к Европе, как на этом настаивал Жордания, а к Китаю. Первое в мире крестьянское восстание, которым руководили марксисты Гурии в 1903—1906 гг. сменила революция, совершенная грузинским "Народным фронтом", в котором боевитая и дисциплинированная марксистская партия возглавляла вооруженные силы рабочих, крестьянские массы сторонников и неплебейские группы. В Грузии возникло правительство "ортодоксальных" марксистов, которые опирались на обширную народную поддержку в стране, где большинство населения составляли крестьяне. Знамя Китайской народной республики, имеет и сейчас пять звезд на красном поле — одну большую и четыре маленьких. Они символизируют положение Коммунистической партии Китая по отношению к классовым составным частям народного фронта, которые она возглавляет: рабочим, крестьянам, мелкой буржуазии и национальной буржуазии — хорошее описание Грузии во времена Жордания. Различия, конечно же, были столь же сильными, как и сходство. Грузинские меньшевики, как и большинство ортодоксальных марксистов их эпохи, полагали, что экономическая отсталость Грузии мешала ее немедленному движению к социализму, и что как класс, крестьяне не могли быть социалистами. (И в самом деле, были ли они вообще классом?) Их

классовая мобилизация — политическая и военная, отвергалась как опасная для прогрессивного режима, руководимого марксистом. Мао и его друзья думали иначе. Тщательно следуя идеологической риторике о пролетарской революции, они заменили ее фактическим крестьянским восстанием и использовали народную армию, возглавляемую партийными кадрами, в качестве замены пролетариата в революционной социалистической трансформации. Парадоксально, следующее действие крестьянского мятежа против угнетения землевладельцами и жестокости царизма, как и следующий вызов "ортодоксальной" марксистской ветви, исповедующей крестьянофобскую глупость был брошен не в Грузии, а на полях, холмах и в джунглях Азии.

Если вернуться к истории Российской империи, можно назвать только два течения, которые извлекли из революционного опыта 1905—1907 гг. свои собственные тактические версии политики "лицом к крестьянам". Они приняли суть крестьянских требований, которые те выдвигали и в 1905 г., и снова в 1917 г., не принимая при этом их крестьянских объяснений. Учитывая различия — именно Ленин и Жордания, стали к 1918 г. абсолютными лидерами своих партий, поддерживаемых массовой лояльностью активистов из простонародья в странах, которые они возглавляли как главы государств. В конце концов, они столкнулись в первом варианте борьбы между государствами, управляемой партиями, которые официально придерживались "ортодоксальной" марксистской доктрины, происходили из одной и той же партии и разделяли братство по оружию на ранних этапах борьбы.

4. ЛЕНИН: РЕВОЛЮЦИИ И ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО

Нелегко разглядеть Ленина — человека и вождя победоносного революционного движения за мумией

создателя постреволюционного государства. Это на самом деле так не только благодаря мощному потоку пропаганды и контрпропаганды, в которой Ленин и ленинизм бесконечно склоняются друзьями и недругами как синонимы противоречивой смеси мятежа и суровой дисциплины, борьбы за освобождение и репрессивной политики сверхдержавы. Кроме того, Ленин "иконизирован" на более глубоком уровне индивидуальной и социальной психики. Этот образ вполне можно назвать "культом", в котором особенно важны две основные характеристики. Во-первых, наряду со святым Владимиром, Иваном Грозным и Петром Великим Ленин стал для многих символическим праотцом, святым покровителем государства и нации, который воспринимается как часть интимной этнической сущности народа и его притязаний на место под солнцем. Так же его воспринимают и те, кто произносит имя этого народа и говорит о его притязаниях с отвращением. Во-вторых, и вновь это касается как друзей, так и врагов, существует глубокое и часто неосознанное восхищение носителями и символами огромной воли, грандиозного успеха и неограниченной власти, практически любого успеха и любой власти, которые заставляют многих низко склоняться или вытягиваться в струнку. Ленин был во многом носителем и символом этих характеристик.

В результате реальный образ и взгляды Ленина искажались, и получалась либо икона русского святого, либо средневековая фреска с изображением дьявола. Ленинский образ получался одномерный, внеисторичный и однозначный. Он был не реалистичным, но весьма полезным для обожествления или очернения фигуры Ленина в процессе его легитимации или делигитимации. Ленинский образ был сделан внеисторичным и тем, что все его высказывания и действия рассматривались сами по себе, вне связи с его личной биографией, политическими условиями и событиями. Цитаты и факты оказывались вырванными из реального контекста, который

затем ловкие историки могли додумывать по собственному усмотрению в многочисленных официальных биографиях. Этот образ был одномерным, поскольку он преподносился либо как полностью положительный, либо как исключительно отрицательный. Как и у богов, ленинская мысль не менялась, она могла только развивать то, что уже было заложено (и поэтому неизбежно должно было появиться). Советские учебники в качестве допустимых исключений приводили лишь несколько случаев, когда Ленин сам признавал свои прошлые ошибки (обычно это было вызвано необходимостью обосновать новую программу). Но даже эти случаи, как правило, игнорировались, когда речь шла о личной биографии Ленина. Для его иконописцев и очеркителей все сомнения, противоречия, зигзаги, которые, как правило, были связаны со значительными изменениями его мировоззрения, последовательно "заглаживались" или преуменьшались¹. То же касается и тех моментов, когда Ленину не удавалось убедить даже своих ближайших соратников или, другими словами, играть приписываемую ему роль проницательного лидера самой лояльной и сплоченной фракции, который знал все обо всем или же, в соответствии с противоположной точки зрения, вообще не отдавал себе отчета в своих действиях и орудовал по наитию, как главарь преступной банды².

Политическая биография исторического, т.е. реального Ленина распадается на три основных периода, драматически отделенных один от другого революционными взрывами 1905 г. и 1917 г. Эти периоды можно назвать: периодом молодого Ленина, периодом революционной зрелости и периодом государственной власти. Эти крупные периоды можно подразделить далее на ряд этапов, опираясь в этом не на мнение самого Ленина и его восхвалителей, а на мнение современников и на критерий "главного врага", которого Ленин выбирал себе на том или ином этапе. В табл. 6.1 предлагается такая приблизительная периодизация.

Исторический Ленин: периодизация

Период	Этап	Период
I Молодой Ленин	(А) "Почтительный Ленин"	1895—1901 гг.
	(В) Ленин-якобинец	1902—1905 гг.
II Путь к власти	(А) Революционный Ленин- "крестьянофил"	1905—1907 гг.
	(В) Упадок партий и надежда на пролетариат:	(В ₁) 1907—1911 гг.
		(В ₂) 1912—1914 гг.
		(С) Ленин-интернационалист
	(D) Ленинский курс на захват власти	Март—октябрь 1917 г.
III Во главе госу- дарства	(А) Советская республика	1917—1918 гг.
	(В) Гражданская война	1918—1920 гг.
	(С) Начало создания нового режима	1921—1922 гг.
	(D) Последняя битва Ленина	1922—1923 гг.

Политическая ситуация на каждом из этих этапов была различной, точно так же, как и реакция на нее Ленина, однако мы должны остерегаться упрощенческого отношения к ним, как к причине и следствию в простой логической модели. В каждом случае существовала возможность выбора между альтернативами и набор противоречий, а результаты носили отпечаток той или иной личности, которая в свою очередь формировалась под их воздействием — налицо "диалектическая спираль". Что касается непосредственных целей, мишеней для нападков и аудитории, на которую он направлял свои усилия, ленинская политическая позиция резко менялась по мере того, как он продвигался от одного этапа к другому. Некоторые из этих изменений он открыто признавал, другие можно обнаружить, если

проследить, как Ленин выбирал своих политических противников. Параллельно и отчасти в связи с этим менялась его тактика и стиль руководства. На ином и более "глубоком" уровне находился вопрос ленинского мировоззрения, — базовых теоретических моделей, с помощью которых он воспринимал Россию и мир, и вырабатывал долговременные стратегии социалистической революции и социальных преобразований. На этом уровне отчетливо видны также некоторые глубочайшие убеждения, которые он пронес через всю жизнь, и которые изменялись медленнее, соотносясь скорее с "периодами", чем с "этапами" предложенной выше периодизации. И было несколько глубоких убеждений, которым он не изменял никогда. Нас особенно здесь интересует отрезок времени с 1905 г. по 1917 г., окончившийся Октябрьской революцией, но не сводимый только к ней. Здесь мы сможем лишь выборочно рассмотреть моменты ленинской биографии — нас прежде всего будет интересовать проблема извлечения уроков и новые горизонты политического воображения.

Первому этапу первого периода биографии Ленина лучше всего подходит название "почтительный Ленин". Это резко расходится с обычным представлением об этом человеке, однако, возможно именно поэтому поможет лучше его понять. Когда Ленину еще не было тридцати, он впервые ощутил упоение, связанное с открытием для себя "науки об обществе и о революции", которая должна была осветить, а затем быстро разрешить все беды российского общества и всего мира. В этом он был неотъемлемой частью процесса массового обращения российской радикальной интеллигенции в марксизм в 1890-е годы. Новая истина представлялась совершенно очевидной, тот факт, что не все ее восприняли, объяснялся неразвитостью умов, особыми классовыми интересами, нелогичным мышлением или просто явной глупостью. Ленин был воинственным защитником триумфально утверждающегося "ортодоксального

марксизма", бескомпромиссным в отношении каких бы то ни было покушений на чистоту нового учения и относился с глубочайшим почтением к его основоположникам и священнослужителям. Это относилось не только к самому Марксу, но и к его еще жившим апостолам — Каутскому и Плеханову (Энгельс, скончавшийся в 1895 г., играл здесь роль связующего моста между ними и самим Марксом). Все основные законы нового учения воспринимались Лениным (т.е., разумеется, еще Владимиром Ульяновым), как уже установленные, бесспорные и подлежащие лишь претворению в жизнь. Их интерпретация российской ситуации также принималась как уже доказанная и самоочевидная (см. гл. 5 §3)³. Оставалось, собственно, только изменить мир, который эти философы так замечательно объяснили, т.е. способствовать эффективному политическому действию, направленному на свержение режима, который тормозил естественную эволюцию России. Первым очевидным шагом было создание революционной организации, т.е. марксистской пролетарской партии. Последняя должна была применять на практике, популяризировать и пропагандировать научную истину. В качестве неотъемлемой части процесса установления и распространения научного знания предполагалось свершить суд над представителями средневекового царизма, гнилой буржуазией и над утопическими знахарями, т.е. над истеблишментом и оппозицией либерального и народнического типа.

В возрасте 25 лет Ленин вступил в "Союз борьбы" в Санкт-Петербурге (позднее к названию прибавилось уточнение "за освобождение рабочего класса"). Началась напряженная жизнь революционера, заполненная подпольной организационной работой и написанием политических статей и брошюр. Ленин много работал в марксистских образовательных и самообразовательных кружках, а позднее активно участвовал в пропагандистской и агитационной работе "Союза" в рабочих кварта-

лах, а также в попытках создать всероссийскую социал-демократическую организацию, которая бы включала и русских марксистов в эмиграции⁴. Именно в это время в группе, в которую входили Ленин, Мартов, Потресов, Кржижановский, Красин, Радченко, Крупская, Запорожец и др., сложились те межличностные отношения и противостояния, которые продолжались долгие годы. К концу 1895 г. полиция разгромила "Союз" и арестовала его ведущих членов. Ленин (которому к этому времени было 25 лет) и почти все остальные были заключены в тюрьмы и впоследствии высланы в Сибирь. Власти явно не считали, что они представляли особую угрозу, и охотились в основном за "террористами". Условия тюремного заключения Ленина были весьма мягкими, а срок ссылки небольшим — он истек в 1900 г. Почти сразу же после ссылки Ленин покинул Россию.

Работы Ленина, написанные им в то время, отражают его тогдашние политические взгляды и интересы. Основной целью его анализа был перенос раннего тезиса Плеханова об уже определившейся капиталистической природе российского общества в область аграрной экономики, основной для большинства жителей России, и борьба с представлением о том, что обнищание деревни можно было предотвратить. Главными оппонентами Ленина по этому вопросу были публицисты умеренного крыла народничества, на которых он обрушил поток ядовитой критики, с позиций, по выражению современного исследователя, "фанатичного антинародничества"⁵. Одновременно с этим, но менее активно, Ленин критиковал Струве, который начал создавать из своего прогрессистского и "легального" марксизма кредо "прогрессистского" либерализма⁶. Период 1896—1899 гг., когда Ленин находился в тюрьме, а потом и в ссылке, он в основном использовал для работы над огромным статистическим материалом, положенным в основу расширенной версии своей модели капитализма, создаваемого рынком, относящейся к 1893 г. и распространенной те-

перь на всю страну. Этот труд стал первой книгой Ленина. Ее цель заключалась в утверждении теории капиталистического развития России, которую проповедовал весь лагерь "плекхановцев"⁷. В частности, ввиду далеко зашедшей социально-экономической дифференциации жителей российского села (тезис, который был обильно подкреплён данными земской статистики), крестьянство надлежало рассматривать не как общественный класс, а как понятие, оборот речи, относящийся к прошлому (поэтому термин "крестьяне" в ранних работах Ленина употребляется в кавычках). Для марксиста политический вывод из книги был очевиден — необходимость немедленного создания пролетарской марксистской партии по европейскому образцу, чтобы способствовать запоздавшей буржуазной революции, которая призвана была привести российскую политическую систему в соответствие с ее политической экономией.

Разумеется, невозможно разделить жизнь Ленина на совершенно отдельные периоды, — реальные биографии так не делятся. Однако, если принимать во внимание воспоминания его современников, в 1901—1902 гг. стали все более четко вырисовываться очертания нового Ленина — Ленина-якобинца. Этот сдвиг отразился в его политических работах — появился новый главный противник, теперь в лице "колеблющихся" марксистов, т.е. ревизионистов, оппортунистов, "мягкотелой" фракции его собственного идеологического лагеря. На какое-то время атаки на внешних врагов социал-демократии, включая народников, стали небрежными, совершаемыми как бы "en passant" (мимоходом). Признаки этого нового поворота появились впервые с гневным "антикредовским" письмом, написанным сибирскими ссыльными и адресованным русским приверженцам берштейнианского ревизионизма. Процесс стал шириться и крепнуть, когда "Искра" предприняла яростную атаку на защитников стихийной самодеятельности рабочих.

как фокуса политической борьбы, образовавших марксистскую фракцию "экономистов". В 1902 г. во второй своей книге Ленин возложил задачу защиты партийной дисциплины и централизма полностью на сторонников "Искры" — серьезное наступление на политическое "кустарничество" прошлого и призыв к созданию организации профессиональных революционеров — кадровой ленинской партии на языке наших дней⁸. В то же время Ленин занялся составлением искровской аграрной программы, которая позднее была принята на II съезде РСДРП. К этому времени его растущие разногласия с Плехановым стали головной болью редакции "Искры" — из "плехановца" Ленин быстро становился независимым мыслителем и политиком. Троцкий описывал эту перемену облика Ленина как: "...решающий перелом в политическом самочувствии Ленина, его самооценке...", упоминая при этом чувства других членов редакции "Искры", как «негодование, сочетавшееся с недоумением: "Как мог он на это решиться?"»⁹ Другие мемуаристы также сходятся в признании этого резкого нарастания ленинской уверенности в себе и в своей правоте. Его личность привлекала к себе все больше восхищенного внимания в лагере революционеров, тех, кто видел тогда настоящее и будущее в свете Французской революции. "Из такого материала создаются Робеспьеры", — так Плеханов объяснил в то время Аксельроду одно из своих временных примирений с Лениным. Когда к горестному удивлению всех искровцев съезд РСДРП 1903 г. закончился расколом, Ленин оказался неоспоримым лидером большевиков, твердого дисциплинированного крыла социал-демократов. Его фракция все еще считала себя просто "твердым" крылом ортодоксального марксизма в России — якобинцами пролетарского лагеря. В ядовитой фракционной грызне, которая последовала вслед за этим расколом, Ленин выработал свое собственное объяснение, которое базировалось на марксистском социальном анализе и было

весьма болезненным для его новых врагов. Признавая, что неоспоримые истины марксизма разделялись, разумеется, обеими фракциями, Ленин, тем не менее, считал, что меньшевики были заражены мелкобуржуазно-интеллигентской мягкотелостью и расплывчатостью, в то время как сам он и его фракция обладали духом истинной пролетарской боевитости¹⁰. Здесь надо отметить, что среди 43 делегатов II съезда РСДРП было всего два пролетария, и примерно такова же была их доля в местных комитетах, однако, тем не менее, выстрел попал в цель. Как показала подготовка к III съезду, в то время, как большая часть партийных светил и эмигрантов предпочла меньшевизм, подавляющее большинство местных партийных активистов российских комитетов оказалось на стороне ленинской фракции. К тому времени, когда в 1905 г. собрался и этот съезд, и альтернативная ему конференция меньшевиков, вся политическая ситуация находилась в процессе резкого изменения, как, впрочем, и ленинские взгляды и интересы — начиналась революция 1905—1907 гг.

Следующая перемена в мировоззрении Ленина была глубже, оригинальней и фундаментальней в выводах, она оказала решающее воздействие на ту стратегию, которой он придерживался до конца жизни. В результате этой перемены большевизм превратился в особое идеологическое течение мирового размаха, воплотившееся в III Интернационале и в СССР. И снова признаками этого поворота послужили изменения в списке политических групп, которые Ленин подвергал анафеме. Конечно, оставались прежними ненависть к царизму и непреклонная борьба за его уничтожение, а также по-прежнему время от времени высмеивались народники и "мягкотелые" марксисты. Однако на этот раз в центре внимания Ленина оказался либерализм конституционных демократов и их попытки монополизировать руководство "освободительным движением", и особенно привлечь на свою сторону крестьянство. Основными

вопросами были следующие: кто будет править Россией, когда с самодержавием будет покончено, и какова будет природа постреволюционного российского общества? Спор с меньшевиками по вопросам правильной тактики находил теперь новое содержание в анализе борьбы за власть и, в связи с этим, в анализе крестьянства и его неожиданной активности. Ленин считал, что пролетарская партия должна бороться за государственную власть и, следовательно, за место во временном революционном правительстве, которое должно возникнуть после падения самодержавия, и принять на себя руководство буржуазной революцией. Чтобы достичь этих целей, революция должна опираться на волю большинства, одновременно сдерживая колебания буржуазии (которая, если ей позволить, неизбежно пойдет на компромисс с самодержавием). В его глазах крестьянский радикализм, к счастью, давал возможность разрешить эту задачу. Чтобы закончить "буржуазный этап" российской истории и сделать это радикально, т.е. "по-народному", новый режим должен стать "демократической диктатурой пролетариата и крестьянства". Термин "крестьянство" освободился от кавычек, чтобы с этого момента занять законное место в списке понятий, которыми оперировал Ленин и играть центральную роль в его будущем анализе. Это была уже не фикция, а общественный класс. Его легитимность с точки зрения марксизма была установлена при помощи заявления о том, что Россия, в конце концов, оказалась менее капиталистической, чем ожидалось, а также, благодаря принятию той точки зрения, что одновременно идут две "социальные войны" — война всех крестьян за ближайшие ощутимые цели против "пережитков феодализма" и борьба между капиталистами и пролетариями деревни, которая в основном ожидается в будущем. В партийно-политических терминах все это означало, как ни странно, необходимость немедленного революционного союза между социал-демократами и эсерами, а также

Крестьянским союзом против самодержавия и кадетских компромиссов¹¹. Ленин потребовал именно этого, ссылаясь на опыт Парижской Коммуны 1871 г.¹² В соответствии с этим, ограниченная и ставящая ограничения аграрная программа РСДРП, принятая в 1903 г., должна была снова измениться. Старые члены РСДРП обвиняли Ленина в крестьянофилии, он же считал, что это революционный здравый смысл. На протяжении 1906 и 1907 гг. Ленин продолжал спорить, широко цитировать примеры радикализма крестьянской "Трудовой фракции" в Думе и высмеивать "страх перед крестьянами" своих социал-демократических коллег, который в России того времени был равнозначен политическому пессимизму и параличу революции. В том же духе он провозгласил теперь важность "народной революционной самодеятельности" — до того времени это выражение использовалось только революционными народниками. Ленин — лидер будущей победоносной революции, начинал создавать свою собственную формулу для революционного лагеря.

К 1907 г. Ленин отказался также от прежней тактики бойкота выборов и призвал использовать Думу, как легальную трибуну для революционной пропаганды. Столыпинский "правительственный переворот" и новая антидемократическая избирательная система не изменили, а, скорее, даже укрепили ленинскую позицию по этому вопросу. Он считал, что социал-демократическая партия должна приложить все усилия, чтобы обеспечить свое представительство в III и IV Думах.

В процессе такого резкого перехода к новой стратегии и ее стремительного развития перед Лениным возникли две, связанные с этим, политические проблемы. Первой, самой непосредственной и драматической было то удивление и смятение в рядах активных членов РСДРП, которое вызвала его новая политика, такая далекая от искровского начала недавних 1900—1903 гг. Вторая проблема заключалась в том, каким образом Ленин решил согласовать эти изменения в стратегии и тактике с

современной марксистской теорией и историческим опытом его партии. Выше мы уже упоминали эпизод, когда Плеханов на съезде РСДРП 1906 г. заклеил его "народником". Ленин на этом съезде оказался в двойном меньшинстве, даже большевики возражали против его варианта послереволюционного решения коренного вопроса о земле. За несколько месяцев он смог восстановить контроль над своей фракцией и добился принятия собственной программы национализации земли, хотя и не без трудностей, которые выразились в создании оппозиции внутри большевистской фракции. Ко времени съезда РСДРП 1907 г. подъем революционных настроений масс сыграл на руку "твердым" социал-демократам, и особенно Ленину. Коалиция большевиков с польскими и латышскими социал-демократами и некоторым левыми меньшевиками одержала победу почти по всем пунктам над променьшевистским центральным комитетом РСДРП.

Этот успех стал возможен благодаря удивительно энергичному тактическому руководству, растущему робеспьеровскому образу Ленина среди рядовых социал-демократов и ощущению его незаменимости, которое стало складываться у многих большевиков. Этот успех также явился результатом его превосходного понимания партийной организации (которое, по крайней мере, на этом этапе значительно опережало его способность возглавлять внепартийную деятельность социал-демократии — его влияние на Советы оставалось незначительным)¹³. Кроме того, растущее влияние Ленина объясняется также той ловкостью, с которой он научился обращаться с вопросами марксистской легитимации. В этом ему сослужили хорошую службу его обширное знание текстов, удивительная способность усердно работать над идеологическими проблемами, умение логически обосновать свою точку зрения и безжалостное перо публициста. Должно быть, он напоминал многим российским интеллектуалам неутомимого Чернышев-

ского, которым восхищались и Ленин, и многие другие (однако Ленин сравнительно с Чернышевским был и более "практичным", и более жестким). В ситуации, когда его стратегия впервые никак не могла быть выведена из интерпретаций текстов Маркса, предложенных Энгельсом, Каутским или Плехановым, т.е. из "ортодоксального" марксизма он выработал способ обращения с идеологическими противоречиями. Изменения тактики (например, относительно бойкота выборов) допускались, однако в то же время провозглашалась тотальная преемственность с "классиками". В результате возникал разрыв между стратегией и теорией, однако его существование категорически отрицалось. Мы еще вернемся к этому вопросу, а пока ограничимся лишь его констатацией.

К 1908 г. революция потерпела поражение. Столыпинская кампания по модернизации самодержавия и "прививке" против новых возможных революционных атак была в самом разгаре. Революционное движение находилось в упадке и смятении. Тюрьмы были переполнены. Русские политические эмигранты бесконечно спорили о причинах поражения. Фракционность расцвела пышным цветом, один за другим следовали межфракционные скандалы. Большевики также раскололись. Левая фракция требовала продолжения вооруженной борьбы и бойкота столыпинской Думы. Ее члены возмущались новой ленинской тактикой участия в Думе, считая ее "началом поворота вправо" — мягкой формой ликвидаторства. За исключением одного лишь Ленина, в эту группу (которая получила название "Вперед". по названию их издания) вошли все ведущие интеллектуальные силы большевиков, их основные ораторы на предыдущих партийных съездах, многие члены ЦК и лидеры партийных организаций Москвы и Санкт-Петербурга: Богданов, Луначарский, Горький, Алексинский, Вольский, Шанцер (Марат), Лядов, и т.д. Ленин немедленно обозвал все это "дезертирством, типичным

для интеллигенции". Ему оставалось только надеяться на неперемное возрождение естественной пролетарской классовой боевитости, которую он противопоставлял социалистическим эмоциям интеллигенции. Степень реализации этой надежды может помочь разделить этот период ленинской биографии на два этапа: до 1912 г. и после. К 1908 г. начался массовый отток рабочих из рядов социал-демократов и особенно большевиков, но эти рабочие, как правило, приходили в состояние апатии, а не присоединялись к другим фракциям, которые раздирали русскую эмиграцию.

Новый этап ленинской биографии, как и прежде, был отмечен сменой основного объекта его атак как публициста. Этим объектом снова стали различные группы внутри РСДРП. Он ругал "ликвидаторов" типа Аксельрода, т.е. тех, кто хотел перестроить партию на "широкой основе" легального профсоюзного движения, — взгляд, постепенно воспринятый большинством меньшевиков. Он с особой силой обрушился на левых социал-демократов вне ленинской фракции, которые выступали от имени большевиков. Его следующая книга "Материализм и эмпириокритицизм" была направлена против эпистемологического экспериментирования Богданова и Луначарского с теорией познания Маха. Хотя книга Ленина и не являлась серьезным вкладом в развитие философской мысли, она несла мощный идеологический заряд — тактические антиленинцы, оказывается, были идеологическими антимарксистами. Ленин и прежде не деликатничал в своих нападках на бывших политических союзников, ставших противниками, однако тот поток обвинений и ругани, который он обрушил на "впередовцев", "ликвидаторов" и также на тех, кто пытался взяться за неблагодарную задачу воссоединения партии (особенно на Троцкого, который сразу же стал "иудушкой Троцким") достиг масштабов беспрецедентных даже для его политической карьеры. Даже патриархи II Интернационала были втянуты в русские

дрязги, и отношения Ленина с ними, особенно с Каутским, заметно охладилась.

Яростная ругань и фракционная придирчивость Ленина частично объясняются горечью поражения и тем фактом, что в этот период своей жизни он был как никогда одинок. Презирая то, что он считал трусостью, мещанством, пустозвонством и предательством со стороны всех тех, с кем он плечо к плечу создавал РСДРП. Ленин отдалился от всех них, как никогда ранее. В кругу тех, кто остался с ним или присоединился к нему, и кто накануне Первой мировой войны сформировал ядро перестроенного большевизма, он стоял на голову выше всех по своему знанию марксизма и партийной динамики, а также и по своему широко признанному авторитету. Это испытание на прочность и то, как стойко Ленин его выдержал, определили его интеллектуальное и моральное превосходство как над теми, кто оставался с ним в 1908—1914 гг., так и над теми, кто присоединился или вернулся к нему в 1917 г.

На фоне "эмигрантской хандры" он производил особенное впечатление своей феноменальной работоспособностью и умением сосредоточить все силы на чем-то одном. В условиях постоянной тактической фракционной войны и упорных усилий, затрудняемых арестами, по перестройке социал-демократического подполья в России, Ленин никогда не прекращал читать, анализировать и писать. Помимо двух значительных экскурсов в философию (в период работы в Британском музее, когда он готовил свою атаку на "махизм" и в 1914—1915 гг. (когда систематически работал над Гегелем). он в основном сконцентрировал свои усилия на вопросах, возникших в огне революции 1905—1907 гг. В 1908 г. он изучал историю Парижской Коммуны 1871 г. и писал о российском аграрном вопросе конца XIX в. Он внимательно следил за ходом столыпинской аграрной реформы, причем делал это беспристрастно, высказывая свои возражения по поводу заявления своих соратников, что

эта реформа не может быть успешной: "Нет, может". В 1909 г. он изучил аграрную перепись, проведенную в Германии (а в 1916 г. — в США), обращая особое внимание на модели развития сельского капитализма. Проанализировав все данные, он согласился с большей частью оптимистических сообщений о результатах столыпинских аграрных реформ, исходя при этом из отсутствия признаков крестьянских бунтов, исчезновения Крестьянского союза и из серьезного кризиса, можно сказать, временного распада, переживаемого партией социалистов-революционеров в 1909—1917 гг. В его глазах, похоже, этап, когда была возможна русская крестьянская революция, закончился, что означало постановку новых задач в условиях "наступившего" капитализма и "следующий" тип классовой борьбы. Но даже в этом случае опыт 1905—1907 гг. не терял полностью своего значения, он просто становился более важным для стран Востока. В 1912 г. Ленин восславил воинствующий демократизм и "субъективный социализм" Сунь Ят Сена, как отражение опыта русской революции и вслед за этим в 1913 г. опубликовал статью об "Отсталой Европе и передовой Азии"¹⁴. С точки зрения Ленина, Китай стал порождать "своих собственных герценов", т.е. непролетарских революционеров, боровшихся против социального и национального гнета, которые поэтому были "передовыми", т.е. естественными союзниками европейского пролетариата. Это же относилось и к крестьянству, представлявшему собой широкую социальную базу борьбы, которая должна была быть одновременно антифеодальной и патриотической. В 1913 г. и 1914 г. последовали две книги о праве наций на самоопределение и о различиях между национализмом угнетателей (который нужно осудить) и угнетенных (потенциально позитивном). Российский опыт в сочетании с опытом других стран на "окраинах капитализма" и попытка его революционного использования привели в 1916 г. к книге "Империализм, как высшая стадия

капитализма". Эта книга стала теоретическим манифестом вновь интегрированного "глобального" марксизма и предвидением процесса, в котором сочетание самой отсталой Европы и самой передовой Азии, т.е. России, может сыграть особую роль¹⁵.

Что касается партийной работы в более узком смысле, студенческие демонстрации 1911 г. и особенно подъем активности рабочих, начавшийся в 1912 г., ознаменовали время, когда Ленин начал создавать большевистскую партию, совершенно независимую от всех других элементов в РСДРП, не отказавшись, тем не менее, от самого ее названия. Эта узурпация вызвала яростный скандал и попытку со стороны "всех остальных" создать альтернативную РСДРП. Эта попытка окончилась неудачей из-за разнородности российских социал-демократов. Основным тактическим лозунгом Ленина стало теперь строительство пролетарской организации в России, резко обособленной и "не затемняющей идеологические различия". Успех его партии в политике рабочего движения в 1912—1914 гг. начал изменять политическую карту российской оппозиции, но полностью перекроила ее Первая мировая война. Старые политические формы и оттенки — II Интернационал, "широкая" РСДРП, российское "Освободительное движение" — окончательно исчезли. Новый водораздел проходил теперь между "патриотами" и "интернационалистами". В рамках этого разделения Плеханов и Потресов оказались вместе с эсерами типа Слетова и всей партией кадетов в коалиции "защитников отечества", в которую входил даже октябрист Гучков, если не сам царь. Вместе с тем большинство российских социалистических вождей революции 1905—1907 гг. встретились в Циммервальде, чтобы попытаться восстановить единство социалистического движения, направленного против национализма и войны: Ленин, Троцкий, Мартов, Аксельрод, Чернов, но только Ленин имел в своем распоряжении партию, которая, за несколькими исключениями,

следовала за ним без колебаний. После периода одиночества в социалистическом лагере 1908—1914 гг. Ленин, казалось бы, вышел из изоляции, однако, несмотря на это, он отмежевался также от большинства "циммервальдцев" своим беспощадным "пораженчеством" и призывом превратить мировую войну в войну гражданскую и в мировую революцию (а не пытаться закончить ее поскорее "справедливым миром")¹⁶. Эта "лево-циммервальдская" позиция должна была положить начало III Интернационалу, который Ленин сразу же и предложил создать. В одной из западных биографий, написанной много лет спустя, эта позиция характеризовалась как "абсурдно грандиозная"¹⁷. Однако в революционные дни, накануне которых находилась страна, именно грандиозное могло вдохновить, мобилизовать и повести за собой. Но пока эти дни еще не настали, в это время, ужасное для интернационалистов и социалистов, дисциплинированная партийная организация, готовая вступить в битву с "патриотами" и возглавляемая решительным и бескомпромиссным вождем, представляла необыкновенную ценность для лагеря противников войны. Так исключительность Ленина была впервые продемонстрирована и на международной арене.

В это же время исчезли последние остатки почтения, которые Ленин питал к "живым классикам" марксизма. Его отношения с Каутским начали ухудшаться еще раньше¹⁸, однако поведение германских социал-демократов перед лицом начинающейся войны сначала вызвало у него подлинное удивление, а затем и глубокое возмущение, в результате чего он резко отвернулся от главного теоретика — "отца" II Интернационала. Ленин стал считать Каутского еще одним бесхребетным пустозвоном. Атака, которую он предпринял в 1918 г. на "ренегата Каутского", берет свое начало еще в 1914 г.¹⁹ Нам важно отметить, что хотя у Ленина еще и оставались политические союзники в Германии (особенно в тюрьмах для противников войны, где оказались Либк-

нехт и Люксембург), авторитетов для Ленина там больше не было. Ленин окончательно стал "сам себе хозяин" как в марксистской теории, так и в политической борьбе.

Когда произошла Февральская революция, реакция Ленина была решительной и неожиданной как для социалистической эмиграции, так и для его большевистских сторонников в России. В последовавших событиях он проявил себя как человек, сформированный тем же опытом, что и все они, особенно опытом революции 1905—1907 г. и крахом II Интернационала в 1914 г. Однако разница состояла в том, кто чему научился. Ленин извлек более радикальные уроки и был сейчас готов и способен навязать свое собственное понимание, не считаясь с чьими бы то ни было взглядами.

Прежде всего он предпринял яростные усилия, чтобы немедленно вернуться на место разворачивающихся событий — нельзя было повторить задержку 1905 г., когда вместо января он вернулся на родину только в июне. Тем временем в своих "Письмах издалека", в наскоро набросанных статьях для большевистских газет в Петрограде, он излагал основы головокружительной новой стратегии. Она предполагала полный отказ от признания "оборонческого" Временного правительства или от сотрудничества с другими социалистическими организациями, которые поддерживали новый режим. «В нашем отношении к войне... недопустимы ни малейшие уступки "революционному оборончеству"... Своеобразие текущего момента — дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»²⁰. Путь к этому лежал через максимальное использование новых неслыханных возможностей, открывшихся в 1917 г. в виде расширенной демократической версии "взрыва легальности" 1905 г. и особенно через низовую демократию, воплощенную в Советах. Еще за границей он провозгласил лозунги: "немедленный мир", "рабочая вооруженная милиция", "никакого сотрудничества с другими социалистами" и "немедленные аграрные ре-

формы" в духе "программы 104" трудовиков 1906 г. Еще более ошеломляющей была стратегическая цель, которую вкратце можно охарактеризовать как борьбу за власть с целью немедленного продвижения к социализму, — в прошлом ее выдвигал троцкизм, с которым Ленин воевал²¹. Те руководители большевистской партии, которые первыми приехали в Петроград и теперь были в гуще событий — Каменев, Сталин, Молотов²², — просто не обращали внимания на эти "послания издалека", которые противоречили как основополагающей марксистской "теорией стадий", так и настроениям эйфории и социалистического братства, так характерным и для этих дней. "Старик" явно оторвался от реальностей новой России. Однако в апреле Ленин вернулся, и в течение нескольких дней его уверенность, воля и авторитет возобладали — можно сказать, принудили Центральный комитет, а затем и наскоро созванную седьмую конференцию большевиков изменить радикально "линию" партии, ее программу и даже ее название²³. Целью теперь стала одновременно борьба за мир и за социалистическое правление. Предполагалось, что для России и для всего мира началась революционная эпоха — Февральская революция была не концом, а лишь началом этого периода, т.е. эпохи революций, порожденных войной²⁴. Политической формой должна была стать Республика Советов, построенная на принципах, впервые воплощенных Парижской Коммуной в 1871 г. Для построения подобной республики было необходимо то, что Ленин назвал "полной демократизацией", т.е. замена самодержавного государства народными организациями и выборными чиновниками при предоставлении полного равноправия всем национальностям России. Парламентская демократия по мнению Ленина была бы "шагом назад" и даже "демократическая диктатура рабочих и крестьян", как она определялась в 1905 г., считалась теперь пропущенным этапом — целью стала социалистическая революция, возглавляе-

мая социалистами при поддержке классовых сил, способных поддержать социализм²⁵.

При таком видении действительности и политической стратегии и в рамках "ортодоксального" марксизма крестьянство становилось сомнительным союзником и, возможно, оно даже превратилось во врага в результате деятельности Столыпина: "Что такое крестьянство? Мы не знаем... но мы знаем, что сила"²⁶. Однако можно было вполне ожидать от крестьян в солдатской форме оппозиции войне, также как и доброй воли со стороны "беднейшего крестьянства" по отношению к партии, готовой поддержать "программу 104" трудовиков. Этого было бы достаточно, чтобы изменить соотношение сил между противостоящими друг другу политическими лагерями, однако исторические условия "второй стадии", т.е. немедленного движения к социализму, означали для Ленина, что Советы батраков обретали теперь центральную роль и им надо было оказать срочную поддержку (помимо и отдельно от советов беднейшего крестьянства, отделенных также от крестьянских Советов "вообще"). Все это должно было обеспечить надежное рабочее представительство в деревне. Нейтралитет массы российского крестьянства и распространение европейской пролетарской революции были двумя столпами, необходимыми для диктатуры пролетариата — городского и сельского — занятого досоциалистическим и в то же время социалистическим преобразованием отсталой страны.

На протяжении всего 1917 г. ленинские лозунги и идеи быстро обретали приверженцев как в массе новообразованных в политику сторонников Советов, так и среди радикальных групп социал-демократов, социалистов-революционеров и анархистов. И членство, и влияние ленинской партии стремительно росло. Фактическое "высшее руководство" партии быстро меняло свое лицо, включив в себя самые воинственные и жесткие элементы социал-демократов "интернационалистов" и пере-

смотрев некоторые старые союзы и антагонизмы, Луначарский вернулся, Троцкий, Коллонтай и Антонов-Овсеенко снова были с Лениным, в то время как Зиновьев и Каменев составили теперь новую внутривластную оппозицию. После провала попытки государственного переворота с целью смещения Временного правительства, предпринятого правыми и "оборонцами" армии под предводительством главнокомандующего генерала Корнилова, курс большевиков на захват власти, за мир и социальные преобразования стал преобладающим на политической арене. В результате захвата власти большевиками в октябре—ноябре 1917 г., создания коалиционного правительства, опирающегося на Советы и с левыми эсерами в качестве младшего партнера (разгромленного вскоре и распавшегося), установилась новая политическая система — однопартийное советское государство. Это, в сочетании с обширными социальными реформами, перераспределением земли и национализацией промышленности, положило начало новой политической эре правления ленинской партии и лично Ленина, абсолютный авторитет которого никто в его лагере уже не ставил под сомнение.

Гражданская война снова поставила на повестку дня те же основные вопросы, которые возникли в период 1905—1907 гг. В течение года Ленин узнал то, что по его собственному признанию все еще было для него загадкой в 1917 г., а именно, как далеко продвинулась трансформация крестьянства при Столыпине. Как и раньше свои выводы он выразил на языке политической тактики, а не теоретического анализа. К 1919 г. комитеты бедноты были распущены (особые Советы сельскохозяйственных рабочих или "беднейшего крестьянства" так никогда и не были созданы), и была предпринята попытка начать политику "лицом к крестьянству". Она явилась важным составным элементом победы красных (во второй половине года они смогли переломить ход войны в свою пользу). В 1920—1921 гг. перед лицом

нарастающего недовольства крестьян, связанного с продразверсткой, был предпринят еще один крупный шаг в том же направлении, полномасштабная примиренческая политика типа "дадим крестьянам то, что они хотят", — была введена нэп. Одновременно Ленин следил с особым вниманием за "национальными окраинами" и превратностями "национального вопроса", оценивал возможности его использования в борьбе большевиков за власть. Его внимание и гибкость в вопросах "самоопределения" снова сыграли важную роль в победе большевиков в войне, особенно на фоне жестко националистического требования "единой и неделимой России", принятого командованием Белой армией²⁷. Затем, в 1919—1922 гг., встала проблема отношения с "образованной Россией" — с "обществом", говоря языком Чернышевского, а в глазах социал-демократов — эрзац буржуазии. (Настоящие помещики и фабриканты к тому времени уже исчезли, также как и царские администраторы.) Это отношение было связано с проблемой участников "освободительного движения" и членов РСДРП в период 1903—1912 гг. Связанные с этой проблемой колебания, раздвоенность и разногласия в среде большевиков отразились в многочисленных переменах политического курса, запрещениях и вновь разрешениях альтернативных социалистических партий и альтернативных интеллектуальных традиций. (К 1922 г. этот период окончился с принятием окончательных решений подавить деятельность меньшевиков Мартова, начать судебный процесс по делу вождей социалистов-революционеров и выслать из страны многих ведущих ученых, которые не захотели эмигрировать сами.) Наконец, большевики вновь и вновь рассматривали проблему "стадий" развития и в связи с этим — природу государственной власти, ее содержание и форму, ее цели и ограничения, ее возможности и проблемы.

Продвижение методом "проб и ошибок" к установлению нового режима продолжалось на протяжении всей

гражданской войны, вплоть до смерти Ленина и после нее. Ленинская партия оказалась удивительно плохо подготовлена и с концептуальной, и с кадровой точки зрения для того, чтобы с помощью мирных методов руководить процессом преобразований в индустриально отсталом обществе, которое не было ни капиталистическим, ни социалистическим, состояло в основном из крестьян и находилось на периферии мирового капиталистического развития. К 1923 г. очертания политического режима нового государства достаточно прояснились, и это вызвало еще одну попытку со стороны Ленина радикально изменить "партийную линию" и ее исполнителей — этап, который так и не был завершен и получил у М.Левина меткое название "последней битвы Ленина"²⁸.

* * *

Из опыта революции 1905—1907 гг. Ленин извлек три основных урока, касающихся политических реалий, и один, касающийся его отношения к ним. Первый и немедленный урок имел отношение к крестьянству. Здесь Ленину пришлось отчаянно спорить со своими ближайшими соратниками и позднее он сам назвал этот вопрос главной причиной раскола РСДРП. В то время как неожиданно проявившийся крестьянский радикализм оставил меньшевиков в оцепенении, а кадетов сделал более консервативными, Ленин увидел в нем новые, немислимые прежде революционные возможности. Кроме того, Ленин придал теперь огромное значение факту существования крестьянства и его роли в своей оценке социального контекста гражданской войны и в своих оптимистических прогнозах относительно ее исхода (хотя вторая причина его оптимизма — европейская революция — так никогда и не свершилась). Учет крестьянства определил также самый резкий поворот государственной стратегии, который он осуществил — введение нэпа. Этот фактор сыграл большую роль и в

его "последней битве", и после нее, так сказать, посмертно, когда в его политическом завещании "союз рабочего класса и крестьянства" был назван вопросом, от которого будет зависеть и будущее, и природа советского строя, также как и основной социальный контекст фракционной внутривнутрипартийной борьбы, которая непременно должна была начаться после его смерти²⁹.

Хотя на первый взгляд определить так важность этого вопроса может казаться преувеличением, это не так. Крестьяне составляли подавляющее большинство населения России, ее производительных сил и армии. Однако из этого отнюдь не следовали простые выводы, а истинная сложность этого вопроса не была столь уж очевидной. В частности, создатели РСДРП в своих первоначальных разработках не придавали решающего значения российскому крестьянству. Они сосредоточились на понятии прогресса и, следовательно, капитализма, и на сценарии борьбы пролетариата и буржуазии. Все остальное, в том числе крестьяне, в их представлении относилось к исчезающим и, следовательно, консервативным и поэтому второстепенным пережиткам прошлого. Среди этих пережитков, такие как полицейские мундиры, представляющие царскую власть, были политической действительностью, которой нельзя было так просто пренебречь или отнести к "маргинальным явлениям". Крестьян же можно было проигнорировать, что часто и делалось. Вот почему политическую важность крестьянства для будущей истории России еще предстояло открыть, так же как и потенциал их политической активности, революционного порыва и способности решать исход дела, особенно когда другие политические силы сошлись в схватке за то, кто будет править Россией. Помимо потенциала политической активности крестьянства, предстояло еще открыть также и силу воздействия его намеренной пассивности, способности крестьянства оказывать этим политическое давление, когда дело касалось продовольствия, налогов и поставки

рекрутов. Наконец, как было отмечено самыми интересными из современных советских исследователей ленинской интеллектуальной биографии, необходимо было признать, что "русское крестьянство начала XX в. не просто оставалось классом... оно вместе с тем конституировалось как класс"³⁰.

К тому же, за дискуссией по "аграрному вопросу" — говоря о России, можно называть его "крестьянским вопросом" — стоял ряд других политических и идеологических вопросов более широкого значения. Каковы бы ни были наши ретроспективные впечатления, русские социалисты и революционеры 1905—1907 гг. почти все без исключения были демократами. Название "социал-демократы", принятое этой крупной революционной партией, можно с полным основанием отнести к ним ко всем. Они разделяли убеждение, что правление Романовых можно свергнуть только волей и усилиями большинства — при помощи революции — и что на смену самодержавию должно прийти правление большинства (даже если "ортодоксальные марксисты" видели в нем только этап, который по своему классовому содержанию должен быть "буржуазной диктатурой, основанной на согласии мелкой буржуазии). Воля большинства была бы необходимой для выживания новой России в условиях, где непременно должна была продолжиться борьба за власть, и на внутренней, и на международной арене, и необходимо было обеспечить демократическую легитимность, от которой будет зависеть народная поддержка после падения старого режима. Основной альтернативой, которую тогда исповедовали немногие, был народовольческий сценарий, неприемлемый для ортодоксальных марксистов, согласно которому организованное меньшинство должно было сначала свергнуть старый режим, а затем передать власть народу. В стране, где крестьянство составляло явное большинство населения, форма решения крестьянского вопроса неизбежно определяла также и коренные вопросы пере-

дачи власти, и природы будущего демократического общества, а также его возможных руководителей.

Вот почему, когда в 1906 г. Ленин изменил свою точку зрения относительно существования крестьянства как класса и его революционных тенденций, что нашло свое выражение в образе "демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства", это также поставило под сомнение и ряд "антикрестьянских" исходных положений "искровцев". Ленин теперь отстаивал такой тип государства, которого никогда ранее не существовало, где наряду с социал-демократической имелась бы и радикальная крестьянская партия. Обе они представляли бы собой классовый союз низов, лежащий в основе демократии, которая будет управлять Россией. При таком строе крестьяне и их партия должны были считаться равноправными партнерами, однако с той оговоркой, что они не являются и не могут быть по-настоящему социалистическими, и что союз с ними, таким образом, ограничивается только капиталистическим этапом будущей истории России (который предполагался, тем не менее, на многие десятилетия). В своих спорах Ленин последовательно проводил разграничение между "хорошими" и "плохими" мелкобуржуазными политическими пристрастиями и действиями. Первые он обычно приписывал настоящим крестьянам или их представителям в трудовой фракции Думы, а вторые — партии социалистов-революционеров. Позднее, перед лицом революционного кризиса 1917—1920 гг., он решил принять целиком и полностью аграрную программу партии эсеров и объявить свою собственную партию представительницей действительных интересов и союза двух классов: рабочего класса — гегемона и крестьянства³². Эпоха нэпа раскрыла действительный политический смысл этой формулы.

Конечно, Ленин был не единственным представителем левой части политического спектра, кто изменил в ходе революции свой взгляд относительно места в ней

российского крестьянства. Вне России мы знаем теперь, что к концу своей жизни и Маркс также изменил свою точку зрения на эту проблему³³. Однако Ленин не знал работ позднего Маркса, написанных в 1877—1881 гг. С одной стороны, их позиции разделяла "жесткая" интерпретация марксизма, который Ленин воспринял как абсолютную Науку об Обществе, а с другой — его собственный революционный опыт. Как ни странно, Маркс в далекой Англии, на поколение раньше понял то, что Ленин отказывался принять еще и в 1917 г. Во-первых, в своем анализе Ленин последовательно игнорировал русскую крестьянскую общину — главную мишень для насмешек плехановцев как "противоречащую классовой теории". Но именно крестьянская община оказалась основной ячейкой политического действия российского крестьянства во время революции 1905—1907 гг., как и в 1918—1920 гг. и 1921—1927 гг. Здесь следует упомянуть еще одно выражение этой своеобразной слепоты Ленина: его настоятельные рекомендации в 1905—1907 гг. создавать "крестьянские комитеты", которые должны были вне общин координировать и направлять политические действия (из этого так ничего и не получилось). Напротив, в своих поздних работах Маркс считал существование российской крестьянской общины необыкновенно важным для понимания условий, в которых крестьяне могли бы участвовать в революции, в том числе и социалистической³⁴. Во-вторых, на протяжении всей своей жизни Ленин считал социалистических крестьян некой логической абберацией (хотя беднейшие крестьяне и могли, по его мнению, поддерживать социалистов в силу своей фактической принадлежности к пролетариату). Несмотря на изменения в своей аграрной программе, в 1905 г. Ленин все еще не вполне принял идею революционной борьбы крестьянства против российского государства. Его подготовка и статистические материалы говорили ему одно, а его тактическое чутье и сообщения с мест — нечто

совершенно иное. Перед революцией 1917 г. он начал приходить к мысли, что политика Столыпина позволила российской деревне "догнать" "ортодоксальный" марксизм, т.е. "научную теорию капитализма" в сельском хозяйстве, которую Ленин так выразительно изложил в 1899 г. В 1919—1921 гг. и в последних статьях, и в письмах он снова подгонял свою теорию к реальности, однако на этот раз это было не отступление, а постепенно углубляющееся признание того, что крестьянство не исчезает и оно имеет политически важное значение для социалистической России. Маркс в меньшей степени, чем Ленин был озабочен тем, чтобы оставаться марксистом. В 1881 г. это привело его более прямым путем к выводам, к которым Ленин пришел только в 1920-х годах.

Новая формулировка крестьянского вопроса подорвала двухстадийную теорию революции. На словах Ленин долго еще придерживался этой теории, однако на деле все более отступал от нее. Когда первая мировая война и новая теория "последней стадии мирового капитализма" поставили этот вопрос со всей остротой, он стал говорить о необходимости немедленной диктатуры пролетариата (и "беднейшего крестьянства", понимаемого фактически как сельский пролетариат, стоявшего "одной ступенькой ниже" на исторической лестнице).

Непосредственно за "аграрным вопросом" шел тесно с ним связанный "национальный вопрос". Что касается его важности, Ленин продемонстрировал свое тактическое чутье еще в 1905 г., когда он заявил, что тот уровень революционной активности рабочих в российских городах, какой наблюдался в Риге, положил бы конец самодержавию немедленно (эта фраза оскорбительна для сегодняшних русских ленинцев-националистов, поэтому ее редко цитируют). Нерусский национализм явно "срабатывал" как оружие против царизма, однако полномасштабные стратегические и теоретические выводы из этого были извлечены только спустя несколько лет.

К тому времени они стали увязываться с понятием мирового капитализма и с вопросом о радикализме непролетарских и некапиталистических слоев в странах, находящихся на периферии мирового капитализма. И вновь теоретический поворот произошел быстро и решительно. Право наций и крупных этнических групп на суверенитет было полностью признано Лениным в 1912 г., хотя он рассматривал его только в контексте атаки на капитализм. Чтобы понять важность этого шага, необходимо соотнести его со всем разнообразием взглядов российских социал-демократов, начиная от возражений раннего Плеханова против постановки этого вопроса вообще (так как "у пролетариата нет отечества") до требований Бунда "безотносительной" и экстратерриториальной национальной автономии пролетариата. Большинство представителей "национальных секций" социал-демократов в России в 1912 г. возражали Ленину, однако их расхождения по национальному вопросу сделали невозможным создание устойчивой антиленинской коалиции — их позиции все еще представляли собой целый спектр от бундовцев до ряда радикальных социал-демократов, особенно Люксембург, Радека и Бухарина, чьи взгляды напоминали позицию раннего Плеханова. Ленин встал на прагматическую точку зрения и занял промежуточную позицию, сосредоточившись на вопросе политических союзов и их использовании в революционной борьбе против общего врага, однако с важной оговоркой, что нельзя уравнивать национализм нации-угнетателя и национализм угнетенной нации. Первый подлежал осуждению, и Ленин бескомпромиссно придерживался этого взгляда вплоть до самого конца, в то время как национализм угнетенной нации следовало расценивать в соответствии с его революционным потенциалом³⁵.

Представление об империализме, как о "последней стадии капитализма", в конечном счете, объединило эти позиции. Была выработана новая, более широкая фор-

мула международного революционного лагеря, призванного обеспечить социалистическое наступление в XX в., нацеленного на то, чтобы преобразовать мир и сделать имя Ленина всемирно известным, как та модель, которую он принял теперь на вооружение. Тактическим выражением этого была партия кадровых революционеров плюс направляемый социалистами рабочий класс, а также массы радикализованного крестьянства и национально-освободительная борьба, — все это должно было привести к созданию на "окраине капиталистического мира" постреволюционного государства с новой структурой, логикой и динамикой³⁶. Таким образом, была установлена долгосрочная социалистическая стратегия, характерная для типа обществ, которые мы сегодня называем "развивающимися", вместе с ее правым эквивалентом — столыпинской "революцией сверху", проводимой модернизаторской государственной бюрократией по советам западных специалистов и на основе западного опыта.

Гражданская война и первые послевоенные годы подтвердили первое фундаментальное предположение Ленина, касающееся условий перехода власти в России — способности его партии в 1918—1919 гг. обеспечить сочувствующий нейтралитет крестьянства или даже стихийную вооруженную поддержку (особенно в тылу армий Деникина и Колчака). Что касается второго столпа, на котором основывались его планы, Ленин продолжал считать, что социализм не может победить в одной отдельно взятой стране. Позиция, сформулированная в 1905 г., которой в 1917 г. он еще придерживался, состояла в том, что "русская революция может своими собственными силами победить, но она ни в коем случае не может своими собственными руками удержать и закрепить своих завоеваний. Она не может достигнуть этого, если на Западе не будет социалистического переворота... нет никакого резерва, кроме социалистического переворота на Западе"³⁷. Он был уверен, что вот-вот разразит-

ся общеевропейская революция — социалистический аналог революции 1848 г. По мере того как эта уверенность в неизбежности европейской революции исчезала, ей на смену постепенно приходила надежда, связанная с тем, что следующий большой революционный пожар разожгут "трудящиеся массы" Азии, причем основным ее топливом будет сочетание национально-освободительной и крестьянской борьбы с учетом того, что население России, Китая и Индии составляет большинство человечества, и этот факт имеет решающее значение для будущего всего мира и его социалистической трансформации. "Внероссийским резервом" российских революционеров все больше считались "колониальные и полуколониальные народы Азии", которые со временем стали синонимом всего "Третьего мира"³⁸.

Третьим важнейшим уроком 1905—1907 гг., значение которого в свете нового революционного опыта все возрастало, была вера Ленина в "народную самодеятельность" или шире — способность плебейских масс к творчеству политических форм. (Он, как правило, говорил при этом о "революционном пролетариате", однако в ряде случаев переходил на понятие "народ".) Столь же постоянной была двойственность двух линий мышления и двух эмоций, характерных не только для Ленина. С одной стороны, он был блестящим аналитиком, поклонявшимся науке, презиравшим российскую некультурность, верившим в право и долг дисциплинированной революционной элиты, способной навязывать свою мудрость аморфному пролетариату и всей России, решать за них, что им на самом деле нужно — автор "Что делать?" С другой стороны, это был человек, который верил в "мудрость масс", особенно в их готовность исправлять политическую несправедливость революционным путем, начиная с первой его защиты "народного творчества" на партийном съезде 1906 г. и вплоть до его проектов реформирования государства в 1923 г. — усердный исследователь Парижской Комму-

ны, ставший автором работы "Государство и Революция"³⁹. Он питал глубокую ненависть к российской отсталости "масс", так же как и к "мягкотелому" социальному реформизму и пустозвонству интеллигенции. (Здесь можно долго рассуждать о том, коренились ли эти взгляды в народничестве XIX в., в домарксистской субкультуре русской интеллигенции или где-либо еще.) Эти же две вещи ненавидел и Чернышевский, о книге которого "Что делать?" Ленин сказал, что она "всего его перепахала" в молодости⁴⁰. Важнее то, что для Ленина — руководителя партии после 1905—1907 гг., вера в потенциал "народного творчества" была не просто пропагандистским приемом, но глубоким убеждением, и что, хотя и неоднозначная эта мысль сыграла важнейшую роль в ленинских планах, глубоко повлияла на его мнение о себе, как о лидере. Этот процесс шел параллельно и наравне с его жесткой дисциплинарностью и бескомпромиссной верой в "партию", как носителя "научного подхода".

* * *

В 1905 г. Ленин впервые увидел российских рабочих и крестьян в революционном действии, убедился в их способности организовать коллективные всероссийские действия простыми, но примечательно действенными способами, в их недоверии к "власть предержащим", в их упорстве и мужестве, их вере в возможность того, что более изощренные умы отвергали как утопию, — в царство абсолютной справедливости, — "опоньское царство" и "вселенский мир" русских крестьянских сказок. Он увидел и противоречия, и потенциал этого действия, то, как российские "массы" шарахались между бунтарством и готовностью подчиняться абсолютной власти, а также то, как быстро они учились политической самостоятельности в условиях жестокой конфронтации и насилия. В дни, когда переживалась горечь поражения. В дни одиночества и перебранок в среде эмиграции

после 1907 г., Ленин остался тверд в своей вере в возрождение боевого духа "масс", как единственного варианта разрешения глубочайшего кризиса революции. Он считал, что пролетариат снова поднимется и это произойдет не позже, чем через пять лет. Он снова сделал ставку на это в 1917 г., когда напрямую обратился к рабочим и солдатам из крестьян через головы официальных политических партий, и одержал победу. В 1922 г., неудовлетворенный аналитическими и политическими инструментами, находящимися в его распоряжении, и испытывая все большее смятение от неспособности многих его товарищей справиться с новыми требованиями мирного времени и постепенными социальными преобразованиями, он еще раз обратился к тому же источнику надежды. Прав он был или нет, но для Ленина основной шанс социалистического будущего для России снова заключался в безликой массе народной поддержки, в основном рабочих, но все больше и крестьян. Ленинские записки, продиктованные незадолго до смерти, дают еще одно последнее свидетельство этому. Они состоят из письма и шести коротких статей или заметок, адресованных партийным лидерам и активистам. Давайте обратимся к ним как к свидетельствам о мысли и ее изменениях⁴¹.

Письмо, написанное в декабре 1922 г. к партийному съезду, получило наибольшую известность благодаря содержащейся в нем скандально-пророческой рекомендации убрать Сталина с поста генерального секретаря партии, так как он "слишком груб", а также своими пронизательными характеристиками, которые он дал некоторым другим большевистским вождям — Троцкому, Каменеву, Бухарину и т.д. Но забывается, что в том же письме Ленин рекомендовал увеличить более чем в десять раз численность Центрального Комитета как и Центральной Контрольной Комиссии за счет набора рабочих. Эти новые кадры руководителей должны были "инспектировать и перестраивать" аппарат управления постреволюцион-

ного государства. Он добавил к этому две важные оговорки. Первая — "к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян", т.е. в данном тексте он ближе всего подошел к основополагающему народническому понятию "народ", и вторая, идя еще дальше, что "в число рабочих членов ЦК должны войти преимущественно рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян". Новые члены ЦКК должны были присутствовать на всех заседаниях ЦК, на всех заседаниях Политбюро, читать все документы ЦК⁴². Он также сформулировал базовый социополитический контекст предлагавшейся реформы: правление Коммунистической партии опирается на два класса — рабочих и крестьян — и на их союз.

В последних статьях Ленин предлагает новые шаги по сохранению культурных контактов между рабочими и крестьянами, а также говорит о необходимости подъема народного образования, осуждает тенденцию к выпячиванию административного аспекта государственного планирования; говорит об отчаянной необходимости реформировать государственный аппарат и призывает всемерно способствовать кооперированию сельского населения (что по мнению Ленина "в условиях нового строя будет означать социализм")⁴³. И вновь, теперь уже в последний раз, он обрушивается на "педантство" II Интернационала, на его неспособность понять "революционную диалектику", т.е. в данном случае увидеть необходимость соединения крестьянской войны с рабочим движением, и на нереальность аккуратной и чистенькой "теории этапов". Вновь и вновь он говорит о несоциалистических тенденциях внутри государственного аппарата. Наконец, Ленин обсуждает национальные требования и надежды нерусских народностей Республики Советов, связывая их с грядущей революционной борьбой "колониальных и полуколониальных наро-

дов Азии". В этом свете он осудил новые проявления русского национализма, который теперь оправдывался требованиями управления централизованным государством, и, в связи с этим, особенно сослался на Грузию. Предложение, которым начинается эта статья, характеризует тональность многих его последних работ: "Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко..."⁴⁴

Что касается интересующего нас вопроса, напрашиваются два вывода. Последняя борьба Ленина все еще шла по тому пути, который впервые обозначился в свете опыта революции 1905—1907 гг. Ленин несколько изменил свои взгляды с тех пор, но главным и глубочайшим изменением с времен молодого Ленина стала предложенная им формула глобальных социальных преобразований, которые проходили на стыке крестьянской и национальной проблематики, низовой самодеятельности и уроков партийного строительства, обретенных в 1905—1907 гг., развитых в 1917—1920 гг., — и все это на фоне неожиданно слабого стремления к власти и политической инициативы рабочего класса Европы и США. Время доказало реализм многих из этих новых предположений и ожиданий. Что касается истории послеленинской России, его предсказания и опасения оказались удивительно точными, хотя и явно преуменьшенными. Иными словами, он был способным учеником, однако его воображение имело свои границы.

Тот факт, что мы "поместили" личность Ленина в контекст его политического опыта не значит, что мы исповедуем форму политического бихевиоризма в духе Плеханова: "Дайте нам условия, а вожди непременно возникнут". Способные и дальновидные вожди появляются достаточно редко, и их личные качества играют важную роль, хотя они и не "делают историю по собственному усмотрению". В то же время их черты и харизма никогда не бывают абстрактно "правильными". но

тесно взаимосвязаны с культурными моделями и историей определенных обществ. Вот почему сравнение Ленина с Робеспьером (которое любил проводить Плеханов и многие другие его современники) в русском контексте не точно. Как уже отмечалось выше, Ленин "походил" больше на Чернышевского — своим упорством, фракционной неуживчивостью и ненавистью к "либералам", которые для него символизировали все то, что он презирал в своей собственной социальной среде, и особенно — обломовское пустозвонство русской образованной публики. В сердитом настроении Горький однажды сравнил его с неистовым протопопом Аввакумом — святым мучеником, который, безоговорочно отвергая любые компромиссы, принял смерть во славу Божию и за старую веру. Сложная, длинной в жизнь история отношений Ленина с Мартовым, где переплелись любовь и ненависть, может частично послужить иллюстрацией этого противопоставления сильной личности тому трагическому параличу, который продемонстрировали русские меньшевики при столкновении с интеллектуальными и моральными противоречиями революционной политики. Осуждение "мягкотелости" было общим наследством радикалов российской интеллигенции XIX в. Эта убежденность — наследие Чернышевского и Народной воли, вместе с герценовским осуждением самодовольного мещанства и ненависти Писарева к мягкосердечному обскурантизму и составила коллективное миропонимание этой группы. Сюда же следует отнести антиэволюционистский и антиреформистский яacobинский рецепт Ткачева всегда использовать выгодные события, — владеть "искусством момента", так как политическая возможность может уже никогда не повториться. Подобные же уроки получили и российские низы в результате войн и революций, которые подорвали принципы социальной дистанции, уважения и респектабельности за пределами узкого круга "образованной публики". Российские революционеры из интелли-

генции испытывали влияние "масс" в той же мере, как и сами влияли на них. Для большинства населения России — как интеллектуальной элиты, так и "масс" — притягательность такой личности, как Ленин заключалась в его интеллектуальной смелости и в беспощадной, а часто и неразборчивой в средствах, борьбе за власть, в которой, однако, он не преследовал личностных материальных интересов, отличаясь в этом смысле скромностью. Кроме того, к нему многих привлекало то, что он всегда "знал, что следует делать дальше" и был готов отстаивать свою уверенность несмотря ни на что. История научила жителей России особенно ценить подобные качества.

В этом же контексте необходимо рассматривать растущий разрыв между Лениным-теоретиком и Лениным-политическим стратегом и тактиком. На протяжении всей жизни ему приходилось признавать некоторые из своих ошибок (а временами и особо подчеркивать их, преследуя этим определенную цель). В то же время он решительно утверждал, что речь не шла ни о каких изменениях в теории. Даже когда было совершенно очевидно противоположное, он неизменно настаивал на своей теоретической неоригинальности⁴⁵. Когда его припирали к стене доводами, он обычно отругивался или просто повторял, что принципы его подхода были всегда абсолютно правильными и неизменными. Иногда он пожимал плечами и употреблял термин (или кодовое слово) "диалектика", утверждая в подобных случаях, что его критикам не хватает "диалектического подхода". Возникающие в результате противоречия волновали его меньше, чем всегда логичного Плеханова, поскольку упрощение было оправдано с точки зрения политического действия. Начиная с 1905 г. пропасть между двумя Лениными — популяризатором ортодоксии и оригинальнейшим стратегом — постоянно расширялась, и поэтому будущим поколениям было очень трудно разобраться, где же настоящий Ленин. Такую же путаницу

вносила и его историография большевистского движения⁴⁶, вопреки тому, что его члены знали из личного опыта. С научной точки зрения многое из написанного им возмутительно или непонятно. Логика этих текстов — хорошо это или плохо, — это логика динамики политической борьбы и стиля руководства, который Ленин предлагал своим последователям. И все же Ленин не был просто циником в духе Макиавелли, каким его изображали враждебно настроенные по отношению к нему биографы. Его целью не была власть как таковая, он стремился к власти, чтобы преобразовать Россию в соответствии со своими представлениями. Он так же серьезно относился к своему марксистскому наследию, и даже в разгаре революции и своих правительственных обязанностей занимался не только политической полемикой, но и теоретическими изысканиями⁴⁷. Он видел себя в образе хранителя революционного духа и вождя революционного пролетариата. Тактическая гибкость и грубая "реал-политика" сочеталась с признанием некоторых теоретических и этических рубежей, которые Ленин никогда не преступал.

Наконец, обращаясь к реальному содержанию его роли вождя, а не к ее риторике и легитимации, 1905—1907 гг. были для Ленина периодом, когда он научился учиться. Ленин вышел тогда впервые за рамки блестящих умозаключений, кропотливой подборки фактов для иллюстрации той или иной теории и прокурорских обвинительных заключений против любых критиков, которые составляли основное содержание текстов молодого Ленина. После 1905—1907 гг. Ленин стал больше настроен на неожиданное (именно это, вместе с его пониманием противоречий, должно было определить его особое использование терминов "диалектика" и "конкретность", которые он считал синонимами). В накале внутри- и внепартийной борьбы он обычно не упоминал о тех моментах, когда строгая приверженность теоретическим посылкам его молодости привела к политичес-

ким ошибкам. Похоже, однако, что он никогда не забывал об этих случаях и был готов к тому, что они снова могут повториться в деятельности даже тех, кто как и он, усвоил "науку об обществе". Он не считал, что это дает ему право прекратить свои исследования марксистских текстов или даже предоставляет ему "свободу от марксизма", но был теперь более готовым отрешиться от догм перед лицом политического опыта, и что еще более важно, заимствовать политические решения у людей, чей общетеоретический анализ он безоговорочно отвергал. Он также осознавал тот факт, что больше всего он позаимствовал у эсеров — объясняя это тем, что их "мелкобуржуазные" взгляды и предрассудки совпадают со взглядами большинства населения России. Таким образом, подобное заимствование можно было бы назвать особым проявлением демократичности, конечно, в ленинском духе.

Если 1900—1903 гг. и 1908—1914 гг. были периодами, когда и уверенность Ленина в себе, и внутрипартийный опыт возрастали, а его авторитет стал превышать даже авторитет старейших и опытнейших из его политических партнеров, период 1917—1920 гг. стал для Ленина уроком ведения войны, а 1921—1923 гг. — уроком государственного строительства. Революция же 1905—1907 гг. была временем, когда Ленин узнал — в ходе своей первой непосредственной борьбы за революционную власть — о крестьянской войне, о национализме, о массовых движениях и об извлечении уроков из политического опыта (а также научился молчать о том, как это делать)⁴⁸.

ПОСТСКРИПТУМ: ВОПРОСЫ ВЫБОРА

Книга закончена. В ней нарисована картина определенного общества и эпохи и рассматриваются их черты, противоречия и изменения. Затем анализируется полузабытая революция с целью восстановить ее значение как решающего момента в истории России и мира в целом. В предисловии были изложены исходные посылки книги и общие выводы, сделанные в результате проведенного анализа. В послесловии автор позволит себе кратко изложить то, что он узнал в процессе исследования о самом познании — не только о России и ее революции, но о социальной истории и исторической социологии, как и о самом себе.

Наука знает немало мастеров, занимавшихся вопросами анализа истории. В этой книге я уже выразил свое восхищение аналитическим искусством Марка Блока. Перечитывать работы Блока, а также другие исторические и аналитические тексты высочайшего класса, принадлежащие перу Гиббона, Мишле, Маркса, Ключевского, Райта Миллза, Макса Вебера или Броделя, а также и еще дальше удаленных от нас во времени и пространстве Фукидида или древнекитайских историков, — это отдых от банальностей, которые столь часто представляются под видом научного познания, журналистского остроумия или "здорового смысла". Чтение мастеров — это также урок интеллектуального смирения. После такого чтения меньше хочется говорить о вещах, о которых они уже сказали так хорошо.

Я поэтому не стану высказывать здесь общие предположения относительно того, как заниматься исторической наукой. То, что будет здесь сказано, имеет своей целью выделить и вкратце суммировать нечто менее

общее — речь пойдет о нескольких десятилетиях конца XX в. в общественных науках Запада и об особых проблемах и западнях на их пути. Я попытаюсь связать это с вопросом растущих противоречий, с одной стороны, между взглядами, принятыми и преподаваемыми в течение двух столетий, и, с другой — с новыми аналитическими тенденциями и стилями в изучении общественной жизни. Говоря также более лично, речь пойдет о том, чему поколение ученых, изучающих общество, училось из своих учебников, у своих учителей и вождей, в противовес тому, что они узнали в ходе своей исследовательской и преподавательской работы, так и гражданской жизни, о том, что рождалось из споров в узких дружеских кругах, и часто из болезненных усилий понять вещи заново, в том числе и причины ошеломляющих неожиданностей, которые столь типичны для нашего времени. В этой книге анализировались как уроки истории, так и неумение извлекать их общественными группами и политическими элитами революционной России с 1890-х годов по 1922 г. Какие же уроки могут получить современные социологи и историки из процесса изучения этих вопросов? Каким образом содержание и результаты этой работы связаны с общими представлениями о целях и методах их профессии?

Из этих вопросов я остановлюсь на четырех — я назову их "шорами" обществоведения, воздействие которых видится мне особенно сильным. Вслед за этим я изложу два личных вывода — стратегический и экзистенциальный. Первые из этих "шор" — предполагаемое соотношение между сознательным выбором и безличностными детерминантами человеческого поведения. Вторые — принимаемая причинная иерархия, связывающая социальные институты и категории анализа. Третьи — влияние и несоответствия моделей исторического времени, которые укоренились в обществоведении. Четвертые связаны с вопросами эпистемологической терпимости. Все они прорастают из общей формы

ложных интерпретаций, которую можно кратко назвать редукционизмом. Этот особый "идол человеческого мышления"¹ выражается в той же мере в формально принятой эпистемологии и методологии, как и в неосознанных предпочтениях, настроениях и "здравом смысле", которые при более близком рассмотрении оказываются детерминированными обществом и образованием. Заключение ученых отражают результаты исследований, но определяются в немалой мере также вопросами, которые мы задаем. Те, кто думают, что могут обойти такие проблемы познания и избежать "философствования", говоря "просто" о "фактах", особенно подвержены опасности угодить в эту ловушку.

Упрощение является обязательной частью как анализа, так и педагогического процесса передачи знаний. Без него нельзя создать концептуальной модели и объяснить общие тенденции. Но, как говорит об этом уже упоминавшееся правило Р.Брейтуэйта, цена употребления таких аналитических инструментов — это "вечная бдительность"². Главное здесь — опасность стать пленниками собственной методологии, потеряв из виду объект нашего исследования, который заменяют аппроксимации, предполагавшиеся как этапы познания. Редукционизм — это форма ложной интерпретации, когда оправданное упрощение или временная гиперболизация, принятые в качестве одного из шагов анализа, заслоняют наше поле зрения и занимают место тех реалий, которые мы собирались изучать. Это и превращает исследовательские процедуры в "шоры"³.

Первой из этих шор является тенденция сводить человеческую волю к ее материальным и структуральным детерминантам. Этим снимаются вопросы выбора и случайности. Экономисты совершают эту ошибку, концентрируя внимание исключительно на потоках денег и товаров. Историков влечет к ней "одержимость вопросом истоков" как особым "идолом племени историков"⁴. Социологи (и многие другие) также поклоняются

"структурам" и "системам". В качестве инверсии, которая напоминает Фрейда и его механизм замещения, альтернативы этим тенденциям принимают форму чистого субъективизма — феноменологической или постмодернистской картины общества как внеисторического конструкта, в котором не учитывается то, что люди строят свой мир из ресурсов, которые заимствуются или диктуются прошлым. Хотя многие формально определяли общество как взаимоотношение между человеческим выбором и внечеловеческими детерминантами, описания и теории социального действия в последнее столетие все чаще теряли эту взаимозависимость из виду.

В XX в. примитивный материализм XVIII и XIX вв. был дополнен особым вниманием к структурам человеческого действия и взаимодействия⁵, но человеческая деятельность продолжала рассматриваться многими учеными как не более чем вектор условий и воздействий (как материальных ресурсов, так и социальных структур). Результатом были модели человеческой истории как кукольного театра, принимаемые в качестве "единственно научных" сценариев человеческой истории, актеры которой только куклы, которых за ниточки дергают настоящие игроки, будь то инстинкты или экономические процессы, приказы извне или социализация. В том же ключе использовались количественные методы, статистические средние и компьютерные игры. Что касается дополнительных объяснений социальной истории, широко распространенных, особенно в средствах массовой информации, представление о ее решающих моментах как о взрывах человеческой патологии или "поведении толпы", возможно спровоцированной "харизматической личностью"⁶ (пока все не успокоится опять до того состояния, которое подвластно "науке", т.е. поведение, которое является не более чем вектором "объективных сил", механически повторяющихся, полностью предсказуемых и навевающих скуку). Эта альтернатива, в которой история рассматривается как цепь

патологических провалов, даже для ее "харизматических" моментов является столь же детерминистской, как и те взгляды, которые она критикует. Она заменила абсолютную причинность "объективного" иррациональностью, но в духе своих противников отказала в существовании и влиянии человеческого выбору, каковы бы ни были его ограничения.

Этим образам и представлениям о человеческих реалиях противостоит взгляд, который утверждался гораздо медленнее. Его интеллектуальные корни можно найти в немецкой критической философии конца XVIII — начала XIX вв., которая оплодотворила "Тезисы о Фейербахе" молодого Маркса, в работах неокантианцев, так же, как и социальную психологию Дж.Мида из Чикагской школы, определяя интеллектуальный контекст и для Макса Вебера, и для Марка Блока, для Грамши и для Сартра⁷. Это историография, фокус которой лежит в обратной связи "объективного" и "субъективного", как сущности особенного в феномене человека, общества и их развития.

Суть этого взгляда в том, что взаимозависимость между материальными условиями, жесткими моделями поведения и человеческими общностями людей, с одной стороны, индивидуального и группового выбора и понимания — с другой, не действуют как простая причинно-следственная связь. В центре коллективного бытия находится интерсубъективность, которая, как бог Янус имеет два лица: набор социальных предписаний, ограничений и контроля, и процессы выбора между альтернативами. Более того, эти ограничения не являются неизменными или простым отражением материальных условий, но находятся в постоянном процессе созидания и распада, в котором "субъективное" и "объективное" являются звеньями бесконечной цепи. Человеческие действия являются комбинацией необходимого, навязанного и ранее усвоенного с "неортодоксальными" и созидательными решениями проблем человеческого су-

ществования. Редукционизм размывает наше понимание этих процессов тем, что исключает из рассмотрения некоторые из его звеньев. Он также заставляет нас терять вкус к задаванию вопросов, касающихся действительности, заменяя ответы схемами и муляжами, когда, замерев на своих местах в зрительном зале, мы наблюдаем представление кукольного театра, где роль кукловодов играют судьбоносные "объективные условия" и внешних воздействий.

Мы живем в период огромной претенциозности науки, отмеченный также потрясающими ошибками в предсказаниях обществоведов. Это могло бы быть поводом для веселья (как шутки про метеорологов диспутниковой эпохи), но слишком многое зависит сегодня от таких ошибок⁸. Мы окружены катастрофическими результатами исполнения планов того, что считалось "неизбежной необходимостью" как на "Востоке", так и на "Западе", — фанатичную приверженность "модернизации", обернувшейся массовым голодом, либеральные мечты, породившие фашистские режимы, "революции святых", которые создавали ад на земле. Все это — не только результат интересов эгоистических элит, но также часто вопрос выбора, который в конечном счете обернулся часто и против интересов тех, кто этот выбор сделал. Наша книга показала кое-что из этого для условий России. Глобальные проблемы нельзя решать, если относиться к ним только как к вопросам познания, но мы также не можем их разрешить, если забудем о проблемах познания и последующего выбора. На протяжении целого столетия политики и активисты с необыкновенным рвением изменяли мир. Вопрос заключается в том, как интерпретировать их провалы или даже лучше, сделать такую реинтерпретацию неотъемлемой частью будущих человеческих действий.

Один из способов скорректировать аналитические процедуры познания — это заново взглянуть на то, как мы смотрим на историю. Социальные науки особенно

пострадали от уклона в редукционизм, можно сказать, были загипнотизированы тем несомненно правильным предположением, что мы наследуем наш общественный мир организованным, что большинство наших знаний о нем "вторичны". Вот почему анализ истории должен осознать баланс взаимозависимости между сознанием, выбором и случаем и материальными и структурными детерминантами человеческой действительности. После периода глубокого детерминизма или, лучше сказать, фатализма, выставляемого под видом настоящей науки, мы должны воссоздать и "диалектизировать" баланс понимания человеческой истории и особенно созидательных процессов в ней. Это не только признание бесконечности цепи причин и следствий как и внутренней противоречивости, заложенной в человеческом существовании, но также места человеческой воли (в рамках ограничений которые надо, конечно, изучать), вопросов человеческого выбора (не "свободного", но движущегося между альтернативами, которые надо определить) и проблематичности познания (неотъемлемой частью которого являются фетишизмы и "шоры"). Воля, выбор и ошибка не являются "черными ящиками" и нуждаются в изучении, но их нельзя просто свести к "причинам", которые принято считать более реальными. Хотя "они ее делают не так как им вздумается... люди сами делают свою историю...", — вряд ли можно выразить это более четко, чем сказал Маркс⁹.

Вторым вопросом, тесно связанным с предыдущим, является вопрос иерархии причинности, используемой для объяснения истории. Проблемы и решения, обсуждаемые выше, имеют значение более широкое, чем вопрос относительной автономии выбора и место случая в анализе. Однонаправленные модели причины и следствия, часто монокаузальные, касающиеся взаимозависимости между социальными институтами, переходят в редукционизм или в абстракции, которые останавливают изучение вопроса

на полпути. Хорошим примером служила природа государства в свете марксовой метафоры "базиса" и "надстройки", превращенной многими марксистами в синонимы причины и следствия в однонаправленной схеме. Это превращало государство в некий эпифеномен истинных и окончательных причин, находящихся где-то вне политической сферы — особенно пагубное заблуждение в мире, в котором роль и значение государственного аппарата возрастало с каждым днем¹⁰.

Вопрос заключается не только во взаимной причинности, но также в особых характеристиках основных социальных институтов, их динамики и "правил игры", которые несводимы друг к другу или к чему-то третьему, взгляд, выраженный современной теорией систем фон Бертоланфи и другими.¹¹ Сам способ постановки вопросов о конечных причинах слишком часто ведет к ослаблению внимания к богатству социальной реальности, ее историчности, ее противоречиях. Вместе с тем нельзя считать альтернативой методологическую капитуляцию, заключающуюся в признании того, что "все" важно в огромной и неструктурированной груде "фактов". Напротив, социальный анализ сосредоточен на иерархиях причинности, однако он должен рассматривать их в конкретных проявлениях. Дело не в том, чтобы провозгласить, какая иерархия является дедуктивно правильной, необходимой и вечной, все "причины" представляют собой звенья бесконечной цепочки причинности. Никакое общество нельзя поэтому вывести из общих законов, его нужно изучать, а основные социальные институты нельзя сводить к "просто" экономике, к "не более чем" власти или же "только" к сознанию. И историю мира нельзя свести к теории прогресса.¹² Та "неэлегантность", которая изначально просачивается в теорию и концептуальные модели общества, по мере того как они становятся реалистичными, коренится в самой природе человеческой действительности, а не в неадекватности социального анализа. Признать проти-

воречивую сложность, не капитулируя перед ней и не убегая от нее в отчаянии, — вот суть эффективного труда в социальных науках.

Это подводит нас к важному мостику между первыми и вторыми "шорами". Значение альтернатив и выбора, по сравнению с материальными и структурными детерминантами социальной истории не абсолютен, а вопрос исторической стадии. Степень "альтернативности" истории зависит от контекста¹³. Материальные ограничения связаны также с человеческим опытом и познанием и, следовательно, потенциально, с человеческой волей и выбором. Более явно это проявляется на уровне социальных институтов. Но есть длительные периоды времени, когда материальные условия (так же как и наше представление о них) и социальные институты (отражаемые в индивидуальном познании) утверждают жесткую последовательность социального воспроизводства и препятствуют фундаментальным изменениям. Во время этих стандартизированных, повторяющихся, опирающихся на преемственность и социологически легко объяснимых этапов, исторические процессы более предсказуемы, — "альтернативность" истории низка. Затем наступает стадия широкомасштабного кризиса, революции, или, говоря словами Ясперса, "аксиальный период"¹⁴. Ломаются заборы жестких моделей поведения, социализации самоцензуры воображения и самоочевидных стереотипов здравого смысла, на время только небо кажется пределом и освобождены все силы ада. "Альтернативность" истории, важность общественного и индивидуального самосознания и особенно диапазон оригинальности выбора резко увеличиваются. На таких "поворотах" истории общества складываются модели и стереотипы познания, которые будут определять его историю в течение десятилетий или даже столетий. Это и было сутью важных этапов российской революционной эпохи XX в., началу которой посвящено наше исследование.

Не "харизма" лидеров и не массовая патология, а глубокий поворот господствующих представлений и перестройка существующих ценностных структур — революция как момент истины — есть главное на стадии аксиального поворота. Позднее, социальные структуры с их стереотипами здравого смысла отвердевают, а формы принуждения, привилегии, новые и традиционные, вновь обретают полную силу, — история снова идет по пути, на котором мало потенциальных поворотных точек. Признание меняющейся степени зависимости между социальной структурой и человеческим выбором, которую мы назвали бы мерой альтернативности, имеет решающее значение для нашего понимания социальной истории и исторической социологии.

В-третьих, — и в этом следующая категория "шор", наши историографии содержат подразумеваемые, но исключительно важные предположения, касающиеся природы исторического времени. Его архимодель, идеальная хронология, которую Корриган хорошо назвал хронограмматикой, обычно рассматривается как самоочевидная, что часто ведет к заблуждениям. К настоящему времени немало сделано в исследовании разрыва между древними представлениями о естественной цикличности истории и иудейско-христианской линейной картиной сотворения мира, падения и искупления (в которой пришествие Христа добавило точку, от которого историческое время отсчитывается и вперед, и назад)¹⁵. Современные историки и философы как Eliade начали изучение способов, в соответствии с которыми теологическая линейность восприятия времени служила для развития современной архимодели эволюционизма и теории прогресса как узлового пункта самоидентификации и легитимации политических идеологий и социальных наук современного мира. Анализировались человеческие обычаи и практика, лежащая в основе этих представлений, например космологические и сельскохозяйственные циклы, на которых строились представления древних о

времени, или индустриализация как основа линейности понятия времени и эволюционных теорий XIX в. Есть и другие социальные характеристики, которые связывались с различными представлениями о времени, например, преобладание пессимистической этики в древней философии в сопоставлении с оптимистической философской антропологией в Европе XIX в. Изучалось, хотя и в гораздо меньшей степени, обратное воздействие господствующих представлений о времени на человеческую практику.

Подобные соображения гораздо яснее воспринимаются *ex post factum*, но кажется, что мы в настоящий момент переживаем очередную смену парадигмы — крушение или по крайней мере серьезный вызов теории прогресса как архимодели исторического времени. Медленно занимает свое место концептуализация, для которой еще не придумано устраивающего всех названия (на это не вполне удачно претендует постмодернизм). Она заменяет модели линейного роста моделями многонаправленности и неравномерности изменений откровения, случайности и альтернативные стратегии — более сложное, но и более реалистичная система понятий. Ее аналитическое происхождение коренится часто в идеях "неравномерного развития", которое определялось в теориях развития 1950—1970-х годов и которое мы исследовали на примере России в конце XIX в.¹⁶ Однако этот термин может ввести в заблуждение, если понимать его буквально. Суть его заключается не в разных скоростях, а в качественно различных путях, в том, что Пол Суизи назвал "различием судеб" современных обществ¹⁷, в той же степени различием в реальности обществ, так и в различных потенциалах их развития. Это означает параллельные и неперебиваемые одно в другое "время" и *zeitgeist*, ("дух времени"), что хорошо отражено в предложении Броделя разделить историю на ее медленно и быстро движущиеся уровни. — одновременные, различные и несводимые друг к

другу¹⁸. Вопрос выходит за рамки постскриптума, однако игнорировать эту проблему означало бы неправильно понять весь предыдущий текст. Полнокровный "прогрессизм", сосредоточенный только на определении скорости развития и на препятствиях продвижению по необходимому и хорошо известному историческому пути сделал бы эту книгу ненужной. Если принять другую точку зрения на историческое время, принять параллельно возможные исторические пути и модели в духе анализа, заложенного в России, когда человеческие доводы, изложенные в этой книге, становятся исключительно важными для понимания России и ее революции, а также их значения для остального мира.

Четвертой и последней категорией "шор" является вопрос эпистемологической важности терпимости. Реальное понимание колоссальной сложности современных обществ и множественности путей их изучения никогда не было свойственно бюрократам, полицейским и всем тем, кто был склонен подменять эту сложность простым разделением на "нас" (хороших) и "их" (плохих). Радикальная волна 1968 г. вызвала в кампусах западных университетов подъем марксофилии. Затем это настроение быстро сменилось на антимарксистский барабанный бой. Что связывает маккартизм начала 50-х годов в США, антимарксистские крестовые походы сегодняшнего дня с крикливым марксизмом для дураков как и другими идеологическими выкриками, — это еще одна категория редуционизма — грубая бинарная модель "да—нет", к которой относятся как к самой реальности. Она далека и от реальной жизни и от научной деятельности как Маркса, так и от истинных отцов либеральной или консервативной мысли, в верности которым клянутся спорящие стороны. Не следует также забывать, что за такими спорами часто стоят не просто свехупрощения цели, но и способы укрепить личную репутацию и сделать академическую карьеру себе и своим друзьям.

Те, кто отказывался присоединиться к таким средневековым "мистериям" с ангелами и дьяволами в главных ролях, обычно получали "слева" обидный ярлык "либерализма" с приставкой "буржуазного", а "справа" — с определением "розового" попутчика красных. Слова "популист" (не такое плохое) или "ревизионист" (просто ужасное) использовались для таких же манипуляций сознанием, особенно в левых академических кругах "развивающихся обществ". Мы, конечно, имеем здесь дело с передергиванием понятий. Вопросы индивидуальной свободы, поднятые либералами XIX в., особенно важны и сегодня, и не один либерал отдал жизнь за свои убеждения — нельзя принимать за либерализм либеральную риторику, которая используется как прикрытие для оппортунизма или моральной трусости. Те партии, которые в России называли народническими, т.е. популистскими, редко исповедовали или проповедовали монополию мелких собственников на будущее в то время как важнейшие вопросы, как коммунизм или неравномерное развитие, поднятые ими в XIX в., до сих пор не решены. И, разумеется, все "ревизовали" своих мастеров. Ясно, что на карту поставлено совсем иное — прикрепление ярлыков посредством редуционистских моделей типа мы/они (иногда с добавкой чистилища между раем и адом).

Этого рода проблемы можно обсуждать бесконечно, и я позволю себе сделать мой вывод кратким. Теория и стремление к познанию смешиваются с политикой и этикой. Что необходимо здесь заявить, так это то, что терпимость — не только вопрос политического или этического выбора. Сталкиваясь с бесконечной, сложной, противоречивой и изменяющейся реальностью, терпимость, без отказа от того, чтобы самому занимать определенные позиции, является важнейшим фактором познания. в то время как противоположное служит редуционизму, вместе со всеми его "шорами". Эпистемологическая терпимость необходима для эффективного анализа и для

извлечения реалистических уроков из опыта. Она также необходима для улучшения аналитической подготовки ученых. Монастыри, казармы и тюрьмы могут оставаться закрытыми, но университеты не смогут сделать этого, не подрывая своего главного предназначения. Как мы постарались показать в нашей книге, то же можно сказать и о наиболее эффективных и проницательных политических лидерах в условиях глубокого кризиса их обществ.

Переходя от "шор" к общему выводу о современной исторической социологии, если изложить его предельно кратко — это назревшая потребность в большем принятии разнообразия, сложности и противоречивости человеческого мира и в самой своей сути, принятие его своеобразия, которое выражается в особенностях и влиянии человеческого сознания, познания, творчества и выбора. Такой взгляд относится к редукционизму как к главной травме, которую современное историческое познание нанесло само себе. Нужна историография, в которой центральную роль играют потенциал, альтернатива и различие, а не только необходимость, предопределенность или тотальность.

Что касается экзистенциальных выводов, они личностны и не могут основываться только на аналитических соображениях, но должны относиться также к политическим целям и прикладной этике — в этом сложная взаимозависимость и слабо разработанный аспект нашего самопонимания. В то же время мы не можем обойтись без них, потому что это то место, где стыкуются человеческая мысль и действие. Наука — не только занятие, но и образ жизни и система ценностей. Такое утверждение — не самокомплимент, хорошим свидетельством этому являются списки расстрелянных и изгнанных диктаторскими режимами. Те, кто претендует на звание ученых, изучающих человеческое общество, должны хорошо помнить этическую оценку и

предупреждение, высказанное величайшим ученым нашего столетия. "Мы должны остерегаться преувеличения роли науки и научных методов при рассмотрении человеческих проблем", — писал Альберт Эйнштейн в 1951 г. Он продолжил: "Человек в то же время одинокое существо и социальное существо... Для меня суть кризиса нашего времени связана с отношениями индивида и общества. Индивид лучше осознает, чем когда-либо в прошлом, свою зависимость от общества. Но он чувствует эту зависимость не как преимущество, не как органическую связь, не как защитную силу, но больше как угрозу его естественным правам или даже его экономическому существованию"¹⁷. Предположения о творческих способностях человека, фактических и потенциальных, о возможных альтернативах и многонаправленности процессов развития, о многомерности времени и разных возможных и релевантных представлениях об истине не только более реалистичны, но позволяют также лучше вооружиться перед лицом важнейшего кризиса нашего времени, который определил Эйнштейн, кризиса, который и сейчас продолжает углубляться¹⁹. Это можно выразить в еще одной недетерминистской, не поддающейся упрощению диалектической цепи, где жесткое разделение на причину и следствие явилось бы ложным:

Пока существует выбор — есть надежда. Пока есть надежда — люди ищут правду, мечтают о лучшем мире и борются за него. Пока люди ищут, мечтают и борются, есть надежда.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Введение: корни иного

- ¹ *Витте С.* О положении нашей промышленности // Историк-Марксист. М., 1935. № 2—3. С. 133.
- ² *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 8. С. 119—120.
- ³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 9—10.
- ⁴ *Shanin T.* Russia as a "Developing Society". L., 1985.
- ⁵ *Bloch M.* The Historian's Craft. Manchester, 1979. P. 155.
- ⁶ *Shanin T.* Russia, 1905—1907: Revolution as a Moment of Truth. New Haven, 1986.
- ⁷ *Shanin T.* The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in Developing Society: Russia 1910—1925. Oxford, 1972.

Предисловие к русскому изданию (1997 г.)

- ¹ *Бэкон Ф.* Сочинения. М., 1972. Т. 2. С. 18—33.
- ² *Shanin T.* The Idea of Progress // The Post-Development Reader / Ed. M.Rahneman, V.Bawtree. L., 1996.
- ³ Late Marx and the Russian Road / Ed. T.Shanin. L., 1984.
- ⁴ *Merton R.K.* Social Theory and Social Structure. N.Y., 1968.
- ⁵ *Shanin T.* Russia as a "Developing Society". L., 1985.
- ⁶ Для этого вопроса историографии и исторической социологии следует проследить неокантианскую линию анализа наук о человеке (kulturwissenschaft), утверждающую, что познание объекта меняет его характер (от Риккерта и Вебера до Броделя) и выйти на точку пересечения с современными теориями уровней познания и так называемого хаоса, например: *Mitchel M.* Complexity: the Emerging, Science on the Edge of Order and Chaos. N.Y., 1992, *Bernstein P.L.* Against the Gods: the Remarkable Story of Risk. L., 1996.

Глава первая. РЕВОЛЮЦИЯ ЗАКИПАЕТ

1. Революция "не... не..."

¹ Стоун в своей книге проанализировал этот документ и сделал вывод, что "призрак 1848 г." был вызван "банкротством правых и вызовом левых" в канун "странной смерти" европейского либерализма. Россия в такой интерпретации является просто частью этого европейского процесса (*Stone N.* Europe Transformed 1878—1919. L., 1983. Pt 2). Советскую дискуссию по поводу соответствующего международного контекста см. также: История СССР. 1968. № 6. С. 250—256, где говорится в таком же духе о "рабочем классе Западной Европы, который в те дни учился говорить по-русски" (Там же. С. 252). См. также: *Hobsbaum E.* The Age of Capital. L., 1975. Ch. 16.

² Датировка использована скорее для того, чтобы указать на эти процессы, чем чтобы оценить должным образом их сложность и продолжительность. "Конституционная революция" в Иране нача-

лась в 1908 г. и продолжалась до 1911 г. (в 1909 г. шах был лишен трона). Мексиканская революция началась в 1910 г. и продолжалась до 1925 г. (или даже до 1943 г., если учитывать президентство Карденаса). Добавочные свидетельства, относящиеся к такого рода сравнениям можно найти у Спектора (*Spector I. The First Russian Revolution. Englewood Cliffs, 1968*).

³ Учитывая, что на Кавказе находилось не менее 200 тыс. иранских рабочих, Иран был примером прямых контактов. Русские принимали участие в этих событиях как на стороне революционеров, так и находясь в рядах монархистов. В Индии русских не было, как и индусов в России, но Б.Г.Тилак явно воспользовался российским опытом и тактикой, разрабатывая свой вариант воинствующего индийского национализма. В Мексике воздействие революции 1905—1907 гг. было более опосредованным.

⁴ Обоснование этих понятий и связанного с ними анализа см.: *Shanin T. Russia as a "Developing Society". L., 1985*.

⁵ Обсуждение см. в кн.: *Shanin T. The Rules of the Game: Models in Scholarly Thought. L., 1972*.

⁶ Эта линия анализа действительно часто использовалась в сравнительной истории современности (см. например: *Stone N. Op. cit.; Stockpol T. States and Social Revolutions. Cambridge, 1979. Tab. 1, 2*, в которых сравнивается революция во Франции в 1789 г., в России в 1917 г. и в Китае в 1911 г.). Причины, по которым я нахожу эти взгляды полезными, но недостаточными, см. ниже в тексте и в кн.: *Shanin T. Russia as a "Developing Society". Ch. 5*.

⁷ Например, протокол правительственного заседания от 10 февраля 1905 г. показывает, что при обсуждении современной революционной борьбы чаще всего ссылались на "крамолу 1881 г." (Красный архив (далее — КА). Т. 32. С. 217).

⁸ См., например, ленинскую модель 1905 г. и периодизацию революционного процесса, который он ожидал в России (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 154—156*). Они непосредственно основывались на событиях в Германии в 1849 г. и во Франции в 1871 г.

⁹ Полностью текст звучит так: "Было бы лучше всего, поскольку русская революция [1905—1907 гг. — Т.Ш.] и наша задача в ней рассматривается не как буржуазная революция в обычном смысле, не как социалистическая революция, но как совершенно особый процесс, происходящий на границах буржуазного и социалистического обществ, служа ликвидации первого, обеспечивая условия для второго и предлагая мощный толчок для общего развития центров капиталистической цивилизации". Эта цитата представляет собой отличный пример нового подхода и, одновременно, отказ реагировать на иную реальность путем ее глубокого переосмысления. Совершенно ясно, что притязания Каутского на "ортодоксальность"

были хорошо обоснованными (Каутский К. Движущие силы и перспективы русской революции. М., 1926. С. 29).

¹⁰ См.: *Shanin T. Russia as a "Developing society"*. Ch. 5. Это определяло как первую поправку, идеи Ф.Листа, касающиеся индустриализации Германии, так же, как и применения их в России (особенно выраженных С.Витте). "Столыпинские реформы" — вторая поправка — были признанием в том, что политика переходного и выборочного протекционизма, разработанная Листом, недостаточна для такой страны, как Россия. Чтобы эта стратегия сработала, государство в этой интерпретации должно провести крупное изменение в социальной структуре — "революцию сверху". См. ниже гл. 6, §1.

Элементы так называемых столыпинских реформ уже присутствовали в дискуссии между старшими чиновниками и учеными-дворянами России, которая велась начиная с середины XIX в.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 9—10.

2. Революционная ситуация: массы как актеры драмы

¹ Литература, относящаяся к этой проблеме слишком обширна, чтобы ее можно было кратко прокомментировать. См.: *Cohen A.S. Theories of Revolution*. L., 1975. В этой книге содержится основательная библиография. Из недавних работ наибольший интерес представляют кн.: *Stockpol T. States and Social Revolutions*. Cambridge, 1978. Здесь тоже приведена подробная библиография; *Tilly C.L., Tilly R. The Rebellious Century, 1830—1930*. Cambridge, 1978; *Hobsbaum E. Revolution*. XIX International Congress of Historical Studies. San Francisco, 1975; *Aya R. Theories of Revolution Reconsidered // Theory and Society*. 1979. Vol. 8. P. 44—45; дальнейшее обсуждение существующих взглядов см.: *Shanin T. Class, State and Revolution: Substitutes and Realities*; *Alavi H., Shanin T. Introduction to the Sociology of "Developing Societies"*. L., 1982.

² См.: *Shanin T. Russia as a "Developing Society"*. L., 1985. Ch. 5.

³ Ibid. Pt D. Для непосредственной ссылки см. также: *Лященко П. История народного хозяйства СССР*. М., 1948. Т. 2. Гл. 8; *Симонова М. Проблема "оскудения" центра // Проблемы социально-экономической истории России*. М., 1971.

⁴ Выражение "этническая группа" используется как синоним русского термина "национальность", который заметно отличается по смыслу от европейской концепции национальности. Обсуждение см.: *Shanin T. "Natsional'nost": The Case of a Missing Term // Alavi H., Halliday F. State and Ideology in West Asia*. L., 1986.

⁵ *Мартов Ю. и др. Общественное движение в России*. СПб., 1910. Т. 1. С. 273—280; *Лейкина-Свирская В. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах*. М., 1981. Гл. 1, 7.

⁶ Например, в 1902 г., под Полтавой, крестьяне напали на полицейский участок, требуя от полицейских "освободить их студента", полуграмотного местного крестьянина, который возглавлял их выступление и был за это арестован.

⁷ *Веселовский В.* Крестьянское движение 1902 года. М., 1923; см. также: *Дубровский С., Граве Б.* Крестьянское движение накануне революции 1905 года. М., 1926.

⁸ *Веселовский В.* Указ. соч. С. 103.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Об этом деле см.: *Зубатовщина // Былое.* 1917. Т. 26. № 4; *КА.* Т. 1. С. 289—328. См. также: *Лядов М.* Как начала складываться российская коммунистическая партия. М., 1925. Гл. XXX. Взгляды монархистов изложены в кн.: *Заварзин П.* Работа тайной полиции. Париж, 1924, ч. II. Сам Зубатов в конце концов попал в немилость и был сослан по приказу своего начальства. Странная эпитафия заканчивает эту историю об интеллигентном жандарме и верноподданном монархисте, столкнувшимися лицом к лицу с царским истеблишментом. Зубатов застрелился в тот же день, когда было объявлено об отречении Николая II. Никто из его бывших начальников не последовал этому примеру.

¹² *Варзар В.* Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908. СПб., 1910. С. 7. В этой работе не учтены шахтеры, ремесленники, батраки и работающие за пределами Европейской России, т.е. данные Варзара можно считать репрезентативными для наемных рабочих, но охватывающими только их часть.

3. Революционная ситуация: лидеры и "серые мужики-рабочие"

¹ *Спиридович А.* Революционное движение в России. СПб., 1914. Т. 1; см. также его воспоминания: *Спиридович А.* Записки жандарма. М., 1991.

² *Shanin T.* Russia as a "Developing Society". L., 1985. Ch. 5. Sect.D.

³ *Лядов М.* Как начала складываться российская коммунистическая партия. М., 1925; *Haimson L.* The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Harvard, 1955; *Keep J.H.C.* The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963.

⁴ Брошюра "Об агитации" была написана А.Кремером. См.: Альбом по истории ВКП(б). М., 1928. С. 19—21; *Лядов М.* Указ. соч. Гл. VIII.

⁵ Цит. из партийного манифеста, 1897. *Спиридович А.* Указ. соч. Прил. 1. С. 216.

⁶ Там же. Гл. II; *Лядов М.* Указ. соч. Гл. XXIII—XXXIV; Альбом... С. 25.

⁷ Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. Именно забастовки 1902—1903 гг. породили страх социал-демократов перед тем, что "сознательные активисты поглощены стихийностью рабочих" (Лядов М. Указ. соч. С.119).

⁸ См.: Белокогонский И. Земское движение. М., 1914; Гиндин И. Русская буржуазия и царизм в период капитализма // История СССР. 1963. № 3; Дякин В. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967; Черменский Е. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.

⁹ Белокогонский И. Указ. соч. С. 80—82; Соловьев Ю. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981. Гл. 1. Большое число документов содержится в: Археографический ежегодник. 1974—1979. М., 1975. С. 285—295.

¹⁰ Слетов С. К истории возникновения партии СР. Петроград, 1971; Гершуни Г. Из недавнего прошлого. Париж, 1908; Чернов В. Перед бурей. Берлин; Нью-Йорк, 1953.

¹¹ Памятная книжка социалиста-революционера. Париж, 1911. ч. 1; Спиридович А. Революционное движение в России. Т. 2. Петроград, 1916; Слетов С. Указ. соч.

¹² Спиридович А. Указ. соч. С. 82—83.

¹³ Второй очередной съезд РСДРП. Женева, 1904; Также источники, перечисленные выше в сн. 4.; Альбом...; История КПСС. М., 1966. Т. 2.

¹⁴ Второй очередной съезд РСДРП. Приложения.

¹⁵ Цит. из речи Мартынова на съезде, произнесенной 31 июля. Второй очередной съезд РСДРП.

¹⁶ "Резолюция о социалистах-революционерах". Второй очередной съезд РСДРП. Приложения.

¹⁷ Haimson L. Op. cit. P. 183.

¹⁸ Белокогонский И. Указ. соч.; Симонова М. Земско-либеральная фронда // Исторические записки. М., 1973. Т. 91.

¹⁹ Общее содержание политических выводов, к которым пришли более радикальные члены было хорошо выражено в следующем заявлении: "Самодержавие — это дорога к революции. Чтобы спасти династию нужно ограничить ее власть" (Белокогонский И. Указ. соч. С. 289).

²⁰ Освобождение. 1902. № 2. 18 июня, 1 июля.

²¹ Там же. Организационную программу и устав см.: Археографический ежегодник. С. 294—296.

²² Существует обширная литература, в которой сравниваются программы, тактика, состав и т.д. российских политических партий. См. например: Великов Л. Таблица русских политических партий. СПб., 1906.

²³ См.: Shanin T. Op. cit. Ch. 5. Sect. D.

²⁴ *Тарновский Е.* Статистические сведения о лицах, обвиняемых в государственных преступлениях // Журнал министерства юстиции. 1906. № 4. С. 64—65, 72—75, 91—93.

²⁵ *Лядов М.* Указ. соч. С. 156. Преобладание рабочих среди политических заключенных можно поставить под сомнение. См. например, исследование Щербакова (Щербаков А. Ссылные революционеры Сибири. Иркутск, 1973. С. 222, 237). Процент тех, кто был обвинен в преступлениях против государства и занимался до ареста сельским хозяйством увеличилось в 1907 г. до 24%, в то время как доля тех, кто был обвинен в "преступлениях против порядка правления" составила 82%. (Соответствующие цифры для промышленных рабочих составляли 21 и 3% соответственно.) Россия. СПб., 1910. С. 310—311.

4. Силы порядка и сила гнева

¹ С. Витте в своей книге "Воспоминания" (*Витте С.Ю.* Воспоминания. Л., 1924. Т. 1. С. 23. Цитата явно враждебная и возможно апокрифична, но она правильно передает дух времени и принятую логику политических стратегий.

² Детали, касающиеся войны см.: *Летопись войны с Японией 1904—1905.* СПб., 1904—1905, ч. 1—8; *Павлович М.* Русско-японская война. М., 1925; *Сорокин А.* Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 1956; *История русско-японской войны, 1904—1905 гг.* М., 1977; *Тайны русско-японской войны.* М., 1993.

³ *Белокопский И.* Земское движение. М., 1914; *Черменский Е.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. Гл. 1; *Соловьев Ю.* Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981. Гл. 1.

⁴ КА. Т. 43. С. 110.

⁵ Описание см. у В. Невского, современника событий и историка революции в кн.: *Невский В.* Рабочее движение в январские дни 1905 г. М., 1930. С. 61—128. Он делает замечание, что социал-демократы "прозевали", поскольку были заняты в основном фракционной борьбой. См. также: *Гапон Г.* История моей жизни. Л., 1925; официальные сообщения в: *Право.* 1911. № 1, 2; *Анатольев П.* Девятое января. М., 1925. Гл. V, VI, VII.

⁶ Цифры того времени варьируют от официального признания о 128 убитых и 333 раненых (без потерь со стороны сил порядка) до заявлений оппозиции о 1000 убитых и 2000 раненых.

⁷ Редкий пример обсуждения этих вопросов см.: *Thompson E.P.* The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. 1971. N 50.

⁸ *Толстой Л.* Не могу молчать // *Толстой Л.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 83—84.

Глава вторая

РЕВОЛЮЦИЯ СНИЗУ: ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ!

1. История революции: январь 1905 г. — апрель 1906 г.

¹ Сохранившиеся сведения за 1903—1904 и 1906—1908 гг., основаны в основном на работах В. Варзара. Его цифры отражают только рабочих "зарегистрированных фабрик" в Европейской России (Варзар В. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908 гг. СПб., 1910).

² Массовые забастовки прошли в январе и начале февраля в Ярославле, Харькове и Нижнем Новгороде. Особенно о региональных различиях см.: *Невский В.* Рабочее движение в январские дни 1905 года. М., 1931; см. также значительное число региональных монографий, публикация которых была приурочена к 50-летию первой русской революции.

³ В польских губерниях, население которых составляло 7,5% всего населения империи и где было сосредоточено 10% ее наемных рабочих, насчитывалось 600 тыс. забастовщиков (*Мартов Ю., Маслов П., Потресов А.* Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909—1912. Т. 4. Кн. 2. С. 160).

⁴ *Белокопский И. П.* Земское движение. М., 1914. С. 266—282.

⁵ *Витте С.* Воспоминания. Л., 1934. Т. II. С. 157—158.

⁶ КА. Т. 8. С. 46—69.

⁷ *Невский В.* Революция 1905 года. Харьков, 1925; *Панкратова А.* Первая русская революция. М., 1951; *Обнинский В.* Летопись русской революции. М., 1906; *Seton-Watson H.* The Russian Empire 1801—1917. Oxford, 1967; *Мартов Ю., Маслов П., Потресов А.* Указ. соч. Т. 2. Кн. 1.

⁸ *Кирпичников С.* (С.С.К.). Союз Союзов. СПб., 1906; *Сверчков Д.* Союз Союзов // Красная летопись. 1925. № 3. С. 149—163. *Лейкина-Свирская В.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С точки зрения партийной принадлежности, среди инициаторов создания Союза Союзов были как П. Милоков — будущий кадет, так и В. Громан — меньшевик, и С. Мицкевич — большевик.

⁹ *Мартов Ю., Маслов П., Потресов А.* Указ. соч. С. 30.

¹⁰ Исторические записки. 1975. № 95. С. 41.

¹¹ Описание условий, настроений и трудностей того времени см.: *Невский В.* Указ. соч. Активный большевик в период 1905—1907, В. Невский стал одним из историков своей партии в 1920-е годы. Он сообщал, что именно Гапон вел рабочих Санкт-Петербурга в конце 1904 г., в то время, как "жизнь партийных масс состояла из взаимных перебранок" (Там же. С. 160, а также С. 76—82, 93).

¹² *Мартов Ю., Маслов П., Потресов А.* Указ. соч. С. 64; *Спиридович А.* Революционное движение в России. СПб., 1914. Т. 2. Гл. XIII. XIV.

¹³ Социал-демократы выбирали делегатов на свой V съезд 1907 г. и это позволяет получить взаимопроверенную фракциями оценку числа членов партии. См.: История КПСС. М., 1966. Т. 2. С. 215. Мы приняли произвольно, что половина членов Бунда (27 тыс. человек в общей сложности) жили в польских губерниях. Оценки для ПСР (см.: *Perrie M.* The Social Composition and Structure of the Socialist Revolutionary Party Before 1917 // *Soviet Studies.* 1972. Vol. 24. N 2. P. 224—225; *Гинев В.* Борьба за крестьянство и кризис русского неопародничества. Л., 1983. С. 138—139). Собственная цифра членов ПСР, объявленная на II съезде (1907) составила 50 тыс. человек для России без Украины (в которой насчитывалось от 7 тыс. до 10 тыс. членов ПСР). Сообщалось, что в "Крестьянских братствах" ПСР состоит 18 тыс. членов. Социал-демократы часто высмеивали эти оценки членства ПСР как преувеличенные (см.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 173 и др.), но данные, которыми мы располагаем, наводят на мысль, что эти оценки были близки к истине. Цифры высланных и арестованных см.: *Щербакова А.* Ссылные революционеры Сибири. Иркутск, 1973. С. 218, 237, 241; *Лейкина-Свирская В.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 250—254. Другие оценки членства в РСДРП см.: *Lane D.* The Roots of Russian Communism. Assen, 1969. P. 13.

Международное сообщество социалистических партий приняло в целом похожую точку зрения. Число мест, отведенных для представителей России на конгрессе II Интернационала в Штутгарте составило для РСДРП (большевиков и меньшевиков) — 37. ПСР — 21 (Международный социалистический конгресс в Штутгарте. СПб., 1907. С. 8).

¹⁴ Второй период русской революции. М., 1957, ч. I. С. 317—319; *Ахун М., Петров В.* Большевики и армия в 1905—1917 гг. Л., 1929; *Спиридович А.* Указ. соч. Гл. XVII.

¹⁵ Степень стихийности в начале железнодорожной забастовки является дискуссионным вопросом. См.: *Черномордник Е.* Пятый год. М., 1925. С. 93—117; *Переверзев В.* Всероссийский железнодорожный союз 1905 г. // *Былое.* 1925. Т. 32. № 4; *Пушкарева И.* Железнодорожники России во всероссийской октябрьской политической стачке. М., 1959 (диссертация).

¹⁶ *Покровский М.* 1905. М., 1925. Т. 2; *Кривошеина Е.* Петербургский совет рабочих депутатов в 1905 г. М., 1926; *Панкратова А.* Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М., 1955; *Мартов Ю., Маслов П., Потресов А.* Указ. соч. Т. 2. С. 1—120.

¹⁷ См.: 1905 год в Петербурге. М., 1925. В этой книге содержатся протоколы и сообщения городского Совета. Мемуары его членов широко публиковались в 1925 г., когда отмечалось 20-летие начала первой русской революции, например, А.Писарева в: Красная летопись. 1925. № 4. Наиболее известные из этих мемуаров принадлежат заместителю председателя Санкт-Петербургского Совета Л.Троцкому (*Trotsky L.* 1905. L., 1971). См. также воспоминания его председателя, Г.Хрусталева-Носарь в: История совета рабочих депутатов. СПб., 1906. Также см.: сноску 16, гл. 2 §1.

¹⁸ См. текст и историю в подборке документов, опубликованных в: КА. Т. 11; Т. 12. Текст см.: *Dmytryshyn B.* Imperial Russia. Hindsdale, 1974. P. 183.

¹⁹ Последовательные сообщения см. в главной газете российских юристов "Право", имевшей сильную прокадетскую ориентацию. Также: *Обнинский В.* Новый строй. М., 1909.

²⁰ См. воспоминания товарища министра внутренних дел, отвечающего за эти выплаты: *Крыжановский С.* Воспоминания. Берлин, 6. г. С. 152—159. О "Черных сотнях" см.: *Мартов Ю., Маслов П., Потресов А.* Указ. соч. Т. 3; *Обнинский В.* Указ. соч. С. 9—22, 268—277; *Смирнова С.* Черная сотня. СПб., 1906; см. также сн. 5 в гл. 2 §3.

²¹ См., например, воспоминания А.Александрова, руководителя большевиков в Кронштадте: *Александров А.* Кронштадтские восстания в 1905—1906 гг. // Красная летопись. 1925. № 3. С. 14.

²² В.Обнинский приводит подборку относящихся к этому вопросу фактов и цифр (*Обнинский В.* Указ. соч.). Либеральная пресса печатала документы месяц за месяцем особенно в "Праве" и в "Вестнике Европы" на протяжении 1905—1907 гг., а также в только что созданной легальной социалистической прессе, например, в "Новой жизни", "Сыне отечества" и т.д. Правительственное одобрение незаконных казней было еще больше усилено приказом Дурново "не держать арестованных", который он отдал карательным экспедициям.

²³ *Водовозов В.* Царскосельские совещания // Былое. 1917. № 3—4; КА. Т. 31. С. 81—102.

²⁴ Например, Б.Пэарс сообщал с места о быстром изменении в настроении в сторону "отвращения к насилию", которое распространилось после октября 1905 г. в средних классах. См.: *Pears B.* My Russian Memoirs. L., 1935; *Черменский Е.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. Гл. VI, VII.

²⁵ *Невский В.* Указ. соч. С. 152—161.

²⁶ Советские источники называют цифру 2000 вооруженных дружинников в "отрядах" в Москве, а именно по 250—300 человек эсеров и большевиков, 100 меньшевиков и более половины — не принадлежащие ни к каким партиям (*Яковлев Н.* Вооруженное восстание в декабре 1905 г. М., 1957. С. 117—118).

²⁷ См. особенно рапорт Д. Гиммера из Московского "Военного комитета", опубликованный в кн.: *Черномордик Е.* Пятый год. М., 1925. Т. 1; *Невский В.* Указ. соч. С. 88—95.

²⁸ См.: Аграрный вопрос в Совете Министров. М., 1924; КА. Т. 31. С. 94—102.

²⁹ Обстановку и подробности см.: *Водовозов В.* Указ. соч.

2. История революции:

апрель 1906 г. — конец 1907 г.

¹ Вестник Европы. 1906. № 4. С. 762.

² См.: *Водовозов В.* Царскосельские совещания // *Былое*. 1917. № 3—4. С. 227 (процитированная точка зрения принадлежала П. Шванебаху); Петергофское совещание о проекте Государственной Думы. Берлин, б. г. С. 191 (здесь приведены высказывания Бобринского). Общее обсуждение см. в кн.: *Соловьев Ю.* Самодержавие и дворянство в 1902—1907. Л., 1981. С. 180—186.

³ Государственная Дума, созыв I. СПб., 1906. Т. I—II; К десятилетию Первой Государственной Думы. Петроград, 1916; *Семеновта П.* Первая Государственная Дума. СПб., 1907; *Бородин Н.* Государственная Дума в цифрах. СПб., 1906.

⁴ Число бастующих рабочих составляло около 2,9 млн человек в 1905 г., 1,1 млн человек в 1906 г. и 790 тыс. в 1907 г., а в политических забастовках участвовали 1,7 млн, 650 тыс. и 540 тыс. человек соответственно. (Цифры получены в результате суммирования помесечных данных, так что, например, рабочие, бастовавшие на протяжении двух месяцев, учитывались дважды.) *Варзар В.* Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908 гг. СПб., 1910. С. 7.

⁵ И Ленин, и Плеханов все настойчивее предостерегали своих сторонников против уступчивости и примиренчества по отношению к другой фракции.

⁶ Например, на стороне эсеров — Гершуни. в своем письме из тюрьмы к I съезду ПСР, состоявшемуся в январе 1906 г., а на стороне социал-демократов — большевик Ларин.

⁷ О социалистических партиях см. сн. 13 в гл. 2 §1. Полицейские оценки см. также: *Спиридович А.* Революционное движение в России. СПб., 1916. Т. 2. Гл. XII—XV. В польских губерниях СДКП объявила о 22 тыс. членах в 1907 г., к которым следует добавить примерно 13 тыс. членов Бунда и 50 тыс. членов ППС. (Последняя цифра была названа этой партией на ее XI съезде в конце 1905 г.) Число кадетов в это время составляло около 100 тыс. человек, о них см.: *Черменский Е.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967. С. 416.

⁸ Аграрный вопрос в Первой Государственной Думе. Киев, 1906; Свод аграрных программ. СПб., 1907.

⁹ Былое. 1907. № 2. С. 29—35.

¹⁰ *Обнинский В.* Летопись русской революции. М., 1907. Т. 3. С. 5, 36, 42; *Крыжановский С.* Воспоминания. Берлин, б. г. С. 101—104, 142—144.

¹¹ Новый энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон (далее — НЭС). СПб., 1910. Т. II. С. 210. На протяжении всего периода 1905—1907 гг. было опубликовано множество правовых актов, направленных на ограничение любых форм оппозиции. Например, взятый наугад майский номер "Журнала министерства юстиции" (1906) содержит следующие материалы по правовым вопросам:

а) увеличение максимального наказания за публикацию антиправительственных материалов;

б) новый указ об уголовной ответственности за клеветнические слухи о действиях государственной администрации и чиновников;

в) правила ускорения правовых процедур;

г) списки новых мест ссылки.

¹² *Обнинский В.* Новый строй. М., 1909. С. 157. Британская дипломатическая служба сообщала о 1126 русских чиновниках, убитых террористами в 1906 г. и 3000 — в 1907 г. (British Public Records FO 371. 1909. Vol. 76. N 21149. June).

¹³ *Perrie M.* The Social Composition and Structure of the Socialist Revolutionary Party Before 1917 // Soviet Studies. 1972. Vol. 24. N2. P. 227—229.

¹⁴ *Perrie M.* Op. cit. P. 238—239, 321.

¹⁵ См. данный том, гл. 3 и 4.

¹⁶ *Столыпин П.А.* Сборник речей. СПб., 1911. С. 75—77 (речь 5 декабря 1908 г.).

¹⁷ *Смирнов А.* Как прошли выборы в Государственную Думу. СПб., 1907; *Levin A.* The Second Duma. New Haven, 1940. P. 65—69; Государственная Дума, созыв 2. СПб., 1907. Т. I, II.

¹⁸ *Смирнов А.* Указ соч. С. 238—239, 250—251.

¹⁹ Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон (далее — ЭС). СПб., 1891—1906. Т. VII. См. раздел посвященный избирательному праву и Думе. Обсуждение см.: *Аврех А.* Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. Гл. 1, 2; *Hosking G.* The Russian Constitutional Experiment. L., 1973; *Haimson L.* The Politics of Rural Russia. Bloomington, 1972. P. 9—25, 285—292.

²⁰ О том, как это было достигнуто, см.: *Крыжановский С.* Указ. соч. С. 93—141.

²¹ "Русская революция продолжалась в форме спорадических рабочих забастовок в 1906—1907 гг. В селе активность среди крестьян против помещиков на самом деле нарастала... что заставило некоторых историков расширить временные рамки Русской

революции с 1905 по 1907" (The Modern Encyclopaedia of Russian and Soviet History. Indiana, 1983. Vol. 31. P. 68—69).

3. "Внутренние враги России": революция как композиция сил

¹ КА. Т. 32. С. 229—233.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 237—239, 249.

³ Обсуждение см.: *Shanin T. Russia as a "Developing Society"*. L., 1985. Ch. 1.

⁴ Правительство срочно издало указ, разрешающий создание частной милиции для защиты имений, но примечательно, что в Центральной России таких отрядов было создано очень мало.

⁵ Название "черные сотни" первоначально использовалось для определения непривилегированного слоя средневекового русского города. (Первые две "сотни" были купеческими гильдиями, члены которых считались "белой костью".) Само описание черных сотен см. например: Руководство черносотенца-монархиста. Саратов, 1906, в котором роспуск Думы определяется как цель движения, а его врагами назывались конституционалисты, демократы, социалисты, революционеры, анархисты и евреи (с. 6). О деятельности этого движения см.: *Обнинский В. Полгода русской революции*. М., 1906.

⁶ См.: *Gurko V. Features and Figures of the Past*. Stanford, 1937. P. 433—438. В то время Гурко занимал должность заместителя министра внутренних дел.

⁷ Например, епископ Иллидор, журналист Грингмут а также многочисленные брошюры как, например: *Васильев Н. Что такое трудовики*. СПб., 1907; см. также сн. 14 в гл. 3 §3. Антисемитизм был особенно важным элементом этой идеологии. В качестве примера приведем описание депутата Думы В.Гессена — "кадета, еврея по происхождению и по политическим убеждениям" (Синодик членов второй Государственной Думы. СПб., 1907. С. 38).

⁸ Как в сноске 3 этого параграфа.

⁹ Например, в воспоминаниях А.Половцева за май 1906 г. сообщается, что заговор монархистских экстремистов в некоторых армейских частях был расстроен арестом ряда офицеров (КА. Т. 4. С. 110).

¹⁰ *Ахун М., Петров В. Большевики и армия в 1905—1917 гг.* Л., 1929; *Обнинский В. Новый строй*. М., 1911. С. 111—129, 167—168; *Второй период революции*. М., 1957. С. 317—319; *Спиридович А. Революционное движение в России*. СПб., 1916. Т. 2. Гл. XVII.

¹¹ *Троцкий Л.* 1905. М., 1922. С. 263. В качестве объяснения он добавил, что именно "крестьянская тугодумность" заставляла тех же самых людей сжигать соседние поместья, но, если на них надевали форму, они стреляли в себе подобных, так же, как и в городских рабочих.

¹² См. дневник Великого князя Константина (КА. Т. 44, 45).

¹³ *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 115.

¹⁴ *Обнинский В.* Летопись русской революции. М., 1907; *Он же.* Указ. соч.; *Веселовский Б.* Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902—1906 гг.). СПб., 1907; Революция 1905—1907 гг. в Грузии. Тбилиси, 1956 (где содержится донесение помощника губернатора Кипшидзе о поголовном изнасиловании, в качестве наказания, всех женщин д. Махури Кутаисской губернии).

¹⁵ Самое большое число приговоренных к казни военно-полевыми судами пришлось на 1908 г. (*Ушерович С.* Смертные казни в царской России. Харьков, 1933. С. 492).

¹⁶ Эти донесения с пометками царя хранятся в ЦГИАЛ в Ленинграде, и под каждым замечанием, написанным голубым карандашом, выведено каллиграфическим почерком "Его императорским величеством собственноручно начертано..." и стоит подпись начальника императорской канцелярии. Эти замечания — незабываемое чтение, что-то вроде магнитофонных пленок с записью высказываний президента Никсона в дни Уотергейтского скандала, выставленных на всеобщее обозрение.

¹⁷ КА. Т. 32. С. 167.

¹⁸ *Обнинский В.* Указ. соч. С. 114.

¹⁹ *Шестаков А.* Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России. М., 1926. С. 46.

²⁰ *Мартов Ю., Маслов П., Потресов А.* Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1900—1912. Т. 1—2. С. 117—118, 299. Схожая оценка большевистского историка — современника событий, см.: *Невский В.* Революция 1905 года. Харьков, 1925. С. 337, 510.

²¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 275.

²² См.: *Gurko V.* Op. cit. P. 286—287.

²³ История СССР. М., 1968. Т. IV. С. 25.

²⁴ Много информации содержится в кн.: *Невский В.* Указ. соч.; *Мартов Ю., Маслов П., Потресов А.* Указ. соч.; ЭС; НЭС; *Станкевич В.* Судьба России. Берлин, 1921; Революция 1905 года и самодержавие. М., 1928; Революция 1905—1907 годов в национальных районах России // История СССР. М., 1968. Т. VI. Об источниках, относящихся к Латвии, см.: Революция 1905—1907 гг. в Латвии. Рига, 1956; *The Revolution in the Baltic Provinces.* L., 1907 и т.д.

²⁵ *Каландадзе В., Кхеидзе М.* Очерки революционного движения в Гурии. СПб., 1906; Каторга и ссылка. Тифлис, 1925. Т. 3. № 1; Революция 1905—1907 в Грузии.: *Жордания Н.* Моя жизнь. Стэнфорд. 1968; см. также гл. 4 данной книги.

²⁶ 1894—1905 г. революционное движение в России. СПб., 1907. С. 161—226; *Мартов Ю., Маслов П., Потресов А.* Указ. соч. Т. 3. С. 227—270. *Historia Polski*. Warszawa, 1960. Vol. III.

²⁷ Деятельность Бунда за последние три года. СПб., 1903; *Бухбиндер Н.* История еврейского рабочего движения в России. Л., 1925; *Tobias H.J.* *The Jewish Bund in Russia*. Stanford, 1972.

²⁸ *Haimson L., Petrusha R.* *Strike Waves in Imperial Russia, 1912—1914, 1905—1907* (тезисы к конференции). В этой работе показано, что теснее всего "интенсивность забастовок" была связана с численностью предпринимателей и рабочих в городах, в то время как размер предприятий имел меньшее значение.

²⁹ Исторические записки. 1975. № 95. С. 41. Интересное обсуждение профсоюзного движения см.: *Кабанов П.* Рабочее и профсоюзное движение в Москве. М., 1955.

³⁰ Карта 1 основана на цифрах, приведенных в кн.: *Варзар В.* Указ. соч. С. 15—19. Большинство современных карт и таблиц преувеличивают интенсивность забастовок в Центральной России, поскольку они основаны на абсолютных цифрах (а не на относительной доле забастовщиков среди наемных рабочих).

³¹ Обсуждение см.: *Shanin T.* *Op. cit.* Ch. 5С.

³² *Каутский К.* Славяне и революция // *Путь к власти*. М., 1959 (впервые опубликовано в России в газете: *Искра*. 1902. № 18).

³³ Например, воспоминания Бурьшкина в его книге "Москва купеческая" (Нью-Йорк, 1954) (переиздание: *Бурьшкин П.А.* Москва купеческая: мемуары. М., 1991; *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970).

³⁴ Обсуждение см.: *Лейкина-Свирская В.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1918. Гл. 7; *Кирпичников С.* Всероссийский союз инженеров и техников. СПб., 1906; а также его памфлет: *Он же.* Союз Союзов. СПб., 1906; *Sanders J.* *The Union of Unions*. N.Y., 1983 (неопубликованная диссертация, Columbia University, N.Y.); *Милюков П.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. I. С. 285—291 (есть переиздание: *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990).

³⁵ Цит. по: *Лейкина-Свирская В.* Указ. соч. С. 231. Отношение к Союзу Союзов со стороны социал-демократических лидеров и, особенно, большевистской фракции было обычно враждебным. Общепринятая точка зрения состояла в том, что в этой организации вследствие ее классовых характеристик не могли не доминировать кадеты. См., например: *Воровский В.* Избранные произведения в первой русской революции. М., 1955. С. 364—371 (где собраны работы, написанные в 1905 г.). См. также: *Sanders J.* *Op. cit.* Троцкий назвал Союз Союзов "организационным аппаратом для превращения разрозненной оппозиционной интеллигенции в политических рабов земского либерализма" (*Милюков П.* Указ. соч. С. 281).

³⁶ Обсуждение см.: *Shanin T.* Op. cit. Ch. 5.

³⁷ *Мартов Ю., Маслов П., Потресов А.* Указ соч. Т. 2, ч. 2. С. 264. Мартов также говорит об оптической иллюзии чисто пролетарской борьбы и победы в октябрьской всероссийской забастовке. С его точки зрения победа была одержана именно потому, что в борьбе участвовал не только один пролетариат (Там же. С. 232).

³⁸ В книге История КПСС признается первоначальное большевистское недоверие к Советам. Это чувство недоверия становилось еще сильнее, когда речь заходила о Союзе Союзов и Всероссийском Крестьянском Союзе (История КПСС. М., 1972. Т. 2. С. 104—107).

³⁹ См.: *Анфимов А.* Крупное помещичье хозяйство европейской России. М., 1969; *Manning R.* The Crisis of the Old Order in Russia. Princeton, 1982; Труды съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1906; *Соловьев Ю.* Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981; *Симонова М.* Земско-либеральная фронда // Исторические записки. 1973. № 91.

⁴⁰ Оппозиция в рядах русского дворянства полностью никогда не исчезала. В то же время в 1906 г., когда реакционная тенденция одерживала верх, помещики Дона обратились к министру внутренних дел с петицией против репрессий, говоря о тех, кто был ответствен за них: "Они разъярили всю Россию, заполнили тюрьмы невиновными, арестовали учителей, оставив детей без школьного обучения... потерпев постыдное поражение в войне с Японией они сейчас мучают беспомощных крестьян... Каждый полицейский сечет крестьян и из-за этих ублюдков наша жизнь, жизнь мирных дворян стала невыносимой" (цит. по: *Шестаков А.* Указ. соч. С. 57—58).

⁴¹ Сравнительное обсуждение ситуации в европейских странах см.: *Mayer A.J.* The Persistence of the Old Regime. N.Y., 1983.

⁴² Из обращения землевладельцев (цит. по: КА. Т. 11—12. С. 156; см. также о постоянных уступках правительства, оказавшегося под этим давлением (*Белокопский И.П.* Земское движение. М., 1914. С. 50—104, 263—397); *Водовозов В.* Царскосельские совещания // Былое. 1917. Т. 25. № 3; Т. 26. № 4.

Глава третья

РЕВОЛЮЦИЯ СНИЗУ: ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

1. Жакерия

¹ The Concise Oxford Dictionary. Oxford, 1901. P. 542. The Encyclopaedia Britannica. L., 1938. Vol. 12. P. 861.

² Цит. по: *Goff J.le.* The Town as an agent of Civilisation // *Cipola C.M.* The Fontana Economic History of Europe: The Middle Ages. L., 1977. P. 71.

³ *Пешехонов А.* Аграрная проблема. СПб., 1906. С. 46.

4 Обсуждение проблемы "терпимого" и "нетерпимого" в эксплуатации крестьянства и о месте надругательства над моралью как причинах восстания см.: в гл. 1, 3. См. также работу Дж.Скотта, который следует в этом вопросе Е.Томпсону. См.: *Scott J.C. Moral Economy of the Peasant*. L., 1976; *Thompson E.P. Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present*. 1971. N 52.

⁵ См.: *Longworth P. The Cossacks*. L., 1969.

⁶ См.: *Смирнов И. и др. Крестьянские войны в России XVII—XVIII в. Л.*, 1966; *Aurich P. Russian Rebels*. N.Y., 1972. О восстании Пугачева см. также: *Longworth P. The Last Great Cossack Peasant Rising // Journal of European Studies*. 1973. N 3, где содержится обширная библиография. Одно из лучших советских исследований — работа Мавродина: *Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах*. М., 1966—1970.

⁷ *Bloom J. Lord and Peasant in Russia*. N.Y., 1964. P. 551—558, 591; *Silver P. Peasant Disturbances in Russia, 1826—1917* (неопубликованные магистерские тезисы, Columbia University. N.Y., 1977).

⁸ Например: *Aurich P. Op. cit.* P. 256—263. В этой работе опровергается утверждение о том, что у русских крестьян полностью отсутствует историческая память, как считал М.Горький (*Горький М. О русском крестьянстве*. Берлин, 1924).

⁹ *Wolf E. Peasant Wars in the Twentieth Century*. N.Y., 1969.

¹⁰ Аграрное движение в России в 1905—1906 гг. СПб., 1908. Т. 1. 2, проанализированное в: *Прокопович С. Аграрный кризис и мероприятия правительства*. М., 1912.

¹¹ *Дубровский С., Граве Б. Аграрное движение в 1905—1907 гг.* М., 1925; *Дубровский С. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг.* М., 1956.

¹² Статистические данные см.: *Маслов П. Аграрный вопрос в России*. СПб., 1908. Т. 2; *Веселовский В. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России*. СПб., 1907; *Василев А.А. и др. Крестьянские наказания Самарской губернии*. Самара, 1906; *Дубровский С. Указ. соч.* См. также сн. 28 и 31 в гл. 3 §3.

¹³ Протоколы делегатского съезда Всероссийского крестьянского союза. М., 1906.

¹⁴ См., например, общее исследование: *Тропин В. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г.* М., 1970. и длинный перечень региональных исследований, которые обсуждаются в работе: *Симонова М. Крестьянское движение 1905—1907 гг. в советской историографии // Исторические записки*. 1975. № 95. С. 204. 252; *Сенчакова Л. Документы по истории крестьянского движения 1905—1907 гг. // История СССР*. М., 1979, ч. 2.

¹⁵ *Живолуп Е. Крестьянское движение в Харьковской губернии в 1905—1907 годах*. Харьков, 1956. С. 106—107.

¹⁶ Прокопович С. Указ. соч. С. 35; Веселовский В. Указ. соч. С. 116, 121; Аграрное движение в России. Т. I. С. 52, 364—365; Т. II, С. 22, 30, 59, 371 и др.

¹⁷ Дубровский С. Указ. соч. С. 63.

¹⁸ См. гл. 1 §3 и гл. 2 §3 в данном томе.

¹⁹ Ежегодник России. СПб., 1906. С. 210—211. В этом ежегоднике сообщалось о падении урожая озимых в Европейской России в среднем более чем на 20%, по сравнению с предшествовавшим пятилетием. В пострадавшей Пензенской губернии это падение составило более $\frac{1}{3}$. См. также: Веселовский В. Указ. соч. С. 85—95.

²⁰ Невский В. Революция 1905 года. Харьков, 1925. С. 186.

²¹ Обзор относящихся к этому вопросу сообщений см.: Веселовский В. Указ. соч. С. 32—33; Прокопович С. Указ. соч. С. 29—30 (его обзор основан по большей части на сообщениях журналистов, например, А.Максимова из "Русских ведомостей"); Маслов П. Указ. соч. С. 150—153; Лавров Н. Крестьянские настроения весной 1905 года // Красная летопись. 1925. № 3 (14). Сообщения иностранных наблюдателей см.: Pares V. My Russian Memoirs. L., 1935. P. 148—157.

²² Шестаков А. Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России. М., 1926. С. 46.

²³ Маслов П. Указ. соч. С. 161—162; Веселовский В. Указ. соч. С. 32; Прокопович С. Указ. соч. С. 42—45; Historia Polski. Warszawa, 1960. Vol. 3.

²⁴ Протоколы делегатского съезда. Прил. С. 139—141.

²⁵ Яркое описание, принадлежащее современнику см.: Студенцов А. Саратовское крестьянское восстание 1905 года. Пенза, 1926. С. 3—8.

²⁶ Бок М. Воспоминания о моем отце П.А.Столыпине. Нью-Йорк, 1953. С. 147, 151, 152 (на англ. яз.). (Русское издание вышло в 1992 г.)

²⁷ Там же. С. 151, 152.

²⁸ Симонова М. Указ. соч. С. 214—215.

²⁹ Студенцов А. Указ. соч. С. 17—41. Саратовская губерния была одной из тех, где были созданы эсеровские крестьянские организации (см.: Ракитникова И. Революционная работа в крестьянстве в Саратовской губернии. Каторга и ссылка. М., 1928. К 1905 г. сообщалось о деятельности здесь более 200 крестьянских братств. Маслов П. Указ. соч. С. 243. Эсеры были также сильны в губерниях Центральной России — Казанской, Симбирской, Тамбовской и др. Тропин В. Указ. соч. С. 53—54; Гинев В. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. Л., 1983. С. 41—79.

³⁰ Мороховец Е. Крестьянское движение и социал-демократия. М., 1926. С. 60—61.

³¹ См., например, донесения адмирала Дубасова, специального царского эмиссара, посланного "утихомирить" Черниговскую губернию (КА. Т. 2. 3. С. 69—70).

³² Яркие воспоминания о такой тюрьме приведены в работе Т.Сушкина, где сообщается о смертном приговоре и повешении крестьянского парня, обвиненного "в экспроприации с революционными целями", при которой никто не пострадал, денег на сумму 2 руб. 75 коп. (см.: Сушкин Т. Аграрники: силуэты 1905—1907 гг. М., 1927).

³³ Горн Б. Крестьянское движение за полтора века. М., 1907. С. 80. Мартов говорил об ожиданиях и надеждах радикальных рабочих кругов на крестьянскую революцию 1906 г., которая должна была бы изменить политическую сцену (Мартов Ю., Маслов П., Потресов А. Общественное движение в России в начала XX века. СПб., 1909—1912. Т. 1—2. С. 254. Ленин думал точно также: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 154—157.

³⁴ Аграрный вопрос в Совете министров. М., 1924. С. 70—71.

³⁵ См. циркуляр Столыпина (КА. Т. 32. С. 158—182).

³⁶ Шестаков А. Указ. соч. С. 44.

³⁷ Веселовский В. Указ. соч. С. 111—112 (основано на газетном отчете); Шестаков А. Указ. соч. С. 125—132.

³⁸ Журнал Министерства юстиции. 1906. Июнь. С. 17—18.

³⁹ Pares V. Op. cit. P. 150, 158.

⁴⁰ Веселовский В. Указ. соч. С. 125—132; Маслов П. Указ. соч. С. 25; документы, собранные в кн.: Второй период революции. М., 1957.

⁴¹ См., например: Живолуп Е. Указ. соч. С. 102, сообщение о деревне Дмитровка, сожженной после того, как ее жители отказались принять участие в нападении на местную помещичью усадьбу вместе с соседними селами.

⁴² Маслов П. Указ. соч. С. 381. См. также: Аграрное движение в России. Т. II. С. 271—278 и др.

⁴³ В качестве примера такого "журнализма" старинных времен см. Хронику 1525 года о "жестоком, ужасном и бесчеловечном восстании крестьян" в Тироле, вождем которого был человек "злой, порочный, мятежный и коварный", требовавший особо скандальных вещей, а именно, отмены исключительных правовых привилегий дворянства и духовенства как "противоречащих слову Божьему", выборов судей и присяжных, открытия регионального университета, превращение монастырей в больницы и приюты, "честных цен" на продовольствие и общественного контроля над рудниками. (цит. по: Shapiro J.S. Social Reform and the Reformation. N.Y., 1909). В наше время научились не произносить вслух столь детальные требования крестьянских вожаков из-за вполне обоснованного подозрения, что те могут звучать для некоторых читателей как привлекательные, разумные и даже удивительно мягкие.

2. Крестьянская власть

¹ *Тан (Богораз)*. Новое крестьянство. М., 1905. С. 39.

² *Веселовский В.* Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России. СПб., 1907. С. 96 (по сообщению в Русских ведомостях).

³ Например, донесение саратовского губернатора в: КА. Т. 17. С. 86.

⁴ Протоколы делегатского совещания Всероссийского крестьянского союза. М., 1906. С. 31. Вятская губерния и населяющие ее крестьяне отличались постоянством и во все Думы избирали только левых депутатов.

⁵ КА. Т. 11—12. С. 173; *Веселовский В.* Указ. соч. С. 82; Протоколы первого северного съезда Всероссийского крестьянского союза. СПб., 1907. С. 13—15; *Попырина А.* Крестьянское движение в Вятской губернии в революции 1905—1907 годов. Киров, 1958.

⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 241.

⁷ Там же. Т. 13. С. 319.

⁸ Эсеры разделились во мнениях относительно этого вопроса. В то время, как большинство соглашались с индивидуальным террором против отдельных и четко определенных целей (например, старших офицеров, возглавляющих карательные экспедиции или тех, кто был обвинен в шпионаже), меньшинство — эсеры-максималисты — требовали неограниченного террора. Другой вопрос, вызывающий разногласия, был вопросом так называемой "программы-минимум", которую эсеры-максималисты отвергли.

⁹ *Уратадзе Г.* Воспоминания грузинского социал-демократа. Стэнфорд. 1968. Его воспоминания опираются на пространные цитаты из мемуаров большевиков П.Махарадзе и А.Каладзе, опубликованных, соответственно, в 1927 и 1923 гг. Свидетельства очевидцев и обширные цитаты см.: *Уратадзе Г.* Указ. соч. С. 190—195. 204—211. (Переписывание запово грузинской истории под руководством Л.Берия в 1930-х годах привело к тому, что эти источники исчезли из библиотек.) Пример официальной версии см.: *Цервадзе М.* Крестьянское революционное движение в Гурии в 1905 году // Вопросы истории. 1955. № 12. Дальнейшее обсуждение см. в гл. 4, 6 данной книги.

¹⁰ *Уратадзе Г.* Указ. соч. С. 41.

¹¹ См. соответствующие части цит. выше книг Веселовского, Маслова, Мороховца, Громана (Горна) и Уратадзе, так же, как и уже упомянутые региональные источники. См. также: *Абелиани С.* Крестьянский вопрос в Закавказье. Одесса, 1914.

¹² Революционеры говорили о 70 казаках, убитых в этом сражении, в то время как по официальной правительственной версии 6 человек из правительственных войск были убиты, 5 пропали без вести и 13 — ранены. *Каландадзе В.* Очерки революционного движения в Гурии.

СПб., 1906. С. 74; *Затерянный Г. Мятёж на Западном Кавказе* // Исторический вестник. 1911. Т. 26. С. 643—644.

¹³ *Затерянный Г.* Указ. соч. С. 644.

¹⁴ *Мороховец Е.* Крестьянское движение в социал-демократии. М., 1926. С. 193—205, 210; Второй период революции. М., 1957, ч. 3. С. 415 (рапорт о "восстановлении порядка" в Лончати).

¹⁵ См. полицейский рапорт в: КА. Т. 11—12. С. 263—276, где документально подтверждается существование почти 100 "крестьянских республик" (с. 276), а также и тот факт, что главным требованием батраков-латышей было наделение их землей (с. 264). См. также: *Revolution in the Baltic Provinces of Russia*. L., 1907; Революция 1905—1907 гг. в Латвии. Рига, 1956; Революция 1905—1907 годов в национальных районах России. М., 1949.

¹⁶ См. сн. 15; а также: Революция 1905—1907 гг. в Эстонии. Таллин, 1956.

¹⁷ КА. Т. 11—12. С. 271.

¹⁸ См. также гл. 4 этой книги.

¹⁹ *Павлов И.* Марковская республика. М., 1926.

²⁰ *Данилов В.П., Ким М.П., Тропина Н.В.* Советское крестьянство. М., 1973. С. 15—16.

²¹ В Харьковской губернии, на Левобережной Украине.

²² *Щербак А.* 1905 г. в Сумском уезде // Пролетарская революция. 1926. Т. 54. № 7; *Данилов В.П., Ким М.П., Тропина Н.В.* Указ. соч. С. 252; *Шестаков А.* Указ. соч.; *Маслов П.* Указ. соч. С. 252; *Громан В.* Материалы по крестьянскому вопросу. Ростов, 1905.

²³ *Щербак А.* Указ. соч.; *Кирюхина Е.* Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. // Исторические записки. 1955. № 50. С. 131.

²⁴ О развитии событий, похожих на то, что произошло в Сумах, на Дону (Исторические записки. 1955. № 50. С. 101). Обсуждение событий в других районах см.: *Симонова М.* Крестьянское движение 1905—1907 гг. // Исторические записки. 1975. № 95. Документы по Саратову собраны в неопубликованной работе Т.Микстер.

²⁵ *Маслов П.* Указ. соч. С. 252.

²⁶ Революция 1905—1907 годов в национальных районах России. С. 700—704 и др.

²⁷ *Мороховец Е.* Указ. соч. С. 61—68; *Водоватов Ф.* Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957. С. 113—120.

²⁸ Организация была создана марксистским меньшинством, которое вышло из националистической ПОП в 1904 г. и примкнула к меньшевикам РСДРП. Массовые аресты в 1907 г. быстро положили ей конец. См.: *Мороховец Е.* Указ. соч. С. 124—145; *Леценко М.* Селянский рух на Правобережной Украине в период революции 1905—1907 гг. Киев, 1955.

29 Самым ценным свидетельством остается исследование, проведенное Вольным экономическим обществом: Аграрное движение в России. СПб., 1908. Т. I, II. Современный обзор см.: *Perrie M. The Russian Peasant Movement in 1905—1907 // Past and Present. 1972. N 57.*

30 Еще один съезд состоялся в марте 1906 г. в Москве. Затем последовал съезд в мае 1906 г. в Хельсинки и, возможно, еще один в 1907 г. *Маслов П. Указ. соч. С. 231; Дубровский С. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956. С. 110.*

31 Методика оценки см.: *Кирюхина Е. Местные организации ВКС в 1906 году // Ученые записки. Кировский педагогический институт. 1956, № 10. С. 139.*

32 Что такое Крестьянский Союз. б.м., 1906. Источник представляет из себя пропагандистскую брошюру, в которой, некоторые цифры, возможно, завышены. Большинство составляли коллективные члены, т.е. общины и волости, вступившие в союз целиком. С правительственной стороны, рапорт министра внутренних дел Дурново, направленный царю 29 января 1906 г. говорит об "огромном влиянии" Всероссийского Крестьянского Союза. Второй период революции. М., 1957. Т. 1. С. 961.

33 Протоколы первого северного областного съезда Всероссийского крестьянского союза. СПб., 1906.

34 Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза. М., 1906 (июльско—августовский съезд); Протоколы делегатского совещания Всероссийского крестьянского союза (о ноябрьском съезде).

35 *Кирюхина Е. Всероссийский крестьянский союз в 1905 г.: Автореф. дисс. М., 1950. С. 134.*

36 *Маслов П. Указ. соч. С. 227, 230—231.*

37 См. протоколы и отчеты наблюдателей, например: *Тан (Богораз). Указ соч.; Громан В. (Горн). Материалы по крестьянскому восстанию. Ростов, 1905. и др.*

38 Там же; *Кирюхина Е. Всероссийский... С. 103, 115.*

39 Там же. С. 103, 115.

40 *Кирюхина Е. Местные... Табл. 4, 5; Она же. Всероссийский... С. 116.*

41 См. сообщение о суде над членами Комитета поддержки в Петербурге: *Право. Т. 1907. С. 3104—3107.*

42 Сравнительное обсуждение см.: *Shanin T. Peasants and Peasant Societies. Harmondsworth, 1971. Pt 3; также Scott J.S. Moral Economy of the Peasant. L., 1976.*

43 Свидетельства о таких сельских союзах эсеров и социал-демократов см.: *Симонова М. Указ. соч. С. 240.*

44 *Маркс К. Классовая борьба во Франции 1848—1850 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 7. С. 5—110.*

3. Крестьянская мечта

¹ О кодификации крестьянского обычного Права см.: *Мухин В.* Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1988. Обсуждение см. также: *Shanin T.* The Awkward Class. Oxford, 1972, Appendix B, Russia as a "Developing Society". Ch. 2.

² Например, донесения губернаторов и офицеров, возглавлявших карательные экспедиции, опубликованы: Революция 1905 года и самодержавие. М., 1928.

³ Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза. М., 1906; Протоколы делегатского совещания Всероссийского крестьянского союза. М., 1906; *Тан (Богораз).* Новое крестьянство, М., 1905; *Громан В. (Горн).* Материалы по крестьянскому вопросу. Ростов, 1905; см. также описание ex post factum, принадлежащее, например, одному из большевистских ораторов на съезде: *Васильев-Южин М.* В огне революции. М., 1934. С. 133—183.

⁴ Учредительный съезд... С. 27.

⁵ "Когда мы сильны, мы прокладываем наш путь мирными мерами, когда мы расколоты, мы обращаемся к поджогам и тому подобным мерам. До тех пор, пока мы не будем организованы, поджоги и кровавые средства будут продолжаться". Выступление делегата от Минской губернии: Протоколы делегатского совещания... С. 61.

⁶ Там же. С.8.

⁷ См., например: *Тан (Богораз).* Указ. соч. С. 45.

⁸ Протоколы делегатского совещания... С. 18—26; Учредительный съезд... С. 32; *Е.Кирюхина* определила это количественно, разделив всех выступающих на ноябрьском съезде следующим образом: 30 выступили против вооруженной борьбы, 15 — за нее и 12 — за демонстрацию силы "другими способами, нежели использование оружия". См.: *Кирюхина Е.* Всероссийский крестьянский союз в 1905 г.: Автореф. дисс. М., 1950. Приведенные ею цифры сторонников вооруженной борьбы по-видимому преувеличены.

⁹ См., например: *Сушкин Т.* Аграрники: силуэты 1905—1907 гг. М., 1927.

¹⁰ "Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, но безусловно "почвенная", реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе... расширявшая размах политического творчества крестьянства" (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 232—233).

¹¹ *Студенцов А.* Саратовское крестьянское восстание 1905 года. Пенза, 1925. С. 42, 46.

¹² *Шестаков А.* Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России. М., 1926; *Громан В. (Горн).* Материалы по крестьянскому вопросу. Ростов, 1905.

¹³ Маслов П. Аграрный вопрос в России. СПб., 1908. Т. 1. С. 277—288.

¹⁴ Веселовский В. Аграрный вопрос и крестьянское движение в России. СПб., 1907. С. 138.

¹⁵ Мартов Ю., Маслов П., Потресов А. Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909—1912. Т. 2, ч. 2. С. 265. По их подсчетам из депутатов, избранных по крестьянским куриям в I Думу, 24 были кадетами, 68 принадлежали к Трудовой фракции, 15 — к автономистам, 59 были беспартийными, т.е. не определили себя на протяжении всей сессии как принадлежащих к той или иной особой фракции; один был октябристом. См. также: Кроль М. Как прошли выборы в Государственную Думу. СПб., 1906; *Etmons T. The Formation of Political Parties and the First National Election in Russia.* Cambridge, 1982. P. III.

¹⁶ Например, Великий князь Константин о крестьянских депутатах в Думу (КА. Т. 45. С. 130—146); Мартов Ю. Указ. соч. Т. 4, ч. 2. С. 2 и др.

¹⁷ Текст и споры о "Проекте 104-х" см.: Аграрный вопрос в Первой Государственной Думе. Киев, 1906. С. 5—9. Более $\frac{4}{5}$ депутатов Трудовой фракции в I и во II Думах были крестьянами, остальные были рабочими и из интеллигенции — в большинстве своем крестьянского происхождения и избранные крестьянами. Цифры см.: Исторические записки. 1975. Т. 95. С. 257.

¹⁸ Гефтер М. Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 22.

¹⁹ Документы из архивов II Думы цит. по: Василевский Е. Социально-экономическое содержание крестьянских приговоров и наказов // Ученые записки МГУ. 1956. С. 132.

²⁰ Там же. С. 130; Тан (Богораз). Указ. соч. С. 115—126.

²¹ Свод аграрных программ. СПб., 1907; Колесниченко Д. К вопросу о политической эволюции трудовиков в 1906 г. // Исторические записки. 1973. Т. 92.

²² Цит. по: Симонова М. Исторические записки. 1975. № 95. С. 270. Выражение "психологическая изоляция" заимствовано из работы Л.Хаймсона: *Haimson L. The Politics of Rural Russia.* Bloomington, 1979. P. 291; он использовал его чтобы выразить партикуляризм крестьянской политики. См. сообщения о систематическом провале на выборах кандидатов в депутаты из среднего класса и помещиков в крестьянских куриях (Вестник Европы. 1906. № 4. С. 369).

²³ Результаты выборов во II Думу (и особенно о крестьянских депутатах) см.: Смирнов А. Как прошли выборы во II Государственную Думу. СПб., 1907 (особенно гл. III, VI, VII, IX). Об отношении крестьян к столыпинской реформе см.: Чернышев И. Община после 9 ноября 1906 г. Петроград. 1917; речи трудовиков во II Думе.

²⁴ Маслов отметил упорное голосование крестьян за оппозицию и на выборах в III Думу (Маслов П. Указ. соч. С. 395).

²⁵ Васильев Н. Что такое трудовики. СПб., 1917. С. 4. В брошюре содержатся индивидуальные характеристики всех ведущих членов трудовой фракции. Например, об С.Аникине сообщается следующее: "Аникин — мордвин, видом страшный, голосом крайне неприятный: не говорит, а точно по стеклу режет; с глазами, которые, кажется, в каждом кармане каждую копейку давно усчитали и очень этим мучаются. Образовательный ценз — самый трудовой, т.е. сельская школа и ремесленное училище. Профессия — сельский учитель, привлекавшийся то и дело к дознаниям по политическим делам. Специальность — настойчивая агитация среди крестьян" (Там же. С. 35).

²⁶ Маслов П. Указ. соч. С. 323.

²⁷ Там же. С. 214; Шестаков А. Указ. соч. С. 59; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 121. Чтобы дать представление о стиле этих нападок, приведем описание петиционной кампании, которую Калинин, будущий президент СССР, назвал "плодом правительственной демагогии и политической неразвитости крестьян" (Пролетарий. 1905. 9 авг.).

²⁸ Крестьянские наказания Самарской губернии. Самара, 1906. С. 6—80. А также см.: Там же. С. 40, где содержится петиция с 40 подписями и 280 крестами, что в данном случае позволяет определить долю грамотных среди глав крестьянских дворов — 12,5%.

²⁹ Там же.

³⁰ Цит. по: Маслов П. Указ. соч. С. 308.

³¹ См.: Буховец Н. К методике изучения приговорного движения // История СССР. 1979, ч. 3. О Крестьянском союзе см.: Дубровский С. Указ. соч. С. 111—113. Также об источниках, касающихся I Думы см.: Михайлова В. Советская историческая литература о крестьянских наказах и приговорах. Некоторые проблемы отечественной историографии, источниковедения. Днепропетровск, 1972. О II Думе информации гораздо больше. См. работы: Маслов П. Указ. соч. С. 282—288; Василевский Е. Указ. соч.; Нильве В. Развитие В.И.Лениным аграрного вопроса в теории научного коммунизма, 1897—1916. М., 1974.

³² Дубровский С. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956. С. 112.

³³ Буховец Н. Указ. соч. С. 101—105, 108—111.

³⁴ Представляет интерес относящаяся к этой теме работа по идеологии российского крестьянства и ее ранних семантических проявлениях: Wada H. The Inner World of Russian Peasants // Annals of the Institution of Social Sciences. Tokyo, 1979. № 20 и его еще не переведенная с японского книга "Мир крестьянской революции". Статья Вады частично построена на недавних работах по

крестьянской культуре, опубликованной в СССР А.Клибановым, В.Христовым и М.Громыко. См. также работы В.Данилова (особенно о периоде нэпа).

³⁵ Сравнительный контекст см.: *Wolf E.R.* Peasants. Englewood Cliffs, 1966. P. 4; *Shanin T.* Peasants and Peasant Societies. Harmondsworth, 1971. P. 4; *Foster G.M.* The Peasants and the Image of Limited Good // *American Anthropologist*. 1965. Vol. 62. N 2; *Berger J.* Pig Earth. L., 1979; *Ladurie E.* *Le R.* Peasants // *The New Cambridge Modern History*. Cambridge, 1979. P. XIII.

³⁶ См.: *Wolf E.* Peasant Wars of the Twentieth Century. N.Y., 1969; *Shanin T.* Op. cit. P. 3; *Alavi H.* Peasant in Revolution // *Socialist Registrar*. 1965. N 2; *Hobsbawm E.J.* Primitive Rebels. L., 1963, etc.

³⁷ Народолюбец Н.Кибальчич, о котором мы уже упоминали, сказал в 1880 г. о восставших русских крестьянах: "Ни одна деревня не поднималась только из-за голода... Главным условием почти всех этих народных восстаний являются материальные лишения. Но действительным поводом всегда является некоторое ужесточение закона властями (подлинное или мнимое), или же революционная инициатива, предпринимаемая ядром, близким к народу и его интересам". *Shanin T.* Late Marx and the Russian Road. L., 1984. P. 217—218. Выражение "моральная экономика" было использовано в этом смысле Е.П.Томпсоном, в то время как Дж.Скотт говорит также об "этике выживания" и о влиянии на ее нарушения в крестьянских революциях в Юго-Восточной Азии (*Moral Economy of the Peasant*. L., 1976).

³⁸ См.: *Longworth P.* The Subversive Legend of Sten'ka Razin // *Strada V.* Russia. Turino, 1975. Vol. II. См. также: *Avrich P.* Russian Rebels. N.Y., 1972. Можно подтвердить сходство в этом вопросе между устным знанием крестьянства России и других стран Европы, например: *Hobsbawm E.J.* Op. cit.; собрание русских легенд, относящихся к этой теме: *Лозанова А.* Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М., 1935. Исторические источники "повстанческих тенденций" крестьянства остаются до сих пор недостаточно изученными.

³⁹ *Longworth P.* Op. cit.

Глава четвертая

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1905—1907 гг.:

КТО КОГО ВЕЛ?

1. Вопрос и контекст

¹ В частности, празднование 50-й годовщины начала революции 1905—1907 гг., в 1955 г. вызвало в СССР новую волну публикаций источников и дискуссию. В книге С.Дубровского изложено то, что, по-видимому, стало на той стадии "единственно правильной пози-

цией", которой все должны были придерживаться (Дубровский С. Крестьянское движение в России, 1905—1907 гг. М., 1956). Другая волна относящихся к этой теме публикаций возникла десятилетием позже. Цель их заключалась в том, чтобы документально подтвердить действия большевиков в деревне. Книга В.Тропина (Тропин В. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 году. М., 1970) сыграла ту же роль, что и книга С.Дубровского 1956 г. Идеологический фундамент был подведен С.Трапезниковым в его книге (Трапезников С. Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях. М., 1967). Обсуждение см. в гл. 4 §3 и дополнении к гл. 4 данного тома.

² Особым аспектом стало, то как некоторые западные ученые, заявлявшие о своем антисоветизме и недоверии к советской науке, часто вводились в заблуждение советским цифрами и таблицами.

³ Bloch M. The Historians' Craft. Manchester, 1954. P. 93.

⁴ Ibid. P. 151.

2. Современники революции: правые и левые

¹ Цитата из доклада Столыпина 1904 г. в: КА. Т. 17. С. 86. Точно таким же был рапорт прокурора Харьковской губернии см.: Owen L. The Russian Peasant Movement 1906—1917. L., 1937. P. 229.

² Цифры, относящиеся к 1908 г. приведены в работе: Manning R. The Crisis of the Old Order in Russia. Princeton, 1982. P. 91. О сущности "третьего элемента" (см.: Ibid. P. 51—56). См. также: Shanin T. Russia as a "Developing Society". Ch. 1, 5.

³ Gurko V. Features and Figures of the Past. Stanford, 1939. P. 389.

⁴ Аграрный вопрос. М., 1906—1907. Т. I, II; Герценштейн М. Земельная реформа в программе партии народной свободы. М., 1906; Шингарев А. Как предполагала наделить крестьян землей партия народной свободы. СПб., 1907. Для понимания избирательности человеческого ума интересно отметить, что лидер кадетов Милюков в своих мемуарах (написанных гораздо позднее), полагал, что Всероссийский Крестьянский Союз ни в чем не достиг своих целей и действия крестьян проявились только в жакерии (Милюков П. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 1. С. 405—410).

⁵ Спиридович А. Революционное движение в России. СПб, 1916. Т. 2; Тропин В. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 году. М., 1970. С. 53—54; Начало первой русской революции. М., 1955.

⁶ Протоколы первого съезда ПСР. II. д. 1906 (особенно доклад В.Чернова); Чернов В. Земля и право. Петроград, 1919; Вихляев П. Право на землю. М., 1906; Radkey O. Chernov and Agrarian Socialism before 1818 // Simmons E. Continuity and Change in The Soviet Thought. N.Y., 1967.

⁷ Это притязание не следует преувеличивать. На пике своего влияния ПСР сообщала, что Братства насчитывали 18,5 тыс. членов (50 тыс. состояло в самой партии). Исследование более 1000 эсеров, сосланных за политические преступления, в основном, связанные с революцией 1905—1907 гг. показывает, что 235 из них участвовали в революционной борьбе на селе. Из этого числа 42 были крестьянами или имели крестьянское происхождение и 32 были ремесленниками из крестьян, что составляет 18% и 13,5% соответственно. Из других категорий самыми крупными были учителя (50 человек) и студенты (40). *Perrie M. The Russian Peasant Movement in 1905—1907 // Past and Present. 1972. N 57. P. 151.*

⁸ Заседание 1 августа 1903. Второй очередной съезд. Женева, 1904.

⁹ См.: Памятная книжка социалиста-революционера. Париж, 1911. С. 15—70, где приведены краткие итоги программных и тактических решений первого десятилетия XX в. См. также: *Спиродович А.* Указ. соч.

¹⁰ Эсеры контролировали некоторые сильные профсоюзы, особенно железнодорожных рабочих и добились крупного успеха на выборах во II Думу по рабочей курии (они получили также 40% голосов в Петербурге и на Путиловском заводе набрали больше голосов, чем объединенная РСДРП, т.е. большевики и меньшевики вместе взятые). Изучение эсеров, сосланных в период с 1901 по 1916 г. показывает, что из них 44% были рабочими и ремесленниками. *Perrie M. The Social Composition and Structure of the Socialist Revolutionary Party Before 1917 // Soviet Studies. 1972. Vol. 24. N 2.*

¹¹ См.: Протоколы первого съезда ПСР. С. 164—167, где высказываются сомнения относительно Всероссийского крестьянского союза. Ряд местных организаций ПСР на самом деле бойкотировал его как реформистский. См. также: *Юдовский В.* Наши противники. М., 1929. Т. 2; *Гинев В.* Указ. соч. Гл. 2.

¹² В. Богораз (известный также под псевдонимом Тан) был одним из ведущих народовольцев в 1880-х годах. Сосланный в Сибирь, он стал изучать племена чукчей и получил международное признание как этнограф. После отбытия срока своей ссылки он уехал в США, но вернулся в Россию в 1904 г. В ходе Всероссийской стачки в октябре 1905 г. он стал членом центрального стачечного комитета и был арестован в 1906 г. После 1917 г. Богораз стал создателем и куратором Санкт-Петербургского музея этнографии.

¹³ *Kautsky K. Agrarfrage. Stuttgart, 1899.* Германская социал-демократическая партия отвергла под влиянием Каутского саму идею "аграрной программы" из страха, что само ее принятие будет означать уступку мелкобуржуазным интересам и взглядам крестьян. Бебель, вождь партии, резко выступил против позиции Ка-

утского по аграрной проблеме и назвал ее отказом от достижений партии.

¹⁴ Громан В. Материалы по крестьянскому вопросу. Ростов, 1905. С. 65. Эта работа представляет собой общее изложение спора о крестьянстве между русскими марксистами XIX в.

¹⁵ Цит. по: Якобий М. К аграрному вопросу. М., 1906. С. 18, который приводит эсеровскую критику дискуссии в РСДРП по аграрному вопросу.

¹⁶ Громан В. Указ. соч. С. 101.

¹⁷ Четвертый объединительный съезд РСДРП. М., 1959. С. 211—212.

¹⁸ Социал-демократы Латвии и Царства Польского следовали немецкому примеру и вообще не имели "аграрной программы". То же самое решение было предложено Струмилиным на IV съезде РСДРП, поддержано значительным числом делегатов, но не принято.

В европейском марксистском движении укоренился страх перед уступкой крестьянским собственническим тенденциям и вера в то, что уравнильное распределение земли экономически регрессивно, и поэтому политически неприемлемо. В 1918 г. Роза Люксембург назвала уравнильное распределение земель в 1917 г. как создающее "новый мощный слой врагов народа в деревне" и даже "лозунгом, позаимствованным у яростно порицаемой партии социалистов-революционеров, а не у стихийного крестьянского движения" (*Luxemburg R. The Russian Revolution. Ann Arbor, 1952. P. 46*).

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 49—250. Описание постоянно меняющихся делений между делегатами IV съезда РСДРП в ходе рассмотрения аграрной программы, см.: Струмилин С. Из пережитого. М., 1957. С. 205—221. Он вспоминал, что идея передачи всех некрестьянских земель в частное крестьянское владение была поддержана большинством большевиков (но не Лениным) и большой группой меньшевиков (Там же. С. 215—216).

²⁰ Положения аграрной программы, ограничивающие "аграрные" требования социал-демократов возвращением "отрезков" крестьянам были оставлены, но одновременно были приняты новые решения в поддержку крестьянской борьбы.

²¹ О позиции меньшевистского большинства, а также Громана, Ленина, Рожкова, Финн-Анотаевского (последние двое представляли позицию той части большевиков, которые конфликтовали с Лениным), см.: Свод аграрных программ. СПб., 1907. С. 67—78.

²² Пролетарий. 1905. № 30. 2 авг. С. 10. Решение о том, что аграрные резолюции меньшевистской конференции и III съезда большевиков были неприемлемы было принято единогласно.

²³ Пролетарий. 1908. № 16. 14 сент. С. 1, в котором процитировано "Открытое письмо" — брошюра, "руководящего товарища из Москвы", т.е. А.Шестакова, в которой он называет резолюцию о "неограниченной поддержке" крестьянских требований, "неприемлемой до тех пор, пока мы остаемся социал-демократами" и "представляющей собой шаг назад с точки зрения капиталистического развития нашей экономики". В ней также возражалось против создания "крестьянских" комитетов (это слово заключено автором в кавычки), как включающем и буржуазные, и пролетарские элементы. Определение авторства см.: Мазуренко С. ВКС перед лицом истории // Пути революции. 1926. Т. 7. № 4.

В том же самом номере газеты было напечатано сообщение из деревни, что "Крестьяне голосуют за "черный передел" и коллективное владение общинами всей землей". Там же. С. 2.

²⁴ Решения конференции: Новая жизнь. 1905. № 24. Статьи Б.Авилова, Н.Рожкова и П.Ларионова (Там же. № 11, 16, 27 соответственно).

²⁵ IV объединительный съезд РСДРП. С. 139, 59. На V съезде РСДРП Мартынов говорил о "народническом рецидиве Ленина". В полной мере такие взгляды и подозрения выразил Плеханов, когда говорил о ленинской группе "марширующей вместе, в тесном союзе, плечом к плечу... с социалистами-революционерами, на знамени которых написано "хозяйско-пролетарская диктатура"... и которые потому могут выкрикивать "социал-демократии больше не существует" (Дневник социал-демократа. 1905. № 2. С. 36).

²⁶ См., например: Ортодоксальные марксисты и крестьянский вопрос // Революционная Россия. 1905. № 75.

²⁷ "Типичный трудовик — это сознательный крестьянин" (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 25).

²⁸ Например: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 261.

²⁹ Там же. Т. 14. С. 179, 381, где он говорит о РСДРП и ПСР на одном дыхании как о революционных партиях России. Там же, где эсеры названы "частью широкой и мощной реки революционной демократии, без которой пролетариат не может даже мечтать о полной победе нашей революции".

³⁰ Ленин В.И. Две тактики // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 11—131.

3. Постреволюционеры: дрейф интерпретации

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 227—229; Ленинский сборник. 1932. Т. XIX. С. 285; чтобы лучше понять противоречивость меняющейся природы этих взглядов см, например: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 179 в сравнении: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 249—250; Т. 23. С. 275. Обзор советских попыток рассмотреть

и проанализировать это противоречие см.: *Shanin T. Russia as a "Developing Society". Ch. 4* (особенно обсуждение работ М.Гефтера и К.Тарновского).

² Шестаков связал воедино три элемента, которые должны были определить идеологию: 1) российское сельское хозяйство было капиталистическим уже к концу XIX в.; 2) крестьянская борьба 1905—1907 гг. есть отражение пролетарской революции; 3) роль большевиков в этих противостояниях является исключительно важной (*Шестаков А. Капитализация сельского хозяйства России. М., 1924; Он же. Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России. М., 1926*).

³ *Покровский М. Историческая наука и борьба классов. М., 1933. Т. 1. Один из руководителей декабристов — Пестель стал соответственно "сознательно или бессознательно, для нас не имеет значения", представителем "капиталистических фермеров" (Там же. С. 307).*

⁴ *Дубровский С., Граве Б. Аграрное движение в 1905—1907 гг. М., 1925.*

⁵ *Мороховец Е. Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции. М., 1926.*

⁶ *Дроздов И. Крестьянские союзы на Черниговщине в 1905—1906 гг. // Исторические записки. 1940. № 9. С. 6—7.*

⁷ *Берия Л. К вопросу об истории большевистской организации в Закавказье. М., 1934. 9-е изд. (первое было опубликовано в 1925 г.).*

⁸ *Дубровский С. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1966; Тропин В. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970.*

⁹ Это формализовано и стандартизировано огромным числом книг, называвшихся обычно "Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в...", с названием губернии или республики СССР вместо многоточия.

¹⁰ Особенно книга С.Трапезникова и работы И.Ковальченко и его группы, которые уже упоминались выше. Советскую историографию о первоначальных стадиях этого спора см.: *Тарновский К. Проблемы аграрной истории России // Исторические записки. 1969. Т. 83.*

¹¹ Нет, разумеется, ничего необычного в неточностях Тропина, касающихся противостояния небольшевистских партий и российского крестьянства. Многие советские историки состязались в таких победах без страха получить ответ. Например, в своем важном исследовании Кирюхина превратила вождей Всероссийского крестьянского союза в буржуазных либералов и обвинила эсеров в "сопротивлении национализации земли", забывая сказать, что именно они первыми выдвинули это требование в качестве первого шага своей стратегии "социализации земли" (*Кирюхина Е. Указ. соч. С. 113, 127*).

¹² Для расшифровки псевдонимов см.: *Студенцов А. Саратовское крестьянское восстание 1905 года. Пенза, 1926. С. 42—48.*

¹³ Л.Берия лучше известен как шеф сталинской полиции с 1938 г. Он выслужился перед Сталиным, "вычистив" на Кавказе практически всех дореволюционных социал-демократов (и большевиков, и меньшевиков) и заново написав историю марксизма на Кавказе, в центре которой оказался Сталин, на самом деле мало кому тогда известный. В рамках этой операции большинство оригинальных публикаций 1905—1917 гг., принадлежащих грузинским социал-демократам, как и работы 1917—1930 гг., были изъяты и уничтожены, архивы подчищены, старых революционеров заставили переписать свои мемуары и т.д.

¹⁴ *Мороховец Е.* Указ. соч. С. 210.

¹⁵ Например: История СССР. М., 1968. Т. 6. С. 73.

¹⁶ Именно Н.Жордания (Костров), грузинский меньшевик, защищал на II съезде РСДРП (1903) то, что стало позицией большевиков гораздо позднее, а именно — требование разрешить крестьянам иметь в собственности всю ту землю, которую они попытаются захватить и, сделав это, "встать во главе крестьянского движения... не оставляя его на произвол судьбы" (Второй очередной съезд РСДРП. Женева, 1904 (заседание 31 июля)). Его взгляды были тогда отброшены Лениным, который представил "Искровскую" версию аграрной программы. Обсуждение аналитических стадий, через которые Ленин прошел в 1905 г. в ходе пересмотра своих взглядов на реформу см. статью М.Гефтера в сб.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 14—19.

¹⁷ См. гл. 4 §2 этой книги. Также: *Тропин В.* Указ. соч. С. 77—78; Интересно, что отражая свои антикрестьянские и антинароднические чувства на II съезде, социал-демократические делегаты из Рязани и некоторых других губерний возражали даже против требования вернуть отрезки, рассматривая и это как народнический уклон.

¹⁸ *Дубровский С.* Указ. соч. С. 147—148.

¹⁹ Прием был временами враждебным, например, *Мороховец* сообщал, что крестьяне яростно протестовали против антимонархистских листовок, которые им раздавали социал-демократы (*Мороховец Е.* Указ. соч. С. 141).

²⁰ То же самое следует сказать о ленинском бесцеремонном комментарии по поводу расправы над дворянами как необходимой и естественной части крестьянской борьбы.

²¹ Г.Т.Робинсон справедливо заметил на этот счет, что "если знакомство с фабриками что-то особое значит для революционного духа, то жакерия должна была бы разразиться на севере России" (*Robinson G.T. Rural Russia under the Old Regime. N.Y., 1932. P. 128.*)

²² *Мартов Ю., Маслов П., Потресов А.* Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909—1914. Т. 2. С. 235; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 299.

²³ Советские историки обычно говорили об этом инциденте как о провокации, устроенной "либерально-народническим руководством съезда". Трудность в объяснении этого случая с точки зрения пролетарской гегемонии очевидна, поскольку Ленин постоянно настаивал на том, что Крестьянский союз правильно отражает крестьянские политические интересы и позиции.

Делегат ПСР сообщил даже, что Ленин лично, плохо загримированный, возглавил делегацию социал-демократов на этой конфронтации (Студенцов А. Указ. соч. С. 46), в то время как ПСР открыто представлял В.Чернов, который высказался за то, чтобы социал-демократы из рабочих тоже приняли участие в слушании. В официальной биографии Ленина его присутствие на съезде отрицается (Владимир Ильич Ленин. М., 1971. Т. 2. С. 192—205). Современные советские историки называли социал-демократическим "оратором номер 1" М.И.Васильева-Южина (см.: В огне первой революции. М., 1934. С. 172—181).

²⁴ Тропин В. Указ. соч. С. 112, 155.

²⁵ См.: Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966. Т. 1.

²⁶ См. обследование Вольного экономического общества, результаты которого опубликованы в: Аграрное движение в России. СПб., 1908. Т. I, II; см. также обзор: Perrie M. The Russian Peasant Movement of 1905—1907 // Past and Present. 1972. N 57.

²⁷ Цит. одной из длинного ряда таких "поденных" работ — автореферата кандидатской диссертации: Хатсушвили Я. Революция 1905—1907 гг. в Грузии. Тбилиси, 1958. Почетным исключением была попытка А.Анфимова рассматривать пролетариат как противостоящий сельским пауперам, с точки зрения различий в целях и подчеркнуть различия между отдельными категориями сельской буржуазии. И эта попытка не была доведена до конца. См.: Анфимов А. Ленин и проблемы аграрного капитализма // История СССР. 1969. № 4. С. 19—21.

²⁸ В других отношениях блестящей работой является: Леценко М. Селянский Рух на Правобережье Украины в период революции 1905—1907 гг. Киев, 1955. С. 210.

²⁹ Например: Дубровский С. Указ. соч. С. 91—92.

³⁰ Свидетельства см.: Аграрное движение в России...; также Мороховец Е. Указ. соч. и другие источники, указанные в библиографии к этому параграфу.

³¹ Дубровский С. Указ. соч. С. 64—65, 83—89. Данное мнение было дословно воспроизведено во всех работах того времени.

³² См. обзор книги: Perrie M. The Russian Peasant Movement 1905—1907 // Past and Present. 1972. N 57. P. 131—142.

³³ Ladurie E. Le R. Peasants // New Cambridge Modern History. Cambridge. 1979. Vol. II. P. 153—155.

4. Крестьянские войны и "патологии человеческого разума"

¹ Как в следующем описании исследования: "Одна из важнейших задач, успешно решаемая исследователем, состоит в утверждении жизненности большевистской тактики, провозглашенной III съездом РСДРП" (Исторические записки. 1975. № 95. С. 218). Именно в этом заключалась задача и именно она была разрешена.

² Дальнейшее обсуждение вопросов эволюции, прогресса и науки по отношению к марксизму см.: *Shanin T. Late Marx and the Russian Road. L., 1984.*

³ *Ibid.* Особенно заключительная часть "Марксизм и народные революционные традиции".

⁴ То же самое применимо к периоду с февраля по ноябрь 1917 г., который должен был концептуально вместить всю полностью развернутую "капиталистическую эпоху" России.

⁵ См., например: *Wolf E. Peasant Wars of the Twentieth Century. L., 1969;* *Ladurie E. Le R. Peasants // New Cambridge Modern History. Cambridge, 1979. Vol. 13;* *Stockpol T. What Makes Peasants Revolutionary // Weller R.P. Power and Protest in the Countryside. Durham, 1982* (в последней также рассматриваются и обсуждаются другие относящиеся к этой теме тексты).

⁶ Обсуждение см.: *Wolf E. Op. cit.*; О "сельской цивилизации", достигшей своего пика на континенте между 1850 и 1914" см.: *Ladurie Le R. Op. cit. P. 155.* См. также: *Hobsbawm E.R. Primitive Rebels. N.Y., 1959.* Что касается русского крестьянства, М.Гефтер хорошо сказал, что в начале XX в. "русское крестьянство не просто оставалось классом оно вместе с тем конституировалось как класс" (Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1968. С. 22).

⁷ *Ladurie E. Le R. Op. cit. P. 137.*

⁸ См.: *Shanin T. Russia as a "Developing Society". L., 1985. Ch. 4C,* где показано как часто название "кулак", принятое в советской и западной профессиональной литературе, противоречило тому, как этот термин упортебляло русское крестьянство. Для крестьян кулаками были в главном те, кто жил за счет несельскохозяйственных видов деятельности, занимаясь, например, ростовщичеством или же, обладая такими чертами как скупость или нежелание, помогать соседям. Этот термин не обозначал земледельцев, которые были богатыми или использовали наемный труд.

⁹ См., например обсуждение периода 1917—1921 гг. в работе: *Келлер В., Романенко И. Первые итоги аграрной реформы. Воронеж, 1922.*

¹⁰ См.: *Герасименко Г. Низовые организации в 1917 — первой половине 1918 гг. Саратов, 1974;* *Малаявский А. Крестьянское движение в России в 1917 г. М., 1981.*

¹¹ *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 134.*

Приложение.

Борьба крестьян и рабочих в 1905—1907 гг.: статистические модели

¹ *Marx K., Engels F. Selected Works. M., 1973. Vol. 3. P. 460, 469.*

² *Дубровский С., Граве Б. Аграрное движение в 1905—1907 гг. М., 1925.*

³ *Дубровский С. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956. Дубровский (на этот раз не цитируя источник своего методологического вдохновения) проделывает примерно то же, что и Ленин почти 50-ю годами раньше (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 365).*

⁴ В предисловии к исследованию, опубликованному в 1925 г. (*Дубровский С., Граве Б. Указ. соч.*), было сказано, что итоги вычислений приведены в таблице, вклеенной в конце книги. Такой таблицы не оказалось и обследование других экземпляров этой книги в различных библиотеках СССР показало, что такой таблицы не было ни в одном из них. Сам Дубровский никогда не объяснял это, когда в 1956 г. он вернулся к использованию своих данных как "твердых фактов". Попытки некоторых коллег довести до конца его работу в архивах полиции окончились неудачей, поскольку многие документы утрачены. См.: *Симонова М. Крестьянское движение 1905—1907 гг. в советской историографии // Исторические записки. 1975. Т. 95. С. 212.*

⁵ Я использовал общепринятое деление года на сезоны: весну (март—май), лето (июнь—август), осень (сентябрь—ноябрь) и зиму (декабрь—январь).

⁶ *Прокопович С. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912.*

⁷ *Мороховец Е. Крестьянское движение и социал-демократия. М., 1926.*

⁸ *Тропин В. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970.*

⁹ Есть и другие слабости, например, деление не по сезонам, принятое автором (см. приведенное выше обсуждение цифр С.Дубровского).

¹⁰ Например: *История СССР. М., 1968. Т. 6. С. 175.*

Глава пятая

УРОКИ ИСТОРИИ: ОТЛИЧНИКИ И ТУГОДУМЫ

1. Моменты истины

¹ *Каутский К. Письмо к IV съезду РСДРП (1906). Протоколы четвертого (объединительного) съезда РСДРП. М., 1934. С. 594 (набрано курсивом).*

² *Панкратова А. Первая русская революция. М., 1951.*

³ Дубровский С. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956. С. 139.

2. Коллективная память, ярость низов, историческое будущее

¹ Bloch M. The Historians' Craft. Manchester, 1970. P. 73—75 (русский перевод: Блох М. Ремесло историка. М., 1993).

² См., например, статью Л. Лурье в сб.: Освободительное движение в России. Саратов, 1978. С. 64—83, в которой говорится о "сверстниках, которые обнаруживают социально-психологическое родство" (Там же. С. 64).

³ Deutscher I. The French Revolution and the Russian Revolution: Some suggestive Analogies // World Politics. 1951. Vol. 4. P. 381.

⁴ Аграрное движение в России. СПб., 1908. Т. 1. С. 219; Perrie M. The Russian Peasant Movement of 1905—1907 // Past and Present. 1972. N 57. P. 145—146.

⁵ Shanin T. The Russia as a "Developing Society". L., 1985. Ch. 2.

⁶ Этот плохо разработанный вопрос социальной теории имеет, тем не менее, особое значение для истории человеческой мысли. См. его раннее обсуждение: Mannheim K. Essays in the Sociology of Knowledge. N.Y., 1952. Ch. VII.

⁷ См.: Shanin T. Op. cit. Ch. 1. Sect. B.

⁸ Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia 1905—1917 // Slavic Review. 1964. Vol. 23. N 4; 1965. Vol. 24. N 1.

⁹ Например: Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, 1983. P. 62—72. Автор непосредственно изучал руководство кадетов и ввел в оборот материалы, касающиеся социал-демократов и эсеров, извлеченные из работ Д. Лэйна и М. Перрье, ссылка на которые есть в гл. 2 данной книги. (Сравнительную таблицу см.: Emmons T. Op. cit. P. 71.) См. также интересное "поколенное" изучение революционных народников раннего периода в работе: Лурье Л. Указ. соч.

¹⁰ Пастернак Б. 1905. Стихи и поэмы. Собр. соч. Ann Arbor. University of Michigan Press. 1961.

¹¹ В первой половине XIX в. женщины вошли в анналы русской революции в основном как жены декабристов, которые последовали вслед за мужьями в Сибирь. Много женщин участвовало в народническом движении 1870-х и 1880-х годов, в том числе и в качестве его руководителей. Имена Софьи Перовской (возглавившей покушение на Александра II), Веры Фингер и Веры Засулич были известны и уважаемы по всей России. Все революционеры, как мужчины, так и женщины, настаивали на равенстве женщин, отвергая особые феминистские организации и цели. Обсуждение см.: Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Princeton. 1978. Ch. V, VII.

¹² Царское правительство продолжало играть в игру "дай и отними", несмотря на открытое недоверие к нему со стороны тех, против кого она была направлена. Например, как только началась Первая мировая война, главнокомандующий русской армией провозгласил, что самодержавие намеревается восстановить автономию поляков и защищать их национальные интересы в будущем.

¹³ См. гл. 2 §3.

¹⁴ История СССР. М., 1968. Т. 6. С. 369. О попытках Зубатова создать рабочие организации под контролем и на деньги полиции см. гл. 1 этой книги.

¹⁵ См. гл. 2.

¹⁶ *Haimson L. Op. cit. Vol. 24. N 1. P. 65—67*, где подчеркивается факт массовой сельской вербовки.

¹⁷ *Ibid. P. 626—628*; Пролетарская революция. 1924. Т. 30. № 7; Т. 31. № 8; Т. 32 № 9; Свод отчетов фабричных инспекторов. СПб., 1916. По отчетам фабричных инспекторов в первой половине 1914 г. бастовало 1254 тыс. человек, из которых $\frac{4}{5}$ приняли участие в "политических забастовках".

¹⁸ *Haimson L. Op. cit. Vol. 24. N 1. P. 631*; История коммунистической партии Советского Союза. М., 1966. Т. 2. С. 443—467. Высшей точкой этого процесса было поражение меньшевиков на выборах в правление профсоюза металлистов в Санкт-Петербурге и во Всероссийские рабочие страховые кассы (которые состоялись, соответственно, в 1913 и 1914 гг). К 1914 г. большевики объявили о том, что контролируют $\frac{4}{5}$ всех профсоюзных организаций в Москве и Санкт-Петербурге.

¹⁹ *Haimson L. Op. cit. P. 640—649*. О политически "незрелых" членах большевистской партии, которые образовали отдельную и более радикальную организацию (в конце концов разгромленную полицией) см.: История Коммунистической партии Советского Союза. С. 464—465. Свидетельство параллельного возрождения ПСР см.: *Haimson L. Op. cit. P. 635*; История СССР. С. 431.

²⁰ *Robinson G.T. Rural Russia under the Old Regime. N.Y., 1972. P. 263*; Аграрное движение в России. С. 40—43, 53, 55, 315—318; *Прокопович С.* Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912. С. 142—145. Робинсон сомневался, что арендная плата на самом деле снижалась, но допускает улучшение других условий аренды. Первичные и более поздние источники документально подтверждают падение арендной платы, по крайней мере на некоторое время.

²¹ В Саратовской и Симбирской губерниях $\frac{1}{3}$ всей частновладельческой (т.е., в основном, некрестьянской) земли было распорядано за два года.

²² *Прокопович С.* Указ. соч. С. 142—145, 154—158.

²³ *Perrie M.* The Russian Peasant Movement in 1907—1908: A Survey by the Socialist-Revolutionary Party // *History Workshop Journal*. 1977. N 4; *Прокопович С.* Указ. соч. С. 148.

²⁴ *Чернышев И.* Община после 9 ноября 1906. Петроград, 1917. С. 133—136 и др.

²⁵ *Тан (Богораз).* Новое крестьянство. М., 1905. С. 14.

²⁶ *Чернышев И.* Указ. соч. С. 165. Свидетельства, которые приводит здесь Чернышев особенно ценны, поскольку эти данные идут вразрез с его собственными идеологическими предпочтениями.

²⁷ См.: *Shanin T.* Op. cit. Ch. 1. Sect. B.

²⁸ Ibid. Ch. 3. Sect. B.

²⁹ *Haimson L.* Op. cit. Vol. 24. N 1. P. 2.

³⁰ Речь. 1914. 12 июля.

³¹ *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1918. См. также: *Старцев Б.* Крах керенщины. Л., 1982. С. 37—56, где описывается размах и стихийность мобилизации низов против корниловского мятежа в 1917 г.

³² *Зайцев А.* 1918 год. Париж, 1934. С. 7. См. также обсуждение на С. 11, 78—79, 131—134.

³³ *Деникин А.* Очерки русской смуты. Париж, 1921—1925. Т. 2. С. 148—149. (Репринтное издание вышло в 1991 г.)

³⁴ Результаты выборов 1917 г. в Учредительное собрание показывают, что поддержка большевиков латышскими полками не была случайной и не ограничивалась только солдатами. В Курляндском избирательном округе (включающем большую часть Латвии) за большевиков проголосовали 71,9% (см.: *Знаменский О.* Всероссийское учредительное собрание. Л., 1976. С. 279).

³⁵ К 1920 г. в командном составе насчитывалось 26 тыс. курсантов и около 40 тыс. "красных командиров" и 50 тыс. дореволюционных офицеров, впоследствии перешедших на службу в Красную Армию.

³⁶ Цифры дают не совсем определенную картину. Наши ссылки следуют недавним советским и западным исследованиям, например: *Haimson L.* The Politics of Rural Russia. Indiana, 1979. P. 293. Столыпин в 1907 г. говорил о больших цифрах.

³⁷ *Haimson L.* Op. cit.; *Manning R.* The Crisis of Old Order in Russia. Princeton, 1982; *Соловьев Ю.* Самодержавие и дворянство. М., 1981.

³⁸ Например, особо обширные порки русских крестьян, не имевшие precedентов в других столетиях, последовали вслед за законом, отменяющим телесные наказания; казни без суда (людей, чьи фамилии даже не устанавливались, и которых хоронили как "бесфамильных"). начались после выхода манифеста, устанавливающего правовой порядок в империи и т.д.

³⁹ *Дякин В.* Самодержавие, буржуазия и дворянство. Л., 1978. С. 202.

⁴⁰ Копец Р. *Op. cit.* P. 281.

⁴¹ Бурыйшкін П. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954; Лаврычев В. Крупная буржуазия в пореформенной России 1861—1900. М., 1974. С. 5—10, 71—74, 157—158; Дякин В. Указ. соч.; Череменинский Е. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.

⁴² Shanin T. *Op. cit.* Ch. 5. Sect. C, D.

⁴³ Новая волна студенческих беспорядков началась с демонстраций, состоявшихся на похоронах С. Муромцева (первого председателя Думы) и Льва Толстого (История СССР. С. 414—415, 418—419); Лейкина-Свирская В. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 31—32.

⁴⁴ Особенно ясное изложение этих взглядов, оказавшее большое влияние на современников, где содержится конспект негативных характеристик русской интеллигенции, обвиненной в отрицании своей ответственности за революцию 1905—1907 гг. (см.: Вехи. М., 1909).

⁴⁵ Работа Е. Трубецкого (Московский Еженедельник. М., 1907. № 22—23. С. 5—6).

3. Отступление в прогресс: кадеты и меньшевики

¹ Из недавно найденной поэмы Б. Брехта.

² См. гл. 5 §2.

³ Deutcher I. The French Revolution and the Russian Revolution: Some Suggestive Analogies // World Politics. 1951. July. P. 370.

⁴ Дан Ф. Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1946. С. 421.

⁵ Миллюков П. Роковые годы // Русские записки. 1939. Янв. С. 119; Timberlake C. Essays on Russian Liberalism. Missouri, 1972.

⁶ Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution. Princeton, 1974. P. 17—19, 28—29.

⁷ Наумов А. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 202; Соловьев Ю. Самодержавие и дворянство в 1902—1907. Л., 1981. С. 25.

⁸ Pipes R., Struve P. Liberalism on the Right 1905—1944. Cambridge, 1980; Timberlake C. *Op. cit.*

⁹ Струве П. На разные темы. СПб., 1902. С. 526—555.

¹⁰ Гейден первоначально вступил в партию октябристов, находившуюся "правее" кадетов, спустя короткое время организовал Партию Мирного Обновления с сильными конституционалистскими тенденциями и в конце концов вступил в кадетскую партию, став членом ее ЦК. См.: Соловьев Ю. Указ. соч. С. 155.

¹¹ Вехи. М., 1909.

¹² Rosenberg W.G. *Op. cit.* P. 35—41.

¹³ Pipes R., Struve P. *Op. cit.* Ch. 8.

¹⁴ Emmons T. The Formation of Political Parties and First National Election in Russia. Cambridge, 1982. P. 75—81; Rosenberg W.G. *Op. cit.* P. 32—34.

- ¹⁵ *Лаверычев В.* По ту сторону баррикад. М., 1967. Гл. 2.
- ¹⁶ Цит. Гейдена в: Археологический ежегодник. 1974. М., 1975. С. 285—293.
- ¹⁷ *Дан Ф.* Указ. соч. С. 421.
- ¹⁸ Особенно Коммунистический Манифест, но также обращения Маркса к I Интернационалу в 1860-х годах и в 1871 г.
- ¹⁹ *Kautsky K. Franz Mehring // Neue Zeit.* 1903. N 8; *Ленин В.И.* Что делать? // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 8.
- ²⁰ См. статью Розы Люксембург в: *Neue Zeit.* 1905. Jan. Цит. по: *New Left Review.* 1975. N 89. P. 41.
- ²¹ *Haimson L.* The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Boston, 1955. Ch. II; Второй очередной съезд. Женева, 1904.
- ²² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 370.
- ²³ *Carlyle T.* The French Revolution. L., 1913. Vol. 2. P. 261 (есть русский перевод: *Карлайль Т.* Французская революция. М., 1992). Слова Карлайля о жирондистах как о "людях философской культуры, порядочного поведения, которых не надо осуждать лишь за их педантизм" были бы хорошим описанием также главных меньшевистских лидеров.
- ²⁴ *Haimson L.* Op. cit. Ch. 10. P. 183.
- ²⁵ Слова П.Румянцева (Шмидта), тогда члена большевистского ЦК, произнесенные на съезде РСДРП 1906 г. Протоколы IV (объединительного съезда РСДРП). М., 1934. С. 552.
- ²⁶ *Дан Ф.* Указ. соч. С. 376—380; История Коммунистической Партии Советского Союза. С. 128—132.
- ²⁷ *Гарви П.* Записки социал-демократа. Ньютонвилл, 1982. С. 104—217; *Haimson L.* The Problem of Social Stability in Urban Russia 1905—1917 // *Slavic Review.* 1964. Vol. 23. N 4. P. 694—696.
- ²⁸ О существенности различий между "пропагандой", т.е. обучением рабочего класса марксистской идеологии и "агитацией", или призыву к поддержке рабочими специфических вопросов и обучению их политике посредством прямых классовых действий, которые углубляют революционное сознание, см. гл. 1 §3 и брошюру, суммируется опыт социал-демократических кружков в Вильне (Вильнюсе). *Кремер А.* Об агитации. Женева, 1896.
- ²⁹ *Haimson L.* The Russian Marxists... P. 201.
- ³⁰ *Чернышев И.* Аграрно-крестьянская политика России. Петроград, 1918. С. XVIII.
- ³¹ *Гарви П.* Указ. соч.; *Haimson L.* The Problem...
- ³² См. гл. 5 §2, сн. 19.
- ³³ *Дан Ф.* Указ. соч.
- ³⁴ Там же. С. 458.
- ³⁵ Там же. С. 472.
- ³⁶ Там же. С. 488—490.

4. Консервативные радикалы и радикальные консерваторы: эсеры и "Объединенное дворянство"

¹ У большевиков был свой лидер — Малиновский, который был председателем их фракции в IV Думе и членом ЦК, оказавшийся впоследствии шпионом (см.: Дело провокатора Малиновского. М., 1992). Как и Азефа, его яростно защищали другие партийные лидеры (особенно Ленин). Но большевикам повезло больше, чем эсерам. Малиновский был разоблачен только в 1917 г., когда этот вопрос имел меньшее значение для морального состояния партии.

² *Venturi F. Roots of Revolution. L., 1960; Shanin T. Late Marx and the Russian Road. L., 1984.*

³ Неудачливость ПСР продолжалась "посмертно". К тому времени когда поклонники большевиков обладали всеми ресурсами советской науки, а кадеты и меньшевики завоевали симпатии историков США, единственный американский ученый, который уделил серьезное внимание ПСР и написал важные работы посвященные эсерам, О.Рэдки, относился к ним с настороженностью. Только недавно среди более молодых европейских историков стала распространяться более сбалансированная точка зрения, см., например, работы М.Перри.

⁴ *Спиридович А. Революционное движение в России. Петроград, 1916 Т. 2. Гл. XX.*

⁵ Там же. С. 495—496.

⁶ *Антонов и др. Сборник статей. М., 1908; Чернов В. Собрание сочинений. Петроград, 1917; Чернов В. Перед бурей. Нью-Йорк, 1951; хороший пример взглядов главного течения эсеров и их стагнации в межреволюционный период см. также: Социалист-революционер. 1912. № 4. С. 131—176.*

⁷ *Radkey O.H. Chernov and Agrarian Socialism // Simmons E. Continuity and Change in Russia and Soviet Thought. N.Y., 1967; Чернов В. К вопросу о выкупе. СПб., 1906; Hildermeier M. Neopopulism and Modernisation // The Russian Review. 1975. Vol. 34. N 4; Гинев В. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. Л., 1983.*

⁸ *Протоколы первой партийной конференции ПСР. Париж, 1908; Памятная книжка социалистов-революционеров. Париж, 1911.*

⁹ *Needham J. Science and Civilisation in China. Cambridge, 1956. Vol. 2. Ch. 13; Teng S., Fairbank J.K. China's Resposce to the West. Cambridge, 1979. P. 15—16.*

¹⁰ Дальнейшее обсуждение см.: *Shanin T. Late Marx... Pt III; Shanin T. Russia as a "Developing Society". L., 1985. Ch. 5. Sect. D.*

¹¹ В 1917 г. кадеты вернулись к старой программе полного перераспределения всей "избыточной земли", впервые предложенной эсеро-партией. Большевики просто заимствовали без всяких изменений и дополнений "Сводные наказания депутатам 342-х". т.е. эсеро-аграрную программу тех дней.

¹² *Hildermeier M.* Op. cit. P. 457.

¹³ Почин. 1912. № 1. С.1—2, 15—18; *Авксентьев Н.* Наши разногласия // Знамя труда. 1913. № 49.

¹⁴ См.: *Крыжановский С.* Воспоминания. Берлин, 1925.

¹⁵ *Вайсберг И.* Совет объединенного дворянства. М., 1966 (неопубликованная дисс.); *Соловьев Ю.* Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. М., 1981. Гл. 3; *Черменский Е.* Буржуазия и дворянство в первой русской революции. М., 1970; *Аврех А.* Царизм и IV Дума. М., 1981. Гл. 4.

¹⁶ Цит. по брошюре князя В.Шаховского (не путать с его однофамильцем — одним из лидеров кадетской партии): *Шаховской В.* Волнения крестьян. СПб., 1907. С. 40—45.

¹⁷ *Соловьев Ю.* Указ. соч. С. 174.

¹⁸ *Haimson L.* The Politics of Rural Russia. Bloomington, 1979. P. 276.

¹⁹ Лучше всего этот взгляд выразил К.Победоносцев, см.: Московский сборник. М., 1897. Особенно разделы 3, 9 и 12. В 1886 г. министр внутренних дел Д.Толстой объяснил в своем докладе, что избранные группы не могут действовать в соответствии с принципами моральной ответственности. См.: Министерство внутренних дел, 1802—1902. СПб., 1902.

²⁰ Цит. по: *Невский В.* Рабочее движение в январские дни 1905 г. М., 1931. С. 106. Относительно того, что именно Великий князь узнал из французской истории, в отчете сообщается так: "Он (кн. Владимир) считает, что верным средством для излечения народа от конституционных затей является повешение сотни недовольных в присутствии их товарищей". Далее автор продолжает: "Великому князю Владимиру предоставляется необыкновенный случай обнаружить свои способности государственного человека и наполеоновские качества, и он ничуть не опасается за результат, чтобы ни случилось: он будет укрощать мятежный дух толпы, даже если бы ему пришлось для этого послать против населения все войска, которыми он располагает".

²¹ *Von Laue.* Sergei Witte and the Industrialisation of Russia. N.Y., 1963. Ch. 3, 6.

²² Дальнейшее обсуждение см. гл. 6 §4.

²³ *Witte С.* Воспоминания. Л., 1924. Т. II.

Глава шестая

УРОКИ ИСТОРИИ:

ГРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ

1. Столыпин и революция сверху

¹ *Крыжановский С.* Воспоминания. Берлин, 1925; *Дубровский С.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963. Гл. 2; *Дякин В.* Самодержавие: Буржуазия и дворянство. Л., 1978; *Аврех А.* Царизм и

третьей ионьской система. М., 1966; *Yaney J. The Urge to Mobilize. Urbana, 1982; Gurko V. Features and Figures of the Past. N.Y., 1967.*

² *Крыжановский С. Указ. соч. С. 221.*

³ *Дякин В. Указ. соч. С. 47.*

⁴ *Е.В. Председатель совета министров П.А.Столыпин. СПб., 1909. С. 77.*

⁵ Столыпин продемонстрировал типично "бисмарковские" характеристики, т.е. ограниченное знание экономики и веру в то, что политики должны управлять и только создавать условия для бизнесменов, "чтобы те могли делать свое дело". Многие торговые семьи Москвы были старообрядческими и то же самое было справедливо для евреев и армян, особенно в Западной и Южной России.

⁶ *Е.В. Указ. соч. С. 55, 76 и др. См. также мемуары дочери Столыпина: Бок М. Воспоминания о моем отце П.А.Столыпине. Нью-Йорк, 1953. С. 299—300.*

⁷ Из интервью Столыпина см.: *Волга. 1909. Сент.*

⁸ Заявление Столыпина от 24 августа 1906 г. и его речь в Думе 6 марта 1907 г. см.: *Е.В. Указ. соч.*

⁹ Там же. С. 45.

¹⁰ Из личных заметок Столыпина, найденных в его столе правительственной комиссией, которая разбирала бумаги покойного. Документ хранится в: ЦГИАЛ. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 58; и цит. по: *Дякин В. Столыпин и дворянство. Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 233—234. См. также речь Столыпина, посвященную тем же вопросам, от 15 марта 1910 г. в: Карпов Н. Аграрная политика Столыпина. Л., 1925.*

¹¹ Собрание речей П.А.Столыпина. СПб., 1911. С. 100 (речь от 27 июня 1911). (Переиздание: *Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906—1911 гг. М., 1991.*)

¹² *Дубровский С. Указ. соч. С. 121—125. Обсуждение истории и структуры крестьянской общины см. также: Shanin T. Russia as a "Developing Society". L., 1985. Ch. 2. Sect. C.*

¹³ Обсуждение различий между частной и семейной собственностью в контексте русского крестьянства см.: *Леонтьев А. Крестьянское право. СПб., 1909; Shanin T. The Awkward Class. Oxford. 1972. Appendix B.*

¹⁴ *Дубровский С. Указ. соч. Гл. 5; Robinson G.T. Rural Russia under the Old Regime. L., 1932. Ch. X; Кафод А. Хуторское расселение. СПб., 1907; Kafod A. My share in the Stolypin Reform. Odense, 1985. (Автор, датчанин, занимал должность главного правительственного советника по вопросам сельского хозяйства.)*

¹⁵ Несколько помещиков, членов Объединенного дворянства и руководителей черносотенных организаций продолжали протесто-

вать против любых изменений в традиционной структуре российских крестьянских обществ.

¹⁶ См.: *Shanin T. Russia as a "Developing Society".* L., 1985. Ch. 2. Sect. A, B.

¹⁷ Представление Столыпина кабинету 1 июля 1907 г., цит. по: *Дякин В. Самодержавие...* С. 38.

¹⁸ *Крыжановский С.* Указ. соч. С. 131—132.

¹⁹ *Дякин В. Самодержавие...* С. 82—84.

²⁰ Там же. С. 84. П.Дурново с 1905 г. был министром внутренних дел при Витте, прежде чем Столыпин получил этот пост в правительстве Горемыкина. Дурново считался, поэтому многими российскими правыми истинным победителем над революционерами (и несправедливо смещенным со своего поста).

²¹ Корреспондент "Дейли Телеграф" в Санкт-Петербурге, Диллон, который часто выступал рупором правых членов российского Государственного Совета, изложил это так: "Русским "реакционерам" (консерваторов теперь уже нет) до глубины души противны результаты столыпинского правления... Столыпин подрывает кредит атрибутов трона, преподносит некоторые из них в дар Думе, умаляет престиж короны", причем "постепенность, мягкость, с которой эти роковые шаги совершаются, успокаивает тех, которых он ведет на гибель" (*Дякин В. Самодержавие...* С. 126—127; *Gurko V.* Op. cit. P. 513—516).

²² Царь продолжал: "Все время он и он один, в то время как я был едва заметен" (*Шидловский С.* Воспоминания. Берлин, 1923. С. 198); также см.: *Коковцев В.* Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. II. (Переиздание: *Коковцев В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911—1919. М., 1991.)

²³ *Крыжановский С.* Указ. соч. С. 214. Дякин назвал это время "периодом отхода от реформ".

²⁴ *Аврех А.* Столыпин и третья Дума. М., 1968, ч. 1.

²⁵ Например, Гучков, спикер III Думы и в это время наиболее энергичный сторонник Столыпина в октябристской партии, которую он возглавлял, подал в знак протеста в отставку и покинул Санкт-Петербург.

²⁶ *Зеньковский А.* Правда о Столыпине. Нью-Йорк, 1956. С. 21—113.

²⁷ Например: *Conroy M.S. Peter Arkad'evich Stolypin.* Boulder, 1976. P. 73—75.

²⁸ *Аврех А.* Столыпин... Гл. 8. Багрова настойчиво, но неправильно называли эсером, в соответствии с широко распространенной тенденцией считать любых террористов членами ПСР. На самом деле ПСР, которая гордо признавала случаи террора ее "боевой организацией" (БО), формально объявила, что не имеет ничего общего с

убийством Столыпина. Факт его гибели приветствовался партией как справедливое наказание для человека, ответственного за репрессии 1906—1907 гг.

²⁹ Бок М. Указ. соч. Гл. XXXIII; Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992.

³⁰ Аврех А. Столыпин... С. 384—406.

³¹ В этом Ленин следовал представлению Маркса о социальной причинности правления Наполеона III во Франции, т.е. о балансе классовых сил, делающих возможным личную диктатуру.

³² Дякин В. Самодержавие... С. 16—25.

³³ Аврех А. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 10—17. Общий взгляд на абсолютизм, скрывающийся за отношением Авреха к "стольпинщине", см.: История СССР. 1968. Т. 2.

³⁴ Там же. С. 11, 13.

³⁵ См.: *Shanin T. Russia as a "Developing Society"*. L., 1985. Ch. 5. Sect. C. Словами особого ленинского комплимента, это было "прогрессивно в научном экономическом смысле... следуя по пути капиталистической эволюции".

³⁶ Столыпин якобы предсказал в кругу своей семьи собственную смерть от рук охраны.

³⁷ См.: *Shanin T. Russia as a "Developing Society"*. L., 1985. Ch. 5. Sect. B.

³⁸ Например, так называемая "Белая революция шаха и народа" в Иране в 1960—1970-х годах.

³⁹ К началу века Витте все в большей степени был обеспокоен тем, что российский аграрный кризис сочетался с общим экономическим спадом. Его отчет царю за 1900 г. резко отличался от его более ранних оптимистических докладов, где он полагал российскую индустриализацию обеспеченной, а все остальное возможным исправить по мере ее развития. С 1902 г. он председательствовал в "Консультациях, касающихся проблем сельскохозяйственного производства". Его последующий отчет можно рассматривать как промежуточный шаг между ранней экономической стратегией Витте и более поздних Столыпинских реформ. "Консультациям" пришел конец до того, как его изыскания были завершены. Другой важной фигурой, которой не дали возможность выполнить свой план аграрных реформ был В.Гурко. Многие считали его подлинным автором столыпинской реформы.

⁴⁰ См. гл. 6 §2.

⁴¹ Дубровский С. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. Гл. 4—8.

⁴² Дякин выразил это утверждением, что в то время как позиция Столыпина была главной альтернативной стратегией, "никто не может определить и характеризовать в тот момент перечень его

сторонников" (Дякин В. Самодержавие... С. 20). Мы имеем дело с программой, изобретенной несколькими государственными администраторами как и "настроениями", которые поддерживали ее в некоторых кругах. Способными бросить вызов политическим и классовым формациям сделало не их число, а положение в российском государственном аппарате и возможность использовать его огромную власть.

⁴³ См., например: *Yaney G. The Urge to Mobilize. Urbana, 1982. P. 366, etc*, где содержится обсуждение постоянного конфликта и изменения в балансе власти между земскими начальниками и "сельскохозяйственными специалистами". Скорее всего автор переоценил значение этого конфликта, но сам процесс был подмечен правильно.

2. Троцкий и перманентная революция

¹ Обсуждение концептуальных изменений см. в гл. 6 §4. Большинство большевиков — членов ЦК РСДРП в 1903—1912 гг. — не входили впоследствии в эту партию.

² *Zhordaniya N. My Life. Stanford, 1968. Ch. 7, 8, 9; История СССР. М., 1968. Т. 7. Мы обсудим этот вопрос в гл. 6 §3.*

³ По поводу марксистского политического прорыва в 1890-х годах см. гл. 1 §3 этой книги. Основными текстами, которые кратко излагают новую историографию и наиболее широко использованными ее популяризаторами в дореволюционной России были книги Энгельса "Анти-Дюринг" и "Возникновение частной собственности, семьи и государства" (особенно заключительный раздел этой работы). Эти книги были дополнены чтением книг и статей К.Каутского, Г.Плеханова и важнейшей марксистской периодики, в основном немецкой. Среди более молодого поколения русских марксистов работы П.Струве, В.Ленина и Ю.Мартова были особенно влиятельными.

⁴ В дискуссиях и публикациях II Интернационала часто отмечалось, что в русских секциях производится больше "измов", описывающих "отклонения" от правильного социалистического понимания, чем во всех других секциях вместе взятых. Троцкий даже объяснял это российской социально-экономической отсталости, ведущей к "фанатизму в идеях, безжалостной самоограниченности, недоверию и подозрительности и бдительному наблюдению за своей чистотой".

⁵ См. гл. 1 §3 данной книги. См. также: *Shanin T. Russia as a "Developing Society". Ch. 5. Sect. B.*

⁶ *Perrie M. The Socialist Revolution on "Permanent Revolution" // Soviet Studies. 1973. Vol. 24. N 3. См. также: гл. 5 §4 данной книги.*

⁷ Биографию см.: *B.Zeman Z.A., Scharlau W.B. The Merchant of Revolution. L., 1965; Deutscher I. Op. cit. Ch. IV. Главное собрание*

работ о России и революции 1905—1907 гг. см.: *Парвус А.* Россия и революция. СПб., 1906.

⁸ См.: *Lehman V., Parvus A.* Das Hungende Russland. Stuttgart, 1900; *Zeman Z.A.B.* Op. cit. Ch. 2.

⁹ Троцкий поддержал меньшевиков на съезде РСДРП в 1903 г., но вышел из их фракции в 1904 г.

¹⁰ *Троцкий Л.* До девятого января. Женева, 1905. См. речь Троцкого на V съезде РСДРП. Протоколы V съезда. М., 1975. Лучшая историческая работа о нем: *Deutcher I.* Op. cit. См. также: *Schapiro L.* The Communist Party of the Soviet Union. L., 1970; *Троцкий Л.* Моя жизнь. Берлин, 1930. Т. 1.

¹¹ Парвус продолжал сохранять личное влияние на германских министров социал-демократов после 1918 г. Он предлагал свои услуги и большевикам, на что Ленин возразил, что хотя они и нуждаются в поддержке светлых умов в Европе, они не могут разрешить людям с грязными руками идти вместе с ними.

¹² *Trotsky L.* 1905. L., 1971. P. 4—5.

¹³ *Ibid.* P. 47. Параллельно этим взглядам Парвус считал, что крестьянство "служит революции, обеспечивая анархию, но не может сосредоточиться на своей собственной политической борьбе" (*Парвус А.* Указ. соч. С. 204).

¹⁴ Непропорциональное присвоение экономических продуктов государством означает на этот взгляд, что самодержавие увеличивает также долю, принадлежащую привилегированным классам, ограничивая экономический прогресс всего общества. Троцкий резко выступал против "тех опасных социалистов, которые, как кажется, перестают понимать важность государственной власти для социалистической революции" и которые, "по крайней мере, должны изучать пример несистематической и варварской активности российского самодержавия так, чтобы понять ту чрезвычайно важную роль, которую государственная власть может играть в чисто экономических сферах, когда, вообще говоря, она работает в том же самом направлении, как и историческое развитие" (*Trotsky L.* Op. cit. 1971). В то же самое время и Парвус, и Троцкий продолжали настаивать на том, что единственным существенным различием между Западной Европой и Россией была степень российской отсталости.

¹⁵ *Trotsky L.* The Permanent Revolution and Results and Prospects. N.Y., 1965. P. 168.

¹⁶ *Trotsky L.* 1905. P. 55.

¹⁷ Споры о том, преуменьшал ли Троцкий крестьянский революционный потенциал или нет, продолжались. Без сомнения, это обвинение использовали в своей клевете сталинские сподвижники и те, кто за ними следовал. Вместе с тем, наиболее пронизательный

биограф Троцкого Дейчер, слишком легко отказался от этого взгляда. Короткое обсуждение более позднего отношения Троцкого к крестьянству см. также у Р. Дунаевской, которая превосходно знает тексты Троцкого: *Dunayevskaya R. Philosophy and Revolution*. Brighton, 1980. P. 134—136.

¹⁸ *Trotsky L. The Permanent Revolution...* P. 204.

¹⁹ *Deutcher I. Op. cit.* P. 162.

²⁰ Мартон первоначально был членом редакционной коллегии, но вышел из ее состава из-за несогласия с Троцким и Антоновым-Овсенко.

²¹ Эта группа состояла из приблизительно 3 тыс. активистов, в большинстве своем рабочих и что ею руководили некоторые будущие политики и дипломаты правительства Ленина, такие как Иоффе, Урицкий, Карахан и т.д.

²² Период с марта по октябрь 1917 г. Луначарский назвал "золотым периодом митингов" (см.: *Луначарский А.В. Идеология накануне Октября // За 5 лет. М., 1922. С. 29*). В этой книге приводятся несколько интересных описаний таких митингов. См. также: *Суханов Н. Записки о революции. Берлин, 1922—1923 (переиздание: Суханов Н. Записки о революции. Т. 1—3. М., 1991)*.

²³ *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 113—116, 123—124*. Апрельские тезисы были полностью одобрены "межрайонцами".

²⁴ Источники см.: сн. 17 и прим. к гл. 6 §3, сн. 28.

3. Жордания и Национальный фронт

¹ *Kautsky K. Georgia. L., 1921. P. 18.*

² По данным переписи 1897 г. всего насчитывалось 800 тыс. человек, "говорящих на грузинском языке", но более 500 тыс. говорили на отдельных, хотя и близких к грузинскому языку диалектах — имерстинском, мингрельском и сванском. В это число также вошли мусульмане-аджарцы, которые говорили на грузинском и этнический статус которых был предметом постоянных споров.

³ *Zhordania N. My Life. Stanford, 1968. Ch. 3; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966. Т. 1; Uratadze G. Reminiscences of a Georgian Social Demokrat. Stanford, 1968. Ch. 1—3.*

⁴ Второй очередной съезд. Женева, 1904. Приложения. Были представлены комитеты Баку, Батуми и Тифлиса. Во время выборов делегатов Жордания находился в Европе и участвовал в работе съезда в качестве "наблюдателя" — делегата без права голоса.

⁵ Меньшевики, получившие шесть мандатов на IV и десять — на V съезд от Гурии обвинялись (например большевиком Алексинским) в том, что они просто представляли умеренных непролета-

риев из числа мелкобуржуазных избирателей. Обвинение было нелепым: грузинские меньшевики были столь же влиятельны среди рабочих Тифлиса, как и в Гурии, в то время как их крестьянские группы были столь же активны политически, как и городские рабочие России.

⁶ Обсуждение революционной активности "автономных мелкобуржуазных организаций" в Тифлисе, которыми руководил З.Чачуа, см.: *Zhordania N. Op. cit.* P. 44—45.

⁷ Второй очередной съезд. С. 3.

⁸ Отказ разрешить организации, построенные на этническом принципе привел к решению Бунда не присоединяться к партии и покинуть съезд еще до завершения его работы.

⁹ *Zhordania N. Op. cit.* P. 28. Наместник Кавказа, Дашков, писал в своем донесении царю, что "если и можно говорить о стремлении к отделению среди народов, населяющих Кавказ... то оно высказывается только от имени этой [мусульманской — Т.Ш.] его части" (Воронцов-Дашков И. Всеподданнейший отчет. СПб., 1913. С. 9).

¹⁰ Работа "Экономический прогресс и социальный вопрос", представленная на встрече группы Месаме Даси в 1893 г. См.: *Lang D.M. A Modern History of Soviet Georgia. N.Y., 1962. P. 127.*

¹¹ *Сталин И.* Марксизм и национальная проблема (написана в 1912).

¹² *Zhordania N. Op. cit.* P. 40.

¹³ Мы уклонились от не совсем относящейся к теме дискуссии о грузинском меньшевизме в годы Первой мировой войны. Большинство меньшевиков заняли антиоборонческие позиции, немногие стали германо- или русофилами. Жордания занял промежуточную позицию мягкого оборончества "не из-за желания увидеть победу русских, но из-за страха перед поражением французов". Следует помнить, что несмотря на эти различия партия встретила 1917 г. единой.

¹⁴ Обсуждение периода 1917—1921 гг. см.: *Kazemzadeh S.F. The Struggle for Transcaucasia. Oxford, 1915; Avalishvili Z. The Independence of Georgia in International Policies. Westport, 1940; Дрabbкина У.* Грузинская контрреволюция. Л., 1928; Махарадзе Т. Диктатура меньшевистской партии в Грузии. М., 1921; *Zhordania N. Op. cit.; Lang D.M. Op. cit.; Uratadze G. Op. cit.; Kautsky K. Op. cit.* Особенно важна работа: *Жордания Н.* За два года. Тифлис, 1919.

¹⁵ *Zhordania N. My Life. P. 76.*

¹⁶ *Жордания Н.* За два года. С. 35—36.

¹⁷ См.: *Avalishvili Z. Op. cit.; Zhordania N. My Life. Ch. V—VII;* Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919; *Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Cambridge, 1964. Pt II. V.*

¹⁸ *Kazemzadeh S.F.* Op. cit. P. 188—189; в работе Г. Уратадзе приводятся несколько иные цифры: *Уратадзе Г.* Образование и консолидация грузинской демократической республики. Мюнхен, 1956. С. 93—94.

¹⁹ *Kazemzadeh S.F.* Op. cit. P. 193—194, следуя отчету Министерства труда Грузии за 1920 г.

²⁰ *Драбкина У.* Указ. соч. С. 52.

²¹ *Махарадзе Т.* Указ. соч.; *Avalishvili Z.* Op. cit. Introduction.

²² Особенно Каутский, который посетил молодую Грузинскую республику и дал ей высочайшую оценку вместе с дружескими советами. См.: *Kautsky K.* Op. cit.

²³ См. воспоминания Джугели — командира Красной (впоследствии Национальной) гвардии: *Джугели В.* Тяжелый крест. Тифлис, 1920. Он ярко описал те чувства, которые испытывал, стоя посреди сожженного осетинского аула, предать который огню он должен был как социалист. См. также: *Жордания Н.* За два года. С. 71, 80—83, 201—204.

²⁴ «Наша дорога ведет к Европе, дорога России — к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: Я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!» (*Жордания*, из речи, напечатанной в газете: Слово. 1920. 16 янв.)

²⁵ См. мемуары первого посла Грузии в Москве: *Uratadze G.* Op. cit.

²⁶ Описание некомпетентности и низкого боевого духа регулярной армии "из первых рук", как и меньшевистских руководителей, возложивших все свои надежды на государственную машину см.: *Zhordania N.* My Life. P. 105—120; *Pipes R.* Op. cit. P. 239. Пайпс пишет о двухнедельной битве за Тифлис, но этого не подтверждают мемуары Жордания, который имел прямой доступ к информации и все причины подчеркнуть грузинское сопротивление.

²⁷ *Lewin M.* Lenin's Last Struggle. L., 1973.

²⁸ *Ibid.* Что касается отношения Троцкого, он здесь в виде исключения был вполне согласен со Сталиным, см.: *Trotsky L.* Between Red and White. Westpoint, 1922. О других свидетельствах, касающихся раскола между большевистскими лидерами см.: *Pipes R.* Op. cit. P. 228—238; см. также: гл. 6 §4.

²⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 367 (написано в марте 1921).

³⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356—362, 343—346, 595—598.

³¹ Цит. по: *Lang D.M.* Op. cit. P. 240. Мы не смогли проследить источник, но нам было сообщено, что похожий текст видели в еще неразобранной коллекции Анны Бурджины в Гуверовском институте (Личное сообщение профессора Мичиганского университета Р. Сунни).

³² Ленин обратился к этому непосредственно, когда начал одну из своих заметок словами "Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко..." (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356*).

³³ *Жордания Н.* За два года. С. 17. Книга содержит речи и заявления и была проверена и разрешена к печати самим Жордания.

³⁴ Там же. С. 55, 67, 117. Изложение, которое дает представление об отношении Жордания к крестьянству см. работу: *Каутский К.* Путь к власти. М., 1959. С. 114—115, 130—133.

³⁵ *Kautsky K. Georgia.* P. 68—69.

³⁶ *Жордания Н.* За два года. С. 5.

³⁷ Там же. С. 26. Временами Жордания относился к крестьянам как к "части буржуазии".

³⁸ Там же. С. 5.

³⁹ Там же. С. 6, 115—119.

⁴⁰ Там же. С. 117.

5. Ленин: революции

и постреволюционное государство

¹ Вот почему, не совсем можно сравнивать Ленина советских учебников с иконой, эти работы являются более примитивной формой агиографии. История христианских святых подразумевает искушение и сомнение, так же как и духовный рост после их преодоления. В стандартных биографиях Ленина всего этого нет и это делает их в такой же степени схематичными, как и скучными — плохая услуга человеку, к которому, каким бы он не был, современники никогда не относились равнодушно.

² Вопреки этим образам Ленин находился иногда, по его словам, в "болоте" (синоним "нерешительной середины" заимствованный из жизни французского Конвента), как в ходе дебатов 1905—1906 гг. по аграрной программе. Но он также хорошо знал стандартную армейскую мудрость: "В сражении приказы офицеров всегда должны быть решительными. Лучше, конечно, если они при этом еще и правильны".

³ См.: гл. 5 §3.

⁴ См.: гл. 1 §3 и, особенно, где говорится о брошюре А.Кремера "Об агитации".

⁵ *Kingstone-Mann E.* Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution. N.Y., 1983. P. 42.

⁶ См.: *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1, 2*, в которых содержатся работы Ленина с 1893 по 1897 г.; а также публицистику (Там же. Т. 4, 5 (1901)).

⁷ Там же. Т. 3. Можно назвать это рыночно-подчиненной моделью экономической трансформации России (впервые и лишь частично опубликованной в: Там же. Т. 1).

⁸ Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6.

⁹ Trotsky L. On Lenin. L., 1971. P. 59, 62.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7, 8, 9.

¹¹ Там же. Сравните с резолюцией II съезда РСДРП, оставшейся тогда в силе, которая полностью отрицала революционную сущность ПСР и прямо называла эту партию вредной для грядущей революции.

¹² Там же. Т. 10, 11, особенно "Две тактики".

¹³ О признании Лениным такого состояния дел в решающие месяцы — ноябре и декабре 1905 г. см. воспоминания Луначарского: Пролетарская революция. 1925. № 11. См. также: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18.

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21, 23.

¹⁵ Там же. Т. 27; Т. 23, 24, 25.

¹⁶ "С точки зрения рабочего класса... наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России" (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 6). А также: "кто объективно выигрывает от лозунга мира? Конечно не революционный пролетариат. И не идея использовать войну для того, чтобы ускорить коллапс капитализма" (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 209—265).

¹⁷ Ulam A. Lenin and the Bolsheviks. Glasgow, 1975. P. 394.

¹⁸ Особенно, когда Каутский и другие "почтенные мужи" Интернационала пытались решить по просьбе большевиков и меньшевиков запутанную проблему финансов РСДРП и допустимость "экспроприаций".

¹⁹ См.: Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37.

²⁰ Там же. Т. 31. С. 1—6, 99—110.

²¹ Ленин быстро отмежевался от "взглядов Парвуса", который был обвинен в том, что предлагал "перепрыгивать через стадии", а не "перерасти через них", что бы не означало это гимнастико-биологическое сравнение. Ничего не было сказано о призыве Троцкого 1907 г. к диктатуре пролетарского меньшинства, которое возглавит революционная партия, "опирающаяся" на массы крестьянства (но не рассматривающая его в качестве полноправного союзника). Сопоставление этого с реальной российской историей 1917—1928 гг. интересно.

²² Во время войны руководителем большевистской партии в Санкт-Петербурге и, de facto, во всей России был А.Шляпников, один из немногих лидеров партии — выходцев из рабочих. Он быстро ушел в тень, когда в столице появилась первая волна возвращающихся ссыльных, которые, в свою очередь, сами отошли на задний план, когда вернулись из эмиграции их товарищи. Шляпников остался в

составе Центрального комитета, возглавлял "пролетарскую оппозицию" в 1920 г. и погиб в годы сталинских чисток.

²³ Выражение "ошеломленные" не было преувеличением. На первой встрече большевистского ЦК точку зрения Ленина поддержала только один из его членов — Коллонтай. В течение нескольких дней ее приняли подавляющее большинство. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31; КПСС в резолюциях и решениях. М., 1953. С. 332—353; *Авдеев Н. и др.* Революция 1917 г. (хроника событий). М., Пг. 1923—1930. Живое описание этого периода, принадлежащее участнику этих событий см.: *Суханов Н.* Записки о революции. Берлин, 1922—1923.

²⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 17.

²⁵ Там же. С. 108.

²⁶ Там же. С. 110.

²⁷ См.: *Гуревич Г.* История советской Конституции. М., 1925; *Тинашев Н.* Проблема национального права в Советской России // *Современные записки.* Париж, 1926. № 29; *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. Cambridge, 1964; *Хармадсан С.* Ленин и становление Закавказской федерации. Ереван, 1969; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 256—262.

²⁸ *Levin M.* Lenin's Last Struggle. L., 1975.

²⁹ *Ibid*; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343—346. "Письмо к съезду", в котором написано: "Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами [т.е. рабочими и крестьянами. — *Т.Ш.*] не могло состояться соглашение" (Там же. С. 344).

³⁰ *Гейфтер М.* Страница из истории марксизма начала XX века // *Историческая наука и некоторые проблемы современности.* М., 1969. С. 22.

³¹ Начиная с "Двух тактик" (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 11), через "Две утопии" (Там же. Т. 22) и вплоть до декретов 1917 г. (Там же. Т. 32).

³² См. сн. 29.

³³ Свидетельства и обсуждение см.: *Shanin T.* Late Marx and the Russian Road. L., 1984.

³⁴ *Ibid.* P. 16—17, 111—114.

³⁵ В то же самое время Ленин отмежевался от взглядов о безусловности национальной автономии, территориальной или экстратерриториальной, горячо обсуждаемой в то время в европейском социал-демократическом движении (особенно среди "национальных" секций РСДРП).

³⁶ Обсуждение см.: *Sweezy P.* The Post-Revolutionary State. N.Y., 1980.

³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12 (IV съезд).

³⁸ См. также доклад Ленина на III конгрессе Коминтерна: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 1—161, 73—76; Т. 45. С. 362.

³⁹ Там же. Т. 12. С. 364, 366—367. См. также текст лекции, прочитанной в 1917 г. о революции 1905—1907 гг.: Там же. Т. 30. С. 310—314, 316, 322; Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. Гл. 5.

⁴⁰ Обсуждение прямого и косвенного воздействия Чернышевского на Ленина, см. интересную работу Н.Валентинова: *Valentinov N. (Volskii). The Early Years of Lenin. Ann Arbor, 1969.*

⁴¹ Двусмысленность ленинского отношения к "массам" по сравнению с "кадрами" оставалась неизменной на протяжении всего периода его политической зрелости. Автор работы "Что делать?", ориентированной на профессиональные партийные кадры, опубликованной в 1903 г., предложил в 1905 г. обеспечить обязательное пролетарское большинство в каждом местном партийном комитете. (См.: *Wolfe B.D. Three, Who Made a Revolution. Harmondsworth, 1962. P. 348—350.*) В том же самом году он и его фракция отнеслись с резким недоверием к Санкт-Петербургскому Совету как ненаправляемому партией (вследствие этого большевики проиграли выборы делегатов на IV съезд РСДРП). Позднее они, конечно, горячо поддерживали Советы. На протяжении всей своей жизни Ленин снова и снова на одном дыхании говорил и о замечательных творческих способностях масс и об опасностях быть затопленным "мелкобуржуазной стихией" выборных органов.

⁴² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343—348, 383—400.

⁴³ Там же. Т. 45. С. 376. В противоположность интерпретациям 1930-х годов он, совершенно очевидно, не имел в виду только производственные кооперативы.

⁴⁴ Там же. С. 357.

⁴⁵ См., например, гл. 4.

⁴⁶ Например: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 243, 245.

⁴⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 53—60; см. обсуждение: *Гейтнер М. Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 13—27.*

⁴⁸ Мы говорили о Ленине, его руководстве и его мышлении как оно выражалось в его главных работах, и в действии — в стратегиях, которые он принимал и отстаивал. "Ленинизм", — это совсем другой вопрос. Само это понятие изобрел после смерти Ленина Бухарин, чтобы услужить Сталину — своему будущему палачу. Современное описание ленинизма как "идеологическое название триумфального сталинизма" ближе к истине (*Garratano V. Stalin. Lenin and Leninism // New Left Review. 1977. N 103.*)

ПОСТСКРИПТУМ: ВОПРОСЫ ВЫБОРА

¹ Выражение заимствовано из работы Френсиса Бэкона "Novum Organum", стоящей у истоков основ современной эпистемологии.

² *Braithwaite R.B. Scientific Explanation. Cambridge, 1953. P. 93.* Более подробное изложение моих собственных взглядов см.: *Shanin T. The Rules of the Game: Models in Scholarly Thought. L., 1972.*

³ Такие трансформации особенно очевидны, когда сравниваются работы мастеров и их менее искусных или менее образованных интерпретаторов; взгляды Маркса на человеческое действие становятся экономическим детерминизмом; трактат Вебера о подъеме капитализма — религиозным монизмом; крестьянство для Чаянова оказывается лишенным связей с рынком и т.д.

⁴ *Bloch M. The Historian Craft. Manchester, 1954. P. 29.*

⁵ Дебаты о структурализме берут начало с рассуждений Дюркгейма о сущности социологии. С тех пор они меняли свою форму и различались по своему воздействию, но являются неотъемлемой частью современных социальных наук в их самом широком смысле. См., например, обсуждение этой проблемы Жаном Пиаже: *Piajet J. Structuralism. L., 1971.*

⁶ Современное "журналистское" использование термина "харизматический" нанесло особый вред тем, что было вырвано из контекста и вульгаризировало идеи Макса Вебера, связанные с этим термином.

⁷ У нас нет вполне удовлетворительного текста, где бы рассматривалась немецкая "критическая философия" и ее влияние на современность. Мы имеем здесь в виду ряд произведений таких авторов, как Кант, Фихте, Шиллер и ранний Гегель, продолженный работами младогегельянцев и неокантианцев.

⁸ Как хорошо изложил это (пусть даже иногда преувеличивая) Дж.М.Кейнс: "Идеи экономистов и политических философов, правы они или нет, гораздо более могущественны, чем это обычно осознается. На самом деле вряд ли миром правит что-либо еще. Прагматики, которые верят в свою свободу от интеллектуального влияния являются обычно рабами нескольких усопших экономистов" (*The Cultural Theory of Employment Interest and Money. L., 1946. P. 383.*)

⁹ "Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается... Традиции ушедших поколений живут, как ночной кошмар в мозгу живых" (*Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 119.*)

¹⁰ Дальнейшее обсуждение см.: *Shanin T. Class, State and Revolution: Substitutes and Realities // Introduction to the Sociology of "Developing Societies" / Ed. H.Alavi, T.Shanin. L., 1982. Примеры см.: Corrigan P., Sayer D. The Great Ark: English State Formation as Cultural History. Oxford. 1985.*

¹¹ *Ludvig von Bertalanffy*. General system theory: foundations, development, applications. London, 1971. Также *Beyond Reductionism in the Life Sciences // Albach Symposium / Ed. Koestler A., Smythies J.R.* London, 1972.

¹² Для анализа смотрите *Shanin T.* The Idea of Progress // The Post-Development Reader / Ed. M.Rahneman. London, 1997.

¹³ Неологизм этот отражает попытку противостоять неподатливости социологического языка при рассмотрении вопросов динамики. Два десятилетия назад, обсуждая крестьянское политическое действие я предложил термин "мера классовости". Его активное использование с тех пор оправдало его некоторую неэлегантность.

¹⁴ В том смысле, который вкладывал в это понятие К.Ясперс в своей работе "Истоки истории и ее цель". *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.

¹⁵ См., например: *Eliade M.* The Myth of the Eternal Return. N.Y., 1959; *Lowith K.* Meaning in History. Chicago, 1949.

¹⁶ См.: *Shanin T.* Russia as a "Developing Society". L., 1985. Ch. 5D.

¹⁷ *Sweezy P.* Socialism in poor Countries // Monthly Review. 1976. Oct. P. 3.

¹⁸ *Braudel F.* The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. L., 1973. Vol. II. P. 1241.

¹⁹ *Einstein A.* Why Socialism? // Monthly Review. 1951. Febr. P. 5—6, 8—9.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абелиани 503 (сн. 11)
Абрамов 105
Аввакум 466
Авдеев Н. 536 (сн. 23)
Авилов Б. 513 (сн. 24)
Авксентьев Н. 349, 350, 525 (сн. 13)
Аврех А. 381, 495 (сн. 19), 525 (сн. 15),
527 (сн. 24, 28), 528 (сн. 30, 33)
Азеф Е. 53, 349, 350, 352, 524 (сн. 1)
Аксельрод 49, 340, 343, 344, 349, 350,
412, 443, 446
Александр II 29, 301, 519 (сн. 11)
Александр III 38, 301, 303, 362, 364
Александров А. 493 (сн. 21)
Алексинский 442
Алиханов, генерал 104, 181
Анатольев П. 490 (сн. 5)
Аникин С. 199, 508 (сн. 25)
Антонов 524 (сн. 6)
Антонов-Овсеенко 400, 451 , 531
(сн. 20)
Анфимов А. 499 (сн. 39), 516 (сн. 27)
Ахун М. 492 (сн. 14)
Багров Д. 379, 380
Бакунин М. 59
Белокогонский И.П. 489 (сн. 8, 9, 18,
19), 490 (сн. 3), 491 (сн. 4), 499 (сн. 42)
Берия Л. 254, 425, 514 (сн. 7), 515
(сн. 13)
Бернштейн Е. 394
Бертоланфи 478
Бисмарк 10, 310, 367
Блимп 122
Блок М. 12, 227, 229, 299, 366, 470,
474, 519 (сн. 1)
Бобринский А. 99
Бобринский В., граф 46, 137
Богданов 351, 442
Богораз (см. также Тан) 511 (сн. 12)
Бойер О. 418
Бок М. 161, 501 (сн. 26), 526 (сн. 6),
528 (сн. 29)
Борисов 243
Бородин Н. 494 (сн. 3)
Брежнев 269
Брейтуэйг Р. 472
Брехт Б. 227, 522 (сн. 1)
Брешковская Е. 350, 352
Бродель Ф. 470, 485 (сн. 6)
Булгаков М. 21
Бульгин 77
Буршин 187
Бурьшкин П.А. 498 (сн. 33), 522
(сн. 41)
Бухарин 459, 463, 538 (сн. 48)
Буховец Н. 508 (сн. 31)
Бэкон Ф. 18, 298, 538 (сн. 1)
Бэран П. 383
Вайсберг И. 525 (сн. 15)
Валентинов Н. 537 (сн. 40)
Варзар В. 488 (сн.12), 491 (сн. 1), 494
(сн. 3), 498 (сн. 30)
Василевский Е. 507 (сн. 19), 508
(сн. 31)
Васильев А.А. 496 (сн. 7), 500 (сн. 12),
508 (сн. 25)
Васильев-Южин М.И. 506 (сн. 3),
516 (сн. 23)
Вацетис 318
Вебер М. 470, 474, 485 (сн. 6), 538
(сн. 3), 538 (сн. 6)
Великов Л. 489 (сн.22)
Веселовский В. 488 (сн.7,8), 497
(сн. 14), 500 (сн. 12), 501 (сн. 19, 23),
502 (сн. 37, 40), 503 (сн. 1, 5)
Витте С. 31, 56, 65, 86, 91, 98, 115,
119, 138, 165, 189, 232, 320, 363, 384,
485 (сн. 1), 487 (сн. 10), 490 (сн.1), 491
(сн.5), 526 (сн. 23), 528 (сн. 39)
Вихляев П. 236, 353, 510 (сн. 6)
Владимир, князь 362
Водоватов Ф. 504 (сн. 27)
Водозовов В. 493 (сн. 23), 494 (сн. 2,
29), 499 (сн. 42)
Волошин М. 291
Вольский 442
Воровский В. 498 (сн. 35)
Воронцов-Дашков И. 532 (сн. 9)
Врангель 323
Вулф Э. 145
Галилей 355
Гапон Г. 69, 490 (сн. 5)
Гарви П. 523 (сн. 27), 524 (сн. 31)
Гегель 444

- Гейден, граф 522 (сн. 10)
Гельфанд А. (см также Парвус)
Герасименко Г. 518 (сн. 10)
Герцен 404
Герценштейн М. 510 (сн. 3)
Гершензон 333
Гершенкрон А. 383
Гершуни Г. 53, 303, 349, 350, 352, 489 (сн.10), 494 (сн. 6)
Гессен В. 496 (сн. 7)
Гефтер М. 507 (сн. 18), 515 (сн. 16), 537 (сн. 30), 538 (сн. 47)
Гиббон 470
Гиммер Д. 494 (сн. 27)
Гиндин И. 489 (сн. 8)
Гинев В. 492 (сн.13), 501 (сн. 29), 511 (сн. 11), 524 (сн. 7)
Горемыкин 98, 102, 527 (сн. 20)
Горн Б. 502 (сн. 33)
Горький М. 189, 442, 466, 500 (сн. 8)
Гоц А. 53, 349, 349, 350, 354, 356, 358, 393
Гоц М. 52, 53
Граве Б. 488 (сн.7), 500 (сн. 11), 514 (сн. 4), 518 (сн. 2, 4)
Грамши А. 472
Громан В. 241, 243, 276, 504 (сн. 22), 505 (сн. 37), 506 (сн. 3), 506 (сн. 12), 512 (сн. 14, 16, 18)
Громыко М. 509 (сн. 34)
Грязнов, генерал 411
Гуревич Г. 536 (сн. 27)
Гурко В. 529 (сн. 39)
Гучков А. 58, 107, 446, 528 (сн. 25)
Дан Ф. 330, 337, 346, 347, 522 (сн. 4), 523 (сн. 17, 26, 33)
Данилов В.П. 504 (сн. 20, 22), 509 (сн. 34)
Дейчер И. 330, 400, 531 (сн. 17)
Деникин А. 316, 317, 460, 521 (сн. 33)
Джибдадзе 407
Джугели В. 533 (сн. 23)
Дзержинский 318, 423
Диллон 527 (сн. 121)
Дойчер 21
Долгорукие, князья 114
Долгоруковы, братья 57
Драбкина Е. 532 (сн. 14) 533 (сн. 20)
Дроздов А. 514 (сн. 6)
Дубасов 88, 104, 502 (сн. 31)
Дубровский С. 146, 152, 220, 248, 250, 251, 253, 260, 261, 262, 263, 281, 282, 283, 286, 287, 296, 488 (сн.7), 500 (сн. 11, 12), 501 (сн. 17), 505 (сн. 30), 508 (сн. 31, 32), 509 (сн. 1), 514 (сн. 4, 8), 515 (сн. 18), 516 (сн. 29, 31), 518 (сн. 2, 3, 4), 519 (сн. 3), 526 (сн. 12, 14), 528 (сн. 41)
Дурново П. 92, 163, 230, 375, 377, 378, 493 (сн.22), 505 (сн. 32), 527 (сн. 20)
Дякин В. 380, 489 (сн.8), 521 (сн. 39), 526 (сн. 3, 10), 527 (сн. 19, 21), 528 (сн. 32, 42)
Екатерина II 144, 406
Ермолов 77
Жданов, полковник 105
Желябов А. 350
Живолуп Е. 500 (сн. 15), 502 (сн. 41)
Жордания Н. 181, 243, 303, 390, 403, 404, 406, 409, 410, 411, 412, 416, 420, 422, 425, 426, 427, 428, 429, 498 (сн. 25), 515 (сн. 16), 532 (сн. 4, 13), 533 (сн. 14, 23, 24), 534 (сн. 33, 36, 37)
Заварзин П. 488 (сн.11)
Зайцев А. 521 (сн. 32)
Запорожец 435
Засулич В. 348, 520 (сн. 11)
Затерянный Г. 504 (сн. 12, 13)
Зензинов В. 348
Зенковский А. 378, 528 (сн. 26)
Зиновьев 451
Знаменский О. 521 (сн. 34)
Зубатов, полковник 41, 310, 488 (сн.11), 520 (сн. 14)
Зубрилин 186
Иван Грозный 387, 430
Иоффе 531 (сн. 21)
Кабанов П. 498 (сн. 29)
Кавелин 332
Каландадзе В. 497 (сн. 25), 503 (сн. 12)
Каладзе А. 503 (сн. 9)
Каменев 449, 451, 463
Карпов Н. 526 (сн. 10)
Карахан 531 (сн. 21)
Каутский К. 25, 30, 131, 238, 269, 272, 280, 295, 339, 340, 352, 392, 404, 413, 426, 427, 434, 444, 447, 486

- (сн. 9), 498 (сн. 32), 511 (сн. 13), 519 (сн. 1), 529 (сн. 3), 533 (сн. 19), 534 (сн. 34)
- Кафод А. 527 (сн. 14)
- Кейнс Дж. М. 539 (сн. 8)
- Келлер В. 518 (сн. 9)
- Керенский Ф. 350
- Кибальчич Н. 21, 350
- Ким М.П. 504 (сн. 20, 22)
- Кирпичников С. 491 (сн.8), 498 (сн. 34)
- Кирюхина Е. 193, 196, 504 (сн. 23), 505 (сн. 31, 35, 38, 40), 506 (сн. 8)
- Клибанов А. 509 (сн. 34)
- Ключевский 121. 470
- Ковальченко И. 515 (сн. 10)
- Коковцев В. 336, 375, 388, 527 (сн. 22)
- Колесниченко Д. 507 (сн. 21)
- Коллонтай 401, 451, 536 (сн. 23)
- Колчак 323, 460
- Коновалов 324
- Константин, Великий князь 507 (сн. 16)
- Корнилов 451
- Красин 435
- Кремер А. 48, 488 (сн.4), 523 (сн. 28)
- Кржижановский 435
- Кривошеина Е. 492 (сн.15)
- Крупская 435
- Крыжановский С. 493 (сн.20), 495 (сн. 10, 20), 525 (сн. 14, 1), 526 (сн. 2), 527 (сн. 23)
- Крылов, полковник 181
- Курлов П. 379
- Кутлер 98, 138
- Кхеидзе М. 497 (сн. 25)
- Лаверычев В. 523 (сн. 15)
- Лавров Н. 501 (сн. 21)
- Ларин Ю. 494 (сн. 6)
- Ларионов 513 (сн. 24)
- Лацис 318
- Ле Рой Ладюри Е. 277
- Левин М. 453
- Лейкина-Свирская В. 487 (сн. 5), 491 (сн.8), 492 (сн.13), 498 (сн. 35), 522 (сн. 43)
- Ленин В. 10, 32, 33, 46, 49, 55, 110, 112, 113, 121, 175, 210, 211, 240, 242—251, 255, 256, 259, 260, 265, 268—271, 303, 339—341, 343, 345, 349, 350, 355, 358, 359, 366, 380, 390, 412, 415, 424, 429, 430—444, 446—453, 456—469, 485 (сн.3), 486 (сн. 8), 487 (сн. 11), 489 (сн. 7), 492 (сн. 13), 494 (сн. 5), 496 (сн. 2), 497 (сн. 21), 502 (сн. 33), 503 (сн. 6), 506 (сн. 10), 508 (сн. 27, 31), 512 (сн. 19, 21), 513 (сн. 1, 27, 28, 30), 514 (сн. 1), 515 (сн. 22), 517 (сн. 11), 523 (сн. 19, 22), 524 (сн. 1), 528 (сн. 231), 529 (сн. 3), 530 (сн. 11), 531 (сн. 2, 29, 30, 32), 535 (сн. 6, 8, 10, 13, 14, 16, 19), 536 (сн. 21, 23, 24, 29), 537 (сн. 35, 37, 38, 42), 538 (сн. 46, 47)
- Леонтьев А. 527 (сн. 13)
- Лещенко М. 284, 504 (сн. 28), 516 (сн. 28)
- Либкнехт 448
- Лист Ф. 10, 31, 383, 384, 487 (сн. 10)
- Лозанова А. 509 (сн. 38)
- Луначарский А. 241, 400, 442, 531 (сн. 22), 535 (сн. 13)
- Лурье Л. 519 (сн. 2, 9)
- Лэйн Д. 519 (сн. 9)
- Люксембург Р. 60, 340, 392, 393, 448, 459, 512 (сн. 18), 523 (сн. 20)
- Лядов 62, 442, 488 (сн. 3, 4, 6), 489 (сн. 7), 490 (сн.25)
- Лященко П. 487 (сн. 3)
- Мавродин В.В. 500 (сн. 6)
- Мазуренко С. 172, 236, 513 (сн. 23)
- Макиавели 468
- Маклаков 334
- Малиновский Р. 524 (сн. 1)
- Мальявский А. 518 (сн. 10)
- Мануильский 400
- Мао 128, 429, 476
- Маркс К. 10, 29, 36, 134, 298, 413, 426, 427, 434, 457, 458, 470, 474, 477, 482, 486, 505 (сн. 44), 523 (сн. 18), 528 (сн. 3), 539 (сн. 9)
- Мартов Ю. 32, 48, 49, 55, 121, 134, 258, 262, 303, 340, 341, 343, 344, 345, 346, 349, 350, 358, 446, 452, 466, 485 (сн. 2), 487 (сн. 5), 491 (сн. 7, 9), 492 (сн. 12), 493 (сн.16, 20), 497 (сн. 20, 24), 498 (сн. 26), 499 (сн. 37), 502 (сн. 33), 507 (сн. 13, 16), 515 (сн. 22)
- Мартынов 489 (сн.15), 513 (сн. 25), 529 (сн. 3), 531 (сн. 20)

- Маслов П. 210, 262, 276, 345, 491 (сн.7, 9), 492 (сн.12), 493 (сн.16, 20), 497 (сн. 20, 24), 498 (сн. 26), 499 (сн. 37), 500 (сн. 12), 501 (сн. 21, 23, 29), 502 (сн. 33, 40, 42), 504 (сн. 125), 505 (сн. 30, 36), 507 (сн. 13, 15), 508 (сн. 24, 27, 30, 31), 515 (сн. 22)
 Мах 443
 Махарадзе П. 407, 423, 424, 503 (сн. 9), 533 (сн. 14, 21)
 Махно 318
 Мдивани 424
 Менжинский 318
 Мертон Р. 22
 Мещерский В., князь 376
 Мид Дж. 474
 Микадо 67
 Микстер Т. 504 (сн. 24)
 Миллз 470
 Миллюков П. 58, 133, 335, 491 (сн.8), 498 (сн. 34), 510 (сн. 4), 522 (сн. 5)
 Мин, генерал 104
 Мирский 67, 68
 Михаил, князь 39
 Михайлов А. 350
 Михайлова В. 508 (сн. 31)
 Михайловский 325
 Мицкевич С. 491 (сн.8)
 Мишле 470
 Молотов 449
 Морозов 323
 Мороховец Е. 260, 286, 501 (сн. 30), 504 (сн. 14, 27, 28), 514 (сн. 5), 515 (сн. 14, 19), 516 (сн. 30), 518 (сн. 7)
 Муромцев С. 522 (сн. 43)
 Мухин В. 506 (сн. 1)
Наполеон III 98
 Натансон М. 350
 Наумов А. 332, 522 (сн. 7)
 Невский В. 490 (сн. 5), 491 (сн. 2, 7, 11), 493 (сн. 25), 494 (сн. 27), 497 (сн. 20, 24), 501 (сн. 20), 525 (сн. 20)
 Нидхем Дж. 354
 Николай I 301
 Николай II 488 (сн.11)
 Николай Николаевич, Великий князь 86
 Нильве В. 508 (сн. 31)
Обнинский В. 90, 491 (сн.7), 493 (сн.19, 20, 22), 495 (сн. 10, 12), 496 (сн. 5, 10), 497 (сн. 14, 18)
 Ордженикидзе С. 422
Павел I 406
 Павлов И. 504 (сн. 19)
 Павлович М. 490 (сн.2)
 Пайпс 533 (сн. 26)
 Панкратова 123, 124, 295, 296, 491 (сн. 7), 492 (сн. 15), 518 (сн. 2)
 Парвус (А.Гельфанд) 270, 392—397, 530 (сн. 7, 11, 13), 531 (сн. 14), 536 (сн. 21)
 Пастернак Б. 13, 303, 519 (сн. 10)
 Переверзев В. 492 (сн.15)
 Перрье М. 105, 519 (сн. 9)
 Першин 262, 516 (сн. 25)
 Петерс 318
 Петр I 225, 430
 Петр III 144
 Петров В. 492 (сн.14), 496 (сн. 10)
 Петрункевич И. 57
 Пешехонов А. 143, 236, 499 (сн. 3)
 Писарев А. 493 (сн.17)
 Плеве В. 40, 65, 67
 Плеханов Г. 47, 49, 130, 241, 244, 250, 269, 271, 272, 280, 339, 340, 343, 349, 350, 357, 391, 412, 434, 437, 446, 459, 465—467, 494 (сн. 5), 529 (сн. 3)
 Победоносцев К. 526 (сн. 19)
 Покровский М. 248, 492 (сн. 16), 514 (сн. 3)
 Половцев А. 496 (сн. 9)
 Попырина А. 503 (сн. 1)
 Потресов А. 349, 357, 435, 446, 491 (сн.3, 7, 9), 492 (сн. 12), 493 (сн.16, 20), 497 (сн. 20, 24), 498 (сн. 26), 499 (сн. 37), 502 (сн. 33), 507 (сн. 15), 515 (сн. 22)
 Прокопович С. 260, 285, 286, 287, 500 (сн. 10), 501 (сн. 16, 21, 23), 518 (сн. 6), 520 (сн. 20, 22), 521 (сн. 23)
 Пугачев 143, 144, 225
 Путилов 323
 Пушкарева И. 492 (сн.15)
 Пэарс Б. 493 (сн.24)
Радск 459
 Радченко 435
 Разин 225
 Ракитников Н. 253, 353, 501 (сн. 29)

- Ракитникова И. 253
 Рамашвили 407
 Распутин 20
 Ренненкампф 104
 Рикардо 384
 Риккерт 485 (сн. 6)
 Рихтер, капитан 120
 Робеспьер 466
 Робинсон Г.Т. 515 (сн. 21)
 Рожков Н. 243, 512 (сн. 21), 513 (сн. 24)
 Романовы 102, 295
 Румянцев П. 523 (сн. 25)
 Рэдки О.Х. 524 (сн. 3)
 Рябушинский 324
 Савинков Б. 323, 349
 Салтыков-Щедрин 123
 Сартр 474
 Сверчков Д. 491 (сн.8)
 Семенюта П. 494 (сн. 3)
 Сенчакова Л. 501 (сн. 24)
 Сергей, Великий князь 76
 Симонова М. 487 (сн. 3), 489 (сн.18),
 499 (сн. 39), 500 (сн. 14), 501 (сн. 28),
 504 (сн. 24), 505 (сн. 43), 507 (сн. 22),
 518 (сн. 4)
 Скворцов-Степанов 248
 Скотт Дж. 509 (сн. 37)
 Слетов С. 52, 349, 357, 446, 489
 (сн.10, 11)
 Смирнов А. 495 (сн. 17, 18), 507 (сн. 23)
 Смирнов И. 500 (сн. 6)
 Смирнова С. 493 (сн.20)
 Смит А. 383, 384
 Соловьев Ю. 489 (сн.9), 490 (сн.3), 494
 (сн. 2), 499 (сн. 39), 521 (сн. 37), 522
 (сн. 7), 522 (сн. 10), 525 (сн. 15, 17)
 Сорокин А. 490 (сн. 2)
 Спектор И. 486 (сн. 2)
 Спиридович А. 352, 488 (сн. 1, 5), 489
 (сн. 11, 12), 492 (сн. 12, 14), 494 (сн.
 7), 496 (сн. 10), 510 (сн. 5), 511 (сн. 9).
 524 (сн. 4)
 Сталин И. 243, 249, 265, 268, 269,
 407, 419, 422—424, 449, 463, 532 (сн.
 11), 534 (сн. 28), 53840 (сн. 48)
 Станкевич В. 497 (сн. 24)
 Стишинский 374
 Стеклов Ю. 248
 Столыпин П. 10, 32, 96, 102, 103, 104,
 105, 106, 107, 108, 113, 120, 138, 165,
 230, 272, 367—370, 371, 373—380,
 382, 383, 385—389, 450, 451, 458, 495
 (сн. 16), 502 (сн. 35), 510 (сн. 1), 521
 (сн. 36), 526 (сн. 5, 7, 8, 10, 11), 527
 (сн. 20), 528 (сн. 36)
 Страбон 404
 Струве П. 51, 303, 333, 337, 435, 522
 (сн. 9)
 Струмилин С. 512 (сн. 18)
 Студенцов А. 254, 501 (сн. 25, 29),
 506 (сн. 11), 514 (сн. 12), 516 (сн. 23)
 Суизи П. 131
 Сунь Ят-Сен 445
 Суханов Н. 531 (сн. 22), 536 (сн. 23)
 Сухотин Н. 109, 112, 121, 306
 Сушкин Т. 502 (сн. 32), 506 (сн. 9)
 Тан (Богораз) 236, 503 (сн. 1), 505
 (сн. 37), 506 (сн. 3, 7), 507 (сн. 20), 521
 (сн. 25)
 Тарновский Е. 62, 490 (сн. 24)
 Тарновский К. 514 (сн. 10)
 Тинашев Н. 536 (сн. 27)
 Ткачев 353, 466
 Толмачев, полковник 181
 Толстой Д. 525 (сн. 19)
 Толстой Л. 25, 72, 120, 189, 490
 (сн. 8), 522 (сн. 43)
 Томпсон Е.П. 509 (сн. 37)
 Трапезников С. 510 (сн. 1), 514
 (сн. 10)
 Трепов Д. 77, 85, 86, 88, 123, 377, 378
 Третьяков 324
 Тропин В. 251, 253, 254, 260, 261,
 281, 286, 287, 500 (сн. 14) , 501
 (сн. 29), 510 (сн. 1), 510 (сн. 5), 514
 (сн. 8), 515 (сн. 17), 516 (сн. 24), 518
 (сн. 8)
 Тропина Н.В. 504 (сн. 20, 22)
 Троцкий Л. 11, 234, 270, 319, 391,
 393, 395—398, 399, 400, 402, 403, 422,
 443, 446, 451, 463, 493 (сн.16) , 496
 (сн. 11), 497 (сн. 13), 530 (сн. 9, 10, 14,
 17), 534 (сн. 28), 536 (сн. 21)
 Трубецкой Е. 522 (сн. 45)
 Трубецкой, князь 137, 326
 Тыркова 334
 Тышко 60
 Уншлихт 318
 Уратадзе Георгий 177, 503 (сн. 9,
 10), 533 (сн. 18)

- Урицкий 318, 531 (сн. 21)
Ущерович С. 497 (сн. 15)
Фейербах 474
Фингер В. 520 (сн. 11)
Фини-Енотаевский 512 (сн. 21)
Фольмар 394
Франко 382
Фрейд 473
Фукидид 470
Хатсушвили Я. 516 (сн. 27)
Хармадсан С. 536 (сн. 27)
Хильдермейер М. 356
Хомейни 382
Христов В. 509 (сн. 34)
Хрусталева-Носарь Г. 493 (сн.17)
Цервадзе 503 (сн. 9)
Церетели 358, 407
Чаянов 538 (сн. 2)
Черменский Е. 489 (сн. 8), 490 (сн. 3),
493 (сн. 24), 494 (сн. 7), 498 (сн. 33),
525 (сн. 15)
Чернов В. 52, 53, 236, 349, 350, 352,
353, 354, 358, 400, 446, 489 (сн.10),
510 (сн. 6), 524 (сн. 6, 7)
Черномордик Е. 492 (сн.15), 494
(сн. 27)
Чернышев И. 344, 508 (сн. 23), 521
(сн. 24, 26), 524 (сн. 30)
Чернышевский 61, 432, 452, 462, 466
Чичерин Б. 332, 400
Чухнин 104
Чхеидзе К. 178, 407, 427
Шанцер 442
Шаховской М., князь 525 (сн. 16)
Шванебах П. 494 (сн. 2)
Шекспир 402
Шестаков С. 165, 210, 244, 248, 249,
250, 497 (сн. 19), 499 (сн. 40), 501
(сн. 22), 502 (сн. 36), 504 (сн. 22), 506
(сн. 12), 508 (сн. 27), 513 (сн. 23), 514
(сн. 3)
Шидловский С. 527 (сн. 22)
Шингарев А. 510 (сн. 4)
Шипов Д. 57, 58, 107
Шляпников А. 535 (сн. 22)
Шмидт, лейтенант 92
Щербак А. 188, 504 (сн. 22, 23)
Щербаков А. 490 (сн.25), 492 (сн.13)
Энгельс Ф. 238, 280, 539 (сн. 9)
Эйнштейн А. 484
- Эммонс 303
Юдовский В. 511 (сн. 11)
Якобий М. 512 (сн. 15)
Яковлев Н. 493 (сн. 26)
Ясперс 479, 539 (сн. 12)
- Alavi H. 487 (сн. 1), 509 (сн. 36), 539
(сн. 10)
Aya R. 487 (сн. 1)
Avalishvili Z. 532 (сн. 14, 17), 533
(сн. 21)
Aurich P. 500 (сн. 8), 509 (сн. 38)
Berger J. 509 (сн. 35)
Bernstein P.L. 485 (сн. 6)
Bloch M. 485 (сн. 5), 510 (сн. 3), 519
(сн. 1), 538 (сн. 4)
Bloom J. 500 (сн. 7)
Braithwaite R.V. 538 (сн. 2)
Braudel F. 539 (сн. 16)
Carlyle T. 523 (сн. 23)
Cipolla C.M. 500 (сн. 2)
Cohen A.S. 487 (сн. 1)
Conroy M.S. 528 (сн. 27)
Corrigan P. 539 (сн. 10)
Dmytryshyn B. 493 (сн.18)
Deutsher I 519 (сн. 3), 522 (сн. 3), 530
(сн. 7), 531 (сн. 19)
Dunayevskaya R. 531 (сн. 17)
Einstein A. 539 (сн. 17)
Eliade M. 539 (сн. 13)
Emmons T. 519 (сн. 9), 522 (сн. 14)
Fairbank J.K. 525 (сн. 9)
Foster G.M. 509 (сн. 35)
Goff, J. le 500 (сн. 2)
Gurko V. 496 (сн. 6), 497 (сн. 22), 510
(сн. 3), 526 (сн. 1)
Haimson L. 488 (сн.3), 489 (сн.17), 495
(сн. 19), 498 (сн. 28), 507 (сн. 22), 519
(сн. 8), 520 (сн. 16, 18, 19), 521 (сн. 29,
36, 37), 523 (сн. 21, 24 , 27), 524
(сн. 29), 525 (сн. 18)
Halliday F. 479 (сн. 4)
Hildermeier M. 524 (сн. 7), 525 (сн.
12)
Hobsbawm E. 485 (сн. 1), 509 (сн. 36,
38), 517 (сн. 6)
Hosking G. 495 (сн. 19)
Kafod A. 527 (сн. 14)
Kautsky K. 511 (сн. 13), 523 (сн. 19),
531 (сн. 1), 533 (сн. 14), 534 (сн. 35)

- Kazemzadeh S.F. 533 (ч. 14, 18, 19)
Keep J.H.C. 488 (ч.3)
Kenez P. 521 (ч. 31)
Kingston-Mann T. 535 (ч. 5)
Konez P. 522 (ч. 40)
Ladurie E. 509 (ч. 35), 516 (ч. 33)
Lane D. 492 (ч. 13)
Lang D.M. 533 (ч. 14), 534 (ч. 31)
Lehmann V. 530 (ч. 8)
Levin A. 495 (ч. 17), 536 (ч. 28)
Lewin M. 534 (ч. 27)
Longworth P. 500 (ч. 5, 6), 509 (ч. 38, 39)
Lowith K. 539 (ч. 13)
Manheim A. 519 (ч. 6)
Manning R. 510 (ч. 2)
Marx K. 518 (ч. 1)
Merton R. 485 (ч. 4)
Mitchel M. 485 (ч. 6)
Needham J. 525 (ч. 9)
Owen L. 510 (ч. 1)
Pares B. 493 (ч.24), 501 (ч. 21), 502 (ч. 39)
Parvus A. 530 (ч. 8)
Perrie M. 492 (ч.13), 495 (ч. 13,14), 505 (ч. 29), 511 (ч. 7, 10), 516 (ч. 26), 517 (ч. 32), 519 (ч. 4), 521 (ч. 23), 530 (ч. 6)
Petrusha R. 498 (ч. 28)
Piaget J. 538 (ч. 5)
Pipes R. 522 (ч. 8), 523 (ч. 13), 536 (ч. 27)
Radkey O.H. 510 (ч. 6), 524 (ч. 7)
Robinson G.T. 520 (ч. 20), 527 (ч. 14)
Rosenberg W.G. 522 (ч. 6), 523 (ч. 12, 14)
Sanders J. 498 (ч. 34)
Sayer D. 539 (ч. 10)
Schapiro L. 530 (ч. 10)
Scott J.C. 500 (ч. 4), 505 (ч. 42)
Seton-Watson H. 491 (ч.7)
Shanin T. 485 (ч. 2, 4, 7), 486 (ч. 4, 6), 487 (ч. 1, 2, 4, 10), 488 (ч. 2), 489 (ч. 23), 496 (ч. 3), 498 (ч. 31), 505 (ч. 42), 506 (ч. 1), 509 (ч. 35, 37), 510 (ч. 2), 517 (ч. 2, 8), 519 (ч. 5, 7), 521 (ч. 27), 522 (ч. 42), 524 (ч. 2), 525 (ч. 10), 527 (ч. 13, 16), 528 (ч. 35, 37), 530 (ч. 5), 537 (ч. 33), 538 (ч. 2? 10), 539 (ч. 14, 18)
Shapiro J.S. 502 (ч. 43)
Simmons E. 511 (ч. 6), 524 (ч. 7)
Stites R. 519 (ч. 11)
Stockpol T. 486 (ч. 6), 487 (ч. 1), 517 (ч. 5)
Stone N. 485 (ч. 1), 486 (ч. 6)
Strada V. 509 (ч. 38)
Struve P. 522 (ч. 8), 523 (ч. 13)
Sweezy P. 539 (ч. 15)
Teng S. 525 (ч. 9)
Thompson E.T. 490 (ч.7), 500 (ч. 4)
Tilly C.L. 487 (ч. 1)
Tilly R. 487 (ч. 1)
Timberlake C. 522 (ч. 5, 8)
Trotsky L. 530 (ч. 12), 531 (ч. 5, 16, 18), 535 (ч. 9)
Ulam A. 535 (ч. 17)
Uratadze G. 532 (ч. 3), 533 (ч. 14)
Venturi F. 524 (ч. 2)
Von Laue 526 (ч. 21)
Wada H. 508 (ч. 34)
Weller R.P. 517 (ч. 5)
Wolf E.R. 500 (ч. 9), 509 (ч. 35, 36), 517 (ч. 5, 6, 7)
Wolfe B.D. 537 (ч. 41)
Yaney G. 529 (ч. 43)
Zeman Z. A. B. 529 (ч. 7), 530 (ч. 8)
Zhordaniya N. 529 (ч. 2), 532 (ч. 3, 6, 9, 12), 533 (ч. 14, 15, 17, 26)

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Автономисты** 212
- Аграрная социалистическая лига** 52, 53
- Административная реформа** 372—374, 384—386
- Армия**
- в русско-японской войне 66—67
  - и Московское вооруженное восстание 95
  - и революция 1905—1907 гг. 111—112, 117, 294, 322—323
  - и самодержавие 65—66, 115—117
  - и смертная казнь 89—90
  - мятежи в 80, 84, 88, 89, 94, 103, 109, 117
  - организация 116—117
  - офицеры в 117
  - реформа 96
  - Союз офицеров 84, 117
- Армяне** 125
- Белые (в гражданской войне 1917—1921 гг.)** 315—317, 323, 335
- "Беседа" 45, 51, 56
- Большевики**
- в Грузии 418, 419, 420—423
  - Жордания и 426
  - и аграрная реформа 243
  - и буржуазная революция 342
  - и крестьянское восстание 241—243, 245, 246, 251—253, 255—258
  - и раскол социал-демократов 55, 340—341
  - и создание Советов 135
  - Красная гвардия и 415
  - Ленин и 32—33, 434, 440—442, 448—449
  - поддержка 84, 310—311
  - после революции 1905—1907 гг. 314, 335, 342—343, 389—390
  - Троцкий и 401
- Бунд** 56
- Бунты** 143, 144
- Буржуазия** 131
- буржуазная революция 55, 111, 294, 342
  - взгляды Ленина на 438
  - взгляды Парвуса на 395
  - взгляды Троцкого на 397
  - в период революции 1905—1907 гг. 342
  - и социал-демократы 294
  - см. также капиталисты
- Бюрократия** 65, 321—322
- Великобритания** 118
- турецко-грузинский конфликт 416—417
- Военно-морской флот** 80, 88—89, 94, 103, 109, 117
- поддержка самодержавия 117
- Военно-полевой суд** 104, 105
- Вольница** 143
- Всероссийский крестьянский союз** 90, 94, 146, 163, 172, 173—174, 192—199, 204, 210
- в Сумах 188—189
  - критика 210—211, 249
  - основание 159
  - распад 197—198
  - рост 192—193
  - состав 195—196
  - съезды 204—206, 244
  - членство в политических партиях 196
- Всероссийский союз железнодорожных служащих** 84
- "альтернативность" 478—479
  - антисемитизм 87—88, 127
- Второй интернационал** 46—47, 54—55
- и ортодоксальный марксизм 391—392
  - Ленин и 464
  - Троцкий и 391—392
- Выборы** 97—101
- бойкот 97—101
  - женщины и 204—205, 219
  - крестьяне и 80, 198—200, 204—206, 207, 211—212
- Вятская губерния** 173—175
- Германия**
- и турецко-грузинский конфликт 416
  - социал-демократическая партия в 393, 394

- Города
- влияние на борьбу в деревне 111—112, 166—169, 250, 258—262, 280—282
  - восстания в 88—89, 94—96, 104—105, 129—135
  - и землевладение 168—169
  - "политические преступления" в 61—62
- Государство (Российское самодержавие)
- враги 109—113
  - и военный кризис 65—68
  - и крестьянские лидеры 229—236
  - и Совет объединенного дворянства 361—364
  - кадеты и 331—334
  - конфликт с 64—65
  - крестьяне и 204—209, 274
  - отклик на политические напряжения 12—43, 77—78, 80—84, 86, 90—93, 96—97
  - преступления против 61—63, 90—91
  - реакция против 72—80, 83—91
  - реакция на крестьянские бунты 153—155, 157, 161—164
  - репрессии 68, 69—72, 90—92, 104
  - см. также самодержавие
- Государственный совет 96, 97
- аграрная реформа 367—372, 385—388
  - административная реформа 368—372, 386—388
  - крестьяне и 313
  - Ленин и 445
  - поражение 373—383
  - столяпинские реформы 31, 105—108, 214, 226, 353—356, 366—375
  - цели 366—367
- Гражданская война (1917—1921) 315—319, 335
- Грузия
- правление большевиков в 421—425
  - и китайский опыт 428—429
  - и конфликт с Турцией 416
  - история 404—416
  - независимость 416—421
- меньшевики в 407—414, 417—421, 425—427
  - и национальная проблема 420—421
  - крестьяне в 427—429
  - крестьянские беспорядки в 148—150, 154, 157—158
  - социал-демократы и 390, 407—409
  - рабочий класс в 425—426
  - аграрные реформы Жордания и 417—418
  - см. также мятежи в Гурии
- Группа "Искры" 49, 54, 389, 395, 436, 456, 489 (сн. 7), 515 (сн. 16)
- Группа Освобождение труда 47, 391—392
- Гурия
- мятежи 176—182, 184, 249, 292, 427—429
  - РСДРП в 407—408
- Дворянство
- и политические организации 50
  - землевладение и 97—98, 137—138
  - кризис 136—137
  - см. также Совет объединенного дворянства, помещики
- Деревня
- влияние городской борьбы на 111, 166—169, 250—252, 258—262, 280—282
  - волнения в (см. также крестьяне, крестьянские волнения)
- Детерминизм и история 472—474
- Думы 86, 93
- Вторая Дума 105—108, 213, 214—215
    - роспуск 108
    - состав 107—108
  - крестьяне и 203—204, 211—215
  - новое законодательство и 97
  - оппозиция 83
  - Первая Дума 80, 83, 97—104, 211, 320
    - земельная реформа 102—104, 166
    - роспуск 104—105
  - петиции 146—147, 216—224
  - Третья Дума 207, 215

- Трудовая фракция 101, 176, 199, 212, 213, 214, 215
  - взгляд Троцкого на 399
- см. также выборы
- Духовенство 79, 106
- Евреи
  - и социал-демократы 56, 127
  - отношение к 87—88, 127, 205, 307
  - роль в революции 177
  - столыпинские реформы и 374, 376
- Жаке́рия** 140—169
  - см. также крестьянские беспорядки
- Железнодорожные рабочие
  - забастовки 84—85, 95, 159
  - Союз железнодорожных служащих 84
- Женщины
  - в годы революции 304—305, 519 (см. 11)
  - голосование 204, 219
- Забастовки**
  - в годы революции 1905—1907 гг. 74—76, 77—78, 94—95, 98—100, 103, 109, 129
  - в промышленности 41—42, 89—90, 95, 311
  - всеобщие забастовки 84—85, 87, 94, 95
  - до революции 1905—1907 гг. 41—42, 66—67
  - железнодорожных рабочих 84—85, 95
  - интенсивность (карта) 122
  - политические забастовки 93—95, 129
  - рабочего класса 129, 311
  - санкт-петербургская забастовка 93—95
  - сельские забастовки 84—85, 151—152, 157, 162—165, 207
- Закавказье 420—421
  - Объединенный социал-демократический комитет 407
  - парламент 410
  - политические организации в 414—415
- Закрепощение 144, 145
- Земля
  - и крестьяне 88, 98, 101, 106, 168—169, 212—214, 243—245
  - национализация 242—245, 264—265
  - право собственности на землю и дворянство 97, 137—139, 138—139
  - социализация 353—354, 355, 399
  - Столыпин и 102—104, 369—372
- Земства
  - в столыпинских реформах 373
  - конференция 56—57
  - конфликт с властями 50—51
  - преследование 64
  - протест 76, 78
- Избирательный закон** 86, 96—97
  - после Второй Думы 108, 207
  - Столыпин и 105—106, 374—375
- Интеллигенция
  - акции протеста 75—76, 90
  - возраст 302—303
  - ответственность в годы революции 61, 294
  - и крестьянские восстания 154—155, 230—238
  - и революция 1905—1907 гг. 112, 133—134, 325—326
  - и Союз союзов 132—134
  - и студенты 38—39
  - нападки кадетов на 333—334
  - роль в партийном строительстве 44, 61
- История
  - выбор в 478—479
  - "диалектизация" в 476, 484
  - интерпретация в 268—271
  - и социальные институты 476—479
  - терпимость эпистемологическая и 482—483
- Кавказ** 125
- КазакИ 143, 215
- Кадеты, см. конституционные демократы
- Капиталисты 76, 131
  - после 1905—1907 гг., см. также буржуазию 323—324
- Китай
  - взгляды Ленина на 445—446
  - и опыт Грузии 428—429

- Класс, см. общественный класс
- Коллективизация 271
- Конституционные демократы (кадеты) 58, 61, 93, 98, 101, 107, 302
- боевой дух 130
  - в Думах 99—100, 107
  - взгляды Троцкого на 397, 399
  - грузинские меньшевики и 412—414
  - и Витте 92
    - идеология 331—335
    - и крестьяне 211, 212, 252
    - и Союз союзов 132—134
    - Ленин и 438
  - после революции 1905—1907 гг. 331—337, 365
- Консультации, касающиеся нужд сельского хозяйства 56
- Красная Армия 315—319, 335
- крестьяне и рабочий класс в Красной гвардии 316—319, 415, 419
- Красные сотни (в Гурии) 180
- Крестьяне
- в Грузии после независимости 420
  - в Красной Армии 315—319
  - взгляды Троцкого на 397, 399—400
  - воздействие революции на 300—302
  - возраст и отношение к революции 300—302
  - воинственность 262—263, 408
  - Жордания 414, 428
  - законодательство для 64
  - и землевладение 88, 98, 101, 106, 168—169, 212—214, 243—245
  - и помещики 320—321, 360—361
  - и рабочий класс 314—315
  - и самодержавие 205, 206—208, 276
  - и Столыпин 312—313, 368—372, 386—387
  - крестьянская экономика 153
    - Ленин и 438—440, 450—452, 453—457, 462—464
    - марксистский взгляд на 238—246, 280—281
    - петиции 146, 203—210
    - политическая деятельность (см. также Всероссийский крестьянский союз) 106, 171—192, 198—199
    - политические цели 171—176, 198, 200—226
    - самоуправление
      - в Гурии 175—182
      - в Латвии 182—185
      - в Марковской области 185—188
      - в Сумах 188—189
    - середняки 151, 277—278
- Крестьянский банк 106, 163, 312, 371
- Крестьянские волнения 78—79, 80, 88, 94—96, 99—100, 101—102
- большевики и 242—245, 248, 249, 251, 253—258
  - в 1905—1907 гг. 146—192, 246—247
  - взгляды Ленина на 246—248, 255—256
  - забастовки 151—152, 157, 165—169, 207
  - интерпретация 247—266, 273—280
  - и рабочий класс 252—253, 258—262
  - история 142—146
  - лидеры 227—238
    - большевики и 249—258
    - интеллигенция и 230—238
    - социал-демократы и 238—246, 263—265
    - эсеры и 232—236, 250—262, 389
  - меньшевики и 244—246, 248, 254
  - ответ государства на 64, 88, 153—155, 157, 162—165
  - революция в 1902 г. 39—40
- Кровавое воскресенье 74, 75, 395
- Ксенофобия 125—127, 305—307
- Кулаки 278, 205
- Латвия
- батраки в 158
  - крестьянские волнения в 151, 152, 157, 182—185
  - революция в 124—125
  - "Легальные" марксисты 48, 49, 51

- "Марковская республика" 185—188
- Марксизм, марксисты
- в РСДРП 54, 338—339, 371—393
  - взгляд на крестьян 238—270, 280—281
  - и большевизм 32—33
  - и буржуазная революция 55
  - и кадеты 334—335
  - и классовый анализ 129—132
  - интерпретация крестьянских бунтов 240—248, 270—273, 291—296
  - и политические партии 41—46, 48—51
  - как наука 54, 269—272, 340
  - "легальные марксисты" 48, 49, 51
  - "ортодоксальные марксисты" 17, 54—55, 389—393
  - после революции 1905—1907 гг. 389—390
- Меньшевики
- анализ революции 1905—1907 гг. 342—347
  - в годы независимости 417—421
  - в 1905—1907 гг. 105
  - в 1917—1920 гг. 20
  - грузинские меньшевики 407—414
  - и аграрная реформа 244—245
  - и буржуазная революция 342
  - и крестьянское восстание 244—246, 254—255
  - и "ортодоксия" 338—339
  - и раскол социал-демократов 54—56
  - Троцкий и 399—400
  - этнические группы в 59
- Московское восстание (1905 г.) 95
- Мусульмане 123, 124
- Наказы 146, 217—222
- Народ 312, 463
- Народники 29, 43, 52—53, 392—393
- Наследование 202—203
- Наука
- концепция 270
  - марксизм как 54, 269—270, 340
- Национализация (земли) 243—245, 264—265
- Национализм 93
- в Грузии 419, 423
  - в Польше 126
  - и политические партии 59—60
  - Ленин и 457—460
  - на окраинах 123—126
  - русский национализм 268, 357—359
- Национальная проблема
- и Грузия 420—421
  - Ленин и 457—460
- Национальные демократы в польских губерниях 60, 307
- Общество
- анализ 473—475, 483
  - взгляд крестьян на 204—208, 224—225
  - модели 26—27
  - организация и интерпретация истории 476—478
- Общины 233, 275—277
- Объединенное дворянство, см. Совет Объединенного Дворянства
- Октябрьская революция (1917 г.) 32, 247, 414
- Октябрьский манифест (1905 г.) 86, 92—93, 98, 134, 160
- "Ортодоксальные" марксисты, см. также марксизм
- "Освобождение" (газета) 57
- Основной закон (апрель 1906 г.) 97, 370
- Офицеры, см. также армия
- Парижская коммуна 29
- Партия народной свободы, см. также конституционных демократов
- Партия октябристов 58—59, 101, 106, 336—337
- Столыпин и 375—376, 381, 384
- Партия польских социалистов (ППС) 60, 100, 124
- Партия социалистов-революционеров (ПСР) 29—30, 44—46, 59, 93, 105
- аграрные программы 352—354
  - во Второй Думе 107—108
  - и Всероссийский крестьянский союз 210
  - идеология 352—357
  - и земельная реформа 100—102
  - и крестьяне 162, 232—236, 250—262, 389

- и программа социализации земли 352—354
- и революция 1905—1907 г. 348—356
- и теория революции 234—236, 351, 352—336
- лидеры 349—350
- партийная организация 351—353
- Первый съезд 100
- происхождение 51—53
- террор 53, 82, 351
- членство 493
- эсеры-максималисты 59, 356
- этнические группы в 308
- Плебейский социальный слой/движения 63, 313—319
- Политические лидеры российской оппозиции 365—366, 367—368
- большевиков 389—390
- кадетов 331—332
- крестьян 229—238
- межпартийная борьба в 1903—1917 г. 389—391
- меньшевиков 389—390
- после революции 328—330
- эсеров 348—350
- Политические организации 58—60
- в Закавказье 414—415
- действенность 292—293
- и государство 64—65
- и крестьянское восстание 243—247
- марксизм и 48—51
- после революции 328—366
- расколы 46—48, 54—56
- региональные организации 61
- создание 42—46, 53—54
- социальные условия и 62—64
- этнические группы в 307—309
- см. также по названиям политических партий 58—59
- Толиция 75, 78, 157—159
- и крестьянская борьба 154—155
- поддержка самодержавия 115
- реформа 373
- Тольша
- в годы революции 307
- крестьянская борьба в 151, 152, 158
- национализм в 124
- политические силы в 60, 100, 124—125
- и сельские забастовки 157—159
- смертная казнь в 89
- Помещики
- бунты против 152, 160, 164, 168, 274
- взгляды крестьян на 205
- воздействие революции на 320—321, 360—364
- действенность в годы революции 294—295
- и Совет Объединенного Дворянства 361—364, 365
- см. также дворянство
- ППС, см. Партия польских социалистов
- Правовая система 86—97
- реформа при Столыпине 373
- Пресса
- взгляды на Крестьянский союз 210
- преследования 103—104
- Столыпин и 378
- Прибалтийские губернии
- крестьянские бунты в 182—184
- социал-демократы в 124—125
- Прогрессисты 336
- "Проект 33-х" 101
- "Проект 104-х" 101, 103
- Пролетариат
- взгляды Парвуса на 394
- и крестьяне 238—266, 280—288
- как революционный класс 54, 131, 280
- Ленин 462—464
- Троцкий 397—400, 402—403
- см. также рабочий класс, промышленные рабочие
- Промышленные рабочие
- воздействие революции на 310—311
- действенность в годы революции 294, 297
- действия государства против 64
- забастовки 41—42, 89—90, 311
- и выборы в Первую Думу 93, 99—100

— как революционный класс 391—392

Профсоюзы

— запрещение 59

— легализация 309

— организация 78—79

— рост членства 129

ПСР см. Партия социалистов-революционеров

Рабочий класс 78, 80, 84

— в гражданской войне 314—319

— взгляды Троцкого на 399, 400, 403

— возраст и реакция на революцию 302—303

— воинственность 129—130

— волнения (1912—1914 гг.) 346

— грузинские меньшевики и 425—426

— и Витте 92

— и крестьяне 313—314

— и крестьянское восстание 251, 258, 263

— и Советы 135—136

— Ленин и 438—439

— марксистский взгляд на 338—340

— ПСР и 356

— статистические модели аграрных волнений (1905—1907 гг.) 282—288

— см. также промышленные рабочие, пролетариат, железнодорожные рабочие

Развивающееся общество, Россия 296, 382

Революция, ее концепция 34—35, 110—111

— Каутский о 295

— причины 69—70

— теоретические структуры для 271

— Троцкий и "перманентная революция" 393, 398, 399—401, 402—403

Революция 1905—1907 гг.

— в городах 129—136

— взгляд Чернова на 235, 236, 349, 350, 352, 354

— взгляды Ленина на 110—113, 246—248, 255—256, 453—469

— воздействие 25—27, 31—33, 298—299

— на возрастные группы 300—303

— на женщин 304—305

— на классы 309—328

— на эсеров 354—356

— на этнические окраины 305—309

— в сельских районах 16—169

— государство, самодержавие и 69, 115—172

— крестьяне в 146—163, 245—247

— модели 27—30

— начало 74—79, 83—92, 93—97

— на окраинах 122—128

— общественный класс и 129—133, 294—296

— поддержка 80

— результаты 288

— степень участия в 294

— Троцкий о поражении 400

— фон 36—42

— см. также крестьянские волнения

Редукционизм 471—484

Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП)

— в Грузии 179, 407—410

— и аграрная реформа 238—242, 258, 295—296

— идеология 54—55, 338—340

— и крестьяне 453—454

— Ленин и 437—439, 440, 442, 446—448

— ортодоксальный марксизм и 389—393

— после 1907 г. 329—330

— происхождение 48—49, 54, 55

— расколы в 54—56, 341—343

— Троцкий и 399—402

— этнические группы в 59, 308

— см. также большевики, меньшевики, социал-демократы

РСДРП, см. Российская социал-демократическая рабочая партия

Русификация 121—123, 127—128, 182, 378

Самодержавие

— армия и военно-морской флот 65—67, 116—117

— взгляды на Думу 362—364

- взгляды помещиков на 361—364, 363—365
- в Первой мировой войне 388
- в 1904 г. 66—67
- дворянство при 114
- и крестьяне 153—155, 172—174, 206—208, 312
- иностранные союзники и 118
- и Столыпин 374, 375—381
- оппозиция к 83—84, 90—91
- репрессии при 68—72, 119—120
- Черные сотни и 115
- см. также государство
- Самоуправление, см. также крестьяне
- Санкт-Петербургская бойня 9 января 1905 г. (Кровавое воскресенье) 69, 74
- Санкт-Петербургский Совет 85, 94, 129—130, 396, 401
- "второй Совет" 396
- отношение к 133—136
- Сельское хозяйство
- "аграрные беспорядки" (см. также крестьянские волнения) 77, 103, 141—144, 150 (карта)
- государственные реформы в 1905 г. 88
  - в Грузии 417—418
  - и Ленин 455—457
  - ПСР и 352—354
  - РСДРП и 257—259
  - социал-демократы и 255—259
  - столыпинские реформы 103—104, 367—372, 386—388
- забастовки 75—76, 84
- коллективизация 271
- кризис в 36, 40, 153, 268
- см. также права землевладения
- Середняки 151, 277—278
- Смертная казнь 89—90
- Совет Объединенного Дворянства 97—98, 137, 167
- вера 361—364, 365
- заявка на политическую власть 360—361
- после революции 1905—1907 гг. 357—363
- Столыпин и 381
- Совет рабочих и ремесленных представителей, см. также Санкт-Петербургский Совет
- Советы
  - отношение к 133—136
  - создание 129—130
  - споры о 258—259
  - см. также Санкт-Петербургский Совет
- Социал-демократы
  - в губерниях 123—129
  - во Второй Думе 107—108
  - евреи — социал-демократы 53, 127
  - и Всероссийский крестьянский союз 210
  - и восстание в Гурии 176—182, 292
  - и восстание в Латвии 182—185
  - и крестьянское восстание 239—244, 256—258
  - и Советы 133—134
  - лидеры 301—303, 347
  - межрайонцы-социал-демократы 400—401
  - после революции 1905—1907 гг. 327—328
  - членство 492 (см.13)
  - этнические группы в 56, 308
  - см. также большевики, меньшевики, РСДРП
- Социально-классовый анализ
  - грузинские меньшевики и 428—429
  - и землевладение 136—137
  - и крестьянское восстание 293—294
  - и революция 1905—1907 гг. 130—136
  - конфликт и 112—114, 127—129
  - марксистский анализ 129—132
  - политическая кристаллизация и 36—38, 47—48
  - РСДРП и 390—391
  - сельско-городская взаимозависимость 136
- Союз борьбы за освобождение рабочего класса 48, 434, 435
- Союз Объединенного Дворянства, см. также Совет Объединенного Дворянства
- Союз офицеров 84—117
- Союз промышленников 76

Союз русского народа, см. также "Черные сотни"
Союз Союзов 79, 132—134, 135—136
— и забастовка железнодорожных рабочих 84—85
— и Крестьянский союз 195—196
Средние классы
— акции протеста 75—76
— забастовки 129—130
— организация 78
— отношение к рабочим 179
Студенты
— государственный контроль над 64
— протесты, бунты 38—41, 75—76, 84
— роль в революции 294
Террор 59, 104—105
— ПСР 53, 82, 351
— РСДРП и 391
Третий Интернационал 447
Троцкий и неортодоксальный марксизм 393, 397—399
Трудовая фракция, см. Думы
Турция 415—416
— конфликт с Грузией 416
Украинцы 127, 158

Финляндия 86, 103, 129
Франция
— займ России 98, 295
— как модель революции 28—29
Черные сотни (Союз русского народа) 59, 87—88, 115, 171, 205, 215, 294
— и помещики 321
— после революции 338
Экономика 36, 41—42, 94
— крестьянская экономика 153
"Экономисты" (социал-демократическая фракция) 48—49, 349
Эпистемологическая терпимость 482—483
Эстонцы 124
Этика, марксистское понимание как науки 270
Этнические группы в политических партиях 59—60, 308
Этнические окраины
— воздействие революции на 307—309
— революционная борьба на 121—129
Япония, война 1904—1905 гг. 66—67, 77, 79, 118, 357

Шанин Т.

- Ш 22 Революция как момент истины. Россия 1905—1907 гг. → 1917—1922 гг.: Пер. с англ.— М.: «Весь Мир», 1997. — 560 с.

По мнению автора этой книги, профессора Теодора Шанина, первая русская революция 1905—1907 гг. стала для России «моментом истины», во многом определила ход событий 1917—1922 гг. Читатели ознакомятся с концепцией Т. Шанина, рассматривающего в новом ракурсе проблему исторических уроков и политического опыта. Книга адресована историкам, экономистам, политологам, всем, кто хочет глубже понять историю России.

Ш $\frac{0503020400 — 076}{8A7 (03) — 97}$ — без объявл.

ББК 63.3(0)53; 63.3(0)61

Научное издание
ТЕОДОР ШАНИН
Революция как момент истины
Россия 1905—1907 гг.→ 1917—1922 гг.
В авторской редакции

Оригинал макет подготовлен
Московской высшей школой социальных и экономических наук
Московская высшая школа социальных и экономических наук
117571, Москва, пр-т Вернадского, 82.

ЛР 064365 от 26.12.95. Подписано в печать 25.08.97.
Формат 60 × 90 1/16. Усл. печ. л. 35,0. Печать офсетная.
Тираж 3500 экз. Зак. 2119
ТОО Издательство «Весь Мир»
101831, Москва-Центр, Колпачный пер., 9а.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфкомбинат».
143200, Можайск, ул. Мира 93.
Качество печати соответствует качеству
представленных диапозитивов